

J. K. ROWLING  
HARRY  
POTTER  
AND THE DEATHLY HALLOWS



WILLIAM MORRIS

## Предупреждение:

Перевод книг Дж. К. Роулинг, опубликованный на сайте проекта «СНИТЧ» ([www.snitch.ru](http://www.snitch.ru)), НЕ ЯВЛЯЕТСЯ официальным и авторизованным. Его создатели работают на добровольной основе и НЕ ИЗВЛЕКАЮТ из этого никакой материальной выгоды.

Перевод предназначен исключительно для личного прочтения, и ни одна из его частей НЕ МОЖЕТ быть скопирована, перепечатана, опубликована на другом сайте или воспроизведена любым иным способом. Пересылка переводов для личного ознакомления третьим лицам возможна ТОЛЬКО при условии сохранения настоящего предупреждения. Коммерческое распространение данного перевода КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕНО.

Все права на создание и публикацию официального авторизованного перевода на русский язык принадлежат издательству «РОСМЭН» ([www.rosman.ru](http://www.rosman.ru)).

- 
- [Глава первая. Тёмный лорд идёт к власти](#)
- [Глава вторая. In Memoriam](#)
- [Глава третья. До свидания, Дурсли](#)
- [Глава четвёртая. Семь Поттеров](#)
- [Глава пятая. Павший воин](#)
- [Глава шестая. Упырь в пижаме](#)
- [Глава седьмая. Завещание Альбуса Дамблдора](#)
- [Глава восьмая. Свадьба](#)
- [Глава девятая. Убежище](#)
- [Глава десятая. Рассказ Скрипуна](#)
- [Глава одиннадцатая. Взятка](#)
- [Глава двенадцатая. Магия есть Могущество](#)
- [Глава тринадцатая. Комиссия по регистрации магглорождённых](#)
- [Глава четырнадцатая. Вор](#)
- [Глава пятнадцатая. Месть гоблина](#)
- [Глава шестнадцатая. Годрикова лошина](#)
- [Глава семнадцатая. Секрет Батильды](#)
- [Глава восемнадцатая. Жизнь и ложь Альбуса Дамблдора](#)
- [Глава девятнадцатая. Серебряная лань](#)
- [Глава двадцатая. Ксенофилий Лавгуд](#)
- [Глава двадцать первая. Сказка о трёх братьях](#)
- [Глава двадцать вторая. Дары Смерти](#)
- [Глава двадцать третья. Поместье Малфоев](#)
- [Глава двадцать четвёртая. Мастер волшебных палочек](#)
- [Глава двадцать пятая. Коттедж Ракушек](#)
- [Глава двадцать шестая. Гринготтс](#)
- [Глава двадцать седьмая. Последний тайник](#)
- [Глава двадцать восьмая. Недостающее зеркало](#)
- [Глава двадцать девятая. Пропавшая диадема](#)
- [Глава тридцатая. Увольнение Северуса Снейпа](#)
- [Глава тридцать первая. Битва при Хогвартсе](#)

- [Глава тридцать вторая. Старшая палочка](#)
- [Глава тридцать третья. Повесть Принца](#)
- [Глава тридцать четвёртая. Снова лес](#)
- [Глава тридцать пятая. Кингс-Кросс](#)
- [Глава тридцать шестая. Ошибка Темного Лорда](#)
- [Глава заключительная. Эпилог. Девятнадцать лет спустя](#)
- [Оглавление](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)

Эта
книга
посвящена
семи
одновременно:
Нилу,
Джессике,
Дэвиду,
Кензи,
Ди,
Анне

*и тебе,*

*если ты*

*был верен*

*Гарри*

*до са-*

*мого*

*кон-*

*ца.*

**О, род, недужный род!  
Не заживает рана,  
Не высыхает кровь!  
О, горя нескончаемая боль!  
О, злая тяжесть муки бесконечной!**

**Пусть дом ни от кого  
Не ждет целебных зелий.  
Он сам себя спасет  
Кровавою враждой. О том поют  
Согласным хором боги преисподней.**

**Так внимлите мольбам, помогите беде,  
Этим детям, о боги подземных глубин,  
Ниспошлите им, боги, победу!**

**Эсхил. «Жертва у гроба»  
Перевод С. К. Апта**

# Глава первая. Тёмный лорд идёт к власти

Эти двое возникли ниоткуда в нескольких ярдах друг от друга на залитой лунным светом узкой дорожке. Оба на миг замерли, направив волшебные палочки друг другу в грудь; потом, узнав друг друга, убрали палочки под плащи и быстро зашагали в одну и ту же сторону.

— Какие новости? — спросил тот, что был повыше.

— Лучше некуда, — ответил Северус Снейп.

Слева вдоль дорожки росли низкие кусты дикой ежевики, а справа — идеально подстриженная высокая живая изгородь. Двое быстро шагали между ними, и полы длинных плащей хлестали их по лодыжкам.

— Я уж думал, могу опоздать, — сказал Яксли. Грубые черты его лица то мелькали в лунном свете, то снова исчезали в тени нависших ветвей. — Труднее оказалось, чем я думал. Но, надеюсь, он останется доволен. А ты-то, похоже, уверен, что тебя он встретит хорошо?

Снейп кивнул, но пояснять не стал. Направо с дорожки вёл широкий въезд — они свернули на него. Высокая живая изгородь изгибалась здесь им навстречу и уходила вдаль за внушительные кованые ворота, преградившие их путь. Но ни один из путников не замедлил шага: оба молча подняли левую руку, будто приветствуя кого-то, и прошли сквозь тёмный металл ворот, как сквозь дым.

Тисовая изгородь приглушала звук их шагов. Где-то справа послышался шорох. Яксли снова достал волшебную палочку, целясь куда-то над головой своего спутника, но источником шума оказалось ничто иное, как белоснежный павлин, величественно вышагивавший по изгороди.

— Да, Люциус никогда себе ни в чём не отказывал. Павлины... — хмыкнул Яксли, с досадой сунув палочку обратно под плащ.

В конце прямой дорожки из темноты виднелся прекрасный особняк; в окнах первого этажа через рамы в ромбик поблёскивали огоньки. Где-то за живой изгородью в тёмном саду бил фонтан. Под ногами Снейпа и Яксли, спешивших к парадному входу, хрустел гравий. Когда они приблизились к дому, его дверь распахнулась внутрь, хотя открывшего не было видно.

Передняя особняка была просторна, слабо освещена и пышно отделана. Почти весь каменный пол покрывал роскошный ковёр. Снейп и Яксли прошли мимо бледнолицых портретов на стенах, провожаемые их взглядами. Гости остановились у массивной деревянной двери в следующую комнату. Через миг промедления Снейп повернул бронзовую ручку.

В гостиной за длинным, богато украшенным столом сидело множество людей. Остальная мебель, обычно стоявшая в комнате, была небрежно сдвинута к стенам. Комнату освещал огонь, ревавший в камине, красивую мраморную полку которого венчало позолоченное зеркало. Снейп и Яксли на пару секунд задержались на пороге. Когда их глаза привыкли к потёмкам, внимание обоих привлекла самая странная деталь обстановки: над столом вниз головой висел человек, явно без сознания, и медленно поворачивался, как будто его держала невидимая верёвка. Он отражался в зеркале сверху, а снизу — в полированной поверхности голой столешницы. Никто из людей внизу не поднимал глаз на это незаурядное зрелище, и лишь один молодой человек, который сидел почти прямо под повешенным, явно не мог удержаться и примерно раз в минуту поглядывал вверх.

— Яксли. Снейп, — раздался во главе стола высокий, звучный голос. — Вы чуть не опоздали.

Говоривший сидел прямо перед камином, и потому пришедшим поначалу было трудно разглядеть что-то кроме его силуэта. Однако когда они подошли поближе, во мраке проступило его лицо: без волос и бровей, похожее на змеиную морду, со щелями вместо ноздрей и

вертикальными зрачками в блестящих красных глазках. Он был так бледен, что, казалось, сиял жемчужно-белым светом.

— Северус — сюда, — сказал Вольдеморту, указав на место справа от себя.

— Яксли — рядом с Долоховым.

Оба заняли отведённые им места. Большинство глаз за столом следило за Снейпом; к нему-то первому и обратился Вольдеморту.

— Итак?

— Повелитель, Орден Феникса хочет перевезти Гарри Поттера из текущего укрытия в следующую субботу, на закате.

За столом все ощутимо оживились: кто-то застыл, кто-то заёрзал — и все неотрывно смотрели на Снейпа и Вольдеморта.

— В субботу... на закате, — повторил Вольдеморту. Его красные глаза впились в чёрные глаза Снейпа так цепко, что некоторые из наблюдавших за разговором отвернулись, явно опасаясь, что лютый взгляд хозяина испепелит их самих. Но Снейп невозмутимо смотрел в лицо Вольдеморту, и через пару мгновений безгубый рот Вольдеморта скривился в каком-то подобии улыбки.

— Хорошо. Очень хорошо. И сведения эти...

— ... от осведомителя, о котором мы с вами уже говорили, — ответил Снейп.

— Повелитель.

Яксли наклонился вперёд, глядя через длинный стол на Вольдеморта и Снейпа. Все лица обернулись к нему.

— Повелитель, я слышал другое.

Яксли выжидательно помолчал, однако и Вольдеморту не сказал ничего, и он продолжил:

— Аврор Долиш проболтался, что Поттера перевезут только тридцатого, вечером накануне семнадцатилетия мальчишки.

Снейп улыбался.

— Мой осведомитель сказал, что они планируют пустить нас по ложному следу — вот вам и ложный след. Долиш явно под заклятием Запутус. Это уже не первый раз; известно, что он легко поддаётся чарам.

— Уверяю вас, повелитель, по-моему, Долиш был абсолютно убеждён в том, что говорил, — сказал Яксли.

— Конечно, убеждён, если его запутали, — сказал Снейп. — Уверяю тебя, Яксли, Главное управление авроров больше не будет играть никакой роли в защите Гарри Поттера. Орден считает, что мы внедрились в Министерство.

— Ну хоть что-то Орден понял, да? — сказал коренастый человек, сидевший неподалёку от Яксли. Его надсадный смешок отозвался эхом среди сидящих за столом.

Вольдеморту не засмеялся. Его взгляд рассеянно поднялся вверх, остановившись на теле, медленно кружившемся над столом. Он как будто всерьёз задумался.

— Повелитель, — продолжал Яксли, — Долиш считает, что для перевозки мальчишки будет задействован целый отряд авроров...

Вольдеморту поднял свою большую белую руку, и Яксли тут же смолк, с обидой глядя, как Вольдеморту повернулся к Снейпу.

— Где они спрячут мальчишку потом?

— В доме одного из членов Ордена, — ответил Снейп. — Как говорит мой осведомитель, Орден и Министерство обеспечили этому месту всю защиту, какую только смогли. И по-моему, повелитель, там мы его вряд ли возьмём, если, конечно, Министерство не падёт до следующей субботы. Тогда у нас был бы шанс обнаружить и обезвредить достаточно заклятий, чтобы

прорваться сквозь остальные.

— Ну, Ясли? — обратился через стол Вольдемор. В его красных глазках странно плясали отблески огня. — Так падёт Министерство к следующей субботе?

И снова все головы обернулись. Ясли расправил плечи.

— Повелитель, на этот счёт у меня хорошая новость. Мне — с трудом, ценой больших усилий — удалось наложить на Пия Тикнесса заклятие Империи.

Многие из сидевших вокруг Ясли были явно впечатлены. Его сосед Долохов, человек с вытянутым и перекошенным лицом, похлопал его по спине.

— Начало положено, — сказал Вольдемор. — Но Тикнесс — это всего один человек. Чтобы я мог что-то предпринять, Скримджера должны окружать наши люди. Единственное неудачное покушение на жизнь Министра отбросит меня далеко назад.

— Верно, повелитель, но вы же знаете, что Тикнесс, как глава Департамента магического правопорядка, постоянно находится в контакте не только с самим Министром, но и с главами всех остальных департаментов Министерства. Я думаю, теперь, когда нам подконтролен такой высокопоставленный чиновник, остальных подчинить будет легко, а все они сообща могут свергнуть Скримджера.

— Если только нашего друга Тикнесса не разоблачат до того, как мы обработаем остальных, — заметил Вольдемор. — В любом случае, вряд ли до следующей субботы Министерство будет моим. Если в пункте назначения до мальчишки нам не добраться, нужно сделать это по пути.

— И тут, повелитель, у нас преимущество, — сказал Ясли, явно не оставляя попыток заслужить свою долю одобрения. — Несколько наших людей уже внедрено в Департамент магического транспорта. Если Поттер аппаратует или воспользуется дымолётной сетью, мы немедленно об этом узнаем.

— Не сделает Поттер ни того, ни другого, — сказал Снейп. — Орден избегает любых видов транспорта, подконтрольного Министерству или управляемого им. Они не доверяют ничему, что с ним связано.

— Ну и отлично, — отозвался Вольдемор. — Ему придётся передвигаться открыто. Так его будет намного легче схватить.

И, снова взглянув на медленно поворачивающееся тело, продолжил:

— Мальчишку я беру на себя. Слишком уж много с Гарри Поттером наделано ошибок. И некоторые сделал я сам. Этот Поттер до сих пор жив благодаря скорее моим ошибкам, чем своим победам.

Собравшиеся за столом опасливо поглядывали на Вольдеморта: судя по выражениям лиц, каждый боялся, что и его могут обвинить в затянувшемся существовании Гарри Поттера. Но Вольдемор, по-видимому, разговаривал скорее с собой, чем с кем-то из них, всё так же обращаясь к висевшему над ним бесчувственному телу.

— Я был неосмотрителен, а потому удача и случай, эти крушители всех планов, кроме лучших, препятствовали мне. Но теперь я научен опытом. Я понимаю то, чего не понимал раньше. Убить Гарри Поттера должен именно я, и я его убью.

И будто в ответ на эти слова, раздался внезапный вопль — жуткий, протяжный крик страдания и боли. Многие из собравшихся за столом, вздрогнув, посмотрели вниз: звук как будто шёл у них из-под ног.

— Червехвост, — всё так же спокойно и задумчиво сказал Вольдемор, не сводя взгляда с поворачивающегося наверху тела, — разве я не говорил тебе, что пленница должна помалкивать?

— Да, п-повелитель, — охнул человечек с середины стола, согнувшийся так низко, что его

стул на первый взгляд казался свободным. Теперь же он неуклюже поднялся с места и суетливо просеменил из комнаты, оставив после себя лишь странный серебристый отсвет.

— Как я говорил, — продолжил Вольдемор, снова глядя в напряжённые лица своих последователей, — теперь мне всё понятнее. Например, то, что мне придётся позаимствовать у одного из вас палочку, чтобы убить Поттера.

На лицах сидевших вокруг отразилось лишь потрясение; с таким же успехом он мог бы объявить, что хочет позаимствовать у кого-то руку.

— Добровольцев нет? — спросил Вольдемор. — Ну, посмотрим... Люциус, тебе, по моему, палочка больше не нужна.

Люциус Малфой поднял глаза. При свете камина кожа его казалась желтоватой, восковой; глаза его запали и были обведены кругами. Он заговорил, и голос его был хриплым.

— Повелитель?

— Твоя палочка, Люциус. Мне понадобится твоя палочка.

— Я...

Малфой покосился на жену. Бледная, как и он сам, она неподвижно смотрела перед собой; длинные белокурые волосы неподвижно лежали на спине. Но под столом её тонкие пальцы на миг сомкнулись на его запястье. От этого прикосновения Малфой запустил руку в складки мантии, вынул палочку и передал её Вольдеморту. Тот поднял её перед собой, внимательно рассматривая.

— Из чего она?

— Из вяза, повелитель, — прошептал Малфой.

— А стержень?

— Из дракона — из сердечной струны дракона.

— Хорошо, — сказал Вольдемор. Он вынул свою палочку и сравнил их длину. Люциус Малфой непроизвольно дёрнулся; казалось, долю секунды он ожидал, что в обмен на свою волшебную палочку он получит палочку Вольдеморта. Этот жест не ускользнул от внимания Вольдеморта, глаза которого злобно расширились.

— Отдать тебе мою палочку, Люциус? Мою палочку?

В массе присутствующих кто-то усмехнулся.

— Я дал тебе волю, Люциус, разве этого тебе мало? Однако я заметил, что ты и твоя семья в последнее время как будто не слишком-то довольны... Моё присутствие в твоём доме чем-то тебя стесняет, Люциус?

— Ничем — ничем, повелитель!

— Какая ложь, Люциус...

Жестокий рот уже перестал двигаться, но ласковое шипение, казалось, было всё ещё слышно. И оно становилось всё громче. Пара волшебников за столом с трудом сдерживали дрожь: все слышали, как что-то тяжело проскользило по полу под столом.

Вверх по креслу Вольдеморта медленно вползала огромная змея. Она всё поднималась и поднималась и наконец улеглась ему на плечи. Её шея была толщиной с человеческую ногу; её глаза с вертикальными щелями зрачков смотрели не мигая. Вольдемор рассеянно погладил тварь своими длинными, тонкими пальцами, не сводя глаз с Люциуса Малфоя.

— Почему же мне кажется, что Малфои недовольны своей участью? Разве не они столько лет заявляли, что желают моего возвращения и моего возвышения?

— Конечно, повелитель, — сказал Люциус Малфой. Дрожащей рукой он вытер с верхней губы пот. — Мы и правда этого желали — и желаем до сих пор.

Сидевшая слева от него жена странно, натянуто кивнула, не глядя на Вольдеморта и змею. Сын Малфоя Драко, сидевший справа, поглядывая на неподвижное тело вверх, мельком



глянул на Вольдеморта и в ужасе отвернулся, не смея встретиться с ним взглядом.

— Повелитель, — сдавленным от волнения голосом сказала темноволосая женщина, с середины стола, — принимать вас здесь, в семейном имении, честь для нас. Нет большей радости.

Она сидела рядом с сестрой, темноволосая, с тяжёлыми веками — так же непохожая на неё внешне, как и по осанке и манерам. Нарцисса сидела за столом напряжённая и безучастная; Беллатрикс же тянулась в сторону Вольдеморта: одни слова не могли выразить её жажду быть к нему ближе.

— Нет большей радости, — повторил Вольдеморт, слегка наклонив голову набок и разглядывая Беллатрикс. — В твоих устах, Беллатрикс, этого много значит.

Она залилась краской; в глазах её стояли слёзы восторга.

— Повелитель знает, что я говорю чистую правду!

— Нет большей радости... даже счастливое событие, которое, я слышал, произошло на этой неделе в вашей семье?

Она уставилась на него, приоткрыв рот, в явном недоумении.

— Я говорю о твоей племяннице, Беллатрикс. И вашей, Люциус и Нарцисса. Она только что вышла замуж за оборотня, Рема Люпина. Вы, наверное, так горды.

За столом раздался взрыв насмешливого хохота. Многие наклонились вперёд, чтобы обменяться торжествующими взглядами; некоторые ударяли кулаками по столу. Гигантская змея, недовольная таким переполохом, широко раскрыла пасть и сердито зашипела, но ликующие пожиратели смерти, радуясь унижению Беллатрикс и Малфоев, её не слышали. Лицо Беллатрикс, ещё недавно румяное от радости, покрылось уродливыми красными пятнами.

— Она нам не племянница, повелитель, — ответила она, перекрикивая всеобщее веселье. — Мы — Нарцисса и я — не видели сестру с тех пор, как она вышла замуж за грязнокровку. Ни у кого из нас нет ничего общего ни с этим отродьем, ни со зверьём, за которое она выходит замуж.

— А что скажешь ты, Драко? — спросил Вольдеморт тихим, но явственно слышимым среди свиста и насмешек голосом. — Будешь сидеть с волчатами?

Это развеселило собравшихся ещё больше; Драко Малфой в ужасе взглянул на отца, уставившегося в собственные колени, а потом встретился взглядом в мать. Она едва заметно мотнула головой и снова с каменным лицом уставилась на стену напротив.

— Довольно, — сказал Вольдеморт, поглаживая рассерженную змею. — Довольно.

И смех тут же угас.

— Многие из наших самых древних родословных деревьев со временем слегка заболевают, — сказал он Беллатрикс, которая не дыша, умоляюще смотрела на него во все глаза. — Чтобы сохранять их здоровыми, их нужно подрезать, не так ли? Отсекать те части, которые угрожают здоровью остальных.

— Да, повелитель, — прошептала Беллатрикс, и её глаза снова наполнились слезами благодарности. — При первой же возможности!

— Она у вас будет, — ответил Вольдеморт. — И в мире, как и в вашей семье... мы будем вырезать поражающую нас гниль, пока не останется лишь истинная кровь...

Вольдеморт поднял палочку Люциуса Малфоя, наставил её прямо на медленно поворачивающуюся фигуру, подвешенную над столом, и едва уловимо шевельнул рукой. Фигура со стоном ожила и начала рваться из невидимых пут.

— Ты узнаёшь нашу гостью, Северус? — спросил Вольдеморт.

Снейп поднял глаза на перевёрнутое лицо. Теперь все пожиратели смерти смотрели на пленницу, как будто получили разрешение проявить любопытство. Повернувшись к камину, женщина надтреснутым голосом в ужасе произнесла:

— Северус! Помоги!

— А, да, — сказал Снейп, а пленница снова медленно повернулась.

— А ты, Драко? — спросил Вольдеморт, свободной рукой поглаживая морду змеи. Драко нервно мотнул головой. Теперь, когда женщина проснулась, он, похоже, уже не мог на неё смотреть.

— Но ты бы к ней на занятия не пошёл, — сказал Вольдеморт. — Для тех, кто не знает, сегодня с нами Черити Барбидж, до недавних пор преподававшая в Школе магии и волшебства Хогвартс.

За столом раздался шумок понимания. Какая-то коренастая сгорбленная женщина с острыми зубами загоготала.

— Да... профессор Барбидж учила детей волшебниц и волшебников всему, что касается магглов... учила, что мы с ними не такие уж и разные...

Один из пожирателей смерти сплюнул на пол. Черити Барбидж снова повернулась лицом к Снейпу.

— Северус... пожалуйста... пожалуйста...

— Молчать, — сказал Вольдеморт. Волшебная палочка Малфоя снова дёрнулась, и Черити смолкла, будто ей в рот сунули кляп. — Профессор Барбидж, недовольная развращением и засорением умов детей волшебников, на прошлой неделе написала в «Ежедневный пророк» прочувствованное послание в защиту грязнокровок. Волшебники, говорит она, должны принять этих воров своего знания и волшебства. Вырождение чистокровных волшебников, говорит профессор Барбидж, самое что ни на есть желательное явление... Её бы воля, она бы нас всех скрестила с магглами... и уж конечно с оборотнями...

На этот раз не смеялся никто. Теперь в голосе Вольдеморта невозможно было не услышать гнева и презрения. Черити Барбидж в третий раз повернулась к Снейпу. Из глаз ей в волосы стекали слёзы. Снейп совершенно бесстрастно встретил её взгляд, и она снова медленно отвернулась.

— Авада Кедавра!

Зелёная вспышка осветила каждый уголок комнаты. Черити с гулким грохотом упала на стол, который задрожал и скрипнул. Несколько пожирателей смерти подскочили на стульях и отпрянули назад. Драко упал со своего на пол.

— Ужин, Нагини, — ласково произнёс Вольдеморт, и огромная змея, качнувшись, скользнула с его плеч на полированное дерево.

## Глава вторая. In Memoriam

Гарри порезался до крови. Сжимая левой рукой правую и ругаясь себе под нос, он плечом открыл дверь своей комнаты. Раздался хруст раздавленного фарфора — он наступил на чашку с холодным чаем, которая стояла на полу за дверью его спальни.

— Что за?..

Он огляделся — лестничная площадка дома номер четыре по Бирючиновому проезду была пуста. Наверное, эта чашка чая в представлении Дадли была остроумной ловушкой-сюрпризом. Подняв повыше свою окровавленную руку, Гарри другой рукой сгрёб осколки чашки и кинул их в мусорную корзину, и без того уже переполненную, которая едва виднелась в глубине его комнаты. Потом он побрёл в ванную, чтобы сунуть палец под кран.

Так глупо, бессмысленно, невероятно досадно, что должны пройти ещё четыре дня до того, как он сможет колдовать... но приходилось признать, что с этим неровным порезом на пальце он бы всё равно не справился. Его не учили исцелять раны, и теперь он об этом задумался — особенно если учесть его ближайшие планы — пожалуй, это серьёзное упущение в магическом образовании. Взяв себе на заметку, что надо спросить у Гермионы, как это делается, он взял большой ком туалетной бумаги и промокнул чай, насколько мог, после чего вернулся в свою комнату и захлопнул за собой дверь.

Гарри провёл утро, полностью разгружая свой школьный сундук в первый раз с тех пор, как собрал его шесть лет назад. В начале каждого последующего учебного года он просто вынимал верхние три четверти содержимого, а потом клал вещи обратно или заменял на новые, оставляя на дне слой всевозможного хлама: старые перья, сушёные глаза жуков, разрозненные носки, которые уже не налезали. Пару минут назад Гарри сунул руку в эту массу, почувствовал острую боль в безымянном пальце правой руки, отдернул её и увидел, что она вся в крови.

Теперь он действовал чуть осторожнее. Снова опустившись на колени возле сундука, он пошарил на дне и после того, как извлёк старый значок, который слабо вспыхивал, по очереди показывая надписи «Поддержим СЕДРИКА ДИГГОРИ» и «ПОТТЕР ВОНЮЧКА», треснутый и потёртый вредноскоп и золотой медальон, в котором была спрятано послание с подписью Р.А.Б., нашёл наконец тот острый край, что ранил его. Он узнал его сразу. Это был двухдюймовый осколок заколдованного зеркала, которое подарил ему покойный крёстный, Сириус. Гарри отложил его в сторону и осторожно пошарил в сундуке, ища остальное, но от последнего подарка крёстного больше ничего не осталось, кроме раскрошенного стекла, осыпавшего самый нижний слой хлама сверкающей пылью.

Гарри выпрямился и посмотрел в неровный осколок, которым он порезался, но не увидел там ничего — на него смотрел только один ярко-зелёный глаз его собственного отражения. Тогда он положил осколок на утренний выпуск «Ежедневного Пророка», лежавший непрочитанным на кровати, и попытался подавить внезапный прилив горестных воспоминаний, уколов сожаления и тоски, который вызвала находка разбитого зеркала, решительно взявшись за оставшийся в сундуке хлам.

Ещё час понадобился ему на то, чтобы опустошить его окончательно, выбросить всё ненужное, а остальное разложить по кучам в зависимости от того, понадобится ли ему это в дальнейшем. Школьную мантию и форму для квиддича, котёл, пергамент, перья и большую часть учебников он свалил в кучу, чтобы оставить здесь. Интересно, что сделают с ними дядя с тётей; наверное, сожгут глухой ночью, как будто эти вещи — свидетельство какого-то ужасного преступления. Маггловскую одежду, плащ-невидимку, набор для зельеварения, кое-какие книги, альбом с фотографиями, что когда-то подарил ему Хагрид, пачку писем и волшебную палочку

он уложил в старый рюкзак. В переднем кармане помещались карта мародёра и медальон с запиской от Р.А.Б. Медальону было отведено это почётное место вовсе не оттого, что он был ценен — в обычном смысле слова он был бесполезен — но из-за того, какой ценой он достался.

Теперь осталась только изрядная кipa газет, лежавшая на письменном столе рядом с его белой совой, Хедвиг — по одной на каждый из дней, что Гарри провёл этим летом на Бирючиновом проезде.

Он поднялся с пола, потянулся и направился к столу. Хедвиг не пошевелилась, когда он начал быстро просматривать газеты, одну за другой швыряя их в кучу мусора. Сова спала, а может быть, и притворялась: она сердилась на Гарри за то, что в эти дни он слишком мало выпускал её из клетки.

Приближаясь к низу газетной стопки, Гарри замедлился. Он искал один конкретный номер, который пришёл, как ему помнилось, вскоре после его возвращения на Бирючиновыи проезд на лето; он помнил, что там на первой странице было краткое упоминание об отставке Чарити Бербедр, преподавательницы маггловедения в Хогвартсе. Наконец он нашёл его. Открыв десятую страницу, он уселся на стул возле письменного стола и перечёл ту статью, которую искал.

### **Элфиас Додж: В ПАМЯТЬ АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА**

*Я познакомился с Альбусом Дамблдором, когда мне было одиннадцать лет, в день нашего первого приезда в Хогвартс. Наша взаимная склонность была, несомненно, вызвана тем, что оба мы ощущали себя изгоями. Я непродолжительно переболел драконьей оспой перед самым приездом в школу, и хотя уже не был заразен, мои оспины и зеленоватый цвет лица немногих вдохновляли на знакомство со мной. Альбус, в свою очередь, приехал в Хогвартс, обременённый невольной дурной славой. Не далее как за год до этого его отец, Персиваль, был обвинён в жестоком нападении на трёх молодых магглов, которое наделало много шума.*

*Альбус никогда не пытался отрицать, что его отец (впоследствии умерший в Азкабане) совершил это преступление; напротив, когда я набрался смелости и спросил его, он уверил меня, что знает: отец его виновен. Помимо того раза, Дамблдор не желал говорить об этой печальной истории, хотя многие пытались вызвать его на это. Некоторые даже склонны были хвалить поступок его отца и полагали, что и Альбус такой же магглоненавистник. Они не могли ошибаться сильнее: всякий, кто знал Альбуса, подтвердит, что он никогда не проявлял ни малейших антимэггловских тенденций. В самом деле, за свою решительную поддержку прав магглов он приобрёл в последующие годы немало врагов.*

*Однако шли месяцы, и собственная слава Альбуса начала затмевать славу его отца. К концу первого курса уже никто больше не назвал бы его сыном магглоненавистника, — нет, теперь он был ни больше ни меньше как самый блестящий ученик, какого когда-либо знала эта школа. Те из нас, кто был удостоен его дружбой, много выиграли от его примера, не говоря уже о его помощи и одобрении, на которые он всегда был щедр. Позже он признался мне, что уже тогда понял, какое великое наслаждение для него учить других.*

*Мало того, что он завоевал все почётные награды, какие могла дать школа — скоро он уже вёл регулярную переписку с самыми выдающимися магами тех дней, среди которых Николас Фламель, прославленный алхимик, Батильда Бэгшот,*

знаменитый историк, и Адальберт Ваффлинг, теоретик магии. Некоторые его труды попали в научные издания, такие как «Трансфигурация сегодня», «Загвоздки заклинаний» и «Практический зельевар». Казалось, будущая карьера Дамблдора должна быть яркой и стремительной, и оставался только один вопрос: когда он станет министром магии. Хотя в позднейшие годы часто предсказывали, что он вот-вот займёт эту должность, но он никогда не мечтал о министерстве.

Через три года после того, как мы начали учиться в Хогвартсе, в школу поступил брат Альбуса, Аберфорт. Они были непохожи: Аберфорт был далёк от учёности и, в отличие от Альбуса, больше любил решать споры на дуэли, чем в аргументированном споре. Было бы, однако, вовсе неверно предполагать, как это делают некоторые, что между братьями не было дружбы. Они уживались настолько мирно, насколько это было возможно для двух столь разных мальчиков. Отдавая справедливость Аберфорту, следует признать, что жизнь в тени Альбуса никак нельзя было назвать совершенно приятной. Дружба с ним заключала в себе постоянный риск того, что он вечно будет затмевать тебя, и для брата дело обстояло ничуть не лучше. Когда мы с Альбусом окончили Хогвартс, мы собирались вместе отправиться в путешествие по миру, как было тогда принято, посещать и наблюдать волшебников разных стран, а потом заняться каждый своей карьерой. Но несчастье нарушило наши планы. В самый канун нашего путешествия умерла мать Альбуса, Кендра, оставив Альбуса главой семьи и её единственным кормильцем. Я отложил свой отъезд настолько, чтобы отдать Кендре последнюю дань на погребении, а потом отправился в путь, который теперь мне предстояло проделать одному. Не могло быть и речи о том, чтобы Альбус отправился со мной, когда на нём оставались младший брат и сестра, а денег было совсем мало.

То было время в нашей жизни, когда мы общались меньше всего. Я писал Альбусу, расписывая, возможно, бестактно, чудеса моего путешествия, начиная с химер в Греции, от которых я ускользал с риском для жизни, и заканчивая экспериментами египетских алхимиков. Его письма мало что говорили мне о его повседневной жизни, которая, как я догадывался, была удручающе скучна для столь блестящего волшебника. Захваченный впечатлениями, с ужасом я узнал, когда год моих странствий близился к концу, что семью Дамблдора постигла ещё одна трагедия: смерть его сестры Арианы.

Хотя Ариана уже давно была слаба здоровьем, удар этот, последовавший так скоро после утраты матери, глубоко поразил обоих братьев. Все, кто был близок Альбусу — а я считаю себя принадлежащим к числу этих счастливых — согласны, что смерть Арианы и то, как Альбус её пережил, ощущая свою личную ответственность за неё (хотя его вины, разумеется, тут не было), навсегда оставили на нём свой след.

Я возвратился домой и нашёл молодого человека, который перенёс страдания впору человеку гораздо более взрослому. Альбус стал сдержаннее, чем раньше, и почти утратил свою беззаботность. Вдобавок ко всем его несчастьям, потеря Арианы привела не к возрождению близости, но к отчуждению между Альбусом и Аберфортом. (Со временем оно пройдёт — в позднейшие годы они вновь наладили отношения, которые стали если не близкими, то, безусловно, сердечными.) Однако с той поры он редко заговаривал о своих родителях и Ариане, и его друзья усвоили, что о них не следует упоминать.

Пусть другие живописуют триумфы следующих лет. Бесчисленные вклады

*Дамблдора в копилку магического знания, в том числе его открытие двенадцати способов применения крови дракона, послужат будущим поколениям, как и мудрость, которую он выказывал в многочисленных судебных решениях, будучи верховным магом Визенгамота. И до сих пор говорят, что ни одна волшебная дуэль не может сравниться с той, что была между Дамблдором и Гриндельвальдом в 1945 году. Те, кто был при этом, описывали, какой ужас и трепет они испытывали, глядя, как бьются эти два непревзойдённых чародея. Победа Дамблдора и её последствия для волшебного мира считаются поворотным моментом в магической истории, сравнимым с введением Международного Устава секретности или падением Того-Кого-Нельзя-Называть.*

*Альбус Дамблдор никогда не был гордым или тщеславным; он умел найти достоинства в каждом, каким бы тот ни казался жалким или незначительным, и я думаю, что ранние утраты наделили его великой человечностью и состраданием. Я не могу выразить, как мне будет не хватать его дружбы, но моя потеря ничто в сравнении с потерей волшебного мира. То, что он был самым любимым и вселявшим вдохновение из всех директоров Хогвартса — вне всяких сомнений. Он умер так же, как жил: вечно трудившийся ради высшего блага и до последней минуты всё так же готовый протянуть руку мальчику с драконьей оспой, как в тот день, когда мы впервые встретились.*

Гарри окончил читать, но всё не отрывал взгляда от фотографии, сопровождавшей некролог. На лице Дамблдора была знакомая добрая улыбка, но когда он взглядывал поверх своих очков-полумесяцев, создавалось впечатление, что он даже с газетного листа просвечивает Гарри словно рентгеном, и грусть смешалась в нём с чувством унижения.

Он думал, что неплохо знает Дамблдора, но после того, как прочёл этот некролог, он вынужден был признать, что едва ли вообще знал его. Он ни разу не пытался представить Дамблдора в детстве или юности, как будто тот сразу появился на свет таким, каким помнил его Гарри — старым, почтенным и седовласым. Представить Дамблдора подростком было попросту дико, всё равно что пытаться вообразить глупую Гермиону или добродушного взрывохвостого хлопстера.

Ему никогда не приходило в голову спросить Дамблдора о его прошлом. Разумеется, это показалось бы странным, даже дерзким, но ведь, в конце концов, каждый знал, что Дамблдор сражался в той легендарной дуэли с Гриндельвальдом, а Гарри и не подумал спросить Дамблдора, как это было, и о других его знаменитых достижениях тоже. Нет, они всегда говорили только о нём, Гарри — о прошлом Гарри, о будущем Гарри, о планах Гарри... а теперь Гарри казалось, несмотря на то, что его будущее казалось таким опасным и неопределённым, что он упустил невозвратимые возможности, не расспросив Дамблдора побольше о нём самом. И неважно, что единственный личный вопрос, который он задал своему директору, был также и единственным, на который, как он подозревал, Дамблдор не ответил откровенно:

«А что видите вы, когда смотрите в это зеркало?»

«Я? Я вижу, как держу в руках пару толстых шерстяных носков».

После недолгого раздумья Гарри вырвал некролог из «Пророка», аккуратно сложил и сунул его в первый том учебника «Практическая защитная магия и её применение против тёмных сил». Потом он бросил остаток газеты на гору хлама, повернулся и посмотрел на свою комнату. Здесь стало гораздо опрятнее. Единственное, что осталось не на месте — сегодняшний «Ежедневный Пророк», по-прежнему валявшийся на кровати, и на нём осколок разбитого зеркала.

Гарри прошёл через комнату, скинул кусок зеркала с сегодняшнего «Пророка» и развернул газету. Когда рано утром он забирал её, свёрнутую в трубку, у совы-разносчицы, он едва глянул на заголовок и отбросил газету, увидев, что там ничего не говорится о Вольдеморте. Гарри не сомневался, что Министерство полагается на «Пророк» в замалчивании новостей о Вольдеморте. Поэтому он только сейчас заметил, что кое-что пропустил.

На первой странице внизу был мелкий заголовок над фотографией Дамблдора, который быстро шагал куда-то, вид у него был встревоженный:

## ***ДАМБЛДОР: НАКОНЕЦ-ТО ПРАВДА?***

*На будущей неделе выходит в свет шокирующая история порочного гения, которого многие считают величайшим волшебником своего поколения. Развенчивая популярный образ безмятежного седобородого мудреца, Рита Вритер раскрывает разрушенное детство, преступную юность, вражду длиной в жизнь и постыдные тайны, которые Дамблдор унёс с собой в могилу. ПОЧЕМУ тот, кому пророчили стать министром магии, довольствовался всего лишь должностью директора школы? КАКОВА была истинная цель тайной организации, известной под названием Орден Феникса? КАК на самом деле Дамблдор встретил свой конец?*

*Ответы на эти и многие другие вопросы раскрываются в новой сенсационной биографии «Жизнь и ложь Альбуса Дамблдора», автор — Рита Вритер. Читайте эксклюзивное интервью Берри Брейтуэйт на странице 13.*

Гарри стремительно раскрыл газету и отыскал страницу тринадцать. Статью увенчивала фотография, изображавшая ещё одно знакомое лицо: женщина в очках, украшенных драгоценными камнями, с тщательно уложенными завитками белокурых волос оскалила зубы, явно подразумевая под этим улыбку победителя, и махала ему кончиками пальцев. Прилагая все усилия, чтобы не смотреть на это мерзкое зрелище, Гарри начал читать.

*В жизни Рита Вритер гораздо мягче и приветливее, чем может показаться из её известных своей беспощадностью словесных портретов. Встретив меня в прихожей своего уютного дома, она ведёт меня прямоком на кухню, где меня ждёт чашка чая, кусок кекса, ну и само собой разумеется, дымящийся котёл самых свежих сплетен.*

*— Да, конечно, Дамблдор — просто мечта для биографа, — говорит Вритер. — Такая долгая, насыщенная жизнь. Я уверена, что моя книга будет первой из очень, очень многих.*

*Вритер, безусловно, сделала быстрый старт. Книга в девятьсот страниц была завершена всего за четыре недели, считая от загадочной смерти Дамблдора в июне. Я спросила её, как ей удалось поставить этот рекорд скорости.*

*— Ну, когда работаешь журналистом так же долго, как я, придерживаться жёсткого графика становится второй натурой. Я знала, что волшебный мир жаждет узнать всю историю, и хотела быть первой, кто удовлетворит эту жажду.*

*Я упоминаю о недавних, широко растиражированных замечаниях Элфиаса Доджа, особого консультанта Визенгамота и старинного друга Альбуса Дамблдора, будто бы «в книге Вритер меньше фактов, чем на карточке от шоколадной лягушки». Вритер со смехом откидывает голову.*

*— Славный Доджи! Я, помнится, пару лет назад брала у него интервью о правах*

русалок, дай бог ему здоровья. Совсем из ума выжил — ему, похоже, казалось, что мы сидим на дне озера Уиндермир, всё твердил мне, чтобы я остерегалась форели.

И всё же обвинения в неточности со стороны Элфиаса Доджа получили отклик во многих местах. Действительно ли Вритер считает, что четырёх коротких недель достаточно, чтобы собрать полную картину долгой и удивительной жизни Дамблдора?

— Ах, милая, — широко улыбается Вритер, ласково похлопывая меня по костяшкам пальцев, — вы не хуже меня знаете, сколько можно раздобыть сведений, когда у тебя есть тугой мешок галеонов, славное острое прытко пишущее перо и когда ты отказываешься слышать слово «нет»! Да люди и так в очередь вставали, чтобы облить грязью Дамблдора. Не все, знаете ли, считали его таким уж замечательным — он наступил на мозоль многим важным особам. И старине Доджи-До пора бы попридержаться своих гиппогрифов, потому что я добралась до такого источника, за который многие журналисты отдали бы свои палочки — человека, который никогда прежде не выступал публично и который был близок к Дамблдору в самое бурное и беспокойное время его юности.

Предварительная широкая огласка биографии, написанной Вритер, определённо заставляет предположить, что в ней припасено немало потрясений для тех, кто верит в то, что Дамблдор вёл безупречную жизнь. Я спрашиваю, какие самые большие сюрпризы из тех, что она преподносит?

— Нет-нет, даже не думайте. Бетти, я не собираюсь выдавать всё самое интересное, пока никто не купил книгу! — смеётся Вритер. — Но могу обещать, что всякого, кто до сих пор думает, что Дамблдор был такой же белый и пушистый, как его борода, ждёт суровое пробуждение! Скажем, к примеру, что никому из тех, кто слышал его гневные речи против Сами-Знаете-Кого, и во сне бы не приснилось, что в молодости он и сам баловался тёмными силами! И этот волшебник, который все последние годы призывал к терпимости, сам раньше не был таким уж либеральным! Да, у Альбуса Дамблдора чрезвычайно туманное прошлое, уж не говоря о его весьма подозрительной семейке, которую он так старательно скрывал.

Я спрашиваю Вритер, имеет ли она в виду брата Дамблдора, Аберфорта, обвинённого Визенгамотом за злоупотребление магией, что вызвало небольшой скандал пятнадцать лет назад.

— О, Аберфорт — всего лишь вершина навозной кучи, — смеётся Вритер. — Нет-нет, я говорю кое о чём похуже братца-любителя повалять дурака с козлами, и даже хуже, чем папаша, калечащий магглов — да и всё равно Дамблдор не мог ничего скрывать об этих двоих, они оба были осуждены Визенгамотом. Нет, меня заинтересовали мать и сестра, и, копнув поглубже, я нашла настоящее гнездо мерзости — но, как я уже говорила, подробностей вам придётся подождать, это главы с девятой по двенадцатую. Всё, что могу сказать сейчас: неудивительно, что Дамблдор никогда не рассказывал о том, как ему сломали нос.

Если отвлечься от семейных тайн, не отрицает ли Вритер блестящий ум, благодаря которому Дамблдор сделал столько магических открытий?

— Мозги у него были, — признаёт она, — хотя сейчас многие сомневаются, действительно ли можно приписывать ему заслуги за все его предполагаемые достижения. Как рассказывается у меня в шестнадцатой главе, Айвор Диллонсби утверждает, что сам уже открыл восемь способов применения крови дракона, когда Дамблдор «позаимствовал» его записи.



*Я позволяю себе заметить, что нельзя всё же отрицать важности некоторых достижений Дамблдора. А как же его знаменитая победа над Гриндельвальдом?*

*— О, прекрасно, я рада, что вы упомянули Гриндельвальда, — отвечает Вритер с такой дразнящей улыбкой. — Боюсь, те, кто готов прослезиться по поводу потрясающей победы Дамблдора, должны подготовиться к взрыву бомбы — или, может быть, навозной бомбы? Дело и вправду грязное. Скажу одно: не будьте так уверены, что там и вправду была потрясающая, легендарная дуэль. Когда люди прочитают мою книгу, возможно, им придётся сделать вывод, что Гриндельвальд попросту наколдовал из кончика волшебной палочки белый платочек и тихо удалился!*

*Вритер отказывается выдавать что-то ещё на эту интригующую тему, так что вместо этого мы переключаемся на отношения, которые, безусловно, привлекут внимание читателей как ничто другое.*

*— Да-да, — поясняет Вритер, энергично кивая, — я посвящаю целую главу всем этим отношениям Поттера и Дамблдора. Их называли нездоровыми, даже дурными. Опять-таки вашим читателям придётся купить книгу, чтобы узнать всю историю, но нет сомнений, что Дамблдор проявлял неестественный интерес к Поттеру с самого начала. Вправду ли это было в интересах мальчика — это мы ещё узнаем. Конечно, ни для кого не секрет, что Поттеру выдалась нелёгкая юность.*

*Я спрашиваю, общается ли до сих пор Вритер с Гарри Поттером, у которого она взяла такое великолепное интервью в прошлом году — сенсационная статья, где Поттер эксклюзивно рассказал о своей вере в то, что Сами-Знаете-Кто вернулся.*

*— О да, мы стали намного ближе, — отвечает Вритер. — У бедного Поттера мало настоящих друзей, и мы с ним познакомились в момент труднейших испытаний в его жизни, во время Турнира трёх волшебников. Я, вероятно, единственная из всех людей на земле, кто может утверждать, что знает настоящего Гарри Поттера.*

*И тут мы подходим прямоком к тем многочисленным слухам, что ходят до сих пор насчёт последних часов жизни Дамблдора. Верит ли Вритер, что Поттер был там, когда умер Дамблдор?*

*— Ну, слишком много я рассказывать не хочу — всё это есть в книге — но свидетели в замке Хогвартс видели, как Поттер убежал оттуда через какие-то секунды после того, как Дамблдор упал или, может быть, спрыгнул, или его толкнули. Позже Поттер давал показания против Северуса Снейпа, человека, к которому он питал печально известную неприязнь. Всё ли было так, как кажется? Это предстоит решить волшебному сообществу — после того, как они прочитают мою книгу.*

*На этой интригующей ноте я прощаюсь. Нет никаких сомнений, что из-под пера Вритер вышел моментальный бестселлер. Вполне возможно, что толпы почитателей Дамблдора сейчас дрожат от страха перед тем, что скоро откроется об их кумире.*

Гарри дошёл до конца статьи, но продолжал бессмысленно пялиться на страницу. Отвращение и ярость поднимались в нём, как рвота; он скомкал газету и со всей силы швырнул в стену, после чего она присоединилась к прочемухламу, наваленному вокруг переполненной мусорной корзины.

Он принялся шагать по комнате, ничего не видя вокруг, он выдвигал пустые ящики, хватал книги и снова клал их в те же стопки, едва осознавая, что делает, а в голове звучали случайные фразы из статьи Риты: «...посвящаю целую главу всем этим отношениям Поттера и

Дамблдора... их называли нездоровыми, даже дурными... в молодости он и сам баловался тёмными силами... я добралась до такого источника, за который многие журналисты отдали бы свои палочки...»

— Враньё! — заорал Гарри и увидел в окно, как сосед, собиравшийся снова запустить свою газонокосилку, испуганно поднял голову.

Гарри напряжённо сел на кровать. Отбитый кусок зеркала ускользнул от него в сторону, он подобрал его снова и стал вертеть в руках, и думал, думал о Дамблдоре и о грязной лжи, которой обливала его Рита Вригтер...

Ослепительная голубая вспышка! Гарри замер, его порезанный палец опять соскользнул по неровному краю зеркала. Ему показалось, это точно. Он быстро глянул через плечо назад, но стена была тошнотворного персикового цвета, выбранного тётей Петунией — там не было ничего голубого, что могло бы отразиться в зеркале. Он снова взгляделся в осколок зеркала и ничего не увидел, на него смотрел только его собственный ярко-зелёный глаз.

Ему показалось, иначе объяснить нельзя; показалось, потому что он думал о покойном директоре. Если он и был в чём-то уверен, так это в том, что на него никогда больше не обратится пронзительный взгляд ярких голубых глаз Альбуса Дамблдора.

## Глава третья. До свидания, Дурсли

Хлопнула входная дверь, и звук эхом отозвался на втором этаже. Раздался крик: «Эй! Ты!»

К Гарри так обращались уже шестнадцать лет, так что у него не возникло ни малейшего сомнения, кого звал его дядя. Тем не менее, Гарри откликнулся не сразу. Он все еще замороженно смотрел на осколок зеркала, в котором, как ему на долю секунды показалось, он увидел глаз Дамблдора. И только когда дядя Вернон завопил «МАЛЬЧИШКА!», Гарри медленно поднялся с кровати и пошел к двери, задержавшись, чтобы положить осколок в рюкзак с вещами, которые он хотел забрать с собой.

— Не прошло и года! — прорычал Вернон Дурсли, когда Гарри появился на лестнице. — Спускайся. Я хочу поговорить с тобой!

Гарри неспешно спустился, засунув руки глубоко в карманы джинсов. Окинув взглядом гостиную, он обнаружил там всех троих Дурслей. Они были одеты для отъезда: дядя Вернон в светло-коричневую куртку на молнии, а Дадли — двоюродный брат Гарри, громадный, крепкий и светловолосый, — в кожаный пиджак.

— Да? — спросил Гарри.

— Сядь, — скомандовал дядя Вернон. Гарри поднял брови. — Пожалуйста! — добавил дядя Вернон, поморщившись, будто это слово царапало горло. Гарри сел. Ему казалось, он знал, что его ждет. Дядя начал ходить взад-вперед по комнате, тетя Петуния и Дадли встревожено следили за ним. Большое багровое лицо дяди Вернона было перекошено от сосредоточенности. Наконец он остановился напротив Гарри и заговорил.

— Я передумал, — сказал он.

— Какая неожиданность, — отозвался Гарри.

— Не смей разговаривать подобным тоном... — пронзительным голосом начала тетя Петуния, но дядя Вернон замахал на нее рукой, и она замолчала.

— Это все полный вздор, — сказал дядя Вернон, мрачно глядя на Гарри своими пороссячьими глазками. — Я пришёл к выводу, что не верю ни единому слову. Мы остаемся дома, мы никуда не едем.

Гарри взглянул на дядю со смешанным чувством раздражения и веселья. Вернон Дурсли менял свое решение каждый день в течение четырех недель, в зависимости от настроения укладывая вещи в машину, вынимая их оттуда и снова укладывая. Гарри больше всего позабавило, как дядя Вернон, не зная, что Дадли положил в свой чемодан гантели уже после того, как в последний раз его упаковывал, попытался засунуть его в багажник и рухнул под тяжестью, вскрикнув от боли и ругаясь, на чем свет стоит.

— По твоим словам, — сказал Вернон Дурсли, снова начав мерить шагами гостиную, — мы — Петуния, Дадли и я — под угрозой. От... от...

— От таких, как я, верно? — подсказал Гарри.

— Ну, так я не верю, — повторил дядя Вернон, снова остановившись напротив Гарри. — Я полночи не спал и все обдумал, и я считаю, что это все заговор, чтобы завладеть домом.

— Домом? — повторил Гарри. — Каким домом?

— Этим домом! — крикнул дядя Вернон, и на его лбу начала пульсировать вена. — Нашим домом! Цены на местную недвижимость растут на глазах! Ты хочешь убрать нас с пути, а потом — фокус-покус! — и прежде чем мы успеем опомниться, все документы будут на твое имя и...

— Вы в своем уме? — резко спросил Гарри. — Заговор, чтобы завладеть домом? Вы и правда так глупы, как выглядите?

— Не смей!.. — взвизгнула тетя Петуния, но дядя Вернон снова замахал на нее руками:

похоже, выпады против его внешности были несравнимы с той опасностью, которую он заметил.

— Если вы не забыли, — сказал Гарри, — у меня уже есть один дом. Мне его завещал крестный. Так зачем мне еще один? Ради счастливых воспоминаний?

Наступила тишина. Гарри показалось, что его довод произвёл на дядю впечатление.

— Ты утверждаешь, — сказал дядя Вернон, опять начав ходить туда-сюда, — что этот Лорд-как-его-там...

— Вольдеморт, — раздраженно сказал Гарри, — и мы обсуждали это с вами уже сотню раз. Это не утверждение, это правда. Дамблдор говорил вам в прошлом году, и мистер Кингсли, и мистер Уизли...

Вернон Дурсли сердито повел плечами, и Гарри догадался, что тот пытался отгородиться от воспоминаний о неожиданном визите двух взрослых волшебников, произошедшем через несколько дней после начала летних каникул. Появление Кингсли Кандаболта и Артура Уизли на пороге дома стало для Дурслей весьма неприятным происшествием. Гарри все же пришлось признать, что после того, как однажды мистер Уизли разрушил полгостиной, вряд ли можно было рассчитывать, что его приход обрадует дядю Вернона.

— Кингсли и мистер Уизли тоже вам все объяснили, — безжалостно продолжил Гарри. — Когда мне исполнится семнадцать, защитные чары, которые охраняют меня, разрушатся, а это подвергнет опасности не только меня, но и вас. Орден уверен, что Вольдеморт будет искать вас — либо для того, чтобы под пытками выведать у вас, где я нахожусь, либо потому что он решит, что если он захватит вас в заложники, то я приду вас спасать.

Взгляды Гарри и дяди Вернона пересеклись. Гарри был уверен, что они оба подумали об одном и том же. Затем дядя Вернон продолжил свой путь по комнате, а Гарри договорил:

— Вам нужно скрыться, и Орден хочет помочь. Вам предлагают серьезную защиту, самую лучшую из тех, что есть.

Дядя Вернон ничего не ответил, но продолжил мерить шагами гостиную. Солнце за окном низко висело над зелеными изгородями. Газонокосилка соседа снова заглохла.

— Мне казалось, есть какое-то Министерство магии? — резко спросил Вернон Дурсли.

— Да, — удивленно ответил Гарри.

— Тогда почему они не могут защитить нас? Мне кажется, что поскольку мы являемся пострадавшими, не повинными ни в чем, кроме того, что дали приют человеку, на которого охотятся, нам полагается защита правительства!

Гарри засмеялся, он ничего не мог с собой поделать. Возложить надежды на государственное учреждение, даже из того мира, который он презирал и которому не доверял, — в этом был весь дядя Вернон.

— Вы слышали, что сказали мистер Уизли и Кингсли, — ответил Гарри. — Мы думаем, что в Министерство проникли люди Вольдеморта.

Дядя Вернон прошелся к камину и обратно, дыша так тяжело, что его пышные черные усы колыхались на лице, все еще багровом от сосредоточенности.

— Хорошо, — сказал он, снова остановившись напротив Гарри. — Хорошо, допустим, что мы принимаем эту защиту. Я всё равно не понимаю, почему этот парень — Кингсли — не может охранять нас.

Гарри едва удалось не закатыть глаза. Этот вопрос тоже уже обсуждался раз десять.

— Как я вам уже говорил, — процедил он сквозь зубы, — Кингсли защищает министра магг... то есть вашего премьер-министра.

— Точно! Он — лучший! — воскликнул дядя Вернон, показывая на выключенный телевизор. Дурсли заметили Кингсли в новостях, когда тот, стараясь не выделяться, шел за премьер-министром магглов во время визита в больницу. Это, а также то, что Кингсли научился

одеваться, как маггл, не говоря о чем-то определенно успокаивающим в его низком голосе и неспешной речи, заставило Дурсли проникнуться к Кингсли некоей симпатией, которой они никогда не испытывали ни к какому другому волшебнику, хотя следовало учесть, что они никогда не видели его с серьгой в ухе.

— Так что он уже занят, — сказал Гарри. — Но Гестия Джонс и Дедал Диггль более чем подходят для такого дела...

— Если бы мы хотя бы взглянули на их резюме... — начал дядя Вернон, но терпение Гарри было исчерпано. Поднявшись, он двинулся на дядю, в свою очередь, показывая на телевизор.

— Эти несчастные случаи вовсе не несчастные случаи — все эти аварии, и взрывы, и поезда, сошедшие с рельсов, и все, что произошло с тех пор, как мы в последний раз смотрели новости. Люди исчезают и гибнут, а за всем этим — Вольдеморт. Я говорил вам тысячу раз: он убивает магглов ради забавы. Даже туман — он из-за дементоров, а если вы не помните, что это, спросите вашего сына!

Руки Дадли судорожно взметнулись ко рту. Под взглядом родителей и Гарри он медленно опустил их и спросил:

— А что... есть ещё?

— Ещё? — засмеялся Гарри. — Кроме тех двух, которые напали на нас? Ты это имеешь в виду? Конечно, их сейчас сотни, может, тысячи, раз они питаются страхом и отчаянием...

— Хорошо, хорошо! — взорвался дядя Вернон. — Мысль ясна...

— Надеюсь, — сказал Гарри, — потому что, как только мне исполнится семнадцать, они все: Пожиратели смерти, дементоры, может быть, даже инферии — заколдованные темным волшебником трупы — смогут найти вас и наверняка нападут. А если вы вспомните, как пытались в последний раз скрыться от волшебников, то, я думаю, вы согласитесь, что вам нужна помощь.

Наступила короткая тишина, в которой как будто через года отдалось далёкое эхо грохота выбиваемой Хагридом деревянной двери. Тетя Петуния смотрела на дядю Вернона, Дадли уставился на Гарри. Наконец дядя Вернон выпалил:

— А как на счет моей работы? Как на счет учебы Дадли? Не думаю, что такие вещи что-то значат для кучки тунеядцев-волшебников...

— Вы что, не понимаете? — заорал Гарри. — Они будут вас пытаться, а потом убьют, как убили моих родителей!

— Пап, — громким голосом сказал Дадли, — Пап... Я пойду с людьми из этого Ордена.

— Дадли, — произнес Гарри, — впервые в жизни ты сказал что-то умное.

Он знал, что бой выигран. Если Дадли испугался так, что готов принять помощь Ордена, его родители не оставят его. О том, чтобы быть разлученными с их Даддикинсом, не могло быть и речи. Гарри взглянул на дорожные часы на каминной полке.

— Они будут здесь где-то через пять минут, — сказал он и, так и не дождавшись ответа, вышел из комнаты. На предстоящее расставание — скорее всего, навсегда — с тетей, дядей и двоюродным братом Гарри смотрел достаточно радостно, но в воздухе все-таки витала некая неловкость. Что говорят друг другу после шестнадцати лет взаимной неприязни?

Вернувшись в спальню, Гарри бесцельно повозился с рюкзаком, а затем пропихнул Хедвиге в клетку пару орехов для сов. Они с глухим стуком упали на дно, но Хедвига не обратила на них никакого внимания.

— Мы скоро уедем, правда, скоро, — сказал ей Гарри. — И тогда ты снова сможешь летать.

Позвонили в дверь. Гарри поколебался, а потом выбежал из комнаты и спустился вниз по лестнице. Это было бы слишком — ожидать, что Гестия и Дедал поладят с Дурслями без

посторонней помощи.

— Гарри Поттер! — взволнованно пропищал голос, стоило Гарри открыть дверь. Крошечный человечек в лиловом цилиндре склонился перед ним в глубоком поклоне. — Как всегда, большая честь!

— Спасибо, Дедал, — сказал Гарри, слабо и смущенно улыбнувшись темноволосой Гестии. — Спасибо, что вы согласились помочь... Они в той комнате: мои тетя, дядя и двоюродный брат...

— Добрый вам день, родственники Гарри Поттера! — весело воскликнул Дедал, входя в гостиную большими шагами. По виду Дурслей было ясно, что они совсем не рады подобному обращению. Гарри почти ожидал, что они снова передумают. При виде ведьмы и волшебника Дадли прижался ближе к матери.

— Вижу, вы уже собрались и готовы ехать. Отлично! План, как уже говорил вам Гарри, прост, — сказал Дедал, вынимая из жилетки огромные карманные часы и внимательно смотря на них. — Мы уедем до отъезда Гарри. Из-за опасности использования магии в вашем доме — поскольку Гарри еще не достиг совершеннолетия, это может дать Министерству повод арестовать его, — мы отъедем, скажем, миль на десять, а потом дизаппарируем в безопасное место, которое мы подыскиали для вас. Вы же знаете, как водить машину, я полагаю? — вежливо уточнил Дедал у дяди Вернона.

— Знаю, как?.. Конечно, я, черт возьми, знаю, как водить машину! — заикаясь от возмущения, проговорил дядя Вернон.

— Вы очень умны, сэр, очень умны! Лично я бы голову сломал на этих кнопочках и ручках, — сказал Дедал. Ему, очевидно, казалось, что он польстил Вернону Дурсли, который явно все больше разочаровывался в предложенном ему плане с каждым новым словом Дедала.

— Даже водить не умеет, — еле слышно пробормотал он, и его усы возмущенно всколыхнулись, но, к счастью, ни Дедал, ни Гестия его не услышали.

— Ты, Гарри, — продолжил Дедал, — будешь ждать здесь своей охраны. План несколько изменился...

— Что вы имеете в виду? — тотчас спросил Гарри. — Я думал, придет Грюм и переправит меня при помощи примыкающей аппарации?

— Не может, — обрывисто сказала Гестия. — Грюм объяснит.

Дурсли, слушавшие весь разговор с выражением полного непонимания на лицах, подпрыгнули, когда чей-то громкий голос проскрежетал: «Поторапливайся!» Гарри оглядел всю комнату, пока не понял, что голос шел из карманных часов Дедала.

— Совершенно верно, у нас очень плотный график, — кивнул часам Дедал и засунул их обратно в жилетку. — Мы пытаемся сделать так, чтобы твое отправление из дома совпало с дизаппарированием твоей семьи, Гарри. Таким образом, чары пропадут в тот момент, когда вы все будете направляться в безопасное место. — Он повернулся к Дурслям. — Что ж, мы собрались и готовы ехать?

Ему на это никто ничего не ответил. Дядя Вернон все еще с ужасом глядел на оттопыренный карман жилетки Дедала.

— Наверное, нам следует подождать в прихожей, Дедал, — вполголоса сказала Гестия. Она явно чувствовала, что будет бестактно оставаться в комнате, пока Гарри и Дурсли говорят друг другу последнее нежное «прощай» и, возможно, плачут.

— Не надо, — пробормотал Гарри.

— Ну что ж, тогда до свиданья, парень, — громко сказал дядя Вернон, сделав дальнейшие объяснения ненужными

Он поднял руку, чтобы пожать руку Гарри, но в последний момент, похоже, понял, что не в

силах это сделать, и просто сжал кулак и начал качать им туда-сюда, как метрономом.

— Готов, Диди? — спросила Петуния, суетливо проверяя, хорошо ли закрыта ее сумочка, чтобы не смотреть на Гарри.

Дадли не ответил, но остался стоять с приоткрытым ртом, слегка напомнив Гарри гиганта Граупа.

— Пошли тогда, — сказал дядя Вернон.

Он уже почти дошел до двери гостиной, когда Дадли пробормотал:

— Я не понимаю.

— Что ты не понимаешь, пупсик? — спросила Петуния, взглянув на сына.

Дадли поднял огромную мясистую руку и указал на Гарри.

— Почему он не едет с нами?

Дядя Вернон и тетя Петуния замерли и уставились на Дадли, будто он только что изъявил желание стать балериной.

— Что? — громко переспросил дядя Вернон.

— Почему он тоже не едет? — спросил Дадли.

— Ну, он... не хочет, — сказал дядя Вернон, обернулся и, окинув Гарри мрачным взглядом, добавил. — Ты же не хочешь, верно?

— Не испытываю ни малейшего желания, — ответил Гарри.

— Вот, пожалуйста, — сказал дядя Вернон Дадли. — А теперь поторапливайся, мы уезжаем.

Дядя Вернон решительно вышел из комнаты. Они услышали, как открылась входная дверь, но Дадли не сдвинулся с места и тетя Петуния, сделав несколько неуверенных шагов, тоже остановилась.

— Что на этот раз? — прорычал дядя Вернон, снова появляясь в дверях.

Казалось, Дадли одолевают мысли, которые слишком сложно выразить словами. Через несколько секунд явно мучительной внутренней борьбы он произнес: «Куда же он пойдет?»

Тетя Петуния и дядя Вернон взглянули друг на друга. Было ясно, что Дадли их пугает. Гестия Джонс нарушила наступившую тишину.

— Но... Неужели вы не знаете, куда едет ваш племянник? — растерянно спросила она.

— Конечно, знаем, — ответил Вернон Дурсли. — Он едет с такими, как вы, не так ли? Ладно, Дадли, пошли садиться в машину, ты слышал, что тебе сказали, мы торопимся.

И снова дядя Вернон решительно пошел ко входной двери, однако Дадли не последовал за ним.

— Едет с такими, как мы?

Гестия выглядела возмущенной. Гарри уже сталкивался с такой реакцией: ведьм и колдунов ошеломяло, что самых близких оставшихся родственников знаменитого Гарри Поттера так мало заботила его судьба.

— Все нормально, — успокоил ее Гарри. — Это неважно, честно.

— Неважно? — намного громче повторила Гестия. — Неужели эти люди не понимают, как много ты пережил? Не понимают, какой опасности ты подвергаешься, Какое особое место ты занимаешь в сердцах тех, кто борется против Вольдеморта?

— Э-э-э... Нет, не понимают, — ответил Гарри. — Они считают меня хламом, но я уже привык, на самом деле...

— Я не считаю тебя хламом.

Если бы Гарри не видел, как двигаются губы Дадли, он бы не поверил тому, что услышал. Но поскольку все так и было, он таращился на Дадли несколько секунд, пока не признал, что это все-таки сказал его двоюродный брат. Об этом свидетельствовало, например, то, что Дадли

покраснел. Гарри и сам смутился и был изумлен.

— Ну... э-э-э... Спасибо, Дадли.

И снова показалось, что Дадли мучается со слишком глубокими для выражения мыслями. В конце концов он промямлил:

— Ты спас мне жизнь.

— Не совсем, — сказал Гарри. — Дементоры забрали бы твою душу, а не жизнь.

Он с любопытством взглянул на своего двоюродного брата. Они практически не сталкивались ни этим летом, ни предыдущим, так как Гарри приезжал на Бирючиновский проезд на очень короткое время и большую часть времени сидел в своей комнате. Сейчас же Гарри вдруг озарило, что чашка холодного чая, на которую он наступил сегодня утром, возможно, вовсе не была ловушкой. И хотя Гарри был очень растроган, он ощутил облегчение, что Дадли исчерпал силы для выражения своих чувств. Пару раз открыв рот, Дадли еще сильнее покраснел и погрузился в молчание.

Тетя Петуния расплакалась. Гестия Джонс взглянула на нее с одобрением, которое сменилось отвращением, когда тетя Петуния подбежала не к Гарри, а к Дадли, и обняла его.

— Так ми-и-ило, Дадличек! — сказала она, плача на его необъятной груди, — Такой сладкий мальчик... говорит с-спаси-и-ибо...

— Но он вовсе не сказал спасибо, — возмутилась Гестия. — Он просто сказал, что не считает Гарри хламом!

— Да, но из уст Дадли это почти признание в любви, — сказал Гарри, разрываясь между раздражением и желанием рассмеяться над тетей Петунией, все еще тискающей Дадли, будто тот вынес Гарри из горящего дома.

— Вы едете или нет? — взревел дядя Вернон, опять появляясь в дверях гостиной. — Я думал, у нас плотный график.

— Да-да, так и есть, — отозвался Дедал Диггль, смотревший на произошедший обмен чувствами с легким смущением, но теперь взявший себя в руки. — Нам действительно пора уходить. Гарри...

Он подбежал к Гарри и крепко схватил его ладонь обеими руками.

— ...удачи. Надеюсь, мы снова встретимся. Надежды колдовского мира возложены на тебя.

— А-а, — сказал Гарри, — да. Спасибо.

— Прощай, Гарри, — сказала Гестия, тоже пожимая ему руку. — Мысленно мы с тобой.

— Надеюсь, все будет хорошо, — сказал Гарри, взглянув на тетю Петунию и Дадли.

— О, я уверен, мы станем закадычными друзьями, — радостно сказал Дедал, взмахнул цилиндром и вышел из комнаты. Гестия вышла за ним.

Дадли осторожно расцепил объятия матери и подошел к Гарри, которому пришлось сдерживать порыв направить на него палочку. Затем Дадли протянул свою большую, розовую руку.

— Черт побери, Дадли, — сказал Гарри, заглушая новые всхлипы тети Петунии, — неужели дементоры вдохнули в тебя другую душу?

— Не знаю, — пробормотал Дадли, — увидимся, Гарри.

— Ага, — отозвался Гарри, пожимая руку Дадли. — Может, и увидимся. Береги себя, Большой Ди.

Дадли почти улыбнулся и потопал из комнаты. Гарри услышал его тяжелые шаги на дорожке из гравия, а затем как хлопнула дверь машины.

Тетя Петуния, спрятавшая лицо в носовой платок, оглянулась на звук. Она не ожидала остаться наедине с Гарри. Поспешно пряча мокрый платок в сумочку, тетя Петуния сказала: «Что же... до свидания...» и решительно пошла к двери, не бросив на Гарри ни взгляда.

— До свидания, — сказал Гарри.



Она остановилась и оглянулась. На мгновение у Гарри возникло странное чувство, что она хотела ему что-то сказать. Она бросила на него странный, робкий взгляд, какие-то слова готовы были ворваться с ее губ, но затем, слегка тряхнув головой, она торопливо вышла из комнаты вслед за мужем и сыном.

## Глава четвёртая. Семь Поттеров

Гарри взбежал по лестнице в свою комнату и, оказавшись у окна, успел увидеть, как машина выкатилась с подъездной дорожки на улицу. На заднем сидении между тётей Петунией и Дадли маячил цилиндр Дедала. В конце Бирючинового проезда машина свернула, её окна полыхнули алым в лучах заходящего солнца, и она исчезла из виду.

Гарри поднял клетку с Хедвиг, «Молнию» и рюкзак, в последний раз оглядел свою небывало чистую комнату и неуклюже спустился обратно в прихожую, где сложил вещи у подножия лестницы. Быстро темнело, и вечерний свет наполнил прихожую тенями. Было так непривычно стоять в полной тишине, понимая, что вот-вот покинешь этот дом навсегда. Много лет назад часы, которые Дурсли проводили вне дома, развлекаясь, и оставляли его дома в одиночестве, были редким удовольствием. Он тут же мчался наверх — поиграть на компьютере Дадли, задержавшись разве что у холодильника, чтобы стащить что-нибудь вкусненькое, или включал телевизор и переключал каналы, сколько его душе было угодно. Воспоминания о тех временах вызвали в нём странное ощущение опустошённости, словно мысли о младшем брате, которого он потерял.

— Не хочешь в последний раз оглядеться? — спросил он Хедвиг, которая всё ещё сердилась и сидела, спрятав голову под крыло. — Мы больше никогда сюда не вернёмся. Не хочешь вспомнить старые добрые времена? Вот, например, коврик у двери. Как сейчас помню, Дадли рыдал на нём, когда я спас его от дементоров... Оказывается, он мне был благодарен, можешь поверить?.. А прошлым летом в эту самую дверь вошёл Дамблдор...

На секунду Гарри потерял ход мысли, но Хедвиг даже не попыталась ему подсказать, а продолжала прятать голову под крыло. Гарри повернулся спиной к входной двери.

— А здесь, Хедвиг, — он открыл дверцу чулана под лестницей, — я раньше спал. Тогда мы с тобой ещё не были знакомы... Надо же, я и забыл, как тут тесно...

Гарри смотрел на ряды расставленных по полкам ботинок, на зонты и вспоминал, как, просыпаясь каждое утро, видел над собой обратную сторону лестницы, частенько украшенную одним-двумя пауками. Это было ещё до того, как он узнал, кто он такой на самом деле, раньше, чем выяснил, как погибли его родители и почему рядом с ним творились всякие чудеса. Но Гарри до сих пор не забыл, что за сны уже тогда постоянно ему снились: что-то смутное про вспышки зелёного света, а однажды — дядя Вернон чуть машину не разбил, когда Гарри рассказал об этом — летающий мотоцикл...

Внезапно где-то рядом раздался оглушительный рёв. Гарри резко выпрямился, с размаху ударившись головой о низкую притолоку. Пробормотав несколько отборных ругательств из лексикона дяди Вернона, он, потирая ушибленное место и пошатываясь, поплёлся на кухню, и выглянул из окна на задний двор.

Темень будто пульсировала, воздух почти ощутимо дрожал. Затем, один за другим начали появляться силуэты — по мере того, как они сбрасывали Прозрачаровывающие чары. Над ними возвышался Хагрид в шлеме и защитных очках, восседавший, широко расставив ноги, верхом на огромном мотоцикле с чёрной коляской. Люди вокруг него слезали с мётел, а двое даже со скелетоподобных чёрных крылатых коней.

Распахнув заднюю дверь, Гарри кинулся в толпу. Раздался гул приветствий, и Гермиона порывисто обняла его, Рон хлопнул по спине, а Хагрид сказал:

— Всё путем, Гарри? Готов ехать?

— Разумеется, — ответил Гарри, радостно улыбаясь окружающим. — Но я не ожидал, что вас будет так много.

— План изменился, — прорычал Грюм, державший два здоровенных битком набитых мешка, а его волшебный глаз с головокружительной скоростью вертелся, глядя то на темнеющее небо, то на дом, то на сад. — Давайте-ка сначала в укрытие, а потом мы тебе всё расскажем.

Гарри провёл их в кухню, где, болтая и смеясь, они расселись на стульях и сверкающем рабочем столе тёти Петунии, опёрлись об её безупречно чистые кухонные приборы — Рон, долговязый и худой; Гермиона, убравшая свои густые волосы в длинную косу; Фред и Джордж, одинаково ухмыляющиеся; изуродованный шрамом Билл с длинным хвостом; мистер Уизли, лысеющий, с чуть перекосившимися очками на добром лице; Грозный Глаз Грюм, одноногий, потрёпанный в боях, с крутящимся в глазнице ярко-голубым волшебным глазом; Тонкс, чьи короткие волосы были её любимого ярко-розового цвета; Люпин, ещё поседевший и с новыми морщинами; стройная и красивая Флёр с длинными светлыми серебристыми волосами; лысый и плечистый Кингсли; Хагрид с растрёпанными волосами и бородой, стоявший сгорбившись, чтобы не задевать головой потолок, и Мундунгус Флетчер, низенький, грязный и нечесаный, с маленькими блестящими и по-собачьи печальными глазами, придававшими ему несчастный вид. При виде их в груди у Гарри разлилось тепло, ему показалось, что его сердце начало светиться. Ко всем им он испытывал огромную нежность, даже к Мундунгусу, которого во время их последней встречи пытался придушить.

— Кингсли, я думал, ты охраняешь Премьер-министра, — окликнул Гарри его через всю кухню.

— Один вечер обойдётся без меня, — отозвался Кингсли, — сейчас важнее ты.

— Гарри, угадай-ка, что это у меня, — позвала Тонкс, взгромоздившаяся на стиральную машину, и покрутила перед ним левой рукой, на пальце которой искрилось кольцо.

— Вы поженились? — воскликнул Гарри, переводя взгляд с Тонкс на Люпина.

— Извини, что не позвали тебя, Гарри, всё прошло в тесном кругу.

— Да это же здорово! Поздра...

— Так, так, потом ещё успеем поболтать, — перекрывая гул, прорычал Грюм, и в кухне воцарилась тишина. Грюм бросил мешки на пол и повернулся к Гарри. — Дедал тебе, наверное, сказал, что нам пришлось отменить «План А». Пью Пшикнесс перешёл на их сторону, и у нас из-за этого куча проблем. Он сделал так, что любая попытка подключить этот дом к каминной сети, разместить здесь портключ или аппарировать будет приравнена к уголовному преступлению. Разумеется, всё исключительно в целях твоей безопасности, чтобы Сам-Знаешь-Кто до тебя не добрался. Совершенно бессмысленно, учитывая, что заклятие твоей матери уже и так тебя защищает. Вот чего он на самом деле добился, так это того, что ты не выберешься отсюда без риска для жизни. К тому же, ты пока несовершеннолетний, значит, на тебе ещё висят Следящие чары.

— Я не...

— Следящие чары, Сканер! — нетерпеливо перебил Грозный Глаз. — Чары, позволяющие выявить колдовство рядом с детьми, так Министерство и узнаёт, что они колдовали. Если ты или кто-то рядом создаст заклинание, чтобы выволить тебя отсюда, Пшикнесс тут же узнает об этом, и Пожиратели Смерти тоже. Мы не можем дожидаться, пока Следящие чары спадут, потому что как только тебе исполнится семнадцать, ты потеряешь защиту, которую создала твоя мать. Короче, Пью Пшикнесс уверен, что загнал тебя в угол, да так, что не вырвешься.

Гарри ничего не оставалось, как согласиться с неведомым Пшикнессом.

— Что будем делать?

— Воспользуемся транспортом, который не засечёт Сканером, потому что над ним не нужно колдовать: мётлами, тестралами и мотоциклом Хагрида.

Гарри отчётливо видел в плане недостатки, но промолчал, дав Грюму закончить.

— Значит так, заклятие твоей матери спадёт только при двух условиях: когда ты станешь совершеннолетним, и... — Грюм обвёл рукой чистейшую кухню, — когда ты перестанешь называть это место своим домом. Вы с твоим дядей и тётей сегодня вечером по-разному, но покинете этот дом, при этом понимая, что никогда больше не будете жить вместе, верно?

Гарри кивнул.

— Так что на этот раз пути назад не будет, и чары прекратят действовать, как только ты выйдешь за ограду. Мы решили, что лучше разрушить их раньше, а не дожидаться, пока Сам-Знаешь-Кто придёт и нападёт на тебя, как только тебе будет семнадцать. Единственное, что нам на руку — это то, что Сам-Знаешь-Кто не знает, что в мы заберём тебя сегодня. Мы пустили Министерство по ложному следу: они считают, что ты будешь в доме до тридцатого. Тем не менее, мы имеем дело Сам-Знаешь-с-Кем, нельзя рассчитывать, что он примет это на веру. С него бы случилось отправить парочку Пожирателей Смерти, чтобы присматривали за домом — просто на всякий случай. Так что мы защитили двенадцать разных домов, как только было в наших силах. Любой из них подошёл бы тебе под убежище, и все они связаны с Орденом: дома Кингсли, тётушки Мюриэль — ну, в общем, ты понимаешь.

— Ага, — не вполне искренне ответил Гарри, план всё ещё казался ему небезупречным.

— Ты полетишь к родителям Тонкс. Как только окажешься за защитным заклятием, наложенным на их дом, сможешь через портключ отправиться в Нору. Вопросы есть?

— Эээ... да, — сказал Гарри. — Может, они поначалу и не догадаются, в каком доме я буду, но не будет ли это слишком очевидным, если... — он быстро пересчитал присутствующих, — все четырнадцать человек полетят к родителям Тонкс?

— А, — ответил Грюм, — о главном-то я и забыл тебе сказать. Четырнадцать человек не полетят к родителям Тонкс. Сегодня по небу полетят семь Гарри Поттеров, каждый с сопровождением, и каждая пара полетит в свою сторону к разным защищённым домам.

Из внутреннего кармана плаща Грюм вытащил бутылочку с чем-то по виду напоминавшим грязь. Теперь он мог ничего не объяснять, Гарри мгновенно понял оставшуюся часть плана.

— Нет! — отрезал он, и его голос зазвенел по кухне. — Ни за что!

— Я их предупреждала, что ты именно так это воспримешь, — не без самодовольства проговорила Гермиона.

— Если вы думаете, что я позволю шестерым расковать своей жизнью...

— ...как будто каждому из нас впервой, — подхватил Рон.

— Притворяться мной — совсем другое дело.

— Вообще-то, Гарри, никто из нас этого особо не жаждет, — откровенно признался Фред. — Только представь: что-то не заладилось, и ты навеки остался тощим очкариком...

Гарри не улыбнулся.

— Без моего согласия ничего не выйдет. Вам же нужен мой волос.

— Ну, тогда плану крышка, — сказал Джордж. — Ясно же, что если ты против, нам и половинки волоска не видать.

— Ага, тринадцать человек на одного, которому вдобавок вообще нельзя колдовать — да у нас ни единого шанса, — добавил Фред.

— Смешно, — сказал Гарри. — Обхихикаться можно.

— Если придётся применить силу, то применим, — пробурчал Грюм. Он с таким недовольством смотрел на Гарри, что даже волшебный глаз слегка подрагивал в глазнице. — Здесь все взрослые, Поттер, и готовы рискнуть.

Мундунгус передёрнул плечами и скривился, волшебный глаз крутанулся вбок, чтобы, Грюм мог, не поворачивая головы, зыркнуть на него.

— Хватит спорить. Времени в обрез. Давай сюда свои волосы, парень, и побыстрее.

— Но это же безумие, не надо...

— Не надо! — сердито рявкнул Грюм. — Там снаружи поджидает Сам-Знаешь-Кто, а Министерство его поддерживает, Поттер. Если нам повезёт, то он проглотил фальшивку и будет подстергать тебя тридцатого, но он был бы полным идиотом, если бы не поручил какому-нибудь Пожирателю, а то и двум, следить за домом — именно так я бы и сам поступил. Может, они и не в силах напасть на тебя или этот дом, пока вас защищают чары твоей матери, но заклятие вот-вот спадёт, а твоё приблизительное местонахождение им известно. Всё, что нам остаётся — использовать приманку. Даже Сам-Знаешь-Кто не может разорваться на семь частей.

Гарри перехватил взгляд Гермионы и тут же отвёл глаза.

— Так что, Поттер, несколько волос, будь так любезен.

Гарри посмотрел на Рона, у того на лице было написано «ну, давай же!».

— Быстро! — гаркнул Грюм.

На глазах у всех Гарри протянул руку к макушке, ухватил пучок волос и дёрнул.

— Вот и славно, — сказал Грюм и, хромая, подошёл к нему, на ходу откупоривая бутылочку с зельем. — Клади прямо сюда.

Гарри уронил волосы в похожую на грязь жижу. Стоило им коснуться её поверхности, как зелье запенилось и задымилось, а затем вдруг разом стало прозрачным и золотистым.

— Ого, Гарри, да ты гораздо аппетитнее Кребба и Гойла, — воскликнула Гермиона. Заметив взметнувшиеся брови Рона, она слегка покраснела и поправилась:

— Ну, ты понимаешь, о чём я: зелье Гойла на вкус было как козявки.

— Теперь, пожалуйста, поддельные Поттеры,стройтесь, — сказал Грюм.

Рон, Гермиона, Фред, Джордж и Флёр выстроились перед блестящей раковиной тёти Петунии.

— Одного не хватает, — сказал Люпин.

— Ну-ка, — сердито буркнул Хагрид, подняв за загривок Мундунгуса и уронив на пол рядом с Флёр. Та, не скрываясь, сморщила носик и встала между Фредом и Джорджем.

— Я ж солдат, может, мне лучше охранником заделаться? — заныл Мундунгус.

— Молчать, — прорычал Грюм. — Я уже говорил, ты, бесхребетный червяк, любой Пожиратель Смерти, на которого мы наткнёмся, будет пытаться захватить его в плен, а не убить. Дамблдор всегда говорил, что Сам-Знаешь-Кто хотел уничтожить Поттера собственными руками. Это за охранников надо тревожиться, потому что как раз их-то и будут убивать.

Мундунгус не выглядел особо успокоенным, но Грюм уже достал из плаща полдюжины стаканчиков размером с подставку для яиц, раздал их и налил в каждый немного Обратного зелья.

— Теперь все вместе...

Рон, Гермиона, Фред, Джордж, Флёр и Мундунгус выпили. Когда зелье попало в горло, каждого передёрнуло, перехватило дыхание, и они начали ловить воздух ртом. Их лица начали пузыриться, и черты стали оплывать как горячий воск.

Гермиона и Мундунгус стремительно росли, Рон, Фред и Джордж съеживались, волосы у всех потемнели, а у Гермионы и Флёр они будто втягивались обратно в череп.

Грюм не обращал на метаморфозы никакого внимания, развязывая здоровенные мешки, которые притащил с собой. Когда он выпрямился, перед ним стояло шесть пытящих и задыхающихся Поттеров.

Фред и Джордж повернулись друг к другу и хором воскликнули:

— Ого, а мы точь-в-точь одинаковые!

— Даже и не знаю, вообще-то, по-моему, я лучше выгляжу, — сказал Фред, изучая своё

отражение в чайнике.

— Ах, — вздохнула Флёр, рассматривая себя в дверце микроволновки. — Билль, нье смотри на меня, это ужасно.

— Кому одежда великовата, у меня тут есть поменьше, — сказал Грюм, указывая на один из мешков, — и наоборот. Про очки не забудьте, в боковом кармане шесть пар. Когда оденетесь, в другом мешке возьмёте багаж.

Настоящему Гарри казалось, что это самое дикое зрелище, которое он когда-либо видел, а он повидал немало чрезвычайно странного. Он смотрел, как шесть его двойников роются в мешках, вытаскивая пакеты с одеждой, надевают очки, запихивают в мешки собственные вещи. Когда они принялись без какого-либо смущения раздеваться, явно гораздо меньше стесняясь оголять его, чем себя, ему захотелось попросить их проявить чуть больше уважения к его телу.

— Я так и знал, что Джинни соврала насчёт татуировки, — объявил Рон, разглядывая свою грудь.

— Гарри, у тебя действительно ужасное зрение, — сказала Гермиона, надев очки.

Покончив с переодеванием, поддельные Гарри разобрали из второго мешка рюкзаки и клетки, в каждой из которых торчало чучело совы.

— Отлично, — сказал Грюм, когда перед ним оказалось семеро одетых Гарри, в очках и с багажом. — Разбиваемся по парам. Мундунгус летит со мной на метле...

— Почему это я с тобой? — буркнул тот Гарри, который стоял ближе всех к задней двери.

— Потому что за тобой нужно присматривать, — прорычал Грюм и продолжил, не отводя ни на мгновение волшебный глаз от Мундунгуса. — Артур с Фредом...

— Я Джордж, — сказал тот из близнецов, на которого указал Грюм. — Вы что, не можете различить нас даже тогда, когда мы Гарри?..

— Извини, Джордж...

— Да я пошутил, на самом деле я Фред.

— Кончайте балаган! — разозлился Грюм. — Второй, Джордж, Фред или кто ты там есть — с Ремом. Мисс Делакур...

— Я с Флёр на тестрале, — сказал Билл. — Она недолюбливает мётлы.

Флёр подошла и встала рядом с ним, с восхищением глядя на него влюблёнными глазами, и Гарри от всей души понадеялся, что подобное выражение никогда больше не появится на его лице.

— Мисс Гренджер и Кингсли тоже на тестрале...

Гермиона с облегчением улыбнулась в ответ на улыбку Кингсли. Гарри знал, что Гермиона тоже чувствовала себя на метле неуверенно.

— Остаемся мы с тобой, Рон! — весело сказала Тонкс, помахав ему рукой и опрокинув при этом вешалку для кружек. Рон вовсе не выглядел таким же довольным как Гермиона.

— А ты со мной, Гарри. Эт ничего? — сказал немного взволнованно Хагрид. — Мы на мотоцикле будем, а то тестралы и мётлы мой вес не потянут. У меня там на нем места на сидении совсем мало, ты в коляске полетишь.

— Вот и замечательно, — снова немного покривив душой, ответил Гарри.

— Мы предполагаем, что Пожиратели Смерти будут ожидать, что ты полетишь на метле, — сказал Грюм, похоже, догадываясь о чувствах Гарри. — У Снейпа была масса времени, чтобы рассказать им о тебе всё, о чём он раньше умалчивал, так что они выберут тех из Поттеров, кто будет на метле, как рыба в воде. Ну что, — продолжил он, затягивая мешок с одеждой поддельных Поттеров и направляясь к двери, — я засекаю три минуты до отлёта. Заднюю дверь можно не закрывать, она не остановит Пожирателей, если они захотят войти. Пошли...

Гарри торопливо подхватил свой рюкзак, «Молнию» и клетку с Хедвиг и двинулся вслед за

компанией в тёмный сад.

Со всех сторон к ним в руки летели мётлы. Кингсли уже подсаживал Гермиону на одного чёрного тестрала, а на второго Билл посадил Флёр. Хагрид, надев очки, стоял наготове возле мотоцикла.

— Это он и есть? Это мотоцикл Сириуса?

— Тот самый, — Хагрид широко улыбнулся Гарри. — Когда ты в последний раз на нём катался, ты, Гарри, у меня на ладони умещался.

Влезая в коляску, Гарри не мог не почувствовать себя униженным. Он оказался куда ближе к земле, чем все остальные, а Рон ещё и ухмыльнулся при виде Гарри, сидящего, как ребёнок в детской машинке. Гарри запихал метлу и рюкзак под ноги, а клетку с Хедвиг зажал между коленями. Ему было крайне не по себе.

— Артур припаял тут кое-что на скорую руку, — прогудел Хагрид, явно не замечая, что Гарри неудобно. Он оседлал мотоцикл, который под ним заскрипел и на несколько дюймов просел в землю. — У него в рукаве теперь есть несколько штучек. А эт моя была идея, — он указал толстым пальцем на кнопку возле спидометра.

— Пожалуйста, Хагрид, будь осторожнее, — сказал мистер Уизли. Он стоял рядом с ними, держа в руках свою метлу. — Я до сих пор не уверен, что это безопасно, так что пользуйся только в самом крайнем случае.

— Внимание, все, — сказал Грюм. — Пожалуйста, приготовьтесь. Я хочу, чтобы мы взлетели одновременно, иначе весь смысл отвлекающего манёвра пропадёт.

Они кивнули.

— Держись крепче, Рон, — сказала Тонкс, и Гарри заметил, что тот напряжённо глянул на Люпина, прежде чем обхватить Тонкс обеими руками за талию. Хагрид толчком завёл мотоцикл, он зарычал как дракон, и коляску затрясло.

— Всем удачи! — прокричал Грюм. — Встретимся через час в Норе. На три. Раз. Два. ТРИ.

Мотоцикл жутко взревел, и Гарри почувствовал, как кресло неприятно накренилось. Он быстро поднимался в воздух, глаза немного слезились, волосы разметало ветром от лица. Вокруг вверх взмывали мётлы, мимо проскользнул длинный хвост тестрала. Ноги Гарри, зажатые между рюкзаком и клеткой с Хедвиг, уже болели и начинали неметь. Ему было настолько неудобно, что он чуть не забыл в последний раз посмотреть на дом номер четыре по Бирючиновому проезду. Когда он глянул вниз через борт коляски, он уже не мог узнать его среди других домов.

И вдруг, из ниоткуда, из ничего, они оказались окружены... По крайней мере, тридцать фигур в капюшонах повисли в воздухе, образовав круг, в центр которого влетели ничего не подозревавшие члены Ордена...

Раздались крики, замелькали вспышки зелёного света. Хагрид взвыл, и мотоцикл перевернулся. Гарри перестал понимать, где они. Над головой маячили огни улиц, вокруг все кричали, а сам он цеплялся за борт коляски, чтобы не выпасть. Клетка с Хедвиг, «Молния» и рюкзак выскользнули у него из-под ног.

— Нет! ХЕДВИГ!

Метла полетела вниз, но мотоцикл уже переворачивался обратно, и он успел ухватить рюкзак за лямку и клетку. Секундная передышка — и снова зелёная молния. Сова со скрипящим криком упала на дно клетки.

— Нет! Нет!

Мотоцикл рванулся вперёд, Гарри мельком увидел, что строй Пожирателей Смерти в капюшонах распался, когда Хагрид пронёсся сквозь него.

— Хедвиг, Хедвиг...

Но сова лежала в клетке, неподвижная и жалкая, как игрушка. Он никак не мог это осознать, а страх за остальных заслонял все прочие чувства. Он оглянулся через плечо и увидел мельтешащую толпу, зелёные вспышки, и быстро удалявшиеся две пары на метлах, но не мог разобрать, кто это был...

— Хагрид, мы должны вернуться, мы должны лететь обратно, — прокричал он, перекрывая звучный рёв мотора, вытащил палочку и сунул клетку с Хедвиг на пол коляски, отказываясь верить, что она мертва. — Хагрид, ПОВОРАЧИВАЙ!

— Я должен доставить тебя туда в целом и невредимым, Гарри! — проорал Хагрид и прибавил газу.

— Стой! СТОЙ! — кричал Гарри, но когда он снова оглянулся, мимо его левого уха просвистели две зелёных молнии. От круга отделились четыре Пожирателя Смерти и теперь гнались за ними, целясь в широкую спину Хагрида. Тот кидал мотоцикл из стороны в сторону, но Пожиратели не отставали, продолжая осыпать их заклятиями, и Гарри пришлось спрятаться в коляске, чтобы его не задело. Извернувшись, он выкрикнул: «Остолбеней!», и яркая красная молния вылетела из его палочки, пробив брешь в ряду Пожирателей, отклонившихся, пропуская удар.

— Держись, Гарри, сейчас я им задам! — проревел Хагрид, и Гарри, подняв голову, заметил, как Хагрид толстым пальцем ударил по зелёной кнопке рядом с измерителем горючего. Из выхлопной трубы вылетела мощная чёрная стена. Неудобно вывернув шею, Гарри увидел, что стена разрасталась в воздухе. Трое Пожирателей вильнули в сторону и уклонились от удара, но четвёртому повезло меньше. Его метла развалилась на кусочки, он камнем упал вниз и исчез из виду. Один из тех, кто гнался за ними, притормозил, чтобы помочь падающему, но оба они, вместе с воздушной стеной, растворились во мраке, когда Хагрид, склонившись над рулём, погнал мотоцикл ещё быстрее.

Над головой Гарри пронеслось ещё несколько Смертельных заклятий, которыми из палочек стреляли двое оставшихся Пожирателей Смерти. Они пытались попасть в Хагрида. Гарри ответил Оглушающим заклятием, красная и зелёная вспышки столкнулись в воздухе, и во все стороны брызнул дождь разноцветных искр. Гарри не к месту вспомнил о фейерверке и подумал, что магглы даже не подозревают, что творится наверху.

— Сейчас я им ещё всыплю, держись, Гарри! — крикнул Хагрид и нажал на вторую кнопку. На этот раз из выхлопной трубы вылетела огромная сеть. Но Пожиратели уже были готовы к чему-то подобному. Они не только обогнули её, но даже третий, который притормозил, чтобы спасти их падающего приятеля, сумел их нагнать. Он неожиданно появился из тьмы, и теперь уже трое преследовали мотоцикл, осыпая его заклятиями.

— Пора отрываться, Гарри, держись крепче! — выкрикнул Хагрид, и Гарри увидел, как он ударил кулаком по алой кнопке рядом со спидометром.

Из выхлопной трубы с самым настоящим, оглушительным драконьим рёвом вырвался ослепительно белый с голубизной огонь, и мотоцикл, гремя железом, пулей полетел вперёд. Гарри видел, как Пожиратели Смерти бросились в рассыпную, чтобы не попасть под струю смертоносного пламени, и в тот же момент почувствовал, как коляска начала угрожающе раскачиваться: железные перемычки, которыми она крепилась к мотоциклу, от резкого рывка разболтались и начали ломаться.

— Ерунда, Гарри! — крикнул Хагрид, которого буквально опрокинуло на спину. Мотоциклом никто не управлял, от ускорения коляска начала отваливаться.

— Сейчас починю, Гарри, не волнуйся, — добавил Хагрид и вытащил из кармана пиджака свой розовый в цветочек зонт.

— Хагрид! Нет! Дай я!



— РЕПАРО!

Раздался оглушительный хлопок, и коляска полностью отвалилась от мотоцикла. Гарри нёсся вперёд по инерции, благодаря импульсу, приданному летящим мотоциклом, но очень быстро начал терять высоту.

В отчаянии Гарри направил на коляску палочку и приказал: «Вингардиум левиоса!»

Она подскочила, как поплавок, неуправляемая, но, по крайней мере, на нужную высоту. Только радоваться было ещё рано — мимо пронесли ещё несколько проклятий. Трое Пожирателей Смерти догоняли их.

— Я тут, Гарри! — крикнул из темноты Хагрид, но Гарри уже чувствовал, что коляска снова начала падать. Скорчившись так низко на дне коляски, как только мог, он указал палочкой в середину приближающейся группы Пожирателей и выкрикнул: «Импедимента!».

Заклятие поразило среднего Пожирателя в грудь, и человек на некоторое время застыл в воздухе, раскинув руки, будто натолкнулся на невидимую преграду, и один из его приятелей чуть не врезался в него.

Затем коляска начала по-настоящему падать, и оставшийся Пожиратель выстрелил заклятием так точно, что Гарри пришлось спрятаться за борт коляски, выбив себе зуб об край сидения.

— Я с тобой, Гарри, тут я!

Огромная рука ухватила Гарри сзади за мантию и выдернула из стремительно падавшей коляски. Гарри подхватил свой рюкзак, вскарабкался на сидение мотоцикла и оказался спиной к спине с Хагридом. Они рванули вперёд, удирая от двух оставшихся Пожирателей. Гарри выплюнул кровь изо рта, указал палочкой на падавшую коляску и крикнул:

— Конфринго!

Когда она взорвалась, он почувствовал жуткую боль, от которой внутри всё сжалось. Ближайшего Пожирателя сбило с метлы взрывом, второй отлетел назад и исчез.

— Гарри, прости, прости меня, — простонал Хагрид, — не надо было самому чинить... тебе тесно теперь...

— Ничего, летим дальше! — отозвался Гарри; из темноты вынырнул и приблизился ещё два Пожирателя. В небо между ними опять посыпались заклятия, Хагрид крутился и кидал мотоцикл из стороны в сторону. Гарри понимал, что тот опасается использовать кнопку драконьего огня — он еле примостился на сидении. Посылая одно за другим Оглушающие заклятия в преследователей, одно контрзаклятие за другим, он едва сдерживал их. Ближайший из Пожирателей Смерти метнулся вбок, уклоняясь, и капюшон сполз с головы. В свете алой вспышки своего следующего Оглушающего заклятия Гарри увидел лицо Стенли Шонпайка, поразительно пустое... Стэн...

— Экспелиармус! — крикнул Гарри.

— Вот он, это он, этот — настоящий!

Даже сквозь рёв мотоцикла Гарри расслышал вопль скрытого капюшоном Пожирателя Смерти. Оба преследователя немедленно отстали и пропали из виду.

— Гарри, в чем дело, куда это они? — проорал Хагрид.

— Не знаю!

Но Гарри было страшно. Пожиратель в капюшоне кричал: «Это настоящий!», как он догадался? Он вглядывался в кажущуюся пустой темноту и чувствовал угрозу. Где же они?

Он развернулся на сидении лицом вперёд и уцепился сзади за пиджак великана.

— Хагрид, давай ещё драконье пламя, нужно сматываться отсюда!

— Держись, Гарри!

Снова раздался тот оглушительный визгливый рёв, и бело-голубое пламя выстрелило из

выхлопной трубы. Гарри почувствовал, что соскальзывает со своего краешка сидения. Хагрид отклонился назад прямо на него, едва удерживая руль.

— Думаю, мы оторвались, Гарри, нам удалось! — выкрикнул Хагрид.

Но Гарри сомневался. Он озирался по сторонам в поисках своих преследователей и был уверен, что они вот-вот появятся, его охватил страх. Почему они отстали? У одного оставалась палочка... «Это он... Этот — настоящий...» Они объявили это сразу после того, как он кинул Обезаруживающее заклятие в Стэна...

— Мы уже почти на месте, Гарри, почти прилетели! — крикнул Хагрид.

Гарри почувствовал, как мотоцикл немного снизился, хотя огни внизу казались такими же далёкими, как и звёзды. Вдруг шрам у него на лбу вспыхнул от боли. С обеих сторон от мотоцикла возникли Пожиратели Смерти, и два Смертельных заклятия, пущенных им в спину, пролетели буквально в нескольких миллиметрах от Гарри.

И тут Гарри увидел его: Вольдеморт плыл, как дым по ветру, без метлы или тестрала, его змеиное лицо светилось в темноте, белые пальцы снова держали палочку...

Хагрид закричал от ужаса и поставил мотоцикл на дыбы. Вцепившись в него, чтобы не свалиться, Гарри кидал куда ни попадя Оглушающие заклятия, и они разлетались во все стороны в круговороте ночи. Он увидел, как мимо пролетело неподвижное тело, и понял, что сбил хотя бы одного, но буквально через мгновение услышал взрыв и увидел, что из мотора посыпались искры, и мотоцикл, потеряв управление, закрутился в воздухе...

Зелёный сноп огня снова пролетел мимо них. Гарри понятия не имел, где верх, а где низ, шрам всё ещё горел, и он был готов в любую секунду умереть. Фигура в капюшоне на метле была совсем близко, он увидел, как тот заносит руку...

— НЕТ!

С бешеным криком Хагрид спрыгнул с мотоцикла и кинулся на Пожирателя Смерти. С ужасом, Гарри наблюдал, как Хагрид с Пожирателем полетели вниз, потому что вместе оказались слишком тяжелы для метлы...

Из последних сил сжимая коленями камнем падающий вниз мотоцикл, Гарри услышал крик Вольдеморта:

— Он мой!

Это был конец. Он не мог рассмотреть или услышать с какой стороны от него был Вольдеморт, только успел мельком заметить, как другой Пожиратель метнулся прочь с его пути, и услышал: «Авада...»

Шрам болел так сильно, что он зажмурился, и тут его палочка начала действовать самостоятельно. Он почувствовал, что его рука куда-то потянулась вместе с ней, будто её притягивало неким огромным магнитом, увидел из-под полуприкрытых век поток золотого пламени, услышал треск и вопль ярости. Оставшийся Пожиратель Смерти взвыл, Вольдеморт визжал: «Нет!».

Непонятно как под самым его носом нашлась кнопка драконьего огня, и Гарри ударил по ней свободной рукой. Мотоцикл выплюнул ещё один сноп пламени и с грохотом понёсся к земле.

— Хагрид! — звал Гарри, вцепившись в мотоцикл. — Хагрид! Ассио Хагрид!

Мотоцикл летел к земле всё быстрее. Руль маячил возле его лица, и Гарри не видел ничего, кроме приближающихся огней. Он должен был вот-вот разбиться и ничего не мог с этим поделать. Позади раздался крик: «Палочку, Сельвин, дай мне свою палочку!»

Он почувствовал присутствие Вольдеморта за спиной раньше, чем увидел его. Он посмотрел в сторону и уставился в его красные глаза; он был уверен, что это будет последним, что он видел в жизни. Вольдеморт собирался ударить снова...

И вдруг Вольдеморт исчез. Гарри посмотрел вниз и увидел под собой распластавшегося на земле Хагрида. Он изо всех сил потянул за руль, чтобы не упасть на него, нащупал тормоза, но со всего размаху, так, что земля затряслась, с оглушительным грохотом свалился в грязный пруд.

## Глава пятая. Павший воин

— Хагрид?

Гарри изо всех сил пытался выбраться из груды металла и кожи, окружавшей его; он пробовал встать, но руки утопали в грязи. Он не мог понять, куда исчез Вольдеморт и поэтому ждал, что в любой момент тот может напасть из темноты. Что-то горячее и влажное сочилось по подбородку и со лба. Он вылез из водоёма и наткнулся на земле на большую тёмную глыбу, оказавшуюся Хагридом.

— Хагрид? Хагрид, скажи что-нибудь.

Тёмная глыба не шевелилась.

— Кто там? Это Поттер? Ты — Гарри Поттер?

Мужской голос был Гарри незнаком. Затем закричала женщина: «Они разбились. Тэд! Разбились в саду!

Всё поплыло перед глазами Гарри.

— Хагрид, — бессмысленно повторил он, и его колени подкосились.

Следующее, что он помнил — он лежал на спине на каких-то подушках с обжигающей болью в рёбрах и правой руке. Выбитый зуб был восстановлен. Шрам на лбу всё ещё пульсировал.

— Хагрид?

Он открыл глаза и увидел, что лежит на диване в незнакомой, освещённой гостиной. Его рюкзак — весь мокрый и грязный — лежал на полу неподалёку. Светловолосый мужчина с большим животом с тревогой наблюдал за Гарри.

— С Хагридом всё в порядке, сынок, — сказал мужчина, — моя жена сейчас за ним приглядывает. Как ты себя чувствуешь? Ничего больше не сломано? Я привёл в порядок твои рёбра, зуб и руку. Кстати, я Тэд, Тэд Тонкс — отец Доры.

Гарри сел слишком резко. Перед глазами запрыгали огоньки, голова закружилась, и ему подурнело.

— Вольдеморт...

— Тише, тише, — Тэд Тонкс положил ругу на плечо Гарри, и положил его назад на подушки. — Ты только что попал в ужасную катастрофу. Что вообще случилось? Что-то не так с мотоциклом? Артур Уизли опять преувеличил свои возможности, свои и всех этих маггльских штучек?

— Нет, — ответил Гарри; шрам пульсировал так, будто открытая рана. — Пожиратели смерти, целая толпа... за нами гнались...

— Пожиратели смерти? — резко спросил Тэд. — В смысле, Пожиратели смерти? Я думал, они не знают, что вы отправитесь сегодня вечером, я думал...

— Они знали, — сказал Гарри.

Тэд Тонкс взглянул на потолок, будто мог видеть небо сквозь него.

— Что ж, зато мы знаем, что наши защитные чары действуют. Они не смогут прорваться в радиусе сотни ярдов от этого места.

Теперь Гарри понял, почему исчез Вольдеморт: это случилось как раз в тот момент, когда мотоцикл пересёк барьер из чар, наложенных Орденом. Оставалось лишь надеяться, что они не спадут. Гарри представил, как Вольдеморт в сотне ярдов над ними выискивает способ проникнуть внутрь того, что Гарри представлял себе, как огромный прозрачный пузырь.

Он спустил ноги с дивана; надо было увидеть Хагрида собственными глазами, прежде чем поверить, что тот жив. Однако стоило ему только подняться, как дверь открылась, и в неё

протиснулся Хагрид: всё лицо в грязи и крови, немного хромавший, но чудесным образом живой.

— Гарри!

Перевернув по пути два столика и горшок с аспидистрой,<sup>[1]</sup> он в два шага пересёк комнату и так обнял Гарри, что чуть не сломал только что сращенные рёбра.

— Чтоб меня, Гарри, ты-то как выкарабкался? Я уж думал, мы оба того — преставились.

— Да, я тоже. Просто невероятно...

Гарри оборвался на полуслове. Он только что заметил женщину, вошедшую в комнату вслед за Хагридом.

— Ты! — выкрикнул он и сунул руку в карман, но там было пусто.

— Сынок, твоя палочка здесь, — Тэд похлопал Гарри палочкой по руке. — Она лежала рядом, я её подобрал. А женщина, на которую ты кричишь — моя жена.

— О, я... простите.

Как только она вошла в комнату, сходство миссис Тонкс со своей сестрой Беллатрикс стало гораздо меньше: её волосы были светлого, мягкого каштанового цвета, а глаза — больше и добрее. Тем не менее, после выпада Гарри, она выглядела несколько высокомерно.

— Что с нашей дочерью? — спросила она. — Хагрид сказал, что вы попали в засаду. Где Нимфадора?

— Я не знаю, — ответил Гарри. — Мы не знаем, что случилось с остальными.

Она и Тэд обменялись взглядами. При виде выражения их лиц, смесь страха и вины захлестнула Гарри: если кто-то из остальных умер, то это была его вина, только его. Он согласился на этот план, отдал им свои волосы...

— Портключ, — вдруг вспомнил он. — Нам надо вернуться в Нору и разузнать... тогда мы отправим вам известие или... или Тонкс, как только...

— Дромеда, с Дорой всё будет хорошо, — сказал Тэд. — Она своё дело знает, она в стольких передрягах была вместе с аврами. Портключ вон там, — добавил он Гарри. — Если вы хотите им воспользоваться, то он исчезнет через три минуты.

— Да, хотим, — Гарри схватил свой рюкзак и закинул на плечи. — Я...

Гарри взглянул на миссис Тонкс, желая извиниться за то состояние страха, в котором он её оставлял, и за которое он чувствовал свою ужасную ответственность, но все слова, что приходили на ум, казались пустыми и неискренними.

— Я скажу Тонкс... Доре... Чтобы она дала о себе знать, когда... Спасибо, что подлатали нас, спасибо за всё, я...

Гарри с радостью вышел из комнаты вслед за Тэдом Тонксом, прошёл через небольшую прихожую и очутился в спальне. Хагрид шёл позади, низко наклоняясь, чтобы не удариться головой о дверной проём.

— Ну вот, сынок. Это — портключ.

Мистер Тонкс указал на небольшую серебристую расчёску, лежавшую на туалетном столике.

— Спасибо, — Гарри, готовый к отправлению, вытянул руку, чтобы коснуться пальцем расчёски.

— Погоди-ка, — произнёс Хагрид, оглядываясь. — Гарри, а где ж Хедвиг?

— Её... её подстрелили, — ответил Гарри.

И тут на него обрушилось осознание происшедшего. Ему стало стыдно за слёзы, обжигавшие глаза. Сова была его другом, его единственной связью с магическим миром всякий раз, когда ему приходилось возвращаться к Дурслям.

Хагрид протянул свою огромную руку и больно похлопал Гарри по плечу.

— Ну, ничего, — сказал он угрюмо. — Ничего. Она прожила интересную, долгую жизнь...

— Хагрид! — предупреждающе сказал Тэд Тонкс, поскольку расчёска запылала ярким голубым светом, и Хагрид успел как раз вовремя прикоснуться к ней своим указательным пальцем.

С резким рывком в районе пупка, как если бы кто-то тащил его на невидимом рыболовном крючке, Гарри затянуло в небытие; палец словно приклеился к портключу. Бешено вращаясь, они с Хагридом уносились далеко от мистера Тонкса. Через секунду, ноги Гарри ударились о твёрдую землю, и он упал на четвереньки во дворе Норы. Послышались крики. Бросив в сторону уже не пылавшую расчёску, Гарри поднялся, слегка покачиваясь, и увидел миссис Уизли и Джинни, сбегавших по ступенькам чёрного хода, в то время как Хагрид, тоже упавший на землю, тяжело вставал на ноги.

— Гарри? Ты — настоящий Гарри? Что случилось? Где остальные? — закричала миссис Уизли.

— То есть? Ещё никто не вернулся? — спросил Гарри, тяжело дыша.

Ответ был отчётливо написан на бледном лице миссис Уизли.

— Пожиратели смерти поджидали нас, — сказал ей Гарри. — Нас окружили сразу же, как только мы взлетели. Они знали, что это будет сегодня. Не знаю, что случилось с остальными, за нами погнались четверо, нам ничего не оставалось, как только улетать, а затем нас догнал Вольдеморт...

В своём голосе он слышал извиняющиеся нотки, оправдание того, почему он не знает, что случилось с её сыновьями, но...

— Хвала небесам, что с тобой всё в порядке, — сказала она, заключая его в объятия, которых он, по его мнению, не заслужил.

— Молли, может у тебя найдётся малость бренди? — чуть дрожащим голосом спросил Хагрид. — В медицинских целях так сказать.

Она вполне могла призвать бренди с помощью магии, но она поспешила к покосившемуся дому; Гарри точно знал, что она просто не хотела показывать лица. Он повернулся к Джинни, и она немедленно ответила на его немой вопрос:

— Рон и Тонкс должны были прибыть первыми, но они не успели к своему портключу: он вернулся без них, — она указала на ржавую маслёнку, лежавшую рядом на земле. — А это, — она показала на старую кроссовку, — портключ папы и Фреда. Они должны были прибыть вторыми. Вы с Хагридом были третьими и, — она взглянула на часы, — если всё прошло нормально, то где-то через минуту должны вернуться Джордж с Люпином.

Миссис Уизли вернулась с бутылкой бренди, которую она отдала Хагриду. Он откупорил её, запрокинул и выпил в один присест.

— Мам! — крикнула Джинни, указывая на точку в нескольких шагах от них.

В темноте возник голубой свет. Он стал больше и ярче, и, вращаясь и падая, появились Люпин и Джордж. Гарри тут же понял, что что-то случилось: Люпин держал Джорджа, чьё лицо было всё в крови, а сам он был без сознания.

Гарри подбежал и схватил Джорджа за ноги. Вместе с Люпином они занесли Джорджа в дом, пронесли через кухню в гостиную и положили на диван. Как только свет от лампы упал на голову Джорджа, Джинни сдавленно охнула, а в желудке у Гарри всё перевернулось: у Джорджа не было одного уха. Вся сторона головы и шея были залиты влажной, ярко-алой кровью.

Как только миссис Уизли склонилась над своим сыном, Люпин схватил Гарри за плечо и без особых церемоний оттащил на кухню, где пытался высвободиться Хагрид, застрявший в дверном проёме чёрного хода.

— Эй! — сказал Хагрид с негодованием. — Ну-ка отпусти его! Ну-ка отпусти его!

Люпин не обратил на него внимания.

— Какое существо сидело в углу, когда Гарри Поттер впервые зашёл в мой кабинет в Хогвартсе? — спросил он, слегка тряхнув Гарри. — Отвечай!

— Э... гриндилоу в баке, нет?

Люпин отпустил Гарри и прислонился к буфету.

— Это ещё что за дела такие? — проревел Хагрид.

— Извини, Гарри, но я должен был проверить, — кратко сказал Люпин. — Нас предали. Вольдемо́рт знал, что мы будем переправлять тебя этим вечером, а те, кто мог ему об этом рассказать, все были участниками этого плана. Ты мог быть самозванцем.

— Чего же это ты меня тогда не проверяешь? — пропыхтел Хагрид, всё ещё борясь с дверью.

— Ты полувеликан, — пояснил Люпин, глядя на Хагрида. — Обратное зелье действует только на людей.

— Никто из Ордена не сказал бы Вольдемо́рту о том, что мы отправимся сегодня, — возразил Гарри. Эта мысль казалась ему ужасной, он не мог поверить, что кто-то из них способен на такое. — Вольдемо́рт погнался за мной уже под конец, вначале он не знал, который из нас был я. Если бы он был в курсе нашего плана, то он с самого начала знал бы, что я был с Хагридом.

— За тобой погнался Вольдемо́рт? — резко спросил Люпин. — Что случилось? Как ты ушёл от него?

Гарри рассказал, как гнавшиеся за ними Пожиратели смерти, по всей видимости, узнали в нём настоящего Гарри, как они прекратили преследование, как они вызвали Вольдемо́рта, который появился прямо перед тем, как им с Хагридом подлететь к убежищу родителей Тонкс.

— Они узнали тебя? Но как? Что ты такого сделал?

— Я... — Гарри пытался вспомнить; всё путешествие представлялось ему, как неясное нагромождение паники и хаоса. — Я увидел Стэна Шанпайка... ну, тот парень, что был кондуктором в «Ночном рыцаре». И я попытался его разоружить вместо того, чтобы... ну, он даже не понимает, что делает. Наверняка он был под заклятием Империиус!

Люпин выглядел ошеломленным.

— Гарри, время разоружений прошло! Эти люди хотят поймать тебя и убить! Если ты не готов убивать, то хотя бы оглушай!

— Мы были в сотнях футов от земли! Стэн сам не свой, и если бы я оглушил его и он упал, он умер бы так же, как если бы я использовал Авада Кедавра! Экспеллиармус спас меня от Вольдемо́рта два года назад, — вызывающе добавил Гарри. Люпин напомнил ему язвительного Захарию Смита, студента из Хаффлпафф, который смеялся над Гарри за то, что тот хотел научить разоружению членов Дамблдорской армии.

— Да, Гарри, — сказал Люпин, с трудом сдерживаясь, — и тому были свидетелями многие Пожиратели смерти! Извини меня, но тогда — под угрозой неминуемой гибели — это был очень необычный ход. Повторить подобное сегодня перед Пожирателями смерти, которые либо были свидетелями того случая либо слышали о нём, было сравнимо с самоубийством!

— Значит, вы считаете, что мне надо было убить Стэна Шанпайка? — сердито сказал Гарри.

— Конечно, нет, — ответил Люпин, — но Пожиратели смерти — большинство из них, откровенно говоря — ожидали, что ты снова так сделаешь! Экспеллиармус — полезное заклинание, Гарри, но Пожиратели смерти, похоже, считают его твоим фирменным знаком, и я пытаюсь тебя убедить, чтобы этого не произошло!

Люпин заставлял Гарри чувствовать себя совершенно по-идиотски, но всё же какая-то

крупница неповиновения оставалась внутри него.

— Я не буду сметать людей с пути только потому, что они там стоят, — сказал Гарри. — Это работа Вольдеморта.

Люпин не смог возразить: наконец-то успешно протиснувшись в дверь, Хагрид добрёл до стула и уселся в него; стул тут же под ним сломался. Не обращая внимания на смесь ругательств и извинений, Гарри вновь обратился к Люпину:

— С Джорджем всё будет в порядке?

Вся разочарованность Люпина в Гарри, казалось, тут же улетучилась.

— Думаю да, хотя ухо восстановить не удастся, раз его оторвало заклятием.

Снаружи донёсся какой-то шум. Люпин нырнул в чёрный ход; Гарри перепрыгнул через ноги Хагрида и выбежал во двор.

Во дворе появились две фигуры, и когда Гарри подбежал к ним, то увидел, что это была Гермиона, вернувшая к своему обычному облику и Кингсли, оба сжимавшие погнутую вешалку для пальто. Гермиона бросилась в руки Гарри, но Кингсли не выразил радости при виде кого-либо из них. Через плечо Гермионы Гарри заметил, как он поднял свою палочку и направил её в грудь Люпина.

— Последние слова, которые Альбус Дамблдор сказал нам двоим!

— Гарри — наша лучшая надежда. Доверяйте ему, — спокойно ответил Люпин.

Кингсли направил палочку на Гарри, но Люпин сказал:

— Это он, я проверил!

— Хорошо, хорошо! — сказал Кингсли, пряча палочку под плащ. — Но кто-то нас предал! Они знали, они знали, что это будет сегодня!

— Похоже на то, — ответил Люпин, — но очевидно они не знали, что будет семь Гарри.

— Слабое утешение! — проворчал Кингсли. — Кто ещё вернулся?

— Только Гарри, Хагрид, Джордж, и я.

Гермиона сдержала стон, прикрыв рот рукой.

— А с вами что произошло? — спросил Люпин Кингсли.

— За нами гнались пятеро, двоих мы зацепили, одного возможно убили, — выпалил Кингсли, — и ещё мы видели Сам-Знаешь-Кого. Он присоединился к погоне на полпути, но очень быстро исчез. Рем, он может...

— Летать, — добавил Гарри. — Я тоже его видел, он полетел за нами с Хагридом.

— Вот значит, почему он отстал — за вами пролетел! — сказал Кингсли. — А я понять не мог, почему он исчез. Что, интересно, заставило его сменить цель?

— Гарри чересчур любезно обошёлся со Стэном Шанпайком, — пояснил Люпин.

— Стэн? — повторила Гермиона. — Но я думала, что он в Азкабане.

Кингсли издал безрадостный смешок.

— Гермиона, по всей видимости, произошёл массовый побег, о котором Министерство умолчало. Я видел Треверса — с него слетел капюшон, когда я попал в него заклятием — а ведь он тоже должен был быть в Азкабане. А с тобой что случилось, Рем? Где Джордж?

— Он потерял ухо, — сказал Люпин.

— Потерял?.. — высоким голосом повторила Гермиона.

— Снейп постарался, — пояснил Люпин.

— Снейп? — выкрикнул Гарри. — Вы не сказали...

— Он потерял капюшон во время погони. Сектумсемпра всегда была коньком Снейпа. Жаль не могу сказать, что отплатил ему тем же — пришлось удерживать Джорджа на метле, после того, как он был ранен; он быстро терял кровь.

Повисла тишина, поскольку все четверо смотрели в небо. В небе не было ни малейшего



признака движения; звёзды смотрели на них в ответ, не мигая, ровно, не закрываясь фигурами летевших друзей. Где был Рон? Где были Фред и мистер Уизли? Где были Билл, Флёр, Тонкс, Грозный Глаз и Мундунгус?

— Гарри, может, подсобишь? — хрипло позвал Хагрид из двери, в которой он опять застрял. Обрадованный возможностью чем-нибудь заняться, Гарри помог Хагриду освободиться, прошёл через пустую кухню и вернулся в гостиную, где миссис Уизли и Джинни всё ещё занимались Джорджем. Миссис Уизли остановила кровотечение, и теперь при свете лампы Гарри увидел чистую зияющую дыру на том месте, где раньше было ухо Джорджа.

— Как он?

Миссис Уизли оглянулась и сказала:

— Я не могу отрастить ухо обратно, из-за того была использована тёмная магия. Но всё могло быть гораздо хуже. Он жив.

— Да, — согласился Гарри, — слава богу.

— Мне показалось, что во дворе был кто-то ещё? — спросила Джинни.

— Гермiona и Кингсли, — ответил Гарри.

— Хвала небесам, — прошептала Джинни. Они посмотрели друг на друга; Гарри хотел обнять её, прижаться к ней; его даже не особо волновало, что рядом была миссис Уизли, но прежде, чем он смог поддаться внезапному порыву, из кухни донёсся какой-то грохот.

— Я докажу тебе кто я, Кингсли, после того, как увижу своего сына, а теперь отойди, или тебе же хуже будет!

Гарри никогда раньше не слышал, чтобы мистер Уизли так ругался. Он ворвался в гостиную: его лысина блестела от пота, а очки перекосились; рядом бежал Фред, оба они были бледные, но невредимые.

— Артур! — всхлипнула миссис Уизли. — Хвала всевышнему!

— Как он себя чувствует?

Мистер Уизли упал на колени рядом с Джорджем. Фред впервые за всё время, что знал его Гарри, казалось, не знал что сказать. Он стоял за диваном и смотрел на рану своего близнеца с таким изумлением, будто не мог поверить своим глазам.

Вероятно разбуженный шумом от прибытия Фреда и мистера Уизли, Джордж пошевелился.

— Как ты себя чувствуешь Джордж? — прошептала миссис Уизли.

Пальцы Джорджа ощупали сторону его головы.

— Как светило, — пробормотал он.

— Что это с ним? — испуганно прохрипел Фред. — У него что, разум помутился?

— Светило, — повторил Джордж, открывая глаза и глядя на брата. — Видишь, как сияет? Сияет. Зияет, Фред, дошло?

Миссис Уизли зарыдала ещё сильнее. Бледное лицо Фреда порозовело.

— Душераздирающе, — сказал он Джорджу. — Душераздирающе! При всём многообразии придуманных до тебя шуток про уши, ты выбрал именно эту?

— Что ж, — Джордж улыбнулся своей заплаканной матери. — Зато, мам, теперь ты сможешь нас различать.

Он оглянулся.

— Привет, Гарри... ты ведь Гарри?

— Да, — Гарри подошёл ближе к дивану.

— Что ж, по крайней мере, тебя мы вернули в целости, — сказал Джордж. — А почему Рон с Биллом не толпятся у постели больного?

— Они ещё не вернулись, Джордж, — сказал мистер Уизли. Улыбка спала с лица Джорджа. Гарри взглянул на Джинни и знаком предложил ей выйти на улицу. Когда они проходили кухню,

Джинни тихо сказала:

— Рон и Тонкс уже должны были вернуться. Им недолго добираться; Тётушка Мюриэль живёт неподалёку.

Гарри ничего не сказал. С момента прибытия в Нору он пытался сдерживать свой страх, но теперь страх накрыл его с головой, казалось, он полз по коже, пульсировал в груди, застрял в глотке. Когда они спускались с заднего крыльца в тёмный двор, Джинни взяла его за руку.

Кингсли шагал взад и вперед, глядя в небо каждый раз, когда разворачивался. Гарри вспомнил, как миллион лет назад дядя Вернон так же ходил по гостинной. Хагрид, Гермиона и Люпин стояли плечом к плечу и молча глядели вверх. Никто из них даже не оглянулся, когда к их безмолвному дежурству присоединились Гарри и Джинни.

Минуты растянулись на целые годы. Малейшее дыхание ветра заставляло их всех подскакивать и поворачиваться в сторону шелестящего куста или дерева в надежде, что из листвы вдруг выпрыгнет пропавший член Ордена, целый и невредимый.

И вдруг прямо над ними возникла метла и понеслась к земле.

— Это они, — закричала Гермиона.

При приземлении метлу Тонкс резко занесло, и вокруг полетели куски земли и галька.

— Рем! — крикнула Тонкс, пошатываясь, слезла с метлы и упала в руки Люпина. Лицо Люпина было каменным и белым как мел; казалось, он не мог вымолвить ни слова. Рон в оцепенении подошёл к Гарри и Гермионе.

— С вами всё в порядке, — успел он пробормотать, прежде чем Гермиона бросилась к Рону и крепко его обняла.

— Я думала... я думала...

— Да всё нормально, — Рон похлопал её по спине. — Всё нормально.

— Рон был на высоте, — по-дружески отозвалась Тонкс, высвобождаясь из объятий Люпина. — Просто великолепен. Оглушил одного Пожирателя смерти прямо в голову, а попасть в движущуюся цель, сидя на летящей метле...

— Это правда? — Гермиона изумлённо посмотрела на Рона, всё ещё обхватив его за шею.

— Ты всегда так удивляешься, — немного ворчливо ответил Рон, освобождаясь из объятий. — Мы последние?

— Нет, — сказала Джинни, — мы всё ещё ждём Билла с Флёр и Грозного Глаза с Мундунгусом. Пойду, скажу маме с папой, что с тобой всё в порядке, Рон...

Она убежала в дом.

— Вы чего так задержались? Что случилось? — Люпин говорил так, словно сердился на Тонкс.

— Беллатрикс, — ответила Тонкс. — Она хотела до меня добраться не меньше, чем до Гарри. Из всех сил старалась меня убить. Жаль, что не удалось её зацепить, но я с ней ещё расквитаюсь. А вот в Родольфуса мы определённо попали. Потом прилетели к тётушке Рона Мюриэль, к портключу не успели, еле от неё отвязались...

На челюсти Люпина заметно играл мускул. Он кивал, но, казалось, был не в состоянии что-либо ещё сказать.

— А с вами со всеми что было? — спросила Тонкс, поворачиваясь к Гарри, Гермионе и Кингсли.

Они пересказали истории собственных приключений, но всё это время продолжавшееся отсутствие Билла, Флёр, Грозного Глаза и Мундунгуса, казалось, окутывало их как мороз, который жалил своими ледяными иглами, не давая расслабиться.

— Мне пора возвращаться на Даунинг-стрит, <sup>[2]</sup> я уже час, как должен быть там, — наконец сказал Кингсли, в последний раз оглядев небо. — Дайте мне знать, когда они вернутся.

Люпин кивнул. Махнув на прощание остальным, Кингсли зашагал в темноту в сторону ворот. Гарри даже показалось, что он услышал лёгкий хлопок, с которым дизаппарировал Кингсли, оказавшись вне границ Норы.

С лестницы чёрного хода торопливо спустились мистер и миссис Уизли; позади шла Джинни. Оба родителя обняли Рона, после чего обернулись к Люпину и Тонкс.

— Спасибо вам, — сказала миссис Уизли, — за наших сыновей.

— Молли, не говори глупости, — тут же ответила Тонкс.

— Как там Джордж? — спросил Люпин.

— А что с ним? — всполошился Рон.

— Он потерял...

Но окончание фразы миссис Уизли потонуло в общем шуме. Только что в поле зрения появился тестрал, после чего приземлился в нескольких шагах от них. С его спины соскользнули Билл и Флёр, потрепанные ветром, но оба невредимые.

— Билл! Слава богу, слава богу...

Миссис Уизли бросилась вперёд, но Билл лишь машинально приобнял её. Глядя на отца, он сказал: «Грозный Глаз мёртв».

Никто ничего не сказал, никто не пошевелился. Гарри почувствовал, будто что-то внутри него обрывается, проваливается сквозь землю, покидая его навсегда.

— Мы видели своими глазами, — сказал Билл, и Флёр кивнула в подтверждение; по её щекам катились слёзы и сверкали в свете, лившемся из кухонного окна. — Это случилось сразу, как только мы вырвались из кольца: Грозный Глаз и Гнус были недалеко от нас, они тоже направлялись на север. Вольдеморт — он умеет летать — направился прямо на них. Гнус запаниковал, я слышал, как он завопил, Грозный Глаз пытался его остановить, но тот дизаппарировал. Заклятие Вольдеморта ударило Грозного Глаза прямо в лицо, он опрокинулся с метлы и... мы ничего не могли сделать, ничего, у нас самих их на хвосте полдюжины висело...

Голос Билла смолк.

— Конечно, вы ничего не могли сделать, — произнёс Люпин.

Все они стояли, глядя друг на друга. Гарри не мог до конца в это поверить. Грозный Глаз мёртв; этого не могло быть... Грозный Глаз, такой нестигаемый, такой храбрый, непримиримый борец...

Наконец, все, похоже, поняли, хотя никто об этом не говорил, что смысла оставаться во дворе и ждать нет, и в тишине все они пошли за мистером и миссис Уизли назад в Нору, в гостиную, где смеялись Фред с Джорджем.

— Что такое? — спросил Фред, взглянув на их лица, стоило им только зайти. — Что случилось? Кто?..

— Грозный Глаз, — ответил мистер Уизли. — Мёртв.

Улыбки близнецов тут же исказились от услышанного. Никто, казалось, не знал, что делать. Тонкс тихо плакала в платок: Гарри знал, что она была очень близка Грозному Глазу, она была его любимицей и его протеже в Министерстве магии. Хагрид, сидевший на полу, где ему было посвободнее, утирал глаза платком размером со скатерть.

Билл подошёл к буфету и вытащил бутылку огневиски и несколько стаканов.

— Что ж, — взмахом палочки он отправил по воздуху двенадцать наполненных стаканов каждому из находившихся в комнате, держа при этом тринадцатый. — За Грозного Глаза.

— За Грозного Глаза, — сказали все они и выпили.

— За Грозного Глаза, — икнув, чуть позже отозвался Хагрид. Огневиски обожгло горло Гарри как огнём. Было ощущение, что этот огонь вернул его в чувство, рассеял оцепенение и ощущение нереальности происходившего, разжёл в нём нечто похожее на храбрость.

— Так значит, Мундунгус исчез? — спросил Люпин, залпом осушивший свой стакан.

Атмосфера сразу изменилась. Все напряглись, глядя на Люпина, с одной стороны, как показалось Гарри, желая, чтобы он продолжал, а с другой — немного боясь того, что они могли бы услышать.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — сказал Билл, — и я тоже задавался этим вопросом по пути сюда, потому что, похоже, они нас ждали. Но Мундунгус не мог нас предать. Они не знали, что будет семь Гарри, и, когда мы появились, это явно сбило их с толку, а, если вы не забыли, именно Мундунгус предложил эту маленькую хитрость. Почему бы ему было не рассказать им такую существенную деталь? Думаю, Гнус просто испугался. Он с самого начала не хотел в этом участвовать, но Грозный Глаз его заставил, к тому же Сам-Знаете-Кто полетел прямо на них. От такого кто угодно запаникует.

— Сами-Знаете-Кто действовал именно так, как ожидал Грозный Глаз, — просопела Тонкс. — Грозный Глаз сказал, что тот будет ожидать, что настоящий Гарри будет с самым сильным, самым опытным аврором. Первым делом он погнался за Грозным Глазом, но когда Мундунгус их выдал, то сразу переключился на Кингсли.

— Всё это очень хорошо, — заговорила Флёр, — но это не объясняет, откуда они знали, что мы будем переезжать Арри сегодня? Похоже, что кто-то бил не очень осторожен. Кто-то случайно проговорился о дате. Только так можно объяснить то, что они знали дату, но не знали весь план.

Она оглядела всех присутствовавших; на её красивом лице до сих пор виднелись следы от слёз, как безмолвный вызов любому, кто осмелится с ней спорить. Никто не осмелился. Единственный, кто нарушал тишину, был Хагрид икавший из-за своего платка. Гарри взглянул на Хагрида, который только что рисковал собственной жизнью, чтобы спасти Гарри, Хагрида, которого он любил, которому доверял, и который однажды по доверчивости в обмен на драконье яйцо выдал Вольдеморту жизненно важную информацию.

— Нет, — громко сказал Гарри, и все с удивлением посмотрели на него. Огневиски, казалось, придало силы его голосу. — То есть... если кто-то и совершил ошибку, — продолжил Гарри, — и проговорился, я уверен, это было сделано не специально. Никто в этом не виноват, — повторил он снова немного громче, чем говорил обычно. — Мы должны доверять друг другу. Я доверяю каждому из вас и знаю, что ни один из присутствующих в этой комнате никогда не продаст меня Вольдеморту.

Вслед за его словами повисла тишина. Все смотрели на него; Гарри вновь почувствовал лёгкий жар, и чтобы чем-то занять тишину, выпил ещё огневиски. Выпив, он подумал о Грозном Глазе. Грозный Глаз всегда критиковал готовность Дамблдора доверять людям.

— Хорошо сказано, Гарри, — неожиданно произнёс Фред.

— Да... поддерживаем едино-ушно, — сказал Джордж, чуть заметно глянув на Фреда, улыбнувшегося уголком рта.

Странное выражение было у Люпина, когда он смотрел на Гарри. Что-то сродни жалости.

— Считаете меня дураком? — заявил Гарри.

— Нет, я считаю, что ты совсем как Джеймс, — ответил Люпин, — который недоверие друзьям расценил бы как высшую степень позора.

Гарри понимал, что хотел этим сказать Люпин: его отца предал его друг — Питер Петтигрю. Он чувствовал в себе какую-то глупую злость. Он хотел поспорить, но Люпин отвернулся от него, поставил свой стакан на столик и обратился к Биллу:

— Нужно кое-что сделать. Я могу попросить Кингсли, если...

— Нет, — тут же ответил Билл, — не надо, я пойду.

— Вы куда? — хором спросили Тонкс и Флёр.

— Тело Грозного Глаза, — ответил Люпин. — Надо его найти.

— А нельзя?.. — начала миссис Уизли, умоляюще глядя на Билла.

— Подождать? — сказал Билл. — Пока его не забрали Пожиратели смерти?

Все молчали. Люпин и Билл попрощались и вышли.

Оставшиеся уселись на стулья, все, кроме Гарри, который остался стоять. Каждый в комнате ощутил внезапность и окончательность смерти.

— Мне тоже пора, — сказал Гарри.

Десять пар встревоженных глаз посмотрели на него.

— Что за глупости, Гарри? — сказала миссис Уизли. — О чём ты говоришь?

— Я не могу здесь оставаться.

Он потёр свой лоб; уже больше года он не беспокоил, а теперь снова покалывал.

— Пока я здесь, вы все в опасности. Я не хочу...

— Что ещё за глупости! — возмутилась миссис Уизли. — Вся сегодняшняя затея была ради того, чтобы доставить тебя сюда в сохранности, и это, слава богу, удалось. К тому же Флёр согласилась устроить свадьбу здесь, а не во Франции, мы всё так устроили, чтобы быть всем вместе и заботиться о тебе.

Она не понимала; от этого ему становилось не лучше, а ещё хуже.

— Если Вольдеморт узнает, что я здесь...

— С чего он это узнает? — спросила миссис Уизли.

— Гарри, ты сейчас можешь быть в дюжине мест, — сказал мистер Уизли. — Ему никак не узнать, в каком из убежищ ты находишься.

— Да я не за себя беспокоюсь! — сказал Гарри.

— Мы это знаем, — тихо сказал мистер Уизли, — но если ты уйдёшь, все наши усилия окажутся бесполезными.

— И никуда ты не пойдёшь, — прорычал Хагрид. — Чтоб меня, Гарри, и это после всего, что мы с тобой сегодня пережили?

— Да, а как же моё кровоточащее ухо? — поинтересовался Джордж, приподнимаясь с подушек.

— Я знаю что...

— Грозный Глаз вряд ли бы одобрил...

— Я ЗНАЮ! — взревел Гарри.

Всё это было похоже на осаду и шантаж. Неужели они считают, что он не понимает, как много они сделали ради него, разве они не понимают, что именно по этой причине он хочет уйти сейчас, пока им не пришлось страдать из-за него ещё сильнее? Повисло долгое и неловкое молчание; шрам продолжал колотить и пульсировать; наконец миссис Уизли прервала тишину:

— Гарри, а где Хедвиг? — спросила она. — Можно было бы посадить её к Свинристелю и дать ей еды.

Внутри у него всё сжалось в кулак. Он не мог сказать ей правды. Чтобы не отвечать, он допил свой огневиски.

— Ты, Гарри, погодь, вот они узнают, как ты опять от него убёг, — сказал Хагрид. — Отбилась от него, когда он почти уж тебя накрыл!

— Это не я, — возразил Гарри. — Это моя палочка. Она действовала сама по себе.

Через пару мгновений Гермиона тихо сказала:

— Гарри, это невозможно. Ты хочешь сказать, что создал заклинание сам того не желая; просто ты действовал инстинктивно.

— Нет, — сказал Гарри. — Мотоцикл падал, и я даже не знал, где был Вольдеморт, а моя палочка развернулась у меня в руке, сама его нашла и выстрелила в него заклинанием, которого

я даже и не знаю. Раньше у меня никогда не было золотого пламени.

— Зачастую, — сказал мистер Уизли, — когда ты находишься в безвыходной ситуации, ты можешь прибегнуть к магии, о которой даже и не мечтал. Маленькие дети, пока их не научат, часто...

— Это было совсем не то, — сквозь зубы процедил Гарри. Его шрам горел. Он был зол и разочарован. Он был вне себя оттого, что все они считали, что он обладает силой, сравнимой с силой Вольдеморта.

Никто ничего не сказал. Он знал, что они ему не поверили. Он и сам никогда раньше не слышал, чтобы палочка действовала сама по себе.

Шрам болезненно горел, а всё, что он мог сделать, это не стонать слишком громко. Что-то пробормотав про свежий воздух, он поставил свой стакан и вышел из комнаты.

Проходя по двору, Гарри увидел тестрала: крупное скелетообразное существо подняло свою голову, шевельнув огромными крыльями, похожими на крылья летучей мыши, после чего продолжило щипать траву. Гарри остановился у ворот в сад, оглядывая вымахавшие растения, потирая пульсировавший лоб и думая о Дамблдоре.

Он знал, что Дамблдор поверил бы ему. Дамблдор наверняка мог бы ответить, как и почему палочка Гарри действовала независимо от него, потому что у Дамблдора всегда находились ответы. Он много знал о палочках и даже объяснил Гарри странную связь, которая существовала между его палочкой и палочкой Вольдеморта. Но Дамблдор, как и Грозный Глаз, как Сириус, как его родители, как его несчастная сова, все они были там, где Гарри никогда уже не сможет с ними поговорить. Он почувствовал жжение в горле, которое не имело никакого отношения к огневиски.

И в этот момент, ни с того ни с сего, шрам пронзила невыносимая боль. Схватившись за лоб и закрыв глаза, он услышал голос, кричавший в его голове.

— Ты сказал, что проблемы не будет, когда я возьму другую палочку!

В мозгу возник образ истощённого старика, лежавшего на тряпках на каменном полу и кричавшего... ужасный, непрекращающийся крик, крик невыносимой муки.

— Нет! Нет! Я прошу вас, я прошу вас...

— Ты солгал лорду Вольдеморту, Олливандер!

— Нет... Клянусь, нет...

— Ты пытался помочь Поттеру, помочь ему сбежать от меня!

— Клянусь, нет... Я думал, что другая палочка поможет...

— Тогда объясни, почему так произошло. Палочка Люциуса уничтожена!

— Я не понимаю... Связь... существует только... между вашими палочками...

— Ложь!

— Пожалуйста... Я прошу вас...

Гарри увидел, как белая рука подняла палочку, почувствовал, как на Вольдеморта нахлынула волна невероятной ярости, и увидел, как хилый старик на полу корчится в муках...

— Гарри?

Всё закончилась так же быстро, как и началось. Гарри стоял, дрожа в темноте, держась за садовые ворота; сердце бешено билось, шрам всё ещё колот. Лишь через пару мгновений Гарри понял, что рядом стоят Рон и Гермиона.

— Гарри, вернёмся в дом, — прошептала Гермиона. — Ты всё ещё хочешь уйти?

— Да, приятель, оставайся, — сказал Рон, похлопывая Гарри по спине.

— Как ты себя чувствуешь? — Гермиона подошла ближе и посмотрела Гарри в лицо. — Ты выглядишь ужасно!

— Ну, — неуверенно ответил Гарри. — Наверное, всё-таки лучше, чем Олливандер.

Когда он закончил рассказывать о том, что он видел, Рон выглядел шокированным, а Гермиона — просто напуганной.

— Но это должно было прекратиться! Твой шрам... так не должно было больше быть! Нельзя позволять, чтобы эта связь снова восстановилась! Дамблдор хотел, чтобы ты закрывал свой разум!

После того, как он не ответил, она взяла его за руку.

— Гарри, он захватывает Министерство, газеты и половину мира волшебников! Не позволяй ему завладеть и твоей головой!

## Глава шестая. Упырь в пижаме

В последующие дни домом владело потрясение от потери Грозного Глаза, Гарри все время ждал, что он вот-вот появится и, ковыляя, пройдет через черный ход, как другие члены Ордена, которые приходили и уходили, чтобы доставить новости. Гарри чувствовал, что только действие поможет уменьшить его горе и чувство вины, и что ему следует приступить к выполнению долга: найти и уничтожить хоркруксы как можно быстрее.

— Ну, ты же ничего не сможешь поделать с, — Рон беззвучно, одними губами произнес это слово, — «хоркруксами», пока тебе не исполнится семнадцать. Ты все еще под наблюдением. А планировать тут можно с тем же успехом, что и в любом другом месте, разве нет? Или, — он заговорил шепотом, — ты думаешь, что знаешь, где эти Сам-Знаешь-Что?

— Нет, — признался Гарри.

— Думаю, Гермиона что-то нашла, — сказал Рон. — Она сказала, что побережет результаты, пока ты не окажешься здесь.

Они завтракали за столом, мистер Уизли и Билл только что ушли на работу. Миссис Уизли пошла наверх, будить Гермиону и Джинни, а Флер отправилась принимать ванну.

Наблюдения не станут двадцать первого, — сказал Гарри. — То есть, мне просто нужно здесь пробыть четыре дня. Тогда я смогу...

— Пять дней, — решительно поправил Рон. — Нам нужно остаться на свадьбу. Они же нас убьют, если мы ее пропустим.

Гарри понял, что «они» — это Флер и миссис Уизли.

— Всего один лишний день, — сказал Рон, глядя на возмущенного Гарри.

— Они что, не понимают, как важно?..

— Нет, конечно, — сказал Рон. Понятия не имеют. А теперь, раз уж ты упомянул об этом, я хочу с тобой поговорить.

Рон взглянул на дверь в коридор, чтобы убедиться, что миссис Уизли еще не возвращается, а потом наклонился ближе к Гарри.

— Мама пыталась выпытать у меня и Гермионы, что мы собираемся делать. Ты у нее на очереди, так что приготовься. Папа и Люпин тоже спрашивали, но мы сказали, что Дамблдор просил тебя никому не говорить, кроме нас, и они отстали. Только не мама. Она упрямая.

Прогноз Рона сбился за несколько часов. Незадолго до обеда миссис Уизли увела Гарри от остальных, попросив его помочь определить, кому принадлежит мужской носок без пары; по ее мнению, он мог выпасть из его рюкзака. Как только он оказался в крошечном чулане, отделенном от кухни, она начала говорить.

— Рон и Гермиона, кажется, думают, что вы трое бросаете Хогвартс, — начала она обычным, непринужденным тоном.

— О, — сказал Гарри, — Ну, да. Да.

Валик для глажки белья сам по себе повернулся в своем углу, вылавливая нечто, похожее на один из жилетов мистера Уизли.

— Можно спросить, почему вы бросаете учебу? — спросила миссис Уизли.

— Ну, Дамблдор оставил мне... одно дело, — пробормотал Гарри, — Рон и Гермиона знают о нем и хотят отправиться со мной.

— Что за дело?

— Извините, я не могу...

— Ну, откровенно говоря, я считаю, что Артур и я имеем право знать, и я уверена, что



мистер и миссис Грейнджер согласились бы с этим, — сказала миссис Уизли. Гарри боялся атаки "обеспокоенных родителей". Он заставлял себя смотреть прямо в ее глаза, заметив при этом, что они точно такого же оттенка коричневого, как у Джинни. Это не помогало.

— Дамблдор хотел, чтобы никто кроме нас не знал об этом, миссис Уизли. Мне жаль. Рон и Гермиона не должны идти, они сами решили...

— Я не понимаю, почему ты должен уходить! — вскрикнула она, отбрасывая притворство. — Вы едва стали совершеннолетними, все вы! Полная чепуха, уж если Дамблдору было что-то нужно, то у него в распоряжении был весь Орден! Гарри, ты наверняка неправильно его понял. Возможно, он рассказывал тебе о том, что хотел сделать, а ты понял, что он хотел, чтобы это сделал ты...

— Я все правильно понял, — решительно сказал Гарри, — Все должен сделать я.

Он протянул ей носок без пары с золотым орнаментом в виде озерного тростника, который он якобы должен был опознать.

— А это не мое. Я не болею за «Паддлмир Юнайтед».

— О, конечно, нет, — сказала миссис Уизли, неожиданно обычным тоном, что звучало довольно обескураживающе. — Мне надо было понять. Что ж, Гарри, пока ты здесь, у нас, ты ведь не откажешься помочь подготовиться к свадьбе Билла и Флер? Еще так много нужно сделать.

— Нет... я... конечно, нет, — сказал Гарри в замешательстве из-за неожиданной смены темы разговора.

— Очень мило с твоей стороны, — ответила она и, улыбаясь, вышла из чулана.

С этого момента, миссис Уизли так нагроутила Гарри, Рона и Гермиону подготовкой к свадьбе, что у них почти не было времени, чтобы подумать. Такое поведение могло бы объясняться тем, что миссис Уизли из лучших побуждений пыталась отвлечь их от мыслей о Грозном Глазе и ужасах их недавнего путешествия. После двух дней безостановочной чистки ножей, подбора оттенков украшений, лент и цветов, освобождения сада от гномов и помощи миссис Уизли в приготовлении неимоверного количества канapé, Гарри, тем не менее, начал подозревать, что у нее были другие мотивы. Все дела, которые она им поручала, он, Рон и Гермиона выполняли по отдельности друг от друга, у Гарри не было возможности поговорить с друзьями наедине с первой ночи, когда он рассказал им о том, что Волдеморт мучает Олливандера.

— По-моему, мама считает, что, раз уж она не сможет предотвратить ваши сборы и планы, то сможет отсрочить ваш отъезд. — Джинни сказала это Гарри в полголоса, когда они накрывали стол перед ужином в третий вечер их пребывания у Уизли.

— И как она думает, что случится потом? — пробормотал Гарри.

— Кто-то еще может убить Волдеморта, пока она держит нас здесь, чтобы печь слоеные пироги?

Он сказал это, не подумав, и увидел, как побледнела Джинни.

— Так это правда? — спросила она. — Вы хотите сделать это?

— Я... Нет... Я пошутил, — уклончиво ответил Гарри.

Они уставились друг на друга. В выражении лица Джинни было нечто большее, чем удивление. Неожиданно Гарри осознал, что они с ней остались одни впервые после тех украденных часов в укромных уголках на земле Хогвартса. Он был уверен, что и она вспоминает об этом. Оба подпрыгнули, когда открылась дверь и вошли мистер Уизли, Кингсли и Билл.

Теперь за обедом к ним часто присоединялись другие члены Ордена, потому что Нора стала штабом вместо двенадцатого дома на площади Гриммолд. Мистер Уизли объяснил, что после смерти Дамблдора, хранителя тайны, каждый человек, кому Дамблдор раскрыл расположение

на площади Гриммолд, в свою очередь становился хранителем тайны.

— И, так как нас около двадцати, это очень ослабляет мощь чар доверия.

У пожирателей смерти есть теперь двадцать возможностей узнать секрет. Мы не сможем удерживать тайну долго.

— Но Снейп наверняка уже выдал адрес пожирателям смерти? — спросил Гарри.

— Ну, Грозный Глаз подготовил для Снейпа пару проклятий, на случай, если он появится там снова. Мы надеемся, что они будут достаточно сильными, чтобы держать его подальше и связать язык, если он попытается рассказать о месте, но мы не можем быть полностью уверены. Было бы безумием, продолжать использовать это место как штаб сейчас, когда его защита так ненадежна.

На кухне в этот вечер было столько людей, что трудно было орудовать ножами и вилками. Гарри оказался зажатым рядом с Джинни, хотя он предпочел бы, чтобы их кто-нибудь отделял друг от друга, из-за того невысказанного, что только что произошло между ними. Он так старался не задеть ее руку, что едва смог разрезать цыпленка.

— Ничего нового о Грозном Глазе? — Спросил Гарри у Билла.

— Ничего, — ответил Билл.

Они не смогли похоронить Грюма, потому что Биллу и Люпину не удалось найти его тело. Было очень сложно узнать, где он погиб в темноте и путанице битвы.

— «Ежедневный пророк» ни словом не упомянул, ни о его смерти, ни об обнаружении тела, — продолжал Билл. — Но это почти ни о чем не говорит. Они многое умалчивают в последнее время.

— И они все еще не напечатали слухи о том, что я использовал магию, недозволенную несовершеннолетним? — обратился Гарри к мистеру Уизли через стол. Тот покачал головой.

— Потому, что они знают, что у меня не было выбора, или потому, что не хотят, чтобы я всем рассказал о нападении Волдеморта?

— Последнее, я полагаю. Скримджер не хочет признавать ни то, что Сам-Знаешь-Кто так же силен, как он, ни то, что был совершен массовый побег из Азкабана.

— Да, зачем говорить всем правду? — сказал Гарри, сжимая свой нож так сильно, что тонкие шрамы на тыльной стороне его правой ладони стали ярче, образовав на коже белую надпись: «Я не должен врать».

— Неужели в министерстве никто не готов ему возразить? — сердито спросил Рон.

— Конечно, Рон, но люди напуганы, — ответил мистер Уизли, — боятся исчезнуть следующими, и что следующими нападут на их детей! Распространяются ужасные слухи, я, например, не верю, что профессор Хогвартса по изучению магглов сама оставила свой пост. Ее никто не видел уже несколько недель. Между тем Скримджер молча торчит в своем кабинете весь день, и я очень надеюсь, что он работает над каким-то планом.

— Возникла пауза, во время которой миссис Уизли магией собрала пустые тарелки на рабочий стол и подала яблочный пирог.

— Нам надо решить, как тебя замаскировать, Гарри? — сказала Флер, когда все съели пудинг. — Для свадьбы, — добавила она, — заметив его замешательство. — Конечно, среди наших гостей нет пожирателей смерти, но мы не можем гарантировать, что они будут предельно внимательны после шампанского.

Гарри сделал вывод, что она все еще подозревает Хагрида.

— Да, дело хорошее, — сказала миссис Уизли, сидевшая во главе стола; она изучала необъятный список дел, записанный на очень длинном куске пергамента, водрузив очки на кончик носа. — Так, Рон, ты уже убрал свою комнату?

— Зачем? — воскликнул Рон, швыряя ложку на стол и уставившись на мать, — Почему надо

убираться в моей комнате? Гарри и мне и так нравится!

— Через несколько дней здесь будет свадьба твоего брата, молодой человек...

— И что, они собираются жениться в моей спальне? — сердито спросил Рон, — Нет! Во имя мерлинова обвисшего левого....

— Не смей говорить с матерью таким тоном, — отрезала миссис Уизли. — И делай, как тебе, говорят.

Рон хмуро взглянул на родителей, поднял ложку и напал на последние куски своего пирога.

— Я могу помочь, я ведь тоже навожу беспорядок, — сказал Гарри Рону, но миссис Уизли прервала его.

— Нет, Гарри, дорогой, я бы хотела, чтобы ты помог Артуру, а ты, Гермиона, я буду очень благодарна, если ты поменяешь простыни для месье и мадам Делакур, ты же знаешь, они приедут завтра в одиннадцать утра.

Но как выяснилось, с курами делать было нечего. — Не обязательно... эээ... говорить об этом Молли, — сказал мистер Уизли, загораживая Гарри вход в курятник, — Но... эээ... Тед Тонкс прислал мне то, что осталось от мотоцикла Сириуса, и я, ну, прячу — так сказать, храню — его здесь. Фантастическая вещь: там есть выхлопной шланг, кажется, это так называется, очень мощный аккумулятор, и это замечательная возможность узнать, как работают тормоза. Я собираюсь попробовать все это собрать, когда Молли не... Я имею в виду, когда будет время.

Когда они вернулись домой, миссис Уизли нигде не было видно, поэтому Гарри пробрался на чердак, в комнату Рона.

— Да убираюсь я, убираюсь! А, это ты... — с облегчением сказал Рон, когда Гарри вошел в комнату. Рон лег обратно на кровать, с которой, очевидно, только что вскочил. В комнате царил тот же беспорядок, что и всю предыдущую неделю, единственным отличием была Гермиона, которая сидела в дальнем углу, пушистый рыжий Косолап примостился у ее ног, а сама она раскладывала книги на две огромные стопки, в которых Гарри увидел и несколько своих книг.

— Привет, Гарри, — сказала она, когда он сел на свою раскладушку.

— А тебе как удалось сбежать?

— А, мама Рона забыла, что вчера уже просила меня и Джинни поменять простыни, — сказала Гермиона. Она бросила «Нумерологию и грамматику» в одну стопку, а «Расцвет и падение тёмных сил» в другую.

— Мы только что разговаривали о Грозном Глазе, — сказал Рон, — Я считаю, что он мог выжить.

— Но Билл видел, как в него попало смертоносное проклятье, — сказал Гарри.

— Да, но на Билла тоже напали, — сказал Рон, — Как он может быть уверен в том, что видел?

— Даже если смертоносное проклятье не попало в него, Грозный Глаз упал с высоты около тысячи футов, — сказала Гермиона, взвешивая в руке «Квиддичные команды Британии и Ирландии».

— Он мог использовать отражающие чары...

— Флер сказала, что палочку вырвало у него из рук, — сказал Гарри.

— Ну, хорошо, если вы так хотите, чтоб он умер, — сказал Рон угрюмо, взбивая подушку, чтобы было удобней.

— Конечно, мы не хотим, чтобы он умер! — поразились Гермиона, — Ужасно, что он умер. Но мы рассуждаем трезво!

Сначала Гарри представил тело Грозного Глаза разбитым, как тело Дамблдора, с глазом, все еще вращающимся в глазнице. Он внезапно почувствовал резкое отвращение, смешанное со странным желанием засмеяться.

— Пожиратели смерти, наверное, почистили все за собой, поэтому никто его и не нашел, — рассудительно сказал Рон.

— Да, — сказал Гарри, — Как Барти Крауча, превратили в кость и зарыли у Хагрида в палисаднике. Они могли трансфигурировать Грюма и сделать чучело...

— Прекрати! — вскрикнула Гермиона. Вздвогнув от неожиданности, Гарри взглянул на нее и успел увидеть, как она разрыдалась над экземпляром «Слоговой азбуки Спеллмана».

— О, нет, — сказал Гарри, пытаясь вскочить со старой раскладушки, — Гермиона, я не хотел расстроить...

Но Рону удалось спрыгнуть с кровати первым с жутким скрипом ржавых пружин. Обняв Гермиону одной рукой, он выловил из недр карманов своих джинсов отвратительный, грязный носовой платок, которым он перед этим чистил духовку. Поспешно вынув палочку, он указал на тряпку и сказал: «Тергео».

Палочка отсосала большую часть жира. С довольным видом Рон протянул слегка дымящийся платок Гермионе.

— О, спасибо, Рон... Извините, — она высморкалась и икнула, — Просто это так ужасно, не так ли? Ср-разу после Дамблдора... Я п-просто подумать н-не могла, что Грозный Глаз умрет, как-то... Он казался таким крепким!

— Да, я знаю, — сказал Рон, обнимая ее. — Но знаешь, что бы он сказал нам, если бы был здесь?

— П-постоянная бдительность, — сказала Гермиона, вытирая глаза.

— Правильно, — сказал Рон, кивая, — Он бы сказал, что мы должны извлечь урок из того, что случилось с ним. А я понял, что не стоит доверять этому лживому малявке, Мундунгусу.

Гермиона издала слабый смешок и наклонилась вперед, чтоб подобрать еще две книги. Секундой позже Рон отдернул руку с ее плеча, она уронила «Чудовищная книга о чудовищах» ему на ногу. Ремень, стягивающий книгу, расстегнулся, и книга больно ударила Рона по лодыжке.

— Прости, прости, — воскликнула Гермиона, а Гарри схватил книгу и снова сложил ее страницы.

— Что ты, вообще-то, делаешь с этими книгами? — спросил Рон, возвращаясь на кровать, хромая.

— Просто пытаюсь решить, какие взять с собой, — сказала Гермиона, — Если мы ищем хоркруксы.

— О, конечно, — сказал Рон, хлопая рукой по лбу. — Я забыл, что мы будем отслеживать Волдеморта в переносной библиотеке.

— Ха ха, — сказала Гермиона, разглядывая «Словую азбуку Спеллмана». — Интересно... Нам придется переводить руны? Вполне возможно... Я думаю надо взять ее, для верности.

Она положила учебник на большую из двух стопок и взяла в руки «Историю Хогвартса».

— Послушайте, — сказал Гарри.

Он сел прямо. Рон и Гермиона посмотрели на него одинаково, со смесью уступки и вызова.

— Я знаю, после похорон Дамблдора вы сказали, что хотите пойти со мной, — начал Гарри.

— Начинается, — сказал Рон Гермионе, закатывая глаза.

— Так мы и думали, — вздохнул он, возвращаясь к книгам, — Знаешь, я, наверное, возьму «Историю Хогвартса». Даже если мы туда не вернемся, я не думаю, что буду чувствовать себя как надо, если у меня нет с собой...

— Послушайте! — опять сказал Гарри.

— Нет, Гарри, ты послушай, — сказала Гермиона, — Мы идем с тобой. Это решено много месяцев назад, даже лет, на самом деле.

— Но...

— Замолчи, — посоветовал Рон.

— Вы уверены, что все хорошо обдумали? — настаивал Гарри.

— Давай разберемся, — сказала Гермиона, бросая «Путешествия с троллями» в стопку забракованных книг, взгляд ее был грозным. — Я собираю вещи уже несколько дней, и мы готовы уйти в любой момент, для этого, к вашему сведению, пришлось применять довольно сложную магию; я уж не говорю о том, что пришлось пронести весь запас оборотного зелья Грозного Глаза мимо носа мамы Рона.

Я также изменила воспоминания моих родителей, они теперь уверены, что их действительно зовут Венделл и Моника Уилкинс, и что цель их жизни переехать в Австралию, что они и сделали. Это чтобы Волдеморту было труднее выследить их и узнать от них обо мне, или о тебе. К сожалению, я довольно много рассказывала им о тебе.

— Если я выживу после охоты на хоркруксы, я найду маму и папу и сниму заклятье. Если нет, что ж, думаю, я довольно хорошо поколдовала, чтобы они оставались счастливыми в безопасности. Понимаете, Венделл и Моника Уилкинс не знают, что у них есть дочь.

В глазах Гермионы снова появились слезы. Рон снова поднялся с кровати, обнял ее снова и недовольно взглянул на Гарри, как бы упрекая его в отсутствии такта. Гарри не мог придумать, что сказать, не в последнюю очередь потому, что учить такту кого-то другого было необычно для Рона.

— Я... Гермиона, прости... Я не...

— Не понимал, что Рон и я прекрасно знаем, что может случиться, если мы пойдем с тобой? Ну, мы знаем. Рон, покажи Гарри, что ты сделал.

— Не, он только что поел, — сказал Рон.

— Давай же, он должен знать!

— О, хорошо. Гарри, пойдем.

Второй раз Рон убрал руку с плеча Гермионы и поковылял к двери.

— Пойдем.

— Зачем? — спросил Гарри, выходя из комнаты вслед за Роном на крошечную лестничную площадку.

— Десцендо, — пробормотал Рон, указывая палочкой на низкий потолок. Прямо над их головами открылся люк, и к их ногам скользнула лестница. Жуткий звук — наполовину всхлип, наполовину стон, раздался из квадратного отверстия вместе с неприятным запахом канализации.

— Это твой упырь, да? — спросил Гарри, он никогда не видел этого существа, иногда нарувавшего ночную тишину.

— Да, это он, — сказал Рон, забираясь вверх по лестнице. — Идем, взгляни на него.

По нескольким коротким ступенькам Гарри отправился за Роном в крошечное помещение на чердаке. Его голова и плечи оказались в комнате и тут он увидел создание, свернувшееся клубком в нескольких футах от него, почти заснувшее в сумраке, с широко открытым ртом.

— Но это... это выглядит... Упыри разве носят пижамы?

— Нет, — сказал Рон, — А еще у них не бывает рыжих волос и столько прыщей.

Гарри разглядывал странное создание не без отвращения. Оно было человеческого размера и формы, и одето оно было в старую пижаму Рона, он понял это теперь, когда глаза привыкли к темноте. Он также был уверен, что вампиры обычно слизистые и плешивые, а не такие волосатые и покрытые воспаленными багровыми волдырями.

— Он — это я, понимаешь? — сказал Рон.

— Нет, — сказал Гарри, — Не понимаю.

— Я объясню в комнате, запах достал, — сказал Рон. Они спустились по лестнице, Рон вернул ее на чердак, и они снова присоединились к Гермионе, которая все еще сортировала книги.

Как только мы уйдем, вампир спустится и будет жить в моей комнате, — сказал Рон, — Думаю, он ждет этого с нетерпением — ну, тут трудно сказать, потому что все, что он может делать, это стонать и нести всякий бред, — но он много спит, если уж на то пошло. Не важно, в общем, он будет мной, большим брызгрыльностью. Хорошо, а?

Гарри просто смотрел на его смущение.

Именно так! — сказал Рон, разочарованный тем, что Гарри не осознал все великолепие его плана. — Смотри, если мы трое не вернемся в Хогвартс, все подумают, что Гермиона и я с тобой, так? То есть пожиратели смерти отправятся прямо к нашим семьям, чтобы узнать, есть ли у них сведения о том, где ты.

— Надеюсь, все будет похоже на то, что я уехала с мамой и папой, сейчас многие магглорожденные говорят о том, чтобы скрыться, — сказала Гермиона.

— Мою семью мы не можем спрятать, это будет слишком подозрительно, да и с работы уйти они не могут, — сказал Рон. — Вот мы и собираемся рассказать всем, что я серьезно заболел брызгрыльностью, поэтому и в школу не могу вернуться. Если кто-то заявит узнать, как дела, мама и папа смогут показать им упыря в моей кровати, всего в волдырях. Брызгрыльность правда очень заразная, они точно не захотят подходить близко. И не важно, что он не может ничего сказать, никто не может, если грибок уже добрался до небного язычка.

— А твои мама и папа участвуют в этом? — спросил Гарри.

— Папа — да. Он помог Фреду и Джорджу трансформировать упыря. Мама... ну, ты же видел, какая она. Она не смирится с нашим уходом, пока мы не уйдем.

В комнате было тихо, только глухие удары нарушили тишину, когда Гермиона продолжила бросать книги в две стопки. Рон сидел, наблюдая за ней, а Гарри смотрел то на него, то на нее, и не мог ничего сказать. То, сколько они сделали, чтобы защитить свои семьи, больше, чем любые другие слова или действия, убедило его, что они действительно собираются пойти с ним и прекрасно знают, как это может быть опасно. Он хотел сказать им, как много это для него значит, но просто не мог найти достаточно значительных слов.

В тишине раздались приглушенные звуки: миссис Уизли кричала четырем этажами ниже.

— Наверное, Джинни оставила пылинку на дурацком кольце для салфеток, — сказал Рон. — И что это Делакурам понадобилось приезжать на два дня раньше.

— Сестра Флер — подружка невесты, ей надо быть на репетиции, а одна она не может приехать, слишком маленькая, — сказала Гермиона, нерешительно разглядывая «Каникулы с банши».

— Ну, гости не понизят мамино волнение, — сказал Рон.

— Вот что нам точно нужно решить, — сказала Гермиона, бросая «Оборонительную магическую теорию» в корзину для мусора, удостоив ее лишь мимолетного взгляда, и поднимая «Оценку магического образования в Европе», — это куда мы отправимся, когда уйдем отсюда. Вы сказали, что сначала хотите пойти в Годрикову лощину, Гарри, я понимаю почему, но... ну... разве мы не должны, прежде всего, искать хоркруксы?

— Если бы мы знали, где находится хоть какой-нибудь хоркрукс, я бы согласился с тобой, — согласился Гарри; он был не уверен, что Гермиона правильно поняла, почему он хотел вернуться в Годрикову лощину. Могилы его родителей были только одной из причин: им владело сильное, хотя и необъяснимое чувство, что в этом месте он найдет ответы на свои вопросы. Возможно, так было просто потому, что там он избежал смертоносного проклятия

Волдеморта, и сейчас, когда предстояло повторить этот подвиг, Гарри тянуло на место, где это произошло, потому что он хотел понять.

— Как думаете, может ли Волдеморт до сих пор наблюдать за Годриковой лощиной? — спросила Гермиона, — Может быть, он ждет, что ты захочешь посетить могилы родителей, раз уж ты свободен и можешь идти куда угодно?

Это не приходило Гарри в голову. Пока он с трудом пытался найти аргумент против, Рон заговорил, явно следуя за ходом своих мыслей.

— Этот Р. А. Б. — сказал он. — Ну, который украл медальон?

Гермиона кивнула.

— В записке он написал, что собирается уничтожить эту вещь, так?

Гарри вытянул свой рюкзак и вперед и вытащил фальшивый хоркрукс, в котором все еще лежала сложенная записка Р. А. Б.

— «Я украл настоящий хоркрукс и собираюсь уничтожить его, как можно быстрее», — прочел Гарри.

— И что, если он это сделал? — сказал Рон.

— Или она, — вставила Гермиона.

— Не важно, — сказал Рон, — тогда бы нам пришлось искать на один меньше!

— Да, но мы все еще собираемся попробовать найти настоящий медальон, разве нет? — сказала Гермиона, — чтобы узнать, уничтожен ли он.

— А когда он будет у нас в руках, как ты уничтожишь хоркрукс? — спросил Рон.

— Ну, — сказала Гермиона, — я изучила этот вопрос.

— Как? — спросил Гарри, — не думал, что в библиотеке есть книги о хоркруксах...

— Их там нет, — сказала Гермиона, покраснев. — Дамблдор убрал все, но он... он не уничтожил их.

Рон выпрямился, вытаращив глаза.

— Как, именем мерлиновых панталон, тебе удалось добраться до книг о хоркруксах?

— Это... Это было не воровство! — сказала Гермиона, почти в отчаянии переводя взгляд с Гарри на Рона. — Это же были библиотечные книги, хотя Дамблдор и убрал их с полок. И вообще, если бы он действительно не хотел, чтобы их читали, он бы позаботился об этом...

— Давай к делу! — сказал Рон.

— Ну, все было просто, — тихо ответила Гермиона, — Я просто использовала призывающие чары. Ну, знаете, акцио. И они перенеслись прямо из окна кабинета Дамблдора прямо в спальню девочек.

— Но когда ты успела это сделать? — спросил Гарри, проникаясь к Гермионе смешанным чувством восхищения и недоверия.

— Сразу после его... Дамблдора... похорон, — сказала Гермиона еще тише, — Сразу после того, как мы согласились покинуть школу и искать хоркруксы. Когда я пошла обратно наверх, забрать вещи, мне... Мне просто пришло в голову, что чем больше мы о них знаем, тем лучше... И я была одна... Вот я и попробовала... И у меня получилось. Они влетели прямо через раскрытое окно и я... Я упаковала их.

Она сглотнула и сказала умоляюще:

— Я думаю, Дамблдор не стал бы сердиться, мы же не собирались использовать информацию, чтобы сделать хоркрукс?

— Мы что, разве жалуемся? — спросил Рон, — А где же эти книги?

Гермиона внимательно посмотрела на стопки и вынула из одной большой том в выцветшем переплете из черной кожи. Видно было, что ей противно, она держала книгу осторожно, как будто это было что-то недавно умершее.

— В этой точные инструкции, как изготовить хоркрукс. «Секреты темнейших сил», это жуткая книга, действительно ужасная, в ней полно злой магии. Интересно, почему Дамблдор убрал их из библиотеки... Раз он не сделал этого пока был директором школы, могу поспорить, Волдеморт взял все инструкции отсюда.

— Почему же ему пришлось спросить Снобгорна, как сделать хоркрукс, если он уже читал об этом? — спросил Рон.

— Он обратился к Снобгорну только чтобы узнать, что будет, если разделить душу на семь частей, — сказал Гарри. — Дамблдор был уверен, что Реддль уже знал, как сделать хоркрукс, когда спрашивал о нем Снобгорна. Думаю, ты права, Гермиона, вполне возможно, он взял сведения отсюда.

— И чем больше я о них читала, — сказала Гермиона, — тем ужаснее они мне представляются, и тем меньше верится, что он действительно сделал шесть. В книге есть предупреждение, как нестабильна становится душа, когда ее разделяют, и это только если сделать один хоркрукс!

Гарри вспомнил, что Дамблдор говорил о переходе Волдеморта за пределы «обычного зла».

— И нет никакого способа собрать себя снова? — спросил Рон.

— Есть, — сказала Гермиона, вяло улыбаясь, — но это мучительно больно.

— Почему? Как это сделать? — спросил Гарри.

— Раскаяние, — сказала Гермиона. — Нужно прочувствовать, что ты сделал. Там есть сноска. Скорее всего, эта боль уничтожит тебя. Я не могу представить, чтобы Волдеморт попробовал это сделать, а вы?

— Нет, — сказал Рон, опередив Гарри. — Так в книге сказано, как уничтожить хоркруксы?

— Да, — ответила Гермиона, переворачивая хрупкие страницы с таким видом, как будто рассматривала гниющие внутренности, — потому что тут есть предупреждение для темных магов, чтобы они накладывали очень сильные чары. Из прочитанного, я поняла, что то, как Гарри обошелся с дневником Реддля, это одно из немногих действительно надежных способов уничтожить хоркрукс.

— Что, проколоть его клыком василиска? — спросил Гарри.

— О, ну, тогда нам везет, у нас столько клыков василисков в запасе, — сказал Рон. — Я-то все удивляюсь, что мы с ними будем делать.

— Это не обязательно должен быть клык василиска, — терпеливо объяснила Гермиона. — Это должно быть что-то разрушительное, чтобы хоркрукс не смог восстановиться. Для яда василиска есть всего одно противоядие, и оно необычайно редкое...

— ... слезы феникса, — кивнул Гарри.

— Именно, — сказала Гермиона, — Вся проблема в том, что веществ, таких же разрушительных, как яд василиска, крайне мало, и все они слишком опасны, чтобы везе носить их с собой. И эту проблему нам нужно будет решить, ведь просто разорвать, разбить или раздавить хоркрукс не получится. Нужно, чтобы его нельзя было починить магией

— Но даже если мы сломаем эту вещь, живое там все равно останется, — сказал Рон, — почему часть души не может просто поселиться где-то еще?

— Потому что хоркрукс — полная противоположность человеческого существования.

Увидев, что Гарри и Рон совершенно сбиты с толку, Гермиона поспешила объяснить, — Смотрите, если бы я сейчас взяла меч и проткнула им тебя, Рон, твою душу я бы совсем не повредила.

— Конечно, меня бы это очень утешило, — сказал Рон. Гарри замаялся.

— Вообще-то так и должно быть! Но я хочу сказать, что, что бы ни случилось с твоим телом, душа продолжит жить нетронутой, — сказала Гермиона, — Но с хоркруксом все иначе.



Часть души внутри него полностью зависит от оболочки, чтобы жить, ей нужно ее заколдованное тело. Она не может существовать без него.

— Тот дневник как будто умер, когда я проткнул его, — сказал Гарри, вспомнив чернила, текущие как кровь из проколотых страниц, и крики исчезающей частицы души Волдеморта.

— А когда дневник был уничтожен, частица души, заключенная в нем, не могла больше существовать. Джинни пыталась избавиться от дневника до тебя, пробовала смыть его, но он вернулся совсем как новый.

— Подожди, — нахмурился Рон, — Та часть души в дневнике завладела Джинни, ведь так? Это как работает?

— Пока волшебная оболочка не повреждена, часть души может перелететь в кого-то и вернуться обратно, если они сблизятся с этим предметом. Я имею в виду не держать его слишком долго в руках, не в прикосновении дело, — добавила она, опередив возражения Рона. — Я имею в виду близко эмоционально. Джинни открыла сердце этому дневнику, она сделала себя жутко уязвимой. Очень опасно любить хоркрукс или попасть в зависимость от него.

— Интересно, почему Дамблдор уничтожил кольцо? — сказал Гарри, — Почему я его не спросил? На самом деле, я никогда...

Его голос упал: он подумал о том, сколько нужно было спросить у Дамблдора и о тех возможностях, которые, как казалось Гарри, он упустил, когда Дамблдор был жив, возможностей, узнать больше... узнать все...

Тишину нарушил грохот распахнувшейся двери, от которого затряслись стены. Гермона пронзительно взвизгнула и уронила «Секреты темнейших сил», Косолап пулей метнулся под кровать, возмущенно шипя. Рон спрыгнул с кровати, поскользнулся на разбросанных на полу карточках от шоколадных лягушек и стукнулся головой о противоположную стену, а Гарри инстинктивно потянулся за палочкой, прежде чем понял, что перед ним стоит миссис Уизли; ее волосы были растрепаны, а лицо исказилось гневом.

— Мне так жаль прерывать ваше маленькое уютное собрание, — сказала она дрожащим голосом. — Я понимаю, что вам нужен отдых... Но в моей комнате куча подарков к свадьбе, их нужно разобрать, и мне показалось, что вы согласились помочь.

— О, да, — сказала Гермона и испуганно вскочила на ноги, разбрасывая книги во всех направлениях, — мы все сделаем... извините...

Глядя на Гарри и Рона страдальческим взглядом, Гермиона поспешила выйти из комнаты вслед за миссис Уизли.

— Чувствую себя домашним эльфом, — пожаловался Рон тихо, потирая голову, когда они с Гарри отправились следом, — Только удовольствия от работы никакого. Чем быстрее пройдет эта свадьба, тем больше я буду рад.

— Да уж, — сказал Гарри, — тогда нам ничего не придется делать, только хоркруксы искать... Это как отпуск, да?

— Рон засмеялся было, но смех его оборвался при виде огромной горы свадебных подарков, которая ждала их в комнате миссис Уизли.

Делакуры прибыли на следующее утро, в одиннадцать часов. Гарри, Рон, Гермиона и Джинни к тому времени порядком обиделись на семью Флер; для приличия Рон поковылял наверх, чтобы одеть одинаковые носки, а Гарри попытался пригладить волосы. Когда их признали достаточно опрятными, они столпились на заднем дворе, освещенном солнцем, поджидая гостей.

Гарри никогда не видел это место таким чистым. Ржавые котлы и старые ботинки Веллингтона, всегда загромождавшие ступени у задней двери, исчезли, их заменили два новых

куста дрожанки, стоящие по сторонам от двери в больших горшках. Ветра не было, но листья тихонько шевелились, создавая красивый эффект волн. Кур спрятали, двор чисто подмели, а растения в саду подрезали, выпололи сорняки и приукрасили, хотя Гарри, которому нравился его заросший вид, подумал, что он выглядит одиноко, без привычно резвящихся там гномов.

Он потерял счет защитным чарам, наложенным на Нору Орденом и Министерством, он только знал, что никто больше не может перенестись прямо сюда с помощью магии. Поэтому мистер Уизли пошел встречать Делакуров на вершину соседнего холма, куда они прибыли с помощью портключа. Первое что послышалось после их прибытия — необычно высокий смех, как выяснилось, смеялся мистер Уизли, он появился у ворот секундой позже, нагруженный багажом, ведя за собой красивую светловолосую женщину в длинном платье цвета листвы, это была мать Флер.

— Маман! — крикнула Флер, бросившись вперед, чтобы обнять ее, — Папа!

Месье Делакур выглядел совсем не так привлекательно, как его жена, он был на голову ниже и очень пухлый, с острой бородкой. Как бы то ни было, он выглядел очень добродушным. Подпрыгивающей походкой на высоких каблуках он подошел к миссис Уизли и дважды поцеловал ее в обе щеки, чем очень смутил ее.

— Вам так трудно пришлось, — сказал он глубоким голосом, — Флер рассказывает, как много вы работаете.

— О, ничего, ничего, — проблеяла миссис Уизли, — Никаких проблем!

Рон выместил свои чувства, пнув гнома, который выглядывал из-за одного из новых кустов дрожанки.

— Дорогая леди! — сказал месье Делакур, все еще зажав руку миссис Уизли в своих пухлых ладонях и подпрыгивая. — Скорое соединение наших семей для нас огромная честь! Позвольте представить мою жену, Аполлину.

Мадам Делакур выплыла вперед и нагнулась, чтобы тоже поцеловать миссис Уизли.

— *Enchanté*, — сказала она. — Ваш муж рассказывал такие забавные истории!

Мистер Уизли издал безумный смешок. Миссис Уизли взглянула на него так, что он немедленно замолчал и сделал такое лицо, как будто стоял у постели тяжело больного друга.

— Да, познакомьтесь с моей младшей дочерью, Габриель! — сказал месье Делакур. Габриель выглядела, как Флер в миниатюре; ей было одиннадцать лет, у нее были светлые волосы длиной до пояса, чистого серебристого оттенка. Она адресовала миссис Уизли ослепительную улыбку и обняла ее, затем, хлопая ресницами, бросила пылкий взгляд на Гарри. Джинни громко прочистила горло.

— Ну, давайте, входите! — сказала сияющая миссис Уизли и провела Делакуров в дом, постоянно повторяя: «Нет, пожалуйста» и «После вас!» и «Ничего, ничего!».

Быстро выяснилось, что Делакуры очень приятные и полезные гости. Они были довольны всем, и горели желанием помочь в подготовке к свадьбе. Месье Делакур называл все, от плана рассаживания гостей до туфлей подружек невесты, «*Charmant!*» Мадам Делакур прекрасно владела хозяйственными заклинаниями и в момент могла как следует вычистить духовку. Габриель везде следовала за своей сестрой, стараясь помочь, чем могла, и трещала на французском.

Нора не была рассчитана на то, чтобы вместить так много людей, это было большим недостатком. Теперь мистер и миссис Уизли спали в гостиной, несмотря на протесты месье и мадам Делакур они настояли на том, чтобы те заняли их спальню. Габриель спала с Флер в старой комнате Перси, а к Биллу должен был по прибытии из Румынии подселиться Чарли, его шафер. Возможностей обсудить планы вместе не стало совсем, и Гарри, Рон и Гермiona в отчаянии добровольно вызвались кормить кур, лишь бы сбежать из переполненного дома.

— Она все равно не оставляет нас в покое! — сердито ворчал Рон, когда их вторая попытка собраться во дворе была прервана появлением миссис Уизли с большой корзиной белья в руках.

— О, прекрасно, вы покормили кур, — воскликнула она, приближаясь. Завтра стоит, наверное, их снова спрятать, пока гости не прибыли... Чтобы поставить шатер для свадьбы, — объяснила она, и, остановившись, облокотилась о курятник. Она выглядела очень уставшей. — Магические шатры Милламанта.... Очень хороши. Билл их сопровождает... Тебе лучше быть внутри, пока они здесь, Гарри. Как же трудно организовать свадьбу со всеми этими защитными заклинаниями, скажу я вам.

— Извините, — робко сказал Гарри.

— О, не глупи, дорогой! — тут же откликнулась миссис Уизли. — Я не хотела сказать... Ну, твоя безопасность намного важнее! Гарри, вообще-то я хотела спросить, как ты собираешься праздновать свой день рождения. Семнадцатилетие, все таки, важный день...

— Я не хочу шума, — сказал Гарри быстро, представив сколько еще забот свалится на них всех из-за этого, — Правда, миссис Уизли, обычного обеда вполне достаточно... Это же за день перед свадьбой...

— О, ну, если ты уверен, дорогой. Я приглашу Рема и Тонксов, да? А как же Хагрид?

— Было бы здорово, — сказал Гарри, — Только, пожалуйста, не надо загружать себя...

— Да ничего, ничего... Это совсем не трудно...

Она посмотрела на него долгим изучающим взглядом, улыбнулась немного грустно, потом выпрямилась и ушла. Гарри наблюдал, как она водит палочкой у бельевого веревка, и как мокрое белье поднимается в воздух и развешивается, и на него вдруг нахлынула волна угрызений совести за все те беспокойства и боль, которые он ей причинял.

## Глава седьмая. Завещание Альбуса Дамблдора

Он шел по горной дороге в холодновато-голубом зареве рассвета. Далеко внизу, окутанные дымкой, виднелись очертания маленького селения. Там ли тот, кого он ищет, тот, кто так ему нужен, что он едва может думать о чем-либо еще, тот, у кого он может найти ответ — ответ на мучающий его вопрос?..

— Эй, проснись!

Гарри открыл глаза. Он снова лежал на своей раскладушке в темной комнате Рона на мансарде. Солнце еще не взошло, и в комнате стоял полумрак. Свинристель спал, спрятав голову под крошечное крыло. Шрам на лбу Гарри покалывало.

— Ты что-то бормотал во сне.

— Бормотал?

— Да: «Грегорович». Ты всё твердил: «Грегорович».

Гарри лежал без очков; лицо Рона виделось ему смазанным.

— Кто такой Грегорович?

— Откуда мне знать? Это же ты говорил.

Гарри потер лоб в раздумье. Он смутно припоминал, что когда-то слышал это имя, но не мог вспомнить, где.

— Кажется, его ищет Вольдеморт.

— Бедняга! — искренне пожалел Рон.

Гарри сел на кровати, всё ещё потирая шрам, окончательно проснувшись. Он пытался поточнее припомнить, что именно он видел во сне, но перед ним всплывал лишь однообразный пейзаж и очертания деревушки, затерявшейся в глубокой расщелине.

— Думаю, он за границей.

— Кто, Грегорович?

— Вольдеморт. Думаю, он где-то за границей, разыскивает Грегоровича. Это было слишком непохоже на Британию.

— Ты хочешь сказать, что ты опять проник в его мысли?

В голосе Рона звучало беспокойство.

— Пожалуйста, сделай одолжение, не рассказывай Гермионе, — сказал Гарри, — Хотя как она надеется помешать мне видеть во сне то, что я вижу...

Он задумчиво перевел взгляд на клетку Свинристея... Откуда ему было знакомо имя «Грегорович»?

— Я думаю, — произнес он медленно, — он имеет какое-то отношение к квиддичу. Есть какая-то связь, но я никак... Никак не могу понять, какая.

— К квиддичу? — откликнулся Рон, — Может, Ты имел в виду Горговича?

— Кого?

— Драгомира Горговича, охотника, которого перевели в Чадли Кэннонс за рекордный счет два года назад. Рекордсмен по количеству отбитых квоффлов за сезон.

— Нет, — сказал Гарри, — Это определенно не Горгович, я не о нем думаю.

— Я тоже стараюсь не о нем, — заметил Рон. — Да хватит об этом, с днем рождения тебя.

— Ух ты, а ведь верно, я и забыл совсем! Мне ж семнадцать стукнуло!

Гарри схватил палочку, лежавшую возле раскладушки, направил ее на захламленный стол, где оставил очки, и произнес:

— Акцио очки!

Хотя они лежали совсем близко, было что-то необычайно приятное в том, как они резко

приблизились к нему, по крайней мере, до того момента, как они ткнули ему дужкой в глаз.

— В яблочко! — прыснул Рон.

Кайфуя от снятия с него слежки Министерства, Гарри заставил вещи Рона летать по всей комнате, в результате чего Свинристель проснулся и встревожено запорхал по клетке. Гарри еще попытался завязать шнурки кроссовок с помощью магии (на развязывание получившегося узла вручную ушло несколько минут) и, чисто для удовольствия, превратил оранжевую форму игроков Чадли Кэннонс на плакатах Рона в ярко-синюю.

— А я бы на твоём месте заставил всё это летать без палочки, — посоветовал Рон, захихикав, когда Гарри в тот же миг проделал это, — Вот твой подарок. Разворачивай здесь: это не для маминых глаз.

— Книга? — удивился Гарри, принимая прямоугольный сверток, — Это как-то не очень похоже на тебя...

— Это ж тебе не какая-то там заурядная книжка, — возразил Рон, — это ж чистое золото: «Двенадцать безотказных способов очаровывать ведьм». Тут всё, что надо знать про девчонок. Эх, если б она у меня была в прошлом году, уж я бы точно знал, как избавиться от Лаванды, а еще знал бы, как быть с... Так вот, когда Фред и Джордж дали мне такую, я многому научился. И знаешь, как ни странно, там ведь не только про волшебство.

Когда они вошли в кухню, они увидели целую стопку подарков, ожидающих Гарри на столе. Билл и мсье Делакур доедали завтрак, а миссис Уизли беседовала с ними, стоя над сковородой.

— Артур просил меня поздравить тебя от него с семнадцатилетнем, Гарри, — сказала миссис Уизли, радушно улыбаясь ему. Ему пришлось рано идти на работу, но к ужину он вернется. Вон тот самый верхний подарок — от нас.

Гарри сел, взял квадратный сверток, на который она указала, и развернул его. Там оказались часы, очень похожие на те, что мистер и миссис Уизли подарили на семнадцатилетие Рону: золотые, со звездами, движущимися по циферблату вместо стрелок.

— Есть обычай дарить волшебнику часы в день совершеннолетия, — сказала миссис Уизли, с волнением наблюдая за ним из-за плиты, — Правда, они, может быть, не такие новенькие, как у Рона, вообще-то их носил мой брат Фабиан, а он не очень аккуратен со своими вещами, они чуть-чуть поцарапаны сзади, но...

Договорить она не успела: Гарри поднялся и крепко обнял ее. В это объятие он постарался вложить много невысказанного, и она, видимо, это поняла, судя по тому, как застенчиво потрепала его по щеке, когда он разжал объятия, а затем как-то неловко взмахнула палочкой, отчего половина ветчины свалилась со сковородки на пол.

— С днем рождения, Гарри! — воскликнула Гермиона, вбегая в кухню и водружая свой подарок на вершину возвышавшейся стопки. — В общем-то безделица, но тебе, надеюсь, понравится. А ты что подарил? — обратилась она к Рону, который, казалось, не слышал ее.

— Давай же, открывай подарок Гермионы! — сказал Рон.

Она купила ему новый вредноскоп. В других свертках оказались волшебная бритва от Билла и Флёр («Ах, да, это подаг'ит вам самое мяжкоэ бг'итью, — заверил его мсье Делакур, — но ви долъжен тщотко сказат ей, што ви отитэ... инатше ви может найти што у вас тшу-ут мьенше волос, тшем отелось...»), шоколадные конфеты от Делакура, и необъятная коробка свежайших новинок фирмы «Волшебный Визг Уизли» от Фреда и Джорджа.

Гарри, Рон и Гермиона не стали задерживаться за столом, так как с прибытием мадам Делакур, Флёр и Габриэля на кухне стало тесно и неудобно.

— Я всё это тебе упакую, — с радостью предложила Гермиона, беря из рук Гарри подарки, когда вся троица направилась наверх, восвояси, — я почти управилась, осталось только дождаться из стирки твоего нижнего белья, Рон...

Болтовню Рона прервала открывшаяся дверь на площадке второго этажа.

— Гарри, найди, пожалуйста, сюда на минутку!

Это была Джинни. Рон так и застыл на месте, но Гермиона схватила его за локоть и утащила вверх по лестнице. Волнуясь, Гарри пошел за Джинни в ее комнату.

Он здесь никогда раньше не бывал. Комната была небольшая, но светлая. На одной стене висел большой плакат с изображением группы «Ведуньи», а на другой — портрет Гвенот Джонс — капитана женской команды по квиддичу «Голыхедские гарпии». Стол стоял напротив открытого окна, из которого был виден сад, где они с Джинни когда-то играли в квиддич двое на двое против Рона и Гермионы, и где теперь стояла большая перламутрово-белая палатка. Золотой флаг на ее верхушке был вровень с окном Джинни.

Джинни подняла глаза на Гарри, сделала глубокий вдох и сказала:

— С семнадцатилетием!

— Да... Спасибо.

Она смотрела ему прямо в глаза; ему же оказалось трудно выдержать ее взгляд: это было всё равно, что смотреть на ослепительный свет.

— Красивый вид, — пробормотал он еле слышно, указывая в окно.

Она ничего не ответила. Но ему не в чем было ее упрекнуть.

— Никак не могла придумать, что ж тебе подарить, — сказала она.

— Мне не надо от тебя никакого подарка.

Она и это пропустила мимо ушей.

— Никак не могла решить, что бы тебе пригодились. Что-нибудь небольшое, чтобы ты мог взять это с собой.

Он наконец отважился взглянуть на нее. Она не была в слезах; это, среди прочего, чудесно отличало Джинни от других: она очень редко плакала. Иногда ему приходило в голову, что характер ее закалило, наверно, то, что она выросла с шестерыми братьями.

Она сделала шаг к нему.

— И вот тогда я подумала, что хочу, чтобы у тебя осталось что-то от меня на память, ну знаешь, если ты встретишь какую-нибудь вейлу, когда будешь далеко, чем бы ты там ни занимался.

— Честно говоря, я не думаю, что у меня там будут большие шансы на всякие свидания.

— Я искала что-нибудь, похожее на лучик среди тьмы, — прошептала она, а потом она целовала его, как никогда прежде, и Гарри отвечал на ее поцелуй, впадая в благословенное забытие, сильнее, чем от огненного виски, она была единственным, что имело значение в этом мире — Джинни, ощущение ее близости, когда одна рука Гарри прикасалась к ее спине, а другая тонула в ее длинных, сладко пахнущих волосах...

Дверь с шумом распахнулась позади них, и они отпрянули друг от друга.

— Ой, — сказал Рон не без ехидства, — Простите.

— Рон! — Гермиона стояла за его плечом, слегка запыхавшаяся. Воцарилось неловкое молчание, после чего Джинни произнесла каким-то резиновым голосом:

— Ну, Гарри, с днем рождения.

У Рона пылали уши; Гермиона явно нервничала. Гарри хотелось захлопнуть дверь перед их носом, но в момент, когда дверь открылась, в комнату, казалось, пробрался сквознячок, и пережитое сияющее мгновение лопнуло, как мыльный пузырь. С появлением Рона в комнату прокрались все поводы прекратить всякие отношения с Джинни, держаться от нее подальше, а счастливое забытие бесследно исчезло.

Он глядел на Джинни, желая что-то сказать, хотя и сам толком не знал, что, но она уже повернулась к нему спиной. Ему подумалось, что на сей раз она не смогла сдержать слез. Но в

присутствии Рона он никак не мог утешить ее.

— Увидимся позже, — сказал он и вышел из спальни вслед за друзьями.

Рон направился вниз, через всё еще тесную от людей кухню, и вышел во двор, Гарри не отставал от него, а Гермиона семенила позади, и вид у нее был перепуганный.

Едва дойдя до уединенного места на свежескошенной лужайке, Рон резко повернулся к Гарри.

— Ты же бросил ее. Что ж ты опять путаешься с ней?

— Я не путаюсь с ней, — отвечал Гарри, и в этот момент их нагнала Гермиона.

— Рон...

Но Рон поднял руку, требуя от нее молчания.

— Ей ведь было очень больно, когда ты прервал с ней отношения...

— Мне тоже. Ты же знаешь, почему я положил этому конец, и уж совсем не потому, что мне так хотелось.

— Да, но ты опять с ней милуешься, и это того гляди, обнадежит ее...

— Она же не идиотка, знает, что этого не может быть, она вовсе не уповает на то, что мы... в конце концов поженимся и...

Говоря это, он увидел перед собой яркую картину: Джинни в белом платье — невеста высокого, безликого и неприятного чужака.

В одно краткое мгновение его, казалось, осенило: ее будущее было свободным и безоблачным, а у него... впереди не виделось ничего, кроме Вольдеморта.

— Если так и будешь лапать ее при каждом удобном случае...

— Этого больше не повторится, — хрипло сказал Гарри. День был ясный, но ему казалось, что солнце исчезло, — хорошо?

Рон выглядел одновременно и возмущенным, и сконфуженным, он несколько раз перекатился с пятки на носок и обратно, потом проговорил:

— Ну ладно, что уж тут... тогда всё.

Джинни больше не искала в тот день встречи с Гарри с глазу на глаз и не выдавала ни взглядом, ни жестом того, что между ними в ее комнате произошло нечто большее, чем вежливый диалог. Тем не менее, появление Чарли стало облегчением для Гарри. Он отвлекся, наблюдая сцену, когда миссис Уизли силой усадила Чарли в кресло, угрожающе занесла над ним палочку, объявив, что сейчас он получит подобающую стрижку.

Поскольку именинный ужин Гарри грозил растянуть кухню в Норе так, что она могла лопнуть, еще до прихода Чарли, Люпина, Тонкс и Хагрида, несколько столов поставили в ряд в саду. Фред и Джордж заколдовали несколько пурпурных фонарей, на каждом из которых красовалась цифра 17 так, чтобы они висели в воздухе над гостями. Благодаря стараниям миссис Уизли, рана Джорджа выглядела аккуратной и чистой, но Гарри еще не привык к темной дыре на его голове сбоку, несмотря на все шуточки, которые отпускали братья по этому поводу.

Гермиона выпустила из острия своей палочки пурпурный и золотой серпантин, который изящно повис на деревьях и кустах.

— Как мило! — сказал Рон, когда Гермиона сделала листья на дикой яблоне золотыми, — у тебя действительно верный глаз на такие вещи.

— Спасибо, Рон! — сказала Гермиона, довольная, но слегка смущенная на вид. Гарри отвернулся, чтобы скрыть улыбку: его рассмешила мысль о том, что надо будет найти главу о комплиментах, когда будет время просмотреть книгу «Двенадцать безотказных способов очаровывать ведьм»; он встретился глазами с Джинни и усмехнулся ей, но тут же вспомнил о своем обещании Рону и поспешно завел разговор с мсье Делакуром.

— С дороги, с дороги! — нараспев закричала миссис Уизли, пробираясь через калитку с

чем-то в форме снитча величиной с большой надувной мяч, плывшим перед ней. Через несколько мгновений Гарри понял, что это его именинный торт, который миссис Уизли держала на весу с помощью волшебной палочки, не рискуя нести его, идя по неровной земле. Когда торт, наконец приземлился посередине стола, Гарри сказал:

— Выглядит потрясающе, миссис Уизли!

— Да ничего особенного, дорогой! — ласково откликнулась она. Через ее плечо Рон показал Гарри два больших пальца, беззвучно артикулируя:

— Классный!

К семи часам все гости прибыли, и поджидавшие их в конце аллеи Фред и Джордж провели их в дом. Хагрид по такому случаю надел свой лучший — ужасающего вида — мохнатый коричневый костюм. Люпин улыбался, пожимая руку виновнику торжества, но у Гарри сложилось впечатление, что тот сильно опечален. Всё было как-то странно; Тонкс, не отходявшая от него, просто сияла радостью.

— С днем рождения, Гарри! — сказала она, крепко обнимая его.

— Семнадцать стукнуло, а? — проговорил Хагрид, принимая из рук Фреда бокал вина величиной с ведро, — шесть лет уже, как мы встретились, Гарри, помнишь?

— Смутно, — ответил Гарри, усмехаясь ему в ответ, задрав голову, — Это тогда ты вышиб входную дверь, подарил Дадли пороссячий хвостик и сказал мне, что я волшебник?

— Всех подробностей уж и не упомяну, — отмахнулся Хагрид. — Ну а вы как, Рон, Гермиона?

— У нас всё хорошо, — отвечала Гермиона, — Ты как?

— Да так, неплохо. Занят тут был, у нас родилось несколько единорогов. Покажу вам, когда вернетесь...

Гарри избегал взглядов Рона и Гермионы, пока Хагрид рылся в своем кармане.

— Вот! Гарри! Не мог придумать, что б тебе такое подарить, да тут и вспомнил вот это, — он выудил маленький, покрытый небольшим ворсом мешочек на затягивающейся завязке с длинным шнурком, очевидно, приспособленным к ношению на шее. — Из конской шкуры. Прячь туда всё, что хочешь, а достать может только хозяин. Редкая вещица, надо сказать.

— Хагрид, спасибо!

— Да не на чем, — сказал Хагрид, взмахнув ладонью величиной с крышку от мусорного бака. — А вот и Чарли! Всегда его любил... Эй, Чарли!

Чарли подошел, с легким сожалением проводя рукой по своей безжалостно обстриженной шевелюре. Он был ниже ростом, чем Рон, коренастый, а мускулистые руки его украшало множество порезов и ожогов.

— Привет, Хагрид, как дела?

— Всё собирался тебе написать. Как там Норберт?

— Норберт? — засмеялся Чарли, — Норвежский риджбек? Мы теперь зовем ее Норбертой.

— Что? Норберт — девочка?

— Представь себе! — сказал Чарли.

— А чем они отличаются? — спросила Гермиона.

— Они гораздо более злобные, — ответил Чарли. Он оглянулся через плечо и понизил голос: — Хоть бы папа поскорее пришел. Мама уже нервничает.

Они все оглянулись на миссис Уизли. Она пыталась поддерживать беседу с мадам Делакур, а сама всё поглядывала на калитку.

— Думаю, придется начать без Артура, — обратилась она ко всем собравшимся в саду через несколько мгновений, — его, должно быть, задержали в... О!

Все увидели это одновременно: через двор промелькнула полоска света и упала на стол, где



превратилась в серебристого горноста, который поднялся на задние лапки и заговорил голосом мистера Уизли:

— Со мной идет Министр магии.

Патронус растворился в воздухе, отчего вся семья Флёр оторопело уставилась на то место, где он исчез.

— Нам нельзя быть здесь, — в тот же миг сказал Люпин, — Гарри... Прости... Как-нибудь в другой раз объясню...

Он схватил Тонкс за запястье и утащил за собой, они добежали до забора, перелезли через него и скрылись из виду. Миссис Уизли выглядела, как громом пораженная.

— Министр... С чего бы это? Не пойму...

Но обсудить это было некогда: через секунду мистер Уизли материализовался из воздуха у калитки в сопровождении Руфуса Скримджера, всегда узнаваемого по его гриве подернутых сединой волос.

Вновь прибывшие прошли через двор в сад, к освещенному фонарями столу, где все, умолкнув, следили, как они приближаются. Когда Скримджер вошел в круг света фонарей, Гарри увидел, что он сильно постарел со времени их последней встречи, осунулся и помрачнел.

— Прошу простить меня за вторжение, — заговорил Скримджер, прохромая к столу и остановившись, — в особенности за то, что я, как вижу, вламываюсь на торжество.

Глаза его на мгновение задержались на торте в форме снитча.

— Счастья и долгих лет.

— Благодарю, — сказал Гарри.

— Мне надо поговорить с вами без свидетелей, — продолжал Скримджер, — А также с мистером Рональдом Уизли и мисс Гермионой Грейнджер.

— С нами? — изумился Рон, — А с нами-то почему?

— Об этом я скажу вам, когда мы будем в каком-нибудь более уединенном месте, — сказал Скримджер, — есть здесь такое место? — обратился он к мистеру Уизли.

— Да, конечно, — сказал мистер Уизли, заметно нервничая. — Гостиная — почему бы не воспользоваться ею?

— Можешь вести нас туда, — сказал Скримджер Рону, — Вам, Артур, нет необходимости сопровождать нас.

Гарри увидел, как мистер и миссис Уизли беспокойно переглянулись, когда они с Роном и Гермионой встали. Пока они молча вели министра в дом, Гарри знал, что остальные думают о том же, о чем и он: Скримджер, вероятно, каким-то образом узнал о том, что они все трое планируют покинуть Хогвартс.

Скримджер не сказал ни слова, пока они шли через кухню, где царил беспорядок в гостиную Норы. Хотя сад был еще освещен мягким золотистым вечерним светом, внутри здания уже сгустилась тьма; Гарри на ходу взмахнул палочкой в сторону масляных ламп, и они осветили старенькую, но уютную комнату. Скримджер уселся в продавленное кресло, в котором обычно сидел мистер Уизли, а Гарри, Рону и Гермионе пришлось тесниться бок о бок на диванчике. Когда они устроились, Скримджер заговорил:

— У меня есть несколько вопросов ко всем вам троим, и я думаю, лучше будет задать их каждому в отдельности. Если вы двое, — он указал на Гарри и Гермиону, — сможете подождать наверху, я начну с Рональда.

— Мы никуда не уйдем, — заявил Гарри, а Гермиона энергично закивала, — Вы можете говорить со всеми вместе или вообще ни с кем.

Скримджер окинул Гарри холодным оценивающим взглядом. У Гарри было впечатление, что министр соображал, стоит ли так рано начинать военные действия.

— Что ж, вместе так вместе, — проговорил он, пожав плечами. Он откашлялся. — Я пришел сюда, как вы, уверен, знаете, в связи с завещанием Альбуса Дамблдора.

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись.

— Что, сюрприз? Значит, вы не знали, что Дамблдор вам что-то оставил в наследство?

— Н-нам всем? — выговорил Рон, — Мне и Гермионе тоже?

— Да, всем...

Но тут вмешался Гарри.

— Дамблдор умер месяц назад. Почему же понадобилось так много времени, чтобы передать нам то, что он завещал?

— Разве не ясно? — сказала Гермиона, прежде чем Скримджер успел открыть рот. — Они хотели тщательно рассмотреть всё, что он нам оставил. Вы не имели на это права! — воскликнула она с легкой дрожью в голосе.

— Я имел полное право, — безапелляционно возразил Скримджер, — Декрет об оправданной конфискации уполномочивает Министерство изымать завещанное...

— Этот закон был создан для того, чтобы волшебники перестали передавать по наследству артефакты для черной магии, — заметила Гермиона, — и у Министерства должны быть веские улики, чтобы полагать, что имущество покойного было незаконного характера, прежде чем завладеть им! Уж не пытаетесь ли вы меня уверить, будто Дамблдор пытался передать нам нечто, содержащее проклятия?

— Уж не намерены ли вы избрать карьеру в области магической юриспруденции, мисс Грейнджер? — спросил Скримджер.

— Нет, не намерена, — парировала Гермиона. — Я всё же надеюсь принести этому миру какую-то пользу!

Рон рассмеялся, Скримджер зыркнул на него и вновь перевел взгляд на Гарри, когда тот заговорил.

— Итак, почему вы решили отдать нам наши вещи теперь? Не можете выдумать предлога, чтобы не отдавать их?

— Нет, это, наверно, в связи с истечением тридцати одного дня, живо откликнулась Гермиона, — они не имеют права задерживать вещи дольше этого срока, если не могут доказать, что они опасны. Так?

— Вы могли бы сказать, что были близки с Дамблдором, Рональд? — спросил Скримджер, не обращая внимания на слова Гермионы. Рон, по всей видимости, был застигнут врасплох.

— Я?... Да нет, вообще-то... Он всегда Гарри...

Рон обернулся к Гарри и Гермионе и тут же наткнулся на взгляд Гермионы, как бы говоривший: «Заткнись сейчас же!» Однако он уже успел сболтнуть лишнее: у Скримджера был вид человека, услышавшего в точности то, что ожидал и хотел услышать. Он накинудся на ответ Рона, как коршун на добычу.

— Если вы не были очень близки с Дамблдором, как вы можете объяснить тот факт, что он упомянул вас в завещании? Ведь он сделал исключительно мало распоряжений личного характера. Основная часть его имущества — его частная библиотека, магические инструменты и другие личные вещи — были завещаны Хогвартсу. Как вы думаете, почему он выделил вас?

— Я... не знаю, — сказал Рон, — я... когда я говорю, что мы не были близки... то есть, мне кажется, я нравился ему...

— Ты скромничаешь, Рон, — заговорила Гермиона, — Дамблдор очень любил тебя.

Это было на грани лжи: насколько было известно Гарри, Рон и Дамблдор никогда не оставались наедине, и прямой контакт между ними был совершенно незначительным. Однако Скримджер, казалось, и не слушал. Он сунул руку во внутренний карман плаща и вынул оттуда

мешочек на завязочках гораздо больше того, что Хагрид подарил Гарри. Из него он извлек пергаментный свиток, который он развернул и зачитал вслух:

— «Последняя воля и завещание Альбуса Персиваля Вулфрика Брайана Дамблдора...»

Да, да, вот здесь...

«Рональду Билиусу Уизли я оставляю мой делюминатор, в надежде, что он будет вспоминать меня, когда будет им пользоваться.

Скримджер вынул из портфеля предмет, который Гарри раньше видел: с виду он был похож на серебряную зажигалку для сигарет, но с его помощью, Гарри знал, можно было удалять всякий свет из какого-нибудь места, а затем снова возвращать его простым щелчком. Скримджер наклонился вперед и передал делюминатор Рону, который взял его и вертел в руках с самым озадаченным видом.

— Это ценная вещь, — сказал Скримджер, наблюдая за Роном. Может быть, даже уникальная. Конечно, это изобретение самого Дамблдора. С чего бы это ему оставлять вам такой редкий предмет?

Рон покачал головой, всё ещё ошарашенный.

— Дамблдор обучил, наверное, тысячи учеников, — не отставал Скримджер, — и тем не менее, единственные, кого он упомянул в своем завещании — это вы трое. Почему? Какую пользу, по его мнению, вы могли извлечь из делюминатора, мистер Уизли?

Выключать свет, наверно, — пробормотал Рон, — А что еще им можно делать?

Очевидно, у Скримджера не нашлось других предположений. Понажимав еще пару минут на Рона, он снова обратился к завещанию Дамблдора.

— «Мисс Гермионе Джин Грейнджер я оставляю свой экземпляр «Сказок барда Бидла», в надежде, что она найдет их занятыми и поучительными.»

Теперь Скримджер вытащил из портфеля небольшую книгу, на вид такую же древнюю, как экземпляр «Секретов черной магии», хранившийся наверху. Переплет был местами в пятнах и потертостях. Гермиона приняла книгу из рук Скримджера, не сказав ни слова. Она положила ее на колени и задумчиво рассматривала. Гарри заметил, что заголовок был написан рунами; он так и не научился их читать. Пока он смотрел, на тисненые буквы капнула слеза.

— Как вы думаете, мисс Грейнджер, почему Дамблдор завещал вам эту книгу? — спросил Скримджер.

— Он... он знал, что я люблю книги, проговорила Гермиона хриплым голосом, утирая глаза рукавом.

— Но почему именно эту книгу?

— Я не знаю. Наверно, думал, мне понравится.

— Вы когда-нибудь уговаривались с Дамблдором о каких-нибудь кодах или средствах передачи секретной информации?

— Нет, не уговаривалась, — отвечала Гермиона, всё ещё утирая рукавом глаза. — И если уж Министерство за тридцать один день не нашло в этой книге никаких скрытых кодов, то сомневаюсь, что это удастся мне.

Она подавила рыдание. Они сидели так плотно прижавшись друг к другу, что Рон не без труда высвободил руку, чтобы обнять Гермиону за плечи. Скримджер вновь обратился к

завещанию.

— «Гарри Джеймсу Поттеру, — читал он, и у Гарри всё сжалось внутри от внезапного волнения, — я оставляю тот снитч, который он поймал в своем первом матче по квиддичу в Хогвартсе, в напоминание о том, как вознаграждается настойчивость и мастерство.

Когда Скримджер вытащил крошечный, размером с грецкий орех, золотистый мячик, его серебряные крылышки довольно слабо затрепетали, и Гарри невольно ощутил некоторое разочарование.

— Для чего Дамблдор оставил вам этот снитч? — спросил Скримджер.

— Понятия не имею, — ответил Гарри, — вероятно, по уже упомянутым вами причинам... Чтобы напомнить мне, что может получить тот, кто... настойчив и всё такое...

— Значит, вы думаете, это всего лишь символический сувенир?

— Я полагаю, да, — сказал Гарри, — а что же еще?

— Вопросы задаю я, — заметил Скримджер, подвигая кресло поближе к диванчику. Теперь и за окнами сумерки сгущались, и палатка в саду призрачно белела, возвышаясь над живой изгородью.

— Я заметил, что Ваш именинный пирог сделан в форме снитча, — сказал Скримджер Гарри, — почему?

Гермиона саркастически засмеялась:

— Ну как же, не может же это быть только потому, что Гарри — выдающийся ловец, это было бы уж слишком очевидно и просто, — сказала она, — Там непременно должен быть тайный намек от Дамблдора, скрытый в глазури!

— Не думаю, чтобы в глазури что-то было скрыто, — сказал Скримджер, — но снитч был бы очень хорошим местом, чтобы спрятать небольшой предмет. Вам, я уверен, известно, почему?

Гарри пожал плечами, однако Гермиона ответила. Гарри подумал, что давать правильные ответы на вопросы стало у нее такой глубоко укоренившейся привычкой, что она просто не могла противостоять этому побуждению.

— Потому что у снитчей есть осязательная память, — выпалила она.

— Что? — хором изумились Гарри и Рон: оба считали познания Гермионы в области квиддича ничтожными.

— Правильно, — одобрил Скримджер, — К снитчу не прикасаются голыми руками до того, как его выпускают: даже изготовитель работает в перчатках. В нем запечатлено ощущение, по которому он может опознать того, кто первым взял его в руки, на случай, если возникает спор при его поимке. Этот снитч, — он высоко поднял крошечный золотистый мячик, — должен помнить ваше прикосновение, Поттер. Сдается мне, что Дамблдор, обладавший, при всех своих недостатках, выдающимся магическим даром, мог заколдовать этот снитч так, чтобы он открылся только вам.

У Гарри участилось сердцебиение. Он был уверен, что Скримджер прав. Как же ему было избежать прикосновения к снитчу голыми руками на глазах у министра?

— Вы ничего не говорите, — сказал Скримджер, — быть может, вам уже известно, что таит в себе этот снитч?

— Нет, — сказал Гарри, всё ещё не в силах придумать, как бы сделать вид, что он коснулся снитча, не касаясь его на самом деле. Эх, если бы он разбирался в легилименции, действительно разбирался, чтобы прочесть мысли Гермионы: ведь он практически слышал, как ее мозг

рядышком посылает ему сигналы.

— Возьмите его, — спокойно сказал Скримджер.

Гарри взглянул в желтые глаза министра и понял, что ему остается только повиноваться. Он протянул руку, и Скримджер, снова наклонившись, медленно и аккуратно вложил снитч в ладонь Гарри.

Ничего не произошло. Усталые крылышки снитча затрепетали и успокоились, едва пальцы Гарри сжались вокруг него. Скримджер, Рон и Гермиона всё так же жадно глядели на мячик, теперь частично скрытый, словно всё ещё надеясь на то, что он может каким-либо образом измениться.

— Момент был напряженный, — холодно произнес Гарри. Рон и Гермиона дружно рассмеялись.

— Ну вот, собственно, и всё, не так ли? — спросила Гермиона, делая движение чтобы встать с дивана.

— Не совсем, — сказал Скримджер, который теперь был явно раздосадован, — Дамблдор завещал вам еще кое-что, Поттер.

— Что именно? — спросил Гарри, вновь загораясь волнением.

На этот раз Скримджер даже не потрудился зачитать текст завещания.

— Меч Годрика Гриффиндора, — объявил он. Гермиона и Рон оба застыли в напряжении. Гарри огляделся в поисках рукояти, инкрустированной рубином, но Скримджер так и не достал меч из кожаного мешочка, который в любом случае казался слишком маленьким, чтобы в нем поместилась такая вещь.

— Так где же он? — подозрительно спросил Гарри.

— К сожалению, — произнес Скримджер, — этот меч не принадлежал Дамблдору, и у него не было права передавать его. Меч Годрика Гриффиндора является ценным историческим предметом искусства, и как таковой принадлежит...

— Он принадлежит Гарри! — с жаром воскликнула Гермиона, — Он выбрал его, именно он его нашел, он пришел к нему из Распределяющей шляпы...

— Согласно надежным историческим источникам, меч может являться любому достойному ученику Гриффиндора, — сказал Скримджер, — но это не делает его исключительной принадлежностью мистера Поттера, что бы там ни решил Дамблдор, — Скримджер почесал свою плохо выбритую щеку, не спуская пристального взгляда с Гарри, — Как вы думаете, почему?..

— ...Почему Дамблдор решил вручить меч мне? — закончил Гарри, изо всех сил сдерживая гнев, — Может быть, он подумал, что он славно бы смотрелся у меня на стене.

— Это не шутки, Поттер! — зарычал Скримджер, — Может быть, потому, что Дамблдор был убежден, что только меч Годрика Гриффиндора может победить Наследника Слизерина? Не потому ли он пожелал отдать этот меч вам, Поттер, что, подобно многим, верил, что вам суждено уничтожить Того, Кого Нельзя Называть?

— Интересная теория, — сказал Гарри, — А кто-нибудь когда-нибудь пытался вонзить меч в Вольдеморта? Может быть, пора Министерству занять кое-кого из своих сотрудников этим, вместо того, чтобы ковыряться в делюминаторах и укрывать беглых узников Азкабана? Так вот чем вы занимались, министр, запершись у себя в кабинете, — пытались взломать снитч? Люди гибнут — я сам едва не стал одной из жертв — Вольдеморт гнался за мной через три страны, он убил Грюма Грозный Глаз, а Министерству это всё хоть бы что, не так ли? И после этого вы еще надеетесь на наше сотрудничество!

— Вы заходите слишком далеко! — закричал Скримджер, вставая с кресла. Гарри тоже вскочил. Скримджер захромал к Гарри и с силой ткнул его в грудь острием своей палочки; она

прожгла дырку в футболке Гарри, как зажженная сигарета.

— Эй! — воскликнул Рон, вскакивая и тоже поднимая палочку, но Гарри сказал:

— Не смей! Ты что, хочешь дать ему повод арестовать нас?

— А, вспомнили, что вы не в школе? — заговорил Скримджер, дыша в самое лицо Гарри, —

Вспомнили, что я вам не Дамблдор, который прощал Вам Ваше нахальство и неподчинение? Можете носить этот шрам, как корону, Поттер, но не семнадцатилетнему мальчишке учить меня, как выполнять свою работу! Не пора ли Вам научиться уважать старших!

— Не пора ли Вам заслужить это уважение, — ответил Гарри.

Пол задрожал, раздался звук бегущих шагов, затем дверь гостиной распахнулась, и в нее вбежали мистер и миссис Уизли.

— Нам... Нам послышалось, будто... — начала миссис Уизли, явно не на шутку встревоженная видом Гарри и Министра, стоящих буквально нос к носу.

— ...кто-то кричал, — закончил запыхавшийся мистер Уизли.

Скримджер отступил на пару шагов от Гарри, поглядывая на дырку, которую он прожег в его футболке. Казалось, он сожалел о том, что не сдержался.

— Да нет... Так, ничего, — прорычал он, — мне... жаль, что вы так настроены, — добавил он, снова глядя прямо в глаза Гарри, — Вам, кажется, непонятно, что Министерство желает того же, чего и вы — чего и Дамблдор желал. Нам надо работать сообща.

— Мне не по вкусу ваши методы, Министр, — проговорил Гарри, — Помните?

Во второй раз он поднял свой правый кулак и показал Скримджеру шрам, всё еще белеющий на его тыльной стороне, от надписи «Я не должен лгать». Лицо Скримджера посуровело. Он развернулся, не произнеся больше ни слова, и, хромая, вышел из комнаты. Миссис Уизли поспешила за ним; Гарри слышал, как она остановилась у задней двери. Через минуту-другую она прокричала им:

— Он ушел!

— Чего он хотел? — спросил мистер Уизли, обводя глазами Гарри, Рона и Гермиону, пока миссис Уизли торопливо возвращалась к ним.

— Отдать нам то, что нам завещал Дамблдор, — сказал Гарри, — они только теперь обнародовали содержание его завещания.

Когда они вышли, за столами в саду предметы, отданные Скримджером, пошли по рукам. Все издавали возгласы по поводу делюминатора и «Сказок барда Бидла» и сожалели о том, что Скримджер отказался отдать меч, но никто не мог догадаться, почему Дамблдор оставил Гарри старый снитч. Когда мистер Уизли в третий или четвертый раз изучал делюминатор, миссис Уизли осторожно начала:

— Гарри, дорогой, все ужасно голодно, мы не хотели начинать без вас... Можно мне теперь подавать ужин?

Они все поели наспех, затем торопливо пропели «С днем рожденья тебя!», наскоро проглотили по куску торта, и праздник оборвался. Хагрид, которого пригласили на завтрашнюю свадьбу, но который оказался слишком громоздким, чтобы поместиться в растянутую Нору, остался ставить собственную палатку посреди близлежащего поля.

— Жди нас наверху, — шепнул Гарри Гермионе, пока они помогали миссис Уизли вернуть саду обычный вид, — как все уснут.

В своей комнате в мансарде Рон углубился в изучение делюминатора, а Гарри наполнял свой мешочек из конской шкуры — не золотом, но теми предметами, которые представляли для него особую ценность, хотя на вид большинство из них ничего не стоило; среди них были Карта мародера, осколок зачарованного зеркала Сириуса и медальон с надписью «R.A.V.». Он покрепче затянул шнурок и надел кошелек себе на шею, затем сидел, держа в руках старенький

снитч и наблюдая, как его крылышки слегка трепещут. Наконец, в комнату тихонько постучала и вошла на цыпочках Гермиона.

— Муффмато, — прошептала она, взмахнув палочкой в направлении лестницы.

— Ты же вроде не одобряла это заклинание? — заметил Рон.

— Времена меняются, — ответила Гермиона, — Ну-ка покажи нам этот делюминатор.

Рон не заставил себя ждать. Держа его высоко перед собой, он чиркнул им. Единственная зажженная ими лампа сразу погасла.

— Дело в том, — зашептала Гермиона, — что мы могли бы для этого воспользоваться Перуанским порошком мгновенной темноты.

Раздался тихий щелчок, и шарик света от лампы взлетел обратно к потолку и снова осветил их всех.

— Всё равно это круто, — проговорил Рон, как бы оправдываясь, — Да еще, говорят, это изобретение самого Дамблдора!

— Знаю, но он вряд ли стал бы выделять тебя из всех в своем завещании просто для того, чтобы помочь нам тушить свет!

— Не хочешь ли ты сказать, что он предвидел, что министерство конфискует его завещание и внимательно изучит всё, что нам от него досталось? — спросил Гарри.

— Определенно, — откликнулась Гермиона, — он не мог рассказать нам прямо в завещании, для чего он оставляет нам эти вещи, но в завещании ничего не сказано и о том...

— ... почему он не мог намекнуть нам об этом, пока был жив? — закончил Рон.

— Вот именно, — сказала Гермиона, перелистывая «Сказки барда Бидла», — Если всё это так важно, что приходится передавать это перед самым носом у Министерства, не кажется ли вам, что он разъяснил бы нам что к чему... если бы он не думал, что это само собой разумеется?

— И что, значит, он ошибался? — сказал Рон, — Я всегда говорил, что он тронутый. Блестящий ум и всё такое, но чокнутый. Оставить Гарри старый снитч — на кой бы он ему сдался?

— Понятия не имею, — сказала Гермиона, — Когда Скримджер заставил тебя взять его, Гарри, я была настолько уверена, что что-то произойдет!

— Ну да, — согласился Гарри, и пульс его участился, когда он поднял снитч, сжимая его пальцами, — но мне и стараться особо было нечего на виду у Скримджера, верно?

— О чем это ты? — спросила Гермиона.

— Тот снитч, который я поймал в своем самом первом матче по квиддичу? — произнес Гарри, — Вы что, не помните?

У Гермионы был просто ошеломленный вид, однако Рон так и задохнулся, лихорадочно показывая то на Гарри, то на снитч, пока к нему не вернулся голос.

— Это же тот, что ты чуть не проглотил!

— Точно! — сказал Гарри, и, чувствуя учащенное биение своего сердца, он приник к снитчу ртом.

Он не открылся. Недоумение и горькое разочарование поднималось в нем волной. Он опустил золотой шарик, но тут раздался возглас Гермионы:

— Надпись! На нем появилась надпись — быстро смотрите!

Он чуть было не выронил снитч от неожиданности и волнения. Гермиона была абсолютно права: на золотой поверхности, на которой до тех пор ничего не было, появились пять слов, выгравированных тонким наклонным почерком, в котором Гарри узнал руку Дамблдора:

«Я открываюсь там, где закрыто».

Едва он успел прочитать эти слова, как они снова исчезли.

— «Я открываюсь там, где закрыто»... Что бы это могло значить?

Гермиона и Рон в полном недоумении покачали головами.

«Я открываюсь там, где закрыто»... «где закрыто»... «Я открываюсь там, где закрыто»...

Но сколько бы они ни повторяли на все лады эти слова, им никак не удавалось выжать из них еще какой-то смысл.

— А меч, — сказал, наконец, Рон после того, как они отказались от попыток расшифровать божественное значение в надписи на снитче, — почему он захотел, чтобы Гарри достался меч?

— И почему он не мог просто сказать мне об этом? — спокойно произнес Гарри, — Ведь я был там, он висел прямо там, на стене в его кабинете во время всех наших разговоров в прошлом году! Если бы он хотел, чтобы я владел им, почему он просто не отдал мне его тогда?

Он чувствовал себя так, будто сидел на экзамене, где сходу должен был ответить на какой-то вопрос, но мозги шевелились медленно и непослушно. Неужели он что-то упустил в долгих разговорах с Дамблдором в прошлом году? Не должен ли он знать, что всё это значит? Не ожидал ли Дамблдор, что он сразу всё поймет?

— А что касается этой книги, — сказала Гермиона, — «Сказки барда Бидла» — я вообще никогда о ней не слышала!

— Ты никогда не слышала о «Сказках барда Бидла»? — спросил Рон, не веря своим ушам, — Ты, наверное, шутишь?

— Да нет же, — ответила Гермиона с удивлением, — Так ты их знаешь?

— Еще бы, конечно, знаю!

Гарри отвлекся и поднял глаза. То обстоятельство, что Рон читал книгу, которую не читала Гермиона, было беспрецедентным. Рон, в свою очередь, был ошеломлен их удивлением.

— Да вы что! Ведь все старинные детские сказки, кажется, написаны Бидлом! «Фонтан Судьбы»... «Волшебник и Горшок-скок-поскок»... «Боллитти-Кроллитти и ее нога-га-га-га»...

— Как-как? — переспросила Гермиона, хихикая, — Повтори-ка последнее название...

— Да бросьте вы! — воскликнул Рон, в недоумении переводя взгляд то на Гарри, то на Гермиону, — Но уж про Боллитти-Кроллитти вы должны были слышать!..

— Рон, тебе же отлично известно: мы с Гарри воспитывались среди маглов! — сказала Гермиона, — Мы ведь никаких таких сказок не слышали, когда были маленькими, мы слышали «Белоснежку и семь гномов», «Золушку»...

— Это что, болезнь такая? — спросил Рон.

— Так это детские сказки? — спросила Гермиона, вновь склоняясь над рунами.

— Да, — неуверенно протянул Рон, — ну в смысле, в том виде, как мы их слышим, все эти сказки пришли от Бидла. А как они звучат в исконном варианте, я не знаю.

— Но интересно, почему же Дамблдор решил, что мне надо их прочитать?

Внизу на лестнице что-то треснуло.

— Наверно, это всего лишь Чарли: пока мама спит, он крадется отращивать свои волосы, — сказал Рон, нервничая.

— Всё равно нам надо ложиться спать, — прошептала Гермиона, — Это никуда не годится, если мы завтра проспим.

— Да уж, — согласился Рон, — зверское тройное убийство детей матерью жениха омрачило бы свадьбу. Зажгу-ка я свет.

И, когда Гермиона выходила из комнаты, он еще раз щелкнул делюминатором.



## Глава восьмая. Свадьба

На следующий день в три пополудни Гарри, Рон, Фред и Джордж стояли рядом с огромным белым шатром, установленным в саду и ожидали прибытия свадебных гостей. Гарри принял приличную порцию оборотного зелья и сейчас был точной копией рыжеволосого магглского паренька из местной деревушки Оттери Сент Кетчпол, у которого Фред стащил волосы, воспользовавшись призывающими чарами. По легенде Гарри должны были представить, как «кузена Барни», а благодаря великому множеству родственников Уизли, его бы никто и не заметил.

Все четверо держали в руках планы рассадки гостей, чтобы помочь прибывающим найти их места. За час до этого прибыла целая толпа официантов в белых мантиях, а вместе с ними и музыканты, одетые в золотые жакеты, и теперь все эти волшебники сидели неподалёку под деревом. Гарри видел, как с того места шёл голубой табачный дымок. Позади Гарри находился вход в шатёр, открывавший вид на ряды хрупких золотистых стульев, поставленных по обе стороны длинного пурпурного ковра. Стойки были оплетены белыми и золотыми цветами. Фред с Джорджем прикрепили огромную связку золотых воздушных шаров прямо над тем местом, где Билл и Флёр вскоре должны были стать мужем и женой. Снаружи, над травой и живой изгородью лениво кружили бабочки и пчёлы. Гарри чувствовал себя достаточно некомфортно. Магглский мальчик, чью внешность ему пришлось принять, был слегка полнее его самого, и в своей парадной мантии ему было жарко и тесно в этот солнечный летний день.

— Когда я буду жениться, — сказал Фред, оттягивая ворот собственной мантии, — обойдусь без всякой этой чепухи. Кому что нравится, тот пусть то и надевает, а на маму вообще наложу связывающее заклятие до тех пор, пока всё не закончится.

— Надо заметить, что сегодня утром она вела себя не так уж и плохо, — заметил Джордж. — Совсем чуть-чуть поплакала о том, что здесь нет Перси, но кому он нужен? Ох, чтоб меня, приготовьтесь, вон они, глядите.

У дальней границы двора одна за одной из ниоткуда появлялись яркие, красочные фигуры. Через пару минут процессия обрела очертания и начала продвигаться сквозь сад в сторону шатра. Шляпы волшебниц украшали экзотические цветы и порхавшие заколдованные птицы, а галстуки большинства волшебников сверкали драгоценными камнями; гомон радостных голосов становился всё громче и громче, заглушая жужжание пчёл, по мере приближения толпы к навесу.

— Здорово, кажется, я уже вижу парочку кузин-вейл, — сказал Джордж, вытягивая шею, чтобы лучше разглядеть. — Им же нужно будет разобраться в наших английских традициях, вот я им и помогу...

— Не так быстро, Ваше Зиятельство, — сказал Фред и рванул мимо кучки волшебниц средних лет, возглавлявших процессию. — Это... *permettez-moi* типа *assister vous*, — сказал он паре миленьких молодых французенок, на что те хихикнули и позволили ему сопроводить их внутрь. Джорджу пришлось остаться и помогать дамам среднего возраста, Рон взял на себя заботу о коллеге мистера Уизли по Министерству — пожилom Перкинсе, в то время как на долю Гарри выпала туговатая на ухо престарелая пара.

— Салют, — услышал он знакомый голос, вернувшись из-под шатра, и увидел Тонкс с Люпином во главе очереди. По такому случаю теперь она была блондинкой. — Артур сказал нам, что ты будешь единственным кудрявым здесь. Извини за прошлый вечер, — добавила она шёпотом, когда Гарри повёл их вдоль прохода. — Министерство сейчас совсем не расположено к оборотням, и мы решили, что наше присутствие не принесёт тебе ничего хорошего.

— Да ладно, я всё понял, — ответил Гарри, обращаясь скорее к Люпину, чем к Тонкс. Люпин поспешно улыбнулся ему, но как только они отвернулись, Гарри заметил, что лицо Люпина снова стало каким-то несчастным. Он не мог понять, в чём дело, но сейчас не было времени заострять на этом внимание. По соседству Хагрид стал причиной кое-каких разрушений. Он не совсем понял указания Фреда и уселся сам, но не на специально для него магически увеличенный и усиленный стул, который поставили в сторонке в заднем ряду, а на пять обычных стульев сразу, которые теперь представляли собой груды золотых щепок. Пока мистер Уизли восстанавливал сломанные стулья, а Хагрид громогласно извинялся перед любым, кто его слушал, Гарри поспешил назад к выходу, и наткнулся там на Рона, стоявшего лицом к лицу с самым экстравагантным волшебником. Немного косоглазый, с белыми до плеч волосами, похожими на сахарную вату, он был одет в колпак с кисточкой, болтавшейся перед самым его носом и мантию режущего глаз цвета яичного желтка. На шее, подвешенный к золотой цепочке, сверкал странный значок, похожий на треугольный глаз.

— Ксенофилий Лавгуд, — представился он, протягивая Гарри руку, — мы с дочерью живём за холмом, поэтому со стороны Уизли было весьма мило — пригласить нас. Думаю, с моей дочкой Луной ты знаком? — добавил он, обращаясь к Рону.

— Да, — ответил Рон. — А разве она не с вами?

— Она задержалась в этом очаровательном садике, чтобы поздороваться с гномами, этими славными паразитами! Сколь немногие волшебники осознают, как многому мы можем научиться от мудрых маленьких гномов, или, как стоило бы их правильно называть, гернумблий садовых.

— А наши знают столько замечательных ругательств, — заметил Рон, — но боюсь, что это Фред с Джорджем их этому научили.

Он повёл группу волшебников в шатёр, и тут подбежала Луна.

— Привет, Гарри! — поздоровалась она.

— Э... меня зовут Барни, — ответил Гарри в замешательстве.

— О, имя ты тоже поменял? — весело спросила она.

— Как ты узнала?..

— По твоему выражению лица, — ответила она.

Как и её отец, Луна была одета в ярко-жёлтую мантию, а волосы её были украшены огромным подсолнухом. Если не принимать во внимание всю эту излишнюю яркость, то общее впечатление было вполне приятным. Во всяком случае, в этот раз у неё не болтались редиски в ушах.

Ксенофилий, увлечённый беседой с каким-то своим знакомым, пропустил разговор Луны и Гарри. Распрощавшись со своим собеседником, он повернулся к дочери, которая тут же подняла палец и сказала:

— Пап, смотри, один гном меня даже укусил!

— Замечательно! Слюна гномов чрезвычайно полезна! — мистер Лавгуд схватил вытянутый палец Луны и начал изучать кровоточащие места укусов. — Луна, любовь моя, если сегодня ты вдруг почувствуешь прилив способностей — вдруг захочется спеть оперу или говорить по-русалочьи — не подавляй их! Может, случилось так, что гернумблии одарили тебя!

Рон прошёл мимо них в противоположном направлении, издав громкий смешок.

— Рон может смеяться сколько угодно, — невозмутимо отозвалась Луна, когда Гарри повёл их с Ксенофилием к их местам, — но мой отец провёл серьёзное исследование магии гернумблий.

— Правда? — Гарри уже давно решил не оспаривать странные взгляды Луны и её отца. — Ты не хочешь что-нибудь приложить к укусу?

— Да нет, всё нормально, — ответила Луна, задумчиво обсасывая укушенный палец и оглядывая Гарри сверху до низу. — Элегантно выглядишь. Знаешь, я говорила папе, что многие будут одеты в парадные мантии, но он считает, что на свадьбу стоит надевать солнечные цвета, на счастье.

Как только она проследовала вслед за своим отцом, вновь появился Рон вместе с пожилой волшебницей, крепко сжимавшей его руку. Крючковатый нос, красные круги вокруг глаз, и розовая шляпа с пером делали её похожей на злого фламинго.

— ...и волосы у тебя слишком длинные, Рональд. На мгновение я подумала, что это Джиневра. Мерлинова борода, во что это вырядился Ксенофилий Лавгуд? Он похож на омлет. А ты кто такой? — рывкнула она на Гарри.

— Ах да, тётушка Мюриэль, это наш кузен Барни.

— Ещё один Уизли? Вы плодитесь, как гномы. А Гарри Поттер здесь? Надеюсь его здесь встретить, думала, что вы с ним друзья, Рональд, или ты просто хвастался?

— Нет... он не смог...

— Хм... Небось, придумал какое-нибудь оправдание? Значит, не такой бестолковый, как на фотографиях в газетах. Я только что давала советы невесте, как лучше носить мою диадему, — прокричала она Гарри. — Работы гоблинов, знаешь ли, веками принадлежала моей семье. Она, конечно, очень милая девушка, но всё же француженка. Так-так, найди-ка мне, Рональд, хорошее местечко, мне уже сто семь лет, и я не собираюсь долго стоять на ногах.

Проходя мимо Гарри, Рон многозначительно взглянул на него и после этого некоторое время не появлялся. Когда же они в очередной раз встретились у входа, Гарри был занят тем, что помогал рассаживаться ещё дюжине людей. Шатёр был уже почти заполнен, и впервые снаружи не было очереди.

— Эта Мюриэль — просто какой-то кошмар, — Рон вытер пот со лба рукавом. — Она к нам каждый год на Рождество приезжала, а затем, слава богу, обиделась на то, что Фред с Джорджем во время ужина запустили навозную бомбу прямо над её стулом. Папа постоянно твердит, что она вычеркнет их из своего завещания... будто их это волнует, такими темпами они будут богаче любого в семье... Ух ты, — добавил он и даже быстрее заморгал, глядя на торопливо подошедшую к ним Гермиону. — Шикарно выглядишь!

— Ты всегда так удивляешься, — ответила Гермиона, но всё же улыбнулась. На ней было лёгкое лиловое платье и такого же цвета туфли на высоких каблуках; волосы были гладкие и сверкающие. — А вот твоя двоюродная бабушка Мюриэль так не считает. Я только что встретила её на лестнице, как раз в тот момент, когда она отдавала Флёр диадему. Она сказала: «О, это что, маглорождённая?», а потом: «Плохая осанка и лодыжки худые».

— Не принимай это близко к сердцу, она со всеми так, — успокоил её Рон.

— Про Мюриэль говорите? — поинтересовался Джордж, выходя из шатра вместе с Фредом. — Она мне только что заявила, что у меня уши кривые. Старая ведьма. Да, жаль, что с нами нет дяди Билиуса; вот кто был центром веселья на свадьбах.

— Не он ли увидел Грима и умер через сутки после этого? — спросила Гермиона.

— Ну да, под конец он стал малость странноватым, — признался Джордж.

— Но прежде, чем ему слететь с катушек, он был душой любой вечеринки, — добавил Фред. — Он обычно опрокидывал целую бутылку огневиски, затем выскакивал на танцплощадку, задирали мантию и начинал вытаскивать охапки цветов прямо у себя из...

— Да уж, похоже, он был настоящим кудесником, — сказала Гермиона, пока Гарри покатывался со смеху.

— Так почему-то и не женился, — заметил Рон.

— Поразительно, — ответила Гермиона.

Они так смеялись, что ни один из них не заметил опоздавшего — темноволосого юношу с крупным носом с горбинкой и густыми чёрными бровями, пока тот не протянул Рону приглашение и, не сводя глаз с Гермионы, не произнёс: «Ты великолэпно выглядишь».

— Виктор! — воскликнула она и уронила свою маленькую расшитую бисером сумочку, которая упала с грохотом совершенно не соответствовавшем её размеру. Смутившись, она торопливо подняла её и сказала: — Я не знала, что тебя... вот это да... рада видеть... как у тебя дела?

Уши Рона снова густо покраснели. С недоверием взглянув на приглашение Крума, он спросил слишком уж громко: «Ты тут как оказался?»

— Меня Флёр пригласила, — Крум поднял брови.

Гарри, который не имел ничего против Крума, пожал ему руку и, решив, что будет разумнее увести его подальше от Рона, предложил ему показать его место.

— Твой друг не рад меня видеть, — заметил Крум, когда они вошли в переполненный шатёр. — Или вы родственники? — добавил он, глянув на рыжие кудри Гарри.

— Кузен, — пробормотал Гарри, но Крум уже не слушал его. Его появление вызвало некоторый переполох, в основном среди вейл: всё-таки он был известным квиддичным игроком. Пока люди вытягивали шеи, чтобы лучше его разглядеть, Рон, Гермиона, Фред и Джордж прошмыгнули вдоль прохода.

— Пора садиться, — сказал Фред Гарри, — а то нас невеста сшибёт.

Гарри, Рон и Гермиона заняли места во втором ряду позади Фреда и Джорджа. Гермиона была вся розовая, а уши Рона до сих пор были ярко алыми. Через пару мгновений он пробормотал Гарри:

— Видел, какую дурацкую бородёнку он отрастил?

Гарри хмыкнул что-то неопределённое.

Атмосфера в нагретом шатре была наполнена томительным ожиданием, мерное бормотание время от времени нарушалось вспышками взволнованного смеха. Мистер и миссис Уизли прохаживались по проходу, улыбаясь и приветствуя родственников; на миссис Уизли была новая с иголки мантия цвета аметиста и такого же цвета шляпа.

Мгновение спустя Билл и Чарли встали в передней части шатра, оба одетые в парадные мантии с большими белыми розами в петлицах. Фред даже присвистнул от восторга, чем вызвал всплеск хихиканья со стороны кузин-вейл. Вдруг из золотых воздушных шаров полилась музыка, и толпа смолкла.

— О! — произнесла Гермиона, разворачиваясь на стуле и глядя на вход.

Присутствующие волшебники и волшебницы издали громкий вздох: месье Делакур и Флёр шли по проходу: Флёр — плавно, а месье Делакур — слегка подпрыгивая и сияя от счастья. Флёр была одета в очень простое бело платье и, казалось, излучала мощное серебристое сияние. И если обычно её блеск затмевал любого, кто был рядом, то сегодня каждый становился прекраснее в её лучах. Джинни и Габриель, обе одетые в золотые платья, были ещё более красивыми, чем обычно, а стоило Флёр дойти до Билла, как тот стал выглядеть так, словно никогда и не встречался с Фенриром Грейбеком.

— Дамы и господа, — произнёс немного монотонный голос, и с чувством некоторого потрясения Гарри увидел того же самого низкорослого волшебника с пучками волос на голове, который руководил похоронами Дамблдора, а теперь стоял напротив Билла и Флёр. — Мы собрались здесь сегодня, чтобы отпраздновать союз двух любящих сердец...

— О да, моя диадема украсит всё, что угодно, — прошепела тётушка Мюриэль, — Но я должна сказать, что у Джиневры чересчур глубокий вырез.

Джинни огляделась, улыбнувшись, подмигнула Гарри и незамедлительно вновь устремила

взгляд вперёд. Мысли Гарри улетели далеко от шатра в те дни, проведённые наедине с Джинни в укромных уголках школьного двора. Эти дни, казалось, были так давно; они всегда казались какими-то неправдоподобно прекрасными, словно он выкрал у кого-то яркие часы жизни, у кого-то без шрама в виде молнии на лбу...

— Уильям Артур, берешь ли ты Флёр Изабелль?..

В первом ряду миссис Уизли и мадам Делакур тихонько всхлипывали, утирая слёзы кусочками кружева. Трубные звуки с задних рядов шатра дали всем понять, что Хагрид достал один из своих платков размером со скатерть. Гермиона повернулась и улыбнулась Гарри; её глаза были полны слёз.

— ...и объявляю вас мужем и женой.

Волшебник взмахнул палочкой высоко над головами Билла и Флёр, и сверху на них обрушился поток серебристых звёзд, закручивавшихся вокруг их сплетённых фигур. Фред и Джордж захлопали, вызвав шквал аплодисментов, и золотые шары над головой лопнули; из них вылетели райские птички и маленькие золотые колокольчики, добавив к общему шуму щебетание и звон.

— Дамы и господа! — объявил невысокий волшебник. — Я хотел бы попросить вас встать!

Тётушка Мюриэл громко заворчала, но встала вместе со всеми. Волшебник вновь взмахнул палочкой. Стулья, на которых они сидели, грациозно поднялись в воздух, полотняные стены шатра исчезли, и все оказались стоящими под тентом, натянутым за золотые шесты, а вокруг открывался великолепный вид на залитый солнцем сад и сельский пейзаж. В следующее мгновение из центра зала разлилась лужа жидкого золота и образовала сверкающую танцевальную площадку; парящие стулья выстроились вокруг маленьких столиков с белыми скатертями, и все они грациозно вернулись на землю вокруг площадки, а музыканты в золотых жакетах направились к эстраде.

— Недурно, — одобрительно заметил Рон, как только отовсюду появились официанты. Некоторые из них держали серебряные подносы с тыквенным соком, сливочным пивом, и огневиски, другие аккуратно передвигались, неся груды пирогов и бутербродов.

— Надо пойти поздравить их! — Гермиона встала на цыпочки, чтобы разглядеть место, где исчезли Билл и Флёр в толпе доброжелателей.

— Успеем, — пожал плечами Рон, снимая с проплывавшего мимо подноса три кружки сливочного пива и протягивая одну Гарри. — Гермиона, не стой на месте, надо столик занять... Только не туда! Подальше от Мюриэль...

Рон направился через пустую танцплощадку, поглядывая налево и направо; Гарри был уверен, что тот выискивал взглядом Крума. Они добрались до другой стороны шатра, но почти все столики были заняты. Пустовал лишь один — тот, за которым сидела Луна.

— Не возражаешь? — поинтересовался Рон.

— О, да, — радостно отозвалась она. — Папа только что ушёл дарить Биллу и Флёр наш подарок.

— Что это, годовой запас корнестражей? — спросил Рон.

Гермиона хотела пнуть его под столом, но вместо этого попала по Гарри. Глаза заслезились от боли, и Гарри на пару мгновений утерял нить беседы.

Музыканты начали играть. Под бурные аплодисменты, Билл и Флёр первыми вышли на танцплощадку; через некоторое время мистер Уизли вывел на площадку мадам Делакур, а вслед за ними вышли и миссис Уизли с отцом Флёр.

— Обожаю эту песню, — сказала Луна, покачиваясь в такт мелодии вальса, после чего встала, дошла до площадки и начала в одиночестве кружить на месте, закрыв глаза и плавно помахивая руками.

— Она бесподобна, правда? — с восхищением заметил Рон. — Просто прелесть.

Но улыбка тут же сошла с его лица: на освободившийся стул Луны уселся Виктор Крум. Гермиона заволновалась в предвкушении, однако, на этот раз Крум не собирался делать ей комплименты. Нахмурившись, он спросил: «Кто этот мужчина в жёлтом?»

— Это Ксенофилий Лавгуд, отец нашей подруги, — ответил Рон. Его воинственный тон говорил о том, что они не склонны смеяться над Ксенофилием, несмотря на явную провокацию. — Идём танцевать, — резко добавил он Гермионе.

Застигнутая врасплох, но в то же время довольная, она поднялась со стула, и они вместе слились с растущей толпой на танцплощадке.

— Они что, снова вместе? — растеряннo спросил Крум.

— Э... типа того, — ответил Гарри.

— Тебя как зовут? — спросил Крум.

— Барни Уизли.

Они пожали руки.

— Слушай, Барни, ты хорошо знаешь этого Лавгуда?

— Нет, сегодня впервые познакомился, а что?

Крум сердито глянул поверх своего бокала, наблюдая за Ксенофилием, болтавшим с несколькими волшебниками с другой стороны площадки.

— Потому что, если бы он нэ был гостем Флёр, я бы немедлэнно вызвал его на дуэль, за то, что он носит на груди этот мэрзкий знак.

— Знак? — Гарри тоже взглянул на Ксенофилия. Странный треугольный глаз сверкал на его груди. — И что? Что в нём такого?

— Гриндевальд. Это знак Гриндевальда.

— Гриндевальд... тёмный маг, которого победил Дамблдор?

— Именно.

Крум так сжимал челюсти, словно что-то жевал. Затем он добавил:

— Гриндевальд убил многих людэй, в том числэ моего деда. Разумеется, в этой странэ он не имэл такой власти — говорят, он боялся Дамблдора... и правильно делал, судя по тому, как он закончил. Но это, — он указал пальцем на Ксенофилия, — это его знак. Я зразу узнал его. Он высэк его на стенэ в Дурмштранге, когда учился там. Некоторые идиоты копировали его себе на учебники и на одежду, думали, что это устрашает и выглядит впечатляюще, пока те из нас, чьи родитэли погибли от руки Гриндевальда, не проучили их как слэдует.

Крум угрожающе хрустнул костяшками пальцем и сердито взглянул на Ксенофилия. Гарри был абсолютно сбит с толку. Это казалось совершенно неправдоподобным, что отец Луны поддерживал тёмные силы и что никто из присутствующих, казалась, не узнавал треугольной фигуры, похожей на руну.

— А ты... э... уверен, что это Гриндевальда?..

— Я не ошибся, — холодно ответил Крум. — Я нэсколько лэт ходил мимо этого знака и прекрасно знаю его.

— Знаешь, вполне может быть, что Ксенофилий толком и не знает, что означает этот символ. Лавгуды, они малость... необычные. Он запросто мог где-нибудь поднять его и решить, что это голова мяторогого хрюка в разрезе или ещё чего.

— Что в разрезе?

— Я не знаю, что это, но по всей вероятности по выходным они с дочерью ездят понаблюдать за ними...

Гарри почувствовал, что бесполезно рассказывать Круму про Луну и её отца.

— Вон она, — он указал на Луну, которая до сих пор танцевала в одиночестве и

размахивала руками вокруг головы так, словно отгоняла мух.

— Зачем она так дэлает? — поинтересовался Крум.

— Похоже, пытается избавиться от водоструя, — Гарри уже начал узнавать симптомы.

Крум, казалось, не мог понять, издевается над ним Гарри или нет. Он достал из-под мантии свою палочку и угрожающе похлопывал ею себе по ноге; искры так и сыпались с её кончика.

— Грегорович! — воскликнул Гарри. Крум вздрогнул, но Гарри был так взволнован, что забыл о всякой безопасности. Он увидел палочку Крума и вспомнил, как Оливандер тщательно проверял её перед Турниром трёх волшебников.

— Что с ним? — подозрительно спросил Крум.

— Он же делает палочки!

— Я знаю.

— Он сделал твою палочку. Поэтому я подумал... квиддич...

Крум смотрел всё более и более подозрительно.

— Откуда ты знаешь, что мою палочку сделал Грегорович?

— Я... прочитал наверное где-нибудь, — сказал Гарри. — В этом... в журнале для болельщиков, — бешено импровизировал Гарри, и Крум вроде как успокоился.

— Я уже и не помню, что когда-то обсуждал с болельщиками свою палочку, — сказал он.

— Так... э... где сейчас Грегорович?

Крум задумался.

— Несколько лет назад он отошёл от дэл. Я был одним из последних, кто купил палочку Грегоровича. Они самые лучшие, хотя вы, британцы, насколько я знаю, прэдпочитаете Оливандера.

Гарри не ответил. Он сделал вид, что, как и Крум наблюдает за танцующими, но сам напряжённо думал. Вольдеморт искал знаменитого изготовителя палочек и Гарри прекрасно понимал почему: несомненно, из-за того, что сотворила его палочка в ночь, когда Вольдеморт гнался за ним в небе. Палочка из остролиста и пера феникса одержала верх над палочкой Вольдеморта, взятой у другого, и этого Оливандер не мог ни предвидеть ни понять. Может это знает Грегорович? Может он действительно более искусный мастер, чем Оливандер и знает такие секреты палочек, каких не знает Оливандер?

— Симпатичная девушка, — Крум оторвал Гарри от размышлений. Он показывал на Джинни, только что присоединившуюся к Луне. — Она тоже твоя родственница?

— Да, — неожиданно раздражённо ответил Гарри, — но она уже кое с кем встречается. Жуткий ревнивец. Здоровенный такой детина. Не думаю, что ты захочешь с ним встретиться.

Крум недовольно хмыкнул.

— Скажи мнэ, — сказал он, осушая свой кубок и вставая со стула, — в чём прелэсть быть знаменитым квиддичным игроком, если всё симпатичные девчонки уже разобраны?

И он зашагал прочь. Гарри взял бутерброд у проходившего мимо официанта и двинулся вокруг переполненной танцплощадки. Он хотел найти Рона и рассказать ему о Грегоровиче, но тот танцевал с Гермионой в самом центре площадки. Он прислонился к одной из золотых опор и стоял, наблюдая за Джинни, танцевавшей с Ли Джорданом, приятелем Фреда и Джорджа, и стараясь не злиться из-за того обещания, которое дал Рону.

Он никогда раньше не был на свадьбах и не мог судить о том, насколько празднования волшебников отличается от маггльских, но он был точно уверен, что у маглов не бывает свадебных тортов, украшенных уменьшенными фениксами, которые разлетаются, как только торт начинают резать или бутылок с шампанским, летающих среди толпы. Надвигался вечер, и стаи мотыльков слетались под навес, который теперь освещался парящими золотыми фонариками. Народу на вечеринке становилось всё меньше и меньше. Фред и Джордж уже давно

исчезли в темноте с парочкой кузин Флёр; Чарли, Хагрид и ещё один коренастый волшебник в старомодной круглой сиреневой шляпе с загнутыми кверху полями пели в углу «Герой Одо».

Пробираясь сквозь толпу так, чтобы скрыться от пьяного дяди Рона, который, казалось не был уверен, является ли Гарри его сыном, Гарри заметил пожилого волшебника, одиноко сидящего за столиком. Облако его белых волос делало его похожим на престарелый одуванчик с поеденной молью феской на голове. Что-то было в нём смутно знакомое: Гарри напряг мозги и вдруг вспомнил, что это был Эльфиас Дож, член Ордена Феникса и автор некролога Дамблдора.

Гарри подошёл к нему.

— Могу я сесть?

— Конечно, конечно, — сказал Дож; у него был довольно высокий, хрипящий голос.

Гарри наклонился к нему.

— Мистер Дож, я — Гарри Поттер.

От удивления у Дожа перехватило дыхание.

— Мой дорогой мальчик! Артур сказал мне, что ты будешь здесь в другом облиии. Я так рад, такая честь!

Дрожа от радостного волнения, Дож наполнил бокал Гарри шампанским.

— Я собирался написать тебе, — прошептал он, — после того, как Дамблдор... какое потрясение... уверен, и для тебя тоже...

Крошечные глаза Дожа наполнились слезами.

— Я видел некролог, который вы написали для «Ежедневного Пророка», — сказал Гарри. — Не думал, что вы так хорошо знали Профессора Дамблдора.

— Так же, как и все остальные, — Дож промокнул глаза салфеткой. — Конечно, я знал его дольше всех, если не считать Аберфорта... хотя, Аберфорта, похоже, вообще никогда не считают.

— Кстати о «Ежедневном Пророке»... мистер Дож, вы видели?..

— О, пожалуйста, зови меня Эльфиас, мой дорогой мальчик.

— Эльфиас, вы видели интервью, которое Рита Вритер дала о Дамблдоре?

Лицо Дожа побагровело от злости.

— О, да, Гарри, я его видел. Эта женщина или, если точнее выразаться, стервятник, так замучила меня своими просьбами о том, чтобы я поговорил с ней, что я, стыдно признаться, не выдержал и назвал её настырной калошей, что, как ты сам видел, закончилось клеветническими выпадами в сторону моего рассудка.

— Знаете, в том интервью, — продолжал Гарри, — Рита Вритер намекнула, что в юности профессор Дамблдор увлекался тёмными искусствами.

— Не верь ни единому слову! — тут же отреагировал Дож. — Ни единому, Гарри! Не позволяй ничему бросить тень на твои воспоминания об Альбусе Дамблдоре!

Гарри взглянул на серьёзное, огорчённое лицо Дожа и почувствовал не облегчение, а разочарование. Неужели Дож всерьёз думает, что это так просто, что Гарри может вот так взять и перестать верить? Неужели Дож не понимает, что Гарри нужно быть уверенным, ему нужно знать всё?

Возможно, Дож догадался о чувствах Гарри, поскольку выглядел обеспокоенным и поспешно продолжил: «Гарри, Рита Вритер — ужасная...»

Но его прервало визгливое кудахтанье.

— Рита Вритер? О, я её обожаю, всегда её читаю!

Гарри и Дож подняли глаза и увидели тётушку Мюриэль; в её волосах плясали перья, а в руках она держала бокал с шампанским.

— Знаете, а она написала книгу о Дамблдоре!



— Здравствуй, Мюриэль, — поприветствовал её Дож. — Да, мы как раз разговаривали о...

— Эй, вы там! Дайте-ка мне свой стул, мне всё-таки сто семь лет!

Ещё один рыжеволосый кузен Уизли обеспокоено соскочил со своего стула; тётушка Мюриэль развернула стул с невероятной силой и плюхнулась на него прямо между Дожем и Гарри.

— Ещё раз здравствуй, Барри или как там тебя, — сказала она Гарри. — Так что ты говорил о Рите Вритер, Эльфиас? Ты знаешь, что она написала биографию Дамблдора? Не могу дождаться, чтобы прочитать её. Надо будет не забыть сделать заказ в «Росчерк и Клякс»!

Дож ответил на это суровым и мрачным взглядом, но тётушка Мюриэль осушила бокал и щёлкнула своими костлявыми пальцами проходившему мимо официанту, чтобы тот налил ей ещё спиртного. Она сделала очередной большой глоток шампанского, отрыгнула и сказала:

— Нечего смотреть, как пара лягушачьих чучел! Прежде чем ему стать таким уважаемым, почтенным и всё такое, об Альбусе ходили кое-какие интересные слухи!

— Пустой трёп, — лицо Дожа снова становилось цвета редиски.

— Кто бы говорил, Эльфиас, — прокудахтала тётушка Мюриэль. — Я заметила, как ты обошёл все скользкие моменты в своём некрологе!

— Очень жаль, что ты так думаешь! — ответил Дож ещё более холодно. — Смею тебя заверить, я писал от всего сердца.

— Ой, все мы знаем, что ты просто поклонялся Дамблдору; смею заметить, что ты будешь считать его святым даже тогда, когда выяснится, что он покончил со своей сестрой-сквибом!

— Мюриэль! — воскликнул Дож.

Холод, не имевший никакого отношения к ледяному шампанскому, пробрал грудь Гарри.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он Мюриэль. — Кто сказал, что его сестра была сквибом? Я думал, она была больна.

— Значит, ты не правильно думал, Барри! — ответила тётушка Мюриэль, с довольным видом наблюдая за произведённым эффектом. — И вообще, откуда ты можешь что-то знать? Всё это случилось за много лет до того, как ты только в планах появился, дорогуша, но, по правде говоря, даже те из нас, кто жил в те времена, так толком ничего об этом и не знали. Вот поэтому я и жду не дождусь узнать, что же там раскопала Вритер! Дамблдор долго молчал о своей сестре!

— Ложь! — прохрипел Дож. — Чистейшая ложь!

— Он никогда не говорил мне, что его сестра — сквиб, — без раздумья произнёс Гарри, всё ещё ощущая холод внутри.

— С какой стати он должен был тебе об этом рассказывать? — проскрипела Мюриэль, немного наклонившись на стуле, чтобы получше разглядеть Гарри.

— Причина, по которой Альбус никогда не говорил об Ариане, — начал Эльфиас переполненным от эмоций голосом, — я полагаю, весьма ясна. Он был так опустошён её смертью...

— Почему же никто никогда не видел её, Эльфиас? — взвизгнула Мюриэль. — Почему половина из нас даже не знала о её существовании, пока не пришлось выносить гроб из дома и участвовать в её похоронах? Где был святой Альбус, в то время как Ариана была заперта в подвале? Уехал покорять Хогвартс, и его совершенно не волновало, что происходило в его собственном доме!

— В смысле, заперта в подвале? — спросил Гарри. — Из-за чего?

Дож выглядел совершенно несчастным. Тётушка Мюриэль хмыкнула в очередной раз и ответила Гарри:

— Мать Дамблдора была ужасающей женщиной, просто ужасающей. Маглорождённая, хотя

я слышала, что она строила из себя...

— Никогда она из себя никого не строила! Кендра была прекрасной женщиной, — несчастно прошептал Дож, но тётушка Мюриэль не обратила на него внимания.

— ... гордую и очень властную, этакую волшебницу, которая скорее умрёт, чем родит сквиба...

— Ариана не была сквибом! — хрипел Дож.

— Ладно, Эльфиас, тогда объясни, почему она никогда не посещала Хогвартс? — сказала тётушка Мюриэль. Она вновь повернулась к Гарри. — В наши дни о сквибах в семье часто старались умалчивать, однако докатиться до того, чтобы запереть маленькую девочку в собственном доме, как в тюрьме и при этом делать вид, что её не существует...

— Говорю тебе, всё было не так! — возразил Дож, но тётушка Мюриэль, не обращая ни на что внимания, продолжала рассказывать Гарри.

— Сквибов обычно отдавали в магглские школы и старались влить их в общество магглов... гораздо более великодушно, чем пытаться найти им место в мире волшебников, где они всегда должны были оставаться людьми второго сорта, но, разумеется, Кендра Дамблдор даже и подумать не смела о том, чтобы её дочь ходила в школу магглов.

— Ариана была болезненна! — отчаянно сказал Дож. — Её здоровье было слишком слабым, чтобы позволить ей...

— ...позволить ей выйти из дома? — прокудахтала Мюриэль. — Однако её никогда не возили в клинику св. Мунго и целителей к ней на дом не вызывали!

— Мюриэль, да откуда ты можешь знать?..

— Да будет тебе известно, Эльфиас, мой кузен Ланцелот работал в то время целителем в клинике св. Мунго, и по большому секрету он рассказал нашей семье, что Ариану там никогда не видели. Ланцелот посчитал, что всё это очень подозрительно!

Дож, выглядел так, словно вот-вот расплачется. Тётушка Мюриэль, весьма довольная собой, щёлкнула пальцами, требуя ещё шампанского. С содроганием Гарри подумал, как Дурсли запирали его, прятали от всех, держали, как можно дальше и всё лишь из-за того, что он был волшебником. Неужели сестру Дамблдора постигла та же участь, и её лишили свободы за неспособность к магии? И неужели Дамблдор бросил её на произвол судьбы, а сам отправился в Хогвартс доказать свою исключительность и одарённость?

— Вообще, если бы Кендра не умерла первой, — продолжила Мюриэль, — я бы решила, что это именно она прикончила Ариану.

— Как ты можешь, Мюриэль? — простонал Дож. — Мать убила собственную дочь? Думай, что говоришь!

— Если эта мать способна заточить свою дочь на целые годы, то почему бы и нет? — пожалла плечами тётушка Мюриэль. — Но, как я уже сказала, Кендра умерла вперёд Арианы... никто так толком и не знает от чего...

— О, разумеется, это Ариана её убила, — заметил Дож, пытаясь усмехнуться. — Почему бы и нет?

— Да, Ариана вполне могла предпринять отчаянную попытку освободиться и во время борьбы с Кендрой убить её, — задумчиво произнесла тётя Мюриэль. — Можешь качать головой сколько угодно, Эльфиас. Ты ведь был на похоронах Арианы?

— Да, был, — с дрожащими губами произнёс Дож. — И более печального события я не могу припомнить. Сердце Альбуса было разбито...

— И не одно сердце. Разве Аберфорт не разбил Альбусу нос на середине службы?

Если до этого Дож и выглядел ужасно, то это не шло ни в какое сравнение с тем, как он выглядел сейчас. Мюриэль добила его. Она громко хмыкнула и сделала очередной глоток

шампанского, которое потекло по её подбородку.

— Откуда ты?.. — прохрипел Дож.

— Моя мать водила дружбу со старухой Батильдой Бэгшот, — счастливо заявила тётушка Мюриэль. — Батильда рассказывала это моей матери, а я слушала под дверью. Потасовка у гроба. Как сказала Батильда, Аберфорт кричал, что это Альбус виноват в том, что Ариана умерла, и врезал ему по лицу. Если верить Батильде, Альбус даже не защищался, что само по себе весьма странно. В поединке он мог бы уничтожить Аберфорта, даже если бы у него обе руки были за спиной связаны.

Мюриэль глотнула ещё шампанского. Рассказ о былых скандалах, казалось, настолько приводил её в восторг, насколько ужасал Дожа. Гарри не знал, что думать и чему верить. Он хотел знать правду, а всё что мог сделать Дож, это сидеть и слабо блеять о том, что Ариана была больна. Гарри с трудом мог верить, что Дамблдор мог пройти мимо такой жестокости, творящейся в его доме, но всё же что-то странное в этой истории, несомненно, было.

— И вот что я вам ещё скажу, — сказала Мюриэль, слегка икнув, после того, как ещё отпила из бокала. — Думаю, что это Батильда проболталась Рите Вритер. Все те намёки в интервью Вритер о важном источнике, приближённом к Дамблдорам... а ведь она была там во время всей этой истории с Арианой, так что вполне может быть!

— Батильда ни за что бы не стала говорить с Ритой Вритер! — прошептал Дож.

— Батильда Бэгшот? — произнёс Гарри. — Автор «Истории магии»?

Это имя было напечатано на обложке одного из учебников Гарри, но, признаться, ему он не уделял особого внимания.

— Да, — ответил Дож, хватаясь за вопрос Гарри, как тонущий хватается за спасательный круг. — Самый одарённый волшебный историк и старый друг Альбуса.

— Слышала, старуха совсем уже из ума выжила, — радостно добавила тётушка Мюриэль.

— А если так, то это ещё более низко со стороны Вритер — использовать её в своих интересах, — сказал Дож, — и значит нельзя верить всему, что может рассказать Батильда!

— О, есть много способов, чтобы вернуть воспоминания, и уверена, Рита Вритер знает их все! — сказала тётушка Мюриэль. — Но даже если Батильда совсем спятила, наверняка у неё остались старые фотографии, может даже письма. Она знала Дамблдоров в течение многих лет. Думаю, стоит съездить в Годрикову лощину.

Гарри поперхнулся глотком сливочного пива и закашлял; Дож похлопал его по спине. Гарри слезящимися глазами смотрел на тётушку Мюриэль. Как только он вновь смог говорить, он спросил:

— Батильда Бэгшот живёт в Годриковой лощине?

— О, да, всю жизнь! Дамблдоры переехали туда после того, как Персиваля посадили в тюрьму, она была их соседкой.

— Дамблдоры жили в Годриковой лощине?

— Да, Барри, именно это я только что и сказала, — раздражительно сказала тётушка Мюриэль.

Гарри чувствовал себя высушенным, пустым. Никогда в течение шести лет Дамблдор не рассказывал Гарри о том, что они оба жили и потеряли любимых в Годриковой лощине. Почему? Может, Лили и Джеймс похоронены рядом с матерью и сестрой Дамблдора? Может, когда он посещал их могилы он проходил мимо могил Лили и Джеймса? И он никогда не говорил Гарри... даже не потрудился сказать...

И почему это было настолько важно, Гарри не мог объяснить даже себе, но всё же он чувствовал, что это было всё равно, что солгать — не сказать ему, что они жили в одном месте и вместе переживали эти события. Он сидел, уставившись вперёд, и с трудом следил за тем, что

происходило вокруг, и даже не заметил появившуюся из толпы Гермиону, пока та не села в кресло перед ним.

— Не могу уже больше танцевать, — запыхавшись, сказала она, стягивая туфлю с ноги и потирая ступню. — Рон ушёл в поисках сливочного пива. Странно. Только что видела, как Крум в ярости уходил от отца Луны, было похоже, что они спорили... — она понизила голос, уставившись на него. — Гарри, ты в порядке?

Гарри не знал, с чего начать, но это было и не важно, так как в этот момент на площадку сквозь навес упало нечто огромное и серебристое. Изящная и сверкающая, в самом центре изумлённых танцующих приземлилась рысь. Все повернули головы, а те, кто стоял ближе всех, нелепо застыли посреди танца. Затем патронус широко открыл рот и заговорил громким, глубоким, медленным голосом Кингсли Кандалболта.

— Министерство пало. Скримджер мёртв. Они приближаются.

## Глава девятая. Убежище

Всё вокруг приобрело неясные очертания как в замедленной съёмке. Гарри и Гермиона вскочили на ноги и вытащили палочки. Многие только сейчас начали понимать, что произошло что-то странное. Все головы ещё были повернуты в сторону исчезающего серебряного кота. Тишина наплывала холодными волнами от места, где приземлился Патронус. Вдруг кто-то закричал.

Гарри и Гермиона бросились в паникующую толпу. Гости разбегались в разных направлениях. Многие дизаппарировали, защитные заклинания вокруг Норы были сломлены.

— Рон! — позвала Гермиона, — Рон, где ты?

Когда они прокладывали себе путь к танцполу, Гарри заметил, как в толпе появляются фигуры в масках и капюшонах. Потом он увидел Люпина и Тонкс с поднятыми палочками, кричащих «Протего!». Этот крик повторялся со всех сторон.

— Рон! Рон! — звала Гермона, чуть не плача. Её с Гарри со всех сторон теснили испуганные гости, Гарри схватил её за руку, чтобы не потерять друг друга в толпе, вспышка света пролетела со свистом над их головами — защитное заклинание или кое-что похуже, он не знал.

А вот и Рон. Он схватил Гермиону за свободную руку, и Гарри почувствовал, как резко повернула. Темнота давила на него, поглощая цвет и звук, и пока он протискивался сквозь пространство и время, он чувствовал только руку Гермионы. Они неслись прочь от Норы, преследующих их Пожирателей Смерти, а может и самого Вольдеморта.

— Где мы? — произнёс Рон.

Гарри открыл глаза. На одно мгновение ему показалось, что они всё ещё на свадьбе. Вокруг них всё ещё было много людей.

— Улица Тоттенхем Корт — выпалила Гермиона. — Идите, ну же, вперёд, вы должны где-нибудь переодеться.

Гарри сделал, как она просила. Почти бегом они продвигались по широкой тёмной переполненной припозднившимися гуляками улице, по обеим сторонам которой стояли закрытые магазины, а звёзды сверкали над их головами. Мимо прогрохотал двухэтажный автобус, и группа весёлых завсегдатаев баров присвистнула, увидев Гарри и Рона, на которых всё ещё были выходные мантии.

— Гермиона, но у нас не во что переодеваться, — сказал ей Рон, когда молодая женщина разразилась хриплым смехом, заведя его.

— Ну почему я не проверил, взял ли я с собой Плащ-невидимку? — простонал Гарри, внутренне проклиная свою глупость. — Весь прошлый год я его носил с собой и...

— Да всё в порядке, я взяла плащ, и у меня одежда для вас обоих, — произнесла Гермиона, — вы только ведите себя естественно.

Она завела их в переулок, а затем под прикрытия тенистой аллеи.

— Когда ты сказала, что у тебя есть плащ и одежда..., — начал Гарри, нахмурившись, и взглянул на Гермиону, у которой не было с собой ничего, кроме украшенной бисером маленькой сумочки, в которой она как раз сейчас и рылась.

— Да, они здесь, — согласилась Гермиона и, к глубокому изумлению Гарри и Рона, извлекла оттуда две пары джинсов, толстовку, несколько тёмно-бордовых носков, и, наконец, серебристый плащ-невидимку.

— Какого чёрта?...

— Незаметные расширяющие чары, — сказала Гермиона, — рискованно, но я думаю, что

всё сделала правильно, в любом случае, я умудрилась запихать сюда всё, что нам нужно.

Она слегка встряхнула миниатюрную сумочку, и та отозвалась как грузовой чемодан, в котором перекатывались ещё несколько тяжёлых предметов.

— О, боже, это же книги! — воскликнула Гермиона, глядя в сумку, — и я их все разложила по предметам...Ох, ладно...Гарри, тебе лучше надеть плащ. Рон, поторопись, переодевайся быстрее...

— Когда ты всё это успела? — спросил Гарри, пока Рон стягивал мантию.

— Я же сказала, в Норе, я несколько дней собирала предметы первой необходимости, в случае, если нам придётся срочно уходить. Твой рюкзак я собрала с утра, Гарри, после того, как вы переоделись, и положила вещи сюда...У меня просто было какое-то предчувствие...

— Ты — удивительный человек, — произнёс Рон, подавая ей связанные в узел мантии.

— Спасибо, — поблагодарила Гермиона и слегка улыбнулась, заталкивая мантии в сумку. — Гарри, ну же, надевай плащ!

Гарри накинул плащ на плечи и голову и исчез из виду. Он только сейчас начал осознавать, что же всё-таки произошло.

— А остальные — все остальные на свадьбе...

— Мы не можем сейчас о них беспокоиться, — прошептала Гермиона, — они же пришли за тобой, Гарри, мы подвергнем всех ещё большей опасности, если вернёмся.

— Она права, — согласился Рон, который, даже не видя лица Гарри, казалось, понял, что тот готов поспорить. — Большая часть Ордена там, они позаботятся об остальных. Гарри кивнул, но потом вспомнил, что друзья его не видят, и сказал: «Ага». Но, когда он думал о Джинни, страх, как кислота, булькал у него в животе.

— Вперёд, я думаю, нам не стоит стоять на одном месте, — сказала Гермиона.

Они вернулись в переулок, а затем снова на главную улицу. На противоположной стороне группа людей с песнями пересекала мостовую.

— Просто интересно, почему улица Тоттенхем Корт? — спросил Рон у Гермионы.

— Не знаю, это первое, что пришло мне в голову, но я уверена, в мире Магглов безопаснее, здесь они не рассчитывают нас найти.

— Верно, — согласился Рон, оглядываясь по сторонам, — но у тебя не возникает чувство, будто тебя...хм...выставляют напоказ?

— Где ещё, если не здесь? — поинтересовалась Гермиона, съезживаясь от восхищённого свиста, которым её наградили группа парней с противоположной стороны. — Вряд ли мы можем забронировать комнаты в «Дырявом котле», не так ли? И площадь Гриммолд не подходит, ведь там может появиться Снейп...Я думаю, можно было бы попробовать дом моих родителей, хотя они могут и его проверить...Ох, ну когда же они заткнутся?

— Всё в порядке, дорогуша? — прокричал самый пьяный из компании. — Выпьем по бокальчику, а? Не стесняйся, иди к нам!

— Давайте сядем куда-нибудь, — поспешно отреагировала Гермиона, так как Рон уже открыл рот, готовясь им ответить. — Гляди-ка, можно и сюда!.

Они зашли в маленькое захудалое круглосуточное кафе. Лёгкий слой жира лежал на всех пластмассовых столиках, но оно было, по крайней мере, пустым. Гарри проскользнул в кабинку первым, а Рон сел рядом с ним, напротив Гермионы, которой пришлось сидеть спиной к выходу, и ей это очень не нравилось: она так часто поворачивалась, что казалось, что у неё судорога. Гарри не нравилось сидеть неподвижно — когда они шли, хотя бы создавалась иллюзия какой-то цели. Он почувствовал под плащом, как выветриваются остатки Полиморфного зелья, и его руки возвращаются к обычной своей длине и форме. Он достал очки из кармана и снова надел их.

Через минуту или две Рон сказал:

— А знаете мы ведь не так уж и далеко от «Дырявого котла», он ведь на Чаринг Кросс...

— Рон, мы не можем! — сразу же отреагировала Гермиона.

— Да не останавливаться там, а просто выяснить, как обстоят дела!

— Мы знаем, как обстоят дела! Вольдемо́рт захватил Министерство, что ещё нам надо знать?

— Ладно, ладно, я ведь только предложил!

Повисла колючая тишина. Официантка со жвачкой во рту подошла к их столику, и Гермиона заказала два капучино: так как Гарри был невидим, выглядело бы странным заказать ещё одно для него. Двое дородных рабочих вошли в кафе и протиснулись в ближайшую кабинку. Гермиона понизила голос до шёпота.

— Говорю же, мы должны найти безопасное место, чтобы Дизаппарировать куда-нибудь за город. Когда будем там, отправим сообщение Ордену.

— А ты можешь вызвать говорящего Патронуса? — спросил Рон.

— Я тренировалась, так что, думаю, да, — ответила Гермиона.

— Ну, раз это не втянет их в беду, хотя, возможно их уже и арестовали. Фу, ну и гадость, — добавил Рон, сделав глоток пенистого сероватого кофе. Официантка услышала, и, когда пробиралась к новым посетителям за заказом, бросила на Рона яростный взгляд. Когда Гарри случайно взглянул в их сторону, он увидел, как, самый крупный из рабочих, светловолосый и мускулистый, отослал её без заказа. Она уставилась на них с оскорблённым видом.

— Может, пойдём отсюда. Не хочу пить эту дрянь, — предложил Рон. — Гермиона, у тебя есть маггловские деньги, чтобы расплатиться?

— Да, прежде чем приехать в Нору, я взяла с собой все свои сбережения Строительного общества. Могу поспорить, вся мелочь окажется на дне, — вздохнула Гермиона, роаясь в сумке.

Двое рабочих сделали одинаковые движения, и Гарри инстинктивно отразил их, даже не успев подумать: все трое достали палочки. Рон, который понял, что происходит на несколько секунд позже, ринулся через стол и оттолкнул Гермиону в сторону на скамейку. Заклинания Пожирателей Смерти сотрясли кафельную стену, как раз в том месте, где только что был Рон, а Гарри всё ещё невидимый, заорал: «Остолбелей!»

Струя красного света ударила прямо в лицо огромному светловолосому Пожирателю Смерти: он сполз по стене без сознания. Его напарник, который не мог видеть, кто послал заклинание, направил ещё одно в Рона: сверкающие чёрные нити вырвались из кончика его волшебной палочки и связали Рона с ног до головы — официантка закричала и побежала к двери — Гарри пустил ещё одно Оглушающее заклинание в Пожирателя Смерти с перекошенным лицом, который связал Рона, но промахнулся, и заклятие, отразившись от окна, ударило официантку, которая так и упала около двери.

— Экспулсо! — прорычал Пожиратель Смерти, и стол, за которым стоял Гарри, взорвался: силой взрыва его отбросило в стену, палочка выпала из рук, а плащ соскользнул с плеч.

— Петрификус Тоталус! — выкрикнула Гермиона откуда-то сбоку, и Пожиратель смерти упал с глухим стуком как подкошенный лицом вниз на груды разбитого фарфора, стола и кофе. Гермиона выползла из-под скамейки, вытряхивая из волос осколки стеклянного подноса и дрожа с ног до головы.

— Д — диффиндо! — крикнула она, направив палочку на Рона. Тот завопил от боли, заклинание разорвало ему джинсы на коленке и оставило глубокий порез. — Прости, Рон, у меня руки дрожат! Диффиндо!

Разорванные верёвки упали на пол. И Рон поднялся на ноги, разминая онемевшие руки. Гарри поднял палочку и пролез в развалины кабинки, где неуклюже развалился светловолосый

Пожиратель Смерти.

— Я мог бы и узнать его, он был в ту ночь, когда умер Дамблдор, — сказал он. Он ногой перевернул тёмного Пожирателя; его глаза бегали от Гарри к Рону и Гермионе.

— А это Долохов, — сказал Рон, — я узнал его со старых постеров «разыскивается». Мне кажется, тот, что побольше — Форфин Роул.

— Какая разница, как их зовут! — почти с надрывом выпалила Гермиона. — Как они нашли нас? И что нам теперь делать?

В какой-то степени именно её нервозность помогла Гарри прийти в себя.

— Запри дверь, — сказал он ей, — а ты, Рон, выключи свет.

Он взглянул вниз на парализованного Долохова, быстро соображая, а когда щёлкнул замок, и Рон погрузил кафе во тьму с помощью Зажигалки, Гарри услышал, как парни, которые насмеялись над Гермионой, кричат что-то уже другой девушке.

И что мы будем с ними делать? — прошептал Рон Гарри в темноте, чуть более спокойно, чем обычно. — Убьём их? Они бы нас убили. Только что у них был прекрасный шанс.

Гермиона вздрогнула и отступила на шаг назад. Гарри покачал головой.

— Нам надо только стереть им память, — сказал он. — Лучше уж таким образом вывести их из игры. Если мы убьём их, будет очевидно, что мы здесь были.

— Ты командуешь, — согласился Рон с явным облегчением. — Но лично я никогда не использовал заклинание, стирающее память.

— Я тоже, — сказала Гермиона, — но я знаю теорию.

Она глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, затем направило палочку на лоб Долохова и произнесла: «Обливэйт!»

Взгляд Долохова сразу же стал рассеянным и мечтательным.

— Отлично! — похвалил её Гарри, похлопав по спине. — Позаботься о втором и официантке, а мы с Роном пока здесь приберём.

— Приберём? — не поверил своим ушам Рон, оглядывая полуразрушенное кафе. — Но зачем?

— А тебе не кажется, что они, когда очнутся и обнаружат себя в месте, которое, кажется, недавно подверглось бомбёжке, зададутся вопросом, что произошло?

— Ну, наверное, ты прав...

Рон несколько минут пытался вытащить палочку из кармана.

— Ничего удивительного, что я её не смог вытащить, Гермиона, ведь ты взяла мои старые джинсы, а они мне уже узкие.

— Ах, прости, мне так жаль, — процедила Гермиона, и пока она оттаскивала официантку от окна, Гарри услышал, как она пробормотала, куда бы Рону следовало запихать палочку вместо кармана.

Когда кафе вернули первоначальный облик, они усадили Пожирателей смерти обратно на скамейку лицом друг к другу.

— И всё же, как они нас нашли? — поинтересовалась Гермиона, переводя взгляд с одного Пожирателя на другого. — Как они узнали, что мы здесь?

Она повернулась к Гарри.

— А ты, ты не думаешь, что на тебе всё ещё След, а, Гарри?

— Не может быть, — ответил Рон, — он пропадает, когда исполняется семнадцать, по закону Волшебников его не может быть на взрослом.

— Ну это ты так говоришь, — сказала Гермиона. — А что если Пожиратели Смерти нашли способ отметить и семнадцатилетнего?

— Но в последние двадцать четыре часа около Гарри не было ни одного Пожирателя. Кто



же мог его снова отметить?

Гермиона промолчала. Гарри почувствовал себя так, как будто его чем-то заразили: Может именно так Пожиратели Смерти и нашли их?

— Если я не могу пользоваться магией, и вы не можете её использовать рядом со мной, не потеряв наше преимущество... — начал Гарри.

— О том, чтобы разделить, и речи быть не может! — твёрдо сказала Гермиона.

— Нужно найти какое-нибудь безопасное место, — заметил Рон. — Дай нам немного времени всё обдумать.

— Площадь Гриммолд, — предложил Гарри.

Рон с Гермионой с удивлением посмотрели на него.

— Не глупи, Гарри, туда может добраться Снейп!

— Отец Рона сказал, что они наставили ловушек против него — да даже, если они не сработают, — продолжил он более уверенно, так как Гермиона уже была готова возразить, — и что с того? Честное слово, я бы сейчас многое отдал, чтобы встретиться со Снейпом!

— Но...

— Гермиона, а куда ещё? Это самый лучший вариант из тех, что мы имеем. Снейп — всего один из Пожирателей Смерти. А если я всё ещё отмечен, за нами последуют сотни, без разницы, куда мы направимся.

Она не стала дальше спорить, хотя было видно, что ей очень хотелось. Пока она отпирала дверь кафе, Рон с помощью Зажигалки вернул в кафе свет. Затем, на счёт три, они привели в чувство своих жертв, и пока те сонно потягивались, Гарри, Рон и Гермиона снова погрузились в давящую темноту.

Несколько секунд спустя Гарри открыл глаза и вздохнул полной грудью: сейчас они стояли в центре знакомой маленькой и убогой площади. Высокие, полуразрушенные дома окружали их со всех сторон. Для Гарри, Рона и Гермионы номер двенадцать был вполне видимый, ведь им о нём рассказал Дамблдор, Хранитель Тайны. Они ринулись к дому, каждые несколько ярдов проверяя, нет ли за ними погони или нежелательных наблюдателей. Они вбежали по каменным ступеням, и Гарри один раз ударил палочкой по двери. Они услышали несколько металлических щелчков, звон цепочки, дверь распахнулась со скрипом, и они поспешно перешагнули через порог.

Как только Гарри захлопнул дверь, ожили старинные газовые лампы, освещая длинный коридор мерцающим светом. Всё здесь выглядело так, как Гарри и запомнил: мрачный коридор, заросший паутиной, очертания голов домашних эльфов на стене, отбрасывающие причудливые тени на лестницу. Длинные тёмные занавески скрывали портрет матери Сириуса. Единственной вещью, которая выпадала из общей картины, была подставка для зонтиков в виде ноги тролля, лежащая на боку, как будто Тонкс только что её снова опрокинула.

— Кажется мне, что кто-то был здесь, — прошептала Гермиона, показывая на неё.

— Может её опрокинули, когда Орден уезжал отсюда, — пробормотал Рон в ответ.

— И где же эти заклятия против Снейпа? — поинтересовался Гарри.

— Может быть они начнут действовать, только когда покажется Снейп? — предложил Рон.

Однако они всё ещё стояли вместе спиной к дверному проёму, не решаясь сделать шаг вперёд.

— Мы не можем стоять здесь вечно, — заметил Гарри, и шагнул.

— Северус Снейп? — Шёпот Грозного Глаза в темноте заставил их подскочить от страха.

— Мы — не Снейп! — крикнул Гарри, но тут на него повеяло откуда-то холодным воздухом, и его язык закрутился так, что стало невозможным произнести ни слова. Прежде чем он смог понять, что происходит у него во рту, язык снова раскрутился.

Кажется, у остальных было то же самое. Рон производил рвотные звуки, Гермиона проговорила, запинаясь:

— Н-н-наверное это Заклинание, Связ-з-ывающее язык, кот-торое Г-грозный глаз предназначил для Снейпа.

Очень осторожно Гарри сделал ещё один шаг вперёд. Что-то отделилось от стены в конце коридора, и прежде чем, они успели произнести хоть слово, от ковра поднялась ужасная, покрытая пылью, высокая фигура; Гермиона заорала, ей вторила Миссис Блэк, с портрета которой упали занавески; серая фигура скользила к ним навстречу, всё ближе и ближе, за ней струились волосы и борода до пояса, её впалое, бескровное лицо с пустыми глазницами казалось ужасно знакомым и до неузнаваемости изменившимся, фигура подняла руку, указывая на Гарри.

— Нет! — закричал Гарри, поднимая палочку, но ни одно заклинание не приходило ему в голову. — Нет! Это не мы! Мы тебя не убивали!

На слове «убивали», фигура скрылась в облаке пыли: Гарри, у которого ужасно слезились глаза, кашляя, повернулся и увидел, что Гермиона скрючилась на полу у двери, закрыв руками голову, а Рон, дрожа с ног до головы, неуклюже треплет её по плечу, успокаивая:

— В-всё в п-п-порядке... Оно у-ушло.

Пыль кружилась вокруг Гарри, как туман, поглощая свет от газовых ламп, а Миссис Блэк продолжала орать.

— Грязнокровки, отбросы, негодяи, какой позор в доме моих предков...

— ЗАТКНИСЬ! — завопил Гарри, направив на неё палочку, со стуком и взрывом красных искр занавески снова захлопнулись, заглушив её крики.

— Это...это был..., — рыдала Гермиона, поднимаясь, с помощью Рона, на ноги.

— Да, — сказал Гарри, — но ведь он был ненастоящий, правда? Просто чтобы напугать Снейпа.

Интересно, подумал Гарри, сработало бы это, или Снейп также легко, как убил настоящего Дамблдора, проклял бы эту ужасную фигуру? Всё ещё нервничая, Гарри провёл Гермиону и Рона наверх, ожидая нового ужаса, но всё было тихо, за исключением мыши, которая пронеслась по полу.

— Может, сначала проверим, до того как пройдем дальше? — прошептала Гермиона. Она подняла палочку и произнесла:

— Хоменум Ревелио!

Ничего не произошло.

— Ничего удивительного, ты ведь только что испытала такой шок, — мягко успокоил её Рон. — А что должно было произойти?

— Всё так и должно быть! — раздражённо оборвала его Гермиона. — Это заклинание обнаруживает присутствие других людей, а здесь нет никого, кроме нас!

— И Пыльника, — добавил Рон, взглянув на ковёр, откуда поднялся призрак.

— Пойдем наверх, — сказала Гермиона, испуганно глядя в ту же точку, и они стали подниматься по скрипучим ступенькам в гостиную на втором этаже.

Гермиона взмахом палочки зажгла старые лампы, а затем, слегка поёживаясь от холода в продуваемой со всех сторон гостиной, уселась на диван, обхватив себя руками. Рон подошёл к окну, и на несколько дюймов отодвинул тяжёлые вельветовые занавески.

— Никого не видно, — заметил он. — Как думаете, если бы Гарри всё ещё был отмечен, они бы за нами и сюда последовали? Я знаю, в дом они пробраться не могут, но... Гарри, что такое?!

Гарри завопил от боли: его шрам опять горел огнём, и что-то пронеслось в его мозгу, как яркий свет на воде. Он увидел большую тень, и почувствовал чужую ярость, загнанную в его

собственное тело, огромную и мимолётную как удар током.

— Что ты видел? — спросил Рон, обращаясь к Гарри. — Ты видел его у меня дома?

— Нет, я почувствовал злость, он очень зол.

— Но это могло быть и в Норе, — громко произнёс Рон. — Что ещё? Ты ещё что-нибудь видел? Он пытал кого-нибудь?

— Нет, я чувствовал только злобу... Больше ничего.

Гарри чувствовал себя запутанным, измождённым, и слова Гермионы: «Снова твой шрам? Но, что происходит? Я думала, эта связь разорвана!», — ничуть ему не помогли.

— Да, на некоторое время, — пробормотал Гарри, его шрам всё ещё пульсировал, и ему было тяжело сосредоточиться. — Мне — мне кажется, она появляется снова, когда он теряет над собой контроль, так всегда было...

— Но тогда тебе надо закрыть своё сознание! — настойчиво сказала Гермиона. — Гарри, Дамблдор не хотел, чтобы ты использовал эту связь, он хотел, чтобы ты от неё избавился, поэтому ты и занимался Окклюменцией! Ведь тогда Волдеморт может посылать тебе фальшивые видения, ты ведь помнишь...

— Да, прекрасно помню, спасибо, — процедил Гарри, сжав зубы; он и без Гермионы помнил, как Волдеморт уже однажды использовал эту самую связь между ними, чтобы завести его в ловушку, и что это закончилось смертью Сириуса. Он пожалел, что сказал им о том, что почувствовал и увидел. Волдеморт после этого стал ещё более реальной угрозой, как будто глазел на них из окна комнаты, а боль в шраме нарастала, и Гарри боролся с ней изо всех сил — как борются с болезнью.

Он повернулся спиной к Рону и Гермионе, притворившись, что изучает старинный гобелен с родословным древом рода Блэков. Вдруг Гермиона вскрикнула, и Гарри резко повернулся, снова достав палочку. Он увидел серебристого Патронуса, влетающего в окно гостиной. Патронус приземлился на пол перед ними, превратился в ласку и произнёс голосом отца Рона:

— Дома всё в порядке, не отвечайте, за нами следят.

Патронус испарился. Рон издал звук, похожий на нечто между всхлипом и криком, и приземлился на диван: Гермиона присоединилась к нему и схватила его за руку.

— Они в порядке, порядке! — шептала она, и Рон, уже почти смеясь, обнял её.

— Гарри, — произнёс он через плечо Гермионы, — я...

— Да ничего, — сказал Гарри, изо всех сил борясь с болью в голове. — Это же твоя семья, конечно, ты волновался. Я бы тоже переживал. — Он подумал о Джинни. — И я переживал.

Боль в шраме достигла своей высшей точки, обжигая его, как это было во дворе Норы. В полуобморочном состоянии он услышал голос Гермионы:

— Я не хочу спать одна. Как думаете, может достать спальные, которые я брала, и расположиться на ночь здесь?

Рон согласился. А Гарри уже больше не мог превозмогать боль. Ему придётся уступить.

— Ванная, — пробормотал он, и вышел из комнаты, так быстро, насколько мог, не переходя на бег.

Он еле успел. Трясущимися руками закрыв дверь, он обхватил голову руками и упал на пол, затем сквозь эту пытку болью он почувствовал как ярость, ему не принадлежащая, завладевает его душой, и увидел длинную комнату, освещённую только светом от камина, и гигантского, светловолосого Пожирателя Смерти, который орал и извивался на полу, и худощавую фигуру, стоящую над ним с протянутой волшебной палочкой, а Гарри говорил высоким, холодным безжалостным голосом.

— Ещё, Роул, или закончим всё это и скормим тебя Нагини? Лорд Волдеморт совсем неуверен, что простит тебя на этот раз... Ты вызвал меня, чтобы сообщить, что Гарри Поттер

снова сбежал? Драко, покажи Роулу ещё раз наше недовольство... Ну же, или мой гнев обратится на тебя!

Долгое падение в пламя: языки огня взвились вверх, их отблески осветили испуганное заострённое бледное лицо — как будто вынырнув с большой глубины, Гарри глубоко вздохнул и открыл глаза.

Он растянулся на чёрном мраморном полу, его нос в дюйме от серебряных змеиных хвостов, которые поддерживали ванну. Он сел. Худое, окаменевшее лицо Малфоя всё ещё стояло перед его глазами. Гарри почувствовал тошноту от того, что увидел, от того, к чему сейчас Вольдеморт приучает Малфоя.

Кто-то постучал в дверь, и Гарри подпрыгнул, услышав голос Гермионы.

— Гарри, тебе щётка нужна? Она у меня

— Угу, здорово, спасибо, — произнёс он, стараясь, заставить голос звучать спокойно, и поднялся, чтобы впустить Гермиону.

## Глава десятая. Рассказ Скрипуна

На следующее утро Гарри проснулся рано на полу гостиной, завёрнутый в спальный мешок. Между тяжёлыми шторами проглядывала полоска неба. Оно было холодного, чистого синего цвета разбавленных чернил, уже не ночь, но ещё не рассвет; вокруг было тихо, не считая мерного дыхания Рона и Гермионы. Гарри глянул на их тёмные фигуры, на полу рядом с ним. Рон в порыве любезности настоял, чтобы Гермиона спала на диванных подушках, поэтому её силуэт возвышался над остальными. Её рука свисала к полу, а пальцы едва не касались пальцев Рона. Гарри даже подумал, что возможно они заснули, держась за руки. И от этой мысли ему стало удивительно одиноко.

Он поглядел на покрытую паутиной люстру, свисавшую с мрачного потолка. Меньше суток назад он стоял под ярким солнцем у входа в шатёр в ожидании свадебных гостей. Казалось, прошла вечность. Что будет дальше? Он лежал на полу и думал о хоркруках и о той пугающей, сложной миссии, которую возложил на него Дамблдор... Дамблдор...

Скорбь, не покидавшая его с момента смерти Дамблдора, теперь ощущалась совсем по-другому. Обвинения, услышанные от Мюриэль на свадьбе, казалось, застряли в его мозгу как зараза, поражавшая воспоминания о волшебнике, которого он боготворил. Мог ли Дамблдор допустить подобное? Неужели он как Дадли мог спокойно наблюдать за подобным презрением и жестокостью, пока это не касалось его самого? Мог ли он отвернуться от собственной сестры, которую прятали в заточении?

Гарри думал о Годриковой лощине, о могилах, о которых Дамблдор никогда не рассказывал; думал о странных предметах, без всякого объяснения оставленных Дамблдором в завещании; думал, и его негодование разрасталось в темноте. Почему Дамблдор не сказал ему? Почему он ничего не объяснил? И вообще, заботился ли Дамблдор о Гарри? Или Гарри был не более чем орудием, которое следовало отполировать и наточить, но которому нельзя было довериться и поделиться сокровенным?

Гарри не мог больше так лежать в компании со своими горькими мыслями. В отчаянной жажде чем-то отвлечься, он выполз из спального мешка, поднял свою палочку и крадучись вышел из комнаты. На лестничной площадке он прошептал: «Люмос» — и, подсвечивая путь палочкой, начал взбираться по лестнице.

На втором этаже располагалась спальня, в которой они с Роном спали, когда в последний раз были здесь; он заглянул внутрь. Двери платяного шкафа были открыты, а постельное бельё — вывалено на пол. Гарри вспомнил опрокинутую ногу тролля этажом ниже. Кто-то обыскал дом, после того, как его покинул Орден. Снейп? Или может Мундунгус, который много чего вытаскал из дома и до и после смерти Сириуса? Гарри пристально осматривал портрет, на котором иногда бывал Финеас Найджеллус Блэк, прапрадед Сириуса, но который теперь был пуст и представлял собой лишь кусок грязного холста. Очевидно, Финеас Найджеллус проводил ночь в директорском кабинете в Хогвартсе.

Гарри поднимался по лестнице, пока не добрался до самого последнего этажа, где было две двери. На двери прямо перед ним была табличка с именем Сириуса. Раньше Гарри никогда не заходил в спальню своего крёстного. Он открыл дверь, высоко держа палочку, чтобы освещать как можно большее пространство. Комната была просторной и когда-то возможно даже красивой. В комнате была кровать с резной деревянной спинкой, высокое окно, задёрнутое длинными бархатными шторами и пыльная люстра с остатками свечей в подсвечниках, с которых сосульками свисал воск. Фотографии на стене и спинка кровати были покрыты толстым слоем пыли; между люстрой и верхом платяного шкафа повисла паутина, а стоило

Гарри зайти глубже в комнату, как он услышал суетливый шорох потревоженных мышей.

Юный Сириус обклеил стены таким количеством плакатов и фотографий, что серебристо-серый шёлк на стенах был виден лишь в некоторых местах. Гарри мог лишь предположить, что родители Сириуса не смогли удалить чары вечной липкости, с помощью которых всё это держалось на стене, потому что был уверен, что они вряд ли оценивали украшательский вкус своего старшего сына. Сириус же, похоже, из всех сил старался досадить своим родителям. На стенах висело несколько огромных выцветших красных с золотом гриффиндорских знамён, лишь подчёркивавших его отличие от остальных членов семьи, учившихся в Слизерине. Было много фотографий маггльских мотоциклов, а также (Гарри даже восхитился смелости Сириуса) несколько фотографий маггльских девушек в бикини. Гарри мог с уверенностью сказать, что они были именно магглами, потому что на фотографиях они были неподвижными, с потускневшими улыбками и стеклянными глазами, застывшими на бумаге. Всё это резко отличалось от единственной волшебной фотографии, висевшей на стене — фотографии четырёх студентов Хогвартса, стоявших рука об руку и смеявшихся в камеру.

С нескрываемым удовольствием Гарри узнал своего отца; его растрёпанные чёрные волосы также как у Гарри стояли торчком на макушке, и он тоже носил очки. Рядом с ним стоял Сириус, небрежно красив, его чуть высокомерное лицо было намного моложе и счастливее, чем когда Гарри видел его живым. Справа от Сириуса стоял Петтигрю, более чем на голову ниже, пухлый, с влажными глазами, он светился от удовольствия быть членом этой самой крутой компании, быть рядом с Джеймсом и Сириусом, вызывавшими всеобщее восхищение. Слева от Джеймса стоял Люпин, даже тогда слегка потёртого вида, но с таким же видом восхищённого удивления от того, что он тоже является частью всего этого... а может всё это Гарри увидел на фото только потому, что знал, как всё это было на самом деле? Он попытался снять фотографию со стены (в конце концов, она была его, Сириус оставил ему всё), но она не поддалась. Сириус хорошо постарался ради того, чтобы родители не смогли изменить внешний вид его комнаты.

Гарри оглядел пол вокруг себя. Небо за окном становилось ярче. В луче света были видны обрывки бумаги, книги и мелкие предметы, разбросанные по ковру. Похоже, что спальню Сириуса тоже обыскиали, но, по всей видимости, её содержимое не представляло какой-либо ценности. Некоторые книги так перетрясали, что обложки валялись на полу отдельно от разбросанных страниц.

Гарри наклонился, поднял несколько листов и рассмотрел их. Один оказался страницей старого издания «Истории магии» Батильды Бэгшот, а другой был вырван из руководства по обслуживанию мотоциклов. Третий был исписан от руки и скомкан. Гарри расправил листок.

### ***Дорогой Бродяга.***

*Спасибо, большое спасибо за подарок для Гарри на его день рождения! Теперь он его самый любимый. Всего год, а уже летает на игрушечной метле, такой довольный. Посылаю фотографию, так что сам посмотри. Знаешь, она поднимается от земли всего на пару футов, но он чуть не убил кота, и разбил ту ужасную вазу, которую Петунья послала на Рождество (никто и не расстроился). Джеймса, всё это, разумеется, здорово забавляет, он говорит, что малыш станет великим квиддичным игроком, но пока нам приходится убрать все украшения и не спускать с него глаз, когда он начинает летать.*

*На день рождения скромно попили чаю, только мы да Батильда. Она всегда хорошо к нам относилась, а в Гарри вообще души не чаёт. Жаль, что ты не смог приехать, но победа Ордена прежде всего, да и Гарри всё равно ещё маленький — не*

*понимает, что у него день рождения! Джеймс становится сам не свой из-за того, что сидит взаперти, виду он не показывает, но я-то вижу... а ещё Дамблдор до сих пор не отдал его плащ-невидимку, так что даже не прогуляться. Если бы ты смог навестить нас, это бы здорово его развеселило. На прошлой неделе приходил Хвост. Мне он показался каким-то подавленным, но это возможно из-за новостей о Маккиннонах; я, когда узнала, весь вечер проплакала.*

*Батильда заглядывает почти каждый день; очаровательная старушка, столько удивительных историй о Дамблдоре знает. Вряд ли бы ему это понравилось, если бы он узнал! Не знаю, скольким из них можно верить, потому что это кажется невероятным, что Дамблдор*

Конечности Гарри, словно, онемели. Он стоял неподвижно, держа ватными пальцами удивительный кусок бумаги, а внутри него беззвучный вулкан извергал радость и горе, одинаково пульсировавшие по венам. Пошатнувшись, он сел на кровать.

Он прочитал письмо ещё раз, но не нашёл в нём ничего такого, чего бы не заметил в первый раз, и просто начал изучать почерк. Она писала «д» точно так же, как и он. Он пробежал глазами по письму, и, каждая такая «д» была словно маленький дружеский привет, посланный с того света. Письмо было бесценным сокровищем, доказательством того, что Лили Поттер жила, действительно жила, что её тёплая рука когда-то скользила по этому пергаменту, выводя чернилами эти буквы, эти слова, слова о нём, о Гарри, о её сыне.

Раздражённо смахнув подкатившие к глазам слёзы, он ещё раз перечитал письмо, стараясь на этот раз вникнуть в каждое слово. Это было всё равно, что слушать полузабытый голос.

У них был кот... наверное он погиб, как и его родители в Годриковой лощине... а может, сбежал, когда не осталось никого, кто бы его покормил... Сириус купил ему его первую метлу... Родители знали Батильду Бэгшот. Может, это Дамблдор их познакомил? Дамблдор до сих пор не отдал его плащ-невидимку... Что-то странное было в этом...

Гарри замер, обдумывая слова матери. Зачем Дамблдор взял плащ-невидимку Джеймса? Гарри отчётливо помнил, как несколько лет назад директор сказал: «Мне не нужен плащ, чтобы стать невидимым». Возможно, он понадобился кому-то из менее одарённых членов Ордена, а Дамблдор просто должен был его передать? Гарри продолжил...

Приходил Хвост...Петтигрю, предатель... «подавленным» он значит был? Может, понимал, что видит Джеймса и Лили живыми в последний раз?

И, наконец, снова эта Батильда, которая рассказывала невероятные истории о Дамблдоре. Это кажется невероятным, что Дамблдор...

Что Дамблдор что? Много что, рассказанное о Дамблдоре, могло бы показаться невероятным. Например, что однажды он получил низшие оценки на экзамене по трансфигурации или что, как и Аберфорт проводил магические эксперименты над козлами...

Гарри поднялся с кровати и осмотрел пол. Может, недостающая часть письма была где-то здесь? Он жадно хватал бумаги, с такой же бесцеремонностью, как и тот, кто обыскивал дом до него, выдвинул ящики, перетрясал книги, залез на стул — пошарить рукой на платяном шкафу, заполз под кровать и кресло.

Наконец, лёжа вниз лицом, он заметил под комодом какой-то обрывок бумаги. Когда он его достал, то это оказалась большая часть фотографии, которую Лили описывала в письме. Черноволосый малыш, хохоча, летал взад и вперёд по фотографии на крошечной метле, а за ним бежала пара ног, очевидно принадлежавших Джеймсу. Гарри сунул фотографию вместе с письмом Лили в карман и продолжил искать второй листок.

Однако через четверть часа он был вынужден смириться с тем, что второй части письма его

матери нет. Может она просто потерялась за шестнадцать лет, прошедшие с момента написания, а может её забрал тот, кто обыскивал комнату? Гарри снова прочитал первый лист, на сей раз пытаясь найти какие-то зацепки, указывавшие на то, что могло бы иметь такую ценность во втором листе. Игрушечная метла вряд ли могла заинтересовать Пожирателей смерти... Единственное, что, по мнению Гарри, могло быть интересно — это возможная информация о Дамблдоре. Это кажется невероятным, что Дамблдор... что?

— Гарри? Гарри! Гарри!

— Я здесь! — отозвался он. — Что случилось?

За дверью послышался топот, и в комнату ворвалась Гермиона.

— Мы проснулись, а тебя нет! — запыхавшись, сказала она. Она обернулась и крикнула через плечо: — Рон! Я его нашла!

Где-то несколькими этажами ниже разнёсся раздражённый голос Рона:

— Отлично! Передай ему, что он придурок!

— Гарри, больше так, пожалуйста, не исчезай, мы жутко испугались! Чего ты вообще сюда пошёл? — Она осмотрела перевернутую вверх дном комнату. — Что ты тут делал?

— Смотри, что я нашёл.

Он протянул письмо матери. Гермиона взяла письмо и начала читать; Гарри внимательно следил за ней. Когда она дошла до конца страницы, она взглянула на него.

— О, Гарри...

— А ещё вот это.

Он дал ей порванную фотографию; Гермиона улыбнулась, глядя на ребёнка летавшего по фотографии на игрушечной метле.

— Я искал оставшуюся часть письма, — пояснил Гарри, — но её здесь нет.

Гермиона огляделась.

— Это ты такой беспорядок навёл, или так уже было, когда ты пришёл.

— Кто-то рылся до меня, — сказал Гарри.

— Я так и подумала. Я, в какие комнаты ни заглядывала, пока поднималась, — везде так. Как думаешь, что искали?

— Если это был Снейп, то информацию, касающуюся Ордена.

— Тебе не кажется, что у него и так было всё, что нужно? В смысле, он же состоял в Ордене.

— Тогда, — Гарри не терпелось высказать свою теорию, — возможно информацию о Дамблдоре. Например, вторую страницу письма. Ты знаешь, кто эта Батильда, о которой упоминала моя мама?

— Кто?

— Батильда Бэгшот, автор...

— «Истории магии», — Гермиона заинтересовалась. — Значит, твои родители знали её? Она была неподобным волшебным историком.

— Она до сих пор жива, — сказал Гарри, — и живёт в Годриковой лощине. Тётушка Рона Мюриэль рассказывала о ней на свадьбе. А ещё она знала семью Дамблдора. Было бы интересно с ней пообщаться, что скажешь?

По улыбке, которой Гермиона одарила Гарри, было ясно, что она всё прекрасно поняла. Он забрал письмо с фотографией и, чтобы не встретиться взглядом с Гермионой и не выдать себя, засунул их в мешочек, висевший у него на шее.

— Я понимаю, что ты очень хочешь поговорить с ней о маме с папой и о Дамблдоре, — сказала Гермиона. — Но это несколько не поможет нам в поисках хоркруксов. — Гарри не ответил, и она торопливо продолжила: — Гарри, я знаю, как ты хочешь отправиться в Годрикову



лощину, но я боюсь. Я боюсь того, с какой лёгкостью те Пожиратели смерти нашли нас вчера. Чует моё сердце, что не стоит нам появляться там, где похоронены твои родители. Уверена, Пожиратели смерти будут тебя там поджидать.

— Дело не только в этом, — возразил Гарри, всё ещё стараясь не смотреть на неё. — Мюриэль кое-что рассказала о Дамблдоре на свадьбе. Я хочу знать правду.

Он рассказал Гермионе всё, что услышал от Мюриэль. Когда он закончил, Гермиона сказала:

— Разумеется, Гарри, я понимаю, почему это так расстроило тебя...

— Я вовсе не расстроен, — солгал он, — я просто хочу знать, правда это или нет.

— Гарри, неужели ты действительно думаешь, что можно узнать правду от какой-то злобной старухи, как эта Мюриэль или от Риты Скитер? Как ты можешь им верить? Ты же знал Дамблдора!

— Я думал, что знал, — пробормотал он.

— Вспомни-ка, сколько правды было в том, что Рита Скитер писала о тебе? Дож прав: как ты можешь позволять всем этим людям омрачать твои воспоминания о Дамблдоре?

Он отвернулся, стараясь не выдать чувство обиды засевшее внутри. Опять: выбирай чему верить. Ему была нужна правда. Почему все так уверены, что он не должен её знать?

— Может, спустимся на кухню? — через некоторое время предложила Гермиона. — Найдём что-нибудь на завтрак.

Он с неохотой согласился, вышел за ней из комнаты и пошёл мимо второй двери на этаже. На окрашенной поверхности виднелись глубокие царапины, выведенные под небольшой табличкой, которую он не заметил в темноте. На верхней ступеньке он остановился, чтобы прочитать, что написано на табличке. Табличка была маленькая, но очень помпезная, аккуратно оформленная вручную, такая, какую Перси Уизли наверняка бы прикрепил к двери своей спальни:

*Не входить*

*без особого разрешения*

*Регула Арктура Блэка*

Какое-то лёгкое волнение потекло по жилам Гарри, но он не мог понять, в чём дело. Он прочитал табличку ещё раз. Гермиона уже была этажом ниже.

— Гермиона, — позвал он, и даже сам удивился, насколько спокоен был его голос. — Вернись.

— В чём дело?

— Р.А.Б. Кажется, я его нашёл.

Послышалось сдавленное оханье, и Гермиона буквально взлетела по лестнице.

— В письме твоей мамы? Но я не видела...

Гарри покачал головой, указывая на табличку Регула. Гермиона прочитала табличку и так сжала руку Гарри, что он даже поморщился.

— Брат Сириуса? — прошептала она.

— Он был Пожирателем смерти, — сказал Гарри. — Сириус рассказывал мне, что он присоединился к ним, когда был ещё совсем молодой, а затем струсил и попытался уйти — вот они его и убили.

— Всё сходится! — выдавила Гермиона. — Если он был Пожирателем смерти, значит, он

был близок к Вольдеморту, а когда он в нём разочаровался, то вполне мог захотеть уничтожить его!

Она отпустила Гарри, наклонилась через перила и крикнула: «Рон! РОН! Скорее поднимайся!»

Через минуту появился Рон, тяжело дыша, с палочкой наготове.

— В чём дело? Если это опять здоровые пауки, то я сперва хочу позавтракать, перед тем как...

Нахмурившись, он посмотрел на табличку на двери Регула, на которую молча указывала Гермиона.

— Что? Это же брат Сириуса? Регул Арктур... Регул... Р.А.Б! Медальон... помните?..

— Сейчас выясним, — сказал Гарри. Он толкнул дверь. Заперто. Гермиона направила палочку на ручку и произнесла: «Алохомора». Послышался щелчок, и дверь распахнулась.

Они вместе перешагнули через порог, оглядываясь по сторонам. Спальня Регула была чуть меньше комнаты Сириуса, но ощущение былой роскоши в ней тоже присутствовало. Если Сириус всячески старался выставить напоказ своё отличие от остальных членов семьи, то Регул стремился подчеркнуть его полную противоположность брату. Цвета Слизерина — изумруд и серебро — были всюду: на обивке кровати, на стенах и портьерах. Над кроватью был старательно выведен семейный герб Блэков и девиз, TOUJOURS PUR. Ниже был небрежный коллаж из жёлтых газетных вырезок. Гермиона прошла через комнату, чтобы осмотреть их поближе.

— Они все о Вольдеморте, — сказала она. — Похоже, Регул несколько лет был его поклонником, прежде чем присоединился к Пожирателям смерти.

Подняв облако пыли, Гермиона уселась на покрывала и начала читать вырезки. Гарри, тем временем, заметил другую фотографию: со снимка улыбалась и махала руками квиддичная команда Хогвартса. Он подошёл ближе и на груди у игроков заметил эмблему: извивающиеся змеи образовывали слово «Слизеринцы». Он сразу узнал Регула, сидевшего в самом центре переднего ряда. У него были такие же тёмные волосы и слегка надменный взгляд, как и у брата, хотя сам он был меньше, более худой и не так красив, как Сириус.

— Он был ловцом, — заметил Гарри.

— Что? — рассеянно отозвалась Гермиона; она всё ещё была погружена в газетные вырезки о Вольдеморте.

— Он сидит в центре переднего ряда, ловцы всегда... ладно, проехали, — сказал Гарри, заметив, что его никто не слушает. Рон стоял на четвереньках и что-то выискивал под платяным шкафом. Гарри осмотрелся в поисках возможного тайника и подошёл к столу. И здесь уже тоже кто-то порылся до него. Содержимое ящиков не так давно было перевёрнуто вверх дном, пыль потревожена, но внутри не было ни чего ценного: старые перья, устаревшие учебники со следами грубого обращения, разбитая чернильница, чьи липкие остатки содержимого растеклись по всему ящику.

— Можно сделать проще, — сказала Гермиона, видя, как Гарри вытирает испачканные чернилами пальцы о джинсы. Она подняла палочку и произнесла: «Акцио медальон!»

Ничего не произошло. Рон, обыскивавший складки выцветших штор, выглядел разочарованным.

— Что, всё? Его здесь нет?

— Он всё ещё может быть здесь, но находится под действием контрзаклятий, — пояснила Гермиона. — Ну, чары, которые не дают призвать его магическим способом.

— Как те, что Вольдемонт наложил на каменную чашу в пещере, — Гарри вспомнил, как не мог призвать поддельный медальон.

— Как мы тогда его найдём? — спросил Гарри.

— Будем искать вручную, — сказала Гермиона.

— Отличная идея, — Рон закатил глаза и продолжил осмотр штор.

Больше часа они обшаривали каждый дюйм комнаты, но в итоге были вынуждены признать, что медальона там не было.

Солнце уже взошло; его свет ослеплял их даже через грязные окна лестничной площадки.

— Он вполне может быть в каком-то другом месте дома, — подбадривающим тоном заявила Гермиона, когда они спускались вниз. В отличие от упавших духом Гарри с Роном, она, казалось, была полна решимости. Смог ли он его уничтожить или нет, но он должен был спрятать его от Вольдеморта, так? Помните все те жуткие вещи, от которых нам надо было избавиться, когда мы были здесь в последний раз? Часы, которые всех подряд обстреливали болтами, старые мантии, которые пытались задушить Рона? Регул вполне мог заколдовать их, чтобы охранять тайник с медальоном, а мы об этом тогда даже и не... не...

Гарри и Рон посмотрели на неё. Она замерла на полушаге с таким онемевшим взглядом, словно её подвергли чарам забывчивости, её глаза смотрели в никуда.

— ...и не догадывались, — закончила она шёпотом.

— Что случилось? — спросил Рон.

— Там был медальон.

— Что? — хором сказали Гарри и Рон.

— В шкафу гостиной. Его ещё никто не мог открыть. И мы... мы...

Гарри вдруг почувствовал, будто кирпич скользнул в груди и упал в желудок. Он вспомнил. Он даже держал его в руках, они все по очереди пытались её вскрыть. Его бросили в мешок с мусором вместе с табакеркой с бородавочным порошком и музыкальной шкатулкой, которая всех усыпляла.

— Скрипун тогда кучу вещей перепрятал, — сказал Гарри. Оставался единственный шанс, слабая надежда, и Гарри был намерен цепляться за него до конца. — У него в кухонном буфете тайник со всяким барахлом. Скорее.

Он метнулся вниз по лестнице, перескакивая через две ступеньки; друзья устремились вслед за ним. Они так шумели, что, пробегая мимо прихожей, разбудили портрет матери Сириуса.

— Выродки! Грязнокровки! Подонки! — заорала она им вслед, когда они забежали на кухню в подвале и захлопнули за собой дверь. Гарри пробежал через всю кухню, затормозил перед буфетом Скрипуна и распахнул дверцы. Внутри оказалась гора грязных старых одеял, в которых когда-то спал домашний эльф, но они уже не сверкали всякими безделушками, которые спасал Скрипун. Единственным предметом был старый экземпляр книги «Природная знать: генеалогия волшебников». Отказываясь верить глазам, Гарри схватил одеяла и начал их трясти. Из них вывалилась дохлая мышь и зловеще покатила по полу. Рон взвыл и запрыгнул на кухонный стул; Гермиона закрыла глаза.

— Это ещё не всё, — сказал Гарри и крикнул: — Скрипун!

Раздался громкий треск и перед остывшим и пустым камином ниоткуда появился домашний эльф, которого Гарри с такой неохотой унаследовал от Сириуса: крошечный, в половину человеческого роста, его бледная кожа свисала складками, а из ушей, похожих на уши летучей мыши, торчали густые седые волосы. Он был одет в ту же грязную тряпку, в которой они встретили его в первый раз, а высокомерный взгляд, которым он одарил Гарри, говорил о том, что его отношение к новому владельцу изменилось также как и его одеяние.

— Хозяин, — прохрипел Скрипун своим жабым голосом и низко поклонился, бормоча себе под нос: — вернулся в старый дом моей хозяйки с этим предателем рода Уизли и грязнокровкой...

— Я запрещаю тебе называть кого-либо «предателем крови» и «грязнокровкой», — прорычал Гарри. Он бы не питал симпатии к Скрипуну с его носом-хоботом и налитыми кровью глазами даже если бы тот не сдал Сириуса Вольдеморту.

— Я хочу задать тебе вопрос, — Гарри смотрел на эльфа, и сердце его колотилось, — и приказываю тебе отвечать только правду. Понял?

— Да, хозяин, — ответил Скрипун, снова низко поклонившись. Гарри заметил, как шевелятся его губы, без сомнения беззвучно проговаривая оскорбления, которые ему теперь запретили произносить вслух.

— Два года назад, — сердце Гарри колотило по рёбрам, — в гостиной наверху был большой золотой медальон. Мы его выкинули. Ты утаскивал его себе?

На мгновение воцарилась тишина; Скрипун распрямился, взглянул Гарри прямо в глаза и сказал: «Да».

— Где он сейчас? — торжествующе спросил Гарри; Рон и Гермиона ликовали.

Скрипун закрыл глаза, словно не хотел видеть их реакцию на его следующие слова.

— Его нет.

— Его нет? — повторил Гарри; радость сразу улетучилась. — Что значит, его нет?

Эльф дрожал. Его покачивало из стороны в сторону.

— Скрипун, — голос Гарри стал свирепым, — я приказываю тебе...

— Мундунгус Флетчер, — прохрипел эльф, всё ещё зажмурившись. — Мундунгус Флетчер всё украл; фотографии мисс Беллы и мисс Цисси, перчатки моей хозяйки, орден Мерлина первого класса, кубки с фамильным гербом и... и...

Скрипун глотал ртом воздух; его впалая грудь быстро вздымалась и падала, затем он резко открыл глаза и издал душераздирающий вопль:

— ...и медальон, медальон хозяина Регула. Скрипун не справился, Скрипун не выполнил приказы!

Гарри среагировал инстинктивно: стоило только Скрипуну метнуться к кочерге, стоявшей у каминной решётки, как он прыгнул на эльфа и сбил его с ног. Крик Гермионы смешался с воплем Скрипуна, но Гарри перекричал их обоих:

— Скрипун, приказываю тебе не двигаться!

Он почувствовал, что эльф замер, и отпустил его. Скрипун лежал на каменном полу, и слёзы лились из его обвислых глаз.

— Гарри, позволь ему встать! — прошептала Гермиона.

— Чтобы он поколотил себя кочергой? — фыркнул Гарри, поднимаясь на колени рядом с эльфом. — Ну уж нет. Так. Скрипун, я хочу знать правду: откуда ты знаешь, что Мундунгус Флетчер украл медальон?

— Скрипун его видел! — задыхаясь проговорил эльф; слёзы лились по его длинному носу и стекали прямо в рот полный темнеющих зубов. — Скрипун видел, как он вылез из буфета Скрипуна с полными руками сокровищ Скрипуна. Скрипун сказал воришке остановиться, но Мундунгус Флетчер засмеялся и у-убежал...

— Ты сказал «медальон хозяина Регула», — сказал Гарри. — Почему? Откуда он взялся? Что Регул хотел с ним сделать? Скрипун, садись и рассказывай всё, что знаешь об этом медальоне и о том, что Регул хотел с ним сделать!

Эльф сел, свернулся клубком, зажав своё мокрое лицо коленями, и начал раскачиваться вперёд и назад. Когда он заговорил, его голос был сдавленный, но прекрасно различимый в тихой, гулкой кухне.

— Хозяин Сириус сбежал, и скатертью ему дорога, потому что он был плохим мальчиком и разбил сердце моей хозяйки своими преступными выходками. Но у хозяина Регула было чувство

гордости; он знал, что было хорошо для рода Блэков и для величия чистоты крови. Много лет он рассказывал о Тёмном лорде, который хотел, чтобы волшебники вышли из тени и властвовали над магглами и магглорождёнными... а когда ему исполнилось шестнадцать, хозяин Регул присоединился к Тёмному лорду. Был так горд, так горд, так счастлив, что может служить ...

— А однажды, спустя год после того, как он присоединился, хозяин Регул спустился на кухню к Скрипуну. Хозяин Регул всегда любил Скрипуна. И хозяин Регул сказал... он сказал...

Старый эльф закачался быстрее.

— ...он сказал, что Тёмному лорду нужен эльф.

— Вольдеморту понадобился эльф? — повторил Гарри, оглядываясь на Рона и Гермиону, но те выглядели не менее озадаченными.

— О, да, — простонал Скрипун. — И хозяин Регул предложил ему Скрипуна. Хозяин Регул сказал, что это честь для него и для Скрипуна, и что Скрипун должен сделать всё, что прикажет Тёмный лорд, а затем вернуться домой.

Скрипун закачался ещё быстрее, а его дыхание перешло во всхлипывания.

— Скрипун пришёл к Тёмному лорду. Тёмный лорд не сказал, что делать Скрипуну, он взял Скрипуна с собой в пещеру у моря. За пещерой была ещё одна пещера, а в той пещере было огромное чёрное озеро.

У Гарри на затылке волосы встали дыбом. Хриплый голос Скрипуна, казалось, доносился до него из-за тёмной воды. Он так ясно представлял это себе, как если бы сам был там.

— ...Там была лодка...

Разумеется, там была лодка; Гарри помнил эту лодку, маленькую призрачно-зелёного цвета, заколдованную таким образом, чтобы лишь двое — волшебник и его жертва — могли добраться на ней до острова в самом центре озера. Вот, значит, как Вольдеmort испытал защиту хоркрукса — взял напрокат подопытное существо — домашнего эльфа...

— На острове б-была чаша с зельем. Т-Тёмный лорд заставил Скрипуна его выпить...

Эльф дрожал с головы до пят.

— Скрипун пил и видел ужасные вещи... Внутри Скрипуна всё горело... Скрипун звал хозяина Регула, чтобы он спас его, Скрипун звал госпожу Блэк, но Тёмный лорд только смеялся... Он заставил Скрипуна выпить всё зелье... Он бросил в пустую чашу медальон... Он снова наполнил чашу зельем...

— А потом Тёмный лорд уплыл и оставил Скрипуна на острове.

Гарри прекрасно представлял, как всё было. Он видел белое змеиное лицо Вольдеморта, исчезающее в темноте, эти красные глаза, безжалостно глядящие на бьющегося в агонии эльфа, чья смерть была лишь делом нескольких минут — стоило лишь поддаться дикой жажде, вызванной обжигающим ядом. Но дальше воображение Гарри было бессильно — он не мог понять, каким образом Скрипуну удалось сбежать.

— Скрипун хотел воды, он подполз к краю острова и пил из чёрного озера... и руки, мёртвые руки вылезли из воды и потащили Скрипуна на дно...

— Как же ты оттуда выбрался? — спросил Гарри и даже не удивился, что произнёс это шёпотом.

Скрипун поднял свою уродливую голову и посмотрел Гарри большими, налитыми кровью глазами.

— Хозяин Регул велел Скрипуну возвращался, — сказал он.

— Я понял... но как ты сбежал от инферий?

Скрипун, похоже, не понимал.

— Хозяин Регул велел Скрипуну возвращался, — повторил он.

— Я понял, но...

— Гарри, что тут непонятного? — вмешался Рон. — Он дизаппарировал!

— Но... в пещере нельзя аппарировать, — возразил Гарри, — иначе Дамблдор...

— Магия эльфов, она же не такая как у волшебников, — сказал Рон. — В смысле, они ведь могут аппарировать и дизаппарировать в Хогвартсе, а мы не можем.

Некоторое время Гарри переваривал услышанное. Как Вольдемо́рт мог так ошибиться? И как раз в тот момент, когда он об этом подумал, Гермиона заговорила ледяным тоном:

— Уверена, Вольдемо́рт считал, что изучать особенности эльфов — ниже его достоинства. Ему никогда не приходило в голову, что они могут обладать магией, какой не обладает он сам.

— Воля хозяина — закон для домашнего эльфа, — отчеканил Скрипун. — Скрипуну велели вернуться домой — Скрипун вернулся домой.

— Значит, ты сделал всё так, как было сказано, — добродушно сказала Гермиона. — Ты вообще не нарушал приказы!

Скрипун покачал головой, не переставая раскачиваться.

— Что случилось, когда ты вернулся? — спросил Гарри. — Что сказал Регул, когда ты ему обо всём рассказал?

— Хозяин Регул очень волновался, очень волновался, — прохрипел Скрипун. — Хозяин сказал Скрипуну сидеть тихо и не выходить из дома. А потом... немного позже... однажды ночью хозяин Регул пришёл к Скрипуну в буфет, хозяин Регул был очень странный, не такой, как всегда, чем-то встревожен. Скрипун заметил... И он попросил Скрипуна отвести его в пещеру, в ту пещеру, куда Скрипун ходил с Тёмным лордом.

Они отправились в пещеру. Гарри отчётливо представил их: напуганный старый эльф и худой, темноволосый ловец, который так напоминал Сириуса. Скрипун знал, как открыть потайной вход в подземную пещеру, знал, как поднять маленькую лодку; на этот раз он уже вместе со своим любимым Регулом плыл к острову, на котором стояла чаша с ядом.

— И он заставил тебя выпить этот яд? — с отвращением спросил Гарри.

Но Скрипун затряс головой и зарыдал. Гермиона зажала рот руками. Вероятно, она о чём-то догадалась.

— Х-Хозяин Регул достал из кармана такой же медальон, какой был у Тёмного лорда, — продолжил Скрипун; слёзы лились по обе стороны его длинного носа. — И он велел Скрипуну взять его и, когда чаша опустеет, поменять медальоны.

Всхлипывания Скрипуна стали похожи на громкий скрежет; Гарри приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы понимать, о чём он говорит.

— И он приказал... Скрипуну уходить... без него. И он велел Скрипуну... идти домой... и не рассказывать моей хозяйке... что он сделал... но велел уничтожить... первый медальон. И он выпил... всё зелье... и Скрипун поменял медальоны... и смотрел... как хозяина Регула... утащили под воду... и...

— О, Скрипун! — простонала Гермиона, заливаясь слезами. Она упала на колени рядом с эльфом и попыталась обнять его. Он тут же вскочил на ноги и, скорчившись от отвращения, шарахнулся в сторону.

— Грязнокровка дотронулась до Скрипуна... он не позволит... что бы сказала его хозяйка?

— Я же сказал тебе не называть её «грязнокровкой»! — рывкнул Гарри, но Скрипун уже начал себя наказывать. Он упал на землю и бился головой об пол.

— Останови его, останови его! — закричала Гермиона. — Теперь ты видишь, как это мерзко: то, что они должны всему подчиняться?

— Скрипун, прекрати, прекрати! — прокричал Гарри.

Эльф лежал на полу, задыхаясь и дрожа; вокруг носа блестела зелёная слизь, на бледном лбу в месте ушиба уже горел синяк, опухшие и налитые кровью глаза утопали в слезах. Никогда

Гарри не видел ничего столь жалкого.

— Значит, ты принёс медальон домой, — упорно продолжал Гарри. Он был намерен дослушать историю до конца. — Ты пытался его уничтожить?

— Что бы Скрипун не делал, на нём даже следа не оставалось, — простонал эльф. — Скрипун пробовал всё, всё, что знал, но ничего, ничего не помогло. Столько мощных заклинаний наложил на крышку, Скрипун точно знал: чтобы уничтожить, надо проникнуть внутрь, но он не открывался. Скрипун наказывал себя, снова пытался, наказывал, снова пытался. Скрипун не выполнил приказы, Скрипун не смог уничтожить медальон! И его хозяйка обезумела от горя из-за того, что исчез хозяин Регул, а Скрипун не мог рассказать ей, что случилось, нет, потому что хозяин Регул 3-3-запретил ему рассказывать кому-либо из семьи о том, что случилось в п-пещере.

Скрипун начал так рыдать, что уже двух слов связать не мог. По щекам Гермионы текли слёзы, но она не осмеливалась снова прикоснуться к Скрипуну. Даже Рон, который никогда не был поклонником Скрипуна, и тот выглядел встревоженным. Гарри присел на корточки и покачал головой, пытаясь прояснить мысли.

— Я тебя не понимаю, Скрипун, — сказал он, наконец. — Вольдеморту пытался тебя убить, Регул умер за то, чтобы победить Вольдеморта, но ты всё равно был счастлив сдать Сириуса Вольдеморту? Ты был счастлив отправиться к Нарциссе и Беллатрикс и через них передать информацию Вольдеморту.

— Гарри, Скрипун думает совсем по-другому, — сказала Гермиона, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Он раб. Домашние эльфы привыкли к плохому, даже жестокому обращению, и то, что Вольдеморту сделал со Скрипуном не сильно отличалось от того, что ему обычно приходилось испытывать. Какое дело такому эльфу, как Скрипун до войн волшебников? Он верен тем, кто добр к нему; миссис Блэк наверняка была добра, Регул точно был, поэтому он охотно служил им и бездумно принимал все их убеждения. Я знаю, что ты сейчас скажешь, — продолжила она, поскольку Гарри попытался что-то возразить, — что Регул изменился... вот только, похоже, эльфу он забыл об этом сказать. И, похоже, я знаю почему. Скрипун и семья Регула были в безопасности до тех пор, пока гнули свою линию про чистокровность. Регул пытался всех их защитить.

— Сириус...

— Сириус ужасно относился к Скрипуну, Гарри, и не смотри на меня так, ты знаешь, что это правда. Скрипун долго жил в одиночестве, прежде чем Сириус переехал сюда жить, и ему так необходимо было хоть немного человеческой теплоты. Уверена, что «мисс Цисси» и «мисс Белла» очень тепло приняли Скрипуна, когда тот пришёл к ним, вот он и оказал им любезность — рассказал им всё, что они хотели. Я сто раз говорила, что волшебники расплатятся за своё отношение к эльфам. Вот Вольдеморту и расплатился... и Сириус тоже.

Гарри нечего было возразить. Он смотрел на Скрипуна, рыдавшего на полу, и вспомнил слова Дамблдора, сказанные через несколько часов после смерти Сириуса: «Не думаю, что Сириус когда-либо воспринимал Скрипуна, как существо столь же чувствительное, как и обычные люди».

— Скрипун, — сказал Гарри через некоторое время, — когда будешь в состоянии, э... сядь пожалуйста.

Прошло несколько минут, прежде чем Скрипун, икнув, замолчал. После этого он снова сел, потирая кулачками глаза, как маленький ребёнок.

— Скрипун, я хочу тебя попросить кое о чём, — сказал Гарри. Он взглянул на Гермиону в поисках поддержки. Он хотел приказать Скрипуну вежливо, но в то же время, нельзя было делать вид, что это вовсе и не приказ. Тем не менее, смена интонации, похоже, была воспринята

положительно: Гермиона подбадривающее улыбнулась.

— Скрипун, пожалуйста, я хочу, чтобы ты нашёл Мундунгуса Флетчера. Нам нужно разыскать медальон... медальон хозяина Регула. Это очень важно. Мы хотим закончить то, что начал хозяин Регул, чтобы его смерть не была напрасной.

Скрипун опустил кулачки и посмотрел на Гарри.

— Найти Мундунгуса Флетчера? — прохрипел он.

— И привести его сюда, на площадь Гриммолд, — продолжил Гарри. — Ты сможешь это выполнить?

Скрипун кивнул и поднялся; Гарри вдруг пришла в голову одна мысль. Он вытащил мешочек Хагрида и достал из него поддельный хоркрукс, подмененный медальон, в который Регул вложил записку для Вольдеморта.

— Скрипун, я э... хотел бы, чтобы ты взял его, — сказал он, вкладывая медальон в руку эльфа. — Это принадлежало Регулу, и я уверен, он был бы не прочь, чтобы он был у тебя, как символ благодарности за то, что ты...

— Дружище, это уже перебор, — сказал Рон, поскольку, стоило только эльфу взглянуть на медальон, как он тут же взвыл от потрясения и горя и снова упал на землю.

Потребовалось почти полчаса, чтобы успокоить Скрипуна, который был настолько переполнен чувствами из-за того, что реликвию семьи Блэков ему отдали насовсем, что едва стоял на ногах из-за дрожи в коленях. Когда же он, наконец, был в состоянии сделать несколько неуверенных шагов, они все вместе проводили его до его буфета, проследили за тем, как он бережно завернул медальон в свои грязные одеяла и заверили его, что, пока он будет отсутствовать, будут беречь медальон как зеницу ока. Затем он дважды низко поклонился Гарри и Рону и даже изобразил что-то похожее на судорогу в сторону Гермионы, что очевидно было выражением признательности, после чего дизаппарировал с традиционным громким треском.



## Глава одиннадцатая. Взятка

Гарри был уверен, что, если Скрипун смог сбежать с озера, полного инферий, то Мундунгуса он поймает самое большее за несколько часов, и всё утро в крайнем нетерпении бродил по дому. Но Скрипун не вернулся ни утром, ни даже днём. К вечеру Гарри чувствовал беспокойство и уныние. Не поднял ему настроение и ужин, состоявший в основном из заплесневелого хлеба, который Гермиона несколько раз безуспешно пыталась трансфигурировать.

Скрипун не вернулся ни назавтра, ни через день. Однако на площади перед домом номер двенадцать появились двое в плащах и простояли там до ночи, неотрывно глядя в сторону невидимого им особняка.

— Пожиратели смерти, точно они, — сказал Рон, выглядывая из окна гостиной вместе с Гарри и Гермионой.

— Думаешь, они знают, что мы здесь?

— Вряд ли, — возразила Гермиона, хотя вид у неё был испуганный, — они ведь тогда послали бы за нами Снейпа?

— Думаешь, он тут был, и заклятие Грюма связало ему язык? — спросил Рон.

— Да, — сказала Гермиона, — иначе ведь он бы им мог рассказать, как сюда попасть? Но они, наверное, ждут, не появимся ли мы. В конце концов, они же знают, что дом принадлежит Гарри.

— А откуда они...? — начал Гарри.

— Завещания волшебников проходят проверку Министерства, помнишь? Они точно знают, что Сириус оставил дом тебе.

Присутствие на улице только усугубило зловещую атмосферу в доме номер двенадцать. После встречи с патронусом мистера Уизли они не получали весточек из внешнего мира, и напряжение начинало сказываться. Рон, беспокойный и раздражительный, взял моду играть с делюминатором в кармане. Это особенно бесило Гермиону: в ожидании Скрипуна она коротала время в изучении «Сказок барда Бидла» и была не в восторге от мигающих огней.

— Может, хватит? — крикнула она на третий вечер отсутствия Скрипуна, когда гостиная в очередной раз погрузилась во мрак.

— Извини-извини! — ответил Рон, щёлкнув делюминатором и вернув свет. — Я случайно!

— Что, полезнее занятия не нашёл?

— Типа детские книжки читать?

— Рон, эту книгу мне оставил Дамблдор...

— ... а мне он оставил делюминатор, так, может, мне и положено им пользоваться!

Устав от этой перебранки, Гарри незаметно для них выскользнул из комнаты. Он направился вниз, на кухню: он постоянно заходил туда, уверенный, что Скрипун скорее всего снова появится именно там. Однако на полпути по лестнице в холл он услышал стук в парадную дверь, а потом металлическое щёлканье и скрежет цепочки.

Каждый его нерв как будто натянулся до предела. Он вытащил палочку, отошёл в тень рядом с головами эльфов и стал ждать. Дверь открылась. Гарри мельком увидел освещённую фонарями площадь, и в холл скользнула какая-то фигура в плаще, закрыв за собой дверь. Незванный гость шагнул вперёд, и голос Грюма спросил: «Северус Снейп?». А потом из конца холла поднялась фигура из праха и бросилась на него, замахнувшись мёртвой рукой.

Тихий голос ответил: «Не я убил тебя, Альбус».

Заклятие спало: фигура из праха снова взорвалась, и в её густом сером облаке невозможно

было различить пришедшего.

Гарри направил в середину облака палочку.

— Не двигайся!

Он забыл про портрет миссис Блэк — от его вопля распахнулись её занавески, и она закричала: «Грязнокровки и поганцы оскверняют мой дом...»

По лестнице за спиной Гарри с грохотом бежали Рон и Гермиона, тоже наставив палочки на неизвестного, стоявшего внизу в холле с поднятыми руками.

— Не стреляйте, это я, Рем!

— О, слава Богу, — слабо произнесла Гермиона, переводя палочку на миссис Блэк. Раздался хлопок, занавески снова задёрнулись, и наступила тишина. Рон тоже опустил палочку, а вот Гарри нет.

— Покажись! — потребовал он.

Люпин вышел на свет лампы, всё ещё высоко держа руки в знак капитуляции.

— Я Рем Джон Люпин, оборотень, иногда известный как Лунатик, один из четырёх создателей карты мародёра, женатый на Нимфадоре, обычно известной как Тонкс, и я научил тебя, Гарри, создавать патронуса в виде оленя.

— Ой, ладно, — сказал Гарри, опуская палочку, — но надо же было проверить!

— Как твой бывший учитель защиты от тёмных сил, я полностью согласен: надо было. Рон, Гермиона, вы не должны так быстро сдавать оборону.

Они сбежали к нему по лестнице. Он был закутан в плотный чёрный дорожный плащ и выглядел измождённым, но довольным встречей.

— Значит, Северус не появлялся?

— Нет, — ответил Гарри. — Что происходит? Все в порядке?

— Да, — ответил Люпин, — но за всеми следят. Там на площади пара пожирателей смерти...

— Мы знаем...

— Мне пришлось аппарировать точно на верхнюю ступеньку перед входом, чтобы они меня не увидели. Они явно не знают, что вы здесь, или уж точно прислали бы сюда побольше народу. Они расставляют посты во всех местах, связанных с тобой, Гарри. Пойдёмте вниз, мне вам много надо рассказать, а сам я хочу знать, что случилось, когда вы ушли из Норы.

Они спустились в кухню, и Гермиона направила волшебную палочку на каминную решётку. Тут же вспыхнул огонь, придавая голым каменным стенам видимость уюта и бросая отблески на длинный деревянный стол. Люпин достал из-под дорожного плаща несколько бутылок сливочного пива, и все сели.

— Я бы пришёл ещё три дня назад, но надо было избавиться от хвоста: за мной шли пожиратели смерти, — сказал Люпин. — Так вы со свадьбы сразу пришли сюда?

— Нет, — сначала наткнулись на пару пожирателей смерти в кафе на Тоттенхем Корт роуд. Люпин пролил почти всё своё сливочное пиво себе на плащ.

— Что?

Они объяснили, что случилось; когда они договорили, вид у Люпина был ошеломлённый.

— Но как они так быстро вас нашли? Аппарирующих отследить нельзя, если только не схватиться за них, когда они исчезают.

— Но вряд ли они просто так прогуливались именно в это время по Тоттенхем Корт роуд? — сказал Гарри.

— Мы тут подумали, — предположила Гермиона, — может, на Гарри до сих пор остался След?

— Невозможно, — сказал Люпин.

Рон был явно доволен собой, а у Гарри испытал чувство огромного облегчения.

— Кроме всего прочего, если бы след до сих пор был на Гарри, они бы точно знали его местонахождение, так? Вот только не пойму, как им удалось проследить за вами до Тоттенхем Корт Роуд, и вот это меня тревожит, очень тревожит.

Вид у него был обеспокоенный, но этот вопрос, по мнению Гарри, мог подождать.

— Скажи нам, что случилось, когда мы ушли. После того, как отец Рона сказал нам, что семья в безопасности, мы больше ничего не слышали.

— Ну, нас спас Кингсли, — сказал Люпин. — Благодаря его предупреждению большинство гостей на свадьбе смогли дизаппарировать ещё до их прихода.

— Это были пожиратели смерти или люди Министерства? — вставила Гермиона.

— Сборная команда; но теперь они для всех целей считаются одной, — сказал Люпин. — Их было около дюжины, но они, Гарри, не знали, что ты там. До Артура дошли слухи, что перед тем, как убить Скримджера, они пытались выпытать у него, где ты. Если так, то он тебя не выдал.

Гарри посмотрел на Рона и Гермиону и увидел на их лицах те же смешанные потрясение и благодарность, которые чувствовал сам. Скримджер ему никогда особо не нравился, но если то, что сказал Люпин, было правдой, перед смертью этот человек пытался его защитить.

— Пожиратели смерти обыскиали Нору снизу доверху, — продолжал Люпин. — Нашли упыря, но не захотели к нему приближаться. А потом часами допрашивали тех из нас, кто остался. Они пытались добыть сведения о тебе, Гарри, но, конечно, никто, кроме Ордена, не знал, что ты там был.

— Пока они громили свадьбу, другие пожиратели смерти вламывались во все дома в стране, связанные с Орденом. Смертей нет, — поспешно добавил он, угадав следующий вопрос, — но они действовали грубо. Сожгли дом Дедала Диггеля, но, как ты знаешь, там его не было. А к семье Тонкс применили заклятие Круцио. У них тоже пытались выпытать, куда ты пошёл после того, как их навещал. Они в порядке — для них это, конечно, потрясение, но в целом они в порядке.

— Пожиратели смерти пробились сквозь все эти защитные чары? — спросил Гарри, памятуя, как хорошо действовали заклятия в ту ночь, когда он сам ворвался в сад родителей Тонкс.

— Гарри, ты должен понять, что на стороне пожирателей смерти теперь вся мощь Министерства, — сказал Люпин. — Они могут налагать зверские заклятия, не опасаясь опознания и ареста. Им удалось сломать все защитные заклятия, которые мы наложили против них, и, оказавшись внутри, они не скрывали, зачем пришли.

— И даже не трудятся извиниться перед людьми за то, что выпытывали у них местонахождение Гарри? — нервно спросила Гермиона.

— Ну, — ответил Люпин и, помедлив, вынул из плаща сложенный «Ежедневный пророк», — всё равно вы рано или поздно узнаете. Вот их повод для охоты на вас.

Гарри расправил газету. На всю передовицу красовался снимок его собственного лица. Гарри прочитал заголовок сверху:

**«РАЗЫСКИВАЕТСЯ ДЛЯ ДОПРОСА ПО ПОВОДУ СМЕРТИ АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА»**

Рон и Гермиона громко выразили своё возмущение, но Гарри не сказал ничего. Он оттолкнул газету. Дальше читать не хотелось: он и так знал, что там написано. Никто из тех, кто во время смерти Дамблдора был на башне, не знал, кто на самом деле его убил. А Гарри, как уже

объявила всему волшебному миру Рита Вритер, видели убегающим оттуда через считанные секунды после падения Дамблдора.

— Мне жаль, Гарри, — сказал Люпин.

— Так пожиратели смерти захватили и «Ежедневный пророк»? — в ярости спросила Гермиона.

Люпин кивнул.

— Но люди же понимают, что происходит?

— Переворот прошёл плавно и практически беззвучно, — ответил Люпин. — Официальная версия убийства Скримджера: он ушёл в отставку. Его сменил Пий Тикнесс, а он под закланием Империи.

— Так почему Вольдемор не объявил себя министром магии? — спросил Рон.

Люпин рассмеялся.

— А ему, Рон, и не надо. По сути, он — министр, но зачем ему сидеть за столом в Министерстве? Его марионетка Тикнесс ведёт рутинные дела, а у Вольдеморта есть время распространять своё влияние за пределы Министерства. Естественно, многие сообразили, что случилось. За последние несколько дней политика Министерства уж слишком резко поменялась, и пошло много шепотков, что за этим должен стоять Вольдемор. Но в том-то и дело: все шепчутся. Никто не смеет быть откровенным, никто не знает, кому доверять. Все боятся говорить в открытую: вдруг их опасения подтвердятся и их семьи под прицелом. Да, Вольдемор играет очень хитро. Заяви он о себе, и против него может подняться открытое восстание. А он скрывается и создаёт путаницу, замешательство и страх.

— А эта резкая перемена в политике Министерства, — сказал Гарри, — предполагает, что надо настроить мир волшебников против меня вместо Вольдеморта?

— Это определённо часть его плана, — ответил Люпин, — и очень ловкий ход. Теперь, когда Дамблдор мёртв, ты — Мальчик, Который Выжил — наверняка должен был стать символом и центром любого сопротивления Вольдеморту. Но намекнув, что ты приложил руку к смерти старика, Вольдемор не только назначил цену за твою голову, но и посеял среди массы защищавших тебя сомнение и страх. А Министерство между тем ополчилось на магглорождённых.

Люпин указал на «Ежедневный пророк».

— Посмотри на вторую страницу.

Гермиона перелистнула страницы с таким же отвращением на лице, с каким прикасалась к «Секретам Самой Тёмной Магии».

— Реестр магглорождённых! — вслух прочла она. — «Министерство магии проводит исследование так называемых «магглорождённых», чтобы лучше понять, как они овладели секретами волшебства. Последние исследования, проведённые Департаментом тайн, показывают, что волшебство может передаваться от одного человека к другому только при размножении волшебников. Таким образом, так называемые магглорождённые без подтверждённой волшебной наследственности, скорее всего, получили магические способности воровством или силой.

Министерство намерено искоренить подобных узурпаторов волшебных способностей, для чего приглашает всех так называемых магглорождённых явиться на собеседование во вновь образованную Комиссию по регистрации магглорождённых».

— Люди такого не допустят, — сказал Рон.

— Уже допускают, Рон, — сказал Люпин. — Пока мы тут говорим, на магглорождённых уже идёт облава.

— Но как они, по-твоему, могли «украсть» волшебство? — спросил Рон. — Маразм! Ведь

если бы можно было украсть волшебство, то не было бы пшиков?

— Знаю, — ответил Люпин. — И тем не менее, если не можешь доказать, что у тебя есть хоть один близкий родственник-волшебник, теперь считается, что ты получил волшебные способности незаконно и должен быть наказан.

Рон взглянул на Гермиону и сказал:

— А если чистокровки и полукровки поклянутся, что магглорождённая — член их семьи? Я всем скажу, что Гермиона моя родственница...

Гермиона накрыла руку Рона своей и сжала.

— Спасибо, Рон, но я не могу тебе позволить...

— А у тебя не будет выбора, — горячо возразил Рон, сам схватив её за руку. — Я тебе расскажу свою родословную, чтобы ты смогла отвечать на вопросы.

Гермиона слабо засмеялась.

— Рон, поскольку мы в бегах с Гарри Поттером, самым разыскиваемым человеком в стране, вряд ли это имеет значение. Другое дело если бы я вернулась в школу. А что Вольдеморт планирует в отношении Хогвартса? — спросила она Люпина.

— Теперь его обязательно посещать всем юным волшебникам и волшебницам, — ответил он. — Об этом объявили вчера. Серьёзная перемена — это никогда раньше не было принудительным. Конечно, почти все волшебницы и волшебники в Британии получали образование в Хогвартсе, но их родители при желании имели право учить их дома или послать за границу. Так Вольдеморт смолodu будет держать всё волшебное население под своим присмотром. И ещё это очередной способ провести отбраковать магглорождённых, потому что ученики для допуска к занятиям должны получить статус крови. Это значит, что они доказали Министерству своё происхождение от волшебников.

Гарри мутило, он был зол. Сейчас вот взволнованные одиннадцатилетки рассматривают кипы новеньких книг заклинаний. Они и не знают, что им теперь не видать Хогвартса, а, может, и своих семей.

— Это же... это же... — пробормотал он, безуспешно пытаясь найти слова, способные выразить ужасные мысли в его голове, но Люпин тихонько сказал:

— Я знаю.

И, помедлив, продолжил:

— Гарри, если ты этого не сможешь подтвердить, я пойму, но у Ордена такое впечатление, что Дамблдор оставил тебе какое-то задание.

— Да, — ответил Гарри, — и Рону с Гермионой тоже, и они со мной.

— Ты можешь открыть мне, что это за задание?

Гарри смотрел в его не по годам изборождённое морщинами лицо, обрамлённое густыми, но седеющими волосами, и хотел бы дать Люпину другой ответ.

— Не могу Рем, прости. Если Дамблдор тебе не сказал, то и я, наверное, не могу.

— Я так и думал, что ты это скажешь, — с разочарованным видом отозвался Люпин. — И всё-таки я могу тебе кое-чем пригодиться. Ты знаешь, кто я и что могу. Я мог бы пойти с тобой для защиты. Не обязательно рассказывать мне, что именно ты задумал.

Гарри колебался. Предложение было очень соблазнительным, хоть он и не представлял себе, как им сохранять своё задание в секрете от Люпина, если он будет рядом.

Но Гермиона выглядела озадаченной.

— А как же Тонкс? — спросила она.

— А что Тонкс? — сказал Люпин.

— Ну, — нахмурилась Гермиона, — ты ведь женат! Как ей понравится, если ты уйдёшь с нами?

— Тонкс будет в полной безопасности, — сказал Люпин. — Она будет в доме родителей.

В его тоне было что-то странное: он был почти холодным. И как-то странно было, что Тонкс будет прятаться в доме родителей. В конце концов, она же член Ордена, и, насколько понимал Гарри, скорее всего, захотела бы быть в гуще событий.

— Рем, — осторожно начала Гермиона, — у вас всё... ну... в порядке с...

— Спасибо, всё отлично, — подчёркнуто закрыл тему Люпин.

Гермиона порозовела. Последовала ещё одна пауза, смущённая и неловкая, а потом Люпин сказал, будто заставив себя признать что-то неприятное: — Тонкс ждёт ребёнка.

— Ой, как чудесно! — пискнула Гермиона.

— Замечательно! — восторженно сказал Рон.

— Поздравляем, — сказал Гарри.

Люпин изобразил улыбку, больше похожую на гримасу, и сказал:

— Ну... вы принимаете моё предложение? Где трое, там четвертому место найдётся? Ни за что не поверю, что Дамблдор бы это не одобрил. В конце концов, он же назначил меня вашим учителем защиты от тёмных сил. И должен вам сказать, что, по-моему, мы столкнёмся с магией, которой многие не встречали и представить себе не могли.

И Рон, и Гермиона взглянули на Гарри.

— Я... я что-то не совсем понял, — сказал тот, — ты хочешь оставить Тонкс в доме родителей и уйти с нами?

— Она там будет в полной безопасности, за ней присмотрят, — сказал Люпин. Он говорил с решимостью, граничащей с безразличием: — Гарри, я уверен, Джеймс хотел бы, чтобы я был рядом с тобой.

— Ну а я, — медленно произнёс Гарри, — не уверен. Я абсолютно уверен, что мой отец захотел бы знать, почему ты не рядом с собственным ребёнком.

С лица Люпина разом исчезли краски. В комнате словно похолодало градусов на десять. Рон внимательно изучал кухню, как будто ему поручили запомнить её наизусть; взгляд Гермионы метался между Гарри и Люпином.

— Ты не понимаешь, — наконец сказал Люпин.

— Ну так объясни, — сказал Гарри.

Люпин сглотнул.

— Я... я совершил непростительную ошибку, женившись на Тонкс. Я пошёл против здравого смысла и всё время сильно жалею об этом.

— Ясно, — сказал Гарри, — и потому ты собрался просто бросить её и ребёнка и сбежать с нами?

Люпин вскочил на ноги, опрокинув стул. Он уставился на друзей с такой яростью, что Гарри впервые увидел в его человеческом лице что-то волчье.

— Как ты не понимаешь, что я сделал со своей женой и будущим ребёнком? Я не должен был на ней жениться, я сделал её изгоем!

И Люпин пинком отбросил перевёрнутый стул.

— Вы всегда видели меня только в Ордене или под защитой Дамблдора в Хогвартсе! Вы не знаете, как подобных мне существ воспринимает почти весь мир волшебников! Когда они узнают о моей напасти, они едва со мной общаются! Разве не понятно, что я наделал? Даже её собственной семье наш брак противен — какие родители захотят, чтобы их единственная дочь вышла за оборотня? А ребёнок — ребёнок...

Тут Люпин просто вцепился себе в волосы; он будто обезумел.

— Такие как я обычно не плодятся! Уверен, что ребёнок будет как я. Как мне простить себя за то, что я сознательно рискнул передать свою болезнь невинному младенцу? А если каким-то

чудом он будет не такой, как я, ему будет лучше, в сто раз лучше, без отца, которого вечно придётся стыдиться!

— Рем! — со слезами на глазах шепнула Гермиона. — Не говори так — как может ребёнок тебя стыдиться?

— Ну не знаю, Гермиона, — сказал Гарри. — Вот я бы его стыдился.

Гарри не знал, откуда взялся этот гнев, теперь поднявший со стула его самого. Люпин выглядел так, будто Гарри его ударил.

— Если новый режим считает, что магглорождённые — зло, — сказал Гарри, — то что сделают с полуоборотнем, отец которого состоит в Ордене? Мой отец умер, пытаюсь защитить нас с мамой — думаешь, он посоветовал бы тебе оставить своего ребёнка и искать с нами приключений?

— Да как... как ты смеешь? — сказал Люпин. — Дело не в жажде — не в жажде опасности или славы — как ты посмел предположить такое...

— Ты, по-моему, слегка перехрабрился, — сказал Гарри. — Хочешь пойти по стопам Сириуса...

— Гарри, нет! — умоляюще вставила Гермиона, однако он не оторвал гневного взгляда от помертвевшего лица Люпина.

— Вот уж ни за что не подумал бы, — продолжал он, — что человек, учивший меня сражаться с дементорами, — трус.

Люпин так быстро вытащил свою палочку, что Гарри едва успел потянуться за собственной. Раздался громкий взрыв, и Гарри почувствовал, что отлетает назад, как от удара кулаком. Ударившись о стену кухни и сползая на пол, он успел заметить кончик плаща Люпина, исчезший в дверях.

— Рем, Рем, вернись! — кричала Гермиона, но Люпин не отозвался. Через миг они услышали, как с грохотом захлопнулась входная дверь.

— Гарри! — запричитала Гермиона. — Как ты мог?

— Легко, — ответил Гарри и встал, чувствуя, как на голове в месте удара о стену вспухает шишка. Его до сих пор трясло от злости.

— И нечего на меня так смотреть! — огрызнулся он на Гермиону.

— Не лезь к ней! — рявкнул Рон.

— Нет — нет — нам нельзя ссориться! — сказала Гермиона, бросаясь между ними.

— Не надо было это всё говорить Люпину, — сказал Гарри Рон.

— Сам напросился, — ответил Гарри. В голове наперегонки неслись обрывки воспоминаний: вот Сириус падает за занавес; разбитый Дамблдор висит в воздухе; вспышка зелёного света и голос матери, умоляющий пощадить...

— Родители, — сказал Гарри, — не должны бросать детей, если только... если только им не приходится.

— Гарри, — сказала Гермиона, протягивая руку, чтобы утешить его, но он оттолкнул её руку и отошёл прочь, не сводя глаз с огня, который наколдовала Гермиона. Однажды из этого камина с ним разговаривал Люпин. Гарри нужно было верить в Джеймса, и Люпин тогда его успокоил. А теперь искажённое мукой белое лицо Люпина как будто плавало перед ним в воздухе. Он ощутил тошнотворный приступ угрызений совести. И Рон, и Гермиона молчали, но Гарри был уверен, что они смотрят друг на друга у него за спиной, беззвучно переговариваясь.

Обернувшись, он успел заметить, как они поспешно отвернулись друг от друга.

— Знаю, не надо было называть его трусом.

— Да, не надо было, — немедленно отозвался Рон.

— Но ведёт он себя как трус.

— И всё-таки... — сказала Гермиона.

— Знаю, — сказал Гарри. — Но если он от этого вернётся к Тонкс, значит, оно того стоит, так?

Голос его невольно прозвучал умоляюще. У Гермионы был сочувствующий вид, у Рона — сомневающийся. Гарри смотрел под ноги, думая об отце. Поддержал бы его Джеймс в том, что он сказал Люпину, или разозлился бы на сына за то, как он обошёлся с его старым другом? Казалось, тишина в кухне ещё звенела от последней сцены и невысказанных упреков Рона и Гермионы. Принесённый Люпином «Ежедневный пророк» так и лежал на столе. С первой полосы в потолок глядело лицо Гарри. Он подошёл к столу и сел, наугад открыл газету и стал притворяться, что читает. Слов он не понимал: в голове ещё не улеглись впечатления от стычки с Люпином. Он был уверен, что Рон и Гермиона возобновили свои беззвучные переговоры по ту сторону «Пророка». Он громко перевернул страницу, и в глаза ему бросилось имя Дамблдора. Рядом Гарри увидел семейную фотографию, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, кто на ней изображён. Под фотографией были слова: «Семья Дамблдоров. Слева направо: Альбус, Персиваль с новорождённой Арианой на руках, Кендра и Аберфорт». Заинтересовавшись, Гарри рассмотрел фото внимательней. Отец Дамблдора, Персиваль, был человеком приятной внешности. Казалось, глаза его ещё мигали даже на этой выцветшей старой фотографии. Малышка Ариана была чуть длиннее булки хлеба, и запоминающихся черт у неё было не больше. Мать, Кендра, носила свои чёрные как смоль волосы высоко собранными в узел. У неё было точёное лицо. При взгляде на её правильные черты: тёмные глаза, высокие скулы и прямой нос над шёлковым платьем с высоким воротом, Гарри вспомнились виденные им когда-то фотографии американских индейцев. Альбус и Аберфорт были одеты в похожие курточки с кружевным воротом. И волосы они оба носили до плеч. С виду Альбус был на несколько лет постарше, а в остальном мальчики были очень похожи, ведь Альбус тогда ещё не сломал нос и не носил очков.

Их семья, безмятежно улыбаясь с разворота газеты, казалась вполне счастливой и нормальной. Малышка Ариана едва заметно махала ручкой из шали, в которую была завернута. Над фотографией Гарри увидел заголовок:

***ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ОТРЫВОК ИЗ ГОТОВЯЩЕЙСЯ К ВЫПУСКУ БИОГРАФИИ  
АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА***

***Автор Рита Вритер.***

Решив, что хуже уже будет вряд ли, Гарри стал читать:

«Гордая и высокомерная Кендра Дамблдор после широкой огласки ареста и заключения в Азкабан её мужа Персиваля не смогла больше оставаться в Рытой Пустоши. Тогда она решила сняться с места и переехать всей семьёй в Годрикову лощину — деревню, позднее широко известную как место странного спасения Гарри Поттера от Сами-Знаете-Кого.

Годрикова лощина, как и Рытая Пустошь, была домом нескольких семей волшебников, но поскольку Кендра ни с кем из них знакома не была, здесь она могла избавиться от любопытствующих о преступлении мужа, досаждавшего ей в старой деревне. Постоянно отвергая любые попытки новых соседей-волшебников завязать с ней дружбу, она вскоре добилась того, что её семью оставили в полном покое.



«Захлопнула у меня перед носом дверь, когда я пришла поприветствовать её с домашними пирожками-котелками, — говорит Батильда Бэгшот. — В первый их год там я только и видела что двоих парнишек. Так и не узнала бы, что у неё есть дочь, если бы в ту же зиму не пошла при луне собирать унылики. Тогда и увидела, как Кендра ведёт Ариану в сад за домом. Она с ней прошлась по лужайке, крепко её держа, а потом отвела обратно в дом. Я не знала, что и думать».

По-видимому, Кендра считала, что переезд в Годрикову лощину — прекрасная возможность раз и навсегда спрятать Ариану. Вероятно, это она планировала сделать уже несколько лет. Важная дата: когда Ариана исчезла из виду, ей едва исполнилось семь. Большинство специалистов сходятся в том, что именно к семи годам в человеке проявляется волшебство, если оно есть. Никто из ныне живущих не помнит, чтобы Ариана проявляла хоть малейшую магическую способность. Следовательно, Кендра явно решила скрыть существование дочери, чтобы не стыдиться отпрыска-пшика. И конечно, держать дочь в заточении было проще, уехав подальше от друзей и соседей, её знавших. С тех пор о существовании Арианы знала лишь горстка людей, а на их молчание можно было рассчитывать, в том числе и оба брата девочки, по материнскому наущению отклонявших все неловкие расспросы ответом «Моя сестра для школы слишком слабая».

***Читайте на следующей неделе: «Альбус Дамблдор в Хогвартсе: награды и надувательство».***

Гарри ошибся: от прочитанного всё-таки стало хуже. Он снова взглянул на фотографию с виду счастливой семьи. Правда ли всё это? Как узнать? Он захотел поехать в Годрикову лощину, даже если Батильда будет не в состоянии с ним поговорить. Он хотел посетить место, где и он, и Дамблдор потеряли любимых людей. И ту, когда он опускал газету, собираясь спросить мнения Рона и Гермионы, по кухне эхом прокатился оглушительный хлопок.

Впервые за эти три дня Гарри совершенно позабыл о Скрипуне. Первой его мыслью было, что в Люпин вломился обратно в комнату, и долю секунды он не понимал, что это за клубок барахтающихся конечностей возник ниоткуда рядом с его стулом. Гарри подскочил на ноги. Из непонятной мешанины выпутался Скрипун и, отвесив Гарри низкий поклон, прокаркал: «Скрипун вернулся с вором Мундунгусом Флетчером, хозяин».

Мундунгус неуклюже встал на ноги и вытащил волшебную палочку, однако Гермиону ему было не опередить.

**— Экспеллиармус!**

Палочка Мундунгуса подлетела в воздух, и Гермиона её поймала. Мундунгус, пригнувшись, с безумным взглядом метнулся к лестнице. Рон захватил его, как заправский регбист, и Мундунгус с глухим хрустом шлёпнулся на каменный пол.

— Ну чё ещё? — взревел он, извиваясь в руках у Рона. — Чё я такого сделал? Натравили на меня этого чёртова домашнего эльфа, чё вам надо-то, чё я сделал-то, пустите, пустите, а то...

— Не тебе сейчас нам угрожать, — сказал Гарри. Отбросив газету, он в несколько шагов пересёк кухню и встал на колени возле Мундунгуса, который в ужасе перестал барахтаться. Рон встал, пытаясь отдышаться и глядя, как Гарри решительно наставил волшебную палочку на нос Мундунгуса. От него разлило старым потом и табаком. Волосы его были спутаны, а мантия чем-то заляпана.

— Скрипун извиняется за задержку в доставке вора, хозяин, — проквакал эльф. — Флетчер знает, как избежать поимки, у него много укрытий и подельников. И всё же Скрипун в конце

концов загнал вора в угол.

— Ты просто молодец, Скрипун, — ответил Гарри.

Эльф отвесил ему низкий поклон.

— Ну а к тебе у нас есть пара вопросов, — обратился Гарри к Мундунгусу, на что тот немедленно завопил:

— Ну испугался я, испугался! Я с вами сразу идти не хотел. Без обид, парень, но я за тебя помирать не нанимался, а уж когда на меня налетел этот чёртов Сам-Знаешь-Кто, то тут любой бы смотался. Я сразу говорил, что не хочу...

— К твоему сведению, — сказала Гермиона, — никто из нас не дизаппарировал.

— Ну герои вы, куда деваться, а я вот сроду и не притворялся, что мне жить надоело...

— Да не интересно нам, почему ты сбежал от Грозного Глаза, — сказал Гарри, поднося волшебную палочку чуть поближе к заплывшим красным глазкам Мундунгуса. — Мы и так знали, что на такого гада, как ты, нельзя положиться.

— Ну а какого чёрта тогда за мной всякие домашние эльфы гоняются? Может, опять про кубки вспомнили? Я бы и отдал, да у меня ни одного не осталось...

— Кубки тоже ни при чём, хотя это уже теплее, — сказал Гарри. — Помолчи и послушай.

Гарри был даже рад: наконец-то было чем заняться, было с кого потребовать хоть малую толику правды. Палочка Гарри теперь была так близко от переносицы Мундунгуса, что тот скосил глаза, стараясь не упускать её из виду.

— Когда ты подчистил всё ценное в этом доме ... — начал Гарри, но Мундунгус его снова перебил:

— Да Сириусу это барахло было сроду не надо...

Раздался топоток, блеснула начищенная медь, что-то звучно брякнуло, и кто-то взвизгнул от боли. Это Скрипун налетел на Мундунгуса, ударив кастрюлей по голове.

— Уберите его, уберите, его ж запереть надо! — орал Мундунгус, съёжившись при виде вновь поднятой кастрюли с толстым дном.

— Нет, Скрипун! — крикнул Гарри.

Тоненькие ручки Скрипуна тряслись под весом кастрюли, которую он всё ещё держал над головой.

— Хозяин Гарри, ну, может, ещё хоть разок — на счастье?

Рон расхохотался.

— Скрипун, он нам нужен в сознании, но если придётся его убеждать, тебе все карты в руки, — ответил Гарри.

— Большое спасибо, хозяин, — с поклоном ответил Скрипун и удалился на небольшое расстояние, всё так же с отвращением глядя на Мундунгуса огромными водянистыми глазами.

— Когда ты подчистил в этом доме всё ценное, что нашёл, — снова начал Гарри, — ты кое-что прихватил из кухонного шкафа. Там был медальон, — у Гарри вдруг пересохло во рту. Он чувствовал, что и Рон с Гермионой напряжены и взвинчены. — Что ты с ним сделал?

— А чё? — спросил Мундунгус. — Больно ценный?

— Он всё ещё у тебя! — воскликнула Гермиона.

— Нет, — проницательно возразил Рон. — Ему просто интересно, может, стоило за него побольше заломить.

— Побольше? — спросил Мундунгус. — Вот уж в лёгкую... я ж его считай задаром отдал. Пришлось.

— В смысле?

— Торгую я в Косом переулке, тут она подойди и спроси, есть ли у меня разрешение на торговлю волшебными предметами. Чёртов шпик. Собралась меня оштрафовать, но медальончик

ей приглянулся. Вот она и говорит, мол, давай его, и на этот раз свободен — считай, что повезло.

— Что это была за женщина? — спросил Гарри.

— Не знаю, карга какая-то министерская.

Мундунгус на миг призадумался, наморщив лоб.

— Маленькая такая. С бантом на голове.

И, нахмурившись, добавил:

— На жабу смахивает.

Гарри выронил палочку, и она ударила Мундунгуса по носу, высекая красные искры, от которых загорелись его брови.

— Агуаменти! — вскрикнула Гермиона, и из её палочки брызнула струя воды, заливая Мундунгуса, который кашлял и отплёвывался.

Подняв глаза на Рона с Гермионой, Гарри увидел на их лицах отражение собственного шока. И сразу как будто снова защемило шрамы на тыльной стороне руки.

## Глава двенадцатая. Магия есть Могущество

Наступил август, и трава на квадратной клумбе посреди площади Гриммолд высохла и пожелтела под солнцем. Никто из соседних домов не видел обитателей дома номер двенадцать, да и сам дом тоже. Магглы, жившие на площади Гриммолд, давно привыкли к забавной ошибке в нумерации домов, из-за которой за одиннадцатым домом сразу следовал тринадцатый.

Тем не менее, казалось, что место все же притягивало небольшой поток людей, находивших это несоответствие достаточно занятным. Не проходило практически ни дня без того, чтобы на площади Гриммолд не появлялся хотя бы один человек, приходивший сюда с единственной целью — опереться о парапет напротив одиннадцатого и тринадцатого домов и внимательно смотреть на то место, где они соединялись. Каждые два дня появлялись новые наблюдатели, но всех их объединяла неприязнь к обычной одежде. Большинство лондонцев, проходивших мимо, уже привыкли к экстравагантным одеяниям и не обращали на них никакого внимания, но кое-кто иногда оглядывался, не иначе, как задаваясь вопросом, зачем в такую жару надевать такие длинные мантии.

Наблюдатели, вероятно, получали мало удовольствия от своей стражи. Иногда один из них возбуждённо подавался вперёд, будто увидев наконец что-то интересное, но затем лишь снова разочарованно облакачивался на парапет.

В первый день сентября на площади собралось больше соглядатаев, чем когда бы то ни было. Человек пять в длинных мантиях молча стояли и настороженно следили за одиннадцатым и тринадцатым домами, но то, что они ожидали увидеть, было все так же неуловимо. Наступивший вечер впервые за несколько недель принес с собой каскады холодного дождя, и только тогда они непостижимым образом снова заметили что-то интересное. Человек со злобным лицом показал пальцем на дома, а его сосед, бледный коротышка, подался вперёд, но через мгновение с огорчённым видом оба разочарованно откинулись обратно на парапет.

Тем временем Гарри вошёл в прихожую дома номер двенадцать. Он чуть не упал, когда аппарировал на верхнюю ступеньку напротив входной двери, и испугался, что пожиратели смерти могли заметить его высунувшийся из-под плаща-невидимки локоть. Закрыв за собой дверь, Гарри снял плащ, перекинул его через руку и быстрым шагом направился по мрачному коридору к двери в подвал, сжимая в другой руке украденный номер «Ежедневного Пророка».

Его приветствовал привычный еле слышный шепот: «Северус Снейп?». Повеяло холодным ветром, и на секунду связало язык.

— Я не убивал тебя, — сказал Гарри, как только язык отпустило, и задержал дыхание, когда пыльное пугало взорвалось. Гарри подождал, пока не оказался достаточно далеко от портрета и не вышел из облака пыли, и с середины лестницы, ведущей в кухню, крикнул: «У меня для вас новости, и они вам не понравятся».

Кухню было не узнать. Все сияло: медные горшки и сковородки были начищены до розоватого блеска, деревянный стол отражал свет горящих свечей, на нём для ужина уже были расставлены кубки и тарелки, мерцавшие в свете весёлого огня в очаге, на котором кипел котёл. Однако ничто в комнате не изменилось так разительно, как подбежавший к Гарри домашний эльф, завернутый в снежно-белое полотенце, и с торчащими из ушей пучками волос, чистых и пушистых, как хлопок. На его худой груди подпрыгивал медальон Регула.

— Будьте любезны, разуйтесь, хозяин Гарри, и вымойте руки перед едой, — прохрипел Скрипун, схватил плащ-невидимку и, сильно горбясь, пошёл и повесил его на крюк рядом с несколькими старомодными мантиями, свежестырированными и выглаженными.

— Что случилось? — с тревогой спросил Рон. Они с Гермионой сосредоточенно изучали

кипу исписанных листков и нарисованных от руки карт, наваленных на другом конце длинного кухонного стола, но теперь перевели взгляд на Гарри и смотрели, как тот поспешно подошел к ним и бросил номер газеты на разложенные перед ними листы пергамента.

С фотографии на них мрачно глянул знакомый темноволосый человек со скрюченным носом; заголовок под фотографией гласил:

**«СЕВЕРУС СНЕЙП УТВЕРЖДЕН В ДОЛЖНОСТИ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ ХОГВАРТС».**

— Нет! — громко воскликнули Рон и Гермиона.

Гермиона оказалась быстрее, она схватила газету и начала читать статью вслух:

— *«Северус Снейп, специалист по зельям с многолетним стажем работы в Школе магии и волшебства Хогвартс, был назначен сегодня директором обозначенной школы. Это стало важнейшей перестановкой в преподавательском составе старинного учебного заведения. В результате ухода с должности учителя по маггловедению освободившееся место займёт Алект Кэрроу в то время как ее брат Амик Кэрроу получит вакансию учителя защиты от тёмных сил.*

*„Я приветствую возможность поддержать лучшие волшебные традиции и ценности...»*

Например, убивать людей и отрезать им уши, не иначе! Снейп — директор! Снейп в кабинете Дамблдора... Мерлиновы панталоны! — пронзительно закричала Гермиона, от чего Гарри с Роном подпрыгнули на месте. Она выскочила из-за стола и унеслась прочь из комнаты, бросив на ходу: «Сейчас вернусь!»

— «Мерлиновы панталоны»? — повторил Рон с легкой улыбкой. — Похоже, она расстроилась. — Он придвинул к себе газету и стал внимательно читать статью о Снейпе. — Другие учителя это не поддержат. Макгонагалл, и Флитвик, и Стебль — все знают, как погиб Дамблдор. Они не примут Снейпа директором. И кто такие эти Кэрроу?

— Пожиратели смерти, — ответил Гарри. — В газете есть их фотографии. Они были на башне, когда Снейп убил Дамблдора, так что это всё одна компания. И, — с горечью продолжил Гарри, пододвинув себе стул, — я не думаю, что у остальных учителей есть какой-то выбор. Если Снейпа поддерживают Вольдеморт и Министерство, то им придётся либо остаться в школе и продолжать учить, либо провести несколько лет в Азкабана — и то, если сильно повезет. Мне кажется, они останутся и попробуют защитить учеников.

Скрипун подошел к столу с большей супницей в руках и, посвистывая, разлил суп в чистые тарелки.

— Спасибо, Скрипун, — сказал Гарри, перевернув «Пророк», чтобы не смотреть на Снейпа. — Что ж, мы хотя бы точно знаем, где сейчас находится Снейп.

Он принялся за еду. С тех пор, как Скрипуну подарили медальон Регула, качество его стряпни разительно изменилось: французский луковый суп, поданный сегодня, был очень вкусным.

— За домом всё ещё наблюдает куча пожирателей смерти, — сказал Гарри Рону, не отрываясь от еды, — даже больше, чем обычно. Будто надеются, что мы строем выйдем из дома с сундуками и отправимся на станцию, чтобы сесть на «Хогвартс-Экспресс».

Рон взглянул на часы.

— Я думал об этом весь день. Он ушёл почти шесть часов назад. Странно не быть там, правда?

Внутренним оком Гарри, казалось, увидел алый паровоз, за которым они с Роном однажды следовали по воздуху, скользящий между полями и холмами, словно подрагивающая красная гусеница. Он был уверен, что Джинни, Невилл и Луна сейчас сидели вместе, возможно, раздумывали, где были он, Рон и Гермиона, и обсуждали, как лучше подорвать новый режим Снейпа.

— Они сейчас чуть не увидели, как я возвращался, — сказал Гарри, — я неудачно приземлился на ступеньку, и плащ немного соскользнул.

— Со мной так постоянно происходит. О, вот и она, — добавил Рон, вытягивая шею, чтобы лучше разглядеть вернувшуюся на кухню Гермиону. — И что во имя самых засаленных подштанников Мерлина всё это значило?

— Я вспомнила об этом, — переводя дыхание, ответила Гермиона.

У неё в руках была большая картина в раме, которую она опустила на пол, схватив вместо неё с края стола маленькую, вышитую бисером сумочку. Открыв её, она принялась записывать картину внутрь, и, несмотря на то, что та явно была больше и вряд ли смогла бы влезть в такую крохотную сумочку, через несколько мгновений играючи исчезла во вместительном пространстве между двух полосок ткани.

— Финеас Найджеллус, — пояснила Гермиона, бросив сумочку на стол; при ударе та издала все тот же гулкий стук.

— Что? — переспросил Рон, но Гарри понял. Нарисованный Финеас Найджеллус Блэк мог путешествовать между своим портретом на площади Гриммолд и портретом, висевшим в кабинете директора в Хогвартсе — комнате со сводчатым потолком, где сейчас без сомнения сидел торжествующий Снейп. В его владение перешла коллекция хрупких волшебных инструментов из серебра, раньше принадлежавших Дамблдору, каменная чаша дымоотвода, распределяющая шляпа и, если он не был перенесён в какое-то другое место, меч Гриффиндора.

— Снейп мог отправить Финеаса Найджеллуса поискать его здесь, — объяснила Гермиона Рону, снова сев за стол. — Но теперь пусть попробует, всё, что Финеас Найджеллус увидит, — это изнанка моей сумочки.

— Отличная идея! — воскликнул Рон, впечатлённый изобретательностью Гермионы.

— Спасибо, — улыбнулась Гермиона, пододвигая к себе суп. — Итак, Гарри, что ещё сегодня произошло?

— Ничего, — ответил Гарри. — Часов семь следил за входом в Министерство. Она не появлялась. Зато видел твоего папу, Рон. Он отлично выглядит.

Рон одобрительно кивнул на эти слова. Они пришли к выводу, что было слишком опасно пытаться подойти к мистеру Уизли, когда тот входил или выходил из Министерства, так как он всегда был окружён другими сотрудниками. Тем не менее возможность мельком увидеть его, даже если он и выглядел напряженным и встревоженным, уже сама по себе приносила облегчение.

— Папа всегда говорил нам, что большинство министерских пользуются Дымолётной сетью, чтобы добираться до работы, — сказал Рон. — Вот почему мы ни разу не видели Амбридж, уж она-то не пойдёт пешком, она считает себя слишком важной для такого.

— А что насчёт той старушки-ведьмы и невысокого волшебника в синих мантиях? — спросила Гермиона.

— А, да, тот дядька из технической службы, — сказал Рон.

— Откуда ты знаешь, что он работает в технической службе? — удивилась Гермиона, не донеся ложку до рта.

— Папа говорил, что в технической службе все носят синие мантии.

— Но ты нам никогда этого не говорил!

Гермиона отбросила ложку и подвинула к себе стопку листов и карт, которые они с Роном изучали перед тем, как Гарри зашёл в кухню.

— Здесь ничего нет про синие мантии, ничего! — сказала она, судорожно листая странички.

— Ну и что, какая разница?

— Большая, Рон! Если мы собираемся проникнуть в Министерство и не хотим, чтобы нас раскрыли, а они обязаны быть готовыми к непрошеным гостям, каждая мелочь имеет значение! Мы всё это столько раз проговаривали, то есть, какой смысл во всей проделанной разведке, если ты даже не потрудишься нам сказать...

— Чёрт возьми, Гермиона, я забыл сказать какую-то мелочь...

— Неужели ты не понимаешь, что сейчас для нас нет ничего опасней, чем оказаться в Министерстве м...

— Мне кажется, мы должны сделать это завтра, — прервал её Гарри.

Гермиона замерла с открытым ртом, Рон подавился супом.

— Завтра? — повторила Гермиона. — Ты шутишь, Гарри?

— Нет, не шучу, — ответил тот. — Не думаю, что мы сможем подготовиться лучше, чем сейчас, даже если будем прятаться у входа в Министерство ещё месяц. Чем дольше мы откладываем, тем дальше от нас может оказаться медальон. Уже есть большая вероятность того, что Амбридж от него отделалась, он же не открывается.

— Если только, — заметил Рон, — она не умудрилась открыть его и не стала одержимой.

— Вряд ли она сильно изменится, она и без этого была гнусной, — пожал плечами Гарри.

Гермиона кусала губы, погружившись в раздумья.

— Мы знаем всё необходимое, — продолжил Гарри, обращаясь к Гермионе. — Мы знаем, что они запретили аппарирование и дизаппарирование внутри Министерства. Мы знаем, что только самые старшие сотрудники могут сейчас подсоединить свой дом к Министерству по Дымолётной сети — Рон слышал, как два Неразглашающих жаловались на это. И мы примерно знаем, где находится кабинет Амбридж — ты слышала, что сказал тот бородатый своему приятелю...

— «Я буду на первом уровне, Долорес хочет поговорить со мной», — тотчас вспомнила Гермиона.

— Именно, — сказал Гарри. — И мы знаем, что попасть внутрь можно при помощи тех странных монеток, или жетонов, неважно, как они называются, — я видел, как какая-то ведьма позаимствовала один у подруги...

— Но у нас их нет!

— Если всё пойдет по плану, будут, — спокойно сказал Гарри.

— Не знаю, Гарри, не знаю... Столько всего может пойти не так, столько зависит от воли случая...

— Ничего не изменится, даже если мы потратим ещё три месяца на подготовку, — возразил Гарри. — Пора действовать.

По лицам Рона и Гермионы Гарри мог видеть, что они напуганы; он и сам не был уверен в себе, но всё же не сомневался, что пришла пора претворить их план в жизнь.

Они провели предыдущие четыре недели по очереди надевая плащ-невидимку и шпиона за главным входом в Министерство, которое Рон, благодаря мистеру Уизли, знал с детства. Они ходили следом за сотрудниками Министерства, направлявшимися на работу, подслушивали их разговоры и в ходе постоянной слежки узнавали, кто из них точно появлялся каждый день в

одинокую в определённое время. Иногда выпадала возможность вытащить из чьего-нибудь портфеля номер «Ежедневного Пророка». Постепенно они накопили стопку нарисованных от руки карт и записок, лежавшую сейчас перед Гермионой.

— Хорошо, — медленно произнес Рон, — скажем, сделаем это завтра... Я думаю, должны пойти мы с Гарри.

— Ой, только не начинай с начала, — вздохнула Гермиона. — Я думала, мы это уже обговорили.

— Одно дело — торчать перед входом под плащом-невидимкой, но завтра будет совсем не то, Гермиона, — Рон ткнул пальцем в номер «Ежедневного Пророка», вышедший десять дней тому назад. — Ты в списке магглорождённых, которые не явились на допрос.

— А ты сейчас должен умирать от брызгогноя в Норе! Если кому-то не стоит идти, так это Гарри: за его голову дают десять тысяч галеонов...

— Хорошо, я останусь, — согласился Гарри. — Напишите, когда победите Вольдеморта, ладно?

Рон с Гермионой рассмеялись, и в то же мгновение шрам на лбу Гарри пронзил боль. Его рука дёрнулась к голове, Гарри заметил, как Гермиона прищурилась, и постарался скрыть движение, отводя волосы от глаз.

— Что же, если мы идём втроём, придётся дизаппарировать поодиночке, — говорил Рон. — Все вместе мы больше не умещаемся под плащом.

Шрам Гарри болел всё сильнее и сильнее. Он поднялся. К нему тотчас подбежал Скрипун.

— Хозяин не доел суп, или же хозяин предпочтёт тушёное мясо, или пирог из патоки, который так нравится хозяину?

— Спасибо, Скрипун, я вернусь через минуту... э-э-э... ванная.

Сознавая, что за ним с подозрением следит Гермиона, Гарри поспешно прошёл по лестнице в прихожую, а потом на второй этаж, где он метнулся в ванную и запер за собой дверь. Мыча от боли, он рухнул на край чёрной ванны с кранами в форме змей с открытыми пастьми и закрыл глаза...

Он скользил по улице, погруженной в сумерки. У зданий по обеим сторонам были высокие, обитые деревом фронтоны, они выглядели, как пряничные домики.

Он приблизился к одному из них и на фоне двери увидел, какая белая у него рука с длинными пальцами. Он постучал. В нём росло волнение...

Дверь открылась, перед ним стояла смеющаяся женщина. У неё удивленно вытянулось лицо, когда она взглянула на Гарри, веселье исчезло, сменившись ужасом...

— Грегорович? — холодно произнёс высокий голос.

Она замотала головой, попыталась закрыть дверь. Белая рука крепко держала дверь, не давая женщине закрыться от него...

— Мне нужен Грегорович.

— Er wohnt hier nicht mehr!<sup>[3]</sup> — закричала она, мотая головой. — Он здесь не жить! Он здесь не жить! Я он не знать!

Оставив попытки закрыть дверь, она начала пятиться в тёмную прихожую, и Гарри вошёл в дом, скользя к ней, его рука с длинными пальцами вытащила палочку.

— Где он?

— Das weiß ich nicht!<sup>[4]</sup> Он съехать! Я не знаю, я не знаю!

Он поднял палочку. Она закричала. Двое маленьких детей вбежали в прихожую. Она попыталась загородить их руками. Вспышка зелёного света...

— Гарри! ГАРРИ!

Он открыл глаза и сполз на пол. Гермиона колотила по двери.



— Гарри, открой!

Он закричал, он знал это. Гарри поднялся и открыл задвижку, Гермиона почти ввалилась внутрь, но удержала равновесие и подозрительно огляделась вокруг. Прямо за ней стоял Рон, испуганно направляющий палочку в углы зябкой ванной.

— Что ты делал? — мрачно спросила Гермиона.

— Как ты думаешь, что я делал? — со слабой бравадой спросил Гарри.

— Ты орал, как резаный! — сказал Рон.

— А, да... Я, наверное, задремал или...

— Гарри, пожалуйста, не считай нас глупее, чем мы есть, — сказала Гермиона, едва переводя дух. — Мы знаем, что внизу у тебя заболел шрам, и ты белый, как рубашка.

Гарри сел на край ванны.

— Хорошо. Я только что видел, как Вольдеморт убил женщину. Сейчас он уже, должно быть, прикончил всю её семью. Но это было необязательно. Все опять произошло, как с Седриком, они просто были там...

— Гарри, ты ведь не должен позволять, чтобы это началось с тобой опять! — закричала Гермиона, её голос отозвался эхом в ванной. — Дамблдор хотел, чтобы ты использовал Окклюменцию! Он считал эту связь опасной... Вольдеморт может воспользоваться ей, Гарри! Какая польза от того, что ты видишь, как он убивает и мучает людей, как это может помочь?

— Это значит, я знаю, что он делает, — ответил Гарри.

— То есть ты даже не собираешься попытаться отгородиться от него?

— Гермиона, я не могу. Ты даже знаешь, я ничто в Окклюменции, я никогда не понимал её сути.

— Да ты просто не пытался по-настоящему! — горячо воскликнула Гермиона. — Я не понимаю, Гарри... тебе нравится эта особая связь или взаимопроникновение или... как угодно назови...

Она запнулась под взглядом Гарри, он встал.

— Нравится? — тихо повторил он. — А тебе бы понравилось?

— Мне... нет... Прости, Гарри, я не хотела...

— Я ненавижу эту связь, я ненавижу, что он может проникать в моё сознание, что мне приходится смотреть на него, когда он наиболее жесток. Но я этим пользуюсь.

— Дамблдор...

— Забудь о Дамблдоре. Это мой выбор, а не чей-то ещё. Я хочу знать, зачем он ищет Грегоровича.

— Кого?

— Это иностранный изготовитель волшебных палочек, — пояснил Гарри. — Он сделал палочку Крума, и Крум считает её превосходной.

— Но по твоим словам, — сказал Рон, — у Вольдеморта где-то под замком сидит Олливандер. Если у него уже есть один изготовитель палочек, зачем ему ещё один?

— Может быть, он согласен с Крумом, может, он считает, что Грегорович лучше... или думает, что Грегорович сможет объяснить, что сотворила моя палочка, когда он гнался за мной, ведь Олливандер не знал.

Гарри посмотрел в разбитое, пыльное зеркало и увидел, как Рон с Гермионой обменялись за его спиной скептическими взглядами.

— Гарри, ты всё говоришь о том, что сделала твоя палочка, — сказала Гермиона, — но ведь это ты сделал! Почему ты так упорно отказываешься от ответственности за свою собственную силу?

— Потому что я знаю, что это был не я! И Вольдеморт тоже, Гермиона! Мы оба знаем, что

произошло на самом деле!

Они сердито посмотрели друг на друга, Гарри понимал, что не убедил Гермиону и что она сейчас выстраивает цепочку контраргументов, как против его теории о палочке, так и против того, что он позволяет себе заглядывать в сознание Вольдеморта. Тут, к облегчению Гарри, вмешался Рон.

— Брось, — посоветовал он. — Ему решать. И если мы завтра собираемся в Министерство, то тебе не кажется, что нам нужно обговорить план?

С видимой неохотой Гермиона оставила эту тему, хотя Гарри был уверен, что при первой возможности она снова напустится на него. Тем временем они вернулись на кухню в подвале, где Скрипун подал им тушёное мясо и пирог из патоки.

Той ночью они пошли спать очень поздно, проведя долгие часы за обсуждением плана, пока не смогли рассказать его друг другу наизусть с точностью до слова. Гарри, спавший теперь в комнате Сириуса, лежал в кровати — свет палочки был направлен на фотографию его отца, Сириуса, Люпина и Петтигрю — и вполголоса повторял план ещё минут десять. Когда он погасил палочку, его мысли, однако, обратились не к обратному зелью, блевотным батончикам и синим мантиям технической службы — он начал думать об изготовителе палочек Грегоровиче, и как долго тот мог скрываться от Вольдеморта, если Вольдемор так целенаправленно его искал.

Казалось, рассвет наступил до неприличия быстро.

— Ужасно выглядишь, — вместо приветствия сказал Рон, вошедший в комнату, чтобы разбудить Гарри.

Они обнаружили Гермиону внизу на кухне. Скрипун подавал ей кофе и горячие булочки, у Гермионы же было несколько маниакальное выражение лица, которое вызвало в памяти Гарри ассоциацию с подготовкой к экзаменам.

— Мантии, — бормотала она, нервно кивнув в знак того, что она их увидела, и продолжив рыться в своей вышитой бисером сумочке, — многосущное зелье... плащ-невидимка... петарды-приманки... вы тоже должны взять пару на всякий случай... блевотные батончики, носокровная нуга, уxoудлинители...

Они проглотили свой завтрак и отправились вверх по лестнице. Скрипун поклонился им на прощание и пообещал приготовить мясной пирог к их возвращению.

— Храни его Бог, — нежно сказал Рон, — а ведь когда-то я мечтал оторвать ему голову и прибить её на стену, подумать только.

С огромной осторожностью они вышли на крыльцо: они увидели двух пожирателей смерти с опухшими глазами, следящих за домом с другого конца туманной площади. Сперва Гермиона дизаппарировала с Роном, потом вернулась за Гарри.

После привычной волшебной тьмы и удушья Гарри обнаружил, что находится в крохотном переулке, где должна была осуществиться первая часть их плана. Пока что там никого и ничего не было, кроме пары больших мусорных баков: первые сотрудники Министерства обычно появлялись тут не раньше восьми часов.

— Так, — сказала Гермиона, проверяя время по часам, — она должна быть здесь примерно через пять минут. Когда я оглушу её заклинанием...

— Гермиона, мы знаем, — напряжённо проговорил Рон. — И мне кажется, мы собирались открыть дверь перед тем, как она появится?

Гермиона взвизгнула:

— Чуть не забыла! Отойдите...

Она направила палочку на разрисованный пожарный выход за спиной, закрытый на амбарный замок, и дверь с грохотом открылась. Тёмный коридор за ней вёл, как они выяснили

во время предыдущих вылазок, в пустой театр. Гермиона притянула дверь обратно к себе, сделав так, чтобы она снова выглядела закрытой.

— А сейчас, — продолжила она, поворачиваясь к двум другим в переулке, — мы снова надеваем плащ...

— И ждём, — закончил Рон, набрасывая Гермионе плащ на голову, как покрывало на клетку с волнистым попугайчиком, и закатив глаза, но так, чтобы видел только Гарри.

Чуть больше минуты спустя раздался еле слышный «пых», и в нескольких футах от них появилась крохотная ведьма из Министерства с пышными седыми волосами. Она заморгала от резкого света: из-за облака только что вышло солнце. Но ей, однако, не дали насладиться неожиданным теплом — безмолвное оглушающее заклинание Гермионы попало ей прямо в грудь, и она упала навзничь.

— Отлично, Гермиона, — сказал Рон, появляясь из-за бака, стоящим рядом с дверью в театр, Гарри же снял плащ-невидимку. Вдвоём они оттащили ведьму в тёмный коридор, ведущий за кулисы. Гермиона выщипнула пару волос из её головы и бросила их во фляжку с мутным обратным зельем, которую она вынула из сумочки. Рон обыскал сумочку ведьмы.

— Это Мафальда Хопкирк, — сказал он, прочитав небольшую карточку, из которой следовало, что их жертва — помощник службы контроля за недопустимым применением магии. — Тебе лучше взять это, а вот жетоны.

Он передал ей несколько маленьких золотых монеток из кармана ведьмы, на всех было выгравировано «М.М.».

Гермиона выпила обратное зелье, принявшее приятный цвет сирени, и через секунду перед ними стояла копия Мафальды Хопкирк. Когда она надела очки Мафальды, Гарри проверил время.

— Мы опаздываем, дядька из технической службы появится в любое мгновение.

Они поспешно закрыли на замок настоящую Мафальду, Гарри и Рон накинули плащ-невидимку, Гермиона же осталась ждать на виду. Через несколько секунд раздался ещё один тихий «пых», и перед ними очутился крошечный, похожий на хорька волшебник.

— О, здравствуйте, Мафальда!

— Здравствуйте! — сказала Гермиона дрожащим голосом. — Как поживаете?

— Не очень, в общем-то, — ответил крошечный волшебник с очень грустным видом.

Когда Гермиона и волшебник направились к главной дороге, Гарри и Рон подкрались за ними по пятам.

— Жаль слышать, что у вас неприятности, — сказала Гермиона, решительно перебив волшебника, когда тот попытался рассказать о своих невзгодах: было очень важно, чтобы он не попал на улицу. — Вот, возьмите конфетку.

— Э... Ой, нет, спасибо...

— Я настаиваю! — агрессивно прикрикнула Гермиона, потрясая пакетиком с батончиками перед его лицом. С несколько встревоженным видом волшебник взял один.

Конфета подействовала мгновенно. Стоило батончику коснуться его языка, как крошечного волшебника начало рвать так сильно, что он даже не заметил, как Гермиона выдернула у него из макушки пук волос.

— О боже! — воскликнула она, когда он забрызгал рвотой весь переулок. — Может, вам лучше взять отгул?

— Нет... нет! — Он поперхнулся и снова напрягся, но продолжал идти, даже несмотря на то, что не мог разогнуться. — Я должен... сегодня... должен прийти...

— Но это же глупо! — встревожено проговорила Гермиона. — Вы не можете идти на работу в таком состоянии... Я думаю, вам следует обратиться в Клинику св. Мунго, чтобы вас

вылечили.

Волшебник упал, тяжело дыша, на четвереньки, всё ещё пытаясь ползти к главной улице.

— Вам просто нельзя идти на работу в таком состоянии! — воскликнула Гермиона.

В конце концов он смирился со справедливостью её слов. Вцепившись в полную отвращения Гермиону, он поднялся обратно на ноги, повернулся и исчез, оставив после себя только сумку, которую выхватил из его руки Рон, и несколько блестящих на солнце луж рвоты.

— Фу! — сказала Гермиона, подобрав полы мантии, чтобы не задеть лужи рвоты. — Было бы меньше проблем, если бы мы его просто оглушили.

— Ага, — согласился Рон, появляясь из-под плаща с сумкой волшебника в руках, — но я всё же думаю, что груда бесчувственных тел привлекла бы к себе намного больше внимания. А он любит свою работу, не правда ли? Дай-ка нам волосы и зелье что ли.

Через две минуты перед ними стоял Рон, такой же крошечный и так же похожий на хорька, как отравившийся волшебник. Он облачился в синюю мантию, лежавшую в сумке волшебника.

— Странно, что он не надел её сегодня, с учётом того, как он хотел попасть на работу? В любом случае, судя по ярлыку на изнанке, меня зовут Рег Каттермол.

— Теперь жди здесь, — сказала Гермиона Гарри, который всё ещё был под плащом-невидимкой, — мы и тебе принесем волос.

Ему пришлось ждать минут десять, но Гарри, спрятавшемуся в залитом рвотой переулке рядом с дверью, скрывавшей Мафальду, показалось, что времени прошло гораздо больше.

— Мы не знаем, кто он, — сказала Гермиона, передавая Гарри несколько кудрявых черных волос, — но он ушёл домой с ужасным кровотечением из носа! Возьми, он довольно высокий, тебе понадобится мантия побольше...

Она вынула несколько старых мантий, постиранных Скрипуном, а Гарри отошёл в сторону, чтобы выпить зелье и переодеться.

Как только болезненное превращение закончилось, он стал выше шести футов<sup>[5]</sup> и, насколько он мог судить по мускулистым рукам, очень крепкого телосложения. Ещё у него была борода. Засунув плащ-невидимку и очки в новую мантию, он вернулся к остальным.

— Чёрт возьми, жуть какая, — сказал Рон, взглянув на Гарри, возвышавшегося над ним.

— Возьми жетон Мафальды, — сказала Гермиона Гарри, — и пойдёмте, почти пора.

Они вместе вышли из переулка. Через пятьдесят ярдов по оживлённой мостовой чёрные, утыканные гвоздями перила ограждали две идущие вниз лестницы, над одной из которых было написано «М», а над другой «Ж».

— Что же, встретимся через минуту, — нервно сказала Гермиона и поковыляла в сторону лестницы с буквой «Ж». Гарри и Рон примкнули к группе необычно одетых людей, спускавшихся, как оказалось, в обычный подземный туалет, отделанный мрачной чёрной и белой плиткой.

— Доброе утро, Рег! — крикнул ещё один волшебник в синей мантии, заходивший в кабинку, для чего он опустил золотой жетон в прорезь для монет на двери. — Свербит у них, что ль, в одном месте? Заставлять нас добираться на работу таким способом! Кого они ждут, Гарри Поттера?

Волшебник громко расхохотался своей собственной шутке. Рон выдавил смешок.

— Да, — сказал он, — глупо, не правда ли?

Рон и Гарри вошли в соседние кабинки.

Справа и слева от Гарри раздались звуки спускаемой воды. Он наклонился вниз и всмотрелся сквозь щель в низ соседней кабинки как раз вовремя, чтобы увидеть ноги в ботинках, залезающие в туалет. Он посмотрел налево, и увидел моргающего Рона.

— Мы должны себя смыть? — прошептал он.

— Похоже на то, — шёпотом ответил ему Гарри, его голос прозвучал гулко и резко.

Они оба поднялись. Чувствуя себя невероятно глупо, Гарри вскарабкался и встал в туалет.

Он тотчас понял, что поступил правильно: казалось, что он стоит в воде, но его ботинки, ноги и мантия остались сухими. Он дотянулся до цепочки, потянул за неё и через мгновение съехал вниз по короткому жёлобу, вынырнув из камина в Министерстве магии.

Гарри неуклюже поднялся на ноги: его тело было намного больше, чем он привык. Величественный Атриум показался Гарри темнее, чем он помнил. Раньше золотой фонтан, находившийся в середине зала, озарял мерцающими лучами начищенный деревянный пол и стены. Теперь над залом возвышалась огромная статуя из чёрного камня. Она была довольно устрашающей и изображала ведьму и волшебника, сидевших на покрытых резными узорами тронах и смотревших на сотрудников Министерства, которые выбирались из каминов под ними. На постаменте была выгравирована надпись высотой в фут: «*МАГИЯ ЕСТЬ МОГУЩЕСТВО*».

Гарри больно ударили сзади по ногам: ещё один волшебник только что вынырнул из камина за ним.

— Отойди в сторону, не яс... ой, прости, Ранкорн!

Явно напуганный, волшебник с лысиной убежал прочь. Видимо, человек, за которого выдавал себя Гарри, наводил ужас. Раздалось тихое шипение, он обернулся и увидел невысокую растрёпанную ведьму и похожего на хорька волшебника из технической службы, подзывающих его жестами из-за статуи. Гарри поспешно подошёл к ним.

— Значит, нормально добрался? — прошептала Гермиона Гарри.

— Нет, он застрял в унитазе и не может вылезти, — ответил Рон.

— Ой, очень смешно... ужасно, правда? — обратилась она к Гарри, уставившемуся на статую. — Видел, на чём они сидят?

Гарри присмотрелся и понял, что то, что он посчитал резными тронами, на самом деле были высеченными горами из человеческих тел — сотни и сотни обнаженных туловищ: мужчины, женщины и дети — все с глупыми уродливыми лицами, переплетённые, сжатые, чтобы подпирать собой красиво одетых волшебников.

— Магглы, — прошептала Гермиона. — На своём месте. Пойдёмте.

Они влились в поток волшебниц и волшебников, идущих к золотым воротам в конце зала, осторожно озираясь, но вокруг не было никого, кто напоминал бы Долорес Амбридж. Через ворота они попали в зал поменьше, где напротив двадцати решеток, за которыми находилось столько же лифтов, выстроились очереди. Не успели они встать в самую ближнюю, как кто-то окрикнул: «Каттермол!»

Они обернулись, и у Гарри дёрнулось в животе. К ним неспешно шёл один из пожирателей смерти, видевших смерть Дамблдора. Сотрудники Министерства рядом с ними умолкли и опустили глаза; Гарри мог ощутить волны страха, прокатившиеся по толпе. Свиристое, грубоватое лицо этого человека не сочеталось с его величественной, струящей мантией, шитой золотой нитью. Кто-то из толпы вокруг лифтов льстивым голосом крикнул: «Доброе утро, Яксли!» Яксли не обратил на него никакого внимания.

— Я просил кого-нибудь из технической службы привести в порядок мой кабинет, Каттермол. Там всё ещё идет дождь.

Рон оглянулся, будто в надежде, что кто-нибудь вмешается, но никто не проронил ни слова.

— Идёт дождь... в вашем кабинете? Так... не годится...

Рон издал нервный смешок. Яксли распахнул глаза.

— Тебе, что, кажется, что это смешно, Каттермол?

Две ведьмы выбрались из толпы у лифтов и поспешно удалились.

— Нет, — сказал Рон, — нет, конечно...

— Ты сознаёшь, что я иду вниз, чтобы допросить твою жену, Каттермол? На самом деле, я удивлен, что ты не держишь её за ручку, пока она ждет своей очереди. Уже бросил её как неудачный вариант? Наверное, это мудро. В следующий раз проверь всё и женись на чистокровке.

Гермиона тихо пискнула от ужаса. Ясли взглянул на неё. Она слабо кашлянула и отвернулась.

— Я...я... — забормотал Рон.

— Но если бы мою жену обвинили в грязной крови, — сказал Ясли, — правда, ни одну женщину, на которой бы я женился, не спутали бы с такими отбросами — и если бы главе Департамента магического правопорядка нужна была услуга, я бы поставил оказание этой услуги в первоочередные задачи, Каттермол. Понимаешь меня?

— Да, — прошептал Рон.

— Так займись этим, Каттермол, и если через час мой кабинет не будет совершенно сухим, статус крови твоей жены будет вызывать ещё большие сомнения, чем сейчас.

Перед ними с лязгом распахнулась золотая решетка. Кивнув и неприятно улыбнувшись Гарри, который, судя по всему, должен был одобрить подобное обращение с Каттермолем, Ясли прошествовал к другому лифту. Гарри, Рон и Гермиона вошли в свой лифт, но к ним никто не присоединился, будто они боялись заразиться. Решетки со скрипом захлопнулись, и лифт поехал вверх.

— Что же мне делать? — тотчас спросил Рон остальных, он был ошеломлён. — Если я не пойду, моя жена... то есть жена Каттермола...

— Мы пойдем с тобой, нам нужно держаться вместе... — начал Гарри, но Рон решительно замотал головой.

— Это сумасшествие, у нас нет столько времени. Вы двое найдите Амбридж, я же пойду и наведу порядок в кабинете Ясли... но как мне остановить дождь?

— Попробуй Фините Инкантатем, — сразу же предложила Гермиона, — это должно прекратить дождь, если это чары или проклятье; а если не остановит, значит что-то не так с атмосферными чарами, их труднее поправить, так что как временное средство попробуй Импревиус, чтобы уберечь его вещи...

— Еще раз, помедленней... — попросил Рон, отчаянно роясь в кармане в поисках пера, но в это мгновение лифт вздрогнул и остановился. Призрачный женский голос произнес: «Уровень четыре. Департамент контроля и надзора за магическими существами. Подразделения по надзору за зверьми, людьми и духами, управление по связям с гоблинами, консультативный совет по борьбе с вредителями» — решетки снова раздались в стороны, впуслав пару волшебников и несколько бледно-фиолетовых бумажных самолетиков, которые стали кружиться вокруг лампы на потолке лифта.

— Доброе утро, Альберт, — сказал мужчина с пышными усами, улыбаясь Гарри. Он бросил взгляд на Рона с Гермионой, когда лифт со скрипом снова отправился наверх — Гермиона неистово нашептывала Рону инструкции. Волшебник наклонился к Гарри и пробормотал со злобным видом: «Дёрк Крессвелл, а? Из управления по связям с гоблинами? Отлично, Альберт. Я теперь полностью уверен, что получу его место!»

Он подмигнул. Гарри улыбнулся в ответ, надеясь, что этого будет достаточно. Лифт остановился, решетки снова открылись.

— Уровень два. Департамент магического правопорядка. Служба контроля за недопустимым применением магии, штаб-квартира авроров, служба администрации Визенгамота, — сказала невидимая ведьма.

Гарри увидел, как Гермиона слегка подтолкнула Рона, и тот выбежал из лифта. За ним

вышли остальные волшебники, оставив Гарри и Гермиону одних. Как только золотая дверь закрылась, Гермиона очень быстро проговорила: «Знаешь, Гарри, я думаю, мне лучше пойти с ним. Мне кажется, он не понимает, что делает, а если его поймут, всё...»

— Уровень один. Министр магии и его штат.

Золотые решетки скользнули в сторону, и Гермиона ахнула. Перед ними стояло четыре человека, двое из них были увлечены беседой: волшебник с длинными волосами, одетый в величественные черно-золотые робы, и приземистая, похожая на жабу ведьма с бархатным бантом в коротких волосах, прижимавшая к груди блокнот.

# Глава тринадцатая. Комиссия по регистрации магглорождённых

— А, Мафалда! — воскликнула Амбридж, взглянув на Гермиону. — Вас ведь Треверс послал?

— Д-да, — пропищала Гермиона.

— О, Господи, да Вы отлично справитесь, — Амбридж обратилась к волшебнику в чёрной с золотом мантии. — Вот, что решит проблему. Министр, если Мафалда займётся записями, мы сможем начать прямо сейчас, — она посмотрела в свою доску для записей. — Сегодня 10 человек, и одна из них — жена работника Министерства! Так-так-так... аже здесь в самом сердце Министерства!

Она зашла в лифт за Гермионой, а вслед за ней прошли два волшебника, которые слушали её разговор с Министром.

— Едем сразу вниз. Мафалда, Вы всё, что нужно, найдёте в зале суда. Доброе утро, Альберт, Вы разве не выходите?

— Да, да, конечно, — ответил Гарри басом Ранкорна.

Гарри вышел из лифта. Золотые решётки захлопнулись за его спиной. Взглянув через плечо, Гарри увидел взволнованное лицо Гермионы, исчезающее из вида, а также двух высоких волшебников по бокам и бархатный бант в волосах Амбридж, едва достающей ей до плеча.

— Что привело тебя сюда, Ранкорн? — спросил новый министр магии. У него были длинные чёрные волосы и борода с проседью, а массивный лоб нависал над сверкающими глазами — они напомнили Гарри крабов, выглядывающих из-под камня.

— Надо перемолвиться парой слов с... — запнулся Гарри на секунду, — Артуром Уизли. Кто-то сказал мне, что он на первом уровне.

— А, — догадался Плам Фикнесс, — его поймали, когда он выходил на связь с «Нежелательным лицом»?

— Нет, — ответил Гарри, у которого пересохло в горле. — Нет, ничего подобного.

— Ну, это только вопрос времени, — сказал Фикнесс. — Что до меня, так те, кто покрывают грязнокровок, ещё хуже самих грязнокровок. Всего хорошего, Ранкорн.

— Всего хорошего, Министр.

Гарри смотрел, как Фикнесс удалялся по покрытому ковром коридору. Как только Министр исчез из виду, Гарри вытащил плащ-невидимку из-под тяжёлой чёрной мантии, накинул его на себя, и отправился по коридору в противоположном направлении. Ранкорн был такой высокий, что Гарри приходилось сутулиться, чтобы его огромные ноги не высывались из-под плаща.

Он уже начал паниковать. Проходя одну за другой сверкающие двери с табличками, на которых стояло имя владельца и того, что там располагалось, он почувствовал, как вся мощь, сложность и непроходимость Министерства наваливаются на него, и весь их план, который они с Роном и Гермионой так тщательно продумывали в течение четырёх недель, показался ему до смешного детским и наивным. Все свои силы они положили на то, чтобы пробраться внутрь неузнанными: и даже малейшее возможности не предусмотрели, что им придётсяделиться. А теперь Гермиона застряла в судебных разбирательствах, которые, несомненно, займут несколько часов, а Рону приходится ломать голову над заклинаниями, которые, Гарри был уверен, выше его понимания, а свобода женщины, возможно, зависит от результата его стараний, а он, Гарри, бредёт бесцельно по самому верхнему уровню, хотя прекрасно знает, что объект его преследования только что уехал на лифте вниз.



Он остановился, опёрся о стену и попытался решить, что делать дальше. Тишина давила на него: не было слышно ни голосов, ни шагов, и покрытый пурпурным ковром коридор был таким безмолвным, как будто на него наложили заклятие Муффлиато.

«Здесь должен быть её офис», — пронеслось в сознании у Гарри.

Вряд ли, конечно, Амбридж хранит ценные вещи в кабинете, но, с другой стороны, было бы глупо не обыскать его на всякий случай. Поэтому он снова пошёл по коридору, не встретив по пути никого, кроме насупившегося волшебника, бормочущего указания гусиному перу, которое парило перед ним и писало что-то на пергаменте.

Теперь уже обращая внимания на именные таблички на дверях, Гарри повернул за угол. В середине следующего коридора он вышел на широкую открытую площадку, где дюжина волшебников и волшебниц сидели рядами за маленькими партами, похожими на школьные, хотя и гораздо более гладкими и неизрисованными. Гарри остановился, чтобы оглядеться: открывшаяся картина впечатляла. Все махали и кружили палочками в унисон, и листы цветной бумаги летели в разных направлениях как маленькие розовые воздушные змеи. Через несколько секунд Гарри понял, что во всех этих движениях был свой ритм, и что все бумажки складываются в единый рисунок, а ещё через несколько секунд он понял, что наблюдает за созданием листовок — что бумажки превращаются в страницы, которые, после того как их собирают и фальцуют, падают аккуратными стопками перед каждым волшебником или волшебницей.

Гарри осторожно подобрался поближе, хотя рабочие были так погружены в то, что они делали, что они вряд ли бы слышали его шаги, приглушённые ковром; он стащил законченный буклет из кипы, лежащей перед молоденькой волшебницей. Он рассмотрел его под плащом-невидимкой. На розовом фоне сверкал золотой заголовок:

## **ГРЯЗНОКРОВКИ**

*И опасности, которые они несут мирному чистокровному обществу.*

Под заголовком красовалось изображение красной розы с глупым улыбающимся лицом, которую душил сорняк с клыками. На буклете не было имени автора, но при взгляде на него, шрамы на правой руке Гарри снова начали саднить. Молоденькая волшебница подтвердила его подозрения, когда произнесла, не прекращая махать волшебной палочкой:

— Старая карга весь день будет допрашивать грязнокровок, кто-нибудь знает?

— Да тихо ты, — нервно оглядываясь по сторонам, ответил волшебник, сидящий рядом с ней; одна из его бумажек выскользнула и упала на пол.

— А что у неё помимо глаза волшебного есть ещё и волшебное ухо?

Волшебница взглянула на сверкающую дверь из красного дерева, которая выходила как раз на цех изготовителей буклетов; Гарри проследил за её взглядом, и закипел от гнева. На месте глазка, как в обычной маггловской двери, находился большой круглый светло-голубой глаз — глаз, до ужаса знакомый тем, кто знал Аластора Грюма.

На мгновение Гарри забыл, где он находится и зачем, и даже забыл, что он невидимый. Он ринулся к двери, чтобы рассмотреть глаз. Он не двигался и смотрел вверх невидящим, застывшим взглядом. Под ним висела табличка:

*Долорес Амбридж*

Под ней висела ещё одна более яркая и новая:

*Глава Комиссии по Регистрации Магглорождённых*

Гарри оглянулся на изготовителей листовок: хотя они и были погружены с головой в работу, вряд ли они бы не заметили, как прямо перед ними открывается дверь пустого кабинета. Поэтому он извлёк из кармана нечто странное с болтающимися ножками и резиновой трубкой, вместо тела. Съёжившись под плащом, он осторожно установил Петарду-приманку на пол.

Она ринулась между ног волшебников и волшебниц. Гарри ждал, опершись рукой на ручку двери; немного погодя раздался громкий взрыв, и из-за угла начал выползать едкий дым. Молоденькая волшебница в первом ряду заверещала: розовые листочки летали повсюду, она и её коллеги бросились на поиски источника беспорядка. Гарри повернул ручку, вошёл в кабинет Амбридж, и запер за собой дверь.

Ему показалось, что он вернулся в прошлое. Этот кабинет был точной копией кабинета Амбридж в Хогвартсе: кружевные занавесочки, салфеточки и сухие букеты были повсюду. На стенах висели такие же декоративные тарелочки с яркими кисками, до тошноты милыми, которые прыгали и резвились. На столе была кружевная скатерть. Оптический прибор был проведён за глазом Грозного Глаза, он позволял Амбриджшпионить за работниками, стоя за дверью. Гарри посмотрел через него и увидел, что все собрались вокруг Петарды-приманки. Он выдернул оптическое устройство из двери, проделав в ней дыру, извлёк оттуда волшебный глаз и положил его в карман. Затем он отвернулся от двери, поднял палочку и пробормотал:

— Акцио медальон.

Ничего не произошло, как и следовало ожидать; конечно же, Амбридж всё знала о защитных заклинаниях. Поэтому он поспешил прямо к её столу и начал открывать ящик за ящиком. Он увидел перья и тетради; заколдованные держатели для бумаг, которые выползали из ящичков, и их приходилось заталкивать обратно, вычурную маленькую бархатную коробочку, полную бантов и клипсов, но ни следа медальона.

Около стола находился ящик с файлами: Гарри начал обыскивать и его. Как и в кабинете Филча, здесь была целая куча папок с именами. Гарри ещё не добрался до нижнего ящика, как вдруг что-то отвлекло его от поисков: досье на мистера Уизли.

Он вытащил и открыл его.

***АРТУР УИЗЛИ***

*Статус: Чистокровный, но с недозволительной промаггловской направленностью. Известный член Ордена Феникса.*

*Семья: Жена (чистокровная), семеро детей, двое младших учатся в Хогвартсе.*

*NB: младший сын в настоящее время дома, серьёзно болен, подтверждено инспекторами Министерства.*

*Статус безопасности: СЛЕДЯЩИЕ ЧАРЫ. Все действия отслеживаются. Сильная симпатия к Нежелательному Лицу № 1 (в прошлом останавливался у Уизли).*

— Нежелательное лицо № 1, — пробормотал Гарри, кладя на место досье и захлопывая ящик. Ему показалось, что он наверняка знает, о ком идёт речь, и, ещё раз окинув взглядом комнату, пытаясь найти тайник, он наткнулся на своё собственное изображение на стене со словами Нежелательное Лицо № 1, вырезанными на груди. Сбоку была прилеплена маленькая

розовая бумажка с киской в углу. Гарри подошёл поближе, и увидел, что Амбридж там написала: «Ждёт наказание».

Разозлившись ещё больше, он продолжил рыться в вазах и корзинках с сухими цветами, но даже не удивился, не найдя там медальона. Он в последний раз окинул кабинет взглядом, и вдруг его сердце бешено застучало. Из маленького прямоугольного зеркала на книжной полке рядом со столом на него смотрел Дамблдор. Гарри бегом пересёк кабинет и вытащил его, но как только он до него дотронулся, он понял, что это было вовсе не зеркало. Дамблдор задумчиво улыбался с обложки глянцевого книги. Гарри не сразу заметил закрученную зелёную надпись на его шляпе: «Жизнь и ложь Альбуса Дамблдора» и надпись слегка поменьше на его груди: Рита Вритер, автор бестселлера: «*Армандо Диннет: специалист или сумасшедший?*».

Гарри открыл книгу на первой попавшейся странице и увидел фотографию на всю страницу двух подростков, которые хохотали, обнявшись за плечи. Дамблдор, уже с длинными волосами, отрастил маленькую тонкую бородку, такую же как у Крума, так разозлившую Рона. Парень, который бесшумно смеялся рядом с Дамблдором, выглядел весело и слегка дико. Его светлые волосы ниспадали кудрями на плечи. Гарри подумал, что это мог быть молодой Додж, но, прежде чем он смог посмотреть на подпись, дверь кабинета приоткрылась.

Если бы Фикнесс не смотрел через плечо, когда входил, Гарри бы не успел накинуть Плащ-невидимку. Тем не менее, Фикнесс, как показалось Гарри, уловил какое-то движение, потому что несколько секунд он стоял неподвижно, уставившись на то место, откуда только что исчез Гарри. Возможно, он решил, что это Дамблдор почесал свой нос, ведь Гарри поспешно вернул книгу на полку. Наконец Фикнесс подошёл к столу и направил палочку на перо, которое стояло готовое в чернильнице. Оно подпрыгнуло и начало царапать послание для Амбридж. Очень медленно, едва дыша, Гарри выскользнул из кабинета.

Изготовители листовок всё ещё толпились вокруг осколков Петарды-Приманки, которые слабо дымились и гудели. Когда Гарри торопливо покидал коридор, он услышал, как молоденькая волшебница произнесла:

— Могу поспорить, это попало сюда из отдела Экспериментальной магии, они такие невнимательные, помните, утку отправленную?

Торопясь обратно к лифту, Гарри взвешивал свои возможные действия. Они никогда и не думали, что медальон будет здесь в Министерстве, и нет никаких шансов выудить его местонахождение у Амбридж, пока она находится в зале суда, полном людей. Сейчас им необходимо убраться из Министерства, пока их не обнаружили и снова попробовать в другой день. Сначала надо найти Рона, а вместе они уж придумают, как вытащить Гермиону из зала суда.

Приехал пустой лифт. Гарри заскочил в него и, когда тот начал спускаться, натянул Плащ-невидимку. К огромному облегчению Гарри, когда лифт со скрипом остановился на втором уровне, в кабину зашёл мокрый с ног до головы Рон с безумным видом.

— Доброе утро, — промычал он, обращаясь к Гарри, когда лифт снова тронулся.

— Рон, это я, Гарри.

— Гарри! Чёрт, я и забыл, как ты выглядишь — а почему Гермиона не с тобой?

— Ей пришлось спуститься в зал суда с Амбридж, а она не смогла отказаться, и ...

Но не успел он закончить фразу, как лифт снова остановился. Открылись створки, и в лифт зашёл мистер Уизли, разговаривая с пожилой ведьмой, чьи светлые волосы были уложены в такую высокую причёску, что она напоминала муравейник.

— ... прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду, Ваканда, но боюсь, ничем не смогу...

Он резко замолчал, увидев Гарри. Было несколько странно видеть, как мистер Уизли смотрит на него с такой неприязнью. Двери лифта захлопнулись, и они снова понеслись вниз.

— А, привет, Рег, — поздоровался мистер Уизли, повернувшись на звук воды, капающей с мантии Рона, — сегодня допрашивают твою жену? Э — а что с тобой-то произошло? Ты почему мокрый такой?

— Залило кабинет Якли, — ответил Рон, обращаясь к плечу мистера Уизли. Гарри был уверен: Рон боится, что если отец посмотрит ему в глаза, он узнает его. — Я не смог это остановить, поэтому меня отправили за Берни — Пилсворф, кажется так.

— Да, в последнее время частенько кабинеты заливают, — сказал мистер Уизли. — А ты не пробовал Метеоролоджинкс Реканто? У Блетчли сработало.

— Метеоролоджинкс Реканто? — прошептал Рон. — Нет, не пробовал. Спасибо, па — в смысле, спасибо, Артур.

Створки лифта разъехались; старая волшебница с муравейником вышла, и Рон выскочил за ней. Гарри хотел последовать его примеру, но путь ему преградил Перси Уизли, который входил в лифт, уткнувшись в какие-то бумаги.

Уже после того, как лифт захлопнулся, Перси увидел, что он едет в лифте со своим отцом. Когда он поднял глаза на мистера Уизли, он вспыхнул и выскочил из лифта, как только двери вновь открылись. Вторая попытка Гарри выйти тоже провалилась, только теперь путь ему преградила рука мистера Уизли.

— Одну минутку, Ранкорн.

Створки лифта захлопнулись, и они поехали вниз на ещё один этаж. Мистер Уизли сказал:

— Я слышал, ты нашёл что-то на Дерка Крессвелла.

У Гарри появилось впечатление, что встреча с Перси ещё больше распалила мистера Уизли. Он решил, что лучше всего притвориться дураком.

— Не понял? — переспросил он.

— Не притворяйся, Ранкорн, — гневно оборвал его мистер Уизли. — Ты следил за волшебником, который подделал свой семейное древо, скажешь нет?

— Ну и... что же, если это был я? — поинтересовался Гарри.

— Так вот Дерк Крессвел в десять раз больше волшебник, чем ты, — спокойно произнёс мистер Уизли, а лифт всё летел вниз — А если он пережил Азкабан, это ты должен отвечать перед ним, не говоря уже о его жене, детях и друзьях...

— Артур, — прервал его Гарри, — ты ведь знаешь, что на тебе Следящие чары?

— Это что, угроза, Ранкорн? — громко сказал мистер Уизли

— Нет, — выпалил Гарри, — это факт! Они следят за каждым твоим шагом...

Двери лифта открылись. Они доехали до Атриума. Мистер Уизли вышел из лифта, бросив на Гарри враждебный взгляд. Гарри остался в лифте, его трясло. Ему было жаль, что ему досталось именно лицо Ранкорна. Двери захлопнулись.

Гарри вытащил Плащ-невидимку и снова надел его. Придётся освободить Гермиону самому, пока Рон занимается дождливым кабинетом. Когда лифт открылся, он вышел на залитый светом от факелов каменный коридор, сильно отличающийся от отделанных деревом и покрытых коврами коридоров сверху. Когда лифт с грохотом поехал вверх, Гарри слегка содрогнулся, взглянув на далёкую чёрную дверь — вход в Департамент Тайн.

Он пошёл вперёд, но его целью была не чёрная дверь, а дверной проём, который, как он помнил, находился слева и выходил на лестницы, ведущие в залы суда. Пока он спускался вниз, он рассматривал все свои возможности: у него с собой была ещё парочка Петард-приманок, но, может, лучше просто постучаться, зайти как Ранкорн и попросить Мафалду на пару слов. Конечно, он не знал, занимает ли Ранкорн достаточно высокое положение для этого, и, даже если он с этим справится, пропажа Гермионы вызовет панику и поиски ещё до того, как они покинут Министерство.

Глубоко задумавшись, он не сразу обратил внимание на неестественный холод, охвативший его, как будто он попал в туман. С каждым шагом становилось всё холоднее; холод схватил его за горло и сдавил ему лёгкие. А затем его охватило чувство отчаяния, безнадёжности...

«Дементоры», — подумал он.

Когда он спустился по лестнице и свернул направо, перед его глазами развернулась ужасная картина. Тёмный коридор перед залами суда был забит высокими фигурами в капюшонах, их лица были полностью закрыты, а их громкое прерывистое дыхание было единственным звуком в этом месте. Испуганные магглорождённые, приведённые сюда для допроса, съежились в одной кучке на деревянных скамьях, дрожа с ног до головы. Многие закрывали лица руками, возможно инстинктивно пытаясь защитить себя от жадных ртов Дементоров. Одних сопровождали семьи, другие сидели в одиночестве. Дементоры скользили перед ними, и безнадёжность, отчаяние и холод всего места охватили Гарри как заклятие.

Борись с этим, сказал он сам себе, хотя и знал, что вызвать Патронуса здесь, не обнаружив себя, невозможно. Поэтому он шёл вперёд, стараясь двигаться как можно тише, и с каждым шагом его сознание цепенело, но он держался, пытаясь думать о Роне и Гермионе, которые нуждались в нём.

Движение между вздымающихся чёрных фигур было пугающим: безглазые лица, спрятанные за капюшонами, поворачивались в его сторону, когда он проходил мимо. Он был уверен, что они его чувствуют, чувствуют, возможно, присутствие человека, у которого ещё есть надежда...

И вдруг, неожиданно и резко сквозь морозную тишину, одна из дверей в подземную тюрьму распахнулась слева по коридору, и оттуда раздались крики:

— Нет, нет, я — полукровка, я — полукровка, говорю же вам! Мой отец был волшебником, был, сами проверьте его, он известный конструктор мётел, проверьте его, говорю вам — уберите от меня свои руки, руки уберите!

— Это Ваше последнее предупреждение, — произнесла Амбридж мягким голосом, усиленным магией, которая заставляла его перекрывать вопли отчаяния, издаваемые жертвой. — Если будете сопротивляться, Вы будете приговорены к поцелую Деметора.

Крики стихли, но всхлипывания всё ещё разносились по коридору.

— Уведите его, — приказала Амбридж.

Два Дементора появились в дверном проёме зала суда, их разлагающиеся, покрытые струпами руки, схватили волшебника, который был уже в полуобморочном состоянии. Они поплыли по коридору вместе с ним, и темень, идущая за ними, скрыла их из виду.

— Следующая — Мери Каттермоул, — позвала Амбридж.

Со скамьи поднялась маленькая женщина, дрожа с ног до головы. Её тёмные волосы были убраны назад в узел, а на ней было длинное простое платье. Её лицо было очень бледным. Когда она проходила мимо Дементоров, Гарри заметил, как она содрогнулась.

Он сделал это инстинктивно, безо всякого плана, просто ему ужасно не понравилось, как она одна идёт по коридору: как только дверь начала закрываться, он проскользнул в зал суда вслед за ней.

Это была уже не та комната, в которой его однажды допрашивали за ненадлежащее использование магии. Эта комната была значительно меньше, хотя потолок был такой же высокий, и это вызывало чувство клаустрофобии, как будто ты застрял в глубоком колодце.

Здесь было ещё больше Дементоров, которые замораживали всю комнату; они стояли как безликие стражи — дальше всего от высокой платформы. Здесь за балюстрадой восседала Амбридж, с Ясли по одну сторону и Гермионой, такой же бледной как и Миссис Каттермоул, по другую. У подножия платформы вышагивал дымчато-серый, длинношёрстный кот, и Гарри

понял, что он защищает обвинителей от отчаяния, исходившего от Дементоров. Его должны были чувствовать обвиняемые, а не обвинители.

— Присаживайтесь, — произнесла Амбридж мягким, шёлковым голосом.

Мисси Каттермоул опустилась в единственное кресло в центре зала перед приподнятой платформой. Как только она села, из подлокотников со звоном выскочили цепи и приковали её.

— Вас зовут Мери Элизабет Каттермоул? — спросила Амбридж.

Миссис Каттермоул кивнула, дрожа, один раз.

— Замужем за Реджинальдом Каттермоул, сотрудником Технической службы?

Миссис Каттермоул разразилась рыданиями.

— Я не знаю, где он! Он должен был меня встретить!

Амбридж её проигнорировала.

— Приходите матерью Мейсии, Элли и Альфреду Каттермоул?

Миссис Каттермоул засопела ещё сильнее.

— Они напуганы, они думают, что я не вернусь домой...

— Довольно, — выплюнул фразу Яксли. — Отбросы-грязнокровки не вызовут у нас симпатии.

Всхлипывания Миссис Каттермоул заглушили шаги Гарри, пока он пробирался к ступенькам, ведущим к платформе. В тот момент, когда Гарри подошёл к месту, где вышагивал кот-Патронус, он почувствовал смену в температуре: здесь уже было тепло и уютно. Он был уверен, что это — Патронус Амбридж, а такой яркий он потому, что здесь она в своей стихии, когда приводит в исполнение законы, которые сама помогла создать. Медленно и очень осторожно он пробрался через Яксли, Амбридж и Гермиону, за ней он и занял место. Он боялся, что его появление напугает Гермиону. Он подумывал не наслать ли заклинание Муффлиато на Амбридж и Яксли, но даже если он просто пробормочет заклинание, Гермиона это заметит. Вдруг Амбридж повысила голос, обращаясь к Миссис Каттермоул, и Гарри ухватился за свой шанс.

— Я за твоей спиной, — прошептал он Гермионе прямо в ухо. Как он и ожидал, она так резко подпрыгнула, что чуть не опрокинула чернильницу, с помощью которой ей надо было фиксировать допрос, но внимание Амбридж и Яксли было приковано к миссис Каттермоул, и это прошло незамеченным.

— Когда Вы сегодня прибыли в Министерство, при вас была обнаружена волшебная палочка, — начала Амбридж, — восемь дюймов и три четверти, вишня, волос единорога. Вы узнаете это описание?

Миссис Каттермоул кивнула, вытирая глаза рукавом.

— А скажите-ка нам, пожалуйста, от какого волшебника или волшебницы Вы получили эту палочку?

— П-получила? — всхлипнула миссис Каттермоул. — Я н-ни от кого её не получала. Я-я купила её, когда мне было одиннадцать. Она-она-а выбрала меня.

Она зарыдала ещё сильнее.

Амбридж тоненько по-девичьи хихикнула, и Гарри захотелось её ударить. Она перегнулась через ограждение, чтобы лучше разглядеть свою жертву, и что-то сверкнуло золотом и свесилось в пустоту: медальон.

Гермиона тоже его заметила; она издала звук, похожий на писк, но Амбридж и Яксли были полностью поглощены допросом и нечего не слышали.

— Нет, — сказала Амбридж, — нет, я так не думаю, миссис Каттермоул. Палочки могут выбрать только волшебника или волшебницу. А Вы не волшебница. У меня есть Ваши ответы на анкету, которая была Вам сегодня отправлена. Передайте мне её, Мафалда.

Амбридж протянула маленькую ручку: в этот момент она была так похожа на жабу, что Гарри даже удивился, не увидев перепонки между её короткими пальцами. У Гермионы затряслись руки. Она порылась в кипе бумаг, лежащей на стуле перед ней, и, наконец, извлекла оттуда файлы с именем миссис Каттермоул.

— Он — он просто великолепен, Долорес, — произнесла она, показывая на медальон, сверкающий в кружевных складках блузки Амбридж.

— Что-что? — проскрипела Амбридж, взглянув вниз. — Ах да, старая семейная реликвия, — произнесла она, похлопывая медальон, лежащий на её широкой груди, — С — значит Слевин... и мне приходится роднёй... отя очень мало чистокровных семей, которые бы не доводились мне родственниками... ак жаль, — продолжила она громким голосом, просматривая анкету миссис Каттермоул, — что того же самого нельзя сказать и о Вас. Профессия родителей: Продавцы фруктов.

Яксли презрительно рассмеялся. Пушистый кот ходил внизу туда-сюда, а Дементоры стояли по углам, ожидая момента.

Когда Гарри услышал ложь Амбридж, кровь ударила ему в голову, и он забыл об осторожности — этот медальон, полученный как взятка от мелкого мошенника, она использовала как гарант своей чистокровности. Он поднял палочку, не особо даже заботясь, чтобы она была спрятана под плащом-невидимкой, и выкрикнул: «Остолбеней!»

Вспышка красного света — и Амбридж упала на пол, ударившись лбом об угол балюстрады: бумаги миссис Каттермоул выскользнули из рук на пол, а кот внизу испарился. Ледяной воздух охватил их, как порыв ветра: Яксли, недоумевая, начал оглядываться по сторонам в поисках источника беспорядка, а увидел руку Гарри, висящую в воздухе, и палочку, направленную на него. Он попытался вытащить свою, но было слишком поздно: Окаменей!

Яксли сполз вниз и скорчился на полу.

— Гарри!

— Гермиона, если ты думала, что я собираюсь здесь сидеть и смотреть, как она притворяется...

— Гарри, миссис Каттермоул!

Гарри повернулся, скинув Плащ-невидимку; внизу Дементоры выползали из своих углов и скользили к женщине, прикованной к креслу: то ли потому что Патронус исчез, то ли потому что они почувствовали, что их хозяева больше их не контролируют, они, казалось, утратили самообладание. Миссис Каттермоул издала вопль ужаса, когда гниющая, покрытая струпьями рука схватила её за подбородок и повернула голову.

— **ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!**

Серебряный олень взмыл от палочки Гарри и ринулся к Дементорам, которые отступили и снова исчезли в тени. Свет оленя, более сильный и более тёплый, чем защита кота, заполнил всю подземную тюрьму, пока он скакал галопом вокруг комнаты.

— Возьми хоркрукс, — сказал Гарри Гермионе.

Он сбежал вниз по лестнице, заталкивая плащ за спину, и приблизился к миссис Каттермоул.

— Вы? — прошептала она, уставившись на его лицо. — Но, но Рег говорил, что Вы один из тех, кто настоял на моём допросе!

— Я? — пробормотал Гарри, дёргая цепи, сковывающие её руки. — Ну, я передумал. Диффиндо! — ничего не произошло. Гермиона, как избавиться от этих цепей?

— Подожди, я ещё занята.

— Гермиона, нас окружают Дементоры!

— Я знаю, Гарри, но если она очнётся и обнаружит, что медальон пропал — мне надо

сделать копию — Джеминио! Так, это должно её обмануть.

Гермиона сбежала вниз.

— Посмотрим... **еласкио!**

Цепи звякнули и исчезли в подлокотниках кресла. Миссис Каттермоул выглядела даже испуганнее, чем прежде.

— Я не понимаю, — прошептала она.

— Вы уйдёте отсюда с нами, — сказал Гарри, помогая ей встать на ноги. — Идите домой, хватайте детей и бегите, бегите из страны, если понадобится. Смените внешность и бегите. Вы всё видели, справедливого слушания Вы здесь не дождётесь.

— Гарри, — произнесла Гермиона, — как мы собираемся пройти мимо Дементоров за дверью?

— Патронусы, — ответил Гарри, показывая палочкой на своего. Олень замедлил свой бег и шёл, всё ещё ярко сверкая, к двери. — Чем больше, тем лучше; вызови своего, Гермиона.

— **Эспек-эспекто Патронум!** — крикнула Гермиона. Ничего не произошло.

— Единственное заклинание, с которым у неё бывают проблемы, — сказал Гарри ошеломлённой миссис Каттермоул. — Немного неудачно, честное слово... Ну давай, Гермиона...

— **Эспекто Патронум!**

Серебряная ласка вырвалась из палочки Гермионы и грациозно поплыла по воздуху к оленю.

— Вперёд, — произнёс Гарри и повёл Гермиону и миссис Каттермоул к дверям.

Когда патронусы выскользнули из темницы, люди, ожидающие снаружи, вскрикнули от удивления. Гарри осмотрелся; от них с обеих сторон кидались Дементоры, исчезая в темноте, рассеиваясь перед сверкающими существами.

— Было решено, что вы все должны пойти домой и затаиться на время со своими семьями, — обратился Гарри к Магглорождённым, которые морщились от яркого света и всё ещё сидели, съёжившись. — Езжайте за границу, если есть такая возможность. Самое главное убраться от Министерства. Это... м... у... овое официальное положение. А теперь, если Вы последуете за Патронусами, вы сможете покинуть Атриум.

Он смогли пройти все каменные коридоры так, чтобы их никто не заметил, однако, когда они подошли к лифту, у Гарри появилось дурное предчувствие. Если они появятся в Атриуме с серебряным оленем и лаской, парящей рядом с ним, а также с двадцатью или около того людей, половина из которых обвиняемые магглорождённые, это не сможет не привлечь нежелательного внимания. Как только он пришёл к этому неутешительному выводу, лифт со скрипом остановился.

— Рег! — воскликнула миссис Каттермоул, бросаясь в объятия к Рону. — Ранкорн выпустил меня, он напал на Амбридж и Якли, и он посоветовал всем нам покинуть страну. Я думаю нам лучше так и сделать, Рег, я так и сделаю, скорее, пойдём домой, заберём детей и — ты почему такой мокрый?

— Вода, — пробурчал Рон, освобождаясь. — Гарри, они знают, что в Министерстве чужаки, и что-то о дырке в кабинете Амбридж. Я думаю, у нас есть пять минут, если...

Патронус Гермионы исчез с щелчком, она повернулась с ужасом на лице к Гарри.

— Гарри, если нас загонят в ловушку!..

— Этого не будет, если мы будем двигаться побыстрее, — ответил Гарри. Он обратился к безмолвной группе, стоящей позади них и смотрящей на них с открытыми ртами.

— У кого есть палочки?

Около половины подняли свои палочки.



— Отлично, все, у кого нет палочек, присоединитесь к тем, у кого они есть. Нужно двигаться быстрее, пока нас не остановили. Вперёд.

Они умудрились запихаться в два лифта. Патронус Гарри стоял на страже перед золотыми створками, они закрылись, и лифт начал подниматься.

— Уровень восемь, — произнёс спокойный голос волшебницы. — Атриум.

Гарри сразу понял, что у них проблемы. Атриум был полон людей, которые двигались от камина к камину и запечатывали их.

— Гарри! — пропищала Гермиона. — Что мы собираемся...

— СТОЙТЕ! — громко произнёс Гарри, и мощный голос Ранкорна разнёсся по Атриуму: волшебники накрепко запечатывали каминны.

— Следуйте за мной, — прошептал он, обращаясь к группе испуганных магглорождённых, которые двигались вперёд толпой в сопровождении Рона и Гермионы.

— Что случилось, Альберт? — спросил лысеющий волшебник, который чуть раньше вышел из камина вслед за Гарри. Он нервничал.

— Они все должны выбраться отсюда, прежде чем вы запечатаете выход, — постарался ответить Гарри как можно более властно.

Группа волшебников перед ним начали переглядываться.

— Нам приказали запечатать все выходы и никого не...

— Вы мне перечите? — проревел Гарри. — Вы хотите, чтобы я проверил Ваше семейное древо, как и у Дерка Крессвелла?

— Простите, — задыхаясь, проговорил лысеющий волшебник, пятясь назад. — Я ничего такого не имел в виду, Альберт, но я думал... думал, их должны были допросить и...

— Их кровь чиста, — сказал Гарри, и его низкий голос разнёсся выразительно по всему коридору, — чище, чем у многих из вас, я бы даже сказал. Вы можете идти, — приказал он магглорождённому, которые ринулись к каминам и начали исчезать парами. Волшебники Министерства отступили, некоторые выглядели удивлёнными, некоторые смущенными и испуганными. И вдруг:

— Мери!

Миссис Каттермоул посмотрела через плечо. Настоящий Рег Каттермоул только что выбежал из лифта; его больше не тошнило, но он был бледный и изнурённый.

— Р-рег? — она перевела взгляд со своего мужа на Рона, который громко выругался.

Лысый волшебник таращился с открытым ртом на двух Реггов Каттермоулов.

— Что происходит? Что всё это значит?

— Запечатайте выходы! ЗАПЕЧАТАЙТЕ ИХ!

Яксли выскочил из другого лифта, и ринулся к каминам, в которых уже исчезли все магглорождённые, кроме миссис Каттермоул. Как только лысеющий волшебник поднял свою палочку, Гарри стукнул его своим огромным кулаком так, что он взлетел в воздух.

— Он помогал сбежать Магглорождённому, Яксли!

Тут очнулись коллеги лысеющего волшебника, поднялся шум, под его прикрытием Рон схватил миссис Каттермоул, затолкал её в ещё открытый камин и исчез.

Ничего не понимая, Яксли переводил взгляд с Гарри, на волшебника, получившего удар кулаком, а настоящий Рег Каттермоул кричал:

— Моя жена? Кто это был с моей женой? Что происходит?

Гарри увидел, как повернулась голова Яксли, увидел, как на этом грубом лице отразилось понимание.

— Вперёд! — заорал Гарри Гермионе; он схватил её за руку, и они вдвоём запрыгнули в камин, а заклятие Яксли пронеслось прямо над головой Гарри. Их крутило несколько секунд,

прежде чем выбросить в каком-то туалете. Гарри распахнул дверь: Рон был здесь за раковинами, всё ещё борясь с миссис Каттермоул.

— Рег, я не понимаю...

— Пойдёмте же, я не Ваш муж, но Вам нужно домой!

Где-то сзади раздался шум; Гарри оглянулся; появился Яксли.

— ПОЙДЁМ! — заорал Гарри. Он схватил Гермиону за руку, а Рона за плечо и резко повернул.

Темнота поглотила их, он чувствовал сжатые ладони, но что-то было не так... рука Гермионы потихоньку выскользывала из его.

Ему показалось, что он задохнётся, он чувствовал только руку Рона и пальцы Гермионы, которые медленно ускользали...

А затем он увидел дом номер двенадцать, площадь Гриммолд и змеевидный дверной молоток, но, прежде чем он смог перевести дыхание, раздался вопль и появилась вспышка пурпурного света: рука Гермионы неожиданно сжала его руку, всё вокруг снова потемнело.

## Глава четырнадцатая. Вор

Гарри открыл глаза, золотые и зелёные блики ослепили его. Он не понимал, что произошло, только что лежит на чём-то, похожем на листья и ветки. Он попытался вдохнуть, лёгкие будто сплющило при падении; моргнул, и тут до него дошло, что этот яркий слепящий блеск — ни что иное, как солнечный свет, пронизывающий кроны деревьев высоко над ним. Тут возле лица что-то пошевелилось. Он с трудом поднялся на четвереньки, ожидая увидеть какое-нибудь маленькое сердитое существо, но обнаружил ногу Рона. Гарри огляделся и увидел, что они с Гермионой лежали на земле посреди леса, и, судя по всему, они там были одни.

Поначалу ему пришло в голову, что они оказались в Запретном лесу, и, хотя он прекрасно знал, насколько безрассудно и опасно было с их стороны аппарировать так близко к Хогвартсу, его сердце забилося быстрее от мысли, что можно было бы прокрасться между деревьями в хижину к Хагриду. Но через несколько минут, когда Рон тихо застонал и Гарри пополз к нему, он понял, что это был вовсе не Запретный лес — деревья были не такие старые, росли реже, и было гораздо светлее.

Гермиона, тоже на четвереньках, стояла в головах у Рона. Его одежда слева пропиталась кровью, лицо на фоне усыпанной листьями земли казалось серо-зелёным, и когда Гарри это увидел, тревога за него вытеснила все прочие волнения. Действие оборотного зелья заканчивалось, и Рон из Каттермола превращался в самого себя, его волосы рыжели, а с лица, наоборот, уходила краснота.

— Что с ним случилось?

— Неудачно аппарировал, — ответила Гермиона; она уже занялась намокшим почёрневшим от крови рукавом Рона.

Гарри с ужасом наблюдал, как она разорвала рубашку Рона. Он всегда думал, что нет ничего глупее, чем терять части тела при аппарировании, но это... У него внутри всё сжалось, когда Гермиона обнажила плечо Рона, с которого будто аккуратно срезали ножом большой кусок плоти.

— Гарри, скорее, у меня в сумке бутылочка с надписью «Экстракт ясенца белого»<sup>[6]</sup>...

— Сумка... сейчас...

Гарри рванулся к месту, где приземлилась Гермиона, поднял крошечную расшитую бисером сумочку и сунул в неё руку. Содержимое тут же начало двигаться у него под пальцами, один предмет за другим: он чувствовал кожаные переплёты книг, шерстяные рукава свитеров, каблуки туфель...

— Скорее!..

Он схватил с земли свою палочку и ткнул её внутрь волшебной сумочки.

— Ассио Ясенец!

Из сумочки вылетела небольшая коричневая бутылочка, он поймал её и поспешил обратно к Гермионе и Рону, лежавшему, полуприкрыв глаза, так что из-под век виднелись белые полосы глазных яблок.

— Он без сознания, — сказала очень бледная Гермиона. Она уже больше не походила на Мафальду, хотя местами волосы ещё оставались седыми. — Гарри, открой её, пожалуйста, а то у меня руки трясутся.

Гарри открутил пробку с бутылочки, Гермиона взяла её и уронила три капли зелья на кровоточащую рану. Пошёл зелёный дымок, и когда он развеялся, Гарри увидел, что кровотечение прекратилось. Рана уже выглядела так, как будто прошло несколько дней, а затем то, что совсем недавно ещё было открытой раной, затянулось новой кожей.

— Ого, — сказал Гарри.

— Это всё, что можно сделать, не выдавая себя, — дрожащим голосом проговорила Гермиона. — Есть заклинания, которые бы его полностью вылечили, но я боюсь их использовать — вдруг ошибусь и сделаю ещё хуже... Он уже и так очень много крови потерял...

— Как он так умудрился? То есть, — Гарри потряс головой, пытаясь прояснить её и понять всё произошедшее, — как мы здесь оказались? Я думал, мы возвращаемся на площадь Гриммолд. Гермиона глубоко вздохнула. Она выглядела так, будто вот-вот расплачется.

— Гарри, я думаю, что мы уже больше не сможем туда вернуться.

— Как так?..

— Когда мы дизаппарировали из Министерства, Яксли вцепился в меня, и я не могла его сбросить, он слишком сильный, и когда мы прибыли на площадь Гриммолд, он всё ещё держался за меня. А там... ну, я думаю, он увидел дверь, подумал, что мы там и остановимся, и ослабил хватку, так что мне удалось стряхнуть его и унести нас сюда!

— Но тогда где он? Подожди-ка... Он что, на площади Гриммолд остался? И он может войти в дом?

Она кивнула, у неё в глазах блеснули слёзы.

— Гарри, я думаю, что может. Я... я отбилась от него заклятием Отвращения, но мы же были уже в пределах действия Чар Доверия. После смерти Дамблдора хранителями секрета стали мы, так что я, выходит, ему его открыла.

Гарри был бы рад возразить, но был уверен, что она права. Это оказалось настоящим ударом. Если у Яксли теперь была возможность попасть в дом, то о том, чтобы вернуться туда, не могло быть и речи. Сейчас он, должно быть, уже аппарировал туда с другими Пожирателями Смерти. Каким бы мрачным и угнетающим ни было здание, оно было их единственным укрытием, а оттого, что Скрипун стал более дружелюбным и весёлым, это место можно было даже считать домом. С огромным сожалением, вовсе не относившимся к еде, Гарри представил себе, как домашний эльф готовит пирог с мясом и почками, который Гарри, Рон и Гермиона никогда не попробуют.

— Гарри, прости меня, мне так жаль!

— Не говори глупостей, ты не виновата! Если уж винить кого-то, то меня...

Гарри сунул руку в карман и вытащил глаз Грюма. Гермиона с ужасом отпрянула.

— Амбридж повесила его на дверь своего кабинета, чтобы подсматривать за подчинёнными. Я не мог оставить его... но именно так они и узнали, что там кто-то побывал.

Гермиона не успела ответить — Рон застонал и открыл глаза. Он всё ещё был бледен, лицо блестело от пота.

— Как ты себя чувствуешь? — прошептала Гермиона.

— Отвратительно, — прохрипел Рон, поморщившись от боли в плече. — Где мы?

— В лесу, где проходил Кубок Мира по квиддичу, — ответила Гермиона. — Я хотела попасть в какое-нибудь защищённое место, и это оказалось...

— ... «первым, которое пришло мне в голову», — закончил за неё Гарри, оглядывая вроде как пустую поляну. Он не мог не вспомнить, что случилось в прошлый раз, когда они аппарировали туда, куда первым пришло в голову Гермионе — Пожиратели Смерти нашли их в считанные минуты. Может, тогда использовали Легилименцию? Может Вольдеморт или его приспешники и сейчас знают, куда она их утащила?

— Как ты считаешь, может, надо двигаться дальше? — спросил его Рон, и Гарри по одному его виду понял, что у того были те же мысли.

— Не знаю...

Рон всё ещё был бледным и вялым. Он даже не пытался сесть, казалось, что для этого он

был слишком слаб. Перспектива тащить его на себе пугала.

— Давайте пока тут останемся, — решил Гарри.

Гермиона с облегчением поднялась на ноги.

— Ты куда? — спросил Рон.

— Если мы остаёмся, нужно навести вокруг защитные чары, — ответила она и, подняв палочку, зашагала по широкому кругу вокруг Гарри и Рона, на ходу бормоча заклинания. Гарри увидел, как в воздухе что-то ожило, будто Гермиона наколдовала над их полянкой жаркий туман.

— Сальвио Хексия... Протега Тоталум... Репелло Магглетум... Муффлиато... Гарри, достань палатку, пожалуйста...

— Палатку?

— Она в сумке!

— В су... ну да, конечно, — сказал Гарри.

На этот раз он не стал тратить время на ощупывание предметов внутри, а сразу применил призывающие чары. Палатка оказалась небрежно упакованным свёртком из брезента, верёвок и подпорок. Гарри узнал её, отчасти по запаху кошек — это была та же самая палатка, в которой они спали в ночь перед Кубком Мира по квиддичу.

— А я думал, она того парня из Министерства, Перкинса, — сказал он, разматывая связку колышков.

— Судя по всему, она ему не так уж и была нужна, у него ведь такой прострел, — сказала Гермиона, выводя палочкой сложную восьмёрку, — так что отец Рона сказал, что я могу одолжить её. Эректо! — добавила она, указав на бесформенный ворох брезента, который одним плавным движением взмыл в воздух, колышки вырвались из рук потрясённого Гарри, и собранная палатка приземлилась перед ним, гудя натянутыми верёвками.

— Каве Инимикум, — Гермиона завершила заклинание направленным вверх завитком. — Это всё, что я могу сделать. По крайней мере, мы узнаем, что они рядом, но никаких гарантий, что это помешает Воль...

— Не называй его вслух! — грубо оборвал её Рон.

Гарри и Гермиона переглянулись.

— Извини, — проговорил Рон и, постанывая, приподнялся, чтобы посмотреть на них, — просто это похоже на проклятие или что-то в этом роде. Давайте называть его «Сам-Знаешь-Кто», ну пожалуйста.

— Дамблдор говорил, что боязнь имени... — начал Гарри.

— На случай, если ты вдруг не заметил, дружище, то, что Дамблдор называл Сам-Знаешь-Кого по имени, ни к чему хорошему не привело, — огрызнулся Рон. — Просто... давайте немного поуважительнее о Сами-Знаете-Ком.

— Поуважительнее? — повторил Гарри, но Гермиона предостерегающе посмотрела на него. Похоже, не следовало спорить с Роном, пока тот не окреп.

Гарри и Гермиона отнесли, если не просто перетащили Рона в палатку. Внутри всё было так же, как Гарри запомнилось с прошлого раза — маленькая квартирка с кухней и ванной комнатой. Он отпихнул в сторону старое кресло и осторожно опустил Рона на нижнюю койку двухэтажной кровати. Даже после такого короткого путешествия Рон побледнел ещё больше, чем уже был, и когда они уложили его на матрас, он закрыл глаза и некоторое время лежал молча.

— Я заварю чай, — запыхавшаяся Гермиона выудила из глубин сумки чайник и кружки и направилась в кухню.

Гарри обрадовался горячему напитку так же, как и огневиски в ночь смерти Грозного Глаза,

чай будто немного унял бьющийся внутри страх. Через пару минут Рон заговорил.

— Как думаете, что стало с Каттермолами?

— Если им хоть малость повезло, они выбрались, — ответила Гермиона, теребя в руках сумочку, чтобы отвлечься. — Если у мистера Каттермола с соображалкой порядок, он наверняка аппарировал вместе с миссис Каттермол, и они вместе с детьми уже покинули страну. По крайней мере, Гарри сказал ей, что им стоит сделать именно так.

— Чёрт побери, я надеюсь, они удрали, — сказал Рон, откидываясь обратно на подушку. Похоже было, что и ему чай пошёл на пользу — румянец понемногу возвращался. — Судя по тому, как со мной разговаривали, когда я был Регом Каттермолем, как-то и не скажешь, что он сообразительный парень. Боже, я надеюсь, им удалось... если они оба окажутся в Азкабане из-за нас...

Гарри глянул на Гермиону — хотел спросить, могла ли миссис Каттермол без палочки аппарировать вместе со своим мужем, но вопрос застрял у него в горле. Гермиона смотрела, как Рон убивается над судьбой семейства Каттермолов, и в её выражении было столько нежности, что Гарри почувствовал себя так, будто застал их целующимися.

— Ну что, он у тебя? — отчасти, чтобы напомнить ей, из-за они тут оказались, спросил он.

— Что? Что у меня? — немного ошарашенно переспросила она.

— А ради чего всё это затевалось? Медальон! Где медальон?

— Ты добыла его? — воскликнул Рон, приподнимаясь на подушке. — И никто мне ничего не сказал! Чёрт, могли бы хоть намекнуть!

— Вообще-то, если помнишь, мы спасались от Пожирателей Смерти, — парировала Гермиона. — Вот он.

Она вытащила из кармана мантии медальон и протянула Рону.

Медальон был размером с куриное яйцо. Его украшала витиеватая буква С, инкрустированная мелкими зелёными камушками, тускло поблёскивавшими в рассеянном свете, пробивавшемся сквозь брезентовую крышу палатки.

— Может, кто-нибудь после Скрипуна всё-таки уничтожил хоркрукс? — с надеждой спросил Рон. — В смысле, он точно всё ещё хоркрукс?

— Думаю, да, — ответила Гермиона, забрав медальон и внимательно его разглядывая. — Если бы его уничтожили колдовством, на медальоне остался бы след.

Она передала его Гарри, он повертел медальон в руках. Вещица выглядела безупречной, нетронутой. Ему вспомнились измятые ошметки дневника и камень, расколовшийся в кольцо, из-за того, что Дамблдор уничтожил хоркрукс.

— Пожалуй, соглашусь со Скрипуном, — сказал Гарри. — Придётся поломать головы, как открыть эту штуковину, прежде чем её можно будет уничтожить.

Он договорил, и его пронзило неожиданное осознание того, что за вещь он держит в руках, того, что жило там, за золотыми створками. Невзирая на все усилия, которые они приложили, чтобы найти его, Гарри захотелось отшвырнуть медальон. Совладав с собой, он попытался раскрыть его пальцами, потом заклятием, которым Гермиона открыла дверь спальни Регулуса. Не сработало. Он протянул медальон Рону с Гермионой, и они тоже изо всех сил попытались, но с тем же успехом.

— Чувствуете его? — сдавленным голосом проговорил Рон, крепко сжимая медальон в кулаке.

— Ты о чём?

Рон отдал хоркрукс Гарри. Пару секунд спустя, Гарри показалось, что он понял, что тот имел в виду. Был ли это его собственный пульс, или внутри медальона действительно что-то билось, наподобие крохотного металлического сердца?

— Что же нам с ним делать? — спросила Гермиона.

— Беречь, пока не придумаем, как его уничтожить, — ответил Гарри и с большой неохотой повесил медальон себе на шею, убрав его под мантию, где тот пристроился на груди рядом с мешочком, подаренным Хагридом.

— Думаю, нужно будет по очереди сторожить снаружи, — сказал он Гермионе, поднимаясь и потягиваясь. — И надо будет ещё подумать о еде. А ты лежи и не двигайся, — прикрикнул он на Рона, который попытался сесть и тут же неприятно позеленел.

Внутри палатки на столе был поставлен вредноскоп, который Гермиона подарила Гарри на день рождения, а оба они провели остаток дня, по очереди охраняя палатку. Но вредноскоп весь день стоял тихо и спокойно, и то ли благодаря защитным и магглоотталкивающим чарам, которые навела Гермиона, то ли потому, что люди редко ходили в этих местах, в их уголке леса так никто и не появился, не считая случайно залетевших птиц и белок. К вечеру ничего не изменилось, в десять Гарри, сменив Гермиону, зажёл огонёк на палочке и смотрел на безлюдный пейзаж, и только летучие мыши порхали высоко в усыпанном звёздами небе, кусочек которого виднелся над их защищённой полянкой.

Он проголодался, и голова слегка кружилась. Гермиона предполагала, что к вечеру они вернутся на площадь Гриммолд, и не запасла в своей волшебной сумочке еды, так что есть было нечего, кроме кучки грибов, которые Гермиона собрала под ближайшими деревьями и сварила в походном котелке. Рон проглотил пару ложек и оттолкнул тарелку с таким видом, будто его сейчас стошнит, а Гарри заставил себя доест, чтобы не обижать Гермиону.

Окружающую тишину нарушил странный шорох и звуки, похожие на треск сучьев. Гарри решил, что шумело скорее животное, а не человек, но всё равно держал палочку наготове. Желудок, и без того болевший из-за жёстких грибов, которыми он всё равно не наелся, неприятно сжался.

Он думал, что будет радоваться и ликовать, если им удастся украсть хоркрукс, но ничего подобного не испытывал, только тревожился о будущем — вот и всё, что он чувствовал, сидя перед палаткой и всматриваясь в темноту, крошечную часть которой освещала его палочка. Как будто он неделями, месяцами, может быть, чуть ли не годами рвался к этому, а теперь резко остановился, сбился с пути.

Где-то были и другие хоркруксы, но у него не было ни одной догадки, куда их могли спрятать. Он даже не знал, что они из себя представляли. Между тем, единственный хоркрукс, который они сумели отыскать, висел у него на груди, прижимаясь к коже, а он не мог додуматься, как его уничтожить. Как ни странно, медальон не нагрелся от тела, а казался таким холодным, будто его только что вытащили из ледяной воды. Время от времени Гарри думал, или ему просто чудилось, будто он чувствует неравномерное биение крошечного сердца рядом со своим. Он сидел там во мраке, и его одолевали дурные предчувствия. Он пытался сопротивляться, гнал эти мысли, но они продолжались бесконечным потоком. Ни один из них не может жить, пока жив другой. Рон и Гермиона, тихо разговаривавшие у него за спиной в палатке, в любой момент могли всё бросить. А он не мог. И ему, пытавшемуся преодолеть страх и усталость, казалось, что хоркрукс на груди отсчитывал время, которое оставалось ему, Гарри... Глупости какие, сказал он себе, хватит об этом думать...

Его шрам снова покалывало. Он испугался, что спровоцировал это своими мыслями, и попытался переключиться на что-нибудь другое. Подумал о бедняге Скрипуне, который ждал, когда вернутся они, а вместо них дождался Яксли. Промолчит ли эльф или выболтает Пожирателям Смерти всё, что знает? Гарри хотелось надеяться, что за последний месяц они со Скрипуном наладили отношения, и тот стал более преданным, но кто знает, что может случиться? Вдруг Пожиратели будут пытаться эльфа? У Гарри в голове замелькали тошнотворные

картины, которые он тоже попытался отогнать — ведь он ничем не мог помочь Скрипуну. Они с Гермией уже решили, что не будут и пытаться вызывать его, вдруг с ним явится кто-то из Министерства. Глупо было рассчитывать, что при аппарировании эльф не ошибётся, как и Гермия, притаившаяся на площадь Гриммолд уцепившегося за её рукав Якли.

Шрам Гарри горел от боли. Он думал о том, сколько они всё-таки не знали. Люпин был прав, говоря о магии, с которой они никогда не сталкивались и даже представить себе не могли. Почему Дамблдор не объяснил ему побольше? Может, думал, что на это ещё будет время, что проживёт ещё годы, может, даже века, как его друг Николя Фламель? В таком случае, он ошибся... Во всём виноват Снейп... Снейп, пригретая змея, это он ударил тогда на верху башни...

И Дамблдор упал... упал...

— Дай его мне, Грегорович.

Голос Гарри был высоким, звучным и холодным, палочку он держал перед собой в руке с длинными белыми пальцами. Человек, на которого он её нацелил, висел в воздухе вверх ногами, хотя верёвок, удерживавших его, не было видно. Он покачивался там, связанный странными невидимыми путами, его конечности были обёрнуты вокруг тела, его багровое от прилившей крови лицо было на одном уровне с лицом Гарри. У него были совершенно седые волосы и густая пышная борода, как у связанного Деда-Мороза.

— Я не имать его, я не имать его больше! Оно много лет назад быть украден у меня!

— Не лги Лорду Вольдеморту, Грегорович. Он знает... Он всегда знает.

У подвешенного человека были огромные, расширенные от ужаса зрачки, и казалось, что они ещё расширяются, становятся больше и больше, пока их чернота не поглотила Гарри целиком...

Теперь Гарри спешил по тёмному коридору в воспоминании храброго маленького Грегоровича, держа в руках зажжённый факел. Грегорович ворвался в комнату в конце коридора, и факел осветил что-то вроде мастерской. В скачущих бликах огня поблёскивали деревянные стружки и золото, а на подоконнике сидел, сгорбившись, как огромная птица, молодой человек с золотистыми волосами. За то мгновение, что свет факела освещал его, Гарри успел заметить радость на красивом лице, затем незваный гость выстрелил в него оглушающим заклятием из своей палочки и с хохотом выпрыгнул прямо в окно.

Гарри полетел обратно прочь из огромных, как туннель, зрачков Грегоровича, и увидел его искажённое ужасом лицо.

— Кто был этот вор, Грегорович? — спросил ледяной голос.

— Я не знать, я никогда не знать, мальчик... нет... пожалуйста... ПОЖАЛУЙСТА!

Он продолжал кричать, затем была зелёная вспышка...

— Гарри!

Задышавшись, он открыл глаза, во лбу пульсировала боль. Он потерял сознание, упал на палатку, сполз по брезенту и лежал на земле. Он посмотрел на Гермияну — её пышные волосы закрывали крошечный кусочек неба, который просматривался сквозь тёмные ветки над ними.

— Мне что-то приснилось, — забормотал он, быстро садясь и со старательно-невинным видом глядя на взбешённую Гермияну. — Извини, наверное, задремал.

— Я знаю, что это опять был твой шрам! У тебя всё по лицу видно! Ты опять читал мысли Во...

— Не называй это имя! — донёсся из глубины палатки сердитый голос Рона.

— Разумеется, — бросила Гермияна, — значит, Сам-Знаешь-Кого!

— Да я не нарочно! — начал оправдываться Гарри. — Это просто был сон! Гермияна, разве можно контролировать то, что снится?



— Вот если бы ты научился пользоваться Окклюменцией...

Но Гарри совсем не хотелось, чтобы его отчитывали, ему не терпелось обсудить то, что он только что увидел.

— Он нашёл Грегоровича, Гермиона, и я думаю, что он его убил, но перед этим он прочитал его мысли, и я увидел...

— Пожалуй, если ты устал и засыпаешь, я сама посижу на часах, — холодно отрезала Гермиона.

— Да я могу посидеть до конца смены!

— Нет уж, ты очевидно ужасно измотан. Иди и ложись.

Она с упрямым видом уселась у палатки. Гарри разозлился, но, желая избежать ссоры, нырнул внутрь.

Всё ещё бледный Рон выплянул с нижней койки. Гарри забрался на постель над ним, улёгся и уставился в брезентовый потолок. Через некоторое время Рон окликнул его так, чтобы Гермиона, сидевшая у порога, не могла его расслышать.

— Что делает Сам-Знаешь-Кто?

Гарри зажмурился, пытаясь вспомнить все детали, и зашептал в темноту.

— Он нашёл Грегоровича. Связал его и пытал.

— Как Грегорович мог сделать ему новую палочку, если он был связан?

— Не знаю... Странно, правда?

Гарри закрыл глаза, обдумывая увиденное и услышанное. Чем больше он вспоминал, тем меньше понимал... Вольдеморт ни слова не сказал о палочке Гарри, ничего о родственных сердцевинах, ничего о том, что Грегорович должен сделать ему новую и более мощную, чтобы победить палочку Гарри...

— Он чего-то хотел от Грегоровича, — сказал Гарри, всё ещё не открывая. — Он потребовал, чтобы тот отдал ему это, но Грегорович сказал, что у него это украли... а потом... потом...

Он вспомнил, как он, будучи Вольдемортом, ворвался через глаза Грегоровича в его воспоминания...

— Он прочёл мысли Грегоровича, и я увидел, что на подоконнике сидел какой-то парень, он кинул заклятием в Грегоровича и выпрыгнул наружу. Он украл это, украл нечто, за чем охотится Сам-Знаешь-Кто. И я... мне кажется, я его где-то видел... — Гарри хотелось ещё хоть раз увидеть лицо смеявшегося юноши. По словам Грегоровича, кража произошла много лет назад. Почему юный вор казался таким знакомым?

Палатка приглушала звуки леса, и Гарри слышал только дыхание Рона. Через некоторое время Рон прошептал:

— А ты не видел, что было в руках у вора?

— Нет... наверное, оно было очень маленьким.

— Гарри?

Рон заворочался в постели, и деревянные рейки закрипели.

— Гарри, ты не думаешь, что Сам-Знаешь-Кто ищет ещё какой-нибудь предмет, чтобы превратить его в хоркрукс?

— Не знаю, — протянул Гарри. — Возможно. Но для него это может быть опасно — пытаться создать ещё один. Гермиона же говорила, что он уже и так довёл свою душу до крайнего предела.

— Ну да, но, может, он не знает об этом?

— Ага... может, — ответил Гарри.

Он был уверен, что Вольдеморт искал способ решить проблему с родственными

сердцевинами, уверен, что Вольдеморт хотел, чтобы старый мастер палочек помог ему... а он убил его, причём, судя по всему, не задав ни единого вопроса про изготовление палочек.

Что же Вольдеморт пытался найти? Почему, имея Министерство Магии и весь колдовской мир у своих ног, он отправился так далеко, упорно выискивая следы предмета, который некогда принадлежал Грегоровичу и который был у того украден незнакомым похитителем?

Гарри всё вспоминал обрамлённое светлыми волосами, весёлое, бесшабашное лицо молодого человека, в радости которого, от того, что шалость удалась, было нечто от Фреда и Джорджа. Парень выпорхнул из окна, как птица, и Гарри уже где-то видел его раньше, но не мог сообразить, где...

Теперь, после смерти Грегоровича, весёлый вор был в опасности, и Гарри только о нём и думал, пока с нижней койки не донёсся храп Рона и его самого опять не сморило.

## Глава пятнадцатая. Месть гоблина

На следующее утро, прежде чем проснулись его друзья, Гарри вылез из палатки, чтобы в окрестном лесу найти самое старое, самое сучковатое и самое живучее на вид дерево, какое только было. Найдя такое, он закопал рядом с ним глаз Грозного Глаза Грюма и отметил место, вырезав в коре с помощью палочки небольшой крест. Это было самое большое, что он мог сделать, но Гарри понимал, что Грозный Глаз скорее предпочёл бы это, чем торчать в двери Долорес Амбридж. После этого он вернулся к палатке, чтобы, дождавшись пробуждения друзей, обсудить с ними дальнейшие планы.

Гарри и Гермиона полагали, что не стоит оставаться слишком надолго на одном месте, и Рон согласился, с единственным условием, что в следующий раз их забросит куда-нибудь поближе к бутерброду с беконом. Поэтому пока Гермиона снимала чары, которые накладывала на место их стоянки, Гарри с Роном убрали с земли следы их пребывания. После этого они дизаппарировали в окрестности небольшого ярмарочного городка.

Как только они разбили палатку среди деревьев маленькой рощицы и в очередной раз оградили её защитными чарами, Гарри осмелился под покровом плаща-невидимки выйти в поисках какого-нибудь пропитания. Однако всё получилось не так, как было запланировано. Стоило ему только войти в город, как неестественный холод, опустившийся туман и внезапно потемневшее небо заставили его замереть на месте. "Но ты же можешь создавать шикарного патронуса!" — в недоумении заявил Рон, когда Гарри вернулся в палатку с пустыми руками, запыхавшийся и твердя лишь одно слово: "дементоры".

— Не смог... создать, — тяжело дыша, сказал он, держась рукой за коловший бок. — Не получилось бы.

Гарри даже сделалось стыдно из-за того оцепенения и разочарования, с какими они смотрели на него. Это было как в ночном кошмаре — видеть, как из дымки wypлывают дементоры и, чувствуя как парализующий холод, заполняет лёгкие и, слыша в ушах отдалённые крики, понимать, что он не в состоянии защищаться. Потребовалась вся сила воли, чтобы оторвать себя от этого места и убежать, оставляя за спиной безглазых дементоров, скользивших среди магглов, которые, хоть и не видели их, но без сомнения чувствовали отчаяние, которое они сеяли повсюду.

— А еды у нас так и нет.

— Заткнись, Рон, — бросила Гермиона. — Гарри, что случилось? С чего ты взял, что не сможешь создать патронуса? Вчера у тебя всё прекрасно получилось!

— Я не знаю.

Он уселся в одно из старых кресел Перкинса, чувствуя себя ещё более униженным. Он боялся, что с ним самим что-то не так. Вчерашний день казался каким-то слишком далёким. Сегодня же он снова почувствовал себя тринадцатилетним, когда он был единственным, кто потерял сознание в Хогвартс-экспрессе.

Рон пнул ножку стула.

— Что? — огрызнулся он на Гермиону. — Я с голода помираю! У меня с тех пор, как я полуживой истекал кровью, во рту кроме пары поганок ничего не было!

— Ну так иди тогда и продирайся сам через дементоров, — ответил Гарри, обиженно.

— Я бы пошёл, но, если ты не заметил, у меня рука перевязана!

— Очень удобно.

— На что это ты?..

— Ну конечно! — Гермиона хлопнула себя по лбу, чем заставила обоих замолчать. —

Гарри, дай мне этот медальон! Ну же, — нетерпеливо сказала она, пощёлкивая перед ним пальцами, поскольку он не отреагировал, — хоркрукс, Гарри, он всё ещё на тебе!

Она протянула руки, и Гарри снял с шеи золотую цепочку. В момент, когда медальон перестал соприкасаться с кожей, Гарри почувствовал свободу и какую-то странную лёгкость. Лишь сняв его, он понял, каким он был липким и как давил на желудок.

— Легче? — спросила Гермиона.

— Да, гораздо легче!

— Гарри, — она наклонилась к нему и говорила таким тоном, каким доктор говорит при посещении тяжелобольного, — тебе не кажется, что он завладел тобой?

— Что? Нет! — возразил Гарри. — Я помню всё, что с нами было в тот период, пока я его носил. Если бы он мной владел, я бы не знал, что со мной происходило, ведь так? Джинни рассказывала, что были моменты, когда она вообще ничего не помнила.

— Хм, — произнесла Гермиона, глядя на тяжёлый медальон. — Возможно, нам не стоит его надевать. Можно просто держать его в палатке.

— Нельзя, чтобы хоркрукс вот так валялся, — твёрдо заявил Гарри. — Если мы его потеряем, если его украдут...

— Ой, ну хорошо, хорошо, — Гермиона повесила хоркрукс себе на шею, и засунула его под футболку. — Тогда будем носить его по очереди, чтобы никто не держал его слишком долго.

— Отлично, — раздражённо сказал Рон, — раз проблему решили, может, всё-таки еды раздобудем?

— Ладно, но для этого придётся отправиться куда-то в другое место, — Гермиона осторожно глянула на Гарри. — Смысла нет здесь оставаться, коли тут повсюду дементоры.

В итоге, они заночевали в отдалённом поле, принадлежавшем уединённой ферме, на которой им удалось раздобыть яиц и хлеба.

— Мы же их не украли? — обеспокоено спросила Гермиона, когда они поглощали омлет с гренками. — Раз я оставила деньги под курятником.

Рон закатил глаза и сказал с набитым ртом: "Ге-ми-о-а, тео ты так онуися? Ассабсья!"

И действительно, теперь, когда они плотно поели, расслабиться было намного легче. Недавний спор о дементорах был радостно забыт этой же ночью, и Гарри, заступая на первое из трёх ночных дежурств, чувствовал себя радостным и даже полным надежд.

Впервые они столкнулись с тем, что полный желудок означает хорошее настроение, а пустой — ссоры и уныние. Гарри не был особо этим удивлён, так как, живя с Дурслями, бывало, что и голодал. Гермиона стойко держалась в те вечера, когда им не удавалось найти ничего, кроме ягод и засохших галет; она лишь была, возможно, чуть более раздражительной, чем обычно и угрюмо молчала. Рон же, стараниям своей матери или домашних эльфов Хогвартса, привыкший к вкусному трёхразовому питанию от голода становился безрассудным и раздражительным. Всякий раз, когда отсутствие еды совпадало с его очередью носить хоркрукс, он становился совершенно невыносимым.

— Ну а теперь куда? — повторял он каждый раз. По всей видимости, у самого у него идей не было совсем, но он ждал, что Гарри с Гермионой составят планы действий, пока он сидит и сокрушается об уменьшающихся запасах провизии. Гарри же с Гермионой безрезультатно проводили уйму времени, пытаясь решить, где можно было бы найти остальные хоркруксы и как уничтожить уже имеющийся, но, не имея новой информации, были вынуждены снова и снова обсуждать одно и то же.

Так как Дамблдор полагал, что Вольдемо́рт спрятал хоркруксы в местах, имевших для него большое значение, то они продолжали нудно перечислять те места, в которых по их сведениям жил или бывал Вольдемо́рт. Приют, где он родился и вырос; Хогвартс, где он учился; "Боргин и

Бёрк", где работал по окончании школы; Албания, где он жил в изгнании: всё это было основой для их предположений.

— Ага, правильно, давайте отправимся в Албанию и обобщем всю страну. До обеда должны управиться, — с сарказмом заявил Рон.

— Там не может быть ничего. Пять хоркруксов он создал ещё до своего изгнания, и Дамблдор был уверен, что змея — шестой хоркрукс, — сказала Гермиона. — Мы знаем, что змея не в Албании, она обычно рядом с Воль...

— Я, кажется, просил не называть его?

— Хорошо! Змея обычно рядом с Сам-Знаешь-Кем. Доволен?

— Не очень.

— Сомневаюсь, что он что-то спрятал у Боргина и Бёрка, — Гарри уже не раз высказывал это мнение, но сказал это, лишь чтобы нарушить повисшую неприятную тишину. — Боргин и Бёрк были специалистами в вопросах тёмной магии, они бы сразу же поняли, что это хоркрукс.

Рон демонстративно зевнул. С трудом сдерживаясь, чтобы не запустить в него чем-нибудь, Гарри настойчиво продолжал:

— Я всё ещё считаю, что что-то он мог спрятать в Хогвартсе.

Гермиона вздохнула.

— Гарри, тогда Дамблдор бы это нашёл!

Гарри вновь повторил довод, который приводил в доказательство своей теории.

— Дамблдор сам мне говорил, что даже он вряд ли знает все секреты Хогвартса. Говорю тебе, если и было место, которое для Воль...

— Ай!

— САМА-ЗНАЕШЬ-КОГО! — прокричал Гарри, выйдя из себя. — Если и было место, которое для Сама-Знаешь-Кого действительно имело значение, так это был Хогвартс!

— Ой, да ладно, — усмехнулся Рон. — Школа?

— Да, школа! Она по-настоящему стала его первым домом, местом, где он осознал себя особенным, она была для него всем, и даже когда он ушёл...

— Мы ведь сейчас о Сам-Знаешь-Ком говорим, правильно? Не о тебе? — поинтересовался Рон. Он сидел, держась за цепочку хоркрукса, висевшего у него на шее; у Гарри было желание схватить за цепочку и задушить его.

— Ты рассказывал, что Сам-Знаешь-Кто, после того, как покинул школу, просил Дамблдора дать ему работу, — сказала Гермиона.

— Именно, — подтвердил Гарри.

— И Дамблдор решил, что он просто хотел вернуться, чтобы найти ещё что-нибудь, возможно предмет, принадлежавший ещё одному основателю школы, чтобы создать очередной хоркрукс.

— Ага.

— Но работу ему не дали, так? — продолжала Гермиона. — Значит, у него просто не было возможности найти такой предмет и спрятать его в школе!

— Хорошо, — сдался Гарри. — Тогда про Хогвартс забыли.

Не придумав ничего другого, они отправились в Лондон и, укрывшись под плащём-невидимкой, начали разыскивать приют, где вырос Волдеморт. Гермиона прокралась в библиотеку и из архивных записей узнала, что приют уже много лет как снесли. На его месте они обнаружили многоэтажное офисное здание.

— Можно, конечно, обследовать фундамент, — без особого энтузиазма предложила Гермиона.

— Он бы не стал прятать здесь хоркрукс, — возразил Гарри. В этом он был уверен. Приют

был местом, из которого Вольдеморт готов был с радостью сбежать; он никогда бы не стал прятать здесь частичку своей души. Дамблдор показал Гарри, что Вольдеморт в своих тайниках искал величие или таинственность, а этот мрачный, серый уголок Лондона и рядом не стоял с Хогвартсом, или Министерством или со зданием Гринготтса — банка волшебников — с его золочёными дверями и мраморным полом.

Не имея ни малейшего представления о том, куда им дальше двигаться, они, тем не менее, продолжали колесить по сельской местности, каждый вечер меняя место ночлега в целях безопасности. Каждое утро они уничтожали все следы своего пребывания, после чего отправлялись в очередное такое же уединённое и укромное место, аппарлируя то в леса, то в тёмные расщелины утёсов, то в лиловые поля вереска, то на склоны холмов, покрытых утёсником, а однажды даже в укромную каменистую бухту. Каждые двенадцать часов или около того они передавали друг другу хоркрукс, будто играли в какую-то ненормальную замедленную игру "Передай пакет", каждый раз боясь, что музыка остановится, потому что наградой были двенадцать часов страха и беспокойства.

Шрам Гарри не переставал колоть. Он стал замечать, что это случалось особенно часто, когда он носил хоркрукс. Иногда боль была просто невыносимой.

— Что? Что ты видел? — спрашивал Рон всякий раз, когда замечал, что Гарри морщится от боли.

— Лицо, — каждый раз бормотал Гарри. — Всё то же лицо. Вора, сбежавшего от Грегоровича.

И Рон каждый раз отворачивался, даже и не пытаясь скрыть своего разочарования. Гарри понимал, что Рон надеялся услышать какие-нибудь новости о его семье или о ком-то из Ордена Феникса, но, в конце концов, Гарри же не был телевизионной антенной; он мог видеть только то, о чём думал Вольдеморт в данный момент, он не мог настраиваться по желанию. Очевидно, Вольдеморт бесконечно думал о неизвестном юноше с радостным лицом, чьё имя и местонахождение — Гарри был в этом уверен — Вольдеморт знал не лучше, чем он сам. Так как шрам не переставал гореть, а радостный белокурый паренёк то и дело всплывал в памяти, Гарри научился не подавать признаков боли или неприятных ощущений, поскольку его друзья становились лишь раздражительными при очередном упоминании о воришке. И он не мог их за это винить, поскольку все они отчаянно нуждались хоть в каких-то зацепках относительно хоркруксов.

Дни перетекали в недели, и Гарри начал подозревать, что Рон и Гермиона обсуждают его в его отсутствие. Несколько раз они резко прекращали разговор, когда Гарри входил в палатку, а дважды он случайно замечал, как они, стоя в сторонке, о чём-то торопливо переговаривались, склонив головы друг к другу; и оба раза они прекращали разговаривать, как только замечали его, и поспешно делали вид, что заняты сбором дров или воды.

Гарри то и дело думал о том, что его друзья согласились участвовать в этом путешествии, которое теперь походило на бессмысленные и беспорядочные скитания, лишь из-за того, что думали, будто у него есть секретный план, в который он введёт их по ходу дела. Рон даже не пытался скрыть своего дурного настроения, и Гарри начал опасаться, что и Гермиона тоже разочаровалась в его слабых лидерских способностях. Он отчаянно размышлял о местонахождении остальных хоркруксов, но единственным местом, которое не выходило у него из головы, был Хогвартс, а поскольку ни один из его друзей не допускал, что подобное возможно, то, в конце концов, он перестал о нём упоминать.

Пока они путешествовали, на окрестности навалилась осень. Теперь палатку приходилось разбивать на ковре из прелых опавших листьев. К дымке, создаваемой дементорами, примешались естественные туманы; теперь ко всем неприятностям добавились ещё и ветер с

дождём. То, что Гермиона стала гораздо лучше разбираться в съедобных грибах, не могло компенсировать их продолжавшуюся изоляцию, нехватку общения или совершенное неведение того, что происходило в войне против Вольдеморта.

— А вот моя мама, — сказал Рон, когда они сидели в палатке на берегу реки в Уэльсе, — может из воздуха сделать отличнейшую еду.

Он угрюмо потыкал в куски обугленной серой рыбы, лежавшей на его тарелке. Гарри машинально взглянул на шею Рона и, как и ожидал, увидел сверкавшую золотую цепочку хоркрукса. Он сдержался, чтобы не высказаться, поскольку знал, что настроение Рона немного улучшится, когда придёт время снять медальон.

— Твоя мама не может делать из воздуха еду, — возразила Гермиона. — Никто этого не может. Еда является первым из пяти принципиальных исключений Закона Гампа об элементарной трансфигура...

— Слушай, говори, по-английски! — сказал Рон, вытаскивая из зубов рыбью косточку.

— Невозможно сотворить еду из ничего! Ты можешь её призвать, если знаешь, где она, ты можешь её видоизменить, ты можешь сделать больше, если у тебя уже сколько-то есть...

— Тогда, не стоит трудиться и делать этого больше, это отвратительно, — сказал Рон.

— Гарри поймал рыбу, а я сделала с ней всё, что могла! Я заметила, что почему-то именно я занимаюсь готовкой; уж не из-за того ли, что я девушка?

— Нет, это из-за того, что ты якобы лучше всех разбираешься в магии! — парировал Рон.

Гермиона вскочила на ноги, и куски жареной щуки упали с её жестяной тарелки на пол.

— В таком случае, Рон, завтра сам можешь готовить, сам найди ингредиенты и попытайся превратить их во что-нибудь более съедобное, а я буду сидеть, воротить нос и стонать, и тогда посмотрим, как ты...

— Замолчи! — Гарри вскочил с места и поднял обе руки. — Замолчи, говорю!

Гермиона с негодованием посмотрела на него.

— Как ты можешь его защищать, он и готовить-то не умеет...

— Гермиона, тише, я что-то слышал!

Он вслушивался изо всех сил, подняв руки, тем самым призывая друзей молчать. Затем, сквозь шум реки, протекавшей рядом, он снова услышал голоса. Он оглянулся на вредноскоп. Тот не двигался.

— Ты ведь наложила на нас чары Муффлиато? — прошептал он Гермионе.

— Я всё наложила, — прошептала она в ответ, — и Муффлиато, и магглоотталкивающие, и прозрачаровывающие чары, все. Кто бы они ни были, они не могут ни видеть нас, ни слышать.

По тяжёлому шарканью и шелесту, а так же по звуку разлетающихся в разные стороны камней и веток, они поняли, что по крутому лесному склону, сбегавшему к узкому берегу реки, где они разбили палатку, спускались несколько человек. Они подняли палочки в ожидании. Чар, которые они наложили вокруг себя, должно было вполне хватить, чтобы практически в полной темноте оставаться незамеченными магглами и обычными волшебницами и волшебниками. Если же это были пожиратели смерти, то возможно впервые предстояло проверить эффективность их защиты против тёмной магии.

Голоса стали более громкими, но не особо различимыми, даже когда несколько человек спустились к берегу. Судя по голосам, их обладатели находились не более чем в двадцати футах, но из-за шума реки говорить об этом наверняка было нельзя. Гермиона открыла свою украшенную бисером сумочку и начала в ней рыться; через мгновение она достала три ухолоудлинителя и вручила по одному Гарри и Рону, которые тут же одни концы шнуров телесного цвета вставили себе в уши, а другие высунули из палатки.

Через пару секунд Гарри услышал уставший мужской голос.

— Здесь должен водиться лосось, или, думаешь, ещё не сезон? Акцио лосось!

Послышались несколько отчётливых всплесков и шлепки рыбы о плоть. Кто-то буркнул слова благодарности. Гарри воткнул ухолоудлиннитель глубже в ухо; сквозь журчание реки он слышал другие голоса, но они говорили не на английском или каком-либо другом из известных Гарри человеческих языков. Язык был грубым и немелодичным, каким-то сочетанием дребезжащих, гортанных звуков. Говоривших было двое; голос одного был чуть ниже, медленнее, чем у другого.

Снаружи заплясали огни, между костром и палаткой зашевелились крупные тени. Потянуло восхитительным, дразнящим запахом печёного лосося. Затем зазвякали столовые приборы о тарелки, и вновь заговорил первый мужчина:

— Грипхук, Горнук, присоединяйтесь.

"Гоблины!" — беззвучно произнесла Гермiona, и Гарри кивнул в подтверждение.

— Спасибо, — сказали оба гоблина по-английски.

— Так значит вы трое в бегах, и давно? — спросил новый мягкий и приятный голос; голос был знакомым, и Гарри сразу представил себе эдакого толстяка с весёлым лицом.

— Шесть недель... может семь... уже не помню, — сказал уставший голос. — В первые пару дней повстречал Грипхука, а потом вскоре и Горнук к нам присоединился. Хорошо, когда есть кто-то рядом. — Некоторое время они молчали, лишь скребли ножами по тарелкам да поднимали и снова опускали на землю жестяные кружки. — А ты, Тэд, чего сбежал? — продолжил мужчина.

— Я знал, что они ко мне придут, — ответил обладатель мягкого голоса, и Гарри вдруг понял, кто это был: отец Тонкс. — Услышал, что на прошлой неделе пожиратели смерти были неподалёку от нас, и решил, что пора уносить ноги. Видишь ли, я из принципа отказался регистрироваться, как магглорождённый, поэтому это было лишь вопросом времени, я знал, что рано или поздно придётся бежать. Моя жена чистокровная, так что с ней всё будет в порядке. Потом встретил Дина, дней несколько назад, так ведь, сынок?

— Ага, — ответил ещё один голос; Гарри, Рон и Гермiona молча, но радостно взглянули друг на друга: они узнали голос Дина Томаса, их однокурсника из Гриффиндора.

— Магглорождённый, небось? — спросил первый.

— Не уверен, — ответил Дин. — Отец бросил нас с мамой, когда я был ещё совсем ребёнком. Так что, у меня нет доказательств, что он волшебник.

Некоторое время не было слышно ничего, кроме чавканья. Затем снова заговорил Тэд.

— Должен сказать, Дирк, не ожидал тебя встретить. Приятно, конечно, но не ожидал. Ходили слухи, что тебя поймали.

— Было дело, — сказал Дирк. — Сбежал на полпути к Азкабану. Оглушил Долиша и стащил у него метлу. Это было не так сложно, как ты думаешь; похоже он в тот момент был малость не в себе. Может даже был сбит с толку. Если так, то хотел бы я пожать руку той волшебнице или волшебнику, которые это сделали; этим они, возможно, спасли мне жизнь.

Снова повисла тишина: был слышен лишь треск костра и шум реки. Затем Тэд сказал:

— А вы двое, на чьей стороне? Вообще, я полагал, что гоблины были за Сами-Знаете-Кого.

— Ты неправильно полагал, — возразил гoblin с более высоким голосом. — Мы не принимаем ни чью сторону. Это война волшебников.

— Чего же вам тогда скрывать?

— Я посчитал, что так будет благоразумнее, — ответил гoblin с более глубоким голосом. — Отказавшись выполнять требование, которое я счёл наглым, я понял, что теперь моя личная безопасность находится под угрозой.

— И что же тебя попросили сделать? — спросит Тэд.



— Нечто несоответствующее величину моей расы, — ответил гоблин; при этом его голос стал более грубым и менее похожим на человеческий. — Я не домашний эльф.

— А ты, Грипхук?

— По схожим причинам, — сказал гоблин с высоким голосом. — Гринготтс больше не находится под единоличным контролем моей расы. Я не признаю своими хозяевами волшебников.

Он что-то сказал чуть слышно на гоббледкуге, и Горнук рассмеялся.

— Что за шутка? — спросил Дин.

— Он сказал, — ответил Дирк, — что волшебники тоже много чего не признают.

Последовала короткая пауза.

— Не понял, — сказал Дин.

— Перед тем, как сбежать, я им малость отомстил, — сказал Грипхун по-английски.

— Вы гоблины ребята не промах, должен заметить, — торопливо вставил Тэд. — Не мог же ты запереть пожирателя смерти в одном из древних, самых охраняемых хранилищ?

— Если бы я его запер, то меч не помог бы ему оттуда выбраться, — ответил Грипхук. Горнук снова засмеялся, и даже Дирк сдержанно хихикнул.

— Похоже, мы с Дином что-то упустили, — сказал Тэд.

— Так же как и Северус Снейп, хотя он об этом не знает, — ответил Грипхук, и оба гоблина злобно захохотали. Гарри чуть дышал от волнения; он и Гермиона смотрели друг на друга, вслушиваясь в каждое слово.

— Ты что, не слышал об этом, Тэд? — спросил Дирк. — О детишках, которые пытались выкрасть меч Гриффиндора из кабинета Снейпа в Хогвартсе?

Гарри не мог сдвинуться с места. Его словно ударило током; дрожал каждый нерв.

— Впервые слышу, — удивился Тэд. — В «Пророке» ведь об этом не писали?

— Сомневаюсь, — хохотнул Дирк. — Грипхук сказал, что услышал об этом от Билла Уизли, который работает в банке. Одной из тех ребят, пытавшихся стащить меч, была младшая сестра Билла.

Гарри глянул на Гермиону и Рона: оба держались за удоудлиннители так, будто от этого зависела их жизнь.

— Она и пара её друзей проникли в кабинет Снейпа и разбили стеклянный футляр, в котором он, по всей видимости, хранил меч. Снейп схватил их на лестнице, когда они тащили меч.

— О, господи помилуй, — сказал Тэд. — Они что, думали, что смогут использовать этот меч против Сами-Знаете-Кого? Или против Снейпа?

— Ну, что бы они там не собирались с ним делать, но Снейп решил, что на прежнем месте меч хранить небезопасно, — сказал Дирк. — Через несколько дней, после того, как он, я думаю, получил «добро» от Сами-Знаете-Кого, он отправил меч в Лондон, чтобы спрятать его в Гринготтсе.

Гоблины снова захохотали.

— Я всё ещё не понял, в чём шутка, — сказал Тэд.

— Это подделка, — проскрипел Грипхук.

— Меч Гриффиндора!

— О да. Это копия, великолепно выполненная, надо признаться, но всё же она была сделана руками волшебника. Оригинальный же меч был выкован несколько столетий назад гоблинами и обладал качествами, свойственными только оружию гоблинской работы. Где бы ни находился сейчас меч Гриффиндора, но он точно не в хранилище Гринготтса.

— Понятно, — сказал Тэд. И насколько я понимаю, ты не потрудился рассказать об этом пожирателям смерти.

— Я не счёл необходимым беспокоить их этим, — самодовольно ответил Грипхук, и теперь уже Тэд с Дином засмеялись вместе с Горнуком и Дирком.

Внутри палатки Гарри закрыл глаза, моля, чтобы кто-нибудь задал вопрос, ответ на который он так хотел услышать, и, наконец, через минуту, которая показалась целымидесятью, Дин пришёл на выручку; Дин (воспоминание об этом не доставило Гарри удовольствия) тоже был бывшим парнем Джинни.

— А что случилось с Джинни и с остальными? Теми, кто пытался украсть меч.

— О, их наказали и весьма сурово, — безразлично ответил Грипхук.

— С ними хоть всё в порядке? — тут же спросил Тэд. — А то, хватит уже с Уизли пострадавших детей.

— Насколько я знаю, они не сильно пострадали, — ответил Грипхук.

— Повезло, — сказал Тэд. — Учитывая послужной список Снейпа, я полагаю, надо радоваться, что они вообще остались живы.

— Тэд, ты что, веришь в эту историю? — спросил Дирк. — Веришь в то, что Снейп убил Дамблдора?

— Конечно, верю, — ответил Тэд. — Только не говори, что считаешь, что это дело рук Поттера.

— Уже и не знаю, чему сейчас верить, — пробормотал Дирк.

— Я знаю Гарри Поттера, — сказал Дин. — И я считаю, что он именно тот: Избранный или называйте это как хотите.

— Знаешь, сынок, многие бы хотели в это верить, — сказал Дирк, — и я в их числе. Но где он сейчас? Судя по всему, сбежал. Сам посуди, если бы он знал что-то, чего не знаем мы, если бы обладал особенными способностями, он бы сейчас сражался, сколачивал вокруг себя сопротивление, а не прятался. И знаешь, у «Пророка» есть на него кое-какой материал.

— Пророк? — усмехнулся Тэд. — Дирк, если ты до сих пор читаешь эту мерзость, то ты заслуживаешь того, чтобы тебе ввали. Если тебе нужны факты, то лучше почитай "Придиру".

Раздался внезапный приступ удушливого кашля и рвоты, после чего последовали частые похлопывания; судя по звукам, Дирк подавился рыбной костью. Наконец, он выдавил из себя:

— "Придиру?" Эту идиотскую газетёнку Ксено Лавгуда?

— Теперь она уже не такая идиотская, — возразил Тэд. — Тебе не мешало бы на неё взглянуть. Ксено печатает всё то, о чём не пишет «Пророк», а в последнем номере даже не было ни одного упоминания о мяторогих хрюках. Даже и не знаю, как долго всё это будет сходить ему с рук. Но в каждом номере на первой полосе Ксено призывает всех, кто против Сами-Знаете-Кого в первую очередь помогать Гарри Поттеру.

— Сложно помогать мальчику, который исчез с лица земли, — сказал Дирк.

— Слушай, то, что его ещё не схватили, это уже огромное достижение, — возразил Тэд. — Хотел бы я знать, как это ему удаётся. Мы ведь именно этим и занимаемся — пытаемся остаться на свободе.

— Да, пожалуй, дело говоришь, — уныло произнёс Дирк. — Учитывая всяких доносчиков и то, что его ищет всё Министерство, я думал, что его уже поймают. А вообще, кто сказал, что они его не поймали и не убили втихаря?

— Ой, не говори так, Дирк, — пробормотал Тэд.

Возникла долгая пауза; слышался лишь звон ножей и вилок. Затем они начали обсуждать, стоит ли им переночевать на берегу, или всё же лучше вернуться в леса. Решив, что деревья будут более подходящим укрытием, они затушили костёр, начали взбираться по склону, и вскоре

их голоса совсем пропали вдалеке.

Гарри, Рон и Гермиона смотали назад ухолодлинители. Гарри, которому, чем долше они подслушивали, тем всё труднее было сдерживать себя, чтобы остаться незамеченными, не мог произнести ничего кроме: "Джинни... меч..."

— Знаю! — сказала Гермиона.

Она взяла свою крошечную расшитую бисером сумочку и запустила в неё руку прямо до подмышки.

— А... ну... ка, — выдавила она сжав зубы, вытягивая что-то, что по всей видимости находилось в самых глубинах сумки. Медленно появился уголок вычурной картинной рамы. Гарри поспешил ей на помощь. Пока они вытаскивали из сумки пустой портрет Финеаса Найджеллуса, Гермиона не выпускала из руки палочку, готовая в любой момент наложить заклинание.

— Если кто-то подменил настоящий меч подделкой, когда он находился в кабинете Дамблдора, — тяжело дыша, произнесла она, пока они прислоняли картину к стене палатки, — то Финеас Найджеллус мог видеть, как это было; он висит прямо напротив футляра с мечом!

— Если только он не спал, — возразил Гарри, но, всё же затаив дыхание, следил, как Гермиона уселась на колени перед пустым холстом, направив палочку точно в центр, откашлялась и сказала:

— Э... Финеас? Финеас Найджеллус?

Ничего не произошло.

— Финеас Найджеллус? — снова позвала Гермиона. — Профессор Блэк? Не могли бы вы с нами поговорить? Пожалуйста.

— "Пожалуйста" всегда помогает, — произнёс холодный, ехидный голос, и в портрет вошёл Финеас Найджеллус. Гермиона тут же прокричала:

— Обскуро!

Тут же на умных, тёмных глазах Финеаса Найджеллуса появилась чёрная повязка, из-за чего он врезался в раму и вскрикнул от боли.

— Что... да как вы... что вы?..

— Мне очень жаль профессор Блэк, — сказала Гермиона, — но это вынужденная предосторожность!

— Немедленно уберите с меня эту мерзость! Уберите, я вам сказал! Вы портите великое произведение искусства! Где я? Что происходит?

— Неважно где мы, — сказал Гарри, и Финеас Найджеллус замер, прекратив попытки снять с глаз нарисованную повязку.

— Неужели это голос неуловимого мистера Поттера?

— Возможно, — ответил Гарри, понимая, что это подогреет интерес Финеаса Найджеллуса. — Мы хотели бы задать вам несколько вопросов... о мече Гриффиндора.

— А, — произнёс Финеас Найджеллус, поворачивая голову и так и эдак, чтобы взглянуть на Гарри, — да. Та глупая девчонка поступила крайне неблагоразумно.

— Не смейте так говорить о моей сестре, — грубо высказался Рон. Финеас Найджеллус презрительно поднял брови.

— Кто тут ещё? — спросил он, крутя головой из стороны в сторону. — Мне не нравится ваш тон! Эта девчонка и её друзья были крайне безрассудны. Воровать у директора!

— Они не воровали, — возразил Гарри. — Меч не принадлежит Снейпу.

— Он принадлежит школе профессора Снейпа, — ответил Финеас Найджеллус. — А какие, интересно, права на него имела это девчонка Уизли? Она заслужила своё наказание, так же как и идиот Лонгботтом и это чучело Лавгуд!

— Невилл не идиот, а Луна не чучело! — сказала Гермиона.

— Где я? — повторил Финеас Найджеллус, снова пытаюсь справиться с повязкой на глазах. — Куда вы меня принесли? Вы что, утащили меня из дома моих предков?

— Не важно! Как Снейп наказал Джинни, Невилла и Луну? — нетерпеливо спросил Гарри.

— Профессор Снейп отправил их в Запретный лес выполнять работу для этого болвана Хагрида.

— Хагрид не болван! — воскликнула Гермиона.

— Может Снейп и думал, что это будет наказанием, — сказал Гарри, — но Джинни, Невилл и Луна наверняка вдоволь посмеялись с Хагридом. Запретный лес... нашёл, чем напугать. Они сталкивались с вещами гораздо более страшными, чем Запретный лес!

Он почувствовал облегчение; он-то представлял себе всякие ужасы, как минимум — заклятие Круциатус.

— Профессор Блэк, вообще-то мы хотели узнать, кто-нибудь ещё, ммм, брал меч? Может его брали, чтобы почистить или ещё там чего?

Финеас Найджеллус вновь перестал бороться с повязкой и сдавленно хихикнул.

— Магглорождённые, — сказал он. — Гоблинское оружие не нуждается в чистке, невежда. Гоблинское серебро отталкивает обычную грязь и впитывает только то, что способно его усилить.

— Не называйте Гермиону невеждой, — сказал Гарри.

— Меня уже утомили эти постоянные разногласия, — сказал Финеас Найджеллус. — Может мне пора вернуться в кабинет директора?

Всё ещё в повязке он начал ощупывать раму, пытаюсь на ощупь выйти из этой картины и вернуться в ту, что была в Хогвартсе. Внезапно Гарри осенило.

— Дамблдор! Вы можете привести сюда Дамблдора?

— Прошу прощения? — спросил Финеас Найджеллус.

— Портрет профессора Дамблдора... вы можете привести его сюда, в ваш портрет?

Финеас Найджеллус повернулся на голос Гарри.

— По всей видимости не только магглорождённые столь безграмотны, Поттер. Портреты Хогвартса могут общаться друг с другом, но они не могут перемещаться за пределы замка, если только они не посещают свои собственные портреты где-то в другом месте. Дамблдор не может прийти сюда со мной, а после того как вы обошлись со мной, смею вас заверить, что я и сам сюда больше не вернусь!

Гарри был несколько удручён; он наблюдал, как Финеас Найджеллус с удвоенной силой пытался покинуть свою раму.

— Профессор Блэк, — сказала Гермиона, — не могли бы вы нам только сказать, пожалуйста, когда в последний раз меч вынимали из его футляра? Я имею в виду до того, как его взяла Джинни.

Финеас раздражённо фыркнул.

— Полагаю, что последний раз я видел, как меч Гриффиндора покидал свой футляр, когда профессор Дамблдор вскрывал им кольцо.

Гермиона резко обернулась и посмотрела на Гарри. Никто из них не смел больше сказать ни слова в присутствии Финеаса Найджеллуса, который наконец-то нашёл выход.

— Что ж, спокойной вам ночи, — сказал он немного язвительно, и начал снова выбирать с картины. Когда в поле зрения оставался лишь краешек его шляпы, Гарри внезапно крикнул:

— Пойдите! Вы рассказывали Снейпу о том, что видели это?

Финеас Найджеллус всунул в картину свою голову с повязкой на глазах.

— У профессора Снейпа есть дела и поважнее, нежели многочисленные эксцентричные

выходки Альбуса Дамблдора. Всего доброго, Поттер!

И с этими словами он окончательно исчез, оставив после себя лишь мрачный холст.

— Гарри! — прокричала Гермиона.

— Знаю! — крикнул её в ответ Гарри. Не в силах сдерживаться, он рассёк кулаком воздух: на такое он даже не смел надеяться. Он вышагивал по палатке взад и вперёд, ощущая, что уже, наверное, прошёл так целую милю; ему даже уже не хотелось есть. Гермиона заталкивала портрет Финеаса Найджеллуса назад в свою украшенную бисером сумочку; защёлкнув застёжку, она отложила сумочку в сторону и подняла на Гарри сияющие глаза.

— Меч может уничтожить хоркруксы! Клинки, сделанные гоблинами впитывают только то, что способно их усилить. Гарри, этот меч пропитан ядом василиска!

— А Дамблдор не дал мне его, потому что он был ему ещё нужен, он хотел применить его на медальоне...

— ... и он, наверное, понял, что если он укажет его в своём завещании, то тебе его всё равно не отдадут...

— ... и поэтому он сделал копию...

— ... и положил подделку в стеклянный футляр...

— ... а настоящий оставил... где?

Они смотрели друг на друга. Гарри чувствовал, что ответ незримо висит где-то в воздухе, так близко. Почему Дамблдор не сказал ему? Или может, он ему как раз сказал, но в тот момент Гарри этого не понял?

— Думай! — прошептала Гермиона. — Думай! Где он мог его оставить?

— Не в Хогвартсе, — Гарри вновь зашагал по палатке.

— Где-то в Хогсмиде? — предположила Гермиона.

— Визжащая хижина? — сказал Гарри. — Туда никто никогда не заходит.

— Но Снейп знает, как туда пробраться, это рискованно.

— Дамблдор доверял Снейпу, — напомнил ей Гарри.

— Не настолько, чтобы сказать ему, что он подменил меч, — возразила Гермиона.

— Да, ты права! — Гарри даже порадовался той мысли, что у Дамблдора оставались кое-какие сомнения, пусть даже слабые, в надёжности Снейпа. — Получается, что он припрятал меч где-то подальше от Хогсмида? А ты что скажешь, Рон? Рон?

Гарри оглянулся. На какое-то мгновение ему даже показалось, что Рона нет в палатке, но затем он заметил, что тот неподвижно лежит на нижней койке.

— О, неужели вы обо мне вспомнили? — спросил он.

— Что?

Рон фыркнул, уставившись на дно верхней койки.

— Вы, двое, не отвлекайтесь. А то, вдруг я вам всё веселье испорчу.

Гарри озадаченно взглянул на Гермиону, но та покачала головой, точно в таком же замешательстве.

— В чём проблема? — спросил Гарри.

— Проблема? Нет никакой проблемы, — сказал Рон, все еще отказываясь смотреть на Гарри. — Для тебя уж точно.

По полотну палатки над их головами забарабанили капли. Начался дождь.

— Ну, тебя точно какая-то проблема мучает, — сказал Гарри. — Может, поделишься?

Рон сел, свесив ноги с кровати. Выглядел он гадко, даже на себя не был похож.

— Хорошо, поделюсь. Не жди от меня, что я буду скакать по палатке из-за того, что, оказывается, есть ещё одна чёртова вещица, которую нам надо найти. Просто впиши её в список всего того хлама, о котором ты представления не имеешь.

— Я представления не имею? — повторил Гарри. — Я представления не имею?

Кап, кап, кап: дождь усиливался. Он барабанил по усыпанному листвой берегу реки и по реке, журчавшей в темноте. Радость Гарри затмилась внезапным ужасом. Рон говорил именно то, о чём Гарри подозревал и чего боялся услышать от него.

— И дело даже не в том, что мне не нравится так жить, — сказал Рон, — ну, ты сам понимаешь: рука изувечена, еды нет, каждую ночь приходится зад морозить. Знаешь, я просто надеялся, что после нескольких недель бесцельных скитаний мы хоть чего-то добьёмся.

— Рон, — Гермиона сказала так тихо, что Рон мог сделать вид, что не услышал её из-за дождя, громко барабанившего по палатке.

— Я думал ты знал, на что соглашался, — сказал Гарри.

— Да, я тоже так думал.

— Тогда что из этого не оправдало твои ожидания? — спросил Гарри. Теперь злость встала на его защиту. — Или ты, может, думал, что мы будем жить в пятизвёздочных отелях? Или каждый день находить по хоркруксу? Или ты думал на рождество вернуться к мамочке?

— Мы думали, что ты знаешь, что делаешь! — прокричал Рон, вставая с кровати, и эти его слова вонзались в Гарри как раскалённые ножи. — Мы думали, что Дамблдор сказал тебе, что делать, мы думали, что у тебя есть какой-то план!

— Рон! — сказала Гермиона, на сей раз отчётливо слышно сквозь шум дождя, барабанившего по крыше палатки, но Рон снова не обратил на неё внимания.

— Что ж, извините, что разочаровал вас, — сказал Гарри достаточно спокойно, хотя внутри он чувствовал какую-то пустоту и был просто вне себя. — С самого начала я был честен с вами, я рассказал вам всё, что рассказал мне Дамблдор. А если ты не заметил, то один хоркрукс мы нашли.

— Да, а о том, как от него избавиться, мы знаем столько же, сколько и о том, где искать остальные... другими словами — ни черта не знаем!

— Рон, сними медальон, — сказала Гермиона неожиданно высоким голосом. — Сними, пожалуйста. Ты бы так не говорил, если бы не носил его весь день.

— Да нет, говорил бы, — Гарри не хотел, чтобы кто-то оправдывал Рона. — Вы что, думаете, я не видел, как вы двое шептались у меня за спиной? Вы думаете, что я обо всём этом не догадывался?

— Гарри, мы не...

— Не ври! — крикнул ей Рон. — Ты сама говорила, ты говорила, что ты разочарована, говорила, что думала, что он знает что-то ещё, а не...

— Я так не говорила... Гарри, я не говорила! — прокричала она.

Дождь барабанил по палатке, слёзы текли по лицу Гермионы, а радость, охватившая его несколько минут назад, исчезла, будто её никогда и не было, как недолгий фейерверк, который вспыхнул и погас, оставив темноту, сырость и холод. Меч Гриффиндора был спрятан неизвестно где, а они были всего лишь тремя подростками в палатке, чьим главным достижением было лишь то, что они до сих пор не погибли.

— Почему же ты до сих пор здесь? — спросил Гарри Рона.

— Сам удивляюсь.

— Ну, так и отправляйся домой, — сказал Гарри.

— Да, пожалуй, так и сделаю! — прокричал Рон и сделал несколько шагов в сторону Гарри, но тот не отступил. — Ты слышал, что говорили о моей сестре? Но тебе же на это глубоко чихать, это же всего лишь Запретный лес, Гарри «Я-И-Не-Такое-Видел» Поттера не волнует, что с ней там будет, а вот меня волнует, ясно, гигантские пауки и всякая эта сумасшедшая дрянь...

— Я всего лишь говорил, что она была с остальными, с ними был Хагрид...

— ... да, понятно, тебе плевать! А как же остальные? "Хватит уже с Уизли пострадавших детей", ты это слышал?

— Да, я...

— Не думал, чтобы это могло значить?

— Рон! — сказала Гермиона, вставая между ними. — Я не думаю, что это означает, что случилось ещё что-то, о чём мы не знаем. Сам подумай, Рон, Билл уже весь в шрамах, многие, наверное, видят, что Джордж лишился уха, ты и сам-то сейчас якобы загибаешься от брызгильности. Уверена, именно это и имелось в виду...

— Ах ты уверена? Тогда ладно, тогда я не буду о них волноваться. Тебе вообще хорошо, твои родители где-то далеко в безопасности...

— Мои родители мертвы! — прокричал Гарри.

— И мои там могут оказаться! — завопил Рон.

— Ну так ИДИ! — проорал Гарри. — Возвращайся к ним, сделай вид, что у тебя прошла твоя брызгильность, и тогда мамуля и накормит тебя и...

Рон неожиданно дёрнулся; Гарри мгновенно отреагировал, но прежде чем их палочки покинули их карманы, Гермиона подняла собственную палочку.

— Протего! — прокричала она, и между ними выросла невидимая преграда, отделявшая её с Гарри от Рона. Силой заклинания всех отодвинуло на несколько шагов назад, и теперь Гарри и Рон смотрели друг на друга по разные стороны невидимого барьера так, будто видели друг друга впервые в жизни. Гарри ощущал к Рону едкую ненависть; что-то сломалось между ними.

— Оставь хоркрукс, — сказал Гарри.

Рон скинул цепочку со своей шеи и бросил медальон на ближайший стул. Он повернулся к Гермионе.

— А ты чего?

— В смысле?

— Ты остаёшься или как?

— Я... — она выглядела совершенно измученной. — Да... да, я остаюсь. Рон, мы обещали пойти с Гарри, мы обещали помочь...

— Понятно. Ты выбрала его.

— Рон, нет... пожалуйста... вернись, вернись!

Её держали её собственные отражающие чары. Пока она их убирала, Рон уже вышел из палатки и исчез в ночи. Гарри стоял неподвижно и тихо, слушая, как она рыдает и зовёт Рона.

Через несколько минут она вернулась; её намокшие волосы прилипли к лицу.

— Он у-у-ушёл! Дизаппарировал! — она села на стул, свернулась и заплакала.

Гарри стоял в оцепенении. Он наклонился, поднял хоркрукс, и повесил его себе на шею. Он снял одеяла с койки Рона и укрыл ими Гермиону. После этого он забрался на собственную кровать и уставился на тёмное полотно крыши, слушая, как барабанит дождь.

## Глава шестнадцатая. Годрикова лощина

Проснувшись на следующий день, Гарри не сразу вспомнил, что произошло. Он наивно понадеялся, что ему все приснилось, что Рон все еще здесь и никогда не уходил. Но, повернув голову на подушке, он увидел пустую постель. На Гарри ее вид подействовал, как вид мертвого тела. Он тут же выпрыгнул из кровати, отводя взгляд от кровати Рона. Гермиона, уже хлопотавшая на кухне, не пожелала Гарри доброго утра и быстро отвернулась, когда он прошел мимо.

«Он ушел,» — сказал Гарри сам себе. — «Он ушел». Эта мысль не оставляла его, пока он умывался и одевался, как будто повторением можно было притупить боль. Он ушел и не вернется. Гарри прекрасно понимал эту простую истину, потому что их защитные заклинания не позволяли Рону найти их вновь, когда они уйдут в другое место.

Они с Гермионой завтракали в тишине. Глаза Гермионы опухли и покраснели, как будто она не спала. Они упаковали вещи, Гермиона тянула время. Гарри знал, почему она хотела подольше остаться на берегу реки. Он уже несколько раз замечал, как она с надеждой скидывала голову, видимо, убеждая себя, что расслышала шаги сквозь шум дождя, но рыжеволосая фигура не появлялась между деревьями. При этом сам Гарри каждый раз поднимал взгляд (потому что тоже немного надеялся, не смотря ни на что) но не видел ничего, кроме смытых дождем деревьев, и тогда у него внутри взрывалась очередная крупица ярости. Он слышал голос Рона: «Мы думали, ты знаешь, что делаешь!» — к горлу подступал ком и он продолжал упаковывать вещи.

Мутная река стремительно поднималась и грозила затопить их берег. Они задержались на целый час, по сравнению со временем их обычного отправления. Наконец, переупаковав украшенную бисером сумку трижды, Гермиона не смогла больше найти причин для задержки: они с Гарри дезаппарировали и появились вновь на открытом всем ветрам и покрытом вереском склоне холма.

В момент прибытия Гермиона отпустила руку Гарри, пошла прочь от него и уселась на большой камень, опустив лицо на колени и вздрагивая от рыданий. Он смотрел на нее, думая, что нужно бы подойти и утешить ее, но что-то удерживало его на месте. Внутри него все сжалось, он чувствовал холод: он снова видел презрительное выражение на лице Рона. Гарри зашагал через вереск, отмеряя вокруг Гермионы большие круги и накладывая заклинание, которое обычно использовал для укрепления защиты.

В следующие дни они не говорили о Роне ни разу. Гарри твердо решил больше никогда не упоминать его имя, а Гермиона, казалось, понимала, что смысла переживать нет. Однако по ночам, когда она думала, что Гарри спит, тот слышал ее плач. Между тем, Гарри начал исследовать карту Мародеров при свете палочки. Он ждал, когда точка с именем Рона появится в коридорах Хогвартса. Но Рон все не появлялся, и через какое-то время Гарри поймал себя на том, что просто смотрит на имя Джинни в спальне девочек. Он размышлял, сможет ли та страсть, с которой он смотрит на нее, как-нибудь проникнуть в ее сон, чтобы она знала: он думает о ней и надеется, что у нее все хорошо.

Днем они посвящали время тому, чтобы определить возможное местоположение меча Гриффиндора, но чем больше они обсуждали, где Дамблдор мог его спрятать, тем более отчаянными и надуманными становились их предположения. Гарри ломал голову, но никак не мог вспомнить, чтобы Дамблдор упоминал место, где он мог бы спрятать хоть что-то. Иногда он не знал, на кого злиться больше: на Рона или на Дамблдора. «Мы думали, ты знаешь, что делаешь... Мы думали, Дамблдор сказал тебе, что делать... Мы думали, у тебя есть план!»



Он был честен перед собой: Рон был прав. Дамблдор фактически отставил его ни с чем. Они нашли один хоркрукс, но не смогли уничтожить его; а остальные были также недостижимы, как и прежде. Он готов был потерять всякую надежду. Теперь он сомневался, не слишком ли велико было его самомнение, когда он принял предложение друзей сопровождать его в этом бесцельном и бессмысленном путешествии. Он ничего не знал, у него не было даже никаких догадок, и он постоянно с болью искал признаки того, что Гермиона тоже собирается сказать ему, что с нее хватит. Что она уходит.

Они проводили многие вечера практически молча, а Гермиона часто доставала портрет Финеаса Найджеллуса и ставила его на стул, как будто он мог заполнить ту пустоту, которая осталась после Рона. Несмотря на свой отказ являться к ним, Финеас Найджеллус, казалось, не мог не узнать, как дела у Гарри, и продолжал появляться раз в несколько дней с завязанными глазами. Гарри был даже рад его видеть, ведь это была какая-никакая компания, пусть он был ехидным и язвительным. Они с удовольствием слушали любые новости Хогвартса, хотя Финеас Найджеллус и не был идеальным информатором. Он благоговел перед Снейпом, первым главой Слизерина, с тех пор как он сам руководил школой, и нужно было быть осторожными и не критиковать или задавать неприятные вопросы о Снейпе, иначе Финеас Найджеллус немедленно покинул бы картину.

Как бы то ни было, он выдавал обрывочные сведения. Снейп, похоже, столкнулся с тихим, но упорным бунтом большинства учеников. Джинни запретили ходить в Хогсмид. Снейп восстановил старый указ Амбридж о запрете сбора более трех учащихся и любых неофициальных студенческих обществ.

Из всего этого Гарри сделал вывод, что Джинни, и с ней, возможно, Невилл и Луна, из всех сил пытались продолжить дело армии Дамблдора. Из-за этих скупых сообщений Гарри до боли захотелось увидеть Джинни, но из-за них же он подумал о Роне, о Дамблдоре, о самом Хогвартсе, по которому он скучал почти также, как по своей бывшей девушке. Действительно, когда Финеас Найджеллус говорил о суровых мерах Снейпа, Гарри на долю секунды почувствовал ярость, представив возвращение в школу, чтобы присоединиться к свержению режима Снейпа: быть накормленным, иметь мягкую кровать, и не нести ответственности казалось сейчас самым прекрасным на свете. Затем он вспомнил, что он нежелательная персона номер один, что за его голову назначено вознаграждение в десять тысяч галлеонов, и что в Хогвартсе сейчас также опасно, как в министерстве магии. Действительно, Финеас Найджеллус невольно подчеркнул этот факт, то и дело вставляя в разговор вопросы о местоположении Гарри и Гермионы. И каждый раз Гермиона прятала портрет обратно в сумку, расшитую бисером, а Финеас Найджеллус после таких бесцеремонных прощаний не появлялся несколько дней.

Погода становилась все холоднее. Они боялись оставаться, где бы то ни было слишком долго. Поэтому, вместо того, чтобы остаться на юге Англии, где заморозки были наименьшим из зол, они продолжили скитаться по стране, не боясь гор, где мокрый снег колотил по палатке, и широких, плоских болот, где палатка наполнялась ледяной водой, и крошечного острова в центре шотландского озера, где ночью палатку наполовину заносило снегом.

Они уже заметили несколько рождественских елок, мигающих огнями в окнах гостиных, к тому времени, как Гарри решился снова предложить путь, казавшийся ему единственным неиспробованным из всех возможных. Они только что необычно хорошо поужинали: Гермиона сходила в супермаркет под плащом невидимкой (на выходе она, скрупулезно сосчитав цену, бросила деньги в открытую кассу), и Гарри подумал, что желудок, полный спагетти под соусом болоньез и консервированных груш, может сделать ее более сговорчивой. Еще он намеревался предложить прервать на несколько часов ношение хоркрукса, который висел над изголовьем койки позади него.

— Гермиона?

— М-м-м? — она свернулась клубком в одном из провисших кресел с «Историями барда Бидла». Гарри представить не мог, что еще можно найти в этой книге, кстати, не очень длинной, но Гермиона все еще расшифровывала что-то, судя по открытой «Слоговой азбуке Спеллмана» на подлокотнике.

Гарри прочистил горло. Он чувствовал себя также, как в тот важный момент несколько лет назад, когда спрашивал профессора Макгонагалл, можно ли ему пойти в Хогсмид, несмотря на то, что он так и не убедил Дурслей подписать разрешение.

— Гермиона, я тут подумал, и ....

— Гарри, не мог бы ты мне помочь?

Она явно не слушала его. Она наклонилась вперед и протянула ему «Истории барда Бидла».

— Взгляни на этот символ, — сказала она, указывая на верхнюю часть страницы. Над тем, что по мнению Гарри было названием истории (он не был уверен, так как не умел читать руны) было изображено нечто, похожее на треугольный глаз, зрачок пересекала вертикальная линия.

— Я никогда не изучал древние руны, Гермиона.

— Я знаю, но это не руна и ее нет в книге. Я все время думала, что тут нарисован глаз, но думаю, это не так! Это чернилами нарисовано, посмотри, кто-то нарисовал его здесь, его не было в книге. Подумай, ты видел такое раньше?

— Нет... Нет, подожди! Гарри посмотрел на рисунок внимательнее. Это не тот символ, который папа Луны носил на шее?

— Что?

— Крум сказал мне...

Он подробно пересказал историю, которую Виктор Крум рассказал ему на свадьбе. Гермиона выглядела удивленной.

— Знак Гриндельвальда?

Она переводила взгляд с Гарри на странный символ и обратно. Я никогда не слышала, что у Гриндельвальда есть знак. Ни разу даже упоминаний не встречала, где бы ни читала о нем.

— Ну, говорю же, Крум считал, что этот символ был высечен на стене в Дурмштранге и высек его Гриндельвальд.

Нахмурившись, она откинулась на спинку старого кресла.

— Очень странно. Если это символ темной магии, что он делает в книге историй для детей?

— Да, необычно, — сказал Гарри. — И ты думаешь, что Скримджер узнал бы его. Он был министром, он должен был разбираться в этих темных делах.

— Я знаю... Возможно, он думал, что это глаз, так же как и я. Над названиями всех историй есть маленькие картинки.

Она замолчала, но продолжала сосредоточенно изучать странный знак. Гарри повторил свою попытку.

— Гермиона?

— М-м-м?

— Я тут подумал, я... я хочу пойти в Годрикову лощину.

Она подняла на него глаза, но они смотрели куда-то вдаль, и он был уверен, что она все еще размышляет о таинственном знаке в книге.

— Да, — сказала она. Да, меня это тоже заинтересовало. Я думаю, что это необходимо.

— Ты меня расслышала? — спросил он.

— Конечно, расслышала. Ты хочешь пойти в Годрикову лощину. Я согласна. Думаю, это следует сделать. В смысле, я не могу придумать, где еще это может быть. Будет опасно, но чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что оно там.

— Э... Что там? — спросил Гарри.

Ему показалось, что он сбил ее с толку.

— Ну, меч, Гарри! Дамблдор наверняка знал, что ты захочешь вернуться туда, я имею в виду, что Годрикова лощина — место рождения Годрика Гриффиндора...

— Правда? Гриффиндор из Годриковой лощины?

— Гарри, ты когда-нибудь открывал «Историю магии»?

— Эмм, — сказал он, и понял, что улыбается, впервые за несколько месяцев: мышцы на лице странно затвердели. — Наверное, открывал, знаешь, когда купил ее... один раз...

Ну, раз деревню называли его именем, я думала, ты можешь сделать логический вывод, — сказала Гермиона. Она стала очень похожа на себя прежнюю, Гарри уже ждал, что она скажет, что была в библиотеке. — В «Истории магии» есть немного о деревне, подожди...

Она открыла свою сумку и порылась в вещах, вытащив, наконец, экземпляр старого учебника «История магии» Батильды Бэгшот, она листала его пока не нашла нужную страницу.

*«По Международному уставу секретности в 1689 году волшебники скрылись навсегда. Вполне естественным было то, что при этом они образовали внутри общества свои небольшие сообщества. Во многих не крупных деревнях и селах поселились семьи волшебников, которые объединялись, чтобы поддерживать и защищать друг друга. Деревни Тинуорш в Корнуолле, Верхний Флегли в Йоркшире, и Оттери Сент Кэтчпол на южном побережье Англии были известными домами большого количества семей волшебников, которые жили рядом в мире и иногда обескураживали магглов. Возможно, наиболее прославленным из таких полумагических поселений является Годрикова лощина, деревня, расположенная к юго-западу от Лондона, где родился Годрик Гриффиндор и где Боуман Райт, кузнец-волшебник, выковал первый золотой снитч. На кладбище деревни можно увидеть множество имен древних семей волшебников, и это без сомнения объясняет истории о многовековых преследованиях, постигших маленькую церковь, находящуюся рядом».*

— Ты и твои родители не упоминаются, — сказала Гермиона, закрывая книгу, — потому что профессор Бэгшот не описывает ничего позднее конца девятнадцатого века. Но ты понимаешь? Годрикова лощина, Годрик Гриффиндор, меч Гриффиндора; не думаешь, что Дамблдор рассчитывал на твою догадливость, можно же связать эти вещи?

— О, да...

Гарри не хотел признаваться, что, предлагая пойти в Годрикову лощину, совсем не думал о мече. Его привлекали могилы родителей, дом, где он едва не погиб и личность Батильды Бэгшот. Помнишь, что сказала Мюриель? — спросил он в конце концов.

— Кто?

— Ты знаешь, — запнулся он. Ему не хотелось называть имя Рона, — двоюродная бабушка Джинни, на свадьбе. Которая сказала, что у тебя худые лодыжки.

— О, — сказала Гермиона.

Это был неприятный момент: Гарри знал, что она ожидала услышать имя Рона. Он торопливо продолжил: «Она сказала, что Бетильда Бэгшот все еще живет в Годриковой лощине».

— Бетильда Бэгшот, — пробормотала Гермиона, проводя указательным пальцем по имени, вытисненному на обложке «Истории магии». — Ну, я полагаю...

Вдруг она так резко открыла рот, что у Гарри внутри все перевернулось. Обернувшись, он вынул палочку, почти ожидая увидеть руку, откидывающую полотно над входом, но там ничего не было.

— Что? — сказал он, наполовину сердито, наполовину успокоено. — Ты чего? Я уж думал, ты по меньшей мере увидела пожирателя смерти, открывающего палатку...

— Гарри, что если меч у Батильды? Что если Дамблдор доверил его ей?

Гарри задумался над такой возможностью. Батильда, скорее всего, уже совсем старая, и, по словам Мюриель, она «выжила из ума». Мог ли Дамблдор спрятать у нее меч Гриффиндора? Если так, то, по мнению Гарри, Дамблдор многое предоставил случайности: Дамблдор никогда не рассказывал, что заменил меч подделкой, никогда даже вскользь не упоминал о дружбе с Батильдой. Однако теперь было совсем не время сомневаться в теории Гермионы, сейчас, когда она так удивительно удачно совпадала с самым заветным желанием Гарри.

— Да, он мог это сделать! Так, мы собираемся в Годрикову лощину?

— Да, но нам нужно тщательно все обдумать, Гарри, — она сидела прямо и Гарри был уверен, что перспектива четкого плана подняла ее настроение, да и он сам приободрился. — Для начала нам придется научиться дезаппарировать вместе под плащом-невидимкой, и, наверное, целесообразным будет прозачаровывающее заклятье, если ты не считаешь, что нужно пойти на все и использовать обратное зелье? В таком случае, нужно собрать какие-нибудь волосы. Я считаю, лучше сделать это, Гарри, нам нужно замаскироваться как можно лучше...

Гарри не мешал ей говорить, кивая и соглашаясь, когда она останавливалась, но сам думал совсем о другом. Он был так взволнован впервые с тех пор, как он понял, что меч в Гринготтсе — подделка.

Он собирался домой, вернуться туда, где у него когда-то была семья. Не будь Волдеморта, он бы вырос там, в Годриковой лощине, там он проводил бы каникулы. Он мог бы приглашать домой друзей... У него даже могли бы быть братья и сестры. И этот торт на семнадцатилетие могла бы испечь его мама. Жизнь, которую он потерял, никогда не казалась ему такой реальной, как сейчас, когда он знал, что скоро увидит место, где ее отняли. Тем же вечером, когда Гермиона уснула, Гарри тихонько вынул свой рюкзак из ее сумки, а из него фотоальбом, который получил от Хагрида уже так давно. Первый раз за несколько месяцев он рассматривал старые портреты родителей, улыбавшихся и махавших ему с фотографий, это было все, что от них осталось.

Гарри с удовольствием отправился бы в Годрикову лощину на следующий же день, но у Гермионы было другое мнение на этот счет. Так как она была убеждена, что Волдеморт ждет возвращения Гарри к месту смерти родителей, она была убеждена, что нужно отправляться только тогда, когда они смогут замаскироваться как можно лучше. Поэтому только неделю спустя, когда они собрали волосы ничего не подозревающих магглов и попрактиковались в одновременной аппарации и дизаппарации под плащом-невидимкой, Гермиона согласилась начать путешествие.

Они решили аппарировать в деревню под покровом тьмы, так что ближе к вечеру выпили обратное зелье. Гарри превратился в лысеющего мужчину — маггла средних лет, а Гермиона — в его маленькую, довольно робкую жену. Сумка со всеми их вещами (кроме хоркрукса, который Гарри носил на шее) была спрятана во внутреннем кармане ее пальто, застегнутого на все пуговицы. Гарри опустил над ними плащ-невидимку, затем они снова погрузились в удушающую темноту.

Чувствуя бешеное биение сердца, Гарри открыл глаза. Они стояли, держась за руки, на снежной улочке, под темно-синим небом, в котором уже зажглись первые, еще неяркие звезды. Дома стояли по обе стороны узкой дороги, в окнах мигали рождественские украшения. Недалеко от них находился центр деревеньки, судя по золотому свету уличных фонарей.

— Сколько снега! — прошептала Гермиона под плащом. — Почему мы не подумали о снеге? Столько предосторожностей, и мы все равно оставим следы. Придется от них избавиться:

ты иди впереди, я все сделаю...

Гарри не хотелось входить в деревню в виде лошадки из пантомимы, стараясь, чтобы их никто не заметил и заметая следы магией.

— Давай снимем плащ, — сказал Гарри, и увидев ее испуганный взгляд продолжил, — Ну, давай, мы не выглядим, как мы, да и вокруг никого нет.

Он сложил плащ и спрятал его под куртку, и они беспрепятственно продолжили свой путь, морозный воздух пощипывал их лица пока они шли мимо домов. В одном из них вполне могли раньше жить Джеймс и Лили, или Батильда сейчас. Гарри рассматривал парадные двери, усыпанные снегом крыши, и пытался вспомнить их, хотя в глубине души прекрасно понимал, что это невозможно, ведь ему было меньше года, когда он навсегда оставил это место. Он даже не был уверен, сможет ли увидеть нужный дом, он не знал, что случилось, когда умирал субъект чар доверия. Затем маленькая улочка, вдоль которой они шли, повернула налево, и показалось сердце деревни, маленькая площадь.

В середине площади стояло нечто, напоминающее памятник героям войны, увешанный разноцветными огнями, частично скрытый елкой, обдуваемой ветром. На площади находилось несколько магазинов, почта, паб и маленькая церковь, ее окна из цветного стекла, ярко сияли, как самоцветы.

Снег здесь стал плотным, твердым и скользким, ведь люди топтались на нем весь день. Жители деревни расхаживали по площади, их фигуры скупое освещались фонарями. Слышались обрывки смеха и музыки, когда дверь паба открывалась и закрывалась, затем из маленькой церкви раздался гимн.

— Гарри, по-моему, сейчас Сочельник! — сказала Гермиона.

— Правда?

Он потерял счет времени, они уже несколько недель не видели ни одной газеты.

— Я уверена, — сказала Гермиона, не отрывая глаз от церкви. — Они... Они там внутри, да? Твои мама и папа? Я вижу кладбище за церковью.

Гарри почувствовал трепет, нечто большее, чем просто волнение, больше похожее на страх. Теперь, когда он был так близко, он сомневался, хочет ли попасть туда. Казалось, Гермиона понимала его чувства, потому что взяла его за руку, и потянула вперед. Но на полпути через площадь она остановилась, как вкопанная.

— Гарри, посмотри!

Она указала на военный памятник. Когда они прошли мимо, он изменился. Вместо обелиска, покрытого именами, там были скульптуры трех человек: лохматый мужчина в очках, длинноволосая женщина с добрым и красивым лицом и маленький мальчик, сидящий у нее на руках. Пушистые белые шапки снега покрывали их головы.

Гарри подошел ближе, вглядываясь в лица родителей. Он и представить не мог, что здесь может быть памятник... Странно было видеть свое изображение в камне, на лбу у счастливого младенца не было шрама...

— Пойдем, — сказал Гарри, наглядевшись, и они снова направились к церкви. Переходя через дорогу, он оглянулся через плечо, статуя снова превратилась в обелиск.

Пенье становилось все громче, когда они приблизились к церкви. У Гарри ком подступил к горлу, все это настолько напоминало Хогвартс, Пивза, рычащего из доспехов гимны в грубом варианте, о двенадцати елках Большого зала, Дамблдора в шапочке, которую он выиграл однажды, вязаный свитер Рона...

Узкая калитка вела на кладбище. Гермиона открыла ее, стараясь не шуметь, и они незаметно проскользнули в нее. По обе стороны скользкой тропинки, ведущей к дверям церкви, лежал глубокий нетронутый снег. Они пошли по снегу, оставляя за собой глубокие борозды, и

обошли здание, придерживаясь теней под ярко светящимися окнами.

Позади церкви ряд за рядом высились надгробные камни на фоне бледно-голубого покрова, покрытого ослепительными красными, золотыми и зелеными пятнами из-за отражений оконных витражей. Крепко сжимая палочку в кармане, Гарри двинулся к следующей могиле.

— Смотри сюда, это Аббот, наверное, дальний родственник Ханны!

— Потише, — попросила Гермиона.

Они пробирались все дальше и дальше, вглубь кладбища, оставляя в снегу темные следы, наклоняясь, чтобы изучить слова на старых надгробьях, то и дело вглядываясь в окружающую тьму, чтобы убедиться, что их никто не видит.

— Гарри, вот!

— Гермиона стояла за двумя рядами могил, ему пришлось идти назад, сердце колотилось в груди.

— Это?

— Нет, но посмотри!

Она указала на темный камень. Гарри наклонился и увидел слова на замерзшем, кое-где покрытом мхом граните: «*Кендара Дамблдор*» — и, немного ниже даты рождения и смерти, — «*и ее дочь Ариана*». Еще там было высказывание:

***Там где твоё сокровище, будет и твоё сердце.***

Так что кое-что из слов Риты Вритер и Мюриель оказалось правдой. Здесь правда жила семья Дамблдоров и некоторые из них здесь умерли.

Увидеть могилу было страшнее, чем услышать о ней. Гарри не мог отделаться от мысли, что корни его и Дамблдора здесь, на этом кладбище, и что Дамблдор должен был сказать ему, но он никогда не делился с ним. Они могли бы прийти сюда вместе, на секунду Гарри представил, как бы это связало их, как бы много это значило для него. Но то, что члены их семей покоятся на одном кладбище для Дамблдора, похоже, было случайным совпадением, не относящимся к тому делу, которое он поручил Гарри.

Гермиона смотрела на Гарри, и он порадовался, что его лицо скрывала тень. Он снова прочел слова на надгробии. «Там где твоё сокровище, будет и твоё сердце». Он не понял значения этих слов. Конечно, их выбрал Дамблдор, старейший член семьи, с тех пор как умерла его мать.

— Ты уверен, что он никогда не упоминал...? — начала Гермиона.

— Нет, — отрывисто сказал Гарри, — давай смотреть дальше, — и он отвернулся, жалея, что увидел это надгробие: он не хотел обидой портить свой восхищенный трепет.

— Вот! — снова воскликнула Гермиона из темноты, через несколько секунд. — О, нет, извини! Мне показалось, там написано Поттер.

Она терла облупившийся, поросший мхом камень, вглядываясь в него, и немного хмурясь.

— Гарри, вернись на минутку.

Он не хотел снова быть сбитым с толку и нехотя направился к ней по снегу.

— Что?

— Посмотри сюда!

Могила была очень старой, ветер и дождь разрушили ее так, что Гарри с трудом разобрал имя. Гермиона указала на символ под надписью.

— Гарри, это тот знак из книги!

Он внимательно посмотрел туда, куда она указывала: камень был такой старый, что трудно было разобрать надпись, хотя, под почти нечитаемым именем было что-то похожее на

треугольный знак.

— Да... возможно это....

Гермиона осветила палочкой имя на надгробии.

Здесь написано Иг... Игнотус, по-моему....

— Я хочу поискать родителей, хорошо? — сказал Гарри, в голосе его прозвучали равнодушные нотки, и он ушел, оставив ее, склонившейся над старой могилой.

Тут и там ему встречались знакомые фамилии, такие как Аббот, которые он встречал в Хогвартсе. Иногда там встречались несколько поколений одной семьи волшебников: судя по датам, они, скорее всего, вымерли, или современные их члены покинули Годрикову лошину. Он шел среди могил все дальше и дальше и каждый раз, подходя к новому надгробью, чувствовал, как в душе шевелятся какие-то смутные предчувствия.

Казалось, что вокруг неожиданно стало еще темнее и тише. Гарри беспокойно огляделся, подумав о дементорах, потом сообразил, что закончилось пение гимнов, что голоса и шум прихожан церкви стихли, они направились обратно к площади. Только что кто-то в церкви погасил огни.

В темноте в третий раз раздался голос Гермионы, ясный и чистый, она находилась недалеко, всего в нескольких ярдах.

— Гарри, они здесь... Прямо здесь.

И по ее тону он понял, что на этот раз это были его отец и мать. Он подошел к ней, чувствуя, какую-то тяжесть, давящую на грудь, похожее чувство он испытывал после смерти Дамблдора — печаль камнем висела на его сердце.

Надгробие находилось в двух рядах от надгробий Кендры и Арианы. Оно было вырезано из белого мрамора, как и у Дамблдора, поэтому надпись можно было легко прочесть, она словно сияла в темноте. Гарри не пришлось вставать на колени или даже приближаться к камню, чтобы разобрать слова, высеченные на нем.

***Джеймс Поттер, родился 27 марта 1960, умер 31 октября 1981***

***Лили Поттер, родилась 30 января 1960, умерла 31 октября 1981***

***Последний враг, которого нужно уничтожить, — смерть.***

Гарри медленно прочел слова, как будто у него была одна единственная возможность, понять их смысл. Последнюю фразу он произнес вслух.

«Последний враг, которого нужно уничтожить, — смерть...» Ужасная мысль пришла ему в голову, рождая панику.

— Разве это не девиз пожирателей смерти? Почему это здесь?

— Это не значит, уничтожить смерть так, как это делают пожиратели смерти, Гарри, — мягко сказала Гермиона. — Это значит... Понимаешь... Жить по ту сторону смерти. Жить после смерти.

«Но они не живут,» — подумал Гарри. — «Они ушли». Пустые слова не могли изменить того, что останки его родителей покоятся под снегом и камнями, безразличные, незнающие. Он не смог сдержать горячих слез, они текли по лицу и тут же замерзали, какой смысл вытирать их или скрывать? Он плакал, крепко сжав губы, глядя вниз. Снег скрывал место, где лежали останки Лили и Джеймса, теперь это наверняка лишь кости или пыль, которым все равно, что совсем рядом стоит их сын, что его сердце бьется, что он жив благодаря их жертве и в этот момент почти готов уснуть под снегом рядом с ними.

Гермиона снова взяла его за руку и крепко сжала ее. Он не мог смотреть на нее, но пожал ей руку в ответ, глубоко вдыхая ночной воздух, пытаясь собраться, взять себя в руки. Нужно было принести им что-нибудь, но он не подумал об этом, все растения на кладбище были без листьев и замерзли. Но Гермиона подняла палочку, нарисовала ей круг в воздухе, и перед ними расцвел венок из морозника — рождественской розы. Гарри поймал его и возложил на могилу родителей.

Как только он встал, ему захотелось уйти: он просто больше не мог стоять там. Он положил руку на плечо Гермионы, а она обняла его за талию, в тишине они развернулись и пошли прочь, по снегу, мимо матери и сестры Дамблдора, обратно, к темной церкви и невидимым в темноте воротам кладбища.



## Глава семнадцатая. Секрет Батильды

— Гарри, стой.

— Что такое?

Они только что дошли до могилы неизвестного родственника Абботов.

— Там кто-то есть. За нами кто-то наблюдает, я точно знаю. Вон там, за кустами.

Они застыли на месте, прижавшись друг к другу, вглядываясь в густые чёрные тени на краю кладбища. Гарри ничего не видел.

— Ты уверена?

— Я видела, там что-то двигалось. Честное слово, видела...

Она отпустила его, чтобы освободить руку для колдовства.

— Мы же магглы, — напомнил Гарри.

— Магглы, которые минуту назад положили цветы на могилу твоих родителей? Гарри, я уверена, там кто-то есть!

Гарри вспомнил «Историю магии»: на кладбище, должно быть, полно призраков, может быть...? Но тут он услышал шорох и заметил лёгкий вихрь потревоженного снега в тех кустах, куда показывала Гермиона. Призраки не могут вздывать снег.

— Это просто кошка, — немного помолчав, произнёс Гарри, — или птица. Будь там пожиратель смерти, нас бы уже не было в живых. Но всё равно, давай выберемся отсюда, и тогда можно будет снова надеть плащ.

Они то и дело оборачивались, пока пробирались к выходу с кладбища. На самом деле Гарри не был так оптимистичен, каким старался казаться, успокаивая Гермиону, и был рад, когда они оказались у калитки и вышли на скользкий тротуар. Они снова натянули на себя плащ-невидимку. В баре прибавилось народу, сейчас там на множество голосов распевали тот самый рождественский гимн, который они слышали, подходя к церкви. На какой-то миг Гарри подумал, не спрятаться ли им там, но прежде чем он успел что-то сказать, Гермиона тихо произнесла: «Идём туда» и потащила его по тёмной улице, уводя прочь из деревни, в сторону, противоположную той, откуда они пришли. Гарри различал место, где дома кончались и улочка снова переходила в открытую местность. Они шагали так быстро, насколько позволяла осторожность, проходя всё новые и новые окна, где сверкали разноцветные огни и за занавесками темнели очертания рождественских ёлок.

— И как же нам найти дом Батильды? — спросила Гермиона. Она слегка дрожала и всё время оглядывалась через плечо. — Гарри, как ты думаешь? Гарри!

Она тянула его за руку, но Гарри ничего не замечал. Он смотрел на то, что возвышалось, темнея, в самом конце этого ряда домов. В следующее мгновение он устремился вперёд, таща за собой Гермиону, которая слегка оскальзывалась на льду.

— Гарри...

— Смотри... Гермиона, посмотри сюда!

— Я не... О-оо!

Он был виден — чары доверия, конечно, разрушились со смертью Джеймса и Лили. Живая изгородь разрослась и одичала за шестнадцать лет с тех пор, как Хагрид вытащил Гарри из-под каменных обломков — теперь они валялись разбросанные в траве, доходившей до пояса. Дом был почти цел, только полностью скрыт под снегом и тёмным плющом, но справа верхний этаж как будто разнесло взрывом — Гарри подумал, что именно туда ударило отражённое заклятие. Они с Гермионой стояли у калитки, вглядываясь в руины, оставшиеся от дома, когда-то, наверное, точно такого же, как те, что стояли рядом.

— Интересно, почему его не восстановили? — шёпотом спросила Гермиона.

— Может, его нельзя восстановить? — ответил Гарри. — Может, это как раны от тёмной магии — ничего уже не исправить?

Он тихонько высвободил руку из-под плаща и взялся за калитку, заснеженную и сильно проржавевшую — не потому, что хотел её открыть, а просто чтобы почувствовать себя частью этого дома.

— Ты что, хочешь войти? Там, кажется, опасно, он может... ой, Гарри, смотри!

Видимо, это случилось от его прикосновения к калитке. Прямо из земли, сквозь переплетение бурьяна и крапивы, словно причудливый, мгновенно распустившийся цветок, перед ними выросла табличка. На ней золотыми буквами по дереву было написано:

*На этом месте, вечером 31 октября 1981 года*

*расстались с жизнью Лили и Джеймс Поттеры.*

*Их сын Гарри — единственный в мире волшебник,*

*который остался жив после смертоносного проклятия.*

*Этот дом, невидимый для магглов,*

*останется разрушенным в память о Поттерах*

*и как напоминание о злодействе,*

*погубившем их семью.*

И вокруг этих аккуратно выписанных слов всё сплошь было покрыто посланиями от волшебников и волшебниц, которые приезжали посмотреть на место, где спасся Мальчик, Который Выжил. Кто-то просто подписал своё имя вечными чернилами, кто-то вырезал на деревянной поверхности свои инициалы, а другие оставили пожелания. Самые свежие из них ярко блестели поверх шестнадцатилетнего слоя магического граффити, и во всех говорилось примерно одно и то же:

*Удачи тебе, Гарри, где бы ты ни был.*

*Гарри, если ты это читаешь, знай: мы с тобой!*

*Да здравствует Гарри Поттер!*

— Вовсе не обязательно было исписывать табличку! — возмущённо проговорила Гермиона. Но Гарри просиял:

— Это здорово! Я рад, что они это делают, и...

Внезапно он замолк. К ним ковыляла по дорожке плотно закутанная фигура, её силуэт выделялся на фоне яркого света фонарей дальней площади. Гарри показалось, хотя судить тут было трудно, что фигура женская. Она двигалась медленно, возможно, боясь поскользнуться на заснеженной дороге. Сгорбленная спина, тучность, шаркающая походка — всё производило впечатление глубокой старости. Они молча смотрели, как она приближается. Гарри ждал, не свернёт ли она в какой-нибудь из домов, мимо которых шла, но интуитивно знал: она этого не

сделает. Наконец, не доходя нескольких ярдов, она остановилась — стояла посреди обледеневшей дороги и смотрела на них.

Гермиона уцепилась за руку, но это было излишне. Почти никаких шансов, что старуха — маггл: она стояла, уставившись на дом, который должен быть совершенно невидимым для неё, если она не волшебница. Но даже если предположить, что она волшебница, её поведение всё равно казалось странным: кто выйдет из дома в такой холодный вечер, чтобы просто взглянуть на старые развалины? Кроме того, по всем обычным магическим правилам она не должна была видеть их с Гермионой, но при этом у Гарри было очень странное ощущение: она знает, что они здесь, и знает, кто они. Едва он пришёл к этому тревожному заключению, она подняла руку в перчатке и поманила их.

Гермиона теснее придвинулась к нему под плащом, прижавшись плечом к его плечу: — Как она узнала?

Он покачал головой. Старуха поманила ещё раз, более настойчиво. Гарри мог бы назвать тысячи причин не повиноваться зову, но его подозрение о том, кто она такая, становилось сильнее с каждой секундой, что они стояли на пустой улице, глядя друг на друга.

Может быть, она ждала его все эти долгие месяцы? Может, Дамблдор велел ей ждать, сказал ей, что Гарри рано или поздно придёт? Разве не могло быть, что это она двигалась среди кладбищенских теней, а потом шла за ними до этого места? Даже то, что она ощущала их присутствие, предполагало некие дамблдоровские способности, с которыми он никогда раньше не сталкивался.

В конце концов Гарри заговорил, заставив Гермиону ахнуть и подскочить на месте. — Вы Батильда?

Закутанная фигура кивнула и снова поманила рукой.

Гарри переглянулся под плащом с Гермионой. Он поднял брови, Гермиона ответила едва заметным нервным кивком.

Они шагнули к женщине, и она сейчас же повернулась и заковыляла назад, в ту сторону, откуда они пришли. Миновав несколько домов, она свернула в калитку. Они прошли за ней по главной дорожке через сад, почти такой же заросший, как тот, где они только что побывали. У входной двери она немного замешкалась с ключом, наконец отперла её и отступила, чтобы впустить их внутрь.

От неё плохо пахло — а может быть, во всём её доме; Гарри поморщился. Они боком протиснулись мимо неё и сняли плащ-невидимку. Теперь, когда старуха была близко, он увидел, какая она маленькая: согнувшаяся под тяжестью лет, она едва доставала ему до груди. Она затворила за ними дверь — её пальцы, посиневшие, в крапинках, выделялись на фоне облупившейся краски — потом повернулась и уставилась Гарри в лицо. Её глаза были мутные от катаракты и тонули в складках прозрачной кожи, всё лицо испещрено лопнувшими сосудами и старческими коричневыми пятнами. Он засомневался, видит ли она его вообще; впрочем, если и видит, то в облике лысоватого маггла, чью внешность он присвоил обманом.

Запах старости, пыли, грязной одежды и несвежей еды стал сильнее, когда она размотала побитую молю чёрную шаль, открыв голову с редкими белыми волосами, сквозь которые просвечивал череп.

— Батильда? — снова позвал Гарри.

Она опять кивнула. Гарри вдруг ощутил кожей присутствие медальона: пробудилось то, что было внутри его и порой стучало или тикало, он чувствовал, как оно пульсирует под холодной поверхностью золота. Неужели оно знает, догадывается, что оружие, которое уничтожит его, уже близко?

Батильда прошаркала мимо них, оттеснив Гермиону в сторону, словно не замечая её, и

скрылась, судя по всему, в гостиной.

— Гарри, я думаю, не стоит, — шепнула Гермиона.

— Да посмотри, какая она маленькая, думаю, мы её легко одолеем, если что, — ответил Гарри. — И ещё, послушай, я забыл тебе сказать: я знал, что она не в себе. Мюриэль сказала, что она спятила.

— Сюда! — позвала Батильда из соседней комнаты.

Гермиона вздрогнула и вцепилась в руку Гарри.

— Всё нормально, — произнёс он успокаивающе и первым прошёл в гостиную.

Батильда нетвёрдыми шагами ходила по комнате, зажигая свечи, но всё равно было очень темно, не говоря уже о том, что ужасно грязно. Толстый слой пыли скрипел под ногами, и кроме запаха сырости и плесени Гарри улавливал другой, похуже, вроде протухшего мяса. Интересно, когда кто-нибудь в последний раз навещал дом Батильды, проверить, как она справляется. И ещё она как будто забыла, что умеет колдовать — неуклюже зажигала свечи вручную, её болтающаяся кружевная манжета ежеминутно угрожала загореться.

— Давайте я, — предложил Гарри и забрал у неё спички. Она стояла и смотрела, как он зажигает оставшиеся огарки свечей — они были по всей комнате, на блюдах, которые кое-как держались на стопках книг и приставных столиках с горами треснувших, заплесневелых чашек.

Последняя свеча, которую нашёл Гарри, стояла на комод с полукруглым верхом, уставленным множеством фотографий. Пламя ожило, заплясало, отразилось, дрожа, в пыльном стекле и серебряных рамках. На фотографиях можно было уловить едва заметное движение. Пока Батильда возилась с дровами для камина, он тихо произнёс: «Тергео» — фотографии очистились от пыли, и сразу стало видно, что полдюжины самых больших и богато украшенных рамок были пусты. Кто их убрал — сама Батильда или кто-то другой? Потом его внимание привлекла одна фотография почти в самом заднем ряду, и он быстро схватил её.

Это был вор с золотистыми волосами и весёлым лицом, молодой человек, что сидел на подоконнике Грегоровича, а теперь лениво улыбался Гарри из серебряной рамки. И он сразу же вспомнил, где раньше видел этого юношу: в книге «Жизнь и ложь Альбуса Дамблдора», рука об руку с Дамблдором-подростком, и все пропавшие фотографии, наверное, тоже там, в книге Риты.

— Миссис... мисс... Бэгшот! — позвал он. Его голос слегка дрожал. — Кто это?

Батильда стояла посреди комнаты и смотрела, как Гермиона разжигает камин.

— Мисс Бэгшот! — повторил Гарри и шагнул к ней, держа фотографию в руках. В камине взметнулись языки пламени. Батильда повернулась на его голос, и хоркрукс у него на груди забился чаще.

— Кто этот человек? — спросил Гарри, выставив вперёд карточку.

Она медленно перевела взгляд на неё, потом на Гарри.

— Вы знаете, кто это? — повторил он, стараясь говорить медленнее и громче обычного. — Этот человек — вы его знаете? Как его зовут?

Батильда только посмотрела на него отсутствующим взглядом. Гарри почувствовал жуткое разочарование. Как же Рита Вристер добралась до воспоминаний Батильды?

— Кто этот человек? — повторил он громче.

— Гарри, что ты делаешь? — спросила Гермиона.

— Эта фотография, Гермиона — это вор, тот, что обокрал Грегоровича! Ответьте, пожалуйста! — обратился он к Батильде. — Кто это?

Но она только пристально смотрела на него.

— Зачем вы позвали нас с собой, миссис... мисс... Бэгшот? — спросила Гермиона, тоже повысив голос. — Вы хотели нам что-то сказать?

Ничем не показав, что она услышала Гермину, Батильда сделала несколько шаркающих шагов в сторону Гарри. Сделав едва заметное движение головой, она обернулась в сторону прихожей.

— Вы хотите, чтобы мы ушли? — спросил он. Она сделала то же движение, на этот раз показав сначала на него, потом на себя и затем на потолок.

— А, понятно... Гермину, кажется, она хочет, чтобы я поднялся с ней наверх.

— Хорошо, — отозвалась Гермину, — идём.

Но стоило Гермине сдвинуться с места, Батильда на удивление энергично покачала головой и снова показала на Гарри, а затем на себя.

— Она хочет, чтобы я пошёл с ней один.

— Почему? — спросила Гермину, и её голос резко и звонко прозвучал в освещённой свечами комнате. Старая дама слегка покачала головой, уловив громкий звук.

— Может быть, Дамблдор попросил её отдать меч мне и только мне?

— Ты думаешь, она и правда знает, кто ты?

— Да, — ответил Гарри, глядя сверху вниз в мутные глаза, которые не отрываясь смотрели в его собственные. — Думаю, знает.

— Ну хорошо, иди, только побыстрее, Гарри.

— Показывайте дорогу, — сказал Гарри Батильде.

Кажется, она поняла и, шаркая, начала обходить его, продвигаясь к двери. Гарри быстро оглянулся на Гермину и улыбнулся ей ободряющей улыбкой, но она, похоже, этого не заметила; она стояла посреди озарённого свечами убожества, крепко обхватив себя руками и глядя на книжный шкаф. Выходя из комнаты, Гарри незаметно для Гермину и Батильды сунул фотографию неизвестного вора в серебряной рамке к себе под куртку.

Лестница была узкая и крутая; у Гарри возникало желание подпереть руками тучный зад Батильды, чтобы не дать ей кубарем свалиться прямо на него — угроза была вполне реальной. Медленно, слегка задыхаясь, она добралась до верхней площадки, сейчас же повернула направо и повела его в спальню с низким потолком.

Там стояла крошечная тьма и ужасный запах: Гарри только успел различить ночной горшок, видневшийся из-под кровати, но тут Батильда затворила дверь, и даже это небольшое, что было видно, погрузилось во тьму.

— Люмос, — произнёс Гарри, и кончик его палочки засветился. Он подскочил от неожиданности: за те несколько секунд, что они были в темноте, Батильда подошла к нему вплотную, а он и не слышал, как она приблизилась.

— Ты Поттер? — спросила она шёпотом.

— Да.

Она кивнула — медленно, торжественно. Гарри ощутил, как хоркрукс забился часто-часто, быстрее, чем его собственное сердце, это было неприятное, тревожное ощущение.

— У вас есть что-то для меня? — спросил Гарри, но её как будто отвлёк свет на кончике его палочки.

— У вас есть что-то для меня? — повторил он.

Она закрыла глаза, и в один миг произошло следующее: шрам Гарри болезненно кольнуло; хоркрукс так сильно дёрнулся, что спереди под свитером образовался бугор; тёмная, зловонная спальня на мгновение исчезла. Он ощутил порыв радости и произнёс высоким, холодным голосом: «Задержи его!»

Гарри пошатнулся: вокруг него снова была та же тёмная, мерзко пахнущая комната. Он не мог понять, что с ним только что было.

— У вас есть что-то для меня? — спросил он в третий раз, погромче.

— Там, — прошептала она, указывая в угол. Гарри поднял палочку и увидел под занавешенным окном очертания сильно захламлённого туалетного столика.

На этот раз она не шла впереди него. Гарри протиснулся между ней и незастеленной кроватью, подняв палочку вверх. Ему не хотелось упускать старуху из виду.

— Что там? — спросил он, дойдя до столика, где высокой грудой было навалено, судя по виду и запаху, грязное бельё.

— Там, — сказала она, указывая на бесформенную кучу.

И в тот миг, когда он отвернулся — ему почудилось, что он видит в беспорядочном клубке рукоять меча, рубин — она сделала какое-то странное движение. Он уловил его краем глаза, в панике повернулся и застыл, скованный ужасом: тело старухи осело на пол, и оттуда, где только что была её шея, выползла огромная змея.

Она бросилась на него в тот миг, когда он поднял палочку: укус пришёлся в предплечье, такой сильный, что его палочка завертелась и отскочила в потолок, её огонёк, крутясь, замелькал по комнате и погас. Потом он получил мощный удар хвостом в живот, у него перехватило дыхание, и он повалился спиной на туалетный столик, в кучу грязной одежды...

Он перекатился на бок, чудом избежав змеиного хвоста — тот обрушился на столик, где секундой раньше был Гарри. Он свалился на пол, и там его осыпало осколками стеклянной столешницы. Он слышал, как Гермiona зовёт его снизу: «Гарри!», но не мог набрать в лёгкие воздуха, чтобы крикнуть в ответ. А потом что-то тяжёлое и гладкое придавило его к полу, он чувствовал, как оно скользит по нему сверху, сильная, мускулистая тварь...

— Нет! — выдохнул он, прижатый к полу.

— Да-а, — прошелестел голос. — Да-аа... задержать... задержать...

— Ассио... ассио палочка...

Но ничего не произошло, и пришлось действовать руками, пытаясь стащить с себя змею, а она обвивала его своими кольцами, не давая ему дышать, глубоко вдавливая хвост в грудь, ледяной кружок, в котором билась жизнь, в каких-то дюймах от его собственного неистово колотящегося сердца... В его мозг хлынул белый холодный свет, все мысли исчезли, дыхание замерло, где-то слышны шаги, больше ничего...

...Металлическое сердце стучит отдельно от него, и он летит, летит, торжествуя, ему не нужны ни мётлы, ни тестралы...

Внезапно он пришёл в себя, кругом была всё та же темнота и кислый запах: Нагини отпустила его. Он с трудом поднялся на ноги и увидел очертания змеи на фоне освещённой лестничной площадки: она сделала бросок, а Гермiona с пронзительным криком отскочила в сторону, её заклятие отклонилось и ударило в занавешенное окно, разбив его. В комнату хлынул морозный воздух. Гарри пригнулся, уворачиваясь от нового града осколков, и наступил на что-то похожее на карандаш — его палочка...

Он наклонился, схватил её, но змея уже заполняла всю комнату, яростно колотя хвостом. Гермiony нигде не было видно, и Гарри на миг предположил худшее, но тут что-то грохнуло, сверкнула красная вспышка, и змея взвилась в воздух, с силой ударив Гарри в лицо, тяжёлые кольца одно за другим вздымались к потолку. Гарри поднял палочку, но тут его шрам обожгло сильнее и больнее, чем когда-либо за все эти годы.

— Он идёт сюда! Гермiona, он идёт сюда!

Змея повалилась вниз, яростно шипя. В комнате царил хаос: она обрушила со стены полки, во все стороны полетел разбитый фарфор. Гарри перепрыгнул через кровать и поймал тёмный силуэт, который, он знал, принадлежал Гермione...

Она взвизгнула от боли, а он потянул её через кровать обратно: змея поднялась снова, но Гарри знал — приближается то, что хуже змеи, может быть, оно уже у калитки, казалось, его

голова сейчас расколется пополам от боли в шраме...

Змея сделала бросок, и он снова прыгнул, оттаскивая Гермину; когда змея ударила, Гермину закричала «Конфринго!», и заклинание пронеслось по комнате, расколотило зеркало на платяном шкафу и снова отразилось в нём, отскакивая от пола к потолку; Гарри почувствовал, как оно обожгло тыльную сторону его руки. Ему порезало стеклом щеку, когда он, таща за собой Гермину, прыгнул с кровати на разбитый туалетный столик, а оттуда — прямо в окно, вниз, в пустоту, пронзительный крик Гермионы звенел в ночи, они переворачивались в воздухе...

А потом его шрам разорвался от боли, и он был Вольдемортом, он пробежал через вонючую спальню, его длинные белые пальцы впились в подоконник, и он увидел, как лысый мужчина и маленькая женщина повернулись на месте и исчезли, и у него вырвался крик ярости, неистовый вопль, который смешался с криком девушки, разнёсся над тёмными садами вместе со звоном церковных колоколов, возвещавших Рождество...

И Гарри кричал его криком, мучился его болью... это могло случиться здесь, где уже случилось однажды... здесь, откуда виден был тот дом, где он почти узнал когда-то, что такое смерть... смерть... какая страшная боль... он вырван из тела... Но если у него нет тела, то почему так ужасно болит голова; если он умер, почему же так нестерпимо... разве после смерти боль не прекращается, не уходит?...

Сырой, ветреный вечер, через площадь идут вперевалку двое детей, наряженных тыквами, все витрины в бумажных пауках — дешёвая маггловская имитация мира, в который они не верят... Он движется легко, с тем чувством целеустремлённости, могущества и правоты, какое у него всегда бывало в таких случаях... Гнев? нет, это для слабых натур... но торжество — о, да... Он так этого ждал, так надеялся...

— Классный костюм, сэр!

Он видел, как погасла улыбка мальчишки, когда тот подбежал настолько, что мог заглянуть под капюшон плаща, видел, как страх омрачил искажённое лицо. Мальчик развернулся и убежал... Его пальцы перебирали под мантией рукоять волшебной палочки... Одно простое движение, и этот ребёнок никогда не вернётся к своей матери... но незачем, вовсе незачем...

Ещё одна улица, темнее прежней, и теперь его цель наконец видна впереди, чары доверия разрушены, хотя они ещё этого не знают... Он движется бесшумно, тише, чем сухой лист, скользит по тротуару, поравнялся с тёмной изгородью, свернул за неё...

Они не задёрнули занавески, он ясно видел их в маленькой гостиной: высокий черноволосый мужчина в очках выпускает из кончика палочки клубы разноцветного дыма, забавляя маленького черноглазого мальчика в голубой пижаме. Малыш смеялся и пытался поймать дым, сжать его в маленьком кулачке...

Дверь открылась, и вошла мать, она что-то сказала — слов не было слышно, длинные тёмно-рыжие волосы падали на лицо. Вот отец подхватил сына с пола и передал его матери. Потом бросил свою волшебную палочку на диван, потянулся, зевнул...

Калитка еле скрипнула, когда он, толкнув, открыл её, но Джеймс Поттер ничего не слышал. Белая рука вынула из-под плаща волшебную палочку, направила её на дверь, и та распахнулась...

Он стоял на пороге, когда Джеймс ворвался в прихожую. Как просто, слишком просто, он даже не взял палочку...

— Лили, забирай Гарри и уходи! Это он! Уходи! Спасайся! Я его задержу!

— «Я его задержу», когда в руке и палочки-то нет!.. — Он рассмеялся и произнёс проклятие: — Авада Кедавра!

Зелёный свет залил тесную прихожую, осветил детскую коляску, прислоненную к стене, перила замерцали, словно стержни громоотводов, и Джеймс Поттер упал, как падает марионетка, которой перерезали нити...

Он слышал, как она пронзительно кричит наверху, запертая в ловушку, но ей-то бояться нечего, по крайней мере, если она будет благоразумна... Он поднялся по ступеням, прислушиваясь к её попыткам забаррикадироваться изнутри — как забавно... У неё тоже нет с собой палочки... До чего они глупы и доверчивы, полагая, что их безопасность в руках друзей, что можно оставить оружие хотя бы на секунду...

Он распахнул дверь, одним небрежным взмахом палочки отбросив кресло и коробки, которыми она наспех загородила её... Да, вот она, стоит с ребёнком на руках. При виде его она бросила сына в кроватку у себя за спиной и раскинула руки, как будто это могло помочь, как будто она надеялась, что если укрыть его от глаз, то взамен выберут её...

— Только не Гарри, только не Гарри, пожалуйста, только не Гарри!

— Отойди, глупая девчонка... отойди сейчас же.

— Только не Гарри, нет! прошу вас, лучше меня, убейте меня вместо него...

— Предупреждаю в последний раз...

— Только не Гарри! Прошу... сжальтесь... сжальтесь... Только не Гарри! Пожалуйста — я всё сделаю...

— Отойди. Отойди, девчонка!

Он мог бы силой заставить её отойти от кроватки, но, наверное, благоразумнее будет прикончить всех...

В комнате сверкнул зелёный свет, и она упала точно так же, как её муж. Всё это время ребёнок не плакал. Он стоял, ухватившись за решётку кроватки, и с живым интересом изучал лицо пришельца, думая, может быть, что это его отец прячется там, под плащом, и сейчас сделает новые красивые огоньки, и мама вот-вот встанет и рассмеётся...

Он тщательно нацелил палочку в лицо мальчика: ему хотелось видеть, как это случится, видеть, как будет уничтожен этот непонятный источник опасности. Ребёнок заплакал: он понял, что это не Джеймс. Плач был ему неприятен, он ещё в приюте не переносил хныканья этих малявок...

— Авада Кедавра!

И тогда его не стало. Он превратился в ничто, не было ничего, кроме боли и страха, и нужно спрятаться — не здесь, среди обломков разрушенного дома, под которыми вопит ребёнок, а далеко... далеко...

— Нет, — простонал он.

Змея шуршит по грязному, замусоренному полу... он убил мальчика, но этот мальчик — он...

— Нет...

И вот он стоит у разбитого окна в доме Батильды, захваченный воспоминаниями о своём величайшем поражении, и огромная змея скользит у его ног по осколкам стекла и фарфора... Он посмотрел вниз и увидел нечто... нечто невероятное...

— Нет...

— Гарри, всё хорошо, ты живой!

Он нагнулся и поднял разбитую фотографию. Это он, неизвестный вор, тот, кого он ищет...

— Нет... я её уронил... уронил...

— Гарри, всё в порядке, очнись, очнись!

Он — Гарри... Гарри, а не Вольдеморт... и шуршит вовсе не змея... Он открыл глаза.

— Гарри, — прошептала Гермиона. — Ты... ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, — соврал он.

Он в палатке, лежит на одной из нижних коек под горой одеял. Видимо, приближается рассвет — он понял это по тому, как неподвижно падал тусклый холодный свет сквозь



холщовый потолок. Он был весь в поту, простыни и одеяла тоже были влажные.

— Мы спаслись.

— Да, — отозвалась Гермиона. — Мне пришлось применить Парящие чары, чтобы перенести тебя на койку. Я не могла тебя поднять. Ты был... в общем, ты был не совсем...

Под её карими глазами залегли фиолетовые тени. Он заметил в её руке небольшую губку: значит, она обтирала ему лицо.

— Тебе было плохо, — заключила она. — Очень плохо.

— Давно мы оттуда ушли?

— Несколько часов. Уже почти утро.

— И я... я что, был без сознания?

— Не совсем, — неловко произнесла Гермиона. — Ты кричал, стонал... ну и вообще, — добавила она таким тоном, что Гарри забеспокоился. Что же он такое делал? Выкрикивал заклятия, как Вольдеморт, или плакал, как младенец в кроватке?

— Я не могла снять с тебя хоркрукс, — сказала Гермиона, и он понял, что она хочет сменить тему. — Он впечатался тебе в грудь, очень крепко. У тебя остался след. Ты прости, мне пришлось применить режущее заклинание, чтобы его убрать. И змея тебя укусила, но я промыла рану и наложила ясенец...

Он стянул мокрую от пота футболку и осмотрел себя. На уровне сердца остался алый овальный отпечаток, выжженный медальоном. На предплечье были видны почти исцелённые следы змеиных зубов.

— Куда ты положила хоркрукс?

— К себе в сумочку. Думаю, какое-то время нам не надо его носить.

Он снова откинулся на подушки и посмотрел в её заострившееся, посеревшее лицо.

— Нам не стоило приходить в Годрикову лощину. Это я виноват, только я один. Прости, Гермиона.

— Ты не виноват. Я сама хотела пойти, я и правда думала, что Дамблдор мог оставить там меч для тебя.

— Ну да... в этом мы ошиблись, верно?

— Гарри, а что там было? Что произошло, когда она увела тебя наверх? Змея где-то пряталась? И потом просто вылезла, убила её и напала на тебя?

— Нет, — ответил он. — Она была змеей... или змея была ею... всё время.

— К-как?

Гарри закрыл глаза. На нём всё ещё оставался запах дома Батильды, и от этого всё происшествие вставало перед ним с ужасающей ясностью.

— Батильда, видимо, уже была мертва какое-то время. Змея... змея была внутри её. Сама-Знаешь-Кто перенёс её в Годрикову лощину и велел ждать. Ты была права. Он знал, что я вернусь.

— Змея была внутри её?

Он снова открыл глаза. На лице Гермионы было отвращение, доходящее до тошноты.

— Люпин говорил, что существует магия, какую мы и представить себе не можем, — произнёс Гарри. — Она не хотела разговаривать при тебе, потому что это был раздвоенный язык, всё время, а я не догадывался, но я её, конечно, понимал. Как только мы оказались наверху, змея передала известие Сама-Знаешь-Кому, я это услышал у себя в голове, почувствовал, как он возбуждён, он велел задержать меня... а потом...

Он вспомнил, как змея выползла из шеи Батильды. Гермионе вовсе не нужно знать такие подробности.

— ...она превратилась, превратилась в змею и набросилась.

Он взглянул на дырочки от зубов.

— Ей не велено было меня убивать, только задержать до прихода Сама-Знаешь-Кого.

Если бы ему удалось убить змею, этим всё было бы оправдано, всё... С болью в душе он сел и откинул одеяла.

— Нет, Гарри, я думаю, тебе надо отдохнуть!

— Это тебе нужно поспать. Не обижайся, но вид у тебя ужасный. Со мной всё хорошо. Я пока постерегу. Где моя палочка?

Она не отвечала, а только смотрела на него.

— Гермиона, где моя палочка?

Она закусила губу, в глазах стояли слёзы.

— Гарри...

— Где моя палочка?

Она нагнулась, взяла что-то, лежащее возле кровати и протянула ему. Палочка из остролиста и пера феникса практически распалась надвое. Половинки удерживались вместе, висая на одном непрочном волоконец пера феникса; дерево было расщеплено полностью. Гарри взял её в руки, словно это было живое существо, получившее страшную рану. Он не мог толком соображать: всё расплывалось в страхе и смятении. Потом он протянул палочку Гермионе:

— Почини её, пожалуйста!

— Гарри, я не думаю, когда она в таком...

— Попытайся, Гермиона, прошу тебя!

— Р-репаро.

Болтающаяся половинка встала на место. Гарри поднял палочку вверх:

— Люмос!

Палочка слабо мигнула и погасла. Гарри направил её на Гермиону:

— Экспеллиармус!

Палочка Гермионы слегка дёрнулась, но не вылетела из руки. Даже эти жалкие попытки колдовства оказались не по силам палочке Гарри, и она снова развалилась пополам. Он уставился на неё, ошеломлённый, отказываясь воспринимать то, что видел... эта палочка столько всего выдержала...

— Гарри, — Гермиона заговорила шёпотом, так тихо, что он едва различал её слова. — Мне ужасно, ужасно жаль. Наверное, это из-за меня. Помнишь, когда мы уходили, змея на нас бросилась, и я применила взрывное заклятие, оно отскакивало во все стороны, и наверное, это оно... оно попало...

— Это вышло случайно, — машинально произнёс Гарри. Он чувствовал себя пустым, оглушённым. — Мы... мы придумаем, как её исправить.

— Гарри, вряд ли у нас это получится, — сказала Гермиона. Слёзы катились по её лицу. — Помнишь... помнишь, как было у Рона? Когда он разбил машину и сломал палочку? Она так и не стала прежней, ему пришлось купить новую.

Гарри подумал об Олливандере, которого Вольдеморт похитил и держит в заложниках, о Грегоровиче, который уже мёртв. Где же ему теперь найти новую палочку?

— Ну что ж, — сказал он притворно будничным тоном, — тогда я пока просто возьму на время твою. На время, пока я дежурю.

Гермиона с блестящим от слёз лицом отдала ему свою палочку, и он вышел, оставив её сидеть возле его кровати. Ему ничего так не хотелось, как уйти от неё подальше.

# Глава восемнадцатая. Жизнь и ложь Альбуса Дамблдора

Солнце всходило. Над ним простиралась ясная бесцветная ширь небосвода, безразличная к нему и его страданиям. Гарри уселся под пологом палатки и глубоко вдохнул чистый воздух. Просто быть живым, видеть восход солнца над искрящимся заснеженным склоном должно было быть драгоценнейшим в мире благом, но он не мог радоваться ему: чувства его были отравлены катастрофой утраты волшебной палочки. Он оглядывал простиравшуюся перед ним долину, покрытую снегом, и отдаленный звон церковных колоколов раздавался в величественном безмолвии.

Непроизвольно он впивался пальцами в скрещенные на груди руки, как бы пытаясь противостоять физической боли. Он проливал свою кровь бессчетное количество раз; он однажды лишился всех костей в правой руке; нынешнее путешествие уже принесло ему новые шрамы — на груди и на предплечье, в дополнение к тем, что были раньше — на тыльной стороне руки и на лбу, но никогда еще до этого момента не чувствовал он себя таким смертельно слабым, незащищенным, нагим, как будто лучшую часть его магической силы вырвали у него из рук. Он точно знал, что скажет Гермiona, если он попытается поделиться с ней этими своими чувствами: волшебная палочка не сильнее своего хозяина. И будет неправа: для него дело обстоит иначе. Ей не приходилось чувствовать, как палочка берет направление, как стрелка компаса, выстреливая золотыми искрами во врага. Он лишился защиты сердцевины палочки-близнеца, и только теперь, когда ей пришел конец, он осознал, как рассчитывал на нее.

Он вытащил из кармана обломки палочки и, не взглянув на них, сунул в подаренный Хагридом мешочек на шее. Увы, мешочек был теперь до отказа переполнен обломками ненужных вещей. Рука Гарри нащупала через жеребьячью шкуру старый снитч, и в какой-то момент он с трудом подавил искушение вытащить его и выбросить. Непроницаемый, ненужный, бесполезный, как и всё, оставшееся от Дамблдора...

И эта ярость против Дамблдора вырвалась из него теперь, подобно лаве, сжигая его изнутри, бесследно стирая все остальные чувства. Это ведь просто в отчаянии своем они уговорили себя и уверовали в то, что в Годриковой Лощине кроются ответы на их вопросы, убедили себя, что от них ждут возвращения, что всё это — части какого-то тайного курса, проложенного для них Дамблдором. На самом же деле не было никакой карты, никакого плана. Дамблдор оставил их блуждать наощупь во тьме, сражаться с неизвестными и немыслимыми ужасами, в одиночку, без какой бы то ни было поддержки. Ничто так и не прояснялось, ничто не доставалось даром, они не достали меч, а теперь Гарри потерял еще и палочку. Да еще и выронил фотографию вора, и теперь Вольдеморту, конечно, без труда удастся выяснить, кто же это...

У Вольдеморта теперь были в руках все нужные сведения.

— Гарри...

Гермиона, казалось, опасается, что он ее заколдует ее собственной палочкой. Лицо ее было исполосовано следами слез, когда она села, уперев подбородок в колени, рядом с ним; в руках ее дрожали две чашки чая, а из-под мышки виднелось что-то громоздкое.

— Спасибо, — сказал он, взяв у нее чашку.

— Мне бы поговорить с тобой, ты не против?

— Да нет, — ответил он, только чтобы не обидеть ее.

— Гарри, ты интересовался, кто этот человек на фотографии. Ну так вот... Я достала эту

книгу.

Она несмело подтолкнула книгу, и на его колени лег новенький экземпляр «Жизни и лжи Альбуса Дамблдора».

— Откуда... как это?...

— Она была в гостиной у Батильды — просто так лежала... А из нее торчала вот эта записка.

Гермиона вслух прочитала нацарапанные ядовито-зелеными чернилами остроконечные каракули:

*«Дорогая Батти, спасибо за помощь. Вот экземпляр книги, надеюсь, тебе понравится. Ты сказала всё, что надо, хотя и сама не помнишь этого. Рита».*

— Думаю, это пришло, когда настоящая Батильда была еще жива, но, может быть, она была уже не в состоянии прочитать это, а?

— Да, наверное.

Гарри глянул сверху на лицо Дамблдора и испытал прилив какой-то свирепой радости: вот теперь-то он узнает обо всём, чего Дамблдор не считал нужным ему рассказать, и уже не важно, хочет ли этого сам Дамблдор.

— Ты еще очень сердишься на меня, а? — спросила Гермиона. Он поднял взгляд на нее, увидел, как из ее глаз снова полились слезы, и понял, что в лице его, она, видимо, прочла его гнев.

— Нет, — тихо произнес он, — нет, Гермиона, я знаю, это вышло случайно. Ты делала всё, чтоб мы вырвались оттуда живыми, и ты была великолепна. Если бы ты там не пришла мне на выручку, я был бы уже мертв.

Он попытался улыбнуться в ответ на ее улыбку сквозь слезы, а затем занялся книгой. Корешок был жестким: ясно, что ее еще никто не открывал. Он бегло пролистал страницы в поисках фотографий. И почти сразу наткнулся на ту, которую искал: юный Дамблдор и его симпатичный товарищ, заливающиеся хохотом по поводу какой-то давно забытой шутки. Гарри взглянул на подпись:

*«Альбус Дамблдор, вскоре после смерти матери, со своим другом Геллертом Гриндельвальдом».*

Несколько долгих мгновений Гарри так и сидел над последними словами с открытым ртом. Гриндельвальд. Его друг Гриндельвальд. Он искоса глянул на Гермиону, которая всё ещё вглядывалась в это имя, как бы не веря своим глазам. Она медленно подняла глаза на Гарри.

— Гриндельвальд!

Уже не глядя на другие фотографии, Гарри стал просматривать страницы текста вокруг них в поисках рокового имени. Вскоре это ему удалось, и он принялся жадно читать, но тут же растерялся: чтобы понять смысл, надо было вернуться на несколько страниц назад, и в конце концов он очутился в начале главы под названием «Высшее благо». Вместе с Гермионой они стали читать:

*«Итак, приближаясь к своему восемнадцатилетию, Дамблдор покидал Хогвартс в сиянии славы: староста, префект, обладатель премии имени Барнабаса Финкли «За исключительное мастерство заклинателя», представитель британской молодежи в Визенгамоте, обладатель золотой медали» За небывалый вклад в Международную конференцию алхимиков в Каире, Дамблдор намеревался теперь предпринять*

путешествие с Эльфиасом Дожем, прозванным «Кабы-с-Догом», туповатым, но преданным дружкой, которого он подцепил в школе.

Вдвоем молодые люди остановились в «Дырявом котле» в Лондоне, готовясь на следующее утро отбыть в Грецию, как вдруг прилетела сова с вестью о смерти матери Дамблдора. Дож-Кабы-с-Дог, отказавшийся давать интервью для этой книги, представил публике свою собственную сентиментальную версию случившегося. Если верить ему, смерть Кендры явилась трагическим ударом, а решение Дамблдора отказаться от экспедиции — актом благородного самопожертвования.

Конечно же, Дамблдор сразу вернулся в Годрикову Лоущину, как полагали, чтобы позаботиться о своих младших брате и сестре. Но насколько же он позаботился о них на деле?

— Он был больной на голову — этот Аберфорт, — говорит Энид Смол, живший в то время с семьей на окраине Годриковой Лоущины, — и на свободе без присмотра. Понятно, жалко его было, как мамка с папкой померли. Да только он знай себе ржет, как жеребец, у меня над ухом. Не думаю, что Альбус был сильно озабочен его состоянием. Во всяком случае, я никогда не видел их вместе.

Так что же делал Альбус, если не утешал своего беспризорного слабоумного братца? Ответ, думается, в следующем: заботился о том, чтобы не вырвалась на свободу сестренка. Ибо, несмотря на смерть ее первого тюремщика, изменений в жалком положении Арианы Дамблдор не последовало. О самом ее существовании по-прежнему было известно лишь тем из посторонних, кто наверняка мог бы, как и Дож-Кабы-с-Дог, поверить в сказочку о ее «слабом здоровье».

Еще одним таким легковерным другом семьи была Батильда Бэгшот — знаменитая исследовательница истории магии, много лет прожившая в Годриковой Лоущине. Кендра, правда, поначалу высокомерно отвергла радушие, которое Батильда пыталась проявить к ее семье в деревне. Однако несколько лет спустя ученая послала сову Альбусу в Хогвартс, когда на нее произвела приятное впечатление его статья о межвидовых превращениях в журнале «Трансфигурация сегодня». Эта завязавшаяся связь в дальнейшем привела к знакомству Батильды со всей семьей. К моменту смерти Кендры Батильда вот уже много лет оставалась единственной жительницей Годриковой Лоущины, продолжавшей общаться с матерью Дамблдора.

К сожалению, былой блеск, свойственный Батильде в прежние годы, теперь померк. «Огонь зажжен, но котелок пуст», как выразился в разговоре со мной Айвор Диллонсби, или, говоря более приземленными словами Энида Смол, «Старая коза шарики порастеряла». Тем не менее, с помощью хитроумного сочетания проверенных репортерских методов мне удалось выудить достаточное количество ценных крупниц неоспоримых фактов, чтобы из них сложилась вся скандальная история.

Как и вся магическая общественность, Батильда приписывает безвременную кончину Кендры заклинанию, сработавшему в обратную сторону — эту историю Альбус и Аберфорт не раз твердили в последующие годы. Батильда повторяет, как попка, и семейную версию жизни Арианы, называя ее «хрупкой» и «слабенькой». Однако по одному вопросу Батильда высказалась так, что это стоило затраченных мною усилий на доставание сыворотки правды, ибо она и только она досконально знает всю историю наиболее тщательно охраняемой тайны жизни Альбуса Дамблдора. И теперь, когда правда впервые открывается, это ставит под вопрос всё, во что так верили почитатели Дамблдора: его предполагаемую ненависть к темным силам, его оппозицию по поводу притеснения магглов и даже его преданность

собственной семье.

В то самое лето, когда Дамблдор вернулся домой в Годрикову Лощину, уже сиротой и главой семьи, Батильда Бэгшот согласилась принять к себе своего внучатного племянника Геллерта Гриндельвальда.

Имя Гриндельвальда широко известно, и неспроста: в списке наиболее опасных черных магов всех времен и народов его имя окажется не первым лишь благодаря появлению, одним поколением позже, Сами-Знаете-Кого, укравшего у него корону. Однако, поскольку Гриндельвальд никогда не распространял свою террористическую кампанию на Британию, здесь мало кто знает, как он шел к власти.

Получив образование в Дурмиштранге — институте, уже тогда печально знаменитом своей терпимостью к темным силам, Гриндельвальд проявил себя таким же молодым, да ранним, как и Дамблдор. Однако, вместо того, чтобы направить свои усилия на получение наград и премий, Геллерт Гриндельвальд посвятил себя преследованию иных целей. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, даже в Дурмиштранге больше не могли смотреть сквозь пальцы на извращенческое экспериментаторство Геллерта Гриндельвальда, и его исключили.

До сих пор всё, что было известно о дальнейших этапах жизни Гриндельвальда — это то, что он «много путешествовал в течение нескольких месяцев». И вот теперь выясняется, что Гриндельвальд пожелал повидаться со своей двоюродной бабушкой в Годриковой Лощине и что там, какой бы невероятной ни показалась многим эта весть, он завязал близкую дружбу ни с кем иным, как с Альбусом Дамблдором.

— Он казался мне очаровательным мальчиком, — лепечет Батильда, — как бы он ни изменился позднее. Естественно, я представила его бедному Альбусу, которому так недоставало компании сверстников. Мальчишки сходу влюбились друг в друга.

Разумеется, влюбились! Батильда показывает мне хранящееся у нее письмо, посланное Альбусом Дамблдором Геллерту Гриндельвальду под покровом ночи.

— Да, несмотря на то, что они целыми днями беседовали — оба такие блестящие молодые умы, они сошлись, как котел с огнем — я то и дело слыхала, как в окно спальни Геллерта стучится сова с письмом от Альбуса! Придет, бывало, к нему какая идея — ему надо тут же сообщить об этом Геллерту!

А уж какие это были идеи! Как бы глубоко ни возмутило это преданных сторонников Дамблдора, вот мысли их семнадцатилетнего героя, переданные им своему новому лучшему другу. (Фотокопию оригинала письма желающие найдут на стр. 463.)

### **Геллерт!**

По поводу твоей мысли о том, что господство магов должно существовать ВО ИМЯ БЛАГА САМИХ МАГГЛОВ: вот, на мой взгляд, суть вопроса. Да, нам дано могущество, да, благодаря ему мы имеем право господствовать, но это же могущество наделяет нас и ответственностью перед теми, над кем мы господствуем. Надо подчеркнуть эту мысль, она станет краеугольным камнем того, что мы строим. Если с нами будут не соглашаться — а это обязательно будет — это должно стать основанием всех наших контраргументов. Мы захватываем власть ВО ИМЯ ВЫСШЕГО БЛАГА. А из этого следует, что там, где мы будем наткаться на сопротивление, мы должны применять силу только в рамках необходимого — не больше. (В этом была твоя ошибка в Дурмиштранге! Но я не

жалуюсь, потому что, если бы тебя не исключили, мы бы так никогда и не встретились.)

## **Альбус**

*И хотя многие его почитатели будут поражены и обескуражены, это письмо провозглашает Статус секретности и установление власти магов над магглами. Какой удар для тех, кто всегда изображал Дамблдора величайшим поборником прав магглорожденных! И какими же пустыми предстают все речи в защиту прав магглов в свете этого сногшибательно нового свидетельства! И каким подлым предстает Дамблдор, строящий планы захвата власти в тот момент, когда ему подобало оплакивать мать и заботиться о сестре!*

*Несомненно, те, кто полны решимости удержат Дамблдора на осыпающемся пьедестале, станут блять, что он всё же так и не осуществил свой план, что, должно быть, он прошел через переоценку ценностей, пришел в себя. Однако тем более шокирующей выглядит правда.*

*Всего лишь через два месяца после начала их большой дружбы Дамблдор и Гриндельвальд расстались, чтобы никогда больше не встречаться вплоть до своей легендарной дуэли (более подробно о ней читайте в главе 22). Чем вызван столь внезапный разрыв? Пришел ли Дамблдор в себя? Сказал ли Гриндельвальду, что не хочет больше участвовать в его планах? Увы, нет!*

*— Я думаю, к этому привела смерть бедняжки Арианы, — говорит Батильда, — это было ужасное потрясение. Геллерт был там, в доме, когда это произошло, а когда вернулся ко мне, он весь дрожал, сказал, что хочет завтра же уехать домой. И, знаете, он был так расстроен! Так что я достала портключ, и с тех пор больше я его не видела.*

*— Альбус был вне себя, когда Ариана умерла. Это было так ужасно для обоих братьев. Они потеряли всех близких и остались только вдвоем. Неудивительно, что порой им несколько изменяло самообладание. Аберфорт обвинял Альбуса — знаете, как это бывает в таких жутких обстоятельствах. Правда, Аберфорт всегда разговаривал, как психованный, бедняга. Но всё равно, разбить Альбусу нос на похоронах — это было недостойно. Если бы Кендра могла увидеть, что ее мальчики вот так дерутся над телом ее дочери — она бы этого не вынесла! Жаль, что Геллерт не смог остаться на похороны... Он мог хотя бы утешить Альбуса...*

*Эта ужасающая свара у гроба, известная лишь тем немногим, кто был на похоронах Арианы Дамблдор, вызывает несколько вопросов. Почему же всё-таки Аберфорт Дамблдор обвиняет Альбуса в смерти сестры? Было ли это, как представляет дело «Батти», всего-навсего нервным срывом, вызванным горем? Или же могла быть какая-то более конкретная причина для такой ярости? Гриндельвальд, исключенный из Дурмитранга за свои едва не окончившиеся трагически нападения на однокашников, сбежал из страны всего через несколько часов после смерти девушки, и Альбус (со стыда или со страху?) так никогда больше с ним не виделся — до той поры, когда вынужден был это сделать, уступив настойчивым просьбам магической общественности.*

*Ни Дамблдор, ни Гриндельвальд, кажется, никогда в жизни не упоминали об этой юношеской дружбе. Однако нет никакого сомнения в том, что Дамблдор оттягивал, в течение примерно пяти лет, наполненных мучениями, роковыми несчастьями и*

*исчезновениями, свое нападение на Геллерта Гриндельвальда. Что заставляло Дамблдора колебаться — сохранившаяся привязанность к этому человеку или страх разоблачения того, что когда-то они были лучшими друзьями? И неужели Дамблдор лишь неохотно решился на захват человека, от встречи с которым он некогда был в таком восторге?*

*А как же всё-таки умерла таинственная Ариана? Пала ли она случайной жертвой какого-то ритуала черной магии? Наткнулась ли она на что-то, чего не должна была видеть, когда двое молодых людей готовились к своей попытке прийти к славе и власти? Возможно ли, что Ариана явилась первой жертвой, принесенной «во имя высшего блага»?*

На этом глава заканчивалась, и Гарри оторвал глаза от книги. Гермиона успела дочитать страницу быстрее. Она выхватила книгу из рук Гарри, несколько встревоженная его выражением лица, и захлопнула ее не глядя, как бы пытаясь спрятать что-то непристойное.

— Гарри...

Но он покачал головой. В нем сломалась какая-то внутренняя уверенность; ощущение было точно такое же, как после ухода Рона. Он доверял Дамблдору, верил в него как в воплощение добра и мудрости. Всё обратилось в прах: сколько еще потерь предстояло ему пережить? Рон, Дамблдор, палочка с пером феникса...

— Гарри, — она, казалось, услышала его мысли, — Послушай меня. Это... Это, конечно, не самое приятное чтение...

— Да, уж это точно...

— ... но не забывай, Гарри, это же пишет Рита Вритер.

— Но ты же читала это письмо Гриндельвальду?

— Да, я... читала, — она помедлила, вид у нее был расстроенный, холодными руками она обхватила свою чашку с чаем, — я думаю, это самое страшное. Я знаю, что Батильда думала, что это всё только разговоры, но выражение «Ради высшего блага» стало девизом Гриндельвальда, его оправданием за все совершенные в дальнейшем жестокости. А из этого... получается так, вроде Дамблдор подал ему эту идею. Говорят, фраза «Ради высшего блага» была вырезана даже над входом в Нурменгард.

— Что такое Нурменгард?

Тюрьма, построенная Гриндельвальдом, где он держал своих противников. В конце концов он и сам туда угодил, когда Дамблдор поймал его. Так или иначе, это... Это ужасно, если идеи Дамблдора помогли Гриндельвальду прийти к власти. Но, с другой стороны, даже Рита не может уйти от того факта, что их знакомство продолжалось всего несколько месяцев, всего одно лето, когда оба были еще совсем юнцами, и...

— Я знал, что ты так скажешь, — отвечал Гарри. Он не хотел срывать злость на Гермионе, но было так трудно не заговорить на повышенных тонах. — Так и знал, что ты скажешь: «Они были молоды». Да они же были одного возраста с нами. И вот сегодня мы рискуем жизнью в борьбе против темных сил, а он тогда был в одной шайке со своим новоиспеченным лучшим другом, строил планы завоевания власти над магглами!

Не в силах больше сдерживаться, он встал и заходил туда-сюда, пытаясь хоть как-то согнать злость.

— Я не пытаюсь оправдывать то, что написал Дамблдор, — сказала Гермиона, — вся эта чепуха насчет «права на господство» — это же то же самое, что «Магия — сила» — снова-здорово. Но, Гарри, ведь у него только-только умерла мать, он оказался один-одинешенек в четырех стенах...



— Один-одинешенек? Если бы! Рядом с ним находились его брат и сестра — его сестра-пшик, которую он держал взаперти...

— Я в это не верю, — возразила Гермиона. Она тоже встала. — Что б там ни было не так с этой девочкой, я не думаю, что она была пшиком. Тот Дамблдор, которого мы знали, никогда и ни за что не допустил бы...

— Тот Дамблдор, которого мы думали, что знаем, не хотел силой завоевать власть над магглами! — вскричал Гарри, и голос его отозвался эхом по всему обнаженному холму, и несколько черных дроздов взлетело в воздух, с криками закружив по перламутровому небосводу.

— Он изменился, Гарри, он изменился! Ведь это же так просто! Может быть, он и верил во всё это в семнадцать лет, но вся его оставшаяся жизнь была посвящена борьбе с темными силами! Ведь именно Дамблдор остановил Гриндельвальда, именно он всегда поднимал голос в защиту магглов и прав магглорожденных, именно он с самого начала сражался против Сам-Знаешь-Кого и умер в попытке одолеть его!

Книга Риты лежала на земле между ними, и лицо Альбуса Дамблдора грустно улыбалось с обложки им обоим.

— Извини, Гарри, но мне кажется, что истинная причина твоего гнева в том, что Дамблдор сам никогда тебе об этом ничего не рассказывал.

— Может быть, и так! — взревел Гарри. Он обхватил голову руками, сам не зная, зачем: то ли пытаясь сдержать свой гнев, то ли защищаясь от груза свалившихся на него разочарований. — Послушай, чего он требовал от меня, Гермиона! Рискуй своей жизнью, Гарри! И опять! И опять! И не жди от меня, что я тебе всё объясню — просто слепо доверяй мне, верь, что я знаю, что делаю, доверяй мне даже несмотря на то, что я тебе не доверяю! И никогда не открывал мне всей правды! Никогда!

Голос его треснул от напряжения, они так и стояли, глядя друг на друга в белесой пустоте, и Гарри почувствовал, что они — всего лишь жалкие насекомые под этим широким небом.

— Он любил тебя, — прошептала Гермиона, — я знаю, что он тебя любил.

Гарри бессильно опустил руки.

— Не знаю, кого он любил, Гермиона, но уж точно не меня. Какая же это любовь — оставить меня в таком отчаянном положении? Своими подлинными мыслями он черт знает во сколько раз больше делился с Гелертом Гриндельвальдом, чем когда-либо со мной.

Гарри поднял палочку Гермионы, которую он обронил в снег, и снова уселся под пологом палатки.

— Спасибо за чай. Я отдежурю до конца. А ты возвращайся в тепло.

Она поколебалась, но почувствовала, что уйти придется. Она подняла книгу и прошла в палатку мимо него, но на ходу легонько провела рукой по волосам Гарри. Он прикрыл глаза при ее прикосновении, ненавидя себя за то, что ему так хотелось, чтобы она оказалась права, что Дамблдор в самом деле любил его.

## Глава девятнадцатая. Серебряная лань

Когда Гермиона в полночь сменила Гарри на вахте, шёл снег. Гарри снились сбивчивые и тревожные сны, всё мерещилась Нагини, ползущая сквозь венки из рождественских роз. Он то и дело просыпался в панике, с ощущением, что его кто-то звал издалека, в звуках треплющего палатку ветра ему слышались шаги или голоса.

В конце концов, он встал затемно и присоединился к Гермионе, съёжившейся у входа над "Историей магии", которую читала при свете палочки. Снаружи валил густой снег, и она с облегчением поддержала его предложение собраться и двигаться дальше.

— Поищем другое место, получше защищённое, — дрожа, добавила она и натянула поверх пижамы фуфайку. — Мне всё время кажется, что снаружи ходят, и вроде даже пару раз кого-то видела.

Гарри молча надел джемпер и взглянул на тихий неподвижный Вредноскоп на столе.

— Я уверена, что мне привиделось, — с беспокойством проговорила Гермиона. — Снег, темнота, в глазах рябит... Но думаю, дизаппарировать стоит под плащом-невидимкой, так, на всякий случай.

Через полчаса они убрали палатку, Гарри надел хоркрукс, Гермиона держала свою бисерную сумочку, и они исчезли. Их втянуло в привычную тесноту, ноги Гарри оторвались от сугроба, затем тяжело ударились обо что-то вроде замёрзшей земли, усыпанной листьями.

— Где это мы? — спросил он, оглядывая выросшую вокруг стену деревьев; Гермиона открыла свою сумочку и начала вытаскивать опоры палатки.

— Форест-оф-Дин, — ответила она, — мы сюда однажды с родителями в поход ходили.<sup>[7]</sup>

Здесь тоже повсюду на ветвях деревьев лежал снег, и было пронизывающе холодно, но, по крайней мере, они были защищены от ветра. Почти весь день они просидели в палатке прижавшись друг к другу, чтобы согреться, возле удобного ярко-голубого огня — его можно было зачерпнуть и нести в кружке — который Гермиона создавала совершенно мастерски. У Гарри было чувство, что он выздоравливает после короткой, но тяжёлой болезни, и заботливость Гермионы только усиливала это ощущение. Ближе к вечеру началась пурга, и их укромная полянка была теперь присыпана свежим слоем рыхлого снега.

Гарри толком не спал две ночи и был гораздо более взвинченным, чем обычно. Оттого, что они чуть не погибли в Годриковой лощине, Вольдеморт стал казаться ближе, чем раньше, и ещё более угрожающим. Когда опять стемнело, Гарри не захотел, чтобы Гермиона сторожила палатку, и отправил её спать.

Он пододвинул старую диванную подушку к входу и устроился на ней, и, хотя и натянул на себя все свитера, какие у него были, его всё равно пробирал озноб. Время шло, темнота сгущалась, пока не стала совсем непроницаемой. Он уже собирался было взять карту Мародёров и последить за точкой Джинни, но вспомнил, что рождественские каникулы, и она наверняка уже вернулась в Нору.

В огромном пространстве леса самое незаметное движение приобретало размах. Гарри знал, что в лесу живёт множество различных тварей, и ему хотелось бы, чтобы все они сидели тихо и неподвижно, чтобы можно было отличить их мирную суету и мельтешение от звуков, за которыми последовали бы другие существа, смертельно опасные. Ему вспомнился шорох плаща, скользившего по сухим листьям много лет назад, и он тут же подумал, прежде чем вернулся к реальности, что снова слышит этот звук. Чары защищали их уже много недель, с чего бы им было разрушиться именно сейчас? И всё же он не мог избавиться от ощущения, что этим вечером что-то было не так.

Несколько раз он вскидывал голову, болела шея оттого, что он задремал в неудобной позе, съехав по пологу палатки. Ночь стала непроглядной, бархатисто-чёрной, будто он застрял в пустоте во время аппарирования. Гарри всего лишь поднял перед собой руку, чтобы понять, может ли он рассмотреть собственные пальцы, и в этот момент всё и началось.

Впереди возник сгусток яркого серебристого света и двинулся между деревьями. Что бы это ни было, оно перемещалось беззвучно, словно огонёк просто плыл к нему.

Звуки застыли у Гарри в горле, он вскочил на ноги и выставил перед собой палочку Гермионы. Свет стал слепящим, стволы деревьев на его фоне были совсем чёрными, и Гарри сощурил глаза. Оно приближалось...

И вдруг источник света выступил из-за дуба. Это была серебристо-белая лань, яркая, как луна, её шкура сверкала, она аккуратно ступала по земле, всё так же без единого звука и не оставляя следов на мелком снегу. Высоко подняв красивую голову с огромными глазами, обрамлёнными длинными ресницами, она шла к нему.

Гарри во все глаза смотрел на удивительное животное, потрясённый не столько его необычным видом, сколько необъяснимым чувством узнавания, будто ждал её, только забыл и до этого самого момента не помнил, что они договаривались встретиться. Острое ещё минуту назад желание позвать Гермиону сейчас улетучилось. Он точно знал и был готов голову дать на отсечение, что лань пришла к нему, и ни к кому другому.

Они некоторое время смотрели друг на друга, затем она повернулась и пошла прочь.

— Нет, — выдавил он севшим от долгого молчания голосом. — Вернись!

Но она неспешно удалялась среди деревьев, и скоро черные стволы полосами скрыли её сияние. На мгновение он заколебался. Осторожность подсказывала, что это могло быть обманом, приманкой, ловушкой. Но чутьё, затмевающий всё инстинкт убеждал, что это была вовсе не тёмная магия. Он рванулся следом.

Под его ногами скрипел снег, а лань, проходя между деревьев, не производила никакого шума, потому что была самым светом. Она вела его дальше и дальше в лес, Гарри шёл быстро, в уверенности, что как только она остановится, то позволит ему подойти близко. И тогда она заговорит с ним и расскажет всё, что он так хотел знать.

Наконец лань остановилась. Она ещё раз повернула к нему свою изящную голову, и он сорвался на бег. Ему так хотелось расспросить её, но едва он открыл рот, как она исчезла.

Несмотря на то, что тьма поглотила лань целиком, её пламенеющий силуэт отпечатался у него в глазах, мешал видеть, стоило прикрыть веки — ярко вспыхивал, сбивал с толку. Ему стало страшно — её присутствие означало безопасность.

— Люмос! — шепнул он, и на конце палочки затеплился огонёк.

Образ лани таял с каждым движением век. Гарри застыл на месте, прислушиваясь к звукам леса, потрескиванию сучьев в отдалении, тихому шороху падающего снега. На него вот-вот нападут? Она заманила его в западню? Может, ему вовсе не казалось, что за кругом света от палочки кто-то стоит и наблюдает за ним?

Он поднял палочку выше. На него никто не кинулся, не выстрелил из-за дерева зелёной молнией. Но тогда для чего же она его сюда привела?

В свете палочки что-то сверкнуло, и Гарри резко обернулся, но там оказалось всего лишь небольшое замёрзшее озерцо, и его чёрная потрескавшаяся поверхность заискрилась, когда он занёс над ней палочку, чтобы рассмотреть получше.

Он осторожно ступил на лёд и посмотрел вниз. Во льду отражался его неровный силуэт и сияние палочки, но глубоко под толстой мутной ледяной коркой тоже что-то поблёскивало. Огромный серебряный крест...

К горлу подкатил комок. Гарри упал на колени на краю озера и поднёс ко льду палочку,

чтобы как можно лучше осветить дно. Тёмно-красная вспышка... Это был меч с переливающейся рубинами рукояткой... На дне лесного озера покоился меч Гриффиндора.

Гарри смотрел на него, чуть дыша. Как такое было возможно? Как получилось, что он оказался в озере так близко от места, где они разбили лагерь? Может, какая-то неизвестная магия призвала сюда Гермиону, или лань, в которой он узнал Патронус, была чем-то вроде хранителя озера? Или может, меч положили туда уже после того, как они появились, именно потому, что они оказались рядом? В таком случае, кто был тот человек, который хотел передать меч Гарри? Он снова указал палочкой на окружающие кусты и деревья в поисках человеческого силуэта, отблеска глаз, но никого не увидел. Вместе с тем, ему стало страшнее, и это немного умерило его радостное возбуждение. Он снова принялся рассматривать меч, лежавший на дне замёрзшего озера.

Он навёл палочку на серебристый крест и прошептал:

— **Ассио** меч.

Меч не шелохнулся. Гарри на это и не рассчитывал. Если бы его можно было так легко вытащить оттуда, то его бы просто положили на землю, чтобы он поднял, а не утопили в озере подо льдом. Он двинулся вдоль берега озера, вспоминая, как меч достался ему в прошлый раз. Тогда он был в смертельной опасности, и ему требовалась помощь.

— Помоги мне, — пробормотал он, но меч всё так же неподвижно и безразлично лежал на дне.

Гарри пошёл дальше, силясь вспомнить, что же сказал ему Дамблдор в тот раз, когда он добыл меч. Только настоящий гриффиндорец мог вытащить из шляпы меч. Что за качества определяли истинного гриффиндорца? Внутренний голос Гарри ответил: гриффиндорцев отличает сила духа, храбрость и готовность к подвигам.

Гарри остановился и глубоко вздохнул, пар от его дыхания быстро рассеялся в ледяном воздухе. Он понял, что от него требовалось. По правде говоря, он подумал, что к этому всё идёт, ещё когда сквозь лёд разглядел меч.

Он снова оглядел деревья вокруг, хотя уже был уверен, что никто не собирается нападать. Для этого было множество возможностей, пока он шёл в одиночку по лесу или когда осматривал озеро. Единственной причиной для промедления было то, что ему предстояло проделать нечто крайне неприятное.

Гарри негнушными пальцами принялся стягивать с себя одежды, уныло размышляя, что в этом не было ничего героического, кроме того, что он не позвал Гермиону, чтобы она вытащила меч вместо него.

Пока он раздевался, где-то ухнула сова, и он с болью подумал о Хедвиг. Он дрожал, зубы ужасно стучали, но он продолжал, пока не остался в одном белье и босиком на снегу. Он положил мешочек, в котором хранил свою палочку, письмо матери, осколок зеркала Сириуса и старый снитч, на кучу вещей, затем указал гермиониной палочкой на лёд.

— **Диффиндо**.

Треск ломающегося льда прозвучал в тишине, как выстрел. Поверхность озера раскололась, и куски тёмного льда покачивались на волнах. Насколько Гарри мог судить, там было неглубоко, но чтобы достать меч, он должен был погрузиться в воду с головой.

Если так и стоять, обдумывая задачу, ни она не станет от этого проще, ни вода теплее. Он подошёл к краю озера и положил на землю всё ещё светящуюся палочку Гермионы. Затем, стараясь не думать о том, насколько холоднее ему станет или как его будет трясти от холода, он прыгнул в воду.

Каждая клеточка его тела сопротивлялась. Казалось, что даже воздух в лёгких окаменел, когда он вошёл в ледяную воду по плечи. Он еле дышал, его трясло так, что вода выплёскивалась

на края полыньи. Он пытался нащупать ногой лезвие меча. Ему не хотелось нырять больше, чем один раз.

Гарри, дрожа и задыхаясь, секунду за секундой оттягивал момент погружения, пока не сказал себе, что это должно быть выполнено, призвал всё своё мужество и нырнул.

Холод убивал, буквально сжигал его. У Гарри было ощущение, что даже мозг — и тот замёрз, пока он прорывался сквозь тёмную воду ко дну и тянулся к мечу. Пальцы сомкнулись на рукоятке, Гарри потянул его на себя.

И тут вдруг что-то сдавило горло. Сначала он подумал, что это водоросли, но когда нырнул, в воде ничего не плавало, и он потянулся к шее, чтобы высвободиться. Это оказались не водоросли, а цепочка хоркрукса, которая сжалась и перекрыла ему дыхание.

Гарри резко оттолкнулся от дна, пытаясь выгрести на поверхность, но его только отнесло к каменистому берегу озера. Барахтаясь и задыхаясь, он цеплялся за душащую его цепочку, но застывшим пальцам никак не удавалось ослабить её, и у него перед глазами заплескали вспышки, он тонул, ему ничего не оставалось, он ничего уже не мог сделать, и руки, обхватившие его грудь, определённо принадлежали Смерти...

Гарри тошнило, он задыхался, промокший и замёрзший, как никогда в жизни, он пришёл в себя, лёжа лицом в снег. Поблизости кто-то фыркал и откашливался и неуверенной походкой шёл к нему, как та, когда на него напала змея... И всё-таки, на неё было не похоже — и кашель слишком низкий, и шаги тяжелее...

У Гарри не хватило сил поднять голову и посмотреть, кто его спаситель. Он смог только дотянуться трясущейся рукой до горла и нащупать место, где цепочка туго стягивала горло. Медальон исчез. Кто-то срезал его. Затем у него над головой кто-то сказал задыхающимся голосом:

— Ты... что... псих?

Только потрясение от того, что слышит этот голос, придало Гарри силы подняться. Он, пошатываясь, встал, его била крупная дрожь. Перед ним стоял Рон, полностью одетый, но промокший до нитки, с прилипшими к лицу волосами, мечом Гриффиндора в одной руке и свисавшим на порванной цепочке хоркруксом в другой.

— Какого дьявола, — выдохнул Рон, взмахнув хоркруксом, который качался на своей коротенькой цепи наподобие маятника для гипноза, — ты не снял это хреновину перед тем, как нырнуть?

Гарри не мог выговорить ни слова. Серебряная лань была мелочью, сущей мелочью по сравнению с появлением Рона, он не мог поверить в это. Трясаясь от холода, он схватил вещи, так и лежавшие на берегу озера, и принялся одеваться. Натягивая через голову один свитер за другим, Гарри пялился на Рона, каждый раз ожидая, что стоит потерять его из виду, и тот растворится в воздухе, но это был настоящий Рон, который нырнул в озеро и спас жизнь Гарри.

— Так это был ты? — наконец выговорил Гарри, клацая зубами. Оттого, что его чуть не задушили, его голос был совсем слабым.

— Ну да, — Рон выглядел немного смущённым.

— Это ты создал ту лань?

— Что? Конечно, нет! Я думал, что это ты!

— Мой патронус — олень.

— А, ну да, то-то мне показалось, что он какой-то другой. Рогов не было.

Гарри повесил на шею мешочек Хагрида, надел последний свитер, наклонился поднять гермионину палочку и снова оказался лицом к лицу с Роном.

— Как ты здесь оказался?

Рон явно рассчитывал, что на этот вопрос придётся отвечать позже, если вообще придётся.

— Ну, я... это... вернулся. Если... — он прочистил горло, — ну, понимаешь... Если я ещё нужен.

Повисло молчание. Обстоятельства, при которых Рон покинул их, будто стеной встали между ними. И всё-таки он был здесь. Он вернулся. Он только что спас Гарри от смерти.

Рон посмотрел на свои руки. На секунду у него был такой вид, будто он недоумевает, откуда взялись эти вещи, которые он держал.

— А, да, я вытащил его, — без особой необходимости добавил он, протягивая меч Гарри. — Ты за ним прыгал, да?

— Ага, — ответил Гарри. — Но я вот что не понимаю. Как ты сюда попал? Как ты нас нашёл?

— Долгая история, — проговорил Рон. — Я вас несколько часов искал, это же громадный лес. Только подумал, что придётся ночевать под деревом и дожидаться утра, как увидел лань и тебя следом.

— А ты больше никого не видел?

— Нет, — сказал Рон, — я...

Он поколебался, взглянув на два дерева, росших близко друг к другу в нескольких ярдах от них.

— На самом деле, мне показалось, что там кто-то шевелится, но я бежал к озеру, потому что ты ушёл под воду и не показывался, так что у меня не было времени проверять... эй!

Гарри уже бежал к тому месту, которое указал Рон. Два дуба стояли рядом, между стволами на уровне глаз была щель в несколько дюймов — идеальное место для наблюдения, чтобы не быть при этом замеченным. Впрочем, на земле вокруг корней не было снега, и Гарри не нашёл никаких следов. Он вернулся туда, где ждал его с мечом и хоркруксом Рон.

— Нашёл что-нибудь? — спросил он.

— Неа, — ответил Гарри.

— Как же меч мог попасть в озеро?

— Наверное, его положил туда тот, кто вызвал Патронуса.

Они посмотрели на богато украшенный серебряный меч, на рукояти которого в свете от палочки Гермионы сверкали рубины.

— Как думаешь, это и есть настоящий? — спросил Рон.

— Есть только один способ проверить, — ответил Гарри.

Хоркрукс всё ещё болтался на цепочке в руке Рона. Медальон едва заметно подёргивался. Гарри знал, что нечто, жившее внутри, снова забеспокоилось. Оно почувствовало меч и попыталось убить Гарри, чтобы тот не смог получить его. Не время для долгих рассуждений, хоркрукс следовало уничтожить прямо сейчас, раз и навсегда. Гарри, высоко подняв палочку Гермионы, огляделся и увидел подходящее место: в тени платана лежал плоский камень.

— Идём, — позвал он и подошёл к камню, смёл с него снег и протянул руку за хоркруксом. Рон подал ему меч, но Гарри помотал головой.

— Нет, это ты должен сделать.

— Я? — потрясённо спросил Рон. — Почему это?

— Это же ты достал меч из озера, так что, думаю, бить должен ты.

Это не было щедростью или благородством. Он был убеждён, что меч предназначался для Рона, настолько же, как и том, что лань была хорошим знамением. По крайней мере, Дамблдор научил Гарри кое-чему относительно определённых видов магии и почти безграничной силы некоторых поступков.

— Я открою его, — сказал Гарри, — а ты вонзишь меч. Сразу же, понятно? Потому, что бы там ни находилось, что оно будет бороться. Часть Риддла, которая жила в дневнике, пыталась

убить меня.

— Как ты откроешь его? — спросил Рон. Он выглядел напуганным.

— Я попрошу его открыться — на раздвоенном языке, — проговорил Гарри. Ответ с такой готовностью сорвался с его губ, что ему подумалось, что в глубине души он с самого начала это знал. Вероятно, он осознал это после недавней стычки с Нагини. Гарри посмотрел на извивающуюся букву «С», выложенную блестящими зелёными камешками, так легко было представить на её месте крошечную змейку, свернувшуюся на холодном камне.

— Нет! — воскликнул Рон. — Не открывай! Я серьёзно!

— Почему? — спросил Гарри. — Давай избавимся от этой гадости, мы столько месяцев...

— Я не могу, Гарри, правда... лучше ты...

— Но почему?

— Потому что эта штука для меня опасна! — ответил Рон, отступая от камня и медальона на нём. — Я с ней не справлюсь! Я не собираюсь оправдываться в том, как себя вёл, но оно действует на меня хуже, чем на вас с Гермионой, мне в голову такое лезет... я и так об этом думал, но от него только хуже становилось. Я не могу толком объяснить, а потом снимаю его, и у меня в голове проясняется, а потом опять приходится надевать эту дрянь... Я не могу, Гарри!

Он пытался, мотая головой, меч концом волочил по земле рядом с ним.

— Ты сможешь, — сказал Гарри, — у тебя получится! Ты только что достал меч, и я знаю, что использовать его должен только ты. Пожалуйста, давай покончим с ним, Рон.

Собственное имя словно подхлестнул его. Рон сглотнул и, с трудом дыша длинным носом, двинулся обратно к камню.

— Скажи, когда, — просипел он.

— На три, — откликнулся Гарри. Он, сузив глаза, посмотрел на медальон, сконцентрировался на букве «С», представляя вместо неё змею, и внутри медальона что-то завозилось, будто таракан в коробке. Было бы так просто пожалеть его, да вот только шею до сих пор саднило.

— Раз... два... три... откройся.

Последнее слово прозвучало шипящим сердитым возгласом, и золотые створки медальона с лёгким щелчком распахнулись.

За обоими стёклышками на створках моргали живые глаза, тёмные и красивые — какие были у Тома Риддла, прежде чем они у него стали красными с узкими зрачками.

— Бей, — сказал Гарри, неподвижно удерживая медальон на камне.

Рон трясущимися руками занёс меч. Остриё моталось над бешено вращающимися глазами, и Гарри, внутренне собравшись, крепко держал медальон, уже ожидая, что из опустевших створок польётся кровь.

И тут из хоркрукса раздался шипящий голос.

— Я видел твоё сердце, и оно моё.

— Не слушай его! — резко сказал Гарри. — Бей же!

— Я видел твои сны, Рональд Уизли, и твои страхи тоже. Всё, чего ты хочешь, может быть исполнено, но и то, чего ты боишься, так же возможно...

— Бей! — закричал Гарри, и его голос эхом повторили окружающие деревья. Остриё меча дрогнуло, и Рон уставился в глаза Риддла.

— Твоя мать любила тебя меньше других детей, она мечтала о дочери... Твоя девушка предпочла твоего друга, а тебя любит гораздо меньше, чем его... Всегда второй, всегда, навечно в тени...

— Рон, бей немедленно! — заорал Гарри. Он чувствовал, как медальон дёргается у него в руках, и боялся того, что скоро должно было произойти. Рон поднял меч выше, и глаза Риддла

блеснули алым.

Из створок медальона, из обоих глаз выросли, как мыльные пузыри, странно перекошенные головы Гарри и Гермионы.

Рон вскрикнул от неожиданности и отшатнулся, люди из медальона продолжали подниматься — плечи, живот, затем ноги — пока не встали на медальоне во весь рост, бок о бок, как деревья с одним корнем, покачиваясь над Роном и настоящим Гарри, который отдёргнул руки от медальона, внезапно раскалившегося добела.

— Рон! — закричал Гарри, но Гарри-Риддл говорил теперь голосом Волдеморта, и Рон, как зачарованный, не отрываясь, смотрел на него.

— Зачем ты вернулся? Нам без тебя было лучше, мы были счастливы без тебя, радовались, что тебя с нами нет... Мы смеялись над твоей глупостью, трусостью, сомнением...

— Какое сомнение! — эхом откликнулась Гермиона-Риддл. Она была красивее и в то же время страшнее, чем настоящая Гермиона. Она с хихиканьем плавала перед Роном, который смотрел на неё с ужасом, ошеломлён, меч бесполезно болтался у него в руке. — Да кто обратит на тебя внимание, кто заметит тебя, когда рядом Гарри Поттер? Ты когда-нибудь хоть что-нибудь совершил, как он, Избранный? Да кто ты такой по сравнению с Мальчиком-который-выжил?

— Рон, бей, бей его! — вопил Гарри, но Рон не шелохнулся. Его глаза были широко распахнуты, и в них отражались Гарри-Риддл и Гермиона-Риддл, их волосы извивались, как языки пламени, глаза горели красным, голоса сливались в злобный дуэт.

— Твоя мать сама говорила, — презрительно усмехнулся Гарри-Риддл, а Гермиона-Риддл ехидно захихикала, — что лучше бы я был её сыном, она была бы рада поменяться...

— Да ему кто угодно рад, а ты ни одной женщине не нужен, ты ничтожество, ничто, пустое место по сравнению с ним, — вторила ему Гермиона-Риддл, затем вытянулась, как змея, и обвилась вокруг Гарри-Риддла, плотно прижавшись к нему. Их губы встретились.

Рон с искаженным от боли лицом стоял на земле перед ними. Он вскинул меч, но руки его тряслись.

— Давай, Рон! — заорал Гарри.

Рон смотрел перед собой, и Гарри показалось, что он увидел в его глазах красные блики.

— Рон...

Меч вспыхнул и резко опустился. Гарри отскочил в сторону, раздался лязг металла и долгий протяжный вопль. Гарри крутанулся на месте, оскальзываясь в снегу, с палочкой наготове, чтобы защищаться, но драться было не с кем.

Жуткие подобию их с Гермионой исчезли. Не было никого, кроме Рона, вяло державшего в руке меч и глядевшего на обломки разбитого медальона на камне.

Гарри медленно вернулся к нему, не представляя, что тут можно сказать или сделать. Рон тяжело дышал. Его глаза больше не были красными, а как обычно, голубыми, и из них текли слёзы.

Сделав вид, что не замечает этого, Гарри наклонился и поднял разбитый хоркрукс. Рон разбил стекло в обеих створках, глаза Риддла пропали, и залепанный шёлк, устилавший дно медальона, чуть дымился. То, что жило в хоркруксе, исчезло, мучение Рона было его последним деянием. Рон выронил меч, и тот с лязганьем упал на землю. Он опустился на колени, сжимая голову в ладонях. Его трясло, но Гарри вдруг понял, что не от холода. Он сунул сломанный медальон в карман, присел рядом с Роном и осторожно положил руку ему на плечо. Тот не отбросил её, и Гарри решил, что это хороший знак.

— Когда ты ушёл, — сказал он негромко, про себя радуясь, что не видит лица Рона, — она плакала с неделю. Может, даже дольше, просто не хотела, чтобы я видел. Было множество



ночей, когда мы словом не обменялись. Оттого, что тебя не было...

Он не смог договорить. С возвращением Рона он понял, как тяжело им далось его отсутствие.

— Она мне как сестра, — продолжил он. — Я люблю её, как сестру, и уверен, что она ко мне относится точно так же. Так всегда было. Я думал, ты знаешь.

Рон не ответил, он отвернулся от Гарри и, всхлипнув, вытер нос рукавом. Гарри снова встал и направился к громадному рюкзаку Рона, лежавшему в нескольких ярдах от них, куда тот отбросил его, когда бежал к озеру спасать тонущего Гарри. Он вскинул рюкзак на плечо и вернулся к Рону. Когда подошёл, тот с трудом поднялся на ноги. Он уже успокоился, только глаза у него были красные.

— Извини, — невнятно проговорил Рон. — Извини, что я бросил вас. Я знаю, что был...

Он оглянулся на тёмный лес, будто надеялся, что оттуда вылетит подходящее ругательство и обрушится на него.

— Ну, ты сегодня в некотором роде оправдался, — сказал Гарри. — Меч достал. Прибил хоркрукс. Меня спас.

— Так я кажусь гораздо круче, чем есть, — пробормотал Рон.

— Такие дела всегда кажутся круче, чем они есть на самом деле, — ответил Гарри. — Я уже сто лет пытаюсь тебе это втолковать.

Они одновременно шагнули вперёд и обнялись. Гарри сжал в кулаке всё ещё мокрую на спине куртку Рона.

— А теперь, — продолжил Гарри, когда они разошлись, — осталось только найти палатку.

Но это было несложно. Несмотря на то, что прогулка по ночному лесу с ланью казалась длинной, вместе с Роном они удивительно быстро вернулись. Гарри не терпелось разбудить Гермиону, и он, всё больше волнуясь, вошёл в палатку, следом, немного отстав, зашёл Рон.

После озера и леса, в палатке было восхитительно тепло, освещал её только голубой огонёк, всё ещё мерцавший в кружке, стоявшей на полу. Гермиона крепко спала, свернувшись калачиком под несколькими шерстяными одеялами, и не шелохнулась, пока Гарри несколько раз её не окликнул.

— Гермиона!

Она пошевелилась и резко села, откидывая волосы от лица.

— Что случилось? Гарри, всё в порядке?

— Да, всё хорошо. Даже лучше, просто замечательно. Смотри, кто здесь.

— Ты о чём? Кто?..

Она увидела Рона, тот держал в руке меч, с его одежды на протёршийся коврик капала вода. Гарри отошёл в тёмный угол, снял рюкзак Рона и попытался сделаться как можно незаметнее на фоне брезента.

Гермиона встала с кровати и, двигаясь, как лунатик, подошла к Рону, не отрывая взгляда от его бледного лица. Она остановилась перед ним, её губы были полуоткрыты, глаза широко распахнуты. Рон с надеждой слабо улыбнулся и развёл руки.

Гермиона накинулась на него с кулаками, нанося удары по всем местам, до которых только могла дотянуться.

— Ай! Ой! Ты чего? Что за?.. Гермиона! ОЙ!

— Ты... полный... идиот... Рональд... Уизли!

Каждое слово она подкрепляла ударом. Она наступала, а Рон пятился, прикрывая голову.

— Ты... посмел... приползти... сюда... через... столько... месяцев... Где моя палочка?

Казалось, что она готова вырвать её у Гарри из рук, и он невольно отреагировал.

— Протего!

Между Роном и Гермионой возникла невидимая стена, отшвырнувшая её на пол. Отплёвываясь от собственных волос, она вскочила на ноги.

— Гермиона! — сказал Гарри. — Успокойся...

— Не успокоюсь! — закричала она. Раньше он никогда не видел, чтобы она до такой степени теряла контроль над собой, она выглядела несколько не в себе. — А ну верни мою палочку! Отдавай!

— Гермиона, пожалуйста...

— Не говори мне, что делать, Гарри Поттер! — взвизгнула она. — Не смей мне указывать! Отдай сейчас же! А ТЫ!..

Она обвиняюще указала на Рона. Это было так похоже на проклятие, что Гарри несколько не винил Рона, отступившего ещё на несколько шагов.

— Я побежала за тобой! Я тебя звала! Я умоляла тебя вернуться!

— Я знаю, — проговорил Рон. — Гермиона, прости меня, я правда...

— Ах, ты извиняешься!

Она пронзительно рассмеялась, как помешанная. Рон взглядом просил Гарри вмешаться, но тот только скорчил беспомощную рожицу.

— Ты вернулся через несколько недель... недель! И думаешь, что извинишься, и всё сразу уладится?

— Ну, а что ещё я могу сказать? — закричал Рон, и Гарри обрадовался, что тот отбивается.

— А я что, знаю? — с едким ехидством воскликнула Гермиона. — Пошевели мозгами, Рон, это всего пару секунд займёт...

— Гермиона, — встрял Гарри, в его понимании это был запрещённый приём, — он спас меня...

— Мне плевать! — крикнула она. — Меня не волнует, что он сделал! Неделя за неделей... да нас давно уже могли убить...

— Я знал, что вы живы! — взревел Рон, впервые перекричав её, и подошёл к Разделяющему Щиту как можно ближе. — Гарри в каждом номере «Пророка», по радио только о нём и говорят, вас всюду разыскивают, столько слухов и безумных историй — если бы вы погибли, я бы тут же узнал об этом, вы даже не представляете, каково это было...

— И каково же тебе было?

Её голос был таким пронзительным, что ещё немного, и её смогли бы услышать разве что летучие мыши, но она была настолько возмущена, что временно потеряла дар речи, и Рон воспользовался паузой.

— Я хотел вернуться в ту же секунду, как дизаппарировал, но я попал аккурат в лапы к Охотникам за головами, Гермиона, и уже не мог вернуться!

— Каким охотникам? — спросил Гарри. Гермиона уселась в кресло, положив ногу на ногу и скрестив руки на груди так крепко, будто в ближайшие несколько лет не собиралась их разжимать.

— Охотники за головами, — повторил Рон. — Они повсюду... это такие банды, пытаются заработать золото, отлавливая магглорождённых и чистокровных предателей, за каждого пойманного Министерство даёт вознаграждение. Я был один и похож на школьника, они ужасно обрадовались и решили, что я магглорождённый в бегах. Мне пришлось уболтать их, чтобы меня не потащили в Министерство.

— Что ты им сказал?

— Что я Стэн Шонпайк. Это первый, кто пришёл мне в голову.

— И они поверили?

— Да они были не самые башковитые. Один из них точно наполовину тролль был, от него

так несло...

Рон взглянул на Гермиону, явно надеясь, что маленькая шутка немного смягчит её гнев, но её лицо оставалось каменным, а руки и ноги скрещёнными.

— Короче, они заспорили, Стэн я или нет. Честно говоря, это было унижительно, но их было пятеро, а я один, к тому же, у меня палочку отобрали. Потом двое из них подрались, и пока они отвлеклись, я сумел ударить того, что держал меня, в живот, схватил его палочку, обезоружил того, у которого была моя палочка, и дизаппарировал. У меня не очень хорошо получилось, опять потерял кусок себя, — Рон вытянул правую руку, и стало видно, что у него не хватает двух ногтей. Гермиона холодно подняла брови. — И оказался слишком далеко от места, где вы были. К тому моменту, как я вернулся к реке, где была палатка... вас уже не было...

— Боже, какая увлекательная история, — бросила Гермиона надменно, как говорила каждый раз, когда хотела задеть побольнее. — Ты так напугался. А мы тем временем побывали в Годриковой лощине, и как ты думаешь, что там было, Гарри? А, ну да, там оказалась змея Сам-Знаешь-Кого, чуть не убила нас обоих, а затем и Сам-Знаешь-Кто появился лично и не прикончил нас по чистому недоразумению.

— Что? — охнул Рон, с отвисшей челюстью переводя взгляд с неё на Гарри, но Гермиона не обратила на него ни малейшего внимания.

— Представляешь, Гарри — целых два ногтя потерял! Действительно, это задаёт масштаб нашим страданиям, правда?

— Гермиона, — негромко сказал Гарри, — Рон спас мне жизнь.

Она будто не слышала его.

— Я только одно хочу знать, — заявила она, разглядывая что-то футом выше головы Рона. — Как ты нас нашёл сегодня? Это важно. Как только мы выясним это, мы сумеем сделать так, что к нам больше не явится никто, кого мы не желаем видеть.

Рон сердито посмотрел на неё, затем вытащил из кармана небольшой серебристый предмет.

— Вот.

Ей пришлось взглянуть на Рона, чтобы увидеть, что он им показывал.

— Гасилка? — она была так удивлена, что забыла, что должна быть холодной и свирепой.

— Она не просто включает и выключает свет, — сказал Рон. — Я не знаю, как именно это работает, и почему это произошло именно тогда, а не в какой-то другой момент, потому что я хотел вернуться всё время после того, как ушёл. Но рано утром в Рождество я слушал радио и услышал... услышал тебя.

Он посмотрел на Гермиону.

— Ты услышал меня по радио? — недоверчиво спросила она.

— Нет, я услышал голос в своём кармане. Твой голос, — он потряс Гасилкой, — доносился отсюда.

— И что же я говорила? — спросила Гермиона, в её голосе смешались скептицизм и любопытство.

— Ты назвала моё имя — Рон. И ты ещё сказала... что-то о палочке...

Гермиона густо покраснела. Гарри вспомнил: тогда его имя прозвучало вслух впервые со дня его ухода, Гермиона упомянула о нём, когда они обсуждали, можно ли починить его палочку.

— И я вынул её, — продолжил Рон, глядя на Гасилку, — она была такой же, как и раньше, но я был уверен, что слышал тебя. И я щёлкнул ей. Свет у меня в комнате погас, а вот за окном появился другой свет.

Рон поднял свободную руку и указал на что-то перед собой, глядя на нечто, чего Гарри и Гермиона не видели.

— Это был светящийся шар, будто пульсирующий, голубоватый такой, как сияние вокруг портключка, ну, вы понимаете.

— Ага, — в один голос ответили Гарри и Гермиона.

— Я понял, что это было то самое, — продолжил Рон. — Я похватал свои шмотки, собрался, взял рюкзак и вышел в сад. Шарик света парил там, он ждал меня, и когда я подошёл, он запрыгал в сторону, и я пошёл следом за ним за сарай, и затем он... он влетел в меня.

— Чего? — переспросил Гарри, ему показалось, что он неправильно расслышал.

— Он вроде как подлетел ко мне, — объяснил Рон, изображая движение шарика указательным пальцем свободной руки, — прямо к груди, а затем просто впитался в меня. Он был тут, — Рон ткнул в место возле сердца, — я чувствовал его, он был тёплый. Как только он оказался внутри, я понял, что должен сделать. Я знал, что он перенесёт меня, куда мне надо. Так что я дизаппарировал и оказался на склоне холма. Повсюду был снег...

— Мы были там, — сказал Гарри. — Мы там две ночи провели, и на вторую ночь мне всё казалось, что я слышу, как кто-то бродит вокруг в темноте и зовёт!

— Ну да, это я был, — ответил Рон. — Ваши защитные чары замечательно работают, потому что я не мог ни увидеть, ни услышать вас, хоть и был уверен, что вы где-то там. Так что я достал спальный мешок и решил дожидаться, пока кто-нибудь из вас появится. Я думал, что когда вы сложите палатку, вас будет видно.

— Вообще-то, нет, — сказала Гермиона. — Мы на всякий случай дизаппарировали под плащом-невидимкой. И мы ушли оттуда совсем рано, потому что, как и сказал Гарри, мы слышали, что вокруг кто-то ходит.

— Ну, я там проторчал весь день, — продолжил Рон. — Я всё надеялся, что вы появитесь. Но когда начало темнеть, я понял, что, скорее всего, упустил вас, и снова щёлкнул Гасилкой. Голубой шарик опять появился и растворился во мне, я дизаппарировал и приземлился в этом лесу. Я всё ещё не мог вас найти, так что мне оставалось только надеяться, что когда-нибудь вы появитесь... ну, и Гарри появился. Хотя, ясное дело, сначала я увидел лань.

— Что-что ты увидел? — перебила его Гермиона.

Они объяснили ей, что произошло, и пока рассказывали о серебряной лани и мече на дне озера, Гермиона, нахмурившись, переводила взгляд с одного на другого и слушала так внимательно, что позабыла, что намеревалась сидеть, скрестив руки и ноги.

— Но это же наверняка был Патронус! — заявила она. — Вы что, не видели, кто его создал? Вы что, вообще никого не видели? И она привела вас к мечу! Не могу в это поверить! А дальше что было?

Рон рассказал, что наблюдал, как Гарри зашёл в воду, и что ждал, пока тот вынырнет, но понял, что что-то не так, прыгнул сам и вытащил Гарри, а затем нырнул за мечом. Он дошёл до того, как они открыли медальон, и запнулся, и Гарри договорил за него.

— ... и Рон убил его мечом.

— И что, оно... умерло? Вот так просто? — прошептала она.

— Ну, оно... оно кричало, — ответил Гарри, коротко взглянув на Рона. — Вот.

Он бросил медальон ей на колени, она осторожно подняла его и осмотрела разбитые стёклышки в створках.

Гарри решил, что уже было достаточно безопасно, и взмахом гермиониной палочки убрал Разделяющий Щит, затем повернулся к Рону.

— Ты вроде говорил, что удрал от Охотников с лишней палочкой?

— Что? — переспросил Рон, который смотрел на Гермиону, изучавшую медальон. — А... а, ну да.

Он расстегнул пряжку на рюкзаке и вытащил из кармашка короткую палочку тёмного

дерева.

— Держи. Я подумал, что запасная всегда пригодится.

— Ты был прав, — сказал Гарри, протягивая руку. — Моя сломалась.

— Шутишь? — начал Рон, но в этот момент Гермиона встала, и он снова испуганно затих.

Гермиона положила побеждённый хоркрукс в бисерную сумочку, затем без единого слова забралась обратно в постель и улеглась спать. Рон передал Гарри новую палочку.

— Думаю, это лучший приём, на который ты мог рассчитывать, — шепнул Гарри.

— Да уж, — ответил Рон. — Могло быть и хуже. Помнишь, как она на меня птиц наслала?

— А я и сейчас пока ещё не отказалась от этой мысли, — донёсся из-под одеял приглушённый голос Гермионы, но когда Рон доставал из рюкзака свою коричневую пижаму, Гарри увидел, как тот едва заметно улыбается.

## Глава двадцатая. Ксенофилий Лавгуд

Гарри не рассчитывал, что за ночь Гермiona перестанет злиться, и потому его не удивило, что наутро она общалась с остальными в основном при помощи злобных взглядов и многозначительного молчания. Рон в ответ был при ней неестественно унылым, всем своим видом демонстрируя, что его всё ещё гложет совесть. И вообще, когда все трое собирались вместе, у Гарри было ощущение, что он единственный не скорбящий на чьих-то немногочисленных похоронах. Однако Рон, в те редкие моменты, когда оставался наедине с Гарри (пока они набирали воду или искали грибы среди травы и кустарника), становился бессовестно жизнерадостным.

— Кто-то же нам помог, — твердил он, — кто-то же послал эту лань. Кто-то на нашей стороне. И уже одним хоркруксом меньше, приятель!

Ободренные уничтожением медальона, они принимались спорить, где могут быть остальные хоркруксы, хотя всё это уже было много раз говорено. Гарри был настроен оптимистично и уверен, что за первым прорывом последуют новые. Даже надутый вид Гермiony не мог испортить его торжества. Внезапный поворот к лучшему, появление загадочной лани, нахождение меча Гриффиндора и — больше всего — возвращение Рона так радовали Гарри, что сохранять спокойный вид ему было непросто.

Ближе к вечеру они с Роном снова избавились от мрачной компании Гермiony, якобы отправившись искать в голых кустах ежевики несуществующие ягоды, и продолжили делиться новостями. Гарри наконец рассказал Рону всю историю их с Гермiony скитаний, включая происшествие в Годриковой лощине. Рон, в свою очередь, сообщал Гарри всё, что узнал о большом мире волшебников за недели отсутствия.

— ... а как вы узнали о табу? — спросил он, рассказав Гарри о многочисленных отчаянных попытках магглорождённых ускользнуть от Министерства.

— О чём?

— Вы же с Гермiony перестали называть Сам-Знаешь-Кого по имени!

— А, ну да. Просто дурная привычка, — ответил Гарри. — Но я могу называть его и В...

— НЕТ! — взревел Рон, отчего Гарри отскочил в кусты, а Гермiona (сидевшая у входа в палатку, уткнувшись в книгу) сердито посмотрела на друзей.

— Извини, — сказал Рон, вытаскивая Гарри из кустов, — просто имя заколдовано, Гарри. Они так отслеживают людей! Если произнести его имя, защитные заклинания спадают — какие-то волшебные неполадки случаются. Они так нас и нашли на Тотнем-корт-роуд!

— Потому что мы называли его по имени?

— Да! И надо отдать им должное, неплохо придумано. Произносить его имя осмеливались только те, кто всерьёз готов был ему противостоять, например, Дамблдор. А теперь на имя наложили табу, и любого, кто его произнесёт, можно выследить. И членов Ордена найти легко и просто! Они чуть не поймали Кингсли...

— Серьёзно?

— Да, его загнали в угол пожиратели смерти. Билл сказал, что он прорвался. Теперь он в бегах, как мы, — Рон задумчиво почесал подбородок кончиком волшебной палочки. — А может, ту лань Кингсли послал?

— Его патронус — рысь, мы же видели на свадьбе, помнишь?

— А, ну да...

Они прошли вдоль живой изгороди, подальше от палатки и Гермiony.

— Гарри, а может, это был Дамблдор?

— Что Дамблдор?

— Рон, слегка смутившись, всё же тихонько ответил:

— Дамблдор... та лань? То есть, — продолжил Рон, краем глаза поглядывая на Гарри, — у него же последнего был настоящий меч?

Гарри не стал над ним смеяться: ему самому слишком уж хорошо было знакомо отчаянное желание, стоявшее за этим вопросом. Мысль о том, что Дамблдор сумел вернуться и наблюдает за ними, была несказанно отрадной. Он покачал головой и ответил:

— Дамблдор умер. Я сам это видел, я видел его тело. Его точно больше нет. Да и патронус у него был феникс, а не лань.

— Но патронусы же могут изменяться? — сказал Рон. — Ведь у Тонкс же менялся?

— Да, но будь Дамблдор жив, почему бы ему не показаться нам? Почему просто не отдать нам меч?

— Понятия не имею, — ответил Рон, — может, потому же, почему он не отдал тебе его при жизни? Потому же, почему оставил тебе старый снитч, а Гермионе — детскую книжку?

— А именно? — спросил Гарри, повернувшись и вглядываясь Рону в лицо, отчаянно надеясь получить ответ.

— Не знаю, — сказал Рон. — Иногда, когда меня всё слегка доставало, я уж думал, он просто забавляется... или усложнить всё хочет. Но теперь я так не думаю. Он же знал, что делал, когда оставлял мне делюминатор. Он... ну, — уши Рона заалели, и он стал усиленно изучать пучок травы под ногами, пиная его носком, — он же явно знал, что я от вас сбегу.

— Нет, — поправил его Гарри. — Он явно знал, что ты будешь всегда хотеть вернуться.

Рон был, кажется, благодарен, но всё ещё смущён. Частично для того, чтобы сменить тему, Гарри сказал:

— Кстати о Дамблдоре, ты слышал, что про него написала Вритер?

— О да, — немедленно отозвался Рон. — Об этом много говорят. В другое время новость, конечно, была бы нехилая: Дамблдор — и водил дружбу с Гриндевальдом. А сейчас для тех, кто Дамблдора не любил, это просто анекдот, а для тех, кто считал его своим парнем, — лёгкая пощёчина. А я вот не вижу, что тут такого: он же совсем молодой был, когда они...

— Как мы, — отрезал Гарри, как уже возражал Гермионе, и что-то в его лице, похоже, подсказало Рону, что развивать тему не стоит.

На кусте ежевики, в центре замёрзшей паутины сидел большой паук. Гарри наставил на него палочку, которую вчера ему дал Рон. Гермиона соизволила осмотреть её и пришла к выводу, что она терновая.

— Раздуцио.

Паук слегка дёрнулся, качнувшись на паутине. Гарри сделал ещё одну попытку. На этот раз паук чуть-чуть увеличился.

— Перестань, — одёрнул его Рон. — Ладно, зря я сказал, что Дамблдор был молодой.

Гарри и забыл, как Рон ненавидит пауков.

— Извини... Редуцио.

Паук не съёжился. Гарри опустил взгляд на терновую палочку. До сих пор все мелкие заклятия, которые он пытался ею наложить, выходили слабее, чем с помощью фениксовой палочки. Новая палочка была чужой, незнакомой — как будто ему пришили к руке чужую кисть.

— Надо просто потренироваться, — сказала Гермиона, неслышно подошедшая сзади и с беспокойством наблюдавшая за попытками Гарри то увеличить, то уменьшить паука. — Гарри, тут главное уверенность.

Он знал, почему ей так хочется, чтобы всё получилось. Она всё ещё винила себя в том, что его палочка сломалась. Гарри проглотил просившийся на язык язвительный ответ: если она

считает, что разницы никакой, пускай берёт себе терновую, а он возьмёт её. Он так хотел, чтобы все они втроём снова были дружны, что согласился с Гермионой. Но та, стоило Рону попытаться улыбнуться ей, гордо удалилась и снова скрылась за книгой.

Когда стемнело, все трое вернулись в палатку, и Гарри первым пошёл сторожить. Сидя у входа, он пытался заставить терновую палочку поднять в воздух камешки, лежавшие у его ног, однако его волшебство, по сравнению с прежним, всё ещё казалось неуклюжим и слабым. Гермиона читала лёжа на койке, а Рон, бросив на неё много нервных взглядов, вынул из рюкзака маленькое деревянное радио и взялся его настраивать.

— Есть одна передача, — тихонько сказал он Гарри, — в ней идут настоящие новости. Остальные на стороне Сам-Знаешь-Кого, придерживаются взглядов Министерства, а вот эта... погоди, сам услышишь, какая классная. Только каждый вечер они передавать не могут, приходится переезжать, чтобы их не поймали, и, чтобы настроиться, нужен пароль... Проблема в том, что последнюю я пропустил... Он легонько барабанил по приёмнику волшебной палочкой, наугад бормоча себе под нос какие-то слова. Украдкой он постоянно поглядывал на Гермиону, явно опасаясь вспышки её гнева, однако она не обращала на него ни малейшего внимания, будто его вовсе не было в палатке. Минут десять Рон стучал и бормотал, Гермиона переворачивала страницы книги, а Гарри продолжал упражняться с терновой палочкой. Наконец Гермиона слезла с койки. Рон тут же прекратил стучать.

— Если тебя раздражает, я перестану! — нервно сказал он Гермионе.

Гермиона же, не удостоив его ответом, подошла к Гарри:

— Надо поговорить, — сказала она.

Гарри взглянул на книгу, которую она всё ещё сжимала в руке. *"Альбус Дамблдор: жизнь во лжи"*.

— Что? — спросил он, чуя недоброе. В голове его мелькнула мысль о том, что в книге есть глава и про него. Гарри не был уверен, что готов услышать Ритину версию своих отношений с Дамблдором. Однако Гермиона совершенно неожиданно ответила:

— Я хочу встретиться с Ксенофилием Лавгудом.

Гарри так и уставился на неё.

— Не понял?

— С Ксенофилием Лавгудом, отцом Луны. Я хочу с ним поговорить!

— Э-э... зачем?

Она сделала глубокий вдох, как будто так готовясь продолжить:

— По поводу того знака, знака в "Барде Бидле". Смотри!

Она сунула Гарри под нос "Альбуса Дамблдора: жизнь во лжи", и он увидел фотокопию письма, которое Дамблдор написал Гриндевальду. Гарри с неохотой узнал узкий наклонный почерк. Гарри было ненавистно это неопровержимое доказательство того, что Дамблдор действительно писал эти слова, что они не выдумка Риты.

— Подпись, — сказала Гермиона. — Гарри, взгляни на подпись!

Он послушно взглянул. Пару секунд он не мог взять в толк, о чём говорит Гермиона, но, рассмотрев подпись поближе при свете волшебной палочки, он увидел, что вместо «А» в «Альбус» Дамблдор поставил крошечный треугольный значок, как на "Сказках барда Бидла".

— Э-э... и что ты... — нерешительно начал было Рон, но смолк под взглядом Гермионы, которая затем снова повернулась к Гарри.

— Ну он же всплывает то тут, то там, — сказала она. — Знаю, Виктор говорил, что это знак Гриндевальда, но ведь это точно он был на старой могиле в Годриковой лощине — а Гриндевальда в те времена ещё и в помине не было! А теперь вот это! Ну, Дамблдора или Гриндевальда мы не можем спросить, что он значит, — не знаю даже, жив ли ещё



Гриндевальд, — а вот мистера Лавгуда можем. У него на свадьбе был этот знак. Гарри, я уверена, что это важно!

Гарри ответил не сразу. Задумавшись, он посмотрел в её напряжённое, выжидательное лицо, а потом в окружающую тьму. После продолжительного молчания он сказал:

— Гермиона, нам не нужно второй Годриковой лощины. Мы сами себе внушили, что надо туда пойти, и вот что...

— Но знак, Гарри, — он появляется то тут, то там! Дамблдор оставил мне "Сказки барда Бидла". Откуда ты знаешь, что мы не должны ничего разузнать о знаке?

— Начинается! — с оттенком обречённости произнёс Гарри. — Снова мы пытаемся убедить себя, будто Дамблдор оставил нам тайные знаки и ключи к разгадкам...

— Делюминатор оказался очень даже полезным, — вмешался Рон. — Мне кажется, Гермиона права. Мне кажется, надо сходить к Лавгуду.

Гарри мрачно глянул на него. Он был абсолютно уверен, что такая поддержка мало связана с желанием Рона понять значение треугольной руны.

— Да не будет всё как в Годриковой лощине, — добавил Рон. — Лавгуд на твоей стороне, Гарри. «Придира» всегда был за тебя, в нём говорится, что все должны тебе помогать!

— Я уверена, что это важно! — горячо сказала Гермиона.

— А ты не думаешь, что, если важно, то Дамблдор сказал бы мне об этом перед смертью?

— Может быть... может, это ты должен выяснить сам, — ответила Гермиона, чуть-чуть выдавая неуверенность человека, хватающегося за соломинку.

— Ага, — с подхалимской готовностью отозвался Рон. — Очень даже логично.

— Ничего не логично, — вскинулась Гермиона, — и всё-таки я считаю, что поговорить с мистером Лавгудом нужно. Символ, связывающий Дамблдора, Гриндевальда и Годрикову лощину? Гарри, я уверена, что мы должны о нём разузнать!

— По-моему, надо проголосовать, — сказал Рон. — Кто за то, чтобы пойти к Лавгуду...

Его собственная рука взлетела в воздух быстрее руки Гермионы. Подозрительно дёрнув уголком рта, подняла руку и она.

— Извини, Гарри, но нас большинство, — сказал Рон, хлопнув друга по спине.

— Ладно, — сказал Гарри, которого всё это уже и смешило, и раздражало. — Только, может, всё-таки после Лавгуда ещё поищем хоркруксы? И, кстати, где вообще живут Лавгуды? Из вас кто-нибудь знает?

— Ага, недалеко от меня, — сказал Рон. — Не знаю, где точно, но мама с папой, когда упоминают Лавгудов, всегда показывают в сторону холмов. Наверняка их нетрудно будет найти.

Когда Гермиона вернулась на свою койку, Гарри понизил голос.

— Ты ведь согласился только чтобы перед ней покрасоваться.

— В любви и на войне все средства хороши, — бодро отозвался Рон, — а тут немного и то, и другое. Да не кисни, сейчас рождественские каникулы, Луна, наверное, дома!

С ветреного склона холма, на который они дизаппарировали следующим утром, открывался отличный вид на деревню Оттери Сент-Кетчпол. С такой командной высоты деревня казалась коллекцией игрушечных домиков в огромных косых лучах солнца, падавших на землю из прорех в облаках. Пару минут они постояли, глядя из-под руки в сторону Норы, но разглядели лишь высокие живые изгороди и деревья в саду, скрывавшие маленький покосившийся домик от глаз магглов.

— Странно быть вот так близко и не зайти, — сказал Рон.

— Ну ты и так их недавно видел. Ты же там был на Рождество, — холодно заметила Гермиона.

Рон хохотнул, словно не веря своим ушам.

— Да не был я в Норе! Ты и правда считаешь, что я собирался вернуться и всем там сказать, что я от вас ушёл? Ага, вот Фред и Джордж обрадовались бы. А уж Джинни-то с каким бы пониманием отнеслась.

— Но тогда где же ты был? — удивилась Гермиона.

— В новом доме Билла и Флёр, доме из ракушек. Билл всегда ко мне неплохо относился. Он... его, конечно, не впечатлило то, что я сделал, но обсуждать он это не стал. Знал, что я правда об этом жалел. Из семьи никто больше не знает, что я там был. Билл сказал маме, что на Рождество они не приедут, потому что хотят побыть вдвоём. Ну, первые праздники после свадьбы и всё такое. По-моему, Флёр была не против. Сам знаешь, как она терпеть не может Селестину Ворбек.

Рон повернулся спиной к Норе.

— Попробует подняться тут, — сказал он и повёл их вверх на холм.

Они шли несколько часов. Гарри по настоянию Гермионы прятался всё это время под плащом-невидимкой. Низкие холмы вокруг казались необитаемыми, не считая одного, на вид заброшенного, домика.

— Думаете, это их, а они сами на Рождество куда-то уехали? — сказала Гермиона, заглядывая в окно опрятной кухоньки с геранями на подоконнике. Рон хмыкнул.

— Слушай, мне вот почему-то кажется, что если к Лавгудам в окно заглянуть, сразу будет ясно, кто там живёт. Поищем на других холмах.

И они дизаппарировали ещё на несколько миль северней.

— Ага! — заорал Рон, перекрикивая ветер, трепавший им волосы и одежду. Рон показывал наверх, на вершину того холма, где они появились. Там на фоне неба вертикально вверх поднимался престранный дом: огромный чёрный цилиндр, за которым на дневном небе висела призрачная луна.

— Это точно дом Луны — кому ещё жить в таком месте? Похоже на огромную ладью!

— Вот уж ничуть не похоже на лодку, — сказала Гермиона, хмуро глядя на башню.

— Да я про шахматную ладью, — сказал Рон. — Которая тура.

Рон, как самый длинноногий, взобрался на холм первым. Когда Гарри и Гермиона поравнялись с ним, запыхавшись и держась за бока, он улыбался во весь рот.

— Это их дом, — сказал Рон. — Глядите.

На сломанных воротах висело три вручную нарисованных таблички.

Первая гласила: **"РЕДАКТОР «ПРИДИРЫ» К. ЛАВГУД"**.

Вторая: **"РВИТЕ СВОЮ ОМЕЛУ"**

А третья: **"СЛИВЫ-ДИРИЖАБЛИ НЕ ТРОГАТЬ"**.

Они открыли скрипучие ворота. Зигзагообразная дорожка, ведущая к входной двери, заросла разными странными растениями, среди которых был и куст, покрытый похожими на редиски оранжевыми плодами, которые Луна иногда носила вместо серёжек. Гарри, которому показалось, что он узнал грызоглав, постарался обойти подозрительный сухой пенёк подальше. По обе стороны от входной двери стояли, как часовые, две старые яблони-дичка, гнущиеся под ветром, без листьев, но ещё тяжёлые от красных плодов размером с ягоду и пышных шаров омелы, усыпанных белыми бусинками цветов. С одной из веток на друзей не мигая смотрела маленькая сова с чуть приплюснутой ястребиной головой.

— Тебе лучше снять плащ-невидимку, Гарри, — сказала Гермиона. — Это тебе мистер

Лавгуд хочет помочь, а не нам.

Гарри последовал её совету и сдал ей плащ на хранение в расшитой бисером сумочке. Потом Гермиона трижды постучала в толстую чёрную дверь, обитую железными гвоздями и с молоточком в форме орла. Прошло едва десять секунд, и дверь распахнулась, а на пороге появился Ксенофилий Лавгуд — босиком, одетый, по-видимому, в чем-то заляпанную ночную рубашку. Его блинные белые, как сахарная вата, волосы были грязны и нечёсаны. По сравнению с таким видом, на свадьбе Билла и Флёр он был просто франтом.

— Что? В чём дело? Кто вы такие? Чего вам нужно? — брюзгливо заверещал он, глядя на Гермиону, потом на Рона и, наконец, на Гарри. Тут его рот комично отвис правильным "О".

— Здравствуйте, мистер Лавгуд, — сказал Гарри, протянув ему руку. — Я Гарри, Гарри Поттер.

Ксенофилий не принял предложенной руки, хотя тот его глаз, который не был повернут к носу, метнулся прямо к шраму у Гарри на лбу.

— Ничего если мы зайдём? — спросил Гарри. — Мы вас кое о чём хотели спросить.

— Я... я не уверен, что это уместно, — прошептал Ксенофилий, окинув быстрым взглядом сад. — Вот так сюрприз... ничего себе... я... боюсь, мне кажется, мне не следует...

— Мы ненадолго, — сказал Гарри слегка разочарованный не самым тёплым приёмом.

— Я... ой, ну ладно. Заходите, быстро. Быстро!

Едва они успели переступить порог, как Ксенофилий захлопнул за ними дверь. Они оказались в экстравагантной самой кухне, которую доводилось видеть Гарри. Комната была идеально круглой, так что создавалось ощущение, что вы в гигантской перечнице. Всё внутри: плита, раковина, шкафы — было изогнуто, вписано в стены. И всё было разрисовано радужно-яркими цветами, насекомыми и птицами. Гарри показалось, что это стиль Луны. Весь этот декор в таком замкнутом пространстве несколько подавлял гостей. В центре комнаты шла вверх железная винтовая лестница. Сверху доносился сильный стук и бряцанье. Гарри спросил себя, что это там поделявает Луна.

— Вам лучше подняться, — сказал Ксенофилий, который всё ещё явно был не в своей тарелке, и повёл их вверх.

Верхняя комната была чем-то вроде гостиной и мастерской сразу, а потому была забита даже плотнее, чем кухня. Она чем-то напоминала Комнату по требованию, когда та в один незабываемый день превратилась в огромный лабиринт веками укрываемых вещей. С той, конечно, разницей, что эта комната была намного меньше и совершенно круглой. На каждой поверхности громоздились стопки и стопки книг и бумаг. С потолка свисали ювелирно сделанные модели неизвестных Гарри существ, и все они махали крыльями или щёлкали челюстями. Луны тут не было. Весь шум производил деревянный предмет, весь в волшебным образом вращающихся колёсиках и шестерёнках. Он был похож на причудливую помесь верстака с этажеркой, однако, увидев, что агрегат один за другим выплёвывает «Придиры», Гарри заключил, что это старомодный печатный станок.

— Простите, — сказал Ксенофилий и, подойдя к машине, рывком выдернул скатерть из-под бессчётного множества книг и бумаг, лежавших на столе и свалившихся на пол. Он набросил скатерть на станок, несколько заглушив этим громкий стук и звон. Ксенофилий обернулся к Гарри.

— Зачем вы сюда пришли?

Но не успел Гарри ответить, как Гермиона тихонько поражённо вскрикнула.

— Мистер Лавгуд, что это?

Она указывала на огромный серый витой рог, почти как у единорога, висевший на стене и на несколько футов вдававшийся в комнату.

— Это рог винторогого хрипотуна, — ответил Ксенофилий.

— Да нет же! — сказала Гермиона.

— Гермиона, — смущённо пробормотал Гарри, — сейчас не время...

— Но Гарри, это же рог взрыворога! Товар, ограниченный в обращении, и держать его дома очень опасно!

— А откуда ты знаешь, что это рог взрыворога? — спросил Рон, отодвигаясь от рога настолько быстро, насколько это вообще было возможно в такой забитой вещами комнате.

— В *"Фантастических тварях и где их найти"* есть описание! Мистер Лавгуд, от него нужно немедленно избавиться, вы разве не знаете, что он может взорваться от малейшего прикосновения?

— Винторогий хрипотун, — чётко и отдельно произнёс Ксенофилий с упрямой миной, — это робкое и высоковольтное существо, а его рог...

— Мистер Лавгуд, я же узнаю эти бороздки у основания. Это рог взрыворога, и он невероятно опасен. Не знаю, где вы его взяли...

— Я его купил, — авторитетно заявил Ксенофилий. — Две недели назад у очаровательного молодого волшебника, которому известен мой интерес к редчайшему винторогому хрипотуну. Подарок на Рождество моей Луне. Итак, — обратился он к Гарри, — зачем же вы сюда пришли, мистер Поттер?

— Нам нужна помощь, — поспешил ответить Гарри, пока Гермиона не начала снова.

— Ах, помощь, — сказал Ксенофилий, — хм...

Его здоровый глаз снова уставился на шрам Гарри. Вид у Ксенофилия был напуганный, но как будто и заворожённый.

— Да... Но дело в том, что... помогать Гарри Поттеру... достаточно опасно...

— Но разве не вы сами говорите, что помочь Гарри долг каждого? — сказал Рон. — В этом своём журнале?

Ксенофилий глянул за спину, на закрытый печатный станок, всё ещё гремевший и бряцавший под скатертью.

— Э-э... да. Я выразил такое мнение, однако...

— Это долг всех остальных, а не ваш лично? — сказал Рон.

Ксенофилий не ответил. Он тои дело сглатывал, и взгляд его метался между тремя его гостями. У Гарри было такое впечатление, что в Лавгуде идёт какая-то мучительная внутренняя борьба.

— А где Луна? — спросила Гермиона. — Посмотрим, что думает она.

Ксенофилий сглотнул особенно судорожно, будто собираясь с духом. Наконец дрожащим, едва слышным из-за шума станка голосом он ответил:

— Луна внизу, у ручья, ловит пресноводных плимпи. Она... она будет рада вас видеть. Пойду позову её, а потом... да, хорошо. Я постараюсь вам помочь.

Он спустился по винтовой лестнице и исчез. Друзья услышали, как открылась и закрылась входная дверь, и переглянулись.

— Трусливый старый прыщ, — сказал Рон. — Луна в десять раз храбрее.

— Он, наверное, беспокоится, что с ним будет, если пожиратели смерти узнают, что я тут был, — сказал Гарри.

— А я вот с Роном согласна, — сказала Гермиона. — Мерзкий старый лицемер — всем говорит, чтобы тебе помогали, а сам пытается увильнуть. И, ради всего святого, держись подальше от этого рога.

Гарри подошёл к окну в противоположном конце комнаты. Оттуда был виден ручей — узкая блестящая ленточка далеко внизу, у подножья холма. Они были очень высоко: мимо окна

вспорхнула птица. Гарри всматривался туда, где, невидимая за грядой холмов, была Нора. Где-то там Джинни. Сегодня они ближе друг к другу, чем за всё время после свадьбы Билла и Флёр, но ей никак не узнать, что он сейчас смотрит в её сторону, думает о ней. Гарри решил, что это и к лучшему: каждый, кто с ним общается, в опасности. И отношение Ксенофилия это подтверждало. Гарри отвернулся от окна, и взгляд его упал на другой любопытный предмет, стоявший на захламлённом изогнутом буфете. Каменный бюст красивой, но сурового вида волшебницы в престранном головном уборе. По бокам его выгибались два предмета, похожие на золотые слуховые рожки. К кожаному ремешку, пропущенному на макушке, была прикреплена пара крошечных сверкающих синих крылышек. Ко второму ремешку, вокруг лба, была приделана одна из уже знакомых Гарри оранжевых редисок.

— Смотрите-ка, — сказал Гарри.

— Полный гарнитурчик, — сказал Рон. — Странно, что она его на свадьбу не надела.

Они услышали, как закрылась входная дверь, и через пару секунд в комнату по винтовой лестнице поднялся Ксенофилий. Теперь он был облачён в резиновые сапоги и держал в руках поднос с разномастными чашками и чайником, из которого шёл пар.

— А, вы заметили моё любимое детище, — сказал он, сунув поднос Гермионе и подходя к стоявшему у статуи Гарри. — Оно отлично смотрится на голове прекрасной Кровены Когтевран. "Ума палата дороже злата!"

Он указал на предметы, напоминающие рожки.

— Это ветрослевые сифоны — они устраняют любые отвлекающие факторы в непосредственной близости от мыслителя. А это, — показал он на крошечные крылышки, — вертомуховый пропеллер, он создаёт возвышенное состояние души. И наконец, — указал он на оранжевую редиску, — слива-дирижабль — повышает восприимчивость к необычному.

Ксенофилий вернулся к подносу с чаем, который Гермионе с горем пополам удалось пристроить на один из заставленных пристенных столиков.

— Разрешите предложить вам настойку из корнестража? — сказал Ксенофилий. — Мы сами её делаем, — и добавил, разливая тёмно-бордовый, как свекольный сок, напиток: — Луна внизу, за Нижним мостом. Она в полном восторге от того, что вы здесь. Теперь уже должна скоро прийти, она наловила плимпи уже почти на суп для всех. Пожалуйста, присаживайтесь, берите сахар.

— Итак, — он убрал с кресла накренившуюся стопку бумаг и сел, закинув одну ногу в резиновом сапоге на другую. — Чем я могу помочь вам, мистер Поттер?

— Ну, — начал Гарри, — взглянув на Гермиону, которая в ответ ободряюще кивнула, — дело в символе, который вы носили на свадьбе Билла и Флёр. Нам стало интересно, что он означает.

Ксенофилий приподнял брови.

— Вы говорите о знаке Даров Смерти?

# Глава двадцать первая. Сказка о трёх братьях

Гарри оглянулся на Рона с Гермионой. Кажется, они тоже не поняли того, что сказал Ксенофилий.

— Дары Смерти?

— Именно, — ответил Ксенофилий. — Вы о них не слышали? Это меня не удивляет. Верят немногие, очень немногие. Взять хотя бы того неотёсанного молодого человека на свадьбе вашего брата, — он кивнул на Рона. — Набросился на меня за то, что я ношу знак некоего известного тёмного мага! Какое невежество! В Дарах нет ничего тёмного, по крайней мере, в таком примитивном смысле слова. Этот символ носят просто для того, чтобы собратья по вере могли отличить друг друга и, может быть, помочь в Поиске.

Он бросил несколько кусков сахара в свой настой корнестража, размешал и отхлебнул.

— Извините, — сказал Гарри, — я всё-таки ещё не совсем понял.

Из вежливости он тоже сделал глоток из своей чашки и чуть не подавился: питьё было на редкость отвратительное, как будто приготовлено из драже Берти Ботта со вкусом соплей.

— Видите ли, мы — те, что верят — ищем Дары Смерти, — пояснил Ксенофилий и причмокнул губами, явно отдавая должное настою корнестража.

— Так что же такое Дары Смерти? — спросила Гермиона.

Ксенофилий отставил пустую чашку.

— Вам, полагаю, знакома «Сказка о трёх братьях»?

Гарри ответил «нет», но Рон с Гермионой в один голос сказали «да». Ксенофилий значительно кивнул.

— Да, да, мистер Поттер, всё начинается со «Сказки о трёх братьях»... Где-то она у меня была...

Его взгляд рассеянно пробежал по комнате, по грудам книг и пергаментов, но Гермиона сказала:

— У меня есть, мистер Лавгуд, она у меня с собой.

Она вытащила из своей бисерной сумочки «Сказки барда Бидла».

— Оригинал? — спросил отрывисто Ксенофилий, и когда она кивнула, он предложил:

— Ну что ж, почему бы вам тогда не прочесть её вслух? Нет способа лучше, если мы хотим, чтобы все всё поняли.

— М-м... ну, хорошо, — нервно проговорила Гермиона. Она раскрыла книгу, и Гарри увидел в самом верху страницы тот знак, о котором они пытались разузнать. Она слегка откашлялась и начала читать.

*«Жили некогда три брата, и шли они в сумерках по безлюдной, извилистой дороге...»*

— А мама всегда говорила «и шли они тёмной ночью», — сказал Рон. Приготовившись слушать, он вытянулся, откинувшись назад, и заложил руки за голову. Гермиона метнула в него раздражённый взгляд.

— Ладно-ладно, просто мне кажется, что «тёмной ночью» звучит гораздо страшнее! — пояснил Рон.

— Да уж, а то у нас в жизни что-то маловато страшного, — не удержался Гарри. Ксенофилий, похоже, не обращал на них особого внимания, только пристально смотрел из окна в небо. — Давай дальше, Гермиона.

*«И вот братья подошли к реке, слишком глубокой, чтобы перейти вброд, и слишком бурной, чтобы переплыть. Но братья были сведущи в магических искусствах: им стоило только взмахнуть волшебными палочками, и над коварными водами появился мост. Они уже прошли его до половины, когда увидели, что на пути у них стоит некто в плаще с капюшоном.*

*И Смерть заговорила с ними...»*

— Как-как? — переспросил Гарри. — Смерть заговорила?

— Гарри, это же сказка!

— Да, извини. Продолжай.

*«И Смерть заговорила с ними. Она разгневалась, что её обманом лишили трёх новых жертв, потому что все путники обычно тонули в реке. Но Смерть была хитра. Она притворно поздравила трёх братьев с их магическим искусством, и сказала, что каждый из них заслужил награду за то, что они оказались так находчивы и ускользнули от неё.*

*И вот старший брат, который был человеком воинственным, попросил волшебную палочку могущественнее всех, какие есть на свете, такую, чтобы её хозяин побеждал в любом поединке — палочку, достойную волшебника, победившего Смерть! И Смерть подошла к бузинному дереву на берегу реки, сделала волшебную палочку из его ветки и отдала старшему брату.*

*Средний брат, который был человеком заносчивым, решил, что надо унижить Смерть ещё больше, и попросил себе силу призывать назад тех, кого она забрала. И Смерть подобрала камень на речном берегу и отдала его второму брату, и сказала ему, что этот камень обладает силой возвращать мёртвых к жизни.*

*Потом Смерть спросила третьего, младшего брата, чего он хочет. Младший брат был самым скромным из всех, но также и самым мудрым, и не верил Смерти. Поэтому он попросил нечто такое, что помогло бы ему удалиться от этого места, и чтобы Смерть не пошла за ним следом. И Смерть, весьма неохотно, отдала ему свой плащ-невидимку».*

— У Смерти был плащ-невидимка? — снова прервал её Гарри.

— Ну да, чтобы незаметно подкрадываться к людям, — пояснил Рон. — Ей же иногда надоедает на них наскакивать, махать руками и вопить... извини, Гермиона.

*«И тогда Смерть отступила и позволила трём братьям продолжать путь. Они так и сделали, не переставая изумляться своему приключению и восхищаясь подарками Смерти.*

*Со временем братья расстались, и каждый направился своей дорогой.*

*Первый брат шёл ещё неделю и, зайдя в отдалённую деревню, отыскал такого же волшебника, как он сам, и завязал с ним ссору. Разумеется, с таким оружием, как Сильнейшая Палочка, он не мог потерпеть поражение в последовавшем поединке. Оставив своего противника лежать мёртвым на полу, старший брат направился на постоянный двор и там громко похвалялся могущественной палочкой, которую выманил у самой Смерти, и что она делает его непобедимым.*

*В ту же самую ночь ещё один волшебник подкрался к старшему брату, когда*

*тот, опьянев, лежал на кровати. Вор забрал палочку и для верности перерезал старшему брату горло.*

*Так Смерть забрала старшего брата.*

*Между тем средний брат вернулся в дом, где он жил один. Там он взял камень, что имел силу возвращать умерших, и повернул его в руке три раза. К его восторгу и изумлению, перед ним сейчас же явилась девушка, на которой он когда-то хотел жениться, пока безвременная смерть не унесла её.*

*Но она была печальная и холодная, и словно отгорожена от него пеленой. Хоть она и вернулась в мир живых, но в действительности не принадлежала к этому миру и оттого страдала. В конце концов средний брат, доведённый до безумия безысходным желанием, покончил с жизнью, чтобы соединиться с ней по-настоящему.*

*Так Смерть забрала и второго брата.*

*Но хотя Смерть искала младшего брата многие годы, она так и не смогла его найти. Лишь достигнув преклонных лет, младший брат снял наконец плащ-невидимку и передал его своему сыну. И он приветствовал Смерть как старого друга и пошёл за ней с радостью, и они, как равные, покинули этот мир».*

Гермиона закрыла книгу. Ксенофилий, кажется, только через пару мгновений осознал, что чтение закончилось. Тогда он оторвал взгляд от окна и произнёс:

— Ну, теперь вы всё знаете!

— Простите? — переспросила Гермиона. Судя по голосу, она была сбита с толку.

— Это и есть Дары Смерти, — ответил Ксенофилий.

Он отыскал перо, валявшееся на заваленном столе где-то у его локтя, и выудил среди книг обрывок пергамента.

— Сильнейшая Палочка, — сказал он и начертил на пергаменте прямую вертикальную линию. — Камень Воскрешения, — продолжил он и нарисовал над линией кружок. — Плащ-невидимка, — закончил он и заключил линию и кружок в треугольник. Получился тот самый символ, что так заинтересовал Гермиону. — Ну, а всё вместе — Дары Смерти.

— Но в сказке нет таких слов: «Дары Смерти», — возразила Гермиона.

— Ну конечно, нет, — произнёс Ксенофилий с невыносимым самодовольством. — Это ведь сказка для детей, её рассказывают для забавы, а не для того, чтобы передать знания. Но те из нас, кто разбирается в подобных вещах, понимают, что древнее предание описывает три предмета, или Дара, которые, если их собрать вместе, сделают их обладателя властелином Смерти.

Последовало короткое молчание, во время которого Ксенофилий снова глянул в окно. Солнце уже клонилось к горизонту.

— Луна, должно быть, скоро наловит достаточно плим-плимов, — тихо сказал он.

— Когда вы сказали «властелином Смерти»... — начал Рон.

— Властелином, — проговорил Ксенофилий, небрежно взмахнув рукой, — победителем, покорителем — называйте, как вам больше нравится.

— Так значит... вы хотите сказать... — медленно произнесла Гермиона, и Гарри понял, что она изо всех сил старается сдержать скептические нотки в голосе, — что верите, будто эти предметы — эти Дары — существуют на самом деле?

Ксенофилий снова поднял брови.

— Ну разумеется.

— Но, мистер Лавгуд, — сказала Гермиона, и Гарри было ясно, что её терпение скоро



лопнет, — как вы вообще можете верить...?

— Луна мне всё о вас рассказала, юная леди, — отозвался Ксенофилий. — Вы, я полагаю, неглупы, но крайне ограничены. Недалёки. Узколобы.

— Тебе, Гермiona, наверное, не помешало бы примерить эту шапочку, — сказал Рон, кивая на нелепый головной убор. Его голос дрожал от сдерживаемого смеха.

— Мистер Лавгуд, — снова принялась Гермiona, — все знают, что есть плащи-невидимки. Это редкость, но всё же они существуют. Но...

— О, но ведь третий Дар — настоящий плащ-невидимка, мисс Грейнджер! Я имею в виду, что это не просто дорожный плащ, на который наложено Прозрачаровывающее заклинание или Ослепляющие чары, или сотканный из шерсти полувидки, который скрывает вас поначалу, но с годами выцветает, пока не станет матовым. Речь идёт о плаще, который действительно делает носящего совершенно невидимым и служит вечно, создавая неизменное и непроницаемое укрытие, какие бы заклятия в него не попадали. Много вы видели таких плащей, мисс Грейнджер?

Гермiona открыла было рот, чтобы ответить, потом снова закрыла, вид у неё был как никогда растерянный. Все трое переглянулись, и Гарри знал, что они подумали об одном и том же. Вышло так, что именно такой плащ, какой только что описал Ксенофилий, находился сейчас в этой комнате.

— Вот именно, — проговорил Ксенофилий с таким видом, будто только что наголову разбил их в учёном споре. — Никто из вас не встречал подобной вещи! Её владелец должен быть неслыханно богат, не правда ли?

Он снова посмотрел в окно. Небо уже окрасилось еле уловимым оттенком розового.

— Хорошо, — в замешательстве произнесла Гермiona. — Предположим, плащ существовал... но как же камень, мистер Лавгуд? То, что вы назвали Камнем Воскрешения?

— А что?

— Как такое может существовать на самом деле?

— Докажите, что не может, — ответил Ксенофилий.

Гермiona, похоже, была не на шутку возмущена.

— Но это... простите, но это полная нелепость! Как я вообще могу доказать, что его не существует? Вы что, хотите, чтобы я собрала все... всю гальку с берегов всего мира и проверила? Вы что, утверждаете, что может существовать всё что угодно, пусть даже единственным основанием для веры является то, что никто не доказал, что этого не существует!

— Да, утверждаю, — согласился Ксенофилий. — Приятно видеть, что вы уже начинаете мыслить немного шире.

— Значит, Сильнейшая палочка, — быстро вмешался Гарри, прежде чем Гермiona успела возразить, — думаете, она тоже существует?

— Ну, на этот счёт есть бесчисленные свидетельства, — ответил Ксенофилий. — Сильнейшая — этот тот из Даров, который легче всего проследить, из-за того, каким путём он переходит из рук в руки.

— Каким путём? — спросил Гарри.

— А вот таким: чтобы стать настоящим хозяином палочки, нужно силой отнять её у предыдущего владельца, — объяснил Ксенофилий. — Вы, разумеется, слышали, как эта палочка перешла к Эгберту Неодолимому после того, как он зверски убил Эмерика Злого? Как Годелот погиб в собственном подвале после того, как сын его, Херевард, отобрал у него палочку? О грозном Локсии, отнявшем палочку у Барнабаса Деверилла, которого он убил? Кровавый след Сильнейшей палочки запятнал не одну страницу магической истории.

Гарри взглянул на Гермionу. Она хмурилась, но не возражала Ксенофилию.

— И как вы думаете, где теперь Сильнейшая палочка? — спросил Рон.

— Увы, кто знает? — отозвался Ксенофилий, уставившись в окно. — Кто знает, где скрывается Сильнейшая? След потерялся на именах Арка и Ливия. Кто знает, который из них в действительности победил Локсия и забрал себе палочку? И кто знает, кто потом одолел их? К сожалению, об этом история умалчивает.

Наступило молчание. Наконец Гермиона натянуто спросила:

— Мистер Лавгуд, имеет ли семья Певереллов какое-то отношение к Дарам Смерти?

Ксенофилий, кажется, был поражён. В памяти Гарри что-то шевельнулось, но он никак не мог сообразить что. Певерелл... он где-то уже слышал это имя...

— А вы вводили меня в заблуждение, барышня! — заявил Ксенофилий. Он выпрямился в кресле и во все глаза уставился на Гермиону. — Я-то думал, что вы новичок в деле Поиска Даров! Многие из нас, Ищущих, считают, что Певереллы имеют прямое, самое прямое отношение к Дарам Смерти!

— Что за Певереллы? — поинтересовался Рон.

— Это имя было написано на могиле, где стоял знак, в Годриковой лощине, — пояснила Гермиона, продолжая смотреть на Ксенофилия. — Игнотус Певерелл.

— Вот именно! — проговорил Ксенофилий, педантично подняв указательный палец. — Знак Даров Смерти на могиле Игнотуса — это окончательное доказательство!

— Чего? — спросил Рон.

— Ну как же! того, что три брата из сказки на самом деле были братья Певерелл: Антиох, Кадм и Игнотус! Того, что именно они были первыми обладателями Даров!

Снова взглянув в окно, он встал, подхватил поднос и направился к винтовой лестнице.

— Вы останетесь на обед? — крикнул он снизу, уже скрывшись из виду. — У нас все просят рецепт нашей ухи из пресноводных плим-плимов!

— Наверное, чтобы показать в клинике святого Мунго, отделение отравлений, — негромко пробормотал Рон.

Гарри подождал до тех пор, пока им не стали слышны шаги Ксенофилия на кухне этажом ниже, и заговорил.

— И что ты думаешь? — обратился он к Гермионе.

— Ох, Гарри, — устало проговорила она, — это полнейшая чушь. Не может быть, чтобы этот символ расшифровывался таким образом. Это, должно быть, он сам так своеобразно его понимает. Только зря потратили время.

— А чего вы хотите? Это же человек, подаривший нам морщерогого кизляка, — сказал Рон.

— Ты тоже не веришь? — спросил его Гарри.

— Не-е, это же просто такая история, какие обычно рассказывают детям, чтобы вправить им мозги, разве нет? «Не ищи себе неприятностей, не ввязывайся в драку, будь осторожен с предметами, которые лучше не трогать! Главное — не высовываться, не лезть не в своё дело, и тогда всё будет в порядке». Если подумать, — добавил Рон, — наверное, из-за этой сказки палочки из бузины считаются несчастливymi.

— Ты это о чём?

— Ну как же, все эти приметы! «Родилась в мае — выйдешь за маггла», «заколдован в сумерки — расколдован в полночь», «яблонева палочка — денег не видать». Да ты их слышал, мама их целую кучу знает.

— Мы с Гарри выросли среди магглов, — напомнила Гермиона. — У нас другие приметы. — Она глубоко вздохнула. С кухни доносился довольно резкий запах. Если что и было хорошего в её возмущении против Ксенофилия, так это то, что из-за него она как будто забыла, что сердится на Рона. — Думаю, ты прав, — сказала она ему. — Это просто нравоучительная

история, ведь очевидно, какой дар лучший, ясно, что надо выбрать...

Все трое заговорили одновременно: Гермиона сказала «плащ», Рон сказал «палочку», а Гарри — «камень».

Они уставились друг на друга с весёлым изумлением.

— Ну, это понятно, что ты бы выбрала плащ, — обратился Рон к Гермионе, — но если у тебя есть такая палочка, вовсе не нужно становиться невидимым. Непобедимая палочка, Гермиона, представляешь!

— У нас уже есть плащ-невидимка, — сказал Гарри.

— И если ты не заметил, он нам очень даже пригодился! — поддержала Гермиона. — А с этой палочкой тебя непременно ждут сплошные неприятности...

— Ну, это если о ней кричать на каждом углу, — возразил Рон. — Если ты такой болван, что будешь скакать и размахивать ею над головой, и распевать: «У меня непобедимая палочка, кто тут самый крутой, приходите со мной сразиться!» А если держать язык за зубами...

— Да, но удастся ли держать язык за зубами? — со скептическим видом произнесла Гермиона. — Знаешь, из всего, что он нам рассказал, верно только одно: истории о необычайно могущественных палочках рассказывают уже много столетий.

— Серьёзно? — спросил Гарри.

Гермиона возмущённо посмотрела на них. Это её выражение было так знакомо и дорого Гарри и Рону, что они обменялись улыбками.

— Жезл Смерти, Палочка Судьбы — они появлялись в разные века под разными названиями, обычно принадлежали каким-нибудь тёмным магам, и те ими хвастались. Профессор Биннс упоминал о каких-то, но... ой, да ерунда всё это! Сила палочки не может быть больше силы самого волшебника. Просто некоторые любят хвастаться, что у них палочки больше и лучше, чем у других.

— Но откуда ты знаешь, — произнёс Гарри, — что все эти палочки — Жезл Смерти, Палочка Судьбы и всё такое — это не одна и та же палочка, которая появлялась в разные века под разными названиями?

— Да, вдруг это и правда Сильнейшая палочка, которую сделала сама Смерть? — подхватил Рон.

Гарри вдруг рассмеялся: ему в голову пришла странная мысль... но нет, это просто нелепо. Его палочка, напомнил он себе, была не из бузины, а из остролиста, изготовлена Олливандером, что бы она ни творила в ту ночь, когда Вольдеморт гнался за ним по небу, и будь она непобедимой, как бы она могла сломаться?

— Да, а почему бы ты выбрал камень? — спросил его Рон.

— Ну, раз он может возвращать людей, мы бы снова увидели Сириуса... Грозного Глаза... Дамблдора... моих родителей...

Ни Рон, ни Гермиона не улыбнулись.

— Но у барда Бидла сказано, что им не хочется возвращаться, да? — сказал Гарри, вслух размышляя над сказкой, которую они только что услышали. — И, наверное, не так уж много было историй о камне, который может воскрешать умерших. Ведь не было? — спросил он у Гермионы.

— Нет, — грустно ответила она. — Вряд ли кто-нибудь, кроме мистера Лавгуда, может обманывать себя, что это возможно. Скорее всего, Бидл позаимствовал идею философского камня, понимаешь, только тут камень не делает человека бессмертным, а возвращает назад к жизни.

Запах из кухни усиливался: пахло как будто горелыми подштанниками. Гарри подумал, сможет ли он съесть достаточное количество стряпни Ксенофилия, чтобы не обидеть его.

— Но вот насчёт плаща, — медленно проговорил Рон. — разве вы не видите, что он прав? Я так привык к твоему плащу, Гарри, и никогда толком не задумывался, какая это отличная вещь. Я о других таких никогда не слышал. Он никогда не подводит. Нас под ним ни разу не засекли...

— Ну конечно, мы же были под ним невидимы, Рон!

— Да, но всё, что он говорил про другие плащи — а они, знаешь ли, не по кнату за десяток продаются — это правда! Мне раньше в голову не приходило, но я про них слышал: когда они стареют, из них чары выветриваются, или, бывает, рвутся от заклятий, и получают дырки. А Гарри плащ достался от отца, значит, он даже не новый, так? но он... просто идеальный!

— Да, это так, Рон, но камень...

Пока они переговаривались шёпотом, Гарри бродил по комнате, слушая их только краем уха. Подойдя к винтовой лестнице, он рассеянно обратил взгляд вверх, и кое-то сразу же привлекло его внимание. С потолка комнаты этажом выше на него смотрело его собственное лицо. После мгновенного замешательства он сообразил, что это не зеркало, а картина. Движимый любопытством, он начал взбираться по лестнице.

— Гарри, ты что? Думаю, не стоит тут ходить и всё разглядывать, пока его нет!

Но Гарри уже добрался до следующего этажа. Луна украсила потолок своей спальни пятью превосходно нарисованными портретами: Гарри, Рон, Гермиона, Джинни и Невилл. Они не двигались, как это делали картины в Хогвартсе, но в них всё равно была какая-то магия. Гарри показалось, что они дышат. Вокруг портретов извивалась как будто тонкая золотая цепочка, соединяющая их вместе, но вглядевшись как следует, через минуту или около того Гарри понял, что на самом деле цепочка складывалась из одного слова, написанного золотыми чернилами, повторённого тысячекратно: «друзья...друзья... друзья...»

Гарри почувствовал прилив нежности к Луне. Он оглядел комнату. Возле кровати висела большая фотография: маленькая Луна и женщина, очень похожая на неё. Они стояли обнявшись. На этом снимке Луна была причёсана куда лучше, чем в любой день, когда Гарри видел её в жизни. Фотография была покрыта пылью. Это показалось Гарри немного странным. Он внимательно осмотрел всё вокруг. Что-то было не так. На бледно-голубом ковре тоже лежал толстый слой пыли. Дверцы гардероба были распахнуты, одежды в нём не было. Кровать казалась холодной, негостеприимной, как будто в ней не спали несколько недель. По ближайшему окну тянулась паутина, вырисовываясь на фоне багрового неба.

— Что там такое? — спросила Гермиона, когда Гарри спустился по лестнице, но прежде чем он успел ответить, из кухни поднялся Ксенофилий. Он был уже на самом верху лестницы и держал в руках поднос, на этот раз уставленный тарелками.

— Мистер Лавгуд, — обратился к нему Гарри, — где Луна?

— Что, простите?

— Где Луна?

Ксенофилий остановился на верхней ступеньке.

— Я же... я уже сказал: она ушла к Нижнему мосту наловить плим-плимов.

— Тогда почему вы поставили на поднос только четыре тарелки?

Ксенофилий попытался что-то сказать, но не мог издать ни звука. Было слышно только непрерывное пыхтение печатного станка да лёгкое дребезжание подноса: у Ксенофилия тряслись руки.

— По-моему, Луны здесь нет уже много недель, — сказал Гарри. — Исчезла её одежда, в кровати давно никто не спал. Где она? И почему вы всё время смотрите в окно?

Ксенофилий уронил поднос. Тарелки с грохотом разбились. Гарри, Рон и Гермиона вытащили волшебные палочки. Ксенофилий застыл, его рука замерла на полпути к карману. В этот миг печатный станок переполнился, бесчисленные номера «Придиры» потоком хлынули

из-под скатерти по всему полу, и машина наконец смолкла. Гермiona нагнулась и подняла один журнал, не отводя палочки от мистера Лавгуда.

— Гарри, взгляни! — Он подошёл к ней так быстро, как только позволял кавардак на полу.

На передней обложке «Придиры» красовалась его фотография, удостоенная подписью «Неудобный номер один» и сопровождавшаяся суммой вознаграждения.

— Значит, у «Придиры» теперь новые взгляды? — холодно поинтересовался Гарри. Его мысли неслись с бешеной скоростью. — Так вот зачем вы ходили в сад, мистер Лавгуд? Отправили сову в Министерство?

Ксенофилий облизал губы.

— Они забрали мою Луну, — прошептал он. — Из-за статей, что я пишу. Они забрали Луну, и я не знаю, где она... не знаю, что они с ней сделали. Но, может быть, они её вернут, если я... если я...

— Если вы сдадите им Гарри? — закончила за него Гермiona.

— Не пойдёт, — решительно заявил Рон. — Убирайтесь с дороги, мы уходим.

Ксенофилий был мертвенно-бледен, он будто враз постарел на сотню лет, рот растянулся в отвратительной хищной гримасе.

— Они будут здесь с минуты на минуту. Я должен спасти Луну. Я не могу потерять Луну. Вам нельзя уходить.

Он встал перед лестницей, раскинув руки, и перед глазами Гарри внезапно мелькнуло видение: его мать, делающая тот же самый жест перед его кроватью.

— Не заставляйте нас делать вам больно, — сказал Гарри. — Отойдите с дороги, мистер Лавгуд.

— ГАРРИ! — пронзительно вскрикнула Гермiona.

Мимо окон пролетели фигуры на метлах. Как только все трое отвернулись от Ксенофилия, он достал волшебную палочку. Гарри как раз вовремя осознал свою ошибку и метнулся в сторону, оттолкнув Рона с Гермioniой из-под удара. Оглушающее заклинание Ксенофилия пролетело через всю комнату и угодило в рог громоноса. Раздался взрыв невероятной силы. Казалось, от одного его звука всю комнату разнесло вдребезги. Во все стороны полетели обломки дерева и камня, обрывки бумаги, поднялось непроглядное облако густой белой пыли. Гарри пролетел по воздуху, потом грохнулся на пол. На него сыпался град обломков, он ничего не видел и только прикрыл голову руками. Он слышал, как взвизгнула Гермiona, завопил Рон, а по множеству глухих ударов по железу, от которых делалось дурно, он понял, что Ксенофилия сбило с ног взрывом и он покатился задом наперёд с винтовой лестницы. Наполовину засыпанный обломками, Гарри попытался подняться. Из-за пыли было трудно дышать и почти ничего не видно. Потолок наполовину обвалился, и в дыру свешивался конец Луниного ожерелья. Рядом валялся бюст Корбины Когтевран, у которой не хватало половины лица, в воздухе носились рваные клочья пергамента, а основная часть печатного станка лежала на боку, перекрывая верхнюю площадку лестницы, ведущей в кухню. Потом к Гарри приблизилась ещё одна белая фигура: Гермiona, похожая на статую из-за толстого слоя белой пыли, прижала палец к губам.

Внизу с грохотом распахнулась дверь.

— Разве я не говорил, Треверс, что спешить было без надобности? — произнёс грубый голос. — Говорил я, что этот псих, как всегда, несёт околесицу? — Послышался грохот, и Ксенофилий вскрикнул от боли.

— Нет... нет... он наверху... он, Поттер!

— Я же тебе сказал на той неделе, Лавгуд: мы придём, только если будут верные сведения!

Помнишь, что было на прошлой неделе? Ты хотел обменять свою дочь на эту дрянную штуку для головы? А ещё неделей раньше... — снова грохот, снова вскрик, — ты вообразил, что мы её отдадим, если ты докажешь, что существуют... — бум! — ...мордоголовые... — бум! — ...козляки!

— Нет... нет... умоляю! — рыдал Ксенофилий. — Там правда Поттер, это он!

— А теперь, получается, ты вызвал нас, чтобы взорвать! — прорычал пожиратель смерти. Послышался град ударов вперемешку со страдальческими воплями Ксенофилия.

— Дом-то, похоже, вот-вот рухнет, Селвин, — произнёс второй, холодный голос, отдававшийся эхом вверх по искорёженной лестнице. — И лестница вся завалена. Попытаться, что ли, расчистить? Чего доброго, всё упадёт.

— Ты, лживый кусок дерьма! — заорал волшебник по имени Селвин. — Ты Поттера-то хоть раз в жизни видел, а? Думал, заманишь нас сюда и убьёшь, так, что ли? Думал, так ты получишь назад свою девчонку?

— Я клянусь вам... клянусь... Поттер там, наверху!

— Хоменум ревелио, — произнёс голос у подножия лестницы. Гарри услышал, как ахнула Гермиона, а потом почувствовал нечто странное, словно что-то стремительно пронеслось прямо над ним, накрывая его своей тенью.

— Там наверху точно кто-то есть, Селвин, — резко проговорил второй.

— Это Поттер, это Поттер, говорю я вам! — прорыдал Ксенофилий. — Прошу вас... прошу... отдайте Луну, пусть Луна будет со мной...

— Ты получишь свою малютку, Лавгуд, — ответил Селвин, — если поднимешься по этой лестнице и притащишь мне Гарри Поттера. Но если это заговор, ловушка, если у тебя там наверху сидит сообщник и ждёт, чтобы выскочить на нас из засады, то мы ещё посмотрим, оставить ли от твоей дочурки хоть кусочек, чтобы тебе было что похоронить.

У Ксенофилия вырвался стон ужаса и отчаяния. Потом послышалась возня и шорох: он пытался пробраться через завалы на лестнице.

— Ну всё, — прошептал Гарри, — нам надо отсюда уходить.

Он начал освобождаться, пользуясь тем, что шум, производимый Ксенофилием на лестнице, заглушал все звуки. Рона завалило сильнее, чем остальных. Гарри и Гермиона как можно тише пробрались через развалины туда, где он лежал, и попытались сдвинуть с его ног тяжёлый комод. В то время как Ксенофилий шуршал и громыхал всё ближе и ближе, Гермионе удалось освободить Рона с помощью Парящих чар.

— Отлично, — шепнула она, когда сломанный печатный станок, загородивший верхнюю площадку, начал подрагивать. Ксенофилий был всего в каких-то футах от них. Она по-прежнему была вся белая от пыли.

— Гарри, ты мне доверяешь?

Гарри кивнул.

— Хорошо, — прошептала Гермиона. — Дай мне плащ-невидимку. Рон, сейчас ты его наденешь.

— Я? А как же...

— Рон, давай! Гарри, возмись крепко за мою руку. Рон, ты хватайся за плечо.

Гарри протянул левую руку. Рон скрылся под плащом. Станок, перегордивший лестницу, вибрировал: Ксенофилий пытался приподнять его Парящими чарами. Гарри не понимал, чего ждёт Гермиона.

— Держись крепче, — прошептала она. — Крепче... вот-вот, сейчас...

Над буфетом показалось белое, как простыня, лицо Ксенофилия.

— Обливиате! — воскликнула Гермиона и направила волшебную палочку сначала ему в

лицо, а потом на пол у них под ногами. — Депримо!

Раздался взрыв, в полу гостиной пробило дыру, и они камнем упали вниз. Гарри по-прежнему изо всех сил держался за её руку, снизу кто-то истошно закричал, и он мельком увидел, как двое мужчин пытаются увернуться, а с разбитого потолка на них и вокруг них обрушиваются горы камней и поломанной мебели. Гермиона повернулась в воздухе. У Гарри в ушах ещё стоял грохот падающего дома, а она снова тянула его куда-то в темноту.

## Глава двадцать вторая. Дары Смерти

Задыхаясь, Гарри упал на траву и тут же вскочил на ноги. В сумерках было видно, что они приземлились на краю поля; Гермиона уже бегала вокруг, взмахивая палочкой.

— *Протега тоталум... Салвио гексия...*

— Подлый старый вымогатель! — пропыхтел Рон, появляясь из-под плаща-невидимки и бросая его Гарри. — Гермиона, ты гений, настоящий гений, поверить не могу, что мы оттуда убрались!

— *Каве иминикум...* Я же сказала, что это рог взрыворога? Я же ему говорила? А теперь его дом разнесло на куски!

— Так ему и надо, — заметил Рон, изучая порванные джинсы и порезы на ногах. — Как думаешь, что они с ним сделают?

— О, надеюсь, они его не убьют! — охнула Гермиона. — Потому-то я и хотела, чтобы они успели мельком увидеть Гарри, прежде чем мы уйдем, и убедились, что Ксенофилий не лжет!

— А мне-то зачем было прятаться? — поинтересовался Рон.

— Все думают, что ты слег с брызгрыльностью, Рон! Они похитили Луну, потому что ее отец был на стороне Гарри! Что будет с твоей семьей, если они узнают, что ты с ним?

— А как же твои родители?

— Они в Австралии, — ответила Гермиона. — С ними все будет в порядке. Они ничего не знают.

— Ты гений, — с благоговением повторил Рон.

— Ты вправду гений, Гермиона, — горячо поддержал его Гарри, — не знаю, что бы мы без тебя делали.

Просияв, она тут же помрачнела.

— А как же Луна?

— Что ж, если они сказали правду и она все еще жива... — начал было Рон.

— Не говори так, не надо! — громко запротестовала Гермиона. — Она жива, жива!

— В таком случае, думаю, она в Азкабане, — сказал Рон. — Как бы там ни было, неизвестно, выживет ли она там... многие не выдерживают...

— Она выдержит, — произнес Гарри. Он не мог представить иной исход. — Луна сильная, гораздо сильнее, чем ты думаешь. Наверняка она рассказывает остальным заключенным о рывководорослях и нарглах.

— Надеюсь, ты прав, — сказала Гермиона. Она провела рукой по глазам. — Мне было бы так жаль Ксенофилия, если...

— ... если бы он не пытался продать нас Пожирателям Смерти, да уж, — договорил Рон.

Установив палатку, они укрылись в ней, Рон приготовил чай. После того, как они с трудом избежали опасности, это прохладное, затхлое, старое место казалось домом — безопасным, знакомым и дружелюбным.

— О, зачем мы туда пошли? — после нескольких минут тишины простонала Гермиона. — Гарри, ты был прав: снова эта Годрикова лощина... совершенно бесполезно потраченное время! Дары Смерти... какая чушь... хотя вообще-то, — ее озарила внезапная догадка, — ведь он мог все это выдумать, правда? Наверняка он вообще не верит в Дары Смерти, просто хотел задержать нас, пока не явятся Пожиратели Смерти!

— Я так не думаю, — возразил Рон. — Плести небылицы, когда волнуешься, гораздо труднее, чем ты думаешь. Я это понял, когда меня поймали Охотники за головами. Было гораздо легче притворяться Стеном, чем выдумывать кого-то несуществующего, потому что его я



немного знал. На старика Лавгуда давила необходимость убедить нас оставаться на месте. Уверен, он сказал правду, или то, что он считает правдой, чтобы нас заговорить.

— Что ж, не думаю, что это имеет значение, — вздохнула Гермиона. — Даже если он был с нами честен, такой чуши я в жизни не слышала.

— Погоди-ка, — сказал Рон, — разве Тайную комнату не считали легендой?

— Но Дары Смерти не могут существовать, Рон!

— Ты так говоришь, но один из них существует, — возразил Рон. — Плащ-невидимка Гарри...

— *«Сказка о трех братьях»* — всего лишь история, — твердо сказала Гермиона. — История о трех людях, боявшихся смерти. Если выжить было бы так же легко, как спрятаться под плащом-невидимкой, у нас есть все, что нужно!

— Не знаю. Непобедимая палочка нам бы пригодилась, — заметил Гарри, крутя раздражавшую его терновую палочку.

— Ее не существует, Гарри!

— Ты ведь говорила, что там было полно палочек — Палочка Смерти и как там ее...

— Ладно, верь и дальше в существование старшей палочки, но как насчет камня воскрешения? — источая сарказм, спросила она и сделала пальцами жест, будто выделяя кавычками последние слова. — Никакое волшебство не может воскрешать умерших и в этом все дело!

— Когда моя палочка соединилась с палочкой Сама-Знаешь-Кого, появились мои родители... и Седрик...

— Но ведь на самом деле они не воскресли, верно? — возразила Гермиона. — Такие... бледные образы не то же самое, что и возвращение кого-то жизни.

— Но ведь она, та девушка из сказки, на самом деле не вернулась, правда? В истории говорится, что если человек умер, он принадлежит к мертвым. Но средний брат все-таки видел ее и говорил с ней? Он даже жил с ней какое-то время...

В выражении лица Гермионы он заметил беспокойство и что-то еще, трудно поддающееся определению. Затем, взглянув на Рона, Гарри понял, что это был страх: он напугал их своими разговорами о жизни с мертвыми.

— Так насчет этого Певерелла, похороненного в Годриковой лощине, — торопливо спросил он, стараясь казаться здравомыслящим, — вам что-нибудь известно?

— Нет, — с облегчением от того, что он сменил тему, ответила Гермиона, — после того, как я увидела знак на его могиле, я искала его; если он был кем-то известным или сделал что-то важное, уверена, о нем упоминалось бы в одной из наших книг. Единственное место, где я нашла имя «Певерелл» — это «Врожденное величие: Генеалогия волшебников». Я одолжила ее у Кричера, — объяснила она поднявшему брови Рону. — Там перечисляются чистокровные семьи, которые пресеклись по мужской линии. Очевидно, род Певереллов исчез одним из первых.

— Пресеклись по мужской линии? — повторил Рон.

— Это значит, что род вымер, — объяснила Гермиона, — в случае Певереллов это произошло сотни лет назад. У них вполне могут быть потомки, только имена они носят другие.

Внезапно Гарри осенило; имя Певерелла пробудило в нем воспоминание: противный старик, размахивающий уродливым кольцом перед носом у министерского служащего; Гарри воскликнул:

— Марволо Гаунт!

— Что? — хором произнесли Рон и Гермиона.

— Марволо Гаунт! Дед Сами-Знаете-Кого! В омуте памяти! С Дамблдором! Марволо Гаунт сказал, что он потомок Певереллов!

Рон и Гермиона были сбиты с толку.

— Кольцо, кольцо, ставшее хоркруксом; Марволо Гаунт сказал, что на нем герб Певерелла! Я видел, как он размахивал кольцом перед человеком из Министерства, чуть не попав ему по носу!

— Герб Певерелла? — резко спросила Гермиона, — Ты смог разглядеть, как он выглядел?

— Не очень, — ответил Гарри, пытаясь вспомнить. — в нем не было ничего особенного, насколько я мог рассмотреть; может несколько царапин. Я видел его вблизи, только когда он открылся.

Гарри увидел, как глаза Гермионы внезапно расширились, она поняла. Рон изумленно глядел на них.

— Вот это да... не думаете, что это снова знак? Знак Даров?

— Почему нет? — взволнованно произнес Гарри, — Марволо Гаунт был невежественным старым мерзавцем, который жил как свинья и беспокоился только о своей родословной. Если кольцо передавалось веками, он мог и не подозревать, чем оно является. В том доме не было одной книжки и, поверьте мне, он совсем не тот человек, чтобы читать детям сказки. Ему нравилось думать, что царапины на камне — герб, поскольку считал, что быть чистокровным — почти то же, что и быть королевской крови.

— Да... все это очень интересно, — осторожно заметила Гермиона, — но, Гарри, если ты думаешь, что я думаю, что ты думаешь...

— Ну, почему нет? Почему нет? — спросил Гарри, отбросив осторожность. — Ведь это был камень, верно? — он взглянул на Рона, ища поддержки. — Что если это был камень воскрешения?

Рон широко открыл рот.

— Ух ты... но подействует ли он, если Дамблдор сломал...

— Подействует? Подействует? Рон, он никогда не действовал! Камня воскрешения не существует! — Герсиона вскочила на ноги с раздраженным и злым видом. — Гарри, ты пытаешься все подогнать под историю о Дарах...

— Подогнать все? — повторил Гарри. — Гермиона, все совпадает! Я знаю, что знак Даров Смерти был на том камне! Гаунт сказал, что он потомок Певереллов!

— Минуту назад ты сказал, что не рассмотрел знак на камне!

— Как по твоему, где теперь кольцо? — спросил Рон у Гарри. — Что Дамблдор сделал, когда взломал его?

Но воображение Гарри неслось, далеко обогнав воображение Рона и Гермионы...

Три предмета или Дара, которые, если их объединить, сделают своего обладателя повелителем Смерти... повелителем... завоевателем... победителем... последний враг, которого надлежит уничтожить — смерть...

Он увидел себя обладателем Даров, лицом к лицу с Волдемортом, чьи хоркруксы ему не противники... ни один не сможет жить, пока жив другой... неужели это и есть ответ? Дары против хоркруксов? В конце концов, есть ли способ убедиться в том, что именно он станет победителем? Если он обладатель Даров Смерти, грозит ли ему опасность?

— Гарри?

Гарри едва слышал Гермиону: вынув свой плащ-невидимку, он пропускал его между пальцами, ткань струилась словно вода, легкая словно воздух. За почти семь лет в мире волшебников он не встречал ничего похожего. Плащ был в точности таким, каким его описывал Ксенофилий: плащ, который действительно в полной мере делает одевшего невидимым, вечно сохраняет свои свойства, обеспечивая постоянное непроницаемое укрытие, несмотря на налагаемые заклятья.

Вдруг, глотнув воздух, он вспомнил...

— Плащ был у Дамблдора в ту ночь, когда погибли мои родители!

Голос задрожал, он почувствовал, как на лице выступил румянец, но не обратил на это внимание.

— Мама сказала Сириусу, что Дамблдор одолжил плащ! Вот почему! Он хотел изучить плащ, потому что думал, что это третий Дар! Игнотус Певерелл похоронен в Годриковой лощине... — Гарри слепо бродил вокруг палатки, чувствуя, что ему открываются ошеломляющие новые стороны правды. — Он мой предок! Я потомок третьего брата! В этом есть смысл!

Он был вооружен уверенностью, своей верой в Дары, как будто сама мысль об обладании ими давала ему защиту; довольный он обернулся к друзьям.

— Гарри, — вновь произнесла Гермиона, но он не обращал внимания, отвязывая дрожащими пальцами мешочек на шее.

— Прочти, — сказал он, вкладывая ей в руку письмо своей матери. — Прочти! У Дамблдора был плащ, Гермиона! Зачем еще Дамблдор хотел его получить? Ему не нужен был плащ, он мог воспользоваться Исчезающим заклятьем, настолько сильным, что он мог сделаться абсолютно невидимым и без плаща!

Что-то упало на пол и закатилось, поблескивая, под стул: Гарри выронил снитч, когда доставал письмо. Гарри наклонился, чтобы поднять его и недавно возникший источник ошеломляющих открытий принес ему еще один дар; потрясенный и изумляющийся Гарри воскликнул:

— ОНО ЗДЕСЬ! Он оставил мне кольцо — оно в снитче!

— Ты... ты думаешь?

Он не мог понять, почему у Рона такой ошеломленный вид. Для Гарри это было настолько очевидно, настолько ясно: все сходилось, все... его плащ был третьим Даром, и когда он поймет, как открыть снитч, у него будет второй, а затем все, что останется сделать — найти первый Дар, старшую палочку, а затем...

Затем будто занавес упал на залитую огнями сцену: все возбуждение, вся надежда и счастье были уничтожены одним ударом, и он стоял один в темноте, чудесные чары были нарушены.

— Вот что ему нужно.

Перемена в его голосе, казалось, напугала Рона и Гермиону еще больше.

— Сами-Знаете-Кому нужна старшая палочка.

Он повернулся спиной к их напряженным недоверчивым лицам. Он знал, что это правда. Все обрело смысл. Вольдеморт не искал новую палочку; на самом деле он искал старую, очень старую палочку. Гарри подошел к выходу из палатки, забыв о Роне и Гермионе, и, вглядываясь в темноту, размышлял...

Вольдеморт вырос в приюте магглов. Никто не рассказывал ему «Сказки барда Бидла», когда он был ребенком, как и не слышал о них Гарри. Вряд ли кто-то из волшебников верил в Дары Смерти. Мог ли Вольдеморт знать о них?

Гарри вглядывался в темноту... если Вольдеморт знал о Дарах Смерти, ведь он бы искал их, сделал все, чтобы обладать ими: тремя предметами, делающими своего обладателя повелителем Смерти? Если бы он знал о Дарах Смерти, возможно хоркруксы имели для него первостепенную важность. Разве то обстоятельство, что Вольдеморт взял Дар и превратил его в хоркрукс, не означает, что ему не была известна эта последняя великая тайна волшебников?

Это означало, что Вольдеморт ищет старшую палочку, не подозревая о ее настоящей силе, не понимая, что это один из трех... палочка была даром, который невозможно было скрыть, о чьем существовании было прекрасно известно... кровавый след старшей палочки пересекал страницы истории волшебников...

Гарри смотрел на затянутое облаками небо, завитки серо-серебряной дымки скользили по белому лику луны. Восхищение от открытий кружило голову.

Он вернулся в палатку. Было странно видеть Рона и Гермиону, стоявших в точности там, где он их оставил, Гермиона по-прежнему сжимала письмо Лили, Рон, стоявший рядом с ней, выглядел слегка встревоженным. Разве не понятно, насколько далеко они продвинулись за последние несколько минут?

— Вот так, — произнес Гарри, пытаясь разделить с ними пыл своей удивительной уверенности. — Это все объясняет. Дары Смерти существуют на самом деле, и у меня есть один из них... а возможно и два...

Он показал снитч.

— ... и Сами-Знаете-Кто охотится за третьим, но он не знает... он думает, это лишь сильная палочка...

— Гарри, — произнесла Гермиона, направляясь к нему и возвращая письмо Лили, — мне очень жаль, но, мне кажется, ты неправильно понял — все неправильно понял.

— Но разве ты не видишь? Все совпадает...

— Нет, не совпадает, — возразила она. — Не совпадает, Гарри, ты просто отвлекся. Пожалуйста, — перебила она его, — пожалуйста, просто ответь мне. Если Дары Смерти действительно существуют, и Дамблдор об этом знал — знал, что человек, обладающий всеми тремя из них, станет повелителем Смерти... Гарри, почему он тебе об этом не сказал? Почему?

У него уже был готов ответ.

— Ты сама говорила, Гермиона! Ты должен узнать о них сам! Это поиск!

— Я сказала это лишь для того, чтобы все выяснить и убедить тебя направиться к Лавгудам! — раздраженно воскликнула Гермиона. — На самом деле я в это не верила!

Гарри не обращал внимания.

— Дамблдор обычно давал мне узнать обо всем самому. Он давал мне почувствовать свою силу, рискнуть. Это как раз и похоже на то, как он обычно поступал.

— Гарри, это не игра, не тренировка! Это действительность и Дамблдор оставил тебе четкие инструкции: найти и уничтожить хоркруксы! Тот символ ничего не значит, забудь о Дарах Смерти, мы не можем позволить себе отвлекаться...

Гарри едва слушал ее. Он снова и снова крутил в руках снитч, почти ожидая, что тот откроется, обнаружив внутри камень воскрешения, чтобы убедить Гермиону в своей правоте, в существовании Даров Смерти.

Гермиона обратилась к Рону.

— Ты ведь не веришь в это, правда?

Гарри поднял глаза. Рон колебался.

— Не знаю... то есть... кое-то сходится, — неуклюже произнес Рон. — Но когда смотришь на все вместе... — он сделал глубокий вдох. — Мне кажется, мы должны избавиться от хоркруксов, Гарри. Вот что нам сказал Дамблдор. Может быть... может быть нам нужно выбросить из головы все эти Дары.

— Спасибо, Рон, — поблагодарила его Гермиона. — Я караулю первая.

Она прошла мимо Гарри и уселась у входа в палатку, твердо поставив на обсуждении точку.

Этой ночью Гарри плохо спалось. Им завладела мысль о Дарах Смерти и он не мог отдыхать пока беспокойные мысли проносились у него в голове: палочка, камень и плащ, если бы он мог завладеть всем этим...

Отпираюсь, где закрыто... но что означает «закрыто»? Почему камень сейчас не у него? Если бы у него был камень, он мог бы спросить Дамблдора лично... и Гарри бормотал над снитчем в темноте слова, пробуя все, даже парселтонг, но золотой мячик не открывался...

И палочка, старшая палочка, где же она спрятана? Где Вольдеморт ищет сейчас? Гарри хотелось, чтобы щрам начал гореть и показал ему мысли Вольдеморта, потому что впервые его и Вольдеморта объединяло желание завладеть одной и той же вещью... Гермиона, разумеется, не будет от этого в восторге... кроме того, она не верит... в некотором смысле Ксенофилий был прав... Ограниченный. Узкий. Недалекий. Правда в том, что она боялась мысли о Дарах Смерти, особенно о камне воскрешения... Гарри прижался губами к снитчу, целуя его, почти глотая, но холодный металл не поддавался...

Уже почти рассвело, когда он подумал о Луне, одинокой в своей камере в Азкабанае, окруженной дементорами, и внезапно ему стало стыдно за себя. Он совсем забыл о ней, погрузившись в лихорадочные мысли о Дарах. Если бы только они спасли ее, но дементоры в таком количестве фактически были непобедимы. Раз уж он начал об этом думать... он еще не пробовал создавать патронаса терновой палочкой... он должен попытаться утром...

Если бы только можно было достать палочку получше...

Желание получить старшую палочку, палочку Смерти, необоримую, непобедимую охватило его снова...

Утром они собрали палатку и устремились дальше сквозь тоскливую пелену дождя. Ливень сопровождал их к морскому берегу, где они тем вечером установили палатку, по всей сырой местности, казавшейся Гарри мрачной и угнетающей, и продолжал лить всю неделю. Гарри мог думать лишь о Дарах Смерти. Внутри него будто пылало пламя, которое не могло погасить ничто: ни глупое недоверие Гермионы, ни упорное сомнение Рона. Тем не менее, чем неистовее Гарри стремился к Дарам, тем меньше радости он испытывал. Он винил Рона и Гермиону: их непреклонное безразличие так же угнетало его дух, как и неослабевающий дождь, но ничто не могло разрушить его уверенность, по-прежнему остававшуюся абсолютной. Вера и стремление Гарри к Дарам поглощали его настолько, что он чувствовал себя несколько отделившимся от остальных и их одержимости хоркруксами.

— Одержимость? — тихим свирепым голосом переспросила Гермиона, когда однажды вечером Гарри, отчитанный ею за отсутствие интереса к поиску хоркруксов, легкомысленно употребил это слово. — Это не мы одержимые, Гарри! Мы пытаемся сделать то, чего от нас хотел Дамблдор!

Он не воспринял скрытый упрек. Дамблдор оставил знак Даров Смерти для того, чтобы его разгадала Гермиона, он также, как по-прежнему был убежден Гарри, спрятал камень воскрешения в золотом снитче. Ни один не сможет жить, пока жив другой... повелитель Смерти... почему Рон и Гермиона не понимают?

— Последний враг, которого надлежит уничтожить — смерть, — спокойно процитировал Гарри.

— Я думала, мы должны сражаться с Вольдемортом? — отпарировала Гермиона, и Гарри сдался.

Даже тайна серебряной лани, на обсуждении которой настаивали остальные двое, казалась теперь Гарри менее важной, малоинтересной второстепенной задачей. Еще одной вещью, имевшей для него значение, было вновь начавшееся покалывание в щраме, несмотря на то, что Гарри делал все возможное, чтобы скрыть это от остальных. Всякий раз, когда это происходило, он оставался один, но увиденное разочаровывало. Качество образов, которые они с Вольдемортом делили, изменилось: они стали размытыми и будто то и дело были не в фокусе. Гарри смог разглядеть лишь неясные очертания предмета, похожего на череп, и что-то вроде горы, которая была скорее тенью, чем материей. Привыкший к отчетливым, словно в действительности образам, Гарри был расстроен переменой. Он переживал, что связь между ним и Вольдемортом нарушена, связь, которой он боялся и которой, что бы там он не говорил

Гермионе, дорожил. Почему-то Гарри связывал эти неудовлетворительные, неясные образы с уничтожением своей палочки, будто в том, что он не мог больше заглянуть в сознание Вольдеморта как прежде, была виновата терновая.

Тянулись недели, даже несмотря на то, что Гарри был погружен в свои мысли, он не мог не заметить, что Рон, казалось, стал брать на себя руководство. Возможно, решив возместить то, что он их бросил, возможно, потому что равнодушные Гарри, пробудило его скрытые лидерские качества, но теперь именно Рон ободрял и призывал остальных действовать.

— Осталось три хоркрукса, — повторял он. — Давайте же, нам нужен план действий! Где мы еще не искали? Давайте пройдемся снова. Приют...

Диагон-аллея, Хогвартс, дом Риддлей, магазин Борджина и Буркса, Албания, каждое место, где, по их сведениям, Том Риддл жил или работал, гостил или совершил убийство, Рон и Гермиона тщательно осматривали, Гарри присоединялся к ним лишь затем, чтобы избежать поучений Гермионы. Он был бы рад посидеть один в тишине, пытаясь прочесть мысли Вольдеморта, выяснить побольше о старшей палочке, но Рон настаивал на посещении все большего количества бесперспективных мест просто затем, как считал Гарри, чтобы не задерживаться на одном месте.

— Никогда не знаешь заранее, — постоянно приговаривал Рон, — Верхний Флегли — деревня волшебников, возможно ему хотелось там поселиться. Отправимся туда и оглядимся.

Благодаря таким частым набегам на территорию волшебников, они то и дело попадали в поле зрения Охотников за головами.

— Некоторые из них такие же негодяи, как и Пожиратели смерти, — сказал Рон, — те парни, которым я попался, были довольно жалостливые, но Билл считает, некоторые из них действительно опасные. В Поттеробзоре сказали...

— Где? — переспросил Гарри.

— Поттеробзор, разве я не говорил, как она называется? Передача, которую я пытался поймать по радио, единственная, в которой рассказывают правду о происходящем! Почти все передачи поддерживают Сам-Знаешь-Кого, все, кроме Поттеробзора. Я очень хочу, чтобы ты послушал, но найти ее довольно сложно...

Рон вечер за вечером выстукивал различные мотивы палочкой по радиоприемнику, пока тот настраивался. Время от времени им удавалось уловить отрывки совета, как лечить драконью оспу, один раз несколько строк «Котла с горячей сильной любовью». Постукивая, Рон продолжал подбирать пароль, бормоча набор случайных слов вполголоса.

— Как правило, они подбирают что-то связанное с Орденом, — объяснял он им. — У Билла особый талант их угадывать. В конце концов я угадаю...

Удача улыбнулась Рону лишь в марте. Гарри сидел у входа в палатку, на посту, лениво глаза на заросли гиацинтов, пробивавшихся сквозь холодную землю, когда Рон взволнованно закричал из палатки.

— Нашел, нашел! Пароль «Альбус»! Иди сюда, Гарри!

Оторванный впервые за долгие дни от раздумий о Дарах Смерти, Гарри поспешил в палатку, где Рон и Гермиона на коленях стояли перед маленьким приемником. Гермиона, полировавшая меч Гриффиндора чтобы чем-то заняться, сидела, приоткрыв рот и уставившись на крошечный громкоговоритель, из которого доносился знакомый голос.

— ... свои извинения за временное отсутствие в эфире вследствие ряда визитов в наши края этих очаровательных Пожирателей смерти.

— Да это же Ли Джордан! — воскликнула Гермиона.

— Знаю! — просиял Рон. — Классно, правда?

— ... нашли другое безопасное место, — говорил Ли, — и я рад сообщить вам, что сегодня

вечером ко мне присоединились двое из наших постоянных сотрудников. Добрый вечер, ребята!

— Привет.

— Добрый вечер, Ривер.

— «Ривер» — это Ли, — объяснил Рон. — У каждого из них есть кодовое имя, но всегда можно определить...

— Шшш! — прошипела Гермиона.

— Но прежде, чем мы выслушаем Рояла и Ромула, — продолжал Ли, — уделим немного времени новостям о смертях, которые не сочли необходимым упомянуть «Новости Волшебной Сети Беспроводной Связи» и «Ежедневный пророк». С огромной скорбью сообщаем нашим слушателям об убийстве Теда Тонкса и Дирка Кресвелла.

У Гарри внутри все упало. Он, Рон и Гермиона с ужасом уставились друг на друга.

— Был также убит гоблин по имени Горнук. Маглорожденному Дину Томасу и второму гоблину, которые, насколько стало известно, путешествовали с Тонксом, Кресвеллом и Горнуком, возможно удалось спастись. Если Дин нас слышит или если кому-либо известно его местонахождение, просим сообщить его родителям и сестре.

— Тем временем в Геддли была обнаружена семья пятерых магглов, убитых в собственном доме. Маггловские власти в качестве причины смерти называют утечку газа, но члены Ордена Феникса сообщили мне, что это было Убийственное проклятье — еще одно доказательство, если их еще недостаточно, того, что уничтожение магглов при новой власти почти приобрело черты развлечения.

— В заключение мы с сожалением сообщаем нашим слушателям, что останки Батильды Бегшот были найдены в Годриковой лощине. Очевидно, она умерла несколько месяцев назад. Орден Феникса сообщает, что на ее теле следы повреждений, несомненно, нанесенных темной магией.

— Слушатели, мы просим вас присоединиться к минуте молчания в память о Теде Тонксе, Дирке Кресвелле, Батильде Бегшот, Горнуке и безымянным, но от этого не менее оплакиваемым, магглам, убитым Пожирателями смерти.

Восцарилась тишина, Гарри, Рон и Гермиона молчали. Часть Гарри стремилась послушать еще, другая страшилась того, что может услышать. Впервые за долгое время он полностью ощутил свою связь с внешним миром.

— Спасибо, — произнес голос Ли. — А теперь мы возвращаемся к нашему постоянному сотруднику, Роялу, за свежими новостями о том, как новые порядки волшебников влияют на мир магглов.

— Спасибо, Ривер, — произнес легкоузнаваемый голос — глубокий, неторопливый, обнадеживающий.

— Кингсли! — воскликнул Рон.

— Знаем! — ответила Гермиона, заставляя его замолчать.

— Магглам по-прежнему неизвестен источник их мучений и они продолжают винить стечение обстоятельств, — сообщил Кингсли. — Как бы там ни было, мы по-прежнему слышим действительно воодушевляющие рассказы о волшебниках и ведьмах, рискующих собственной безопасностью, чтобы защитить своих друзей и соседей магглов, зачастую без их ведома. Я бы хотел призвать наших слушателей последовать их примеру, возможно создавая защитные заклятья вокруг всех жилищ магглов на вашей улице. С помощью таких простых мер можно спасти множество жизней.

— Что бы ты, Роял, сказал тем слушателям, которые считают, что в столь опасное время «в первую очередь волшебники»? — спросил Ли.

— Я бы сказал, что от «в первую очередь волшебников» маленький шаг до «в первую

очередь чистокровок», — ответил Кингсли. — Мы все люди, не так ли? Все человеческие жизни равны и стоят того, чтобы их спасти.

— Прекрасно сказано, Роял, и если мы когда-нибудь выберемся из этого беспорядка я отдам свой голос за тебя на выборах министра магии, — пообещал Ли. — А сейчас перейдем к Ромулу и всеми любимой рубрике: Друзья Поттера.

— Спасибо, Ривер, — поблагодарил еще один знакомый голос; Рон было заговорил, но Гермиона, опередив его, прошептала:

— Мы знаем, что это Люпин!

— Ромул, ты как обычно утверждаешь, что Гарри Поттер жив?

— Да, — твердо ответил Люпин. — У меня нет никаких сомнений, что в случае его смерти об этом, где только возможно, трубили Пожиратели Смерти, поскольку это нанесло бы сокрушительный удар по боевому духу противников новой власти. «Мальчик, Который Выжил» остается символом всего того, за что мы сражаемся: торжества добра, силы невинности, необходимости бороться.

Смесь благодарности и стыда затопила Гарри. Простил ли его Люпин за те ужасные вещи, которые он сказал во время их последней встречи?

— Что бы ты сказал Гарри, если бы знал, что он нас слышит, Ромул?

— Я бы сказал, что мы все мысленно с ним, — ответил Люпин, затем слегка запнулся. — Я бы сказал ему прислушаться к своей интуиции, которая имеет основания и почти никогда не обманывает.

Гарри взглянул на прослезившуюся Гермиону.

— Почти никогда не обманывает, — повторила она.

— Разве я тебе не говорил? — с удивлением сказал Рон. — Билл сказал, что Люпин и Тонкс снова живут вместе! И, кстати, она становится все больше и больше.

— ... и наши новости о тех друзьях Гарри Поттера, которые страдают за свою преданность? — продолжал Ли.

— Ну, как известно нашим постоянным слушателям, несколько откровенных сторонников Гарри Поттера находятся под стражей, в том числе и Ксенофилий Лавгуд, бывший редактор «Придиры»... — сказал Люпин.

— Он все-таки жив! — проворчал Рон.

— За последние несколько часов мы также слышали, что Рубеус Хагрид... — все трое глотнули воздух, чуть не пропустив конец фразы, — хорошо известный привратник в школе Хогвартса, едва избежал ареста на территории школы, где он по слухам в своем доме разместил «Партию Поддержки Поттера». Как бы там ни было, Хагрид избежал тюремного заключения и, как мы надеемся, находится в бегах.

— Думаю, когда спасаешься от Пожирателей Смерти, сводный брат шестнадцати футов ростом очень кстати? — спросил Ли.

— Скорее всего, это дает преимущество, — рассудительно согласился Люпин. — Я бы хотел добавить, что хотя мы в Поттеробзоре восхищаемся личностью Хагрида, просим даже самых преданных приверженцев Гарри не следовать его примеру. Создание партий вроде «Поддержки Гарри Поттера» при существующей обстановке неразумно.

— Несомненно, Ромул, — согласился Ли, — поэтому мы предлагаем вам продемонстрировать свою приверженность человеку со шрамом-молнией, слушая Поттеробзор! А теперь перейдем к новостям о волшебнике, который считается столь же неуловимым, как и Гарри Поттер. Нам нравится называть его Шефом Пожирателей Смерти, и здесь для того, чтобы сообщить нам свою точку зрения на новые безумные слухи о нем, наш новый корреспондент — Грызун.



— «Грызун»? — произнес еще один знакомый голос, и Гарри, Рон и Гермиона одновременно воскликнули: «Фред»!

— Нет... это Джордж?

— Нет, я думаю Фред, — сказал Рон, наклоняясь поближе, в то время как какой-то из близнецов возразил, — Я не «Грызун», ни в коем случае, я же сказал, что хочу быть «Рапирой»!

— Ну ладно. «Рапира», не мог бы ты поделиться с нами своими взглядами на те многочисленные истории, которые мы слышим о Шефе Пожирателей Смерти?

— Конечно, Ривер, — ответил Фред, — Как известно нашим слушателям, если только они не нашли прибежище на дне садового пруда или где-нибудь в этом роде, намерение Сами-Знаете-Кого оставаться в тени, создает приятную легкую атмосферу паники. Только подумайте, если все случаи, когда его якобы видели — правда, у нас на здесь бегают добрые девятнадцать Сами-Знаете-Коиx.

— Конечно же, его это устраивает, — заметил Кингсли. — Атмосфера загадочности создает большую панику, нежели если бы он действительно показался.

— Согласен, — сказал Фред. — Так что, люди, давайте попытаемся немного успокоиться. Все и так достаточно плохо и без этих выдумок. Например, вот эта новая фантазия о том, что Сами-знаете-кто может убить одним взглядом. Это василиск, друзья. Проверить легко: посмотрите, есть ли у того, кто на вас смотрит, ноги. Если да, смотреть ему в глаза безопасно, несмотря на то, что если это действительно Сами-Знаете-Кто, он будет последнее, что вы увидите.

Впервые за многие недели Гарри смеялся: он чувствовал, как уходит напряжение.

— А как же эти сплетни о том, что его видели за границей? — спросил Ли.

— Ну, кто бы не хотел отправиться в приятный небольшой отпуск после выполнения такой тяжелой работы? — спросил Фред. — Люди, дело в том, что не стоит руководствоваться ложным чувством безопасности, думая что он находится за пределами страны. Может быть он там, может нет, но факт остается фактом — он, когда захочет, может перемещаться быстрее, чем Северус Снейп встретивший шампунь, поэтому не рассчитывайте на то, что он находится далеко, если собираетесь рискнуть. Никогда не думал, что скажу это, но безопасность в первую очередь!

— Спасибо за мудрые слова, Рапира, — сказал Ли. — Друзья, на этом наш очередной Поттеробзор подошел к концу. Мы не знаем, когда снова сможем вести передачу, но будьте уверены, мы вернемся. Настраивайте приемники: следующий пароль — «Грозный Глаз». Берегите друг друга: не теряйте веру. Спокойной ночи.

Настройка приемника завращалась, и лампочки за настроечной панелью погасли. Гарри, Рон и Гермиона по-прежнему широко улыбались. Услышав знакомые дружелюбные голоса, они очень воодушевились. Гарри так привык к их уединению, что почти забыл о том, что и другие люди противостояли Вольдеморту. Казалось, будто он проснулся после долгого сна.

— Здорово, правда? — счастливо сказал Рон.

— Замечательно, — согласился Гарри.

— Это так смело с их стороны, — восхищенно вздохнула Гермиона. — Если бы их обнаружили...

— Что ж, они ведь постоянно перебираются с места на место, разве не так? — сказал Рон. — Как и мы.

— Ты ведь слышал, что сказал Фред? — взволнованно спросил Гарри; теперь, когда передача закончилась, его мысли вернулись к навязчивой идее. — Он за границей! Он все еще ищет палочку, я так знал!

— Гарри...

— Ну же, Гермiona, почему ты не хочешь это признать? Воль...

— ГАРРИ, НЕТ!

— ...деморту нужна старшая палочка!

— Это имя — табу! — завопил Рон, вскочив на ноги, снаружи послышался громкий треск. — Я ведь говорил, Гарри, мы не должны произносить это имя, нам следует создать защиту вокруг себя... скорей... так они находят...

Рон умолк, и Гарри знал почему. Врагоскоп на столе засветился и начал вращаться; все ближе и ближе они слышали голоса — грубые взволнованные голоса. Рон вынул деиллюминатор из кармана и щелкнул им — свет погас.

— Выходите с поднятыми руками! — из темноты послышался режущий ухо голос. — Мы знаем, что вы там! На вас нацелены полдюжины палочек и нам все равно, кого проклясть!

## Глава двадцать третья. Поместье Малфоев

Гарри оглянулся на друзей, которые теперь были всего лишь силуэтами в темноте. Он увидел, как Гермиона нацелила палочку не в сторону входа, а ему в лицо. Раздался взрыв, из палочки вылетел белый огонь, и ослеплённый Гарри повалился на колени от боли. Он чувствовал, что пока тяжело ступавшие люди окружали их, лицо у него под руками быстро опухало.

— Вставай, слизняк.

Неведомо чьи руки грубо вздёргнули Гарри с пола, прежде чем он успел остановить их. Кто-то пошарил по карманам и вытащил терновую палочку. Гарри вцепился в своё мучительно болевшее лицо, он не узнавал его на ощупь — оно было тугим, опухшим и отёчным, как будто у него возникла сильная аллергия. Его глаза превратились в щёлки, сквозь которые он с трудом видел, очки слетели, когда его вышвырнуло из палатки, всё, что он мог различить — это были размытые фигуры четырёх или пяти человек, выволокнувших наружу Рона и Гермиону.

— Отпустите её! — закричал Рон. Раздался звук, который сложно было спутать с чем-то ещё — удар кулаком. Рон замычал от боли, Гермиона завизжала.

— Нет! Оставьте его, оставьте!

— Если твой дружок окажется в моём списке, ему придётся гораздо хуже, — раздался до ужаса знакомый скрежещущий голос. — Сладкая девочка... какое пиршество... как мне нравится эта нежная кожа...

У Гарри внутри всё сжалось. Он знал, кто это — Фенрир Грейбек, вервольф, которому было дозволено носить плащ Пожирателя Смерти в оплату за его продажную жестокость.

— Осмотрите палатку! — послышался другой голос.

Гарри швырнули лицом вниз на землю. По глухому звуку падения он понял, что Рона бросили рядом. До них доносились шаги и грохот, люди переворачивали стулья, пока обыскивали палатку. На его лицо упал луч света от палочки, и Грейбек расхохотался.

— Да этого мне придётся запить сливочным пивом. Эй, уродец, что с тобой случилось?

Гарри замешкался с ответом.

— Я спросил, — повторил Грейбек, и Гарри получил удар под дых и скорчился от боли, — что с тобой случилось.

— Ожог, — невнятно пробормотал Гарри. — Это Ожог.

— Угу, похоже на то, — сказал второй голос.

— Как твоё имя? — раздражённо спросил Грейбек.

— Дадли, — ответил Гарри.

— А имя?

— Я... Вернон. Вернон Дадли.

— Проверь по списку, Парша, — приказал Грейбек, и Гарри услышал, как тот шагнул в сторону Рона. — А ты, рыжий?

— Стэн Шонпайк, — сказал Рон.

— Чёрта с два, — ответил человек по прозвищу Парша. — Мы знаем Стэна Шонпайка, он нам доставил хлопот.

Раздался ещё один удар.

— Я Барди, — сказал Рон, и Гарри догадался, что у того во рту кровища. — Барди Уизли.

— Уизли? — проскрипел Грейбек. — Так ты родственничек чистокровных предателей, хоть сам и не грязнокровка. Ну, и наконец, твоё миленькая подружка...

Он с таким смаком это произнёс, что у Гарри мурашки по коже поползли.

— Спокойно, Грейбек, — сказал Парша, перекрывая язвительный смех остальных.

— Да я не собираюсь прямо сейчас её кусать. Посмотрим, может, она своё имя вспомнит быстрее, чем Барни. Ты кто, девка?

— Пенелопа Клируотер, — ответила Гермiona. Её голос звучал испуганно, но убедительно.

— Ты кто по крови?

— Полукровка, — сказала она.

— Ничего не стоит проверить, — заметил Парша. — Вообще, они на школьников похожи по возрасту.

— Мы бросили фколу, — подал голос Рон.

— Бросили школу, так, рыжик? — переспросил Парша. — И решили пойти в поход? И подумали, что можно, шутки ради, назвать Тёмного Лорда по имени?

— Не футка, — ответил Рон. — Сдучайность.

— Случайность? — снова раздались ехидные смешки.

— Ты знаешь, кому нравится называть Тёмного Лорда по имени, Уизли? — прорычал Грейбек. — Ордену Феникса. Тебе это говорит о чём-нибудь?

— Неа.

— Так вот, они не оказывают должного уважения Тёмному Лорду, так что на имя наложен Запрет. Кое-кого из Ордена так и выследили. Посмотрим. Свяжите их с двумя другими пленниками!

Кто-то вздёрнул Гарри за волосы, отволол куда-то недалеко, толчком заставил сесть и начал привязывать спиной к спине с другими. Все ещё наполовину ослепший, Гарри едва мог разглядеть хоть что-то своими заплывшими глазами. Когда человек, который их связывал, отошёл, Гарри шёпотом спросил у остальных пленников:

— У кого-нибудь палочка осталась?

— Нет, — ответили Рон и Гермiona с обеих сторон от него.

— Это всё я виноват. Я назвал имя, простите...

— Гарри?

Новый, но знакомый голос донёсся прямо из-за спины Гарри — говорил человек, привязанный к Гермione слева.

— Дин?

— Это точно ты! Если они узнают, кого поймали!.. Это Охотники за головами, они только тем и занимаются, что ловят школьников, прогуливающих уроки, чтобы продавать за золото...

— Неплохой улов за одну ночь, — сказал Грейбек, мимо Гарри прошагали ноги в подбитых гвоздями сапогах, а из палатки снова донёсся грохот. — Грязнокровка, беглый гоблин и эти прогульщики. Парша, ты проверил их имена в списке? — рявкнул он.

— Ага. Нет там никакого Вернона Дадли, Грейбек.

— Интересно, — проговорил Грейбек. — Очень интересно.

Он навис над Гарри, и тот разглядел сквозь узкие щёлочки между опухшими веками покрытое свалывшейся серой шерстью лицо с бакенбардами, острые побуревшие зубы и гнойники в уголках рта. Пахло от Грейбека так же, как и на верхней площадке башни, где погиб Дамблдор — грязью, потом и кровью.

— Значит, выходит, ты не в розыске, Вернон? Или ты всё-таки есть в списке, но под другим именем? На каком факультете ты был в Хогвартсе?

— Слизерин, — не раздумывая, ответил Гарри.

— Всем кажется, что это то, что мы хотим услышать, даже смешно, — донёсся из тени злобный голос Парши. — Только ни один не может сказать, где находится их гостиная.

— Она в подземелье, — внятно произнёс Гарри. — Вход сквозь стену. Там полно черепов и

прочего барахла, и она под озером, поэтому там свет зелёный.

Ненадолго повисла тишина.

— Ну надо же, кажись, мы и правда поймали юного слизеринца, — сказал Парша. — Ты везунчик, Вернон, ведь грязнокровок среди слизеринцев — раз, два и обчёлся. Кто твой папаша?

— Он работает в Министерстве, — соврал Гарри. Он знал, что вся эта сказочка рассыплется при первой же попытке расследования, но, с другой стороны, она в любом случае не поможет ему, если его лицо вернётся к своему обычному виду раньше, чем всё закончится. — В Департаменте магических несчастных случаев и катастроф.

— Ты знаешь, Грейбек, — сказал Парша. — По-моему, там действительно работает какой-то Дадли.

Гарри едва дышал. Может им повезёт настолько, что они выберутся из этого без потерь?

— Так-так, — проговорил Грейбек, и Гарри расслышал тончайшую нотку беспокойства в его грубом голосе и понял, что Грейбек размышлял, уж не напал ли он на сына сотрудника Министерства и связал его. Сердце Гарри колотилось под верёвкой, обмотанной вокруг его груди, он бы не удивился, если бы узнал, что Грейбеку это было видно. — Если ты не лжёшь, уродец, то поездки в Министерство не побоишься. Полагаю, твой отец наградит нас за доставку.

— Но, — начал Гарри, во рту у него пересохло, — может, Вы нас отпустите...

— Эй! — в палатке раздался крик. — Вы только посмотрите! Грейбек!

К ним подскочила какая-то тень, и Гарри увидел в свете их палочек отблеск серебра. Они нашли меч Гриффиндора.

— О-о-о-очень хорошо, — похвалил Грейбек, забирая меч у приятеля. — Просто замечательно. Похоже, гоблинской работы. Откуда у вас такая вещь?

— Это отцовский, — соврал Гарри, от всей души надеясь, что было слишком темно, чтобы Грейбек смог увидеть имя, выгравированное под рукояткой. — Мы взяли его рубить дрова для костра.

— Погоди-ка, Грейбек! Глянь-ка, вот тут, в "Пророке"!

Стоило Парше это сказать, как шрам Гарри, туго натянувшийся на его распухшем лбу, с неожиданной силой начал гореть. Чётче, чем всё, что он мог различить вокруг себя, он увидел возвышающееся строение, мрачную крепость, абсолютно чёрную и неприступную — мысли Вольдеморта снова были остры, как бритва, он скользил к гигантской крепости, хладнокровно и одновременно радостно стремясь к цели...

Так близко... Так близко... Огромным усилием воли Гарри закрыл сознание от мыслей Вольдеморта, заставляя себя вернуться туда, где сидел в темноте привязанным к Рону, Гермионе, Дину и Грипхуку, слушая Грейбека и Паршу.

— Гермиона Грейнджер, — говорил Парша, — грязнокровка, которая, как известно, в бегах вместе с Гарри Поттером.

Шрам Гарри беззвучно пылал, но он изо всех сил удерживал себя в реальности, не давая соскользнуть в мысли Вольдеморта. Он услышал скрип сапог Грейбека, когда тот наклонился над Гермионой.

— Знаешь что, деваха? Картинка до чёртиков похожа на тебя.

— Вовсе нет! Это не я!

Писк ужаса Гермионы был всё равно что признанием.

— "... как известно, в бегах вместе с Гарри Поттером", — негромко повторил Грейбек.

Всё вокруг буквально замерло. Боль в шраме была пронизывающей, но Гарри изо всех сил сопротивлялся притяжению мыслей Вольдеморта. Никогда ещё не было так важно остаться в своём собственном уме.

— Пожалуй, это кое-что меняет, — прошептал Грейбек. Все промолчали. Гарри чувствовал, как банда Охотников застыла, наблюдая происходящее, и как дрожала рука Гермионы, прижатая к его руке. Грейбек встал и, сделал пару шагов к Гарри, и снова склонился над ним, чтобы получше рассмотреть его деформированную физиономию.

— Что это у тебя на лбу, Вернон? — вкрадчиво спросил он, дыша прямо в лицо Гарри, и ткнул грязным пальцем в натянувшийся шрам.

— Не тронь! — заорал Гарри, не сумев сдержаться. У него было такое чувство, что его вот-вот стошнит от боли.

— Я думал, ты очки носишь, Поттер, — негромко сказал Грейбек.

— Я нашёл очки! — вякнул один из Охотников, слонявшихся неподалёку. — В палатке были очки, Грейбек, погоди...

И через мгновение очки Гарри были водружены ему на нос. Охотники подтянулись поближе, разглядывая его.

— Так и есть! — проскрипел Грейбек. — Мы поймали Поттера!

Они отступили на несколько шагов, потрясённые собственным свершением. Гарри, не оставлявший попыток удержаться в своей раскалывающейся от боли голове, не мог придумать, что сказать. На поверхности сознания вспыхивали обрывочные видения...

...Он плыл в воздухе вдоль высоких стен чёрной крепости...

Нет, он — связанный и лишённый палочки Гарри, который в огромной опасности...

...глядя вверх, вверх, на окно на самой вершине высочайшей башни...

Он — Гарри, и они вполголоса обсуждали его судьбу...

...Пора лететь...

— В Министерство?

— К чёрту Министерство, — прорычал Грейбек. — Они всю славу себе припишут, а мы останемся с носом. Я говорю, что нужно его сразу к Сами-Знаете-Кому тащить.

— Ты его прямо сюда вызовешь? — с благоговейным ужасом спросил Парша.

— Нет, — рявкнул Грейбек, — у меня нет... Говорят, он использует дом Малфоя, как базу. Туда мы и отвезём мальчишку.

Гарри подумал, что знает, почему Грейбек не зовёт Волдеморта. Может, вервольфу и позволили носить плащ Пожирателя Смерти, потому что хотели использовать, но только ближайшее окружение Волдеморта носило Тёмную Метку. Грейбек не был удостоен этой величайшей чести.

Шрам Гарри снова начало печь...

...и он взвился в ночное небо, направляясь напрямик к окнам на самом верху башни...

— ...а ты точно уверен, что это он? А то, если не он, Грейбек, мы пропали.

— Кто тут главный? — взревел Грейбек, маскируя свою несостоятельность. — Я сказал — Поттер, и за него вместе с его палочкой, не сходя с места, дадут двести тысяч галлеонов! Если у вас всех кишка тонка пойти со мной, они все мне достанутся, а если повезёт, то ещё и девчонку в придачу отхвачу!

...Окно было ничем иным как щелью в чёрном камне, недостаточно широкой, чтобы человек мог войти через неё... Сквозь неё можно было рассмотреть иссохшее тело, скрючившееся под одеялом... Умер или спит?..

— Ну ладно! — сказал Парша. — Ладно, мы в деле! А с остальными что делать, Грейбек? С этими-то что?

— Может, всю ораву заберут. У нас два грязнокровки — ещё десять галлеонов. Подай-ка меч. Если в нём рубины, то это тоже выйдет небольшое состояние.

Пленников поставили на ноги. Гарри слышал учащённое от страха дыхание Гермионы.

— Хватайте и держите крепче. Я беру Поттера! — приказал Грейбек, вцепившись в волосы Гарри, и тот почувствовал, как длинные жёлтые когти царапают кожу. — На три! Раз, два, три...

Они дизаппарировали, утянув пленников с собой. Гарри вырывался, пытаясь оттолкнуть руку Грейбека, но это было бесполезно: с обеих сторон к нему были плотно прижаты Рон и Гермиона, он не мог отделиться от остальных, и оттого, что его сдавило так, что он не мог вдохнуть, его шрам пекло ещё сильнее...

...он змеёй проскользнул в щель окна и легко, как дым, приземлился на пол похожей на келью комнате...

Приземляясь, пленники попадали друг на друга; они оказались на деревенской дороге. Гарри пришлось подождать, пока его всё ещё опухшие глаза привыкнут, затем он увидел железные кованые ворота, от которых тянулось нечто вроде длинной подъездной аллеи. Ему малость полегчало. Худшее ещё не случилось, Вольдеморт не здесь. Гарри знал, где тот был — потому что изо всех сил сопротивлялся видению — в каком-то незнакомом здании, похожем на крепость, на вершине башни. Другое дело, сколько времени ему понадобится, чтобы добраться сюда, как только он узнает, что Гарри здесь...

Один из Охотников деловито подошёл к воротам и потряс их.

— Как нам войти? Закрыто, Грейбек, я не могу... чёрт побери!

Он в ужасе отдёргнул руки. Железо сминалось, сворачиваясь из абстрактных завитков и колец в уродливое лицо, которое гулким звенящим голосом произнесло:

— Назовите причину визита.

— У нас тут Поттер! — победно проревел Грейбек. — Мы поймали Гарри Поттера!

Ворота распахнулись.

— Пошли! — скомандовал Грейбек своим людям, и пленников втокнули в ворота и погнали по аллее между высоких изгородей, приглушавших звук их шагов. Гарри увидел над собой призрачно-белое нечто и догадался, что это был павлин-альбинос. Он оступился, и Грейбек проволока его и поставил на ноги. Теперь, будучи привязанным к остальным четверым спиной, он ковылял боком. Прикрыв свои заплывшие глаза, он ненадолго позволил боли в шраме заполнить своё сознание, желая узнать, что делал Вольдеморт, знал ли он уже, что Гарри попался...

Тощий человек зашевелился под одеялом и повернулся к нему, открывая глаза, его лицо было больше похоже на череп... Немошный старик сел, не отрывая взгляда больших запавших глаз от него, от Вольдеморта, и вдруг улыбнулся. Зубов у него почти не осталось...

— Пришёл, значит. Я так и знал, что ты явишься... однажды. Только ты напрасно потратил время. У меня её никогда не было.

— Лжёшь!

Ярость Вольдеморта забила у него внутри, шрам грозил открыться от боли, и Гарри выдернул сознание обратно в своё тело, изо всех сил стараясь удержаться в этой реальности, когда пленников швырнули на гравий.

Их залило светом.

— В чём дело? — раздался холодный женский голос.

— Мы хотим видеть Того-Кого-Нельзя-Называть! — проскрипел Грейбек.

— Кто ты такой?

— Ты знаешь, кто я! — в голосе вервольфа звучало негодование. — Фенрир Грейбек! Мы поймали Гарри Поттера!

Грейбек схватил Гарри и вытащил на свет, вынуждая остальных пленников передвинуться.

— Я знаю, что у него лицо опухло, госпожа, но это он! — пропищал Парша. — Если присмотреться, то шрам видно. А вот это, девчонка, видите? Это грязнокровка, которая с ним

таскается, госпожа. Это точно он, без сомнения, и палочка его у нас тоже есть! Вот, госпожа...

Сквозь отёкшие веки Гарри видел, как Нарцисса Малфой пристально рассматривает его раздутое лицо. Парша совал ей терновую палочку. Она подняла брови.

— Ведите их в дом, — приказала она.

Гарри и остальных толчками и пинками заставили подняться по широким ступеням в прихожую, увешанную портретами.

— Следуйте за мной, — сказала Нарцисса, двигаясь впереди процессии по коридору. — Мой сын, Драко, вернулся домой на пасхальные каникулы. Если это Гарри Поттер, он его узнает.

После темноты снаружи, гостиная просто сверкала. Даже с полузакрытыми глазами Гарри смог оценить огромные размеры комнаты. С потолка свисала хрустальная люстра, на тёмно-пурпурного цвета стенах висело ещё больше портретов. Когда Охотники втолкнули пленников в комнату, из кресел напротив богато отделанного мраморного камина поднялись двое.

— Это ещё что такое?

До Гарри донёсся до ужаса знакомый тягучий голос Люциуса Малфоя. Он запаниковал. Он не знал, как спастись, и от страха стало легче закрываться от мыслей Вольдеморта, несмотря на то, что шрам продолжал гореть.

— Они утверждают, что поймали Поттера, — холодно ответила Нарцисса. — Драко, подойди.

Гарри не отважился взглянуть на Драко прямо, а искоса смотрел, как тот вставал с кресла; Драко был стал выше его, лицо было бледным заострённым к низу расплывчатым пятном под очень светлыми волосами.

Грейбек снова заставил пленников повернуться, чтобы Гарри оказался точно под люстрой.

— Ну что, парень? — проскрипел Грейбек.

Гарри стоял лицом к огромному позолоченному зеркалу в раме из замысловатых завитушек, висевшему над камином. Сквозь щёлки глаз он впервые с тех пор, как покинул Гриммолд Плейс, увидел своё отражение.

Его лицо было огромным, блестящим и розовым, все черты были искажены заклятием Гермионы. Его чёрные волосы были по плечи, а на челюсти была тёмная тень. Если бы он не знал, что стоит там, то удивлялся бы, кто мог натянуть его очки. Он решил, что будет отмалчиваться, потому что голос наверняка сразу же выдал бы его, и продолжал избегать встречаться взглядами с приближавшимся Драко.

— Что скажешь, Драко? — спросил Люциус Малфой. В его голосе слышалась жадность. — Это он? Это Гарри Поттер?

— Я не... я не уверен, — ответил Драко. Он держался подальше от Грейбека, и похоже было, что точно так же боялся смотреть на Гарри, как и тот на него.

— Да ты посмотри повнимательнее, посмотри! Подойти поближе!

Гарри никогда не слышал, чтобы Люциус Малфой говорил таким возбуждённым голосом.

— Драко, если мы окажемся теми, кто доставит Поттера Тёмному Лорду, нам всё простят...

— Так, мистер Малфой, я надеюсь, Вы ведь не забудете, кто на самом деле поймал его? — с угрозой проговорил Грейбек.

— Не забуду, не забуду! — нетерпеливо бросил Люциус. Он сам подошёл к Гарри, так близко, что тот мог увидеть его обычно вялое бледное лицо во всех подробностях даже сквозь опухшие веки. Гарри казалось, что из-за того, что у него самого вместо лица была надутая маска, он будто выглядывал из-за решётки.

— Ты что с ним сделал? — спросил Люциус у Грейбека. — Почему он в таком состоянии?

— Это не мы.



— По-моему, больше похоже на Жалящее заклятие, — сказал Люциус.

Взгляд его серых глаз переместился на лоб Гарри.

— Тут что-то есть, — прошептал он. — Вроде как сильно натянувшийся шрам... Драко, подойди, посмотри получше! Что скажешь?

Гарри увидел, что лицо Драко снова приблизилось, совсем рядом с отцовским. Они были необычайно похожи, разве что отец выглядел вне себя от волнения, а у Драко на лице было написано отвращение, даже страх.

— Я не знаю, — ответил он и отошёл обратно к камину, откуда за ними наблюдала его мать.

— Мы должны быть уверены, Люциус, — окликнула своего мужа Нарцисса звонким холодным голосом. — Абсолютно уверены в том, что это Поттер, прежде чем вызовем Тёмного Лорда... Они заявили, что это его, — она разглядывала терновую палочку, — но она не похожа на описание Олливандера... Если мы ошибёмся и позовём Тёмного Лорда просто так... Помнишь, что он сделал с Роулом и Долоховым?

— Ну а что тогда насчёт грязнокровки? — прорычал Грейбек. Гарри чуть не упал, когда Охотники снова заставили пленников повернуться, чтобы на этот раз в лучах света оказалась Гермиона.

— Погодите, — резко сказала Нарцисса. — Да... да, она была в магазине Мадам Малкин с Поттером! Я видела её снимок в «Пророке»! Драко, посмотри, это не та ли самая Грейнджер?

— Я... наверное... ага.

— Но тогда, этот парень Уизли! — воскликнул Люциус, который обходил вокруг связанных пленников и увидел Рона. — Это они, друзья Поттера... Драко, взгляни на него, это не сын Артура Уизли, как там его звали?..

— Ага, — повторил Драко. — Возможно.

За спиной Гарри отворилась дверь гостиной. Раздался женский голос, и от его звуков Гарри стало ещё страшнее.

— Что это такое? Что случилось, Сисси?

Беллатрикс Лестранг медленно прошла вокруг пленников и остановилась справа от Гарри, уставившись на Гермиону глазами с тяжёлыми веками.

— Разумеется, — негромко произнесла она, — это та грязнокровка. Это Грейнджер?

— Да, да, это Грейнджер! — закричал Люциус. — А рядом, как мы думаем, Поттер! Поттер и его дружки, наконец-то пойманы!

— Поттер? — взвизгнула Беллатрикс и попятилась, чтобы лучше рассмотреть его. — Ты уверен? В таком случае, нужно немедленно уведомить Тёмного Лорда!

Она задрала рукав на левой руке. Гарри увидел выжженную у неё на руке Тёмную Метку и понял, что она вот-вот коснётся её, чтобы вызвать обожаемого хозяина...

— Я как раз собирался его позвать! — сказал Люциус, и его рука сжала запястье Беллатрикс, не давая ей дотронуться до Метки. — Я сам вызову его, Белла. Поттер был доставлен в мой дом, так что это моя привилегия...

— Привилегия! — презрительно рассмеялась она, пытаясь выдернуть руку из его хватки. — Да ты потерял все свои привилегии вместе с палочкой, Люциус! Как ты смеешь! Убери от меня свои руки!

— Тебя это не касается, не ты же поймала мальчишку...

— Прошу прощения, мистер Малфой, — встрял Грейбек, — вообще-то это мы поймали Поттера, и мы требуем золота...

— Золото! — захохотала Беллатрикс, не оставляя попыток отбиться от зятя, одновременно нащупывая свободной рукой палочку в кармане. — Да забирай своё золото, грязный стервятник,

мне-то что до него? Всё, чего я хочу — это его похвала... его...

Она прекратила бороться, уперевшись взглядом в нечто невидное Гарри. Обрадованный её отступлением Люциус отбросил её руку и завернул свой рукав...

— СТОЙ! — пронзительно вскрикнула Беллатрикс. — Не трогай, если Тёмный Лорд сейчас явится, мы все погибнем!

Люциус замер с занесённым над Меткой указательным пальцем. Беллатрикс быстрыми шагами вышла из узкого поля зрения Гарри.

— Что это? — услышал он её голос.

— Меч, — буркнул один из невидимых Охотников.

— Дай сюда.

— Это не Ваш, дамочка, это мой, так и знайте, я нашёл его.

Раздался звук удара, полыхнула алая вспышка, Гарри догадался, что Охотник был оглушён. Остальные сердито заворчали. Парша вытащил свою палочку.

— Это что за игры такие, дамочка?

— Остолбеней! — заверещала она. — Остолбеней!

Среди них равных ей не было, даже несмотря на то, что их было четверо против неё одной. Гарри знал, что она была ведьмой с невероятными умениями и совершенно без совести. Они попадали, где стояли, за исключением Грейбека, которого заставили опуститься на колени, вытянув руки вперёд. Краем глаза Гарри смог увидеть, как Беллатрикс с помертвевшим лицом угрожающе нависла над вервольфом, крепко сжимая меч Гриффиндора в руке.

— Откуда у вас этот меч? — прошипела она, выдёргивая палочку из руки Грейбека.

— Как ты смеешь? — огрызнулся он. Губы были единственным, что могло двигаться, он был вынужден, не отворачиваясь, смотреть на неё. Он оскалился, обнажив острые зубы. — Отпусти меня, женщина!

— Откуда он у вас? — повторила она, размахивая мечом у него перед лицом. — Снейп отослал его в моё хранилище в Гринготтсе!

— Он был у них в палатке, — проскрипел Грейбек. — Я сказал, отпусти!

Она взмахнула палочкой, и вервольф вскочил на ноги, но, похоже, приближаться к ней опасался. Он, крадучись, отошёл за кресло, вцепившись в спинку грязными кривыми когтями.

— Драко, выстави это отребье вон, — приказала Беллатрикс, указывая на лежавших без сознания людей. — Если кишка тонка прикончить их, можешь оставить во внутреннем дворе для меня.

— Не смей разговаривать с Драко, как с... — рассердилась Нарцисса, но Беллатрикс закричала.

— Замолчи! Ситуация гораздо серьёзнее, чем ты можешь себе представить, Сисси! У нас огромная проблема!

Она стояла, слегка задыхаясь, и рассматривала меч, внимательно изучая рукоятку. Затем обернулась к молчавшим пленникам.

— Если это настоящий Поттер, ему нельзя причинить вред, — сказала она скорее себе, чем остальным. — Тёмный Лорд желает самостоятельно разобраться с Поттером... Но если он узнает... я должна... я должна выяснить...

Она снова повернулась к сестре.

— Нужно запереть пленников в подвале, пока я придумаю, как поступить!

— Это мой дом, Белла, нечего раздавать тут указания...

— Давай делай! Ты понятия не имеешь, в какой мы опасности! — завизжала Беллатрикс. Она выглядела устрашающей, безумной, из её палочки вырвалась тонкая струйка огня и прожгла дыру в ковре.

Нарцисса несколько секунд колебалась, затем обратилась к вервольфу.

— Отведи их в подвал, Грейбек.

— Подожди, — выпалила Беллатрикс. — Всех, кроме... кроме грязнокровки.

Грейбек заворчал от удовольствия.

— Нет! — крикнул Рон. — Лучше меня используйте, оставьте меня!

Беллатрикс дала ему звонкую оплеуху, звук разнёсся по комнате.

— Если она умрёт во время допроса, ты будешь следующим, — сказала она. — Чистокровные предатели в моём списке идут сразу за грязнокровками. Грейбек, отведи их вниз и позаботься о том, чтобы они были хорошо заперты, но больше ничего с ними не делай... пока.

Она швырнула Грейбеку его палочку, затем вытащила из-под мантии короткий серебряный нож, разрешила верёвки Гермионы, отвязав от остальных пленников, и вытащила её за волосы на середину комнаты, в то время как Грейбек погнался за оставшимися к другой двери, в тёмный проход, выставив перед собой палочку, излучавшую невидимую и непреодолимую силу.

— Как думаете, она позволит мне малость побаловаться с девчонкой, когда закончит с ней? — вполголоса проговорил Грейбек, подталкивая их вперёд по коридору. — Я бы разок-другой куснул её, правда, рыжий?

Гарри почувствовал, как Рона затрясло. Их заставили спуститься по крутой лестнице, они всё ещё были связаны спиной к спине и в любой момент могли оступиться и сломать себе шею. Внизу была тяжёлая дверь. Грейбек ударом палочки открыл её, втолкнул их в темную и затхлую комнату и оставил в абсолютном мраке. Эхо грохота захлопнувшейся двери ещё не затихло, как сверху прямо над ними раздался жуткий душераздирающий крик.

— ГЕРМИОНА! — взревел Рон и принялся вырываться из верёвок, связывавших их, так, что Гарри потерял равновесие. — ГЕРМИОНА!

— Замолчи! — сказал Гарри. — Заткнись, Рон, нам нужно придумать, как...

— ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!

— Нам нужен план, прекрати орать... нужно избавиться от верёвок...

— Гарри? — из темноты донёсся шёпот. — Рон? Это вы?

Рон перестал кричать. Рядом послышалось движение, затем Гарри увидел, как к ним приблизилась тень.

— Гарри? Рон?

— Луна?

— Да, это я! О нет, я не хотела, чтобы вас поймали!

— Луна, ты можешь помочь нам развязать верёвки? — спросил Гарри.

— А, да, полагаю... У нас есть старый гвоздь, которым мы пользуемся, когда нужно что-нибудь расковырять... Минуточку...

Гермиона над ними снова закричала, и было слышно, что Беллатрикс тоже что-то кричит, но слов было не разобрать, а Рон снова заорал:

— ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!

— Мистер Олливандер, — услышал Гарри слова Луны. — Мистер Олливандер, гвоздь у Вас? Вы не могли бы подвинуться немного... по-моему, он возле кувшина с водой.

В считанные секунды она вернулась к ним.

— Придётся постоять неподвижно, — сказала она.

Гарри чувствовал, как она втыкает гвоздь в тугие шнуры, чтобы ослабить узлы. Сверху донёсся голос Беллатриксы.

— Я ещё раз тебя спрашиваю! Где вы взяли этот меч? Где?

— Мы нашли его... мы нашли его... ПОЖАЛУЙСТА! — снова закричала Гермиона. Рон задёргался ещё сильнее, и ржавый гвоздь соскользнул на руку Гарри.

— Рон, пожалуйста, стой спокойно, — прошептала Луна. — Я же не вижу, что делаю...

— Мой карман! — сказал Рон. — У меня в кармане Гасилка, и в ней полно света!

Через несколько мгновений раздался щелчок, и под потолок взлетели светящиеся шары, которые Гасилка высосала из ламп в палатке. Гарри увидел бледную Луну, с глазами в пол-лица, и неподвижного мастера палочек Олливандера, свернувшегося на полу в углу. Оглянувшись, он смог рассмотреть других пленников: это были Дин и гоблин Грипхук, который, казалось, был в полуобмороке и держался на ногах только благодаря верёвкам, привязанный к людям.

— Так гораздо удобнее, спасибо, Рон, — сказала Луна и снова принялась развязывать их путы. — Привет, Дин!

Сверху донёсся голос Беллатрикс.

— Ты лжёшь, мерзкая грязнокровка, и я знаю об этом! Вы были в моём хранилище в Гринготтсе! Говори правду, говори правду!

Ещё один ужасный вопль.

— ГЕРМИОНА!

— Что ещё вы там взяли? Что у вас ещё есть? Говори правду, или клянусь, я тебя ножом изрежу!

— Готово!

Гарри почувствовал, как верёвки спали, и, растирая запястья, повернулся и увидел, как Рон мечется по подвалу, глядя на потолок в поисках лазейки. Дин, у которого все лицо было ссадинах и крови, поблагодарил Луну и остался стоять на месте, его трясло, а Грипхук, словно у него закружилась голова, с потерянным видом осел на пол, на его тёмном лице были видны следы побоев.

Рон попытался дизаппарировать без палочки.

— Отсюда не выбраться, Рон, — сказала Луна, наблюдавшая за его тщетными усилиями. — Подвал абсолютно зачарован от побега. Поначалу я тоже пыталась. Мистер Олливандер здесь уже давно, он все способы перепробовал.

Гермиона снова закричала. Звук отозвался в Гарри физической болью. Едва осознавая, что шрам будто колют раскалёнными иглами, он тоже принялся бегать по комнате, непонятно для чего ощупывая стены, в глубине души зная, что это бесполезно.

— Что вы ещё взяли, что ещё? ОТВЕЧАЙ! КРУСИО!

Крики Гермионы эхом заметались между стен наверху, Рон, всхлипывая, молотил по стенам кулаками, и Гарри в полнейшем отчаянии сорвал с шеи мешочек Хагрида и сунул в него руку. Он вытащил наружу снитч Дамблдора и потряс его, сам не зная, на что надеясь — ничего не произошло... он взмахнул сломанными половинками палочки с пером феникса, но они оставались безжизненными... осколок зеркала, блеснув, упал на пол, и Гарри увидел ярко-голубую вспышку...

Из зеркала на него смотрел глаз Дамблдора.

— Помоги нам! — закричал он в полнейшей безысходности. — Мы в подвале Поместья Малфоев, помоги!

Глаз моргнул и исчез.

Гарри даже не был уверен в том, что что ему не померещилось. Он повертел кусок зеркала то так, то этак, но там не отражалось ничего, кроме стен и потолка их тюрьмы, а над ними Гермиона кричала ещё страшнее, и Рон рядом ревел: "ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!"

— Как вы проникли в моё хранилище? — услышали они пронзительный вопль Беллатрикс. — Вам помог тот грязный гоблин, что сидит в подвале?

— Мы его сегодня впервые увидели! — рыдала Гермиона. — Мы никогда не были в твоём хранилище... Это не настоящий меч! Это копия, всего лишь копия!

— Копия? — взвизгнула Беллатрикс. — Так мы и поверили!

— Но это легко проверить! — донёсся голос Люциуса. — Драко, приведи гоблина, он наверняка скажет, настоящий меч или поддельный!

Гарри рванулся через комнату к Грипхуку, съёжившись, сидевшему на полу.

— Грипхук, — прошептал он в острое ухо гоблина, — ты должен сказать им, что меч подделка, они не должны знать, что это настоящий, Грипхук, пожалуйста...

Он услышал, как кто-то поспешно спускается по подвальной лестнице, через мгновение за дверью раздался дрожащий голос Драко.

— Отойдите назад. Постройтесь у задней стены. Не пытайтесь ничего сделать, иначе я убью вас!

Они сделали, как было приказано. Пока ключ поворачивался в замке, Рон щёлкнул Гасилкой, и огоньки юркнули обратно к нему в карман, в подвале снова стало темно. Дверь распахнулась, и бледный и решительный Малфой твёрдым шагом вошёл внутрь, держа перед собой палочку. Он схватил гоблина за руку и попятился, таща Грипхука за собой. Дверь захлопнулась, и в тот же самый момент в подвале раздался громкий треск.

Рон щёлкнул Гасилкой. Три шарика света вылетели из его кармана, осветив домашнего эльфа Добби, только что аппарировавшего прямо к ним.

— ДОБ!..

Гарри ударил Рона по руке, чтобы перестал орать, тот понял свою ошибку, и вид у него стал напуганный. Потолок над ними пересекли шаги: Драко вёл Грипхука к Беллатрикс.

Огромные, размером с теннисные мячи глаза Добби были широко распахнуты, он дрожал от пяток до кончиков ушей. Он снова оказался в доме бывших хозяев, и совершенно очевидно, был в ужасе от этого.

— Гарри Поттер, — пропищал он тончайшим трясущимся голоском, — Добби пришёл, чтобы спасти тебя.

— Но как ты?..

Слова Гарри утонули в жутком крике: Гермиону снова пытали. Он сразу перешёл к делу.

— Ты можешь дизаппарировать из этого подвала? — спросил он Добби, и тот, хлопая ушами, кивнул.

— И ты можешь увести с собой людей?

Добби снова кивнул.

— Хорошо. Добби, я хочу, чтобы ты забрал Луну, Дина и мистера Олливандера и отнёс их... отнёс их...

— К Биллу и Флёр, — подсказал Рон. — Ракушечный Дом в окрестностях Тинворта!

Эльф кивнул в третий раз.

— И возвращайся, — продолжил Гарри. — Можешь сделать это, Добби?

— Разумеется, Гарри Поттер, — прошептал маленький эльф. Он поспешил к мистери Олливандеру, который казался почти без сознания. Он взял его руку в свою, другую протянул Луне и Дину, но те не пошевелились.

— Гарри, мы хотим помочь тебе! — зашептала Луна.

— Мы не можем бросить тебя, — добавил Дин.

— Уходите, оба! Встретимся у Билла с Флёр.

Когда Гарри заговорил, шрам начал гореть ещё сильнее, чем раньше, и несколько секунд Гарри смотрел вниз, но не на мастера палочек, а на другого человека, почти такого же старого, такого же тощего, но презрительно смеявшегося.

— Тогда убей меня, Вольдеморт, я буду только рад смерти! Но моя смерть не даст тебе того, что ты ищешь... Ты столько не понимаешь...

Он чувствовал ярость Вольдеморта, но Гермиона снова закричала, и он прервал связь, возвращаясь в подвал и к своему жуткому положению.

— Идите! — попросил он Луну и Дина. — Уходите! Мы сразу же за вами, только идите!

Они ухватились за протянутую руку эльфа. Раздался громкий хлопок, и Добби, Луна, Дин и Олливандер исчезли.

— Что это было? — закричал Люциус Малфой у них над головами. — Вы слышали? Что там за шум в подвале?

Гарри и Рон уставились друг на друга.

— Драко... нет, позови Червехвоста! Пусть пойдёт и проверит!

У них над головой кто-то прошёл, затем стало тихо. Гарри знал, что люди в гостиной прислушивались к звукам в подвале.

— Мы попробуем схватить его, — шепнул он Рону. У них не было выбора: как только кто-нибудь войдёт и обнаружит отсутствие троих пленников, они пропали. — Оставь свет включённым, — добавил Гарри, и как только за дверью стали слышны шаги вниз по лестнице, они прижались к стене по обеим сторонам от двери.

— Отойдите к стене, — донёсся голос Червехвоста. — Держитесь подальше от двери. Я вхожу.

Дверь распахнулась. Долго секунды Червехвост смотрел на опустевший подвал, освещённый трём крошечными солнышками, плававшими в воздухе. Затем Гарри и Рон кинулись на него. Рон ухватил его за руку, державшую палочку, и заставил поднять её вверх. Гарри закрыл ему рот ладонью, заглушая голос. Они молча боролись, из палочки Червехвоста вылетали искры, его серебряная рука сжалась на горле у Гарри.

— Что там, Червехвост? — позвал Люциус Малфой сверху.

— Ничего! — откликнулся Рон, удачно подделав сиплый голос Червехвоста. — Всё в порядке!

Гарри едва мог дышать.

— Ты собираешься убить меня? — выдавил он, пытаясь отцепить от себя металлические пальцы. — После того, как я спас твою жизнь? Ты мне обязан, Червехвост!

Серебряные пальцы ослабли. Гарри не ожидал этого. Он высвободился, продолжая закрывать рот Червехвоста рукой, он был потрясён. Он увидел, что глаза человека, похожего на крысу, расширились от страха и удивления. Он выглядел таким же поражённым, как и Гарри — тем, что сделала его рука, этим крошечным порывом милосердия, и начал отбиваться сильнее, будто пытаясь перекрыть эту мгновенную слабость.

— А это мы заберём, — прошептал Рон, выдирая палочку Червехвоста из другой руки.

У лишённого палочки, беспомощного Петтигрю от ужаса расширились зрачки. Его взгляд переместился с Гарри на нечто иное. Его собственные серебряные пальцы неумолимо двигались к его же шее.

— Нет...

Не раздумывая, Гарри попытался оттащить руку, но её невозможно было остановить. Серебряное оружие, данное Вольдемортом своему самому трусливому слуге, обернулось против своего хозяина. Петтигрю пожинал плоды своего колебания, секундной жалости: его душило прямо на их глазах.

— Нет!

Рон тоже выпустил Червехвоста и вместе с Гарри пытался оторвать смертоносные металлические пальцы от горла Червехвоста, но это было бесполезно. Петтигрю посинел.

— Релашио! — сказал Рон, нацеливая палочку на серебряную руку, но ничего не произошло. Петтигрю упал на колени, и в тот же момент наверху ужасно закричала Гермиона.

Глаза на багровом лице Петтигрю закатились, он в последний раз дёрнулся и затих.

Гарри и Рон взглянули друг на друга, затем, оставив тело Червехвоста на полу позади, избежали по лестнице и вышли в тёмный коридор, ведущий в гостиную. С огромной осторожностью они прокрались по нему к открытой нараспашку двери в гостиную. Оттуда им хорошо была видна Беллатрикс, смотревшая на Грипхука, державшего меч Гриффиндора в своих руках с длинными пальцами. Гермиона лежала у ног Беллатрикс. Она едва шевелилась.

— Ну? — спросила Беллатрикс Грипхука. — Это настоящий меч?

Гарри ждал, затаив дыхание, борясь с покалыванием в шраме.

— Нет, — ответил Грипхук. — Это подделка.

— Ты уверен? — выдохнула Беллатрикс. — Абсолютно уверен?

— Да, — сказал гоблин.

На её лице отразилось облегчение, напряжение улетучилось.

— Хорошо, — проговорила она, небрежным взмахом палочки нанесла ещё один глубокий порез по лицу гоблина, и тот с воем упал к её ногам. Она отпихнула его в сторону.

— А вот теперь, — объявила она голосом, переполненным торжеством, — мы позовём Тёмного Лорда!

И она отвернула рукав и указательным пальцем коснулась Тёмной Метки.

Гарри тут же показалось, будто его шрам снова раскрылся. То, что окружало его на самом деле, растворилось. Он был Вольдемортом, и костлявый старик беззубо хохотал над ним. Его взбесил вызов, который он почувствовал — а ведь он предупреждал их, что его нельзя вызывать ни ради чего меньшего, чем Поттер. Если они ошиблись...

— Ну же, убей меня! — требовал старик. — Ты не победишь, ты не можешь победить! Эта палочка никогда, никогда не будет твоей...

Тут ярость Вольдеморта достигла вершины. Вспышка зелёного света озарила тюремную каморку, и хрупкое старческое тело приподнялось над своим жёстким ложем и безжизненно упало обратно, и Вольдеmort вернулся к окну, еле сдерживая свой гнев... Если у них не найдётся хорошего оправдания вызову, они поплатятся за это...

— И думаю, — произнёс голос Беллатрикс, — от грязнокровки уже можно избавиться. Грейбек, можешь забрать её, если хочешь.

— НЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕТ!

Рон ворвался в гостиную, Беллатрикс потрясённо обернулась и направила свою палочку на Рона вместо...

— Экспеллиармус! — проревел он, указав палочкой Червехвоста на Беллатрикс, и её палочка взмыла в воздух, где её перехватил Гарри, прибежавший вслед за Роном. Люциус, Нарцисса, Драко и Грейбек увернулись, Гарри выкрикнул: "Остолбеней!", и Люциус Малфой свалился в камин. Из палочек Драко, Нарциссы и Грейбека полетели зелёные молнии, Гарри бросился на пол и откатился за диван, чтобы укрыться от них.

— ОСТАНОВИТЕСЬ, ИЛИ ОНА УМРЁТ!

Запыхавшийся Гарри выглянул из-за угла дивана. Беллатрикс держала выглядевшую без сознания Гермиону, приставив свой короткий серебряный нож к её шее.

— Бросьте палочки, — прошипела она. — Бросьте, иначе мы все увидим, какого именно цвета её кровь!

Рон неподвижно застыл, сжимая в руке палочку Червехвоста. Гарри поднялся, всё ещё держа палочку Беллатрикс.

— Я сказала, бросайте! — завизжала та, плотнее прижимая лезвие к горлу Гермионы. Гарри увидел струйку крови.

— Ладно! — крикнул он и бросил палочку Беллатрикс себе под ноги. Рон бросил палочку

Червехвоста. Оба подняли руки на уровень плеч.

— Молодцы! — она злобно смотрела на них. — Драко, подбери их! Тёмный Лорд приближается, Гарри Поттер! Твоя смерть близко!

Гарри и так знал это. Его шрам разрывало от боли, и он чувствовал, как Вольдеморт издалека несётся по небу, над тёмным бушующим морем, и скоро будет настолько близко, что сможет аппарировать сюда, и Гарри не видел путей к спасению.

— А теперь, — вкрадчиво произнесла Беллатрикс, когда Драко вернулся к ней с палочками, — Сисси, полагаю, что этих юных героев снова надо связать, пока Грейбек позаботится о мисс Грязнокровке. Я уверена, что Тёмный Лорд не обидится на тебя за девчонку, Грейбек, после всего, что ты сегодня сделал.

На последнем слове сверху донёсся странный скрежет. Они все подняли головы и увидели, как хрустальная люстра затряслась, затем со скрипом и угрожающим звоном она начала падать. Беллатрикс стояла прямо под ней. Она бросила Гермиону и с визгом рванулась в сторону. В облаке разлетающихся хрусталиков и цепочек, люстра разбилась об пол, накрыв собой Гермиону и гоблина, всё ещё державшего меч Гриффиндора. Сверкающие осколки хрусталя разметало вокруг, Драко согнулся, закрывая руками окровавленное лицо.

Рон бежал к Гермионе, чтобы вытащить её из-под обломков, а Гарри воспользовался случаем: перепрыгнув через кресло, он выхватил у Драко все три палочки, направил их на Грейбека и крикнул: "Остолбеней!". Утроенное заклинание оторвало вервольфа от земли, подбросило до потолка и со всей силы швырнуло на пол.

Нарцисса оттащила Драко в сторону, чтобы ему ещё больше не повредили, тем временем Беллатрикс поднялась на ноги. Её волосы разметались, она размахивала серебряным ножом, но Нарцисса указывала палочкой в сторону дверного проёма.

— Добби! — завизжала она, и даже Беллатрикс замерла. — Ты! Это ты уронил люстру?..

Крошечный эльф вошёл в комнату, трясущимся пальцем грозя бывшей хозяйке.

— Не смей вредить Гарри Поттеру! — пропищал он.

— Убей его, Сисси! — крикнула Беллатрикс, но тут снова раздался громкий треск, и палочка Нарциссы взлетела в воздух и приземлилась с другой стороны комнаты.

— Ах ты, грязная маленькая обезьянка! — заорала Беллатрикс. — Как ты смеешь отбирать палочку у ведьмы, как смеешь бросать вызов хозяевам?

— У Добби нет хозяина! — визгливо ответил эльф. — Добби свободный эльф, и Добби пришёл, чтобы спасти Гарри Поттера и его друзей!

Боль в шраме буквально ослепляла Гарри. Он смутно понимал, что от появления Вольдеморта их отделяли минуты, даже секунды.

— Рон, лови и УХОДИМ! — выкрикнул он, бросая одну из палочек Рону, затем нагнулся, чтобы вытащить из-под люстры Грипхука. Подняв на плечо стонущего гоблина, продолжавшего цепляться за меч, Гарри схватил Добби за руку и закрутился на месте, дизаппарируя.

Прежде чем провалиться в темноту, он успел увидеть в гостиной бледных застывших на месте Нарциссу и Драко, рыжую полосу волос Рона и голубой отблеск летящего серебра — Беллатрикс через всю комнату швырнула нож туда, где они исчезали...

К Биллу и Флёр... Ракушечный Дом... к Биллу и Флёр...

Он дизаппарировал в неизвестность. Всё, что он мог сделать — это повторять место назначения в надежде, что этого будет достаточно, чтобы доставить его туда. Боль во лбу была пронизывающей, вес гоблина давил на него, он чувствовал, как меч бьётся об спину. Рука Добби дёргалась в его руке, Гарри подумал, может, эльф пытался сам переместить их, вытащить в нужном направлении, и, сжав его пальцы, попытался сообщить тому, что с ними всё в порядке...

А потом они ударились об твёрдую землю, в воздухе пахло солью. Гарри упал на колени,



выпустил руку Добби и осторожно спустил Грипхука вниз.

— Как ты там? — спросил он, когда гоблин пошевелился, но Грипхук только хныкнул в ответ.

Гарри недоверчиво вглядывался в темноту. Невдалеке под широким усыпанным звёздами небом действительно виднелся домик, и ему показалось, что он увидел возле него какое-то движение.

— Добби, это Ракушечный дом? — прошептал он, сжимая в руке две палочки, которые захватил у Малфоев, готовый сражаться, если потребуется. — Мы попали туда, куда надо? Добби?

Он обернулся. Маленький эльф стоял поблизости.

— ДОББИ!

Эльф слегка покачнулся, в его огромных блестящих глазах отражались звёзды. Одновременно и он, и Гарри опустили взгляд и увидели торчавшую из груди тяжело дышавшего эльфа серебряную рукоятку ножа.

— Добби... нет... НА ПОМОЩЬ! — закричал Гарри в сторону домика, людям, которые там сустились. — ПОМОГИТЕ!

Он не знал, и ему было всё равно, колдуны там или магглы, друзья или враги, единственное, о чём он думал, было тёмное пятно, расплывавшееся у Добби спереди, и что тот с мольбой протягивал к нему руки. Гарри подхватил его и положил боком на холодную траву.

— Добби, нет, не умирай, не умирай...

Глаза эльфа нашли его, и его губы задрожали от усилия, с которым он выговаривал слова.

— Гарри... Поттер...

Эльф слабо дёрнулся и затих, и его глаза стали не более чем огромными стеклянными шарами, отражавшими свет звёзд, которых они уже не могли видеть.

# Глава двадцать четвёртая. Мастер волшебных палочек

Он как будто погрузился в забытый кошмар: какой-то миг Гарри снова стоял на коленях над телом Дамблдора у подножия самой высокой башни Хогвартса. Но в действительности его взгляд был устремлён на маленькое мёртвое тело, скорчившееся на траве, пронзённое серебряным кинжалом Беллатрикс. Гарри продолжал твердить: "Добби... Добби...", хотя и понимал, что эльф ушёл туда, откуда он уже не сможет его вызвать.

Через минуту-другую он сообразил, что они всё-таки попали туда, куда нужно: здесь были Билл и Флёр, Дин и Луна, они собрались вокруг него, склонённого над телом эльфа.

— Гермиона, — внезапно проговорил он. — Где она?

— Рон отвёл её в дом, — отозвался Билл. — С ней всё будет хорошо.

Гарри снова перевёл взгляд на Добби. Он протянул руку и вытащил из тела эльфа острый клинок, потом стянул с себя куртку и укрыл ею Добби, как одеялом.

Где-то неподалёку море билось о скалы, и Гарри вслушивался в этот звук, пока остальные переговаривались, обсуждали какие-то вопросы, которые не могли его занимать, принимали решения. Дин внёс в дом искалеченного Рукрюка, Флёр поспешила за ними. Билл высказывал какие-то предложения насчёт похорон эльфа, и Гарри соглашался с ним, сам толком не понимая, что говорит, а сам всё смотрел и смотрел на маленькое тело. Шрам жгло и покалывало, и какой-то частью своего сознания он видел, словно с другого конца длинного телескопа, как Вольдемо́рт наказывает тех, от кого они сумели уйти в поместье Малфоев. Его гнев был страшен, но скорбь по Добби как будто ослабляла впечатление, так что он доносился до Гарри словно эхо далёкой бури через бескрайний, молчаливый океан.

— Я хочу всё сделать по-настоящему, — первое, что произнёс Гарри, полностью осознавая свои слова. — Без волшебства. У вас есть лопата?

И спустя немного времени он взялся за работу: совсем один он копал могилу там, где указал ему Билл — на краю сада, между кустами. Он копал с какой-то яростью, чувствуя наслаждение от физического труда, гордясь тем, что обходится без магии, и каждая капля пота, каждая мозоль была словно дар эльфу, который спас им жизнь.

Шрам горел, но он подчинил себе эту боль: он ощущал её и в то же время был от неё отстранён. Наконец-то он обрёл контроль, научился отгораживать своё сознание от Вольдемо́рта — именно этого хотел от него Дамблдор, этому он должен был научиться у Снейпа. Точно так же, как когда-то Вольдемо́рт не мог завладеть Гарри, пока того переполняло горе от утраты Сириуса, так и его мысли не могли передаваться Гарри сейчас, когда он оплакивал Добби. Горе как будто изгнало Вольдемо́рта прочь... хотя Дамблдор, конечно, сказал бы, что это любовь.

Гарри копал и копал, всё глубже погружаясь в твёрдую, холодную землю, вымещая своё горе п?том, не поддаваясь боли в шраме. Здесь, в темноте, где его сопровождал только звук собственного дыхания и шум моря, перед ним снова вставало всё, что случилось в поместье Малфоев, вспоминалось то, что он слышал, и в темноте к нему пришло понимание...

Размеренные движения рук задавали ритм его мыслям. Дары... Хоркруксы... Дары... Хоркруксы... но его больше не сжигало это странное, всепоглощающее желание. Горе утраты и страх заглушили его. У него было такое чувство, как будто его пробудили от сна ударом по лицу.

Гарри погружался в могилу всё глубже и глубже, и он знал, где был сегодня Вольдемо́рт и кого он убил в самой верхней камере Нурменгарда, и почему...

И ещё он думал о Червехвосте, погибшем из-за одного крохотного бессознательного порыва милосердия... Дамблдор это предвидел... О чём ему ещё было известно?

Гарри потерял счёт времени. Он только чувствовал, что мрак немного рассеялся, когда к нему снова подошли Рон с Дином.

— Как Гермиона?

— Лучше, — ответил Рон. — Там Флёр за ней ухаживает.

Гарри был готов к отпору на случай, если бы они спросили, почему он просто-напросто не создал превосходную могилу с помощью волшебной палочки, но этого не потребовалось. Они спрыгнули в вырытую им яму, тоже с лопатами, и все вместе молча работали, пока она не показалась им достаточно глубокой.

Гарри поуютнее завернул эльфа в свою куртку. Рон сел на край могилы, стянул с себя ботинки, потом носки и надел их на голые ноги эльфа. Дин дал вязаную шапку, которую Гарри осторожно натянул Добби на голову, прикрыв его перепончатые, как у летучих мышей, уши.

— Надо закрыть ему глаза.

Гарри не слышал, как из темноты подошли остальные. Билл был одет в дорожный плащ, на Флёр был большой белый передник, из кармана которого выглядывала бутылка какого-то средства, в котором Гарри узнал «Костерост». Гермиона была закутана в чей-то халат, бледная, нетвёрдо державшаяся на ногах; когда она поравнялась с Роном, он обнял её одной рукой. Луна, накинувшая на плечи одно из пальто Флёр, нагнулась и нежно прикоснулась пальцами по очереди к каждому веку эльфа, тихонько опустив их, и его остекленевший взгляд погас.

— Вот так, — мягко проговорила она. — Теперь он как будто спит.

Гарри опустил эльфа в могилу, придав его крохотным рукам и ногам такое положение, что можно было подумать, будто он отдыхает, потом выбрался и в последний раз устремил взгляд на маленькое тело. Он изо всех сил старался не потерять самообладание, вспоминая похороны Дамблдора: много рядов золотых кресел, министра магии в первом ряду, перечисление заслуг Дамблдора и великолепие белой мраморной гробницы. Ему казалось, что Добби заслуживает таких же пышных похорон, а он лежит здесь вот так, в наспех вырытой яме между кустами.

— Думаю, мы должны что-нибудь сказать, — произнесла Луна. — Я первая, хорошо?

Все взгляды устремились на неё, а она обратилась к мёртвому эльфу на дне могилы:

— Большое спасибо тебе, Добби, за то, что ты спас меня из того подвала. Это так несправедливо, что тебе пришлось умереть, ведь ты был такой добрый и смелый. Я всегда буду помнить, что ты для нас сделал. Надеюсь, тебе сейчас хорошо.

Она повернулась и в ожидании поглядела на Рона. Тот прокашлялся и хрипло произнёс:

— Ну да... спасибо, Добби.

— Спасибо, — пробормотал Дин. Гарри сглотнул.

— Прощай, Добби, — выговорил он. Только на это он и был способен, но ведь Луна уже всё сказала за него. Билл поднял волшебную палочку, и груда земли рядом с могилой поднялась в воздух и аккуратно упала на место, образовав небольшой красноватый холмик.

— Ничего, если я останусь ещё ненадолго? — спросил Гарри у остальных.

Они пробормотали что-то в ответ — слов он не разобрал; его сочувственно хлопали по спине, а потом все побрели назад, к дому, оставив Гарри одного с эльфом.

Он огляделся: края цветочных клумб были выложены большими белыми камнями, отшлифованными морем. Гарри подобрал один покрупнее и положил его, как подушку, над тем местом, где теперь покоилась голова Добби. Потом он полез в карман, ища волшебную палочку. Их было две. Он совсем забыл, потерял нить и уже не мог вспомнить, чьи это палочки; он вроде бы припоминал, что вырвал их из чьих-то рук. Он выбрал ту, что покороче — она как-то дружелюбнее ощущалась в его руке, и направил её на камень.

Повинуясь его негромкому приказу, на поверхности камня стали медленно появляться глубокие борозды. Он знал, что у Гермiony это вышло бы аккуратнее и, наверное, быстрее, но он хотел сам отметить место, как до этого хотел сам выкопать могилу. Когда Гарри снова поднялся, на камне была надпись: **ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ДОББИ, СВОБОДНЫЙ ЭЛЬФ.**

Он ещё несколько мгновений смотрел на результат своих трудов, а потом пошёл прочь. Шрам ещё немного покалывало, и голова была переполнена мыслями, пришедшими к нему там, в могиле, мыслями, которые в темноте обрели форму, притягательными и страшными одновременно.

Когда он вошёл в маленькую прихожую, все сидели в гостиной, общее внимание было приковано к Биллу, который что-то говорил. Комната была красивая, в светлых тонах, в камине небольшим, но ярким пламенем горел плавник. Гарри не хотел закапать грязью ковёр, поэтому встал в дверях и стал слушать.

— ...счастье, что Джинни на каникулах. Будь она в Хогвартсе, они могли бы её забрать её прежде, чем мы бы туда добрались. Теперь мы знаем, что она тоже в безопасности.

Он обернулся и увидел стоящего Гарри.

— Я всех понемногу вывез из «Норы», — объяснил он. — Переправил к Мюриэл. Пожиратели смерти знают, что Рон теперь с тобой, они непременно займутся нашей семьёй. Не извиняйся, — добавил он, видя выражение лица Гарри. — Это всегда был только вопрос времени, папа уже который месяц это говорил. Мы самая большая семья осквернителей рода из всех, какие только есть.

— Какая у них там защита? — спросил Гарри.

— Чары доверия, папа — хранитель тайны. Мы и на этот дом их наложили, здесь хранитель тайны я. Никто из нас не может ходить на работу, но вряд ли сейчас это так уж важно. Как только Олливандеру и Рукрюку станет лучше, мы их тоже отправим к Мюриэль. Здесь у нас не очень-то много места, а у неё — сколько угодно. У Рукрюка ноги заживают, Флёр дала ему «Костерост» — наверное, мы сможем их переместить уже через час или...

— Нет, — сказал Гарри, и Билл изумлённо посмотрел на него. — Они оба нужны мне здесь. Мне надо с ними поговорить. Это важно.

Он слышал в собственном голосе власть, убеждённость, в нём звучала цель, прояснившаяся для него, пока он копал могилу Добби. Все повернулись к нему с недоумевающими лицами.

— Я пойду умоюсь, — сказал Гарри Биллу, взглянув на свои руки, всё ещё перепачканные в грязи и крови Добби. — А потом мне надо будет с ними встретиться, прямо сейчас.

Он прошёл в маленькую кухню, к раковине, что стояла под окном, выходящим на море. Над горизонтом разгорался рассвет, перламутрово-розовый и бледно-золотой. Гарри умывался и снова повторял ход мыслей, которые пришли к нему в темноте сада...

Добби уже не сможет сказать, кто отправил его в подвал, но Гарри знал — он видел. В осколке зеркала показался пронзительно-голубой глаз, и после этого пришла помощь. В Хогвартсе всегда будет дана помощь тем, кто её попросит.

Гарри вытер руки, безразличный к красоте пейзажа за окном и к невнятному разговору в гостиной. Он взглянул на океан и почувствовал, что в это утро близок к разгадке всего, ближе, чем когда-либо прежде.

Но в шраме колело, и он знал, что Вольдеморт тоже подходит к разгадке. Гарри и понимал, и не понимал. Инстинкт говорил ему одно, разум — совсем другое. Дамблдор в голове Гарри улыбался, наблюдая за ним поверх кончиков пальцев, сложенных вместе, как в молитве.

Вы отдали Рону светокрад... Вы понимали его... Вы дали ему возможность возвращения...

И Червехвоста вы понимали... Вы знали, что где-то глубоко в его душе скрыта частица раскаяния...

Но если вы знали их... Что вы знали обо мне, Дамблдор?

Значит, я должен знать, но не стремиться завладеть? Вы знали, как тяжело мне будет это осознать? Именно поэтому вы сделали путь таким трудным? Чтобы у меня было время дойти до этого самому?

Гарри стоял неподвижно, взгляд его застыл, направленный туда, где над горизонтом взметнулся ослепительный, ярко-золотой луч солнца. Потом он перевёл взгляд вниз, на свои чистые руки и на миг удивился, обнаружив в них полотенце. Он положил его на место и вернулся в прихожую, и в этот миг почувствовал, что шрам яростно запульсировал, а потом в его сознании мелькнула стремительная, как отражение стрекозы на водной глади, картина: силуэт здания, слишком хорошо ему знакомого.

Билл и Флёр стояли у подножия лестницы.

— Мне надо поговорить с Рукрюком и Олливандером, — сказал Гарри.

— Ньет, — ответила Флёр. — Тебе нужно ждать, 'Арри. Оньи слишком устали...

— Извини, — проговорил он без всякого раздражения, — но это не может ждать. Мне надо поговорить с ними сейчас. С глазу на глаз, и с каждым по отдельности. Это срочно.

— Да что, чёрт возьми, происходит, Гарри? — спросил Билл. — Ты появляешься тут с мёртвым домашним эльфом и полуживым гоблином, у Гермियोны такой вид, будто её пытали, а Рон просто не желает мне ничего рассказывать...

— Мы не можем тебе сказать, чем мы заняты, — твёрдо заявил Гарри. — Билл, ты же в Ордене, ты знаешь, что Дамблдор поручил нам одно дело. Нам никому больше нельзя о нём говорить.

У Флёр вырвался возглас нетерпения, но Билл не повернул головы — он пристально смотрел на Гарри. Было трудно понять, что выражает его покрытое глубокими шрамами лицо. Наконец Билл произнёс:

— Хорошо. С кем ты хочешь говорить первым?

Гарри колебался. Он знал, что зависело от этого решения. Едва ли у него осталось ещё время, решать нужно сейчас: хоркруксы или Дары?

— С Рукрюком, — произнёс Гарри. — Первым я буду говорить с Рукрюком.

Его сердце колотилось, как будто он только что бежал на короткую дистанцию и вдобавок перескочил высоченный барьер.

— Ну, тогда вверх, — сказал Билл и начал подниматься первым.

Гарри поднялся на несколько ступенек, остановился и обернулся.

— Вы мне тоже нужны! — окликнул он Рона с Гермियोной, которые затаились, почти скрытые из виду, у входа в гостиную.

Оба вышли на свет, на лицах было странное облегчение.

— Ты как? — обратился Гарри к Гермione. — Ты была необыкновенна — смогла придумать целую историю, когда она тебя так мучила...

Гермиона слабо улыбнулась, а Рон слегка прижал её к себе одной рукой.

— Гарри, что мы собираемся делать? — спросил он.

— Скоро увидишь. Идём.

Гарри, Рон и Гермione поднялись вслед за Биллом по крутым ступеням на маленькую лестничную площадку. На неё выходили три двери.

— Сюда, — сказал Билл, открывая дверь в их с Флёр спальню. Она тоже выходила на море, которое сейчас играло золотыми искрами под восходящим солнцем. Гарри подошёл к окну, повернувшись спиной к великолепному зрелищу, и стал ждать, сложив руки на груди. В шраме покалывало. Гермione села в кресло возле туалетного столика, Рон пристроился на подлокотнике.

Вернулся Билл, неся на руках маленького гоблина, и бережно усадил его на кровать. Рукрюк пробурчал что-то в знак благодарности, и Билл вышел, закрыв за собой дверь.

— Простите, что подняли вас с постели, — произнёс Гарри. — Как ваши ноги?

— Болят, — отозвался гоблин. — Но выздоравливают.

Он продолжал крепко сжимать меч Гриффиндора, выражение его лица было странное: агрессивное и одновременно заинтересованное. Гарри отметил желтоватую кожу гоблина, его длинные тонкие пальцы, чёрные глаза. Флёр сняла с него башмаки; его длинные ступни были грязные. Он был крупнее домашнего эльфа, но ненамного. Куполообразная голова была гораздо больше человеческой.

— Вы, наверное, не помните... — начал Гарри.

— ...что я тот самый гоблин, который провёл тебя в твоё хранилище, когда ты пришёл в «Гринготтс» в первый раз? — проговорил Рукрюк. — Я помню, Гарри Поттер. Ты очень знаменит, даже среди гоблинов.

Гарри и гоблин оценивающе смотрели друг на друга. Шрам Гарри всё так же кололо. Ему хотелось поскорее закончить этот разговор с Рукрюком, но в то же время он боялся сделать неверный шаг. Пока он пытался сообразить, как лучше приступить к своей просьбе, гоблин нарушил молчание.

— Ты похоронил эльфа, — проговорил он с неожиданной враждебностью. — Я смотрел из окна соседней спальни.

— Да, — подтвердил Гарри.

Рукрюк посмотрел на него краем своих раскосых чёрных глаз.

— Ты необычный волшебник, Гарри Поттер.

— В каком смысле? — спросил Гарри, рассеянно потирая свой шрам.

— Ты копал могилу.

— И что?

Рукрюк не отвечал. Гарри подозревал, что тот, пожалуй, насмехается над ним за то, что он действовал как маггл, но ему было всё равно, одобряет Рукрюк могилу Добби или нет. Он собирался с силами, чтобы приступить к делу.

— Рукрюк, я хотел попросить...

— И ты спас гоблина.

— То есть?

— Ты перенёс меня сюда. Спас меня.

— Вы же об этом не жалеете, как я понимаю? — с лёгким раздражением произнёс Гарри.

— Нет, Гарри Поттер, — ответил Рукрюк и начал накручивать на палец свою тоненькую чёрную бородку, — но ты очень странный волшебник.

— Понятно, — сказал Гарри. — В общем, мне нужна кое-какая помощь, Рукрюк, и помочь мне можете вы.

Гоблин не сделал никакого ободряющего знака, только продолжал, хмурясь, глядеть на Гарри, как будто никогда раньше не видел ничего подобного.

— Мне нужно проникнуть в одно хранилище в "Гринготтсе".

Гарри вовсе не хотел выразиться так прямо: слова вырвались сами, когда боль пронзила его шрам-молнию, и он снова увидел очертания Хогвартса. Он надёжно закрыл своё сознание: сначала ему нужно обсудить дело с Рукрюком. Рон и Гермиона уставились на Гарри с таким видом, будто он сошёл с ума.

— Гарри... — начала Гермиона, но Рукрюк прервал её.

— Проникнуть в хранилище "Гринготтса"? — повторил гоблин и слегка поморщился, передвинувшись на кровати. — Это невозможно.

— Неправда, — возразил Рон. — Такое уже бывало.

— Ну да, — подхватил Гарри. — В тот день, когда мы с вами впервые познакомились, Рукрюк. В мой день рождения, семь лет назад.

— Хранилище, о котором ты говоришь, в тот день было пусто, — огрызнулся гoblin, и Гарри понял, что хотя Рукрюк и оставил «Гринготтс», но его оскорбляла сама мысль о том, что можно преодолеть его защиту. — Оно почти не охранялось.

— Ну, а то хранилище, куда нам надо попасть, не пустое, и, думаю, охраняется как следует, — сказал Гарри. — Оно принадлежит Лестранжам.

Он видел, как ошеломлённо переглянулись Рон и Гермиона, но он ещё успеет всё им объяснить после того, как Рукрюк даст ответ.

— Вам не на что надеяться, — решительно произнёс Рукрюк. — Абсолютно не на что. Если ищешь под землёй клад, что вовсе не был твой...

— Бойся тех... — да-да, я помню, — отозвался Гарри. — Но я не собираюсь добывать никаких сокровищ для себя, я не хочу ничего для собственной выгоды. Вы можете в это поверить?

Гoblin искоса посмотрел на Гарри, и шрам-молнию на лбу опять начало покалывать, но он не обращал на это внимания, отказываясь принимать боль и то, к чему она его приглашала.

— Если и есть такой волшебник, о ком я поверю, что он не ищет личной выгоды, — заговорил наконец Рукрюк, — то это ты, Гарри Поттер. Гoblins и эльфы не привыкли видеть защиту и уважение, какое ты выказал сегодня ночью. Не от палочконосцев.

— Палочконосцы, — повторил Гарри. Слово странно резало слух, в шраме колело, и Вольдеморт обратил свои мысли к северу, и Гарри не терпелось расспросить Олливандера, который находился в соседней комнате.

— Право носить волшебную палочку, — тихо проговорил гoblin, — давным-давно оспаривалось между волшебниками и гoblinsами.

— Так ведь гoblins могут колдовать и без палочек, — вмешался Рон.

— Это не имеет значения! Волшебники не желают делиться секретами мастерства изготовления палочек с другими магическими существами, они лишают нас возможности развивать наши силы!

— Ну и что, гoblins тоже не делятся своей магией! — заявил Рон. — Вы нам не рассказываете свои способы делать мечи и броню. Гoblins умеют обрабатывать металл так, как волшебники никогда...

— Это неважно, — произнёс Гарри, заметив краску, проступившую на лице Рукрюка. — Сейчас речь не идёт о соперничестве волшебников с гoblinsами или какими-то ещё магическими существами...

Рукрюк издал злобный смешок.

— Да нет, речь идёт об этом, именно об этом! По мере того, как Тёмный Лорд становится сильнее, ваша раса всё прочнее утверждает своё превосходство над моей! «Гринготтс» попадает под власть волшебников, домашних эльфов истребляют, и разве кто-нибудь из палочконосцев станет возражать?

— Мы! — воскликнула Гермиона. Она выпрямилась в кресле, её глаза сверкали. — Мы возражаем! И меня преследуют, Рукрюк, точно так же, как всякого гoblinsа или эльфа! Я грязнокровка!

— Не называй себя... — пробормотал Рон.

— А почему нет? — отозвалась Гермиона. — Я грязнокровка и горжусь этим! При этой новой власти моё положение не выше, чем у вас, Рукрюк! Там, у Малфоев выбрали для пытки именно меня!

При этих словах она оттянула в сторону ворот халата, показав тонкий порез, который нанесла ей Беллатрикс, алой чертой пересекавший её горло.

— Вы знали, что это Гарри сделал Добби свободным? — спросила она. — Вы знали, что мы много лет стремились освободить эльфов? (Рон неловко заёрзал на подлокотнике Гермиониного кресла). Мы ничуть не меньше вас хотим победы над Сами-Знаете-Кем, Рукрюк!

Гоблин уставился на Гермиону с тем же любопытством, какое он до этого проявил к Гарри.

— Что вам нужно в хранилище Лестранжей? — внезапно спросил он. — Меч, который там лежит — подделка. Этот настоящий, — он по очереди переводил взгляд на каждого из них. — Думаю, вы это и так знали. Там вы попросили меня солгать ради вас.

— Но ведь в хранилище лежит не только фальшивый меч, правда? — поинтересовался Гарри. — Вы, может быть, видели там ещё какие-то вещи?

Его сердце билось, как никогда. Он удвоил свои усилия, стараясь не замечать пульсирующую боль в шраме.

Гоблин опять накрутил на палец свою бородку.

— Это противоречит нашему кодексу — раскрывать секреты «Гринготтса». Мы хранители несметных сокровищ. У нас есть долг перед вещами, доверенными нашей заботе, столь многие из которых сделаны нашими руками.

Гоблин погладил меч, его чёрные глаза перемещались от Гарри к Гермионе, потом к Рону и обратно.

— Такие юные, — проговорил он наконец, — и противостоят столь многим.

— Вы нам поможете? — спросил Гарри. — Без помощи гоблина нам нечего и надеяться туда попасть. Вы наша единственная возможность.

— Я... я подумаю, — с раздражающей неопределённостью проговорил Рукрюк.

— Но... — гневно начал Рон; Гермиона толкнула его локтем в бок.

— Спасибо, — сказал Гарри.

Гоблин одобрительно склонил свою большую куполообразную голову, потом согнул короткие ноги.

— Думаю, — произнёс он, вальяжно устраиваясь на кровати Билла и Флёр, — что действие «Костероста» закончилось. Может быть, я смогу, наконец, поспать. Извините меня...

— Да, конечно, — ответил Гарри, но перед тем, как выйти из комнаты, он наклонился и забрал меч Гриффиндора, лежащий возле гоблина. Рукрюк не стал возражать, но Гарри показалось, что он видел в глазах гоблина негодование, когда закрывал за собой дверь.

— Мерзкий коротышка, — прошептал Рон. — Ему нравится держать нас в неизвестности.

— Гарри, — тоже шёпотом начала Гермиона, увлекая их обоих подальше от двери, на середину всё ещё тёмной лестничной площадки, — ты действительно имеешь в виду то, что я думаю? Ты хочешь сказать, что в хранилище Лестранжей есть хоркрукс?

— Да, — ответил Гарри. — Беллатрикс перепугалась, когда подумала, что мы там были, она была сама не своя. Почему? Что, как она думает, мы могли видеть, что ещё мы могли оттуда взять? Она остолбенела от одной мысли, что Сами-Знаете-Кто об этом узнает.

— Но я думал, мы ищем места, где Сам-Знаешь-Кто бывал, где делал что-то важное? — проговорил Рон, похоже, сбитый с толку. — Он что, бывал в хранилище Лестранжей?

— Не знаю, бывал ли он хоть раз в «Гринготтсе», — сказал Гарри. — Когда он был маленьким, золота у него там не было, ему никто ничего не оставил. Но он, конечно, видел банк со стороны, в первый раз, когда попал в Косой переулок.

Шрам Гарри пульсировал, но он не обращал внимания; ему хотелось, чтобы Рон с Гермионой поняли то, что касается «Гринготтса», перед тем как пойдут беседовать с Олливандером.



— Мне кажется, он должен был завидовать всякому, у кого был ключ от хранилища в «Гринготтсе». Наверное, ему это должно было казаться настоящим символом принадлежности к волшебному миру. И не забывайте, он доверял Беллатрикс и её мужу. Они были его самыми преданными слугами до его падения, и они разыскивали его после того, как он исчез. Он это говорил в ту ночь, когда вернулся, я слышал.

Гарри потёр ладонью свой шрам.

— Правда, я не думаю, что он признался Беллатрикс, что это хоркрукс. Люциусу Малфою он не сказал правды о дневнике. Ей он, наверное, сказал, что это очень ценная вещь, и попросил положить её в своё хранилище. Самое надёжное место в мире, если хочешь что-то спрятать, так говорил Хагрид... кроме Хогвартса.

Когда Гарри закончил говорить, Рон покачал головой.

— Ты его и правда понимаешь.

— Кое-что понимаю, — произнёс Гарри. — Кое-что... Хотел бы я так же хорошо понимать Дамблдора. Там будет видно. Идём — теперь к Олливандеру.

Рон с Гермионой, похоже, были озадачены и одновременно потрясены. Они прошли вслед за ним через тесную площадку и постучали в дверь напротив спальни Билла и Флёр. В ответ прозвучало слабое "Войдите!"

Мастер волшебных палочек лежал на двуспальной кровати, дальней от окна. Его продержали в подвале больше года и по крайней мере один раз пытали — Гарри это знал. Он был истощён, кости лица резко выделялись под желтоватой кожей. Его большие серебристые глаза казались огромными в провалившихся глазницах. Руки, лежавшие на одеяле, напоминали руки скелета. Гарри сел на свободную кровать рядом с Роном и Гермионой. Отсюда не было видно восхода солнца. Окна этой комнаты выходили в сад на вершине скалы, на свежую могилу.

— Мистер Олливандер, простите, что беспокою вас, — начал Гарри.

— Мальчик мой, — голос Олливандера был еле слышен. — Вы спасли нас. Я думал, мы все там умрём... Я никогда не смогу отблагодарить... отблагодарить вас... в полной мере.

— Мы сделали это с радостью.

Шрам пульсировал. Он знал, был уверен, что у него вряд ли уже осталось время, чтобы обогнать Вольдеморта на пути к его цели или попытаться ему помешать. В нём шевельнулся панический страх... но он уже принял решение, когда предпочёл сначала говорить с Рукрюком. Притворяясь спокойным, каким на самом деле не был, он пошарил в мешочке, висевшем у него на шее, и достал две половинки своей сломанной палочки.

— Мистер Олливандер, мне нужна помощь.

— Всё, что угодно. Что угодно, — слабо произнёс мастер.

— Вы можете это исправить? Это возможно?

Олливандер протянул дрожащую руку, и Гарри положил на его ладонь две чудом держащиеся половинки.

— Остролист и перо феникса, — проговорил Олливандер дрожащим голосом. — Одиннадцать дюймов. Гибкая и чувствительная.

— Да, — подтвердил Гарри. — Вы можете...?

— Нет, — прошептал Олливандер. — Мне жаль, ужасно жаль, но палочку, которой был причинён такой ущерб, нельзя исправить ни одним из средств, что мне известны.

Гарри был готов это услышать, но всё равно это был удар. Он забрал половинки палочки и положил обратно в мешочек, висевший у него на шее. Олливандер пристально смотрел туда, где скрылась расколотая палочка, и не отрывал взгляда до тех пор, пока Гарри не вытащил из кармана две палочки, которые он вынес из поместья Малфоев.

— Вы можете определить, чьи они? — спросил он.

Мастер взял в руки первую палочку и поднёс поближе к ослабевшим глазам, повертел между узловатыми пальцами, слегка согнул.

— Грецкий орех и сухожилие дракона, — проговорил он. — Двенадцать и три четверти дюйма. Неподатливая. Эта палочка принадлежала Беллатрикс Лестранж.

— А эта?

Олливандер повторил ту же процедуру.

— Боярышник и волос единорога. Ровно десять дюймов. В меру пружинистая. Это была палочка Драко Малфоя.

— Была? — повторил Гарри. — Разве она не принадлежит ему до сих пор?

— Видимо, нет. Если вы отвоевали её...

— Да...

— ...то она, вероятно, ваша. Разумеется, важно, каким образом она была взята. Многое зависит и от самой палочки. Но, как правило, если палочка отвоёвана, она меняет хозяина.

В комнате настала тишина, если не считать отдалённого шума моря.

— Вы так говорите о волшебных палочках, как будто у них есть чувства, — сказал Гарри, — как будто они умеют думать сами по себе.

— Палочка выбирает волшебника, — проговорил Олливандер. — Это всегда было ясно тем из нас, кто изучал мастерство изготовления волшебных палочек.

— Но ведь человек всё равно может пользоваться палочкой, которая его не выбрала? — спросил Гарри.

— О да, если вы сами по себе волшебник, ваша магия может передаваться практически через любой инструмент. Однако самые лучшие результаты бывают всегда в том случае, когда между волшебником и палочкой самое сильное родство. Эти связи — вещь сложная. Первоначальное притяжение, а потом совместное обретение опыта, палочка учится у волшебника, волшебник — у палочки.

Море хлестало о берег и откатывалось назад, это был горестный звук.

— Я отнял эту палочку у Драко Малфоя силой, — произнёс Гарри. — Мне не опасно ею пользоваться?

— Думаю, нет. Властью над палочками управляют тонкие законы, но отвоёванная палочка обычно покоряется воле нового хозяина.

— Значит, мне теперь пользоваться этой? — спросил Рон, вытаскивая из кармана палочку Червехвоста и протягивая Олливандеру.

— Каштан и сухожилие дракона. Девять дюймов с четвертью. Ломкая. Мне пришлось её изготовить вскоре после моего похищения, для Питера Петтигрю. Да, если вы отвоевали её, она с большей вероятностью будет выполнять ваши приказы, и выполнять хорошо, чем какая-либо другая палочка.

— И это верно для всех палочек, да? — поинтересовался Гарри.

— Думаю, да, — ответил Олливандер, обратив свои выпуклые глаза на Гарри. — Вы задаёте глубокие вопросы, мистер Поттер. Изготовление волшебных палочек — сложное и загадочное магическое искусство.

— Значит, необязательно убивать предыдущего хозяина, чтобы завладеть палочкой? — спросил Гарри.

Олливандер сглотнул.

— Обязательно? Нет, я бы не сказал, что убивать обязательно.

— Но существуют легенды, — произнёс Гарри, и тут его сердце забилось чаще, боль в шраме усилилась; он был уверен, что Вольдеморт принял решение воплотить свой замысел. — Легенды о палочке — или палочках — которые переходили из рук в руки путём убийства.

Олливандер побледнел. На фоне снежно-белой подушки его лицо казалось сероватым, глаза, огромные, воспалённые, выпучились, как будто от страха.

— Думаю, всего одна палочка, — прошептал он.

— И ею интересуется Сами-Знаете-Кто, правильно? — спросил Гарри.

— Я... как? — хрипло произнёс Олливандер и умоляюще посмотрел на Рога и Гермиону, словно прося о помощи. — Как вы об этом узнали?

— Он хотел, чтобы вы рассказали ему, как преодолеть связь между нашими палочками, — продолжал Гарри.

Олливандер, казалось, был в ужасе.

— Он пытал меня, вы должны это понять! Заклятие Круциатус, мне... мне ничего другого не оставалось, кроме как рассказать ему то, что я знал, о чём догадывался!

— Я понимаю, — сказал Гарри. — Вы сказали ему о парных сердцевинах? Сказали, что ему нужно просто взять на время палочку у другого волшебника?

Олливандер был испуган, ошеломлён тем, сколько Гарри знал. Он медленно кивнул.

— Но это не помогло, — продолжал Гарри. — Моя палочка всё равно одолела ту, которую он взял у кого-то. Вы не знаете, почему?

Олливандер медленно покачал головой, так же, как перед этим кивал.

— Я никогда... никогда о таком не слышал. Ваша палочка творила в ту ночь нечто необычайное. Связь между сердцевинами-близнецами — чрезвычайно редкое явление, но почему ваша палочка сломала ту, чужую, я не понимаю...

— Мы с вами начали говорить о другой палочке, о той, что меняет владельца путём убийства. Когда Сами-Знаете-Кто понял, что моя палочка сделала что-то необычное, он вернулся и спросил о той, другой, верно?

— Откуда вам это известно?

Гарри не отвечал.

— Да, он спрашивал, — прошептал Олливандер. — Он хотел знать всё, что я только мог рассказать ему о палочке, известной в разное время как Жезл Смерти, Палочка Судьбы или Сильнейшая палочка.

Гарри бросил взгляд в сторону, на Гермиону. Она, похоже, была потрясена.

— Тёмный Лорд, — проговорил Олливандер приглушённо, с робкими интонациями, — всегда был доволен той палочкой, которую я ему сделал — тис и перо феникса, тринадцать с половиной дюймов — пока не обнаружил связь между сердцевинами. Теперь он ищет другую, более могущественную палочку, как единственное средство победить вашу.

— Но он скоро узнает, если уже не узнал, что моя палочка сломана и её нельзя исправить, — тихо произнёс Гарри.

— Нет! — воскликнула Гермиона с испугом в голосе. — Гарри, он не может это узнать, как бы он...?

— Приори Инкантатем, — пояснил Гарри. — Гермиона, мы оставили у Малфоев твою палочку и ту, другую, из тёрна. Если их как следует проверят, заставят воспроизвести последние заклинания, которые они выполнили, то увидят, что твоя палочка сломала мою, увидят, что ты пыталась её починить и не смогла, и поймут, что с тех пор я пользовался той, терновой.

С её лица отхлынул и тот слабый румянец, который вернулся было к ней после их прибытия сюда. Рон посмотрел на Гарри с упрёком и сказал:

— Давай сейчас не будем об этом беспокоиться...

Но мистер Олливандер перебил его:

— Тёмный Лорд стремится завладеть Сильнейшей палочкой уже не только ради вашего уничтожения, мистер Поттер. Он вознамерился получить её, потому что считает, что она

сделает его по-настоящему неуязвимым.

— А это правда?

— Обладатель Сильнейшей всегда должен бояться нападения, — ответил Олливандер, — но следует признать, что эта мысль... Тёмный Лорд, владеющий Жезлом Смерти... впечатляет.

Гарри вдруг вспомнил, как он был неуверен при их первой встрече, нравится ли ему Олливандер. Даже сейчас, после того, как Вольдеморт держал его в плену и пытал, мысль об этой палочке в руках Тёмного Лорда, похоже, завораживала его настолько же, насколько и отталкивала.

— Вы... значит, вы и правда верите, что такая палочка существует, мистер Олливандер? — спросила Гермиона.

— О да, — подтвердил Олливандер. — Да, есть прекрасная возможность проследить путь этой палочки в истории. Разумеется, есть пробелы, и долгие, когда она исчезает из вида, на время утерянная или спрятанная, но она всегда возникает снова. У неё есть определённые характерные особенности, узнаваемые для тех, кто посвящён в мастерство. Существуют письменные свидетельства, порой неясные, изучение которых я и другие мастера считаем своим долгом. Они производят впечатление подлинных.

— И вы... вы не думаете, что это, возможно, сказка или миф? — с надеждой спросила Гермиона.

— Нет, — ответил Олливандер. — Обязательно ли она должна переходить из рук в руки через убийство, этого я не знаю. У неё кровавая история, но это, возможно, просто оттого, что она настолько желанный предмет и вызывает такие страсти среди волшебников. Бесконечно могущественная, опасная в плохих руках, невероятно притягательная для всех нас, изучающих силы палочек.

— Мистер Олливандер, — произнёс Гарри, — вы сказали Сами-Знаете-Кому, что Сильнейшая палочка была у Грегоровича, да?

Олливандер побледнел ещё больше, если это было возможно, он напоминал привидение. Он сглотнул.

— Но как... как вы...?

— Неважно, откуда я об этом знаю, — проговорил Гарри, на мгновение закрыв глаза. Шрам загорелся, и перед ним на какие-то мгновения возникла главная улица Хогсмиды, пока ещё тёмная, ведь те места намного дальше к северу. — Вы сказали Сами-Знаете-Кому, что эта палочка была у Грегоровича?

— Это были слухи, — прошептал Олливандер. — Слухи, ходившие много-много лет назад, задолго до вашего рождения. Думаю, Грегорович сам их пустил. Вы ведь поминаете, как это хорошо для бизнеса — он изучает и воспроизводит свойства Сильнейшей палочки!

— Да, понимаю, — отозвался Гарри. Он встал. — Последний вопрос, мистер Олливандер, а потом мы дадим вам отдохнуть. Что вам известно о Дарах Смерти?

— Как-как? о чём? — спросил мастер палочек с видом крайнего замешательства.

— О Дарах Смерти.

— Боюсь, я не понимаю, о чём вы говорите. Но это имеет какое-то отношение к волшебным палочкам?

Гарри взглянул в исхудавшее лицо и понял, что Олливандер не притворяется. Он ничего не знал о Дарах.

— Спасибо, — сказал Гарри. — Большое вам спасибо. Теперь мы вас оставим, чтобы вы немного отдохнули.

Олливандер, казалось, был раздавлен.

— Он меня пытал! — выдохнул он. — Заклятие Круциатус... вы и представить себе не

можете...

— Могу, — ответил Гарри, — очень даже могу. Отдыхайте, пожалуйста. Спасибо, что всё это мне рассказали.

Он повёл Рона с Гермионой вниз по лестнице. Гарри ловил на себе быстрые взгляды Билла, Флёр, Луны и Дина, которые сидели на кухне за столом, перед ними стояли чашки с чаем. Все посмотрели на Гарри, когда он появился в дверях, но он только кивнул им и прошёл дальше, в сад, Рон с Гермионой следовали за ним. Впереди виднелся красноватый земляной холмик, укрывавший Добби, и Гарри направился туда, в то время как боль в голове нарастала всё сильнее. Теперь ему приходилось делать огромное усилие, чтобы отгораживаться от видений, которые против его воли надвигались на него, но он знал: сопротивляться осталось уже совсем недолго. Ещё чуть-чуть, и он поддастся, потому что должен знать, что его теория правильная. Нужно сделать только ещё одно короткое усилие, чтобы всё объяснить Рону и Гермионе.

— Сильнейшая палочка была у Грегоровича очень давно, — начал он, — я видел, как Сами-Знаете-Кто пытался его разыскать. Когда он его выследил, то обнаружил, что у Грегоровича её уже нет: её украл у него Гриндельвальд. Уж не знаю, как Гриндельвальд выяснил, что она у Грегоровича, но если Грегорович имел глупость распространить слух, это не составило большого труда.

Вольдеморт был у ворот Хогвартса, Гарри видел, как он стоит там, и видел качающийся в предрассветном сумраке фонарь, подплывающий ближе и ближе.

— И Гриндельвальд воспользовался Сильнейшей палочкой, чтобы прийти к власти. Когда он был на вершине власти, Дамблдор понял, что только он один может его остановить, сразился с Гриндельвальдом и победил его, и забрал Сильнейшую палочку.

— Сильнейшая палочка была у Дамблдора? — воскликнул Рон. — Но тогда... где она сейчас?

— В Хогвартсе, — сказал Гарри, изо всех сил стараясь оставаться с ними, в садике на вершине скалы.

— Так идём скорее! — настойчиво проговорил Рон. — Гарри, идём, достанем её, пока он до неё не добрался!

— Слишком поздно, — произнёс Гарри. Не сдержавшись, он схватился за голову, пытаясь помочь ей сопротивляться. — Он знает, где она. Он уже там.

— Гарри! — свирепо сказал Рон. — И давно ты это знаешь? Почему мы потратили время? Зачем ты сначала говорил с Рукрюком? Мы же могли пойти — мы и сейчас ещё можем...

— Нет, — ответил Гарри и опустился на колени в траву. — Гермиона права. Дамблдор не хотел, чтобы она досталась мне. Он не хотел, чтобы я взял её. Он хотел, чтобы я нашёл хоркруксы.

— Непобедимая палочка, Гарри! — простонал Рон.

— Мне нельзя... Я должен отыскать хоркруксы...

И тут вокруг стало темно и холодно: солнце едва виднелось над горизонтом, а он скользил рядом со Снейпом по территории Хогвартса в сторону озера.

— Я скоро присоединюсь к тебе в замке, — проговорил он своим высоким холодным голосом. — А сейчас оставь меня.

Снейп поклонился и двинулся назад по тропинке, его чёрный плащ раздувался за спиной. Гарри шёл медленно, дожидаясь, когда фигура Снейпа скроется из вида. Не годится Снейпу, как, впрочем, и кому-то другому, видеть, куда он направляется. Но в окнах замка не горели огни, и он может спрятаться... и через мгновение он применил к себе Прозрачаровывающее заклинание, скрывшее его даже от собственных глаз.

И он двинулся дальше, вдоль берега озера, жадно глядя на очертания любимого замка,

своего первого королевства, своего по праву рождения...

Вот и она, стоит над озером, отражаясь в тёмной воде. Белая мраморная гробница, ненужная деталь на знакомой местности. Он снова ощутил тот прилив контролируемой радости, головокружительное чувство целенаправленного разрушения. Он поднял свою старую тисовую палочку: как символично, что это будет её последнее, великое дело.

Гробница раскололась по всей длине. Фигура, завёрнутая в саван, была такая же худая и длинная, как и при жизни. Он снова поднял палочку.

Покровы распались. Лицо было бледное, прозрачное, впалое, но сохранилось прекрасно. Покойнику оставили очки на крючковатом носу: его это повеселило, как насмешка. Руки Дамблдора были сложены на груди, и там, зажатая между ними, лежала она, похороненная вместе с ним.

Неужели старый дурак вообразил, что смерть или мраморные плиты уберегут палочку? Неужели он думал, что Тёмный Лорд побоится осквернить могилу? Рука, схожая с пауком, метнулась и вытащила палочку из хватки Дамблдора. Когда он взял её, из её кончика вырвался дождь искр, сверкая над трупом её прежнего хозяина — теперь она наконец-то готова служить новому господину.

## Глава двадцать пятая. Коттедж Ракушек

Дом Билла и Флер одиноко стоял на утесе, возвышавшемся над морем; его стены были выложены ракушками и побелены. Это было пустынное и красивое место. Когда бы Гарри ни заходил в крошечный коттедж или выходил в сад, он слышал вечный шорох прилива и отлива, будто дыхание задремавшего величественного создания. Гарри проводил большую часть времени, покидая под разными предлогами стены переполненного людьми дома и упиваясь открывавшимся с утеса видом на распаханное небо и бескрайнее, пустынное море, и дыханием холодного соленого ветра, касавшегося его лица.

Чудовищность решения не преследовать Вольдеморта в погоне за Старшей палочкой все еще пугала Гарри. Он не мог припомнить, чтобы хотя бы раз за всю свою жизнь он предпочел не действовать. Он был полон сомнений — сомнений, которые постоянно высказывал Рон, когда они оставались вдвоем: "Что, если Дамблдор хотел, чтобы мы поняли знак вовремя и забрали палочку?", "А вдруг то, что ты понял знак, значит, что ты стал «достойн» Даров?", "Гарри, если это и правда Старшая палочка, как, черт возьми, нам прикончить Сам-знаешь-кого?"

У Гарри не было ответов; иногда наступали моменты, когда он думал, не было ли настоящим безумием не попытаться предупредить вторжение Вольдеморта в гробницу? Он даже не мог порядком объяснить, почему он отказался от этого: всякий раз, когда Гарри пробовал воскресить приведшие его к тому решению мотивы, они казались ему все невнятной.

Странно, но поддержка Гермионы так же сбивала его с толку, как и сомнения Рона. Вынужденная признать, что Старшая палочка действительно существует, Гермиона начала убеждать их, что это губительная вещь и что способ, которым получил ее Вольдеморт, был отвратительным и им нельзя было воспользоваться.

— Ты бы никогда так не сделал, Гарри, — повторяла она вновь и вновь. — Ты бы не полез в могилу Дамблдора.

Но образ останков Дамблдора пугал Гарри гораздо меньше, чем возможность того, что он мог неверно истолковать планы Дамблдора. Он чувствовал, что все еще идет на ощупь в темноте; он выбрал свой путь, но все оглядывался назад, размышляя, не ошибся ли в знаках, не должен ли был выбрать другую дорогу. Время от времени на него обрушивалась злость на Дамблдора, сильная, как волны, бьющиеся об утес у коттеджа, злость на то, что Дамблдор не объяснил всего перед тем, как умер.

— Умер ли он? — спросил Рон через три дня после их прибытия в коттедж. Гарри смотрел со стены, отделяющей сад от утеса, на море, когда Рон с Гермионой нашли его, — он пожалел об этом, потому что не имел желания участвовать в их споре.

— Умер, Рон, пожалуйста, не начинай заново!

— Взгляни на факты, Гермиона, — сказал Рон, говоря через Гарри, не отрывавшего взгляда от горизонта. — Серебряная лань. Меч. Глаз, который Гарри видел в зеркале...

— Гарри признает, что глаз мог ему просто почудиться! Правда, Гарри?

— Мог, — согласился Гарри, не глядя на нее.

— Но ты не считаешь, что он тебе показался, не так ли? — спросил Рон.

— Не считаю, — отозвался Гарри.

— Вот, пожалуйста! — быстро подхватил Рон прежде, чем Гермиона успела продолжить. — Если не Дамблдор, то, объясни, как Добби узнал, что мы были в подвале, Гермиона?

— Не могу... А ты можешь объяснить, как Дамблдор послал его к нам, лежа в могиле в Хогвартсе?

— Не знаю, может, это было привидение!

— Дамблдор не вернулся бы привидением, — сказал Гарри. Он мало в чем был теперь уверен насчет Дамбдора, но хотя бы это он знал точно. — Он бы пошел дальше.

— Что значит "пошел дальше"? — спросил Рон, но до того, как Гарри смог что-то добавить, за ними раздался голос: "Арри?"

Из коттеджа вышла Флер, ее длинные серебристые волосы развеивал бриз.

- 'Арри, Г'ифук хочет погово'ить с тобой. Он в малой спальне, гово'ит, не хочет, чтобы его подслушали.

Очевидно, ей не нравилось, что гоблин послал ее передать послание; она выглядела раздраженной, когда развернулась и пошла обратно к дому.

Рукрюк ждал их, как и сказала Флер, в самой маленькой их трех спален, в которой ночью спали Гермiona и Луна. Он закрыл окно красными хлопковыми шторами, и яркое облачное небо наполнило комнату огненным заревом, так не подходящим воздушному, легкому коттеджу.

— Я принял решение, Гарри Поттер, — сказал гоблин, сидевший, поджав ноги в низеньком кресле и барабая по подлокотнику своими длинными узловатыми пальцами. — Хотя гоблины Гринготтса и сочтут это грязной изменой, я решил помочь тебе...

— Здорово! — воскликнул Гарри; его захлестнула волна облегчения. — Рукрюк, спасибо, мы правда...

— ...взамен, — твердо продолжил гоблин, — на плату.

Слегка ошарашенный, Гарри замешкался.

— Сколько ты хочешь? У меня есть золото.

— Не золотом, — возразил Рукрюк. — У меня оно есть.

Его черные глазки блеснули — в них не было белков.

— Я хочу меч. Меч Годрика Гриффиндора.

Радость Гарри исчезла без следа.

— Ты не можешь его получить, — ответил он. — Мне жаль.

— Тогда, — мягко проговорил гоблин, — у нас проблема.

— Мы можем дать тебе что-нибудь другое, — с готовностью сказал Рон. — Спорим, у Ленстранж много чего есть, сможешь выбрать себе что-нибудь, когда мы взломаем ячейку.

Он сказал неправильную вещь. Рукрюк сердито вспыхнул.

— Я не вор, мальчишка! Я не пытаюсь добыть сокровища, на которые у меня нет никакого права.

— Меч наш...

— Нет, не ваш, — отрезал гоблин.

— Мы гриффиндорцы, а он принадлежал Годрику Гриффиндору...

— А кому он принадлежал до Гриффиндора? — требовательно спросил гоблин, выпрямляясь в кресле.

— Никому, — ответил Рон. — Меч сделали для него, не так ли?

— Нет! — воскликнул гоблин, сердито оцетинившись и тыкая длинным пальцем в Рона. — Опять это высокомерие волшебников! Это был меч Рагнука Первого, а Годрик Гриффиндор отобрал его! Это утерянное сокровище, шедевр гоблинского искусства! Он принадлежит гоблинам! Меч — цена моих услуг, не больше и не меньше!

Рукрюк мрачно смотрел на них. Гарри взглянул на остальных и сказал: "Нам нужно обсудить это, Рукрюк, если ты не против. Ты не мог бы дать нам несколько минут?"

Гоблин с кислым видом кивнул.

Внизу в пустой гостиной Гарри подошел к камину, хмурясь и пытаясь решить, что же делать. За его спиной Рон произнес: "Он нас разыгрывает. Мы не можем отдать ему меч".

— Это правда? — спросил Гарри Гермionу. — Гриффиндор украл меч?



— Не знаю, — безнадежно отозвалась она. — История волшебного мира обычно опускает, что волшебники сделали другим магическим расам, но я не знаю ни одного свидетельства, где бы говорилось, что Гриффиндор украл меч.

— Да это одна из гоблинских баек, — сказал Рон, — о том, как волшебники постоянно пытаются их одурачить. Думаю, нам еще повезло, что он не попросил одну из наших палочек.

— У гоблинов есть веские причины не любить волшебников, Рон, — сказала Гермиона. — К ним жестоко относились в прошлом.

— Гоблины в общем-то не пушистые зайчики, не правда ли? — возразил Рон. — Они убили много наших. И тоже дрались нечестно.

— Но споры с Рукрюком о том, чья раса более коварна и жестока, не заставят его помочь нам, не так ли?

Наступила тишина, каждый старался придумать способ обойти возникшую проблему. Гарри выглянул из окна на могилу Добби. Луна ставила морскую лаванду// кермек в банку рядом с могильным камнем.

— Хорошо, — сказал Рон, когда Гарри снова обернулся к нему, — а если так? Мы скажем Рукрюку, что нам нужен меч, пока мы не попадем в ячейку, а потом он сможет его забрать. Там же лежит поддельный, верно? Мы их поменяем и отдадим ему подделку.

— Рон, он поймет разницу быстрее нашего! — возразила Гермиона. — Он один понял, что это был подлог.

— Да, но мы могли бы смыться перед тем, как он поймет...

Он дрогнул под взглядом, которым его наградила Гермиона.

— Это, — тихо сказала она, — недостойно. Попросить его о помощи, а потом надуть? И ты еще удивляешься, почему гоблины не любят волшебников, Рон?

Уши Рона покраснели.

— Хорошо, хорошо! Это единственное, что я смог придумать! Что ты тогда предлагаешь?

— Нужно предложить ему что-то еще, что-то не менее ценное.

— Великолепно. Пойду возьму один из наших древних гоблиновских мечей, а ты сможешь красиво его обернуть.

Снова наступило молчание. Гарри был уверен, что гоблин не примет ничего, кроме этого меча, даже если бы они смогли предложить ему что-то не менее ценное. Но меч был их единственным незаменимым оружием против Хоркруксов.

Он на пару мгновений закрыл глаза и прислушался к шороху моря. Мысль о том, что Гриффиндор мог украсть меч, была ему неприятна; он всегда гордился тем, что он гриффиндорец; Гриффиндор был защитником магглорожденных, волшебником, воспротивившемся обожавшему чистокровок Слизерину...

— Может быть, он врет, — сказал Гарри, снова открыв глаза. — Рукрюк. Может, Гриффиндор не брал меча. Откуда нам знать, верна ли гоблиновская версия истории?

— Какая разница? — спросила Гермиона.

— От этого зависит, как мне к этому относиться, — ответил Гарри.

Он глубоко вдохнул.

— Скажем ему, что он сможет получить меч только после того, как поможет нам забраться в ячейку, — но постараемся не говорить ему, когда именно он сможет получить его.

На лице Рона медленно расплывалась улыбка. Гермиона же выглядела испуганной.

— Гарри, мы не можем...

— Он сможет получить его, — продолжил Гарри, — после того, как мы разобьем им все Хоркруксы. Я позабочусь, чтобы тогда он получил его. Я сдержу слово.

— Но ведь это могут пройти годы! — воскликнула Гермиона.

— Я знаю, но ему знать не обязательно. Я не совру... в общем-то.

Гарри встретил ее взгляд с вызовом, смешанным со стыдом. Он помнил слова, выгравированные на воротах в Нурменгард: "Для всеобщего блага". Он прогнал эту мысль. Разве у них был выбор?

— Мне это не нравится, — произнесла Гермиона.

— Мне, в общем-то, тоже, — признался Гарри.

— А мне кажется, это гениально, — сказал Рон, снова поднимаясь на ноги. — Пойдемте, скажем ему.

Вернувшись в малую спальню, Гарри огласил предложение, стараясь сформулировать его так, чтобы не назвать определенного времени передачи меча. Гермиона хмурилась, уставившись на пол, пока он говорил; это его раздражало, так как он боялся, что она может их выдать. Но Рукрюк не смотрел ни на кого, кроме Гарри.

— Обещаешь ли ты мне, Гарри Поттер, что отдашь мне меч Гриффиндора, если я помогу тебе?

— Да, — ответил Гарри.

— Тогда по рукам, — отозвался гоблин, протянув ему руку.

Гарри пожал ее. Ему хотелось знать, разглядели ли эти черные глазки опасения в его глазах. Затем Рукрюк отпустил его руку, хлопнул в ладоши и сказал: "Итак. Начнем!"

И будто они снова готовились проникнуть в Министерство. За работу принялись в малой спальне, погруженной, по желанию Рукрюка, в полутьму.

— Я был в ячейке Лестранж только однажды, — сообщил им Рукрюк, — когда мне было приказано положить в нее поддельный меч. Это одно из самых старых хранилищ. Самые древние колдовские семьи хранили свои сокровища на самом глубоком уровне, где находятся самые большие и самые надежные ячейки...

Они запирались в крохотной, похожей на шкаф комнате часами напролет. Неспешно дни превращались в недели. Приходилось решать проблему за проблемой, и немаловажной была та, что их запасы Обратного зелья сильно истощились.

— Здесь и осталось-то всего на одного, — сказала Гермиона, взбалтывая густое, похожее на грязь зелье на свет лампы.

— Хватит, — отозвался Гарри, изучавший нарисованную Рукрюком карту самых глубоких ходов.

Остальные обитатели Коттеджа ракушек не могли не заметить, что что-то происходит, особенно когда Гарри, Гермиона и Рон стали появляться только за столом. Никто их ни о чем не расспрашивал, хотя Гарри нередко чувствовал, как взгляд Билла останавливается на них троих, задумчивый, озабоченный.

Чем дольше они проводили время вместе, тем больше Гарри понимал, как ему не нравится этот гоблин. Рукрюк оказался неожиданно кровожадным, смеялся, когда речь шла о страданиях слабых существ, и, казалось, лелеял надежду навредить другим волшебникам на пути в ячейку Лестранжей. Гарри чувствовал, что Рон и Гермиона разделяли его неприязнь, но это не обсуждалось: Рукрюк был им нужен.

Гоблин весьма неохотно ел с ними за одним столом. Даже после того, как его ноги зажили, он все еще просил, чтобы еду относили ему в комнату, как и все еще слабому Олливандеру, пока Билл (после того, как Флер возмутилась) не сходил наверх и не сказал, что дальше так продолжаться не может. После чего Рукрюк присоединился к ним за переполненным столом, хотя и отказался есть ту же еду, настояв вместо этого на сыром мясе, кореньях и разнообразных грибах.

Гарри чувствовал, что он в ответе за это: в конце концов, именно он настоял на том, чтобы

гоблин остался в ракушечном коттедже, чтобы Гарри смог расспросить его; это была его вина, что все семейство Уизли должно было прятаться, что Билл, Фред, Джордж и мистер Уизли больше не могли работать.

— Прости, — сказал он Флер одним ненастным апрельским вечером, когда помогал ей готовить ужин. — Я не хотел впутывать вас во все это.

Она только что заколдовала ножи, и те принялись рубить стейки для Рукрюка и Билла, который предпочитал мясо с кровью после того, как на него напал Грейбек. Пока ножи быстро резали за ее спиной, слегка раздраженное выражение ее лица немного смягчилось.

- 'Арри, ты спас мою сест'у, я не забыла.

Это было, строго говоря, неверно, но Гарри решил не напоминать ей, что Габриэль на самом деле ничего не грозило.

— В любом случае, — продолжила Флер, указав палочкой на горшок с соусом на плите, который тотчас начал кипеть, — мисте' Олливанде' уезжает к Мю'эил сегодня вече'ом. Станет немного легче. Гоблин, — она слегка нахмурилась, упоминая Рукрюка, — может пе'ехать вниз, а ты, 'он и Дин можете занять его комнату.

— Мы не против спать в гостиной, — сказал Гарри, зная, что Рукрюк плохо отнесется к идее спать на диване; не портить же ему настроение было крайне необходимо для их плана. — Не волнуйся за нас. — И когда она попыталась возразить, он продолжил. — Мы скоро от вас тоже съедем — мы с Роном и Гермионой. Нам не нужно больше здесь оставаться.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Флер, повернув к нему нахмуренное лицо, направив палочку на кастрюлю, зависшую теперь в воздухе. — Конечно, не нужно уезжать, вы здесь в безопасности!

Она выглядела, совсем как миссис Уизли, когда произносила это, и Гарри был рад, что в этот момент отворилась задняя дверь. Вошли Луна и Дин, их волосы были мокрыми от дождя, а руки полны дров.

— ...и крошечные ушки, — говорила Луна, — почти как у бегемота. Папа только говорит, что они фиолетовые и волосатые. И если ты хочешь их вызвать, надо напеть какой-нибудь мотив; они предпочитают вальс, что-нибудь не слишком быстрое...

С неловким видом Дин пожал плечами, когда проходил мимо Гарри за Луной в гостиную, ставшей также столовой, где Рон и Гермиона накрывали на стол. Ухватившись за возможность избежать вопросов Флер, Гарри подхватил два кувшина с тыквенным соком и последовал за ними.

— ...и если ты когда-нибудь приедешь к нам, я покажу тебе рог; папа писал мне о нем, но я его еще не видела, потому что Пожиратели смерти забрали меня с Хогвартс-Экспресса, и я так и не доехала до дома на Рождество, — говорила Луна, пока они с Дином разжигали камин.

— Луна, мы же говорили тебе, — обратилась к ней сверху Гермиона. — Рог взорвался. Он был от Вспыха, а не от криворого храпоспина ...

— Нет, это точно был рог храпоспина, — безмятежно произнесла Луна. — Папа рассказывал мне. Он уже, наверное, восстановился, они чинятся сами, знаете.

Гермиона покачала головой и продолжила раскладывать вилки; появился Билл, ведущий мистера Олливандера вниз по лестнице. Изготовитель палочек все еще выглядел слабым и цеплялся за руку Билла, поддерживавшего его и несшего большой чемодан.

— Я буду скучать по вас, мистер Олливандер, — сказала Луна, подходя к старику.

— А я по тебе, — отозвался Олливандер, поглаживая ее по плечу. — Ты была мне немыслимым утешением в том ужасном месте.

— Что же, au revoir, мисте' Олливанде', - сказала Флёр, целуя его в обе щеки. — И не были бы вы столь любезны пе'едать от нас с Биллом посылку тетушке Мю'эил? Я так и не ве'нула ее

ей тиа'у...

— Сочту за честь, — ответил Олливандер с легким поклоном. — Это самое малое, чем я могу отблагодарить вас за ваше гостеприимство.

Флер достала потрепанный бархатный футляр и открыла его, чтобы показать изготовителю палочек. Тиара лежала искрясь и переливаясь под светом нависающей лампы.

— Лунные камни и бриллианты, — сказал Рукрюк, прокраившийся в комнату так, что Гарри не заметил. — Сделана гоблинами, не так ли?

— И оплачена волшебниками, — тихо добавил Билл; гoblin пронзил его взглядом, осторожным и вызывающим одновременно.

В окна коттеджа бился порывистый ветер. Билл и Олливандер ушли в ночь. Оставшиеся втиснулись за стол, локоть к локтю, и, хотя места едва хватало, чтобы пошевелить рукой, принялись за ужин. Огонь громко трещал в камине за ними. Флер, как заметил Гарри, просто водила вилкой по тарелке; каждые несколько минут она взглядывала на окно; Билл, однако, вернулся даже раньше, чем они закончили с первым блюдом. Его длинные волосы растрепались на ветру.

— Все хорошо, — сказал он Флер. — Олливандер устроился, мама и папа передают привет. Джинни всех целует. Фред и Джордж приперли Мюриэл к стенке, они все еще высылают заказы совиной почтой из задней комнаты. Она, правда, обрадовалась, что получила назад тиару. Она думала, мы ее украли.

— А, твоя тетушка п'осто *charmante*, — сердито ответила Флер, взмахнув рукой и заставив грязные тарелки взлететь и улечься стопой в воздухе. Она подхватила их и решительно вышла из комнаты.

— Папа сделал одну тиару, — вставила Луна, — даже, наверное, корону.

Рон поймал взгляд Гарри и ухмыльнулся; Гарри знал, что тот вспомнил нелепый головной убор, который они видели дома у Ксенофилия.

— Да, он пытается воссоздать утерянную диадему Равенкло. Он считает, что распознал основную часть элементов. Крылья вуховертки внесли ощутимую разницу...

Во входную дверь громко постучали. Все головы повернулись к ней. Флер прибежала с кухни, Билл вскочил, Гарри, Рон и Гермиона тоже. Рукрюк беззвучно скользнул под стол.

— Кто там? — крикнул Билл.

— Это я, Рем Джон Люпин! — отозвался голос, перекрикивающий завывания ветра. Гарри окатила волна страха: что случилось? — Я оборотень, женатый на Нимфадоре Тонкс, и ты, хранитель секрета Коттеджа ракушек, дал мне адрес и разрешил прийти в случае необходимости!

— Люпин, — пробормотал Билл, и он подбежал к двери и распахнул ее.

Люпин споткнулся о порог. Он был в длинном плаще, бледный и взъерошенный. Он выпрямился, оглядел комнату, проверяя, кто в ней есть, и воскликнул: "Мальчик! Мы назвали его Тедом в честь отца Нимфадоры!"

Гермиона взвизнула.

— Чт... Тонкс... Тонкс родила?

— Да, да, она родила! — закричал Люпин. Вокруг стола раздались радостные возгласы, вздохи облегчения; Гермиона и Флер воскликнули тонкими голосами: "Поздравляем!", а Рон сказал: "Черт, родила!", будто никогда не слышал ни о чем подобном.

— Да... да... мальчика, — повторял Люпин, ослепленный, казалось, собственным счастьем. Он обошел вокруг стола и обнял Гарри, будто и не было той ссоры в подвале на площади Гриммолд.

— Будешь крестным? — спросил Люпин, отпустив Гарри.

— Й-я? — заикаясь, выговорил Гарри.

— Да, да, конечно... Дора согласна, лучше никого нет...

— Я... да... черт...

Гарри был поражен, изумлен, обрадован; вот Билл спешит за вином и Флер уговаривает Люпина поднять с ними бокал.

— Я не могу долго оставаться, мне нужно возвращаться, — сказал Люпин, радостно улыбаясь всем вокруг; он выглядел намного моложе, чем за все то время, что Гарри знал его. — Спасибо, спасибо, Билл.

Вскоре Билл наполнил кубки, все поднялись и сдвинули их в тосте.

— За Тедди Рема Люпина, — произнес Люпин, — великого волшебника с рождения!

— На кого он похож? — поинтересовалась Флер.

— Мне кажется, он похож на Дору, но она думает, что на меня. Волос немного. Были черными, когда он родился, но я готов поклясться, что они стали рыжими час спустя. Может, посветлеют к тому времени, как я вернусь. Андромеда говорит, что волосы Тонкс стали менять цвет в тот же день, как она родилась. — Он осушил кубок. — О, давай, но только один, не больше, — добавил он, увидев, как Билл потянулся, чтобы снова налить ему вина.

Ветер бился о маленький коттедж, огонь мерцал и трещал, а Билл скоро открывал еще одну бутылку вина. Новость Люпина, похоже, заставила их все забыть, отгородила их ненадолго от положения осады, в котором они находились: вести о новой жизни так воодушевляли. Только гоблин казался глухим к неожиданной атмосфере праздника и вскоре прокрался обратно в свою спальню, бывшую теперь полностью в его распоряжении. Гарри думал, что только он заметил это, пока не увидел, как Билл следует взглядом за поднимающимся по лестнице гоблином.

— Нет... нет... Мне правда пора обратно, — наконец сказал Люпин, отказываясь от еще одного кубка вина. Он поднялся на ноги и завернулся в плащ. — До свиданья, до свиданья... Через несколько дней я постараюсь принести фотографии... они так обрадуются, когда узнают, что я повидался с вами...

Он застегнул плащ и попрощался со всеми, обнимая девушек и пожимая руки молодым людям, затем, все так же сияя, исчез в бушующей ночи.

— Крестный, Гарри! — сказал Билл, когда они вместе прошли на кухню, помогая убирать со стола. — Настоящая честь! Поздравляю!

Как только Гарри поставил пустые кубки, которые были у него в руках, Билл закрыл за ними дверь, приглушив все еще громкие голоса остальных, продолжавших праздновать и в отсутствие Люпина.

— Я хотел поговорить с тобой наедине, в общем-то, Гарри. Нелегко улучшить момент, когда коттедж так переполнен людьми.

Билл замешкался.

— Гарри, вы с Рукрюком что-то затеваете.

Это было утверждение, а не вопрос, и Гарри не стал отрицать. Он просто глядел на Билла и ждал.

— Я знаю гоблинов, — сказал Билл. — Я работаю в Гринготтсе с тех пор, как закончил Хогвартс. Насколько гоблины и волшебники могут быть друзьями, я дружу с гоблинами, или, по крайней мере, есть гоблины, которых я знаю и которые мне нравятся, — Билл снова замешкался. — Гарри, что ты хочешь от Рукрюка и что ты пообещал ему взамен?

— Не могу тебе сказать, — ответил Гарри. — Прости, Билл.

За ними отворилась кухонная дверь: Флер пыталась внести еще пустых кубков.

— Подожди, — попросил ее Билл. — Секунду.

Она попятилась, и он снова закрыл дверь.

— Тогда я вот что скажу тебе, — продолжил Билл. — Если ты заключил с Рукрюком какую-то сделку и если, в частности, эта сделка касается какого-то сокровища, тебе нужно быть очень и очень осторожным. Понятия гоблинов о собственности, плате и возмещении не такие же, как у людей.

Гарри ощутил укол беспокойства, будто внутри него пошевелилась маленькая змейка.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Мы говорим о другом виде живых существ, — объяснил Билл. — Сделки между волшебниками и гоблинами никогда не были чистыми... но ты это и так знаешь из "Истории магии". Обе стороны мошенничали, я никогда не скажу, что волшебники были честны. Но все же гоблины убеждены, а гоблины из Гринготтса, пожалуй, особенно, что волшебникам нельзя доверять в вопросах золота и сокровищ, что они не уважают право гоблинов на собственность.

— Я уважаю... — начала Гарри, но Билл покачал головой.

— Ты не понимаешь, Гарри, никто не понимает, пока не поживет с гоблинами. Для гоблина единственным и настоящим хозяином любого предмета является создатель, а не покупатель. Все вещи, сделанные гоблинами, с их точки зрения, полностью принадлежат им.

— Но если их купили...

— ...тогда они считают, что вещь взята напрокат тем, кто заплатил деньги. Однако они с трудом понимают, как изготовленные гоблинами вещи могут переходить от волшебника к волшебнику. Ты видел лицо Рукрюка, когда у него на глазах передали тиару. Он не одобряет. Я полагаю, он считает, как и самые убежденные из них, что она должна была вернуться к гоблинам, когда настоящий покупатель умер. Гоблины рассматривают нашу привычку хранить изготовленные ими вещи и передавать их потом от волшебника к волшебнику почти как кражу.

У Гарри теперь было зловещее предчувствие, он подумал, не догадывался ли Билл о большем, чем показывал.

— Все, что я хочу сказать, — закончил Билл, положив руку на ручку двери в гостиную, — это будь очень осторожен, когда даешь обещания гоблинам, Гарри. Вломиться в Гринготтс куда безопаснее, чем изменить слову, данному гоблину.

— Хорошо, — сказал Гарри, когда Билл открыл дверь, — да. Спасибо. Я запомню.

Когда он шел за Биллом обратно к остальным, ему в голову пришла очень неправильная мысль, рожденная, несомненно, выпитым вином. Похоже, он ступил на путь, который сделает его таким же безрассудным крестным для Тедди Люпина, каким был для него Сириус Блэк.

## Глава двадцать шестая. Гринготтс

Всё было спланировано и подготовлено; в самой маленькой спальне на камине стоял стеклянный пузырь с длинным грубым чёрным волосом (снятым со свитера, который был на Гермионе в поместье Малфоев).

— И у тебя будет её собственная палочка, — сказал Гарри, кивая на волшебную палочку из орешника, — так что должно получиться убедительно.

Гермиона осторожно взяла палочку, как будто боясь, что та может её укусить или ужалить.

— Терпеть не могу эту штуку, — тихонько произнесла она. — Просто терпеть не могу. Мне с ней не так, она у меня не действует... Как будто это часть её.

Гарри невольно припомнилось, как Гермиона не придавала значения его отвращению к терновой палочке. Когда та действовала хуже его фениксовой, Гермиона настаивала, что он всё выдумывает, и говорила, что просто нужна тренировка. Но он решил не повторять Гермионе её собственный совет: не стоило начинать с ней перепалку накануне налёта на Гринготтс.

— Зато, наверное, это поможет тебе войти в роль, — сказал Рон. — Только подумай, что творила эта палочка!

— В том-то и дело! — ответила Гермиона. — Это палочка, которая пыталась маму и папу Невилла и кто знает скольких ещё? Эта палочка убила Сириуса!

Об этом Гарри не подумал. Он опустил взгляд на палочку, и на него напало дикое желание сломать её, разрубить напополам мечом Гриффиндора, прислонённым к стене рядом с ним.

— Мне так не хватает моей палочки, — горестно сказала Гермиона. — Если бы мистер Олливандер мог сделать новую и мне...

Мистер Олливандер этим утром прислал Луне новую волшебную палочку, и теперь Луна под дневным солнышком на заднем дворе проверяла её способности. За ней довольно утрюмо наблюдал Дин, оставивший свою палочку у хватал. Гарри взглянул на боярышниковую палочку, когда-то принадлежавшую Драко Малфою. Было удивительно, но и приятно, что она-то служила ему, по меньшей мере, не хуже гермиониной. Вспомнив секрет волшебных палочек, раскрытый Олливандером, Гарри подумал, что знает, в чём проблема Гермионы. Она не завоевала преданности орешниковой палочки, отобрав её у Беллатрикс лично. Открылась дверь спальни, и вошёл Рукрюк. Гарри инстинктивно потянулся к рукояти меча и пододвинул его поближе, о чём немедленно пожалел. Гоблин явно заметил его движение. Пытаясь загладить неловкость, Гарри сказал:

— Мы тут проверяем последние приготовления, Рукрюк. Мы сказали Биллу и Флёр, что завтра уходим и чтобы они не вставали нас провожать.

На последнем они твёрдо настояли, поскольку перед уходом Гермионе нужно было превратиться в Беллатрикс, а чем меньше Билл и Флёр знали или подозревали об их планах, тем было лучше. Друзья также объяснили хозяевам, что не вернутся. В ночь, когда их поймали хваталы, они потеряли старую палатку Перкинса, и Билл одолжил им новую. Теперь она была упакована в бисерную сумочку — Гарри был впечатлён, узнав, что Гермиона защитила его от хватал весьма нехитрым способом: засунув себе в носок. Гарри знал, что будет скучать по Биллу, Флёр, Луне и Дину, не говоря уже домашнем уюте, в котором они жили эти последние недели, и всё же ему не терпелось вырваться из заточения в Доме из ракушек. Он уже устал следить, как бы их не подслушали, устал сидеть взаперти в крохотной тёмной спальне. А больше всего ему хотелось избавиться от Рукрюка. Однако как и когда именно им расстаться с гоблином, не отдавая ему меч Гриффиндора, до сих пор оставалось для Гарри вопросом. Решить, как это сделать, было невозможно, поскольку гоблин редко оставлял Гарри, Рона и Гермиону вместе

больше чем на пять минут. "Моя мама отдыхает", — бурчал Рон, когда длинные пальцы гоблина в который раз появлялись из-за края двери. Помня предостережение Билла, Гарри не мог отделаться от мысли, что Рукрюк смотрит в оба, не надуют ли его. Гермиона была настолько против запланированного Гарри обмана, что он бросил попытки поставить её интеллект на службу этому замыслу. Рон же за те редкие моменты, которые им удалось провести без Рукрюка, не выдал ничего лучше: "Ну, там как масть пойдёт, приятель".

В ту ночь Гарри плохо спалось. Ранним утром, лёжа в постели, он мысленно возвращался в ночь накануне проникновения в Министерство магии и вспоминал, что тогда все чувствовали решимость, почти восторг. Теперь же его одолевали приступы беспокойства, мучили сомнения. Он никак не мог избавиться от страха, что ничего не получится. Он твердил самому себе, что план их хорош, что Рукрюк знает, что им предстоит, что они хорошо подготовлены к возможным трудностям. И всё-таки ему было не по себе. Пару раз Гарри услышал, как пошевелился Рон, и был уверен, что он тоже е бодрствует, но кроме них в гостиной спал Дин, и Гарри промолчал.

Наконец-то наступило шесть утра — теперь можно было, выскользнув из спальных мешков, в полумраке одеться и осторожно выбраться в сад, где они должны были встретиться с Гермионой и Рукрюком. Рассвет выдался морозный, но стоял уже май, и ветра почти не было. Гарри посмотрел вверх — на тёмном небе всё ещё слабо мерцали звёзды, и прислушался к шуму волн, набегавших на скалу и отступавших обратно в море. Он будет скучать по этому звуку. Из красной земли на могиле Добби уже пробивались зелёные росточки — через год холмик покроется цветами. Белый камень с именем эльфа уже выглядел побитым непогодой. Теперь Гарри видел, что для могилы Добби, пожалуй, не найти места красивей, но как же до боли грустно было с ним расставаться. Глядя на могилу, Гарри снова спросил себя, как эльф узнал, куда идти их спасать. Он задумчиво поднял руку к мешочку, всё ещё висевшему у него на шее, и нащупал осколок зеркала, в котором он точно видел глаз Дамблдора. И тут звук открывающейся двери заставил Гарри обернуться. По лужайке к ним шла Беллатрикс Лестранж с Рукрюком. Она на ходу засовывала бисерную сумочку во внутренний карман ещё одной старой мантии, которую они взяли на площади Гриммолд. Гарри, прекрасно зная, что на самом деле это Гермиона, всё же не смог подавить дрожь отвращения. Беллатрикс была выше него, по спине волнами спускались длинные чёрные волосы, из-под тяжёлых век на него презрительно смотрели её глаза. Но потом она заговорила, и сквозь низкий голос Беллатрикс Гарри расслышал Гермиону.

— На вкус она такая мерзкая, хуже корнестража! Ладно, Рон, иди сюда, я тебе сделаю...

— Хорошо, но помни: слишком длинная борода мне не нравится.

— Ой, ну честное слово, при чём тут красота?

— Да нет, она просто мешает! Но мне, кстати, понравился нос покороче, попробуй сделать его как в прошлый раз.

Гермиона со вздохом принялась за работу, тихонько бормоча и изменяя разные детали внешности Рона. Вид у него должен был получиться совершенно другой, а исходящая от Беллатрикс зловещая аура должна была его защищать. Гарри же и Рукрюк должны были спрятаться под плащом-невидимкой.

— Ну вот, — сказала Гермиона, — как он тебе, Гарри?

В новом обличье Рон был просто неузнаваем. Однако, подумал Гарри, это только потому, что он хорошо знает Рона. Волосы Рона стали длинными и волнистыми, у него появились густые тёмно-русые борода и усы. Веснушки исчезли, нос стал коротким и широким, а брови тяжёлыми.

— Ну, не в моём вкусе, но сойдёт, — ответил Гарри. — Ну что, пошли?

Все трое обернулись на Дом из ракушек, притихший и тёмный под угасающими звёздами. А потом обернулись и зашагали к тому месту за оградой, где прекращалось действие чар доверия и можно было дизаппарировать. Как только они прошли ворота, Рукрюк заговорил:



— Думаю, теперь, Гарри Поттер, мне надо забраться наверх?

Гарри пригнулся, и гoblin вскарабкался ему на спину, сцепив руки у него на горле. Рукрюк не был тяжёлым, но Гарри было неприятно чувствовать его и ту неожиданную силу, с которой он забрался вверх. Гермиона вытащила из бисерной сумочки плащ-невидимку и набросила на них обоих.

— Идеально, — сказала она, нагибаясь, чтобы проверить, не видны ли ноги Гарри. — Ничего не вижу. Пойдём.

Гарри повернулся на месте с Рукрюком на плечах, изо всех сил сосредотачиваясь на "Дырявом котле", постоялом дворе у входа в Косой переулок. Они погрузились в давящую тьму, гoblin вцепился в него ещё крепче, а через несколько секунд Гарри ощутил под ногами мостовую и открыл глаза на Чаринг-Кросс-роуд. Вокруг сновали магглы с кислыми раноутренними лицами, даже не подозревая о существовании постоялого дворика. Бар в "Дырявом котле" был почти пуст. Том, сгорбленный и беззубый хозяин заведения, натирал стаканы за барной стойкой. Пара колдунов, вполголоса переговаривавшихся в дальнем конце бара, взглянули на Гермиону и снова исчезли в своём тёмном углу.

— Мадам Лестранж, — пробормотал Том, услужливо склоняя голову, когда Гермиона задержалась около него.

— Доброе утро, — ответила Гермиона, и Гарри, под плащом с Рукрюком на закорках пробираясь мимо Тома, заметил, что бармен удивлён.

— Слишком вежливо, — шепнул Гарри на ухо Гермионе, когда они вышли из гостиницы на задний двор. — Надо обращаться с людьми, как с отбросами!

— Ладно, ладно!

Гермиона вынула палочку Беллатрикс и постучала по кирпичу в ничем не примечательной стене перед ними. Кирпичи в ней тут же закрутились и завертелись. Среди них появилась дыра, и она всё расширялась и расширялась, пока не превратилась в арку, которая вела на узкую мощёную булыжником улочку, Косой переулок. Было тихо, магазины только открылись, и никто ещё не вышел за покупками. Мощёная булыжником извилистая улица теперь сильно отличалась от того оживлённого местечка, которое посетил Гарри так много лет назад перед своим первым семестром в Хогвартсе. Никогда ещё столько магазинов здесь не было заколочено, зато со времён его последнего визита появилось несколько новых заведений, посвящённых тёмным искусствам. С плакатов, которыми были заклеены многие окна, на Гарри смотрело его собственное лицо, сопровождаемое неизменной надписью: "НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ЛИЦО НОМЕР ОДИН". Тут и там в дверях лавочек жались какие-то люди в лохмотьях. Гарри слышал, как они жалобно выпрашивали у редких прохожих золото, уверяя, что они действительно волшебники. У одного была окровавленная повязка на глазу. Друзья двинулись по улице, и нищие, завидев Гермиону, как будто растворялись перед ней, опуская на лица капюшоны и убегая как можно быстрее. Гермиона с любопытством смотрела им вслед, пока человек с окровавленной повязкой, шатаясь, не преградил ей путь.

— Мои дети, — надсаженным голосом, как безумный, взвыл он, наставив на неё палец. — Где мои дети? Что он с ними сделал? Ты же знаешь, ты знаешь!

— Я... но я действительно... — запинаясь, пробормотала Гермиона.

Нищий кинулся на неё, метя в горло. Вдруг раздался грохот, мелькнула красная вспышка, и он отлетел назад, упав без чувств навзничь. Рядом стоял Рон, всё ещё держа волшебную палочку в протянутой руке, и борода не могла скрыть потрясения, написанного у него на лице. По обеим сторонам улицы в окнах появились лица; кучка зажиточного вида прохожих, подобрав полы мантий, мелкой рысью припустили прочь с места происшествия. Да, незаметным появлением заговорщиков в Косом переулке назвать было нельзя. Гарри подумал уже, не лучше ли пока уйти

и попробовать придумать другой план. Но не успели они ни шевельнуться ни посоветоваться, как позади раздался крик:

— Вот это да, мадам Лестранж!

Гарри повернулся, и Рукрюк крепче вцепился ему в шею. К ним направлялся высокий худощавый волшебник с пышной шапкой седых волос и длинным острым носом.

— Это Треверс, — прошипел гоблин Гарри на ухо, но тот не припоминал, кто такой Треверс. Гермиона же выпрямилась в полный рост и, вложив в свои слова столько презрения, сколько смогла, ответила:

— Что вам нужно?

Треверс остановился как вкопанный — ему явно только что нанесли публичное оскорбление.

— Он тоже пожиратель смерти! — еле слышно сказал Рукрюк, и Гарри, боком пододвинувшись к Гермионе, передал это ей на ухо.

— Я всего лишь хотел вас поприветствовать, — холодно ответил Треверс, — но если моё присутствие вам неприятно...

Теперь Гарри узнал его голос: Треверс был одним из пожирателей смерти, которых вызвали в дом Ксенофилия.

— Нет-нет, вовсе нет, Треверс, — поспешно отозвалась Гермиона, стараясь загладить свою оплошность. — Здравствуйте.

— Ну, признаюсь, я удивлён видеть вас на воле, Беллатрикс.

— В самом деле? И почему же? — спросила Гермиона.

— Ну, — кашлянув, ответил Треверс, — я слышал, что обитателей Поместья Малфоев заточили в доме — после этого... э... побега.

Гарри мысленно внушал Гермионе не терять самообладания. Если это правда, и Беллатрикс не полагается показываться на людях...

— Тёмный Лорд прощает тех, кто в прошлом служил ему со всей преданностью, — великолепно сымитировала Гермиона высокомернейший тон Беллатрикс. — Возможно, Треверс, вам он просто не так доверяет, как мне.

Пожиратель смерти, по-видимому, обиделся, но стал менее подозрителен. Он глянул на оглушённого Роном человека.

— И чем же это вас оскорбило?

— Не важно — больше не оскорбит, — холодно ответствовала Гермиона.

— Беспалочные бывают так назойливы, — сказал Треверс. — И ладно бы просто попрошайничали — одна вот на прошлой неделе попросила меня замолвить за неё слово в Министерстве. "Я волшебница, сэр, я волшебница, позвольте я вам это докажу!" — пропищал он, изображая женщину. — Так я и дал ей свою палочку. А чья палочка теперь у вас Беллатрикс? — поинтересовался Треверс. Я слышал, что вашу...

— Моя палочка со мной, — ледяным тоном ответила Гермиона, поднимая волшебную палочку Беллатрикс. — Не знаю, какие вы слышали сплетни, Треверс, но, к сожалению, вас явно ввели в заблуждение.

Это, по-видимому, Треверса слегка ошарашило, и он переключил своё внимание на Рона.

— А кто ваш друг? Я что-то его не узнаю.

— Это Драгомир Деспард, — сказала Гермиона: они решили, что вымышленный иностранец будет для Рона самым безопасным прикрытием. — По-английски он говорит очень плохо, но сочувствует стремлениям Тёмного Лорда. Он прибыл сюда из Трансильвании, увидеть наш новый режим.

— В самом деле? Здравствуйте, Драгомир.

— Страсвуте, — ответил Рон, подавая руку. Треверс протянул два пальца и пожал его руку так, будто боялся запачкаться.

— И что же столь рано привело вас и вашего, э, сочувствующего друга в Косой переулок? — спросил Треверс.

— Мне нужно зайти в Гринготтс, — сказала Гермиона.

— Увы, мне тоже, — сказал Треверс. — Золото, презренное золото! Без него не проживёшь, и всё же, признаюсь, весьма прискорбно, что ради него приходится якшаться с нашими длиннопалыми друзьями.

Гарри ощутил, как сжались на миг руки гоблина на его шее.

— Тогда идёте? — сказал Треверс, пропуская Гермиону вперёд.

Гермионе ничего не оставалось как зашагать с ним рядом по извилистой булыжной мостовой к возвышавшемуся над лавочками белоснежному Гринготтсу. Рон пристроился рядом, а за ним шли Гарри с Рукрюком. Меньше всего им сейчас был нужен бдительный пожиратель смерти, и, что хуже всего, Треверс шёл рядом с мнимой Беллатрикс, лишая Гарри всякой возможности переговариваться с Гермионой и Роном. Не успели они оглянуться, как уже стояли у ступеней, ведущих к большим бронзовым дверям. Как и предупреждал Рукрюк, двоих гоблинов в ливреях, обычно стоящих по обе стороны входа, сменили двое волшебников с длинными тонкими золотыми прутьями.

— Ах, эти зонды честности — деланно вздохнул Треверс, — так грубо, но так эффективно!

И он направился вверх по лестнице, кивнув направо и налево волшебникам, которые подняли золотые прутья и провели ими вверх-вниз вдоль его тела. Зонды, как было известно Гарри, обнаруживали маскирующие чары и спрятанные волшебные предметы. Зная, что в запасе у него считанные секунды, Гарри направил палочку Драко поочерёдно на каждого из охранников, дважды пробормотав «Конфундо». Треверс смотрел через бронзовые двери в холл и не заметил, как вздрогнули охранники, когда в них попало заклятие. А Гермиона уже поднималась по лестнице, и за ней струились по ветру длинные чёрные волосы.

— Минуточку, мадам, — сказал охранник, поднимая зонд.

— Но вы же только что это сделали! — надменно-повелительно сказала Гермиона голосом Беллатрикс.

Треверс обернулся, приподняв брови. Охранник был в замешательстве. Он уставился сначала на свой тонкий золотой зонд, потом на зонд своего товарища. Последний слегка ошеломлённо сказал:

— Ну да, Мариус, ты их только что проверил.

Гермиона прошествовала вперёд, рядом с ней вошёл Рон, а за ними быстренько проскочил и невидимый Гарри с Рукрюком. Переступив порог, Гарри бросил взгляд через плечо. Оба волшебника чесали затылки. Перед серебряными внутренними дверями, на которых было начертано стихотворное предупреждение о суровом возмездии вору, стояли двое гоблинов. Гарри взглянул на стихотворение и вдруг с пронзительной ясностью вспомнил: в свой одиннадцатый, самый чудесный день рождения в жизни, он стоял на этом самом месте, а рядом стоял Хагрид и говорил: "Я ж говорю, тока псих его грабить станет". Тогда Гринготтс казался ему чудом — зачарованным местом, где хранилось его золото. Гарри тогда и не знал о нём, и уж никогда ни на секунду не подумал бы, что вернётся сюда красть... Но уже через несколько секунд они стояли в просторном мраморном зале банка. За длинной стойкой на высоких табуретах сидели гоблины, обслуживая первых клиентов. Гермиона, Рон и Треверс направились к старому гоблину, разглядывавшему в монокль толстую золотую монету. Гермиона пропустила Треверса вперёд, якобы собираясь разъяснить Рону, что есть что в зале.

Гоблин отшвырнул свою монету в сторону, сказав в пустоту: «Лепрекон», и поздоровался с

Треверсом. Тот передал ему крошечный золотой ключик, который после осмотра был ему возвращён. Гермиона шагнула вперёд.

— Мадам Лестранж! — потрясённо сказал гoblin. — Батюшки! Чем — чем могу помочь вам сегодня?

— Я бы хотела войти в своё хранилище, — ответила Гермиона.

Старый гoblin на миг как будто даже отпрянул. Гарри обернулся: Треверс задержался посмотреть на Гермиону, а несколько гoblinов даже оторвались от работы, уставившись на неё.

— А у вас есть... удостоверение личности? — спросил гoblin.

— Удостоверение личности? Я... у меня его никогда не спрашивали! — сказала Гермиона.

— Они знают! — шепнул Гарри на ухо Рукрюк, — их, наверное, предупредили, что могут явиться самозванцы.

— Им может быть ваша палочка, мадам, — сказал гoblin.

Он протянул чуть дрожащую руку, и Гарри с ужасом осенило: гoblinы в Гринготтсе знают, что волшебная палочка Беллатрикс украдена.

— Действуй, действуй немедленно, — шепнул ему на ухо Рукрюк, — заклятие Империиус!

Гарри поднял под плащом боярышниковую палочку, направил на старого гoblinа и впервые в жизни прошептал: "Империи!". И тут же его руку пронзило странное ощущение: из мозга к палочке и наложенному ею заклятию по жилам и венам как будто разливалось покалывание и тепло. Гoblin взял палочку Беллатрикс, внимательно её рассмотрел и сказал:

— А, вам сделали новую палочку, мадам Лестранж!

— Что? — сказала Гермиона. — Нет-нет, это моя...

— Новую палочку? — снова подходя к стойке, спросил Треверс.

Гoblinы вокруг до сих пор следили за происходящим.

— Но как вам удалось, какого вы наняли мастера?

Гарри отреагировал не задумываясь: направив палочку на Треверса, он снова пробормотал: "Империи!".

— Ах да, понимаю, — сказал Треверс, глядя на палочку Беллатрикс. — Да, очень красивая. И как, хорошо работает? Всегда считал, что палочкам нужно небольшое вмешательство, а вы?

Гермиона, явно была ошарашена, но, к облегчению Гарри, приняла этот странный поворот событий без комментариев. Старый гoblin за стойкой хлопнул в ладоши, и подошёл гoblin помоложе.

— Мне понадобятся звячки, — сказал старый гoblin.

Другой бросился исполнять, через минуту вернулся с кожаным мешком, в котором, судя по лязгу, было что-то металлическое, и отдал старшему.

— Хорошо, хорошо! Будьте любезны, следуйте за мной, мадам Лестранж, — сказал старый гoblin, спрыгивая с табурета и исчезая из виду. — Я проведу вас в ваше хранилище.

Он снова возник из-за стойки и радостно затрусил к ним, всё ещё бреча своим мешком. Треверс уже стоял не шевелясь, широко раскрыв рот. И Рон, растерянно разглядывая его, привлекал к этому странному явлению всеобщее внимание.

— Погоди — Бугрод! — выскочил из-за стойки другой гoblin. — Нам дали распоряжение, — с поклоном сказал он Гермионе. — Простите, мадам, но относительно хранилища Лестранжей пришёл особый приказ.

Он поспешно зашептал что-то на ухо Бугроду, но гoblin под заклятием Империиус отмахнулся от него:

— Я знаю о распоряжениях, мадам Лестранж желает посетить своё хранилище... Очень древний род... давние клиенты... Сюда, пожалуйста...

И он, продолжая звенеть, заспешил к одной из многочисленных дверей, ведущих из зала.

Гарри оглянулся на Треверса, до сих пор застывшего на месте с ненормально праздным видом, и принял решение. Взмахом волшебной палочки он заставил Треверса вяло пойти за ними. Они прошли через дверь в переход с грубыми каменными стенами, который освещался горящими факелами.

— Плохо дело — они что-то заподозрили, — сказал Гарри, как только за ними захлопнулась дверь и он снял плащ-невидимку. Рукрюк прыгнул с его плеч. Ни Треверс, ни Бугрод не выказали ни малейшего удивления по поводу внезапного появления среди них Гарри Поттера.

— Они под Империусом, — добавил он в ответ на изумлённые вопросы Гермионы и Рона о Треверсе и Бугроде, отупело стоявших рядом. — Не думаю, что получилось достаточно сильно, не знаю...

И в его мозгу пронеслось ещё одно воспоминание: настоящая Беллатрикс Лестранж взвизгнула ему, когда он впервые попытался наложить непростительное заклятье: "Их надо всерьёз накладывать, Поттер!"

— И что нам делать? — спросил Рон. — Выбираться сейчас же, пока ещё можно?

— Если можно, — сказала Гермиона, оглядываясь на дверь в центральный зал — кто знал, что творилось за ней.

— Мы уже далеко зашли — по-моему, надо идти дальше, — сказал Гарри.

— Отлично! — сказал Рукрюк. — Значит так, нам нужен Бугрод, чтобы вести вагонетку — у меня полномочий больше нет. Но для этого волшебника места не хватит.

Гарри направил палочку на Треверса.

— Империио!

Тот повернулся и бодро зашагал вдоль тёмных рельс.

— Что ты заставил его сделать?

— Спрятаться, — ответил Гарри, направляя палочку на Бугрода.

Тот свистнул, вызывая маленькую вагонетку, выкатившуюся к ним по рельсам из темноты. Гарри был уверен, что, пока все забирались в неё, слышал крики позади, в центральном зале. Бугрод сел перед Рукрюком, а Гарри, Рон и Гермиона втиснулись сзади. Вагонетка дёрнулась с места, набирая скорость. Они проскочили мимо Треверса, который пытался забиться в какую-то трещину в стене. Потом вагонетка запетляла по лабиринтам подземных ходов, уходя всё ниже и ниже. Из-за грохота вагонетки, вилявшей между сталактитами, Гарри ничего не слышал. Они летели всё глубже и глубже под землю, ветер трепал ему волосы, но он то и дело оглядывался. Найти их было так легко, как если бы они оставили за собой огромные следы. Чем больше он об этом думал, тем глупее ему казалась идея выдать Гермиону за Беллатрикс, взять с собой палочку Беллатрикс при том, что пожиратели смерти знают, кто её украл... Так глубоко в Гринготтс Гарри ещё не проникал. Они резко свернули на полной скорости и увидели в секундах впереди себя над рельсами водопад. Гарри услышал, как Рукрюк закричал: "Нет!", но затормозить было невозможно. Они пролетели прямо через водопад. Вода залила Гарри глаза и рот. Он ничего не видел и не мог дышать. Потом вагонетка жутко дёрнулась, перевернулась, и всех из неё выбросило. Гарри услышал, как вагонетка ударилась в стену подземного хода и разбилась на куски, услышал, как Гермиона что-то вскрикнула, и почувствовал, как сам он плавно-невесомо отлетел вниз и безболезненно опустился на пол.

— С-смягчающее заклинание, — запинаясь, пробормотала Гермиона. Рон поднял её на ноги, но, к ужасу Гарри, она больше была не Беллатрикс, а совершенно самой собой, и теперь стояла в висящей на ней мантии, мокрая до нитки. Рон тоже лишился бороды и снова стал рыжим. Они тоже всё поняли, глядя друг на друга и ощупывая свои лица.

— Воропад! — сказал Рукрюк, вставая на ноги и оглядываясь на поток над рельсами,

который, как теперь понимал Гарри, был не просто водой.

— Он смывает все заклинания, всю волшебную маскировку! Они знают, что в Гринготтсе самозванцы, и против нас наставили защиты!

Гарри увидел, что Гермiona проверяет, на месте ли бисерная сумочка, и поспешил сунуть руку под куртку, чтобы убедиться, что он не потерял плащ-невидимку. Обернувшись, он увидел, что Бугрод озадаченно мотает головой. Воропад, похоже, снял и заклятие Империиус.

— Он нам нужен, — сказал Рукрюк. — Без гринготтского гоблина в хранилище не войти. И звячки нам тоже нужны!

— Империио! — снова сказал Гарри, и голос его отозвался эхом в каменном подземелье. Они снова ощутил внезапное пьянящее чувство власти, спускавшееся из головы в палочку. Бугрод снова подчинился его воле, и ошарашенность на его лице сменилась вежливым безразличием. Рон поспешил подобрать кожаный мешок с металлическими инструментами.

— Гарри, по-моему, я слышу, что сюда идут! — сказала Гермiona и, направив палочку Беллатрикс на водопад, крикнула: — Протего!

Они увидели, как отражающие чары прервали ток заколдованной воды, пролетая по коридору.

— Молодец, — сказал Гарри. — Веди нас, Рукрюк!

И они пешком заспешили в темноту за гоблином. Бугрод тащился сзади, дыша тяжело, как старый пёс.

— А как мы выйдем обратно? — спросил Рон.

— Придётся выходить — придумаем, — сказал Гарри.

Он пытался прислушаться: ему почудился рядом какой-то звон и движение.

— Рукрюк, далеко ещё?

— Не далеко, Гарри Поттер, уже не далеко...

А за поворотом их ожидало зрелище, к которому Гарри был готов, но которое всё же заставило всех остановиться. Перед ними на прикованной к полу цепи сидел огромный дракон, преграждавший путь к четырём или пяти самым глубоко расположенным хранилищам во всём банке. За время долгого заточения в подземелье чешуя зверя стала похожей на бледные хлопья; глаза стали молочно-розовыми; на обеих задних лапах были тяжёлые оковы, цепи от которых шли к огромным кольям, глубоко вбитым в каменный пол. Огромные остроконечные крылья, прижатые к туловищу, в расправленном виде заняли бы всё подземелье. Повернув к пришельцам уродливую голову, дракон взревел так, что затряслись камни, открыл пасть и выплюнул струю огня, от которой всем пришлось бегом отступить в подземный ход.

— Он полуслепой, — запыхавшись, сказал Рукрюк, — но от этого он ещё свирепей. Но мы можем им управлять. Он знает, чего ждать, когда появляются звячки. Дайте их мне.

Рон отдал Рукрюку мешок, и гoblin вытащил из него несколько маленьких металлических инструментов. Когда их трясли, они издавали протяжный звон, как миниатюрные молоточки по наковальне. Рукрюк протянул их Бугроду, и тот вяло взял инструмент.

— Вы знаете, что делать, — сказал Рукрюк Гарри, Рону и Гермione. — Когда он слышит этот звук, он ожидает боли. Он отойдёт, и тогда Бугрод должен приложить ладонь к двери хранилища.

Они снова вышли из-за поворота, трясая звячками; звук тысячекратно отражался эхом от каменных стен, так что от этого шума у Гарри загудела голова. Дракон снова издал хриплый рык и отошёл назад. Гарри видел, что он дрожит. Подойдя поближе, он заметил у него на морде шрамы от жестоких ударов, и решил, что дракон при звуке звячек боится попасть под горячий меч.

— Пусть приложит руку к стене! — поторопил Рукрюк Гарри.

Он снова наставил палочку на Бугрода. Гоблин повиновался и прижал ладонь к дереву. Дверь хранилища растаяла в воздухе, и за ней открылась расселина в камне, похожая на пещеру, от пола до потолка забитая золотыми монетами и кубками, серебряными доспехами, шкурами странных животных с длинными хребтами или поникшими крыльями, зельями в склянках, усыпанных драгоценными камнями. Был даже череп, на котором всё ещё красовалась корона.

— Ищите, быстро! — сказал Гарри, и все поспешили в хранилище.

Он описал чашу Хаффльпафф Рону и Гермионе, однако если в этом хранилище таился другой, неизвестный ему хоркрукс, то Гарри не знал, как он выглядит. Но не успел он и оглядеться, как сзади раздался глухой лязг: дверь снова появилась, закрыв их в хранилище, и всё погрузилось в полнейший мрак.

— Не важно, Бугрод сможет нас освободить! — сказал Рукрюк в ответ на удивлённый вопль Рона. — Вы же можете зажечь палочки? И скорее, времени мало!

— Люмос!

Гарри посветил зажжённой палочкой по хранилищу. Луч её упал на сверкающие драгоценности. Гарри увидел поддельный меч Гриффиндора высоко на полке, среди спутанных цепей. Рон и Гермиона уже тоже зажгли свои палочки и теперь осматривали груды окружавших их предметов.

— Гарри, а это случайно не...? Ай! — вскрикнула от боли Гермиона.

Гарри направил в её сторону палочку и успел заметить, как из её руки выпал самоцветный кубок. Но, падая, он раскололся и превратился в дождь из кубков, так что секунду спустя пол с громким стуком покрылся одинаковыми кубками. Они раскатились повсюду, и настоящий среди них найти было уже невозможно.

— Он меня обжёт! — простонала Гермиона, посасывая больные пальцы.

— Они добавили заклятия Гермино и Флагранте! — сказал Рукрюк. — Всё, к чему вы прикоснётесь, будет жечься и размножаться. Только копии бесполезны — а если будете продолжать трогать сокровища, вас в конце концов насмерть раздавит весом разросшегося золота!

— Ладно, ничего не трогайте! — в отчаянье сказал Гарри, но Рон тут же случайно задел ногой один из упавших кубков, и на свет вырвалось ещё двадцать. Рон скакал на одной ноге: часть его ботинка сгорела от прикосновения горячего металла.

— Не двигайся, не шевелись! — сказал Гермиона, хватая Рона.

— Просто смотрите вокруг! — сказал Гарри. — Помните, что чаша маленькая, золотая, на ней выгравирован барсук и у неё две ручки. Если не видите, ищите везде эмблему Когтевран — орла...

Они направляли волшебные палочки во все укромные уголки и расщелины, осторожно поворачиваясь на месте. Ни за что не задевать было невозможно. Гарри отправил на пол огромный водопад поддельных галеонов, добавив их к кубкам, и теперь почти некуда было ставить ноги. Вокруг сияло раскалённое золото, и в хранилище стало как в печке. Свет от палочки Гарри скользил по уходившим под потолок полкам, уставленным щитами и шлемами гоблинской работы. Он поднимал луч всё выше и выше, пока не наткнулся на то, от чего у него замерло сердце и дрогнула рука.

— Она там, наверху!

Рон и Гермиона тоже направили свои палочки вверх, и маленькая золотая чаша заискрилась, как будто в свете трёх прожекторов. Чаша, принадлежавшая Хельге Хаффльпафф, перешедшая во владение Хепзибы Смит, у которой была украдена Томом Реддлем.

— Чёрт, ну и как же нам туда залезть, ни к чему не притрагиваясь? — спросил Рон.

— Акцио чаша! — крикнула Гермиона, в отчаянье явно позабыв, что говорил им Рукрюк,

когда они обсуждали план.

— Без толку, без толку! — проворчал гоблин.

— А что тогда делать? — сказал Гарри, рассерженно глядя на него. — Если тебе, Рукрюк, нужен меч, придётся помочь нам не только... стойте! Я же могу касаться всего мечом? Гермiona, давай его сюда!

Гермiona нащупала под мантией и вынула бисерную сумочку, несколько секунд пошарила в ней и достала сияющий меч. Гарри схватил его за рубиновую рукоять и прикоснулся кончиком лезвия к стоявшему рядом серебряному дракону. Тот не размножился.

— Просунуть бы меч в ручку — только как туда подняться?

Ни одному из них, даже самому высокому — Рону, было не дотянуться до полки, на которой покоилась чаша. От заколдованных сокровищ волнами исходил жар; Гарри мучительно пытался придумать, как добраться до чаши, а его по лицу и спине струился пот. И вдруг он услышал по ту сторону двери рёв дракона и усиливающийся лязг. Теперь они действительно были в ловушке. Выбраться можно было только через дверь, а к ней, похоже, снаружи приближалась толпа гоблинов. Гарри взглянул на Рона и Гермionу и увидел на их лицах ужас.

— Гермiona, — сказал Гарри. Звон был всё громче. — Мне надо туда подняться, от неё нужно избавиться...

Она подняла палочку, направила на Гарри и прошептала: "Левикорпус".

Гарри, которого вздёнуло в воздух за лодыжку, ударился о доспехи, и из них, заполняя и без того тесное пространство, вырвались их точные копии, похожие на добела раскалённые человеческие тела. Закричавших от боли Рона, Гермionу и двоих гоблинов отшвырнуло на другие предметы, которые тоже начали воспроизводиться. Наполовину погребённые под растущей волной раскалённых сокровищ, все барахтались и вопили. Гарри надел ручку чаши Хаффльпафф на меч и подцепил чашу. "Импервиус!" — взвизгнула Гермiona, пытаясь защитить себя, Рона и гоблинов от жгучего металла.

А потом ещё более отчаянный вопль заставил Гарри посмотреть вниз: Рон и Гермiona были по пояс в сокровищах и пытались не дать Бугроду исчезнуть в их поднимающейся волне, но Рукрюк уже скрылся под ними — видны были только кончики длинных пальцев. Гарри схватил Рукрюка за пальцы и потянул. Обожжённый и скулящий гоблин стал понемногу показываться из-под золота.

— Либераторкорпус! — завопил Гарри, и оба они с грохотом упали на поверхность раздувающегося клада, а меч вылетел из руки Гарри.

— Достаньте его! — завопил Гарри, пытаясь справиться с болью от горячего металла на коже. Рукрюк же снова взобрался ему на плечи, явно решив избежать растущей массы раскалённых докрасна предметов.

— Где меч? На нём была чаша!

Лязг по ту сторону двери становился оглушительным — слишком поздно...

— Вот он!

Заметил меч Рукрюк, он же и бросился за ним — и в этот миг Гарри понял: гоблин никогда не ожидал, что они сдержат слово. Крепко вцепившись одной рукой в волосы Гарри, чтобы не упасть во вздымающееся море горящего золота, Рукрюк схватил рукоять меча и высоко взмахнул им, так что Гарри было не достать. Крошечная золотая чаша, вздетая за ручку на лезвие меча, отлетела в воздух. Гарри с гоблином на спине пригнулся и поймал её. И уже не отпускал — даже чувствуя, как она обжигает его, даже когда бесчисленные чаши Хаффльпафф разлетелись из кулака, осыпая Гарри дождём. И тут вход в хранилище снова открылся, и Гарри почувствовал, как его неодолимо увлекает за собой набирающая силу лавина огненного золота и серебра. Поток вынес его, Рона и Гермionу во внешнюю пещеру. Уже почти не чувствуя боли ожогов по



всему телу в этом оползне преумножающихся сокровищ, Гарри сунул чашу в карман и потянулся за мечом, но Рукрюк уже исчез. Улучив момент, он соскользнул с плеч Гарри и со всех ног кинулся прятаться среди окруживших хранилище гоблинов, размахивая мечом и крича: "Воры! Воры! На помощь! Воры!". Он растаял среди надвигающейся толпы, вооружённой кинжалами. Толпа приняла его в свои ряды без вопросов. Поскользнувшись на горячем металле, Гарри с трудом поднялся на ноги и понял, что прорваться можно только боем. "Остолбелей!" — взревел он, и к нему присоединились Рон и Гермиона. Струи красного света полетели в толпу гоблинов, и кто-то из них упал навзничь, но остальные наступали, и Гарри увидел, как из-за поворота выбегают несколько волшебников-охранников. Прикованный дракон издал рык, и гоблинов накрыла струя пламени. Волшебники, согнувшись, побежали обратно в коридор, и тут к Гарри пришло вдохновение — или безумие. Направив палочку на толстые оковы, цепи от которых уходили в пол, он крикнул: "Реласкио!". Оковы с громким звоном распались.

— Сюда! — заорал Гарри, и, продолжая посылать в наступающих гоблинов оглушающие заклинания, со всех ног бросился к слепому дракону.

— Гарри — Гарри, что ты делаешь? — вскричала Гермиона.

— Залезайте, забирайтесь, давайте..

Дракон ещё не понял, что свободен. Гарри опёрся ногой на его согнутую заднюю лапу и, подтянувшись, забрался к нему на спину. Чешуя дракона была твёрдой, как сталь; казалось, он и не почувствовал наездника. Гарри протянул руку, и на дракона поднялась Гермиона, позади сел Рон, а секундой позже дракон понял, что его отвязали. Взревев, он поднялся на дыбы. Гарри упёрся коленями ему в бока, что есть мочи ухватившись за зубчатую чешую. Крылья расправились, разметав визжащих гоблинов в стороны, как кегли, и дракон взмыл в вверх. Гарри, Рон и Гермиона, ничком припавшие к его спине, задели за потолок, когда дракон спикировал ко входу в подземный коридор. Преследовавшие их гоблины метали в него кинжалы, но они только отскакивали от боков зверя.

— Нам ни за что не выбраться, он слишком большой! — взвизгнула Гермиона, но тут дракон открыл пасть и снова изрыгнул пламя, от которого тоннель взорвался, пол и потолок потрескались и обвалились. Дракон ломился и рвался когтями сквозь подземный ход. Гарри закрыл глаза, спасаясь от жара и пыли вокруг. Оглушённый треском камня и рёвом дракона, он мог лишь прижиматься к его спине, ожидая, что зверь вот-вот стряхнёт его. Потом он услышал вопль Гермионы: "Дефодио!": дракон рвался вверх, на свежий воздух, прочь от визжащих и звенящих гоблинов, и она, вырезая потолок, помогала ему расширить проход. Гарри и Рон последовали её примеру и, утроив копательные заклинания, разносили потолок.

Они миновали подземное озеро, и огромный ползущий и рычащий зверь, похоже, почуял, что впереди простор и свобода. Позади в проходе бился его зубчатый хвост, разлетались огромные куски камня, гигантские обломки сталактитов, а звяканье гоблинов как будто затихало; впереди же им расчищал путь огонь дракона — и вот, объединёнными усилиями их заклинаний и драконовой грубой силы, они пробились из подземного хода в мраморный зал. Гоблины и волшебники с воплями спасались бегством. Наконец дракону было где расправить крылья. Повернув рогатую голову к прохладному воздуху, который он почуял за дверями, дракон взлетел, всё ещё неся на себе прижавшихся к его спине Гарри, Рона и Гермиону. Он проломил металлические двери, оставив их погнутыми болтаться на петлях, вылетел, покачиваясь на нетвёрдых ещё крыльях, в Косой переулок и взмыл в небо.

## Глава двадцать седьмая. Последний тайник

Управлять полетом было невозможно, дракон не видел куда летел, и Гарри осознавал, что если тот резко свернет или перевернется в воздухе, забраться вновь на его широкую спину они уже не смогут. Тем временем, по мере того как они поднимались все выше и выше, под ними серо-зеленой картой расстился Лондон. Гарри переполняло чувство признательности за спасение, казавшееся было невозможным. Низко пригнувшись к шее животного, он крепко вцепился в чешую, будто сделанную из металла, свежий ветер охлаждал обожженную, покрытую волдырями кожу, крылья дракона хлестали воздух словно крылья мельницы. За спиной, то ли от восхищения, то ли от страха, громко сквернословил Рон, а Гермиона, кажется, плакала.

Минут через пять Гарри перестал бояться, что они будут сброшены драконом, по-видимому, стремившимся лишь к тому, чтобы оказаться как можно дальше от своей подземной темницы, но вопрос когда и как они приземлятся, по-прежнему не давал ему покоя. Гарри понятия не имел, ни как долго драконы могут лететь, не приземляясь, ни как именно этот едва зрячий дракон сможет найти удачное для приземления место. Он то и дело озирался, воображая, что чувствует покалывание в шраме...

Сколько времени пройдет, прежде чем Вольдемо́рт узнает, что они проникли в подземелье Лестранжей? Как скоро гоблины Гринготтса сообщат Беллатрикс? Как быстро они поймут, что пропало? И, наконец, когда они узнают об исчезновении золотой чаши? Вольдемо́рт в конце концов поймет, что они охотятся за хоркруксами...

Дракон, по-видимому, истосковался по прохладному и свежему воздуху: он поднимался выше и выше, пока они не достигли холодных туч и Гарри уже не мог разглядеть машины, которые потоками маленьких разноцветных точек устремлялись в город и из него. Они летели все дальше и дальше, над землей, поделенной на зелено-коричневые лоскуты, над дорогами и реками, вившимися по ней словно матовые и блестящие ленты.

— маете, что он ищет? — прокричал Рон по мере того, как они направлялись все дальше и дальше на север.

— Понятия не имею, — завопил в ответ Гарри. Его руки окоченели от холода, но он не отваживался пошевелиться. Гарри ненадолго задумался, как им поступить, если они увидят под собой морской берег, если дракон направится в открытое море: он замерз и окоченел, а кроме того, был ужасно голоден и хотел пить. Гарри гадал, когда дракон ел в последний раз? Ведь перед долгой дорогой ему нужно подкрепиться? В таком случае, что если дракон обнаружит на своей спине три вполне съедобных человеческих существа?

Солнце опускалось все ниже, небо постепенно темнело, внизу сменялись города и деревни, дракон продолжал лететь, его гигантская тень скользила по земле, словно огромная темная туча. Все тело Гарри болело от попыток удержаться на спине дракона.

— Мне кажется, — крикнул Рон после долгой паузы, — или мы снижаемся?

Гарри посмотрел вниз и увидел темно-зеленые горы и озера, отливавшие медью в лучах заката. Он бросил беглый взгляд на местность, детали которой становились все крупнее и четче, и подумал, что дракон наверное нашел воду по отражавшимся от нее солнечным бликам.

Дракон летел все ниже и ниже, описывая огромные круги, и очевидно наметив одно из небольших озер.

— Когда он достаточно снизится, прыгаем! — крикнул остальным Гарри. — Прямо в воду, пока он нас не обнаружил!

Они согласились, Гермиона слегка неохотно; теперь на зыбкой поверхности воды Гарри уже мог разглядеть отражение широкого желтого живота дракона.

— Сейчас!

Он соскользнул с дракона и полетел в озеро ногами вниз. Высота оказалась больше, чем он думал, и, сильно ударившись о воду, он словно камень погрузился в ледяное зеленое, поросшее камышом, пространство. Гарри всплыл на поверхность, тяжело дыша выбрался из воды, и увидел круги, расходившиеся на воде там, куда упали Рон с Гермионой. Дракон, по-видимому, ничего не заметил: он был уже в пятидесяти футах от них и пикировал над озером, прихлебывая воду покрытой шрамами пастью. Пока Рон и Гермиона, брызгаясь и задыхаясь, выбрались из воды, дракон, тяжело хлопая крыльями, улетел и наконец приземлился на отдаленном берегу.

Гарри, Рон и Гермиона устремились к противоположному берегу. Озеро оказалось неглубоким: вскоре они большей частью пробирались сквозь камыш и грязь, чем плыли, и наконец, мокрые, запыхавшиеся и измученные, плюхнулись на скользкую траву.

Дрожа и кашляя, Гермиона бросилась на землю. Несмотря на то, что Гарри с удовольствием бы лег и уснул, он, пошатываясь, поднялся, вынул палочку и принялся налагать вокруг них обычные защитные заклятья.

Закончив, Гарри присоединился к остальным. Впервые после побега из подземелья он мог разглядеть их как следует. У обоих на лице и руках краснели воспалённые ожоги, одежда была местами прожжена. Морщась от боли, они смазывали свои многочисленные раны настойкой ясенца белого. Гермиона передала Гарри пузырёк, затем вынула три бутылки тыквенного сока, прихваченные из Ракушечного коттеджа, и чистую сухую одежду для всех. Они переоделись и отхлебнули сока.

— Ну, с одной стороны, — подытожил Рон, который сидел и наблюдал, как восстанавливается кожа на руках, — у нас есть хоркрукс. С другой стороны...

— ...пропал меч, — сквозь зубы процедил Гарри, капавший настойку ясенца белого на воспалённый ожог сквозь дыру в джинсах.

— Пропал меч. — повторил Рон. — Этот хитрый маленький мерзавец...

Гарри вынул хоркрукс из кармана только что снятого мокрого пиджака и положил на траву. Хоркрукс сверкал на солнце, и они жадно пили сок из бутылок, не сводя с него глаз.

— По крайней мере, на этот раз мы не сможем его носить — на шее это смотрелось бы немного странно, — заметил Рон, утирая рот тыльной стороной ладони.

Гермиона бросила взгляд на противоположный берег, где дракон все еще пил воду.

— Как думаете, что дальше? — спросила она. — С ним будет все в порядке?

— Ты говоришь как Хагрид, — заметил Рон. — Гермиона, это же дракон, он сам может о себе позаботиться. Мы о себе должны волноваться.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, не знаю, как тебе об этом сообщить, — начал Рон, — но, думаю, они могли заметить, что мы вломились в Гринготтс.

Все трое расхохотались. Начав смеяться, они не могли успокоиться. У Гарри болели ребра, голова кружилась от голода, но он распростерся на траве под алеющим небом, и смеялся, пока в горле не запершило.

— Все таки, что нам теперь делать? — спросила Гермиона в конце концов, с трудом возвращаясь к серьёзному тону. — Он же узнает? Ведь Сами-знаете-кто узнает, что мы знаем о хоркруксах!

— Может, они побоятся ему сказать? — с надеждой произнес Рон. — Может, они скроют...

Небо, запах озёрной воды, голос Рона — все вдруг исчезло: боль, словно удар меча, пронзила голову Гарри. Он стоял в тускло освещенной комнате, впереди полукругом стояли волшебники, а на полу у его ног преклонила колени маленькая дрожащая фигурка.

— Что ты сказал? — голос был резок и холоден, но внутри его охватил страх и гнев.

Единственное, чего он опасался... но это не может быть правдой, он не мог понять, каким образом...

Гоблин дрожал, не в силах встретиться взглядом с красными глазами над ним...

— Скажи еще раз! — потребовал Вольдеморт. — Скажи еще раз!

— М-мой господин, — заикаясь, произнес гоблин, его черные глаза расширились от ужаса, — м-мой господин... мы п-пытались ост-остановить их... с-самозванцы, мой господин... вломились... вломились в... в п-подземелье Лестранжей...

— Самозванцы? Какие еще самозванцы? Я думал, что в Гринготтсе способны распознать самозванцев? Кто это был?

— Это был... это был м-мальчишка П-поттер с д-двумя сообщниками...

— И они забрали? — оцепенев от страха спросил он, повысив голос. — Отвечай! Что они забрали?

— М-маленькую з-золотую ч-чашу, м-мой господин...

Как будто кто-то другой исторг вопль ярости и недоверия: он обезумел, впал в бешенство. Это не могло быть правдой, это невозможно, никто об этом не знал. Как могло случиться, что мальчишка раскрыл его тайну?

Старшая палочка рассекла воздух, залив комнату зеленым светом, стоявший на коленях гоблин упал замертво, наблюдавшие волшебники в ужасе бросились врассыпную. Беллатрикс и Люциус Малфой, расталкивая остальных, поспешили к двери. Вновь и вновь его палочка опускалась, поражая тех, кто остался — всех их, принесших ему эти вести, слышавших о золотой чаше...

Оставшись в одиночестве среди убитых, он продолжал бушевать, перед мысленным взором проносились они: его сокровища, его стражи, его ключи к бессмертию... дневник уничтожен, кубок похищен; что если, что если мальчишке известно и об остальных? Знает ли он, что предпринял, обнаружил ли что-то еще? Стоит ли за этим Дамблдор? Дамблдор, всегда его подозревавший, Дамблдор, убитый по его приказу, Дамблдор, чья палочка теперь принадлежит ему, но, несмотря на это, нанесший удар из бесславия смерти с помощью мальчишки, мальчишки...

Ведь если мальчишка уничтожил хоть один хоркрукс, он, лорд Вольдеморт, узнал бы об этом, почувствовал? Он, величайший колдун, он, наиболее могущественный из них, он, убийца, Дамблдора и многих прочих, ничтожных безымянных людишек... как мог лорд Вольдеморт не узнать, что он, своей собственной персоной, наиболее значимой и ценной, подвергся нападению и был изувечен?

Действительно, когда дневник был уничтожен, он ничего не ощутил, но ведь тогда, будучи меньше, чем призраком, у него не было тела чтобы почувствовать... нет, разумеется, остальное в безопасности... прочие хоркруксы невинны...

Но он должен знать, должен удостовериться... Он пересек комнату, отбросив пинком труп гоблина, образы расплывались и жгли его воспаленный мозг: озеро, хижина и Хогвартс...

Его ярость слегка улеглась: откуда мальчишке знать, что он спрятал кольцо в лачуге Гаунта? Никто не знал о том, что он из Гаунтов, он скрывал родство, убийства к нему не приведут... разумеется, кольцо в безопасности.

И каким образом мог бы мальчишка или кто-либо другой узнать о пещере или проникнуть сквозь ее защиту? Мысль о том, что медальон могут похитить, была невероятной...

Насчет школы: только ему было известно, где в Хогвартсе спрятан хоркрукс, потому что только он проник в самые глубокие тайны этого места...

Кроме того, остается Нагини, которая теперь постоянно должна находиться рядом с ним, под его защитой, вместо того, чтобы выполнять поручения...

Но, чтобы быть уверенным, абсолютно уверенным, он должен навеститься ко всем тайникам, должен удвоить защиту каждого хоркрукса... задание вроде поиска Старшей палочки, которое он обязан выполнить сам.

Который из них ему следует проверить первым? Который из них находится в наибольшей опасности?

Им овладело прежнее беспокойство. Дамблдор знал его второе имя... Дамблдор мог узнать о его родстве с Гаунтами... Их заброшенный дом возможно был наименее защищенным из тайников, вот куда следует отправиться вначале...

Озеро... нет, это невозможно... хотя существовала вероятность, что Дамблдору стало известно о некоторых его проступках в приюте.

Хогвартс... но ему известно, что там хоркрукс в безопасности. Невероятно, чтобы Поттер незамеченным проник в Хогсмид, а уж в школу тем более. Тем не менее, стоит предупредить Снейпа, что мальчишка может попытаться попасть в замок... Сообщать Снейпу, почему мальчишка может вернуться, разумеется, глупо; было серьезной ошибкой довериться Беллатрикс и Малфою: разве их глупость и легкомыслие не доказывают, как в сущности глупо доверять кому-то?

Сперва он отправится в лачугу Гаунта, захватив с собой Нагини: им больше нельзя быть порознь... Он быстро вышел из комнаты, пересек зал и очутился в темноте сада, где журчал фонтан; на парселтонге подозвал змею, и она скользнула следом, словно длинная тень.

Он лежал на берегу озера в лучах заходящего солнца. Рон и Гермиона не сводили с него глаз: судя по их озабоченным лицам и непрерывно пульсирующему шраму, внезапное путешествие в сознание Вольдеморта не осталось незамеченным. Дрожа, он с трудом поднялся, мимоходом удивившись, что он все еще насквозь мокрый, и увидел чашу, мирно лежавшую перед ним на траве, и темно-синее озеро, на которое отбрасывало золотые блики заходящее солнце.

— Он знает, — собственный голос казался чужим и слабым после резкого крика Вольдеморта, — он знает и собирается проверить остальные, и последний из них, — Гарри почти поднялся на ноги, — в Хогвартсе. Я так и знал. Я так и знал.

— Что?

Рон изумленно глядел на него; Гермиона опустилась на колени с обеспокоенным видом.

— Но что же ты видел? Откуда ты знаешь?

— Я видел, как он узнал о чаше. Я... я был у него в голове, он... — Гарри вспомнил об убийствах, — он очень зол и напуган, он не может понять, откуда нам известно, и сейчас он хочет убедиться, что остальные хоркруксы в безопасности, в первую очередь кольцо. Он считает Хогвартс самым надежным тайником, потому что там Снейп, потому что проникнуть туда незамеченным будет очень сложно. Думаю, это место он будет проверять в последнюю очередь, но все равно окажется там в течение нескольких часов.

— Ты видел, где именно в Хогвартсе это спрятано? — спросил Рон, тоже поднимаясь на ноги.

— Нет, он сосредоточился на том, чтобы предупредить Снейпа, и не думал о том, где именно оно находится...

— Стойте, стойте! — закричала Гермиона, когда Рон поднял хоркрукс, а Гарри снова надел плащ-невидимку. — Нельзя просто так идти, у нас нет плана, нужно...

— Нам нужно идти, — твердо сказал Гарри. Он надеялся поспать, мечтал устроиться в новой палатке, но теперь это было невозможно. — Можешь представить, что он сделает, когда узнает о пропаже кольца и медальона? Что если он перепрячет хоркрукс, решив, что Хогвартс — недостаточно надежное место?

— Но как мы туда попадем?

— Отправимся в Хогсмид, — ответил Гарри, — и попытаемся что-нибудь сделать, когда увидим, что собой представляет защита вокруг школы. Залезай под плащ, Гермиона, сейчас мы должны держаться вместе.

— Но мы не поместимся...

— В темноте наши ноги никто не увидит.

Над темной водой эхом разнеслось хлопанье огромных крыльев: дракон утолил жажду и взлетел. Они перестали собираться, наблюдая, как дракон, казавшийся черным на фоне быстро темнеющего неба, поднимался все выше и выше, пока не исчез за ближайшей горой. Затем Гермиона прошла вперед и встала между двумя друзьями. Гарри опустил плащ как можно ниже и вместе они, закружившись на месте, устремились в гнетущую темноту.

## Глава двадцать восьмая. Недостающее зеркало

Ноги Гарри коснулись дороги. Он увидел до боли знакомую Главную улицу Хогсмида: темные фасады магазинов, и проступавшие во мгле чёрные горы вдали за деревней, и впереди — изгиб дороги, ведущей в Хогвартс, и свет, лившийся из окон "Трёх мётел"; его сердце подпрыгнуло, когда он с пронзительной точностью вспомнил, как почти год назад приземлился сюда же, поддерживая безнадежно ослабевшего Дамблдора — всё это буквально за секунду, пока приземлялись, а затем, аккуратно в тот момент, когда он перестал сжимать руки Рона и Гермионы, что-то произошло.

Воздух был разорван криком, похожим на вопль Волдеморта, когда тот понял, что кубок украден. Звук вонзался в каждый нерв в теле Гарри, и он догадался, что его вызвало их появление. Он посмотрел на друзей под плащом, и в тот же момент дверь "Трёх мётел" распахнулась настежь, и на улицу высыпала дюжина Пожирателей Смерти в плащах с капюшонами и палочками наготове.

Рон занёс палочку, но Гарри перехватил его за руку. Их было слишком много, чтобы Оглушать: одна попытка тут же выдала бы их местонахождение. Один из Пожирателей поднял палочку, и крик затих, отражаемый эхом в горах вдалеке.

— Ассио плащ! — проревел кто-то из Пожирателей.

Гарри вцепился в складки, но плащ даже не попытался соскользнуть. Вызывающие чары на нём не работали.

— Значит, ты не под своим покрывалом, Поттер? — выкрикнул тот же Пожиратель Смерти, что попробовал заклинание. — Разделитесь. Он здесь.

Шестеро Пожирателей побежали в их сторону. Гарри, Рон и Гермиона быстро, как только могли, отступили в ближайшую боковую улочку, и Пожиратели проскочили буквально в нескольких дюймах от них. Они стояли в темноте, прислушиваясь к шагам бегающих туда-сюда людей, пока по улице летали огоньки из палочек искавших их Пожирателей Смерти.

— Давайте выбираться отсюда! — прошептала Гермиона. — Дизаппарируем прямо сейчас!

— Замечательная идея, — поддержал её Рон, но, прежде чем Гарри успел ответить, Пожиратель Смерти выкрикнул:

— Мы знаем, что ты здесь, Поттер, и тебе не удастся сбежать! Мы найдём тебя!

— Они готовились к нашему появлению, — шепнул Гарри. — Установили заклинание, которое сообщило им, что мы пришли. Полагаю, они приготовили нечто, что удержит нас здесь, ловушку...

— Что насчёт дементоров? — крикнул другой Пожиратель. — Давай выпустим их, они быстро его найдут!

— Тёмный Лорд хочет убить Поттера собственноручно...

— Значит, дементоры не будут его убивать! Тёмному Лорду нужна жизнь Поттера, а не его душа. Его и убить будет легче, если прежде его Поцелуют!

Раздались крики одобрения. Страх охватил Гарри: чтобы отогнать дементоров, придётся создать патронусов, а это немедленно выдаст их.

— Нам придётся попробовать дизаппарировать, Гарри! — зашептала Гермиона.

Стоило ей это сказать, как он почувствовал, что по улице разливается неестественный холод. Вокруг них исчез весь свет до самых звёзд, которые тоже погасли. В кромешной тьме он почувствовал, как Гермиона схватила его за руку, и все вместе они закрутились на месте.

Воздух, сквозь который они должны были двигаться, будто затвердел. Они не могли дизаппарировать, Пожиратели Смерти поколдовали на совесть. Холод всё глубже и глубже

впивался в тело Гарри. Вместе с Роном и Гермионой они двинулись дальше по улочке, пробираясь на ощупь вдоль стены и стараясь не шуметь. Затем из-за угла, бесшумно скользя, появились дементоры, с десятков или больше, и их было видно, потому что они в своих чёрных плащах и с гниющими, покрытыми язвами руками были темнее, чем тьма на улице. Чувствовали ли они страх рядом с собой? Гарри был в этом уверен: теперь они приближались быстрее, дыша глубоко и шумно, будто пробуя на вкус безысходность в воздухе — Гарри ненавидел их дыхание — окружали их...

Он поднял палочку. Он не мог допустить, не хотел, чтобы его Поцеловал дементор, что бы ни случилось после. Думая о Роне и Гермионе, он прошептал:

— Экспекто патронум!

Из палочки вырвался серебряный олень и кинулся вперёд. Дементоров разметало, и откуда-то из-за пределов видимости донёсся крик:

— Это он, сюда, сюда, я видел его патронус, это был олень!

Дементоры отступили, на небе снова засветились звёзды, и шаги Пожирателей Смерти были всё громче, но прежде чем Гарри в панике мог сообразить, что делать, рядом заскрипела задвижка, с левой стороны узкой улочки открылась дверь, и грубый голос произнёс:

— Поттер, давай внутрь, быстро!

Он без колебания подчинился, и они втроём поспешили в открытый проход.

— Наверх, оставайтесь в плаще, сидите тихо! — проговорил высокий человек, проходя мимо них на улицу, и захлопнул за собой дверь.

Гарри представления не имел, где они были до того, но теперь в неровном свете единственной свечи смог рассмотреть грязный, усыпанный опилками бар в таверне "Кабанья голова". Они пробежали за стойку в другую дверь, за которой скрывалась шаткая деревянная лестница, по которой они взобрались так быстро, как смогли. Лестница вела в гостиную с прочным ковром и небольшим камином, над которым висел один-единственный портрет, довольно большой и написанный маслом, белокурой девушки, глядевшей на комнату с рассеянной безмятежностью.

С улицы донеслись крики. Не снимая плаща, они поспешили к закопчённому окну и выглянули наружу. Их спаситель, в котором Гарри узнал бармена "Кабаньей головы", был единственным человеком не в капюшоне.

— И что с того? — орал он в одно из лиц, скрытых капюшоном. — Что с того? Вы ко мне на улицу дементоров нагнали, так я на них и спустил патронуса! Я вам уже говорил, не бывать им возле моего дома! Не бывать!

— Это был не твой патронус, — ответил Пожиратель Смерти. — Это был олень. Это патронус Поттера!

— Олень! — взревел бармен и вытащил палочку. — Олень! Болван... Экспекто патронум!

Из палочки вылетело нечто огромное и рогатое. Нагнув голову, оно понеслось в сторону Главной улицы и исчезло из виду.

— Я совсем не это видел, — сказал Пожиратель Смерти, впрочем, уже с меньшей долей уверенности.

— Комендантский час нарушен, ты же слышал звук, — подключился один из его спутников. — Кто-то вышел на улицу, несмотря на запрет...

— Если я захочу выпустить на улицу кота, я это сделаю, и пропади пропадом этот ваш комендантский час!

— Это из-за тебя Кошачья Сигнализация сработала?

— А что если так? В Азкабан меня упечёте? Убьёте за то, что нос из дома высунул? Ну так и давайте, если хотите! Только надеюсь, вы на свои драгоценные Тёмные Меточки не нажали и



не вызвали его сюда. А то ему ведь не понравится, что его сюда зазвали ради меня и моего старого кота, так ведь?

— За нас не беспокойся, — проговорил один из Пожирателей Смерти, — ты за себя беспокойся, что нарушил комендантский час!

— И где же вы все будете приторговывать зельями и ядами, когда мой бар закроется? Что тогда случится с вашими подработками?

— Ты нам угрожаешь?..

— Я держу язык за зубами, поэтому-то вы ко мне и приходите, верно?

— Я всё-таки настаиваю, что видел патронуса в форме оленя! — закричал первый Пожиратель Смерти.

— Оленя? — проревел бармен. — Это козёл, ты, болван!

— Ну хорошо, мы ошиблись, — сказал второй Пожиратель Смерти. — Ещё раз нарушишь комендантский час, и мы уже не будем такими добрыми!

Пожиратели Смерти двинулись обратно к Главной улице. Гермиона с облегчением простонала, выбралась из-под плаща и присела на шаткий стул. Гарри задёрнул занавески, затем стянул плащ с себя и Рона. Было слышно, как бармен внизу закрыл дверь на задвижку, затем полез вверх по лестнице.

Кое-что на каминной полке привлекло внимание Гарри: на нём прямо под портретом девушки на подставке стояло маленькое прямоугольное зеркало.

Бармен вошёл в комнату.

— Дурачьё, — не приветливо произнёс он, переводя взгляд с одного на другого. — Вы о чём думали, когда заявились сюда?

— Спасибо, — сказал Гарри. — Не знаю, как Вас отблагодарить. Вы спасли нам жизнь!

Бармен хмыкнул. Гарри подошёл к нему и заглянул в лицо, пытаясь рассмотреть его за длинной, свисающей прядями жёсткой седой бородой. Он носил очки. Из-за грязных стёклышек смотрели пронизывающего ярко-голубого цвета глаза.

— Это Ваш глаз я видел в зеркале.

В комнате повисла тишина. Гарри и бармен смотрели друг на друга.

— Вы прислали Добби.

Бармен кивнул и огляделся в поисках эльфа.

— Я думал, он с вами будет. Где вы его оставили?

— Он погиб, — сказал Гарри. — Его убила Беллатрикс Лестранж.

Лицо бармена не дрогнуло. Спустя несколько мгновений он проговорил:

— Жаль слышать это, он мне нравился, этот эльф.

Он отвернулся и, не глядя на них, принялся зажигать лампы, тыкая в них палочкой.

— Вы Аберфорс, — сказал Гарри ему в спину.

Тот не согласился и не отрицал, а наклонился, чтобы зажечь камин.

— Откуда оно у Вас? — спросил Гарри, подходя к зеркальцу Сириуса, точно такому же, как то, что он разбил почти за два года до этого.

— Где-то с год назад купил у Гнуса, — ответил Аберфорс. — Альбус объяснил, что это за зеркало. Пытался присматривать за тобой.

Рон охнул.

— Серебряная лань, — взволнованно заговорил он. — Это тоже Ваша работа?

— Ты о чём это? — спросил Аберфорс.

— Нам кто-то прислал патронуса в форме лани!

— С такими мозгами ты, сынок, мог бы быть Пожирателем Смерти. Я ведь только что доказал, что мой патронус имеет форму козла.

— Ой, — сказал Рон. — Ну, да... вообще-то, я проголодался! — добавил он, оправдываясь, потому что у него в животе забурчало.

— У меня есть еда, — пробурчал Аберфорс и вышел, через мгновение вернувшись с огромной буханкой хлеба, сыром и оловянным кувшином с медовым напитком, которые водрузил на столик у камина. Они с жадностью накинулись на еду и питьё, и некоторое время не было слышно ничего, кроме звуков работающих челюстей.

— Ну хорошо, — сказал Аберфорс, когда они насытились, и Гарри с Роном сонно сползли в креслах. — Нужно придумать, как вам будет проще всего исчезнуть отсюда. Ночью это невозможно, вы сами слышали, что происходит, когда кто-то выходит на улицу затемно: включается Кошачья Сигнализация, и они накидываются на тебя, как древовечки на яйца жалфей. Боюсь, во второй раз выдать оленя за козла мне уже не удастся. Придётся подождать, пока рассветёт, тогда заканчивается комендантский час, затем вы наденете плащ и уйдёте пешком. Выйдете из Хогсмида, подниметесь в горы и оттуда сможете дизаппарировать. Может, Хагрида встретите. С тех пор, как его попытались арестовать, он где-то там прячется в пещере вместе с Граупом.

— Мы никуда не уйдём, — заявил Гарри. — Нам нужно в Хогвартс.

— Не дури, мальчик, — сказал Аберфорс.

— Нам нужно, — повторил Гарри.

— Всё, что вам нужно, — ответил Аберфорс, наклоняясь вперёд, — это убраться отсюда как можно дальше.

— Вы не понимаете. Времени почти не осталось. Мы должны попасть в замок. Дамблдор... то есть, Ваш брат... хотел, чтобы мы...

От огня в камине заляпанные стёкла в очках Аберфорса на мгновение стали матовыми, яркого белого цвета, напомнив Гарри слепые глаза гигантского паука Арагога.

— Мой брат Альбус много чего хотел, — произнёс Аберфорс, — и пока он приводил в действие свои великие планы, другие люди обычно страдали от этого. Держись подальше от этой школы, Поттер, и от страны, если можешь. Забудь о моём брате и его хитроумных схемах. Он там, где с ним уже ничего не случится, а ты ему ничего не должен.

— Вы не понимаете, — повторил Гарри.

— Разве? — тихо спросил Аберфорс. — Ты думаешь, я не понимал собственного брата? Думаешь, что знал Альбуса лучше меня?

— Я не это хотел сказать, — ответил Гарри, чувствуя себя отупевшим от усталости и избытка пищи и вина. — Это... он оставил мне задание.

— Да что ты говоришь? — сказал Аберфорс. — Надеюсь, хорошее? Приятное? Лёгкое? Нечто, с чем будет по силам справиться необразованным юным колдунам и не надорваться?

Рон довольно утрюмо рассмеялся. Гермiona сидела с напряжённым лицом.

— Н-не простое, нет, — ответил Гарри. — Но я должен...

— Должен? С какой стати — должен? Он же умер, так ведь? — грубо оборвал его Аберфорс. — Брось это, мальчик, пока ты не отправился следом за ним. Спасайся!

— Не могу.

— Почему?

— Я... — Гарри почувствовал себя раздавленным. Он не мог объяснить, так что сам перешёл в нападение. — Но Вы же тоже боретесь, Вы же в Ордене Феникса...

— Я был, — сказал Аберфорс. — Орден Феникса закрыт. Сам-Знаешь-Кто победил, всё закончено, и любой, кто утверждает обратное, просто сам себя обманывает. Здесь ты никогда не будешь в безопасности, Поттер, он слишком сильно хочет заполучить тебя. Так что уезжай за границу, скрывайся, спасайся. А ещё лучше, заberi с собой этих двоих, — он ткнул большим

пальцем в сторону Рона с Гермионой. — Они тоже всю жизнь будут в опасности, потому что все знают, что они с тобой работали.

— Я не могу сбежать, — возразил Гарри. — У меня задание...

— Перепоручи его кому-нибудь другому!

— Не могу. Это должен выполнить я, Дамблдор всё объяснил...

— Ах, вот как? А он всё тебе рассказал, был откровенен с тобой до конца?

Гарри от всего сердца хотелось ответить «да», но почему-то это простое слово не просилось само на язык. Похоже, Аберфорс знал, о чём он думал.

— Я хорошо знал своего брата, Поттер. Он учился скрытности с младых ногтей. Секреты и ложь, мы выросли на этом, и для Альбуса... это было так естественно.

Взгляд старика перенёсся на картину над камином. Теперь, когда Гарри как следует огляделся, он увидел, что это была единственная картина в комнате. Не было ни фотографии Альбуса Дамблдора, ничьих других.

— Мистер Дамблдор, — робко спросила Гермиона, — это Ваша сестра? Ариана?

— Да, — процедил Аберфорс. — Читали Риту Скитер, барышня?

Даже в розоватом свете очага было видно, что Гермиона покраснела.

— Нам о ней говорил Эльфиас Додж, — сказал Гарри, пытаясь защитить Гермиону.

— Старый хрыч, — пробормотал Аберфорс, делая очередной глоток мёда. — Этот верил, что солнце светит из кабинета моего брата. Хотя, многие верили, судя по всему, вы трое тоже.

Гарри промолчал. Он не хотел делиться сомнениями и неопределённостью относительно Дамблдора, над которыми ломал голову уже несколько месяцев. Он сделал свой выбор, когда копал могилу для Добби, принял решение двигаться дальше по извилистой, полной опасностей дороге, которую ему указал Альбус Дамблдор, согласиться с тем, что ему не рассказали всего, что он хотел бы знать, но просто довериться. Ему не хотелось снова сомневаться, не хотелось слышать ничего, что могло бы заставить его отклониться от своей цели. Он встретился взглядом с Аберфорсом, глаза которого были потрясающе похожи на глаза его брата: возникало ощущение, что ярко-голубые глаза видят насквозь человека, которого рассматривают, и Гарри пришло в голову, что Аберфорс читает его мысли и презирает его за них.

— Профессор Дамблдор любил Гарри, очень сильно, — тихонько проговорила Гермиона.

— Да неужели? — сказал Аберфорс. — Поразительно, как много людей из тех, кого любил мой брат, кончили хуже, чем если бы он не лез к ним.

— О чём вы? — задушено спросила Гермиона.

— Не твоё дело, — огрызнулся Аберфорс.

— Но это серьёзное обвинение! — сказала Гермиона. — Вы... Вы о своей сестре говорите?

Аберфорс сердито посмотрел на неё. Его губы шевелились, будто он пережёвывал слова, которые не хотел произносить. Затем его прорвало.

— Когда моей сестре было шесть, на неё напали три маггловских мальчишки. Они увидели, как она колдует, когда подглядывали сквозь изгородь на заднем дворе. Она была ребёнком и не могла контролировать себя, ни один колдун или ведьма в этом возрасте не могут. Полагаю, то, что они увидели, напугало их. Они перелезли через ограду и, когда она не смогла объяснить им, в чём фокус, они малость увлеклись, пытаясь заставить маленькую дурочку перестать делать это.

Глаза Гермионы в свете огня были огромными, Рон выглядел несколько побледневшим. Аберфорс поднялся, он был таким же высоким, как и Альбус, и неожиданно страшным в своей ярости и боли.

— То, что они натворили, разрушило её, она так никогда и не оправилась от этого. Она бы не использовала магию, но не могла от неё избавиться — сила осталась в ней и сводила с ума, когда она не могла её контролировать, сила вырывалась наружу, и тогда сестра становилась

странной и опасной. Но чаще всего она была ласковой и пугливой и безобидной.

Отец выследил тех подонков, что сотворили с ней это, — продолжил Аберфорс, — и напал на них. И его за это заточили в Азкабан. Он никогда так и не признался, почему так поступил, потому что если бы в Министерстве узнали, что стало с Арианой, её бы наверняка уpekли в Св. Мунго. Они бы объявили её, неуравновешенную, с силой, рвущейся наружу в моменты, когда она не могла с ней справиться, серьёзной угрозой Международному Уставу Секретности.

Мы должны были держать её в безопасности и избежать огласки. Мы переехали, сделали вид, что она больна, и мать ухаживала за ней, стараясь, чтобы она всегда была счастлива и спокойна.

Её любимцем был я, — сказал он, и с этими словами сквозь морщины и спутанную бороду Аберфорса проглянул неряшливый школьник. — Не Альбус — тот, когда был дома, вечно сидел в своей комнате, читая книги или подсчитывая награды, ведя переписку с "наиболее выдающимися личностями в современном магическом мире", — передразнил Аберфорс. — Он не хотел с ней возиться. Я ей нравился больше. Я мог уговорить её поесть, когда она отказывалась есть у матери, я мог унять её, когда она злилась, а когда она была спокойная, то помогала мне кормить коз.

А потом, когда ей исполнилось четырнадцать... Понимаете, меня там не было, — продолжил Аберфорс. — Если бы я был там, я бы смог успокоить её. У неё случился очередной приступ ярости, а мать была уже не так молода, и... это был несчастный случай. Ариана не могла справиться с собой. Но мать погибла.

Гарри испытывал смесь жалости и отвращения, он не хотел больше ничего слышать, но Аберфорс продолжал говорить, и Гарри размышлял, как много времени прошло с тех пор, как тот рассказывал эту историю и рассказывал ли вообще когда-либо.

— Это поставило крест на кругосветном путешествии Альбуса в компании Доджа. Они оба приехали домой на похороны матери, и Додж уехал дальше сам по себе, а Альбус стал главой семьи. Ха! — Аберфорс сплюнул в огонь.

— Я говорил ему, что присматривал бы за ней, мне до школы дела не было, я бы дома остался и занимался ею. А он сказал, что я должен закончить обучение и что он возьмёт сестру на себя вместо матери. Маленькое унижение для Мистера Отличника — за уход за полусумасшедшей сестрой, чтобы она в какой-то момент не взорвала дом, не полагается наград. Но несколько недель он неплохо справлялся... пока этот не появился.

И тут черты Аберфорса приобрели действительно опасный вид.

— Гриндевальд. И братец наконец-то получил равного себе собеседника, такого же блестящего и талантливого, как и он сам. И уход за Арианой отошёл на второй план, пока они строили свои планы о новом порядке в колдовском мире, и как они отправятся искать Дары Смерти, и обо всём прочем, что их так интересовало. Великие планы ради блага всего колдовского сообщества, и если пренебречь одной юной девушкой, какое это имело значение, когда Альбус трудился во имя высшего блага?

Но через несколько недель мне это надоело. Мне вот-вот пора была возвращаться в Хогвартс, и я сказал ему, им обоим, прямо в лицо, как вам сейчас, — и Аберфорс взглянул на Гарри, и несложно было представить себе его подростком, напряжённым и злым, лицом к лицу со старшим братом. — Я сказал ему, лучше откажись сейчас. Ты не можешь перевозить её, она не в подходящем состоянии, ты не можешь таскать её с собой, куда ты там собираешься, пока говоришь свои умные речи, пытаешься найти сторонников. Ему это не понравилось, — сказал Аберфорс, и огонь, отразившийся в его очках, ненадолго заслонил его глаза — они снова стали белыми и слепыми. — Гриндевальду это совсем не понравилось. Он разозлился. Он сказал мне, что я маленький глупый мальчик, пытающийся встать на пути у него и моего великолепного

братца... Неужели я не понимаю, что нашу несчастную сестру больше не пришлось бы скрывать, как только они изменят мир и позволят колдунам перестать прятаться и укажут магглам их место?

Началась ссора... и я вытащил палочку, и он вытащил свою, и лучший друг моего брата наложил на меня Круциатус... Альбус пытался остановить его, и мы все трое подрались, взрывы и вспышки света выбили её из колеи, она не могла вынести это...

Кровь отлила от лица Аберфорса, будто ему нанесли смертельную рану.

— ...я думаю, она помочь хотела, но на самом деле, просто не знала, что делает, и я не знаю, кто из нас это сделал, кто угодно мог — и она умерла.

Его голос прервался на последнем слове, и он опустился на ближайший стул. Лицо Гермионы было мокрым от слёз, а Рон был почти так же бледен, как и Аберфорс. Гарри не испытывал ничего, кроме отвращения. Он хотел бы никогда не слышать этого, вымыть это из своего сознания.

— Мне... мне очень жаль, — прошептала Гермиона.

— Умерла, — прохрипел Аберфорс. — Умерла навсегда.

Он вытер нос рукавом и прочистил горло.

— Конечно же, Гриндевальд смылся. За ним у него на родине и так уже кое-что числилось, и ему не хотелось, чтобы Ариану тоже на него повесили. А Альбус оказался свободен, не так ли? Свободен от обузы, которой была сестра, свободен, чтобы стать величайшим колдуном в...

— Он никогда не был свободен, — сказал Гарри.

— Что-что? — спросил Аберфорс.

— Никогда, — повторил Гарри. — В ту ночь, когда умер Ваш брат, он выпил зелье, которое его с ума свело. Он начал кричать и умолять кого-то, кого там не было. "Не трогай их... лучше меня..."

Рон и Гермиона уставились на Гарри. Он никогда не рассказывал подробностей происшедшего на острове в озере: события, последовавшие за их с Дамблдором возвращением в Хогвартс, полностью это заслонили.

— Он думал, что снова был там с Вами и Гриндевальдом, я уверен, — сказал Гарри, вспоминая, как шептал и просил Дамблдор. — Он думал, что видит, как Гриндевальд напал на вас с Арианой... Для него это было пыткой, если бы Вы его видели в тот момент, то не стали бы говорить, что он был свободен.

Казалось, Аберфорс был поглощён созерцанием своих узловатых жилистых рук. После долгого молчания он проговорил:

— Поттер, как ты можешь быть уверен в том, что мой брат не был заинтересован в высшем благе больше, чем в тебе? Как ты можешь быть уверен, что ты не такой же расходный материал, что и моя сестра?

Сердце Гарри будто пронзило ледяной иглой.

— Я не верю. Дамблдор любил Гарри, — сказала Гермиона.

— Почему же тогда он не приказал ему спрятаться? — парировал Аберфорс. — Почему не сказал: "Позаботься о себе, выжить можно вот так-то"?

— Потому что, — ответил Гарри, прежде чем Гермиона успела открыть рот, — иногда человек должен думать о чём-то, кроме собственной безопасности! Иногда нужно думать о высшем благе! Это война!

— Тебе всего семнадцать, мальчишка!

— Я совершеннолетний, и я намерен продолжать бороться, даже если Вы сдались!

— Кто говори, что сдался?

— Орден Феникса закрыт, — повторил за ним Гарри, — Сами-Знаете-Кто победил, всё

кончено, и любой, кто утверждает обратное, обманывает себя.

— Я не говорил, что меня это устраивает, но это правда!

— Вовсе нет, — сказал Гарри. — Ваш брат знал, как справиться с Сами-Знаете-Кем, и передал мне это знание. Я намерен продолжать, пока не достигну цели — или не погибну. Не думайте, что я не знаю, чем это может закончиться. Я много лет это знаю.

Он ожидал, что Аберфорс начнёт ехидничать или спорить, но тот не стал. Только дёрнулся.

— Нам нужно попасть в Хогвартс, — снова заговорил Гарри. — Если Вы не можете нам помочь, то мы дождёмся рассвета, оставим Вас в покое и попробуем сами что-нибудь придумать. Если Вы можете нам помочь... самое время сказать об этом.

Аберфорс продолжал неподвижно сидеть на стуле, неотрывно глядя на Гарри глазами, так необычно похожими на глаза брата. Наконец он прочистил горло, поднялся, обошёл столик и подошёл к портрету Арианы.

— Ты знаешь, что делать, — сказал он.

Она улыбнулась, повернулась и ушла, но не как обычно делают люди из портретов — за одну из рамок, а вперёд по чему-то вроде длинного туннеля, изображённого позади неё. Они смотрели, как её хрупкий силуэт удалялся, пока не растворился в темноте.

— Эээ... что?.. — начал Рон.

— Сейчас есть только один путь, — сказал Аберфорс. — Вы наверняка знаете, что все старые потайные ходы с обоих концов охраняются, снаружи вокруг стен дементоры, а по тому, что сообщают мои источники, в самой школе патрулирование. Её никогда раньше так сильно не охраняли. Как вы рассчитываете хоть что-нибудь сделать, когда попадёте внутрь — там же Снейп заправляет, и в заместителях у него Карроу... в общем, вот, что вас там ждёт. Вы говорили, что готовы к смерти.

— Но что?.. — спросила Гермиона, нахмурившись, смотревшая на картину Арианы.

В конце нарисованного туннеля показалась крошечная белая точка, и Ариана уже возвращалась к ним, увеличиваясь при приближении. Но теперь с ней был ещё кто-то, он был выше неё, шёл, прихрамывая, и выглядел взволнованным. Его волосы были длиннее, чем Гарри когда-либо видел у него, на лице были раны, и одежда была порвана в лохмотья. Оба силуэта становились всё больше и больше, пока в рамках не стали видны только их плечи и головы. Затем портрет повернулся вперёд, наподобие маленькой двери, и за ним обнаружился вход в туннель. И из него, обросший, с израненным лицом и в изорванной мантии вылез настоящий Невилл Лонгботтом, который, радостно засмеявшись, спрыгнул с камина и воскликнул:

— Я знал, что ты придёшь! Я знал, Гарри!

## Глава двадцать девятая. Пропавшая диадема

— Невилл... что за... как?..

Но Невилл заметил Рона и Гермиону и с радостными возгласами обнимал их. Чем дольше Гарри смотрел на Невилла, тем больше видел, как плохо тот выглядел. Один глаз заплыл желтым и лиловым, на лице виднелись полукруглые отметины, и вид у Невилла в общем был довольно потрёпанный, что наводило на мысль, что в последнее время ему пришлось перенести немало. И всё равно, его побитое лицо светилось от счастья, когда он отпустил Гермиону и снова сказал: — Я знал, что вы придёте! Всё время говорил Симусу, что это вопрос времени!

— Невилл, что с тобой случилось?

— Что? Это? — Невилл мотнул головой, будто отмахиваясь от своих болячек. — Ерунда, вот Симусу хуже досталось. Увидите. Пойдём? А, да, — он обернулся к Аберфорсу, — Аб, сюда может ещё пара человек прибыть.

— Ещё пара человек? — грозно повторил Аберфорс. — Ты что имеешь в виду, Лонгботтом, какая пара человек? У нас комендантский час, и Кошачья Сигнализация по всей деревне!

— Я знаю, поэтому они прямо в бар аппарировать, — ответил Невилл. — Ты их просто отправь по проходу, когда они появятся, ладно? Спасибо тебе огромное.

Невилл протянул руку Гермионе и помог забраться в очаг, а затем в туннель, Рон пошёл следом, затем Невилл. Гарри обратился к Аберфорсу.

— Не знаю, как Вас благодарить. Вы дважды спасли нам жизнь.

— Тогда лучше берегите её, — неприветливо ответил Аберфорс. — Возможно, третий раз я не смогу вас выручить.

Гарри полез вверх через очаг в дыру позади портрета Арианы. Там были ровные каменные ступени. Похоже было, что проход был там уже много лет. Со стен свисали медные лампы, и земляной пол был утопанный и гладкий, пока они шли, их изломанные, как веер, тени падали на стены.

— Давно это тут? — спросил Рон, когда они двинулись по проходу. — На Карте Мародёров его нет, правда, Гарри? Я думал, что в школу и из неё есть только семь ходов.

— Их все перед началом учебного года запечатали, — сказал Невилл. — Ни через один сейчас пройти невозможно — на входы наложены заклятия, а у выходов ждут Пожиратели Смерти и дементоры, — он пошёл спиной вперёд, широко улыбаясь, упиваясь их присутствием. — Да это всё пустяки... Это правда? Вы пролезли в Гринготтс? Вы удрали оттуда на драконе? Это повсюду, все только об этом и говорят, Терри Бута Карроу даже избил за то, что тот кричал об этом в Большом Зале за ужином!

— Да, правда, — ответил Гарри.

Невилл весело засмеялся.

— А с драконом вы что сделали?

— Выпустили на свободу, — сказал Рон. — Гермиона всё хотела приручить его.

— Не перегибай, Рон...

— А чем вы занимались? Говорили, что вы просто прячетесь, Гарри, но я так не думаю. Я считаю, что вы что-то затеиваете.

— Ты прав, — ответил Гарри, — но Расскажи нам о Хогвартсе, Невилл, мы ничего не знаем.

— Он стал... Ну, это уже больше не совсем похоже на Хогвартс, — проговорил Невилл, и с этими словами его улыбка увяла. — Вы слышали о Карроу?

— Те двое Пожирателей, которые теперь тут учителями?

— Они не только учителя, — ответил Невилл. — Они отвечают за порядок. Эти Карроу любят наказывать.

— Как Амбридж?

— Неа, она просто дитя по сравнению с ними. Остальные учителя обязаны доносить им на нас, если мы что-то натворим. Впрочем, если возможно, они не доносят. Как вы понимаете, они все тоже ненавидят их так же, как и мы. Амикус, это дядька, он преподаёт то, что было раньше Защитой от тёмных искусств, только сейчас это просто Тёмные искусства. Мы должны упражняться в пытках на тех, кто наказан...

— Что?

Одновременный возглас Гарри, Рона и Гермионы разнёсся в обе стороны по проходу.

— Ага, — сказал Невилл. — Так я и заработал вот это, — он указал на особо глубокий порез на щеке, — я отказался. Хотя некоторые этим занимаются, Крэбб и Гойл так прямо обожают. Полагаю, они впервые в чём-то лучше всех. А Алекто, сестра Амикуса, преподаёт Изучение магглов, и это для всех обязательный предмет. Мы должны слушать, как она объясняет, что магглы — как животные, глупые и грязные, и что они сами вынуждают колдунов плохо с ними обращаться, и как восстанавливается естественный порядок. Вот это, — он показал ещё одну рану на лице, — мне досталось за то, что я спросил, сколько у них с братом маггловской крови.

— Чёрт возьми, Невилл, — сказал Рон, — нашёл бы более подходящее место и время, чтобы умничать.

— Ты её не видел, — возразил Невилл. — Ты бы тоже не выдержал. Самое главное, это помогает, когда не сдаёшься — это даёт всем надежду. Я заметил это, когда ты сопротивлялся, Гарри.

— Но они же из тебя точилку для ножа сделали, — сказал Рон, чуть отклонившись, когда они проходили мимо лампы, отчего раны на лице Невилла стали видны ещё чётче.

Невилл пожал плечами.

— Это неважно. Они не хотят проливать лишней чистой крови, так что, если мы слишком много болтаем, они нас немного мучают, но убивать не собираются.

Гарри не знал, что было хуже — то, что говорил им Невилл, или то, как спокойно он это говорил.

— В настоящей опасности только те, чьи друзья или родственники снаружи не подчиняются. Таких берут в заложники. Старик Ксено Лавгуд в своём Квибблере был слишком уж прямолинеен, так что они похитили Луну из поезда на обратном пути на Рождество.

— Невилл, мы её видели, с ней всё в порядке...

— Да, я знаю, она смогла передать мне сообщение.

Он вытащил из кармана золотую монету, и Гарри узнал в ней один из тех фальшивых галеонов, которыми пользовалась Дамблдорова Армия, чтобы обмениваться сообщениями.

— Это замечательные штуки, — сказал Невилл, улыбаясь Гермионе. — Карроу так и не разнюхали, как мы общаемся между собой, и это сводило их с ума. Раньше по ночам мы выбирались наружу и писали на стенах "Дамблдорова Армия, набор открыт" и прочее. Снейп бесился.

— Раньше? — переспросил Гарри, отметив прошедшее время.

— Ну, со временем это становилось всё сложнее, — ответил Невилл. — На Рождество мы потеряли Луну, а после Пасхи Джинни не вернулась, а мы втроём были в некотором роде лидерами. Карроу, похоже, прознали, что за большинством безобразий стоял я, и начали на меня давить, а потом ещё Майкл Корнер был пойман за то, что освободил первоклашку, которого они приковали, и его пытали. Они всех запугали.



— Дело серьёзно, — пробормотал Рон, когда проход начал забираться наверх.

— Ну да, я не мог просить людей, чтобы они прошли через то же, что и Майкл, так что мы бросили эти фокусы. Но продолжали бороться, делали кое-что исподтишка, до того, как две недели назад они решили, что есть только один способ остановить меня — как я думаю — и напали на Ба.

— Они что? — хором спросили Гарри, Рон и Гермиона.

— Ага, — отозвался Невилл, слегка запыхавшись, потому что проход круто поднимался вверх, — ну, вы понимаете их логику. Когда они похищали детей, это прекрасно помогало заставить родственников вести себя хорошо. Полагаю, это был всего лишь вопрос времени, когда они поступят так же со мной. Да вот только, — он повернулся к ним, и Гарри был поражён, увидев его ухмылку, — Ба оказалась им не по зубам. Думали, небось, что с одинокой старенькой ведьмой может и не самый сильный колдун справиться. Как бы там ни было, — Невилл рассмеялся, — Долиш всё ещё в Сент-Мунго, а Ба в бегах. Она мне письмо прислала, — он похлопал ладонью по нагрудному карману мантии, — что гордится мной, что я истинный сын своих родителей, и чтобы я продолжал в том же духе.

— Круто, — сказал Рон.

— Ага, — счастливо ответил Невилл. — Только, когда они поняли, что у них больше нет на меня управы, они решили, что Хогвартс без меня обойдётся. Я не знаю, планировалось ли убить меня или отправить в Азкабан, но в любом случае, я понял, что самое время исчезнуть.

— Но, — возразил совершенно сбитый с толку Рон, — разве... мы разве не обратно в Хогвартс направляемся?

— Конечно, туда, — ответил Невилл. — Сам увидишь. Мы на месте.

Они свернули за угол, прямо перед ними был выход из коридора. Ещё одна короткая лестница вела к точно такой же двери, как и та, что была спрятана за портретом Арианы. Невилл распахнул её и выкарабкался наружу. Гарри полз следом за ним и услышал, как тот созывает невидимых ему людей.

— Смотрите, кто здесь! Я же говорил!

Стоило Гарри войти в комнату за дверь, вокруг раздались крики и визг: "ГАРРИ!", "Это Поттер, это ПОТТЕР!", "Рон!", "Гермиона!".

Перед ним замелькали смутные образы цветных драпировок, ламп и множества лиц. Через мгновение его, Рона и Гермиону обступили со всех сторон, их обнимали, хлопали по спине, ерошили волосы, жали руки — больше двадцати человек. Как будто они только что выиграли финал Кубка по квиддичу.

— Всё, всё, успокойтесь! — крикнул Невилл, и, когда толпа отхлынула, Гарри смог оглядеться.

Он совсем не узнавал спальню. Она была просторной и скорее походила на чересчур большой дом на дереве или, может, на каюту на гигантском корабле. Пёстрые гамаки свисали с потолка и балкона, тянувшегося вдоль обитых деревом стен, лишённых окон и покрытых яркими гобеленами. Гари увидел золотого гриффиндорского льва, вытканного на алом, чёрного барсука Хаффлпаффа на жёлтом фоне и бронзового орла Равенкло на синем. Не хватало только слизеринской зелени с серебром. Ещё там были набитые под завязку книжные шкафы, у стен стояло несколько метел, а в углу разместился большой радиоприёмник в деревянном корпусе.

— Где мы?

— Конечно же, в Комнате-по-требованию! — сказал Невилл. — Превзошла себя, правда? Карроу преследовали меня, и я понимал, что у меня была только одна-единственная возможность спрятаться. Мне удалось войти, и вот, что я обнаружил внутри! Точнее, когда я пришёл, она была не совсем такой, а гораздо меньше, там был всего один гамак и только

гриффиндорский гобелен. Но с появлением других членов ДА она расширилась.

— А Карроу не могут сюда попасть? — спросил Гарри, оглядываясь на дверь.

— Нет, — ответил Симус Финниган, которого Гарри не узнавал до тех пор, пока тот не заговорил: лицо Симуса было всё в ссадинах и опухшее. — Это надёжное укрытие — пока кто-то из нас находится тут, они сюда не доберутся, дверь не откроется. Это всё благодаря Невиллу. Он по-настоящему понимает, как эта комната действует. Нужно попросить именно то, что тебе надо, вроде "Я хочу, чтобы приспешники Карроу не могли сюда войти" — и она для тебя это сделает! Тебе остаётся присматривать за тем, чтобы все щели были закрыты. Невилл крутой!

— Ты меня переоцениваешь, на самом деле, — скромно проговорил Невилл. — Я пробыл тут день с небольшим и ужасно проголодался, пожелал чего-нибудь поесть — тогда и открылся проход в "Кабанью Голову". Я прошёл по нему и встретил Аберфорса. Он снабжает нас продуктами, потому что, по непонятной причине, это единственное, что не умеет создавать Комната.

— Ну правильно, еда — это одно из пяти исключений в Законе о превращениях основ Гампа, — ко всеобщему потрясению объявил Рон.

— Так что мы тут прячемся уже пару недель, — продолжил Симус, — и каждый раз, когда становится тесно, она просто добавляет гамаков, и даже, когда девочки появились, вырастила очень даже приличную ванную...

— ...ага, она решила, что они хотели бы помыться, — поддакнула Лаванда Браун, которую Гарри до того момента не замечал. Теперь, когда он внимательно осмотрелся, он узнал многих знакомых. Тут были обе близняшки Патил, а также Терри Бут, Эрни МакМиллан, Энтони Гольдстейн и Майкл Корнер.

— Расскажи, чем вы-то занимались, — сказал Эрни. — Столько слухов было, мы старались слушать о тебе новости на "Волне Поттера", — он указал на радиоприёмник. — Вы ведь не полезли в Гринготтс?

— Они там были! — ответил Невилл. — И про дракона тоже всё правда!

Раздались короткие аплодисменты и несколько восторженных возгласов, Рон поклонился.

— А вы что там искали? — нетерпеливо спросил Симус.

Прежде, чем кто-нибудь из них отбил вопрос встречным, Гарри почувствовал острую обжигающую боль в шраме-молнии. Он торопливо отвернулся от довольных и любопытных лиц, и Комната-по-требованию исчезла, а он сам стоял внутри развалившейся каменной лачуги, гнилые доски пола у его ног были расшвыряны в стороны, рядом с дырой валялась открытой пустая золотая коробочка, и крик ярости Вольдеморта зазвучал у него в голове.

С огромным усилием он вырвался из сознания Вольдеморта и вернулся туда, где стоял, пошатываясь, в Комнату-по-требованию; по его лицу катился пот, и Рон поддерживал его.

— С тобой всё в порядке, Гарри? — беспокоился Невилл. — Может, присядешь? Я думаю, ты устал, да?..

— Нет, — ответил Гарри. Он взглянул на Рона и Гермиону, пытаясь без слов сказать им, что Вольдеморт обнаружил потерю одного из хоркруксов. Времени уже не оставалось — если Вольдеморт следующим направится в Хогвартс, у них не останется ни единого шанса.

— Нам нужно идти, — сказал он, и по их лицам он увидел, что они поняли его.

— В таком случае, что будем делать, Гарри? — спросил Симус. — Каков план?

— План? — переспросил Гарри. Он призвал на помощь всю свою силу воли, чтобы вновь не поддаться бешенству Вольдеморта. Его шрам продолжал гореть. — Ну, есть нечто, что мы — Рон, Гермиона и я — должны сделать, а затем мы уберёмся отсюда.

Никто не засмеялся и не закричал от восторга. Невилл выглядел смущённым.

— Ты что имеешь в виду — "мы уберёмся отсюда"?

— Мы вернулись не для того, чтобы остаться, — объяснил Гарри, потирая шрам в попытке смягчить боль. — Мы должны сделать кое-что важное...

— Что это?

— Я... я не могу сказать.

В толпе забормотали. Невилл нахмурился.

— Почему не можешь сказать? Это ведь чтобы победить Сам-Знаешь-Кого?

— Ну, да...

— Тогда мы поможем тебе.

Остальные члены Дамблдровой Армии кивали головами, кто-то с энтузиазмом, кто-то серьёзно. Кое-кто вскочил со стульев, чтобы показать готовность немедленно действовать.

— Вы не понимаете, — у Гарри было ощущение, что за последние несколько часов он повторил это много раз. — Мы... мы не можем вам это рассказать. Мы должны сделать это... сами.

— Почему? — повторил Невилл.

— Потому что... — от отчаяния, что он не мог немедленно начать поиски недостающего хоркрукса или хотя бы обсудить с глазу на глаз с Роном и Гермионой, с чего начать поиски, Гарри было тяжело собраться с мыслями. Шрам всё ещё пекло. — Дамблдор оставил нам троим задание, — сказал он, осторожно подбирая слова, — и мы не должны никому говорить... то есть, он хотел, чтобы мы втроём это сделали, только мы трое.

— А мы его армия, — возразил Невилл. — Дамблдорова Армия. Мы здесь все вместе, мы продолжали это дело, пока вы были где-то далеко...

— Вообще-то, приятель, это совсем не пикник был, — сказал Рон.

— Я и не говорил, что вы развлекались, но я не понимаю, почему вы не можете нам довериться. Каждый человек в этой комнате боролся, и все они оказались здесь, потому что за ними охотились Карроу. Все здесь доказали свою верность Дамблдору — и тебе.

— Послушайте, — начал Гарри, даже не зная, что собирался им сказать, но это было не важно. Позади него открылась дверь из коридора.

— Мы получили твоё сообщение, Невилл! Привет всем троим, я так и знала, что вы здесь!

Это были Луна и Дин. Симус громко заорал от радости и кинулся обнять лучшего друга.

— Всем привет! — весело сказала Луна. — Как здорово, что мы вернулись!

— Луна, — растерянно спросил Гарри, — что ты тут делаешь? Как ты?..

— Я вызвал её, — объяснил Невилл, показывая фальшивый галлеон. — Я пообещал ей и Джинни, что дам знать, если вы появитесь. Мы все думали, что если вы вернётесь, будет переворот. Что мы свергнем Снейпа и Карроу.

— Конечно же, так оно и есть, — воскликнула Луна. — Разве нет, Гарри? Мы выбьем их из Хогвартса?

— Послушайте, — сказал Гарри с возрастающей тревогой. — Мне ужасно жаль, но мы не за этим сюда пришли. Мы должны кое-что сделать, а потом...

— Бросите нас в этом кошмаре? — встрял Майкл Корнер.

— Нет! — ответил Рон. — То, что мы делаем, в итоге будет всем на пользу — это всё для того, чтобы избавиться от Сами-Знаете-Кого...

— Тогда дайте нам помочь вам! — сердито сказал Невилл. — Мы хотим в этом участвовать!

Сзади снова раздался шум, и Гарри обернулся. Его сердце будто провалилось: из дыры в стене вышла Джинни, а следом за ней Фред, Джордж и Ли Джордан. Джинни лучезарно улыбнулась Гарри. Он забыл, да и никогда раньше не мог оценить в полной мере, насколько она была красива, но и никогда не был так не рад видеть её.

— Аберфорс начинает злиться, — сказал Фред, подняв руку в ответ приветственным

крикам. — Он хотел, чтобы у него была берлога, а его бар превращается в вокзал.

У Гарри челюсть отпала. Прямо следом за Ли Джорданом появилась его бывшая подружка, Чоу Чен. Она улыбнулась ему.

— Я получила сообщение, — сказала она, показав свой фальшивый галлеон, и, пройдя по комнате, села рядом с Майклом Корнером.

— Так какой у нас план, Гарри? — спросил Джордж.

— Да нет никакого плана, — ответил Гарри, всё ещё сбитый с толку неожиданным появлением всех этих людей, и не в состоянии переварить его оттого, что шрам продолжал так яростно гореть.

— То есть, будем действовать по обстоятельствам? Это мой любимый план, — сказал Фред.

— Ты должен прекратить это всё! — сказал Гарри Невиллу. — Для чего ты их всех созвал? Это безумие...

— Мы же будем сражаться, разве нет? — спросил Дин, доставая свой фальшивый галлеон. — В сообщении говорилось, что Гарри вернулся, и что будет битва! Хотя, мне нужно ещё палочку раздобыть...

— У тебя что, палочки нет?.. — начал Симус.

Рон резко повернулся к Гарри.

— Почему они не могут нам помочь?

— Что?

— Они могут, — он заговорил тихо, так, чтобы не слышал никто, кроме Гермионы, стоявшей между ними. — Мы не знаем, где оно. Мы должны найти эту штуку быстро. Необязательно говорить им, что это хоркрукс.

Гарри перевёл взгляд с Рона на Гермиону, которая прошептала:

— Я думаю, Рон прав. Мы даже не знаем, что ищем, они нам нужны, — и, увидев, что Гарри не убеждён, добавила, — тебе не обязательно всё делать одному, Гарри.

Гарри быстро соображал, шрам колело, голова была готова снова развалиться на две части. Дамблдор велел не говорить о хоркруксах никому больше, кроме Рона и Гермионы. Секреты и ложь, мы выросли на этом, и для Альбуса... это было так естественно... Неужели он превращался в Дамблдора, пряча свои тайны в себе, никому не доверяясь? Но Дамблдор доверился Снейпу, и к чему это привело? К убийству на самой высокой из башен...

— Хорошо, — тихо ответил он друзьям. — Хорошо, — окликнул он находившихся в комнате, и шум тут же стих. Фред и Джордж, развлекавшие шутками сидевших поблизости, замолкли, и все они выглядели оживлёнными и возбуждёнными.

— Нам нужно найти кое-что, — объявил Гарри. — Нечто... нечто, что поможет нам победить Сами-Знаете-Кого. Оно здесь, в Хогвартсе, но мы не знаем, где. Возможно, оно принадлежало Равенкло. Кто-нибудь слышал о подобном предмете? Никто не натёкался на вещь с её орлом, например?

Он с надеждой посмотрел на маленькую группку студентов Равенкло — Падму, Майкла, Терри и Чоу, но ответила взгромоздившаяся на подлокотник кресла Джинни Луна.

— Ну, у неё пропала диадема. Я тебе рассказывала, Гарри, помнишь? О пропавшей диадеме Равенкло. Папа пытается сделать копию.

— Да, но пропавшая диадема, — сказал Майкл Корнер, закатив глаза, — пропала, Луна. В этом весь смысл.

— Когда она пропала? — спросил Гарри.

— Говорят, много веков назад, — ответила Чоу, и у Гарри оборвалось сердце. — Профессор Флитвик говорил, что диадема пропала вместе с самой Равенкло. Люди искали её, но, — она обернулась за поддержкой к соученикам с Равенкло, — никто и следа не нашёл.

Те закивали.

— Извините, что такое диадема? — спросил Рон.

— Это нечто вроде короны, — ответил Терри Бут. — Диадема Равенкло предположительно была наделена магическими свойствами — вроде как усиливала мудрость того, кто её носил.

— Да, папины Водоструйные сифоны...

Но Гарри перебил её.

— И никто никогда не видел ничего похожего на неё?

Они замотали головами. Гарри посмотрел на Рона и Гермиону, они были так же разочарованы, как и он. Предмет, так давно утраченный и, похоже, бесследно, не казался подходящим для хоркрукса, который можно было спрятать в замке... Но прежде чем он задал им новый вопрос, заговорила Чоу.

— Если хочешь посмотреть, как должна выглядеть диадема, я могу отвести тебя в нашу гостиную и показать. У статуи Равенкло она надета.

Шрам Гарри вспыхнул с прежней силой. Ненадолго Комната-по-требованию растворилась перед глазами, и вместо неё он увидел скользкую под ним тёмную землю и ощутил, что огромная змея обвилась вокруг его плеч. Вольдеморт снова летел — к подземному озеру или к замку, он не знал. В любом случае, время было на исходе.

— Он в пути, — тихо сказал он Рону и Гермиону. Он посмотрел на Чоу и снова на них. — Слушайте, я знаю, что это ненадёжная ниточка, но я схожу посмотреть на статую, по крайней мере, выясню, как выглядит эта диадема. Дождитесь меня тут и позаботьтесь друг о друге.

Чоу вскочила на ноги, но Джинни довольно сердито заявила:

— Нет, Гарри отведёт Луна, ладно, Луна?

— О, да, с удовольствием, — радостно ответила Луна, и Чоу с весьма разочарованным видом села обратно.

— Как нам выйти? — спросил Гарри у Невилла.

— Сюда, — он отвёл Гарри и Луну в угол, где за дверью чулана обнаружилась крутая лестница. — Каждый день она выводит в разные места, чтобы выход не нашли, — сказал он. — Только мы никогда не знаем, куда именно попадём на выходе. Будь осторожен, Гарри, они по ночам всегда патрулируют коридоры.

— Постараюсь, — ответил Гарри. — Увидимся.

Они с Луной поспешили вверх по лестнице, оказавшейся длинной, освещённой факелами и сворачивавшей в неожиданных местах. Наконец, они добрались до места, похожего на сплошную стену.

— Залезай, — шепнул Гарри Луне, доставая плащ-невидимку и накидывая на их обоих. Затем легонько толкнул стену.

От его прикосновения она растаяла, и они выскользнули наружу. Гарри оглянулся и увидел, что стена тут же вернулась на место. Они стояли в тёмном коридоре. Гарри оттащил Луну обратно в тень, порылся в мешочке, висевшем на шее, и вытащил Карту мародёров. Он держал её близко у лица, пока рассматривал, и, наконец, нашёл их с Луной точки.

— Мы на пятом этаже, — прошептал он, наблюдая, как в соседнем коридоре от них уходил Филч. — Пошли, нам сюда.

Они, крадучись, двинулись по коридору.

Гарри раньше много раз бродил по замку по ночам, но никогда ещё его сердце не билось так быстро, никогда столько всего не зависело от того, удастся ли ему пройти через замок без приключений. По квадратам лунного света на полу, мимо доспехов, шлемы которых поскрипывали при звуках их лёгких шагов, сворачивая за углы, за которыми могло поджидать неизвестно что. Гарри и Луна шли, сверяясь с Картой мародёров, когда для этого было

достаточно света, дважды остановившись, чтобы дать проплыть привидению, не привлекая к себе внимания. Он был готов в любой момент столкнуться с препятствиями, из которых худшим был бы Пивз, и он на каждом шагу прислушивался, чтобы не упустить первые звуки, выдающие приближение полтергейста.

— Нам сюда, Гарри, — выдохнула Луна, ухватив его за рукав и потянув к винтовой лестнице.

Они карабкались по головокружительно-крутой спирали. Гарри никогда раньше тут не был. Наконец, они добрались до двери. На ней не было ни ручки, ни замочной скважины — ничего, только широченная деревянная доска и бронзовый дверной молоток в виде орлиной головы.

Луна протянула бледную руку, которая жутко парила в воздухе, будто отделённая от тела. Она стукнула по двери, и в тишине звук прозвучал для Гарри пушечным выстрелом. Клюв орла тут же открылся, но вместо птичьего крика раздался тихий мелодичный голос, который спросил:

— Что было сначала, феникс или огонь?

— Хм... ты как думаешь, Гарри? — спросила задумавшаяся Луна.

— Что? А пароя нет?

— Нет-нет, ты должен на вопрос ответить, — сказала Луна.

— А что если неправильно ответишь?

— Ну, тогда придётся ждать кого-то, кто ответит правильно, — сказала Луна. — Так и учишься, понимаешь?

— Ага... Только проблема в том, что мы не можем позволить себе дожидаться ещё кого-то, Луна.

— Нет, я понимаю, в чём дело, — серьёзно ответила Луна. — Ну, хорошо, я думаю, что правильным ответом будет "у круга нет начала".

— Вполне обоснованно, — сказал орёл, и дверь распахнулась.

Пустая гостиная Равенкло была широкой круглой комнатой, самой просторной из всех виденных Гарри в Хогвартсе. Изящные сводчатые окна разделяли стену, задрапированную сине-бронзовыми шелками. Днём для учеников Равенкло открывался потрясающий вид на окрестные горы. Сводчатый потолок был расписан звёздами, отражавшимися на ковре цвета ночного неба. Повсюду стояли столы, стулья и книжные шкафы, а в нише напротив двери находилась высокая статуя из белого мрамора.

Гарри узнал Ровену Равенкло по тому бюсту, что видел дома у Луны. Статуя стояла возле двери, ведущей, как догадался Гарри, наверх, в спальни. Он направился прямо к мраморной женщине, и казалось, что она смотрит на него с загадочной полуулыбкой на лице, красивая, но немного пугающая. На её голове был вырезанный из мрамора тонкий обруч. Это совсем не походило на тиару, которую Флёр надевала на свадьбу. На нём были высечены крошечные слова. Гарри вышел из-под плаща и забрался на постамент скульптуры Равенкло, чтобы прочитать их.

— Беспредельная мудрость — величайшее сокровище человека.

— Тогда ты, стало быть, совсем нищий, тупица, — захихикали рядом.

Гарри резко обернулся, соскользнул с постамента и приземлился на пол.

Перед ним стояла фигура с покатыми плечами — это была Алекто Карроу, и в тот момент, когда Гарри поднял палочку, она прижала короткий толстый указательный палец к черепу со змеей, выжженным у неё на предплечье.

## Глава тридцатая. Увольнение Северуса Снейпа

Только её палец коснулся метки, как шрам Гарри нестерпимо обожгло; звёздная комната исчезла из виду, и вот он уже стоял на скале у подножья утёса, вокруг плескалось море, а сердце ликовало: они взяли мальчишку.

Громкий хлопок вернул Гарри к реальности. Не соображая, что к чему, он поднял палочку, но волшебница, стоявшая перед ним уже падала лицом вниз; она так ударилась об пол, что в книжных шкафах зазвенело стекло.

— Никогда никого не оглушала, кроме как на занятиях ДА, — флегматично заметила Луна. — Не думала, что будет так шумно.

В этот момент, как и следовало ожидать, потолок задрожал. Из-за двери, ведущей к спальням, послышался гулкий топот бежавших ног, который становился всё громче и громче. Заклинание Луны разбудило спавших наверху студентов Когтеврана.

— Луна, ты где? Мне надо спрятаться под плащ!

Ниоткуда появились ноги Луны. Он подскочил к ней, и она накинула на них плащ, как раз в тот момент, когда дверь открылась и в комнату отдыха ввалилась целая толпа Когтевранцев в пижамах и ночных рубашках. Раздались оханья и крики удивления тех, кто увидел лежавшую без сознания Алекто. Медленно они обступили её, как дикого зверя, который в любой момент мог очнуться и напасть на них. Затем какой-то отважный первокурсник подскочил к ней и ткнул её большим пальцем ноги.

— Похоже, померла! — крикнул он восхищённо.

— Смотри-ка, — весело прошептала Луна, глядя на Когтевранцев, толпившихся вокруг Алекто. — Они рады!

— Ага... здорово...

Гарри закрыл глаза, и поскольку шрам продолжал пульсировать, он решил снова погрузиться в разум Вольдеморта. Он шёл по тоннелю в первую пещеру... прежде чем отправиться в путь он решил убедиться, что медальон на месте... это не займёт много времени...

Послышался удар в дверь гостиной, и каждый студент Когтеврана застыл на месте. С другой стороны двери до Гарри донёлся мягкий, мелодичный голос, исходивший от дверного молотка в форме орла: «Куда попадают исчезнувшие предметы?»

— Понятия не имею! Заткнись! — рявкнул грубый голос, который, как знал Гарри, принадлежал брату Алекто Амику. — Алекто? Алекто? Ты там? Он у тебя? Открой дверь!

Когтевранцы испуганно перешёптывались друг с другом. Затем без предупреждения последовали несколько громких ударов, будто кто-то расстреливал дверь из ружья.

— АЛЕКТО! Если он явится, а Поттера у нас не будет... ты что, хочешь, чтобы с тобой стало то же, что и с Малфоями? ОТВЕТЬ! — проревел Амик и затряс дверь что было сил, но та не поддавалась. Все когтевранцы попятились назад, а самые испуганные бросились назад по лестнице к своим спальням. И когда Гарри уже подумывал, не взорвать ли ему самому дверь и не оглушить Амика, пока пожиратель смерти не успел сделать что-либо ещё, за дверью прозвучал второй ещё более знакомый голос.

— Могу я поинтересоваться, что это вы делаете профессор Кэрроу?

— Пытаюсь... пройти... через эту проклятую... дверь! — прокричал Амик. — Идите и приведите Флитвика! Пусть он её откроет, живо!

— Но разве ваша сестра не там? — спросила профессор Макгонагалл. — Разве профессор Флитвик не впустил её этим вечером, по вашему срочному распоряжению? Возможно, она сама

могла бы открыть дверь? Тогда вам не пришлось бы будить ползамка.

— Она не отвечает, ты, старая метёлка! Сама открывай! Шевелись! Ну же, живо!

— Конечно, раз вы так хотите, — ответила профессор Макгонагалл с ужасающей холодностью. Послышалось негромкое постукивание дверного молоточка, и мелодичный голос снова спросил:

— Куда попадают исчезнувшие предметы?

— В небытие, что, по сути, есть всё, — ответила профессор Макгонагалл.

— Хорошо сказано, — ответил молоточек в виде орла, и дверь распахнулась.

Как только Амик ворвался через порог, размахивая палочкой, оставшиеся когтевранцы бросились к лестнице. Такой же сутулый, как и его сестра, у него было бледное, одутловатое лицо и крошечные глазки, которые тут же устремились к Алекто, неподвижно распластанной на полу. Он издал вопль ярости и страха.

— Что они наделали, эти щенки? — прокричал он. — Да я их буду пытаться, пока они не скажут, кто это сделал... что теперь скажет Тёмный лорд? — вопил он, стоя над сестрой и хлопая кулаком себя по лбу. — Его нет, а они убили её!

— Её просто оглушили, — раздражённо возразила профессор Макгонагалл, наклонившаяся, чтобы проверить Алекто. — С ней всё будет в порядке.

— Нет, бладжер меня раздери, с ней не будет всё в порядке! — проревел Амик. — Когда Тёмный лорд доберётся до неё! Она вызвала его, я чувствовал, как горела метка, и теперь он думает, что мы взяли Поттера!

— «Взяли Поттера»? — резко спросила профессор Макгонагалл. — Что значит «взяли Поттера»?

— Он сказал нам, что Поттер может попытаться пробраться в башню Когтевран, и сказал, чтобы мы вызвали его, если схватим Поттера!

— С чего это Гарри Поттеру пробираться в башню Когтевран? Поттер учится на моём факультете!

За недоверием и злостью, Гарри услышал в её голосе нотки гордости, и на него нахлынуло чувство любви к Минерве Макгонагалл.

— Нам было сказано, что он может сюда прийти! — сказал Кэрроу. — Откуда мне знать?

Профессор Макгонагалл выпрямилась и её глаза-бусинки оглядели комнату. Дважды они прошли прямо по тому месту, где стояли Гарри и Луна.

— Можно всё свалить на детей, — похожее на свиное рыло лицо Амика вдруг стало хитрым. — Точно, так и сделаем. Скажем, что на Алекто устроили засаду дети, вон те вон, — он взглянул на звёздный потолок в сторону спален, — и скажем, что они силой заставили её коснуться метки, и поэтому случилась ложная тревога. И пусть он их наказывает. Парой детишек больше, парой меньше, какая разница.

— Такая же, как между правдой и ложью, храбростью и трусостью, — сказала побледневшая профессор Макгонагалл, — короче говоря, разница, которую вы и ваша сестра, похоже, не в состоянии понять. Но позвольте мне кое-что прояснить. Вам не удастся свалить вашу некомпетентность на учеников. Я вам этого не позволю.

— Прошу прощения?

Амик двинулся вперёд, пока не подошёл вплотную к профессору Макгонагалл; их лица были в считанных дюймах друг от друга. Она не отступила назад, но смотрела на него с таким отвращением, как если бы увидела что-то прилипшее к сиденью унитаза.

— А мне и не требуется твоё позволение, Минерва Макгонагалл. Твоё время ушло. Теперь мы здесь командуем, а ты или прикроешь меня, или поплатишься.

И он плюнул ей в лицо.



Гарри стянул с себя плащ, поднял палочку и сказал:

— Не надо было тебе так делать.

Пока Амик разворачивался, Гарри прокричал:

— Круцио!

Пожиратель смерти оторвался от пола. Он извивался в воздухе как утопающий, бился и выл от боли, а затем с хрустом и дребезгом стекла врезался в книжный шкаф и без чувств рухнул на пол.

— Понятно, что имела в виду Беллатрикс, — сказал Гарри; кровь колотила в мозгу. — Нужно действительно этого хотеть.

— Поттер! — прошептала профессор Макгонагалл, хватаясь за сердце. — Поттер... вы здесь! Что?.. Как?.. — она с трудом взяла себя в руки. — Поттер, это было глупо!

— Он плюнул в вас, — сказал Гарри.

— Поттер, я... это было очень... любезно с вашей стороны... но разве вы не понимаете?..

— Я понимаю, — заверил её Гарри. Её тревога почему-то успокоила его. — Профессор Макгонагалл, Вольдеморт уже приближается.

— О, а что, уже можно называть его по имени? — с интересом спросила Луна, стягивая с себя плащ-невидимку. Появление второго нарушителя спокойствия, казалось, окончательно повергло в шок профессора Макгонагалл, которая покачнулась и уселась на соседний стул, держась за воротник своего старого халата из шотландки.

— Думаю, теперь не имеет значения, как его называть, — сказал Гарри Луне. — Он уже знает, где я.

В отдалённой части своего мозга, той части, что соединялась с воспалённым, горевшим шрамом, Гарри видел, как Вольдеморт быстро плывёт по тёмному озеру в призрачно-зелёной лодке. Он почти доплыл до острова, где стояла каменная чаша...

— Вам надо бежать, — прошептала профессор Макгонагалл. — Немедленно Поттер, как можно быстрее!

— Я не могу, — возразил Гарри. — Мне надо кое-что сделать. Профессор, вы знаете, где находится диадема Когтевран?

— Д-диадема Когтевран? Нет, конечно. Она же была утеряна сотни лет назад, — она немного выпрямилась. — Поттер, это было безумием, в высшей степени безумием с вашей стороны войти в этот замок...

— Пришлось, — ответил Гарри. — Профессор, здесь кое-что спрятано, мне надо это найти и это может быть диадема. Вот если бы поговорить с профессором Флитвиком...

Послышалось какое-то движение и звон стекла. Амик приходил в себя. Прежде чем Гарри и Луна успели что-либо сделать, профессор Макгонагалл поднялась со стула, направила свою палочку на с трудом державшегося пожирателя смерти и произнесла:

— Имперо.

Амик поднялся, подошёл к своей сестре, поднял её палочку, затем покорно доплёлся к профессору Макгонагалл и отдал ей свою палочку и палочку сестры. После этого он лёг на пол рядом с Алекто. Профессор Макгонагалл снова взмахнула своей палочкой, из воздуха появилась мерцающая серебристая верёвка и обвилась вокруг парочки Кэрроу, крепко связывая их друг с другом.

— Поттер, — профессор Макгонагалл снова повернулась к Гарри, не слишком придавая значения связанным Кэрроу, — если Тот-Кого-Нельзя-Называть и в самом деле знает, что вы сейчас здесь...

Как только она это произнесла, Гарри пронзила ярость; шрам вспыхнул огнём, и на секунду перед ним предстала каменная чаша: он смотрел сквозь зелье, ставшее прозрачным и видел, что

медальон уже не лежит на дне.

— Поттер, с вами всё в порядке, — произнёс голос, и Гарри вернулся назад. Чтобы не упасть, он сжимал плечо Луны.

— Нельзя терять времени, профессор, Вольдеморт уже близко. Я выполняю распоряжения Дамблдора. Он хотел, чтобы я кое-что нашёл! Но пока я обыскиваю замок, нужно вывести студентов. Вольдеморту нужен я, но он не остановится перед тем, чтобы убить по пути нескольких человек, теперь... — «теперь, когда он знает, что я уничтожаю хоркруксы», — про себя закончил предложение Гарри.

— Вы выполняете распоряжения Дамблдора? — повторила она с изумлением. После чего она выпрямилась во весь рост.

— Мы защитим школу от Того-Кого-Нельзя-Называть, а вы пока ищите этот... этот предмет.

— Разве такое возможно?

— Думаю, да, — сухо ответила профессор Макгонагалл. — Мы, учителя, знаете ли, неплохо подготовлены в магии. Я уверена, что мы сможем удержать его некоторое время, если приложим к этому все свои усилия. Разумеется, надо будет что-то придумать с профессором Снейпом...

— Позвольте...

— ... а если Хогвартс переходит на осадное положение, и Тёмный лорд уже совсем близко, то было бы действительно разумно вывести из замка как можно больше беззащитных людей. Но дымолётная сеть под наблюдением, а аппарировать на территории замка нельзя...

— Есть один способ, — тут же ответил Гарри и рассказал о проходе, что вёл в «Кабанью голову».

— Поттер, речь идёт о сотнях учеников.

— Я знаю, профессор, но если Вольдеморт и пожиратели смерти стягивают силы к границам Хогвартса, они вряд ли обратят внимание на то, что кто-то дизаппарирует из «Кабаньей головы».

— А в этом что-то есть, — согласилась она. Она направила свою палочку на лежавших Кэрроу. Тут же их связанные тела накрыла серебристая сеть, обвила их и подняла в воздух, где они болтались под золотисто-синим потолком, как два больших уродливых морских существа. — Идёмте. Нужно предупредить остальных глав факультетов. Вам лучше надеть свой плащ.

Она подошла к двери и подняла палочку. С кончика её палочки вырвались три серебристые кошки с отметинами вокруг глаз в виде очков. Патронусы скользнули вперёд, наполняя спиральную лестницу серебристым светом; профессор Макгонагалл, Гарри и Луна поспешили вниз.

Они бежали по коридорам, и патронусы один за другим покидали их. Клетчатый халат профессора Макгонагалл шелестел над полом, а Гарри с Луной бежали позади неё скрытые плащом.

Они уже спустились ещё на два этажа, как к их тихим шагам присоединились чьи-то ещё. Гарри, чей шрам не переставал колоть, услышал их первым. В мешочке, висевшем на шее, он нащупал карту мародёров, но прежде чем он успел её достать, Макгонагалл, похоже тоже почувствовала чьё-то присутствие. Она остановилась, подняла палочку, готовая к сражению, и спросила:

— Кто здесь?

— Это я, — ответил низкий голос.

Из-за доспехов вышел Северус Снейп.

При виде него всё внутри Гарри вскипело от ярости. Из-за совершённых Снейпом преступлений, Гарри даже забыл, как он выглядит, забыл, как его чёрные сальные волосы

свисают вокруг лица подобно занавескам, забыл этот холодный мёртвый взгляд его чёрных глаз. Он не был одет в пижаму. Наоборот, на нём был его обычный чёрный плащ, и он тоже держал в руке палочку, готовый к битве.

— Где Кэрроу? — тихо спросил он.

— Полагаю, Северус, там, где вы сказали им быть, — ответила профессор Макгонагалл.

Снейп шагнул ближе, и его глаза скользнули в пустоту за профессором Макгонагалл, будто он знал, что там стоит Гарри. Гарри тоже поднял свою палочку, готовый к нападению.

— Мне показалось, — сказал Снейп, — что Алекто схватила незваного гостя.

— Да? — удивилась профессор Макгонагалл. — И почему же вам так показалось?

Снейп слегка дёрнул левой рукой, на которой была впечатана в кожу тёмная метка.

— Ах да, конечно, — сказала профессор Макгонагалл. — Я совсем забыла, у вас, пожирателей смерти, свои средства связи.

Снейп сделал вид, что не услышал её. Его глаза не переставали шарить вокруг неё, а сам он постепенно приближался с таким видом, словно сам не замечал, что делает.

— Не знал, что сегодня ваша очередь патрулировать коридоры, Минерва.

— У вас есть возражения?

— Интересно, что же подняло вас с постели в столь поздний час?

— Мне показалось, что я услышала какой-то шум, — ответила профессор Макгонагалл.

— Правда? Но, похоже, всё спокойно.

Снейп взглянул ей в глаза.

— Вы видели Гарри Поттера, Минерва? Если вы его видели, то мне придётся настаивать...

Профессор Макгонагалл отреагировала быстрее, чем Гарри мог себе представить. Её палочка рассекла воздух, и на долю секунды Гарри решил, что Снейп должен рухнуть без сознания, но его отражающие чары были настолько стремительны, что Макгонагалл потеряла равновесие. Она махнула палочкой в сторону факела, висевшего на стене, и тот вылетел из своего кронштейна. Гарри, собиравшийся наслать проклятие на Снейпа, был вынужден оттащить Луну в сторону от падавших языков пламени, превратившихся в огненное кольцо, которое заполнило коридор и подобно лассо полетело в Снейпа...

Огонь исчез, но появилась огромная чёрная змея, которую Макгонагалл обратила в дым. Дым в мгновение видоизменился, принял очертания и превратился в целый рой стремительных кинжалов. Снейп лишь успел выставить перед собой рыцарские доспехи, и кинжалы с гулким лязгом один за другим вонзились в железные латы.

— Минерва! — послышался писклявый голос, и, оглянувшись назад, не переставая прикрывать Луну от проносившихся заклинаний, Гарри увидел, как по коридору в ночных одеждах в их сторону бегут профессора Флитвик и Стебль, а за ними, тяжело дыша, поспевает громадный профессор Снобгорн.

— Нет! — пропищал Флитвик, поднимая свою палочку. — Больше вы в Хогвартсе не совершите ни одного убийства!

Заклинание Флитвика ударило в доспехи, за которыми прятался Снейп. Доспехи с грохотом ожили. Снейп отбился от разрушительных лат и запустил их в сторону нападавших. Гарри и Луне пришлось отпрыгнуть в сторону от груды железа, которая ударилась о стену и разлетелась на части. Когда Гарри снова поднял голову, Снейп уже поспешно убегал, а Макгонагалл, Флитвик и Стебль неслись за ним вслед. Он забежал в класс, и пару мгновений спустя Гарри услышал крик Макгонагалл: «Трус! ТРУС!»

— Что случилось, что случилось? — спросила Луна.

Гарри поднял её на ноги и вместе они побежали по коридору, таща за собой плащ-невидимку; они вбежали в пустынный класс, где у разбитого окна стояли профессора

Макгонагалл, Флитвик и Стебль.

— Он выпрыгнул, — сказала профессор Макгонагалл, когда Гарри и Луна забежали в комнату.

— Думаете, он умер? — Гарри подбежал к окну, не обращая внимания на крики Флитвика и Стебль, пораженных его неожиданным появлением.

— Нет, он не умер, — с горечью ответила Макгонагалл. — В отличие от Дамблдора у него была палочка... и, похоже, что он научился кое-каким новым трюкам у своего хозяина.

С ужасом Гарри заметил вдалеке огромную, похожую на летучую мышь фигуру, летевшую в темноте в сторону стены на границе школы.

Позади слышались тяжёлые шаги и громкое сопение. Снобгорн только что нагнал их.

— Гарри! — тяжело дыша, произнёс он, держась за свою огромную грудь под изумрудно-зелёной шёлковой пижамой. — Мой милый мальчик... вот так неожиданность... Минерва, объясните пожалуйста... Северус... что?..

— Наш директор решил немного передохнуть, — пояснила профессор Макгонагалл, указывая на дыру в окне в форме Снейпа.

— Профессор! — вскрикнул Гарри, прижав руку ко лбу. Он увидел под собой озеро, кишашее инфериями, почувствовал, как призрачно-зелёная лодка ударилась о берег подземного озера, и Волдеморт выпрыгнул из неё с одной лишь мыслью об убийстве...

— Профессор, нужно забаррикадировать школу, он уже приближается!

— Очень хорошо. Тот-Кого-Нельзя-Называть направляется сюда, — сказала она остальным учителям. Стебль и Флитвик охнули. Снобгорн издал низкий стон. — Поттеру по приказу Дамблдора нужно выполнить в замке кое-какое задание. Мы должны наложить на это место всю защиту, на которую только способны, в то время как Поттер делает то, что он должен сделать.

— Разумеется, вы понимаете, что всё, что бы мы ни сделали, не сможет долго противостоять Тому-Кого-Нельзя-Называть? — пропищал Флитвик.

— Но мы хотя бы сможем его задержать, — возразила профессор Стебль.

— Спасибо, Помона, — сказала профессор Макгонагалл, и обе волшебницы обменялись мрачными понимающими взглядами. — Предлагаю окружить территорию защитой, после чего собрать студентов и встретиться в Большом зале. Большинство нужно будет эвакуировать, однако, если кто-то из совершеннолетних захочет остаться и драться вместе с нами, думаю, нужно предоставить им такой шанс.

— Согласна, — откликнулась профессор Стебль, которая уже торопилась к выходу. — Я со своим факультетом буду в Большом зале через двадцать минут.

Когда она скрылась из виду, до них донеслось её бормотание:

— Тентакула, дьявольские силки и стручки грызоглава... да, посмотрим, как пожиратели смерти с ними справятся.

— Я начну прямо отсюда, — сказал Флитвик, и хотя сам он едва доставал до подоконника, он направил палочку сквозь разбитое окно и начал бормотать какое-то невероятно сложное заклинание. Гарри услышал странный шум, как будто Флитвик выпустил на территорию школы силу ветра.

— Профессор, — произнёс Гарри, подходя к крошечному преподавателю чар. — Профессор, не хочу вас прерывать, но это очень важно. Вы не знаете, где может находиться диадема Когтевран?

— ...Протего Хоррибилис... диадема Когтевран? — пропищал Флитвик. — Немного мудрости, конечно, никогда не будет лишней, Поттер, но я сомневаюсь, что она поможет нам в данной ситуации!

— Я просто хотел сказать, не знаете ли вы где она? Вы её когда-нибудь видели?

— Видел? На моей памяти, её никто не видел! Мой мальчик, она пропала давным-давно.

Гарри ощутил смесь отчаянного разочарования и паники. Что же тогда было хоркруксом?

— Филиус, ждём вас со студентами в Большом зале! — сказала профессор Макгонагалл, жестом призывая Гарри и Луну следовать за ней.

Они только дошли до двери, как Снобгорн заговорил своим громогласным голосом.

— Честное слово! — пропыхтел он бледный и потный, дрожа своими моржовыми усами. — Ну и дела! Не думаю, что это разумно, Минерва. Знаете, он всё равно найдёт способ проникнуть, а всякого, кто встанет у него на пути, ждёт весьма печальная участь...

— Вас со слизеринцами я также буду ждать в Большом зале через двадцать минут, — сказала профессор Макгонагалл. — Если вы пожелаете, покинуть здание вместе со студентами, мы не станем вас останавливать. Но если кто-то из вас попытается препятствовать нашему сопротивлению, или поднимет на нас руку в стенах этого замка, в таком случае, Гораций, нам придётся драться насмерть.

— Минерва! — произнёс он, ошеломлённый.

— Настало время факультету Слизерина решить, на чьей он стороне, — прервала его профессор Макгонагалл. — Отправляйтесь и будите студентов, Гораций.

Гарри некогда было стоять и наблюдать, как бессвязно бормочет в ответ Снобгорн. Они с Луной не отставая шли за профессором Макгонагалл, которая остановилась посреди коридора и подняла палочку.

— Пиртотум... о, ради всего святого, Филч, только не сейчас...

Пожилой смотритель, прихрамывая, шёл по коридору и выкрикивал:

— Студенты не в постелях! Студенты в коридорах!

— Так и должно быть, болван! — прокричала на него Макгонагалл. — А теперь отправляйтесь и сделайте, что-нибудь полезное! Найдите Пивза!

— П-Пивза? — заикаясь, повторил Филч, словно никогда раньше не слышал этого имени.

— Да, Пивза, глупец, Пивза! Не на него ли вы жаловались четверть века? Ну так пойдите и притащите его.

Филч, очевидно решил, что профессор Макгонагалл окончательно выжила из ума, однако он заковылял прочь, ссутулившись и бормоча что-то под нос.

— А теперь... Пиртотум локомотор! — выкрикнула профессор Макгонагалл. И тут же вдоль всего коридора статуи и рыцарские доспехи спрыгнули со своих постаментов, а по раскатистому треску, донёсшемуся с верхних и нижних этажей, Гарри понял, что такое происходило по всему замку.

— Хогвартс в опасности! — прокричала профессор Макгонагалл. — Займите позиции у границ замка, защитите нас, выполните свой долг перед нашей школой!

Гремя и вопя, мимо Гарри пронеслась орда оживших статуй. Некоторые из них были меньше, чем в жизни, некоторые — больше. Среди них были и статуи животных и звенящие металлом доспехи, размахивавшие мечами, и шипованными шарами на цепях.

— А теперь, Поттер, — сказала Макгонагалл, — вы и мисс Лавгуд возвращайтесь к своим друзьям и отведите их в Большой зал. А я разбужу остальных гриффиндорцев.

Они разошлись у очередной лестницы, и Гарри с Луной отправились назад к тайному входу в комнату по требованию. Пока они бежали, они встречали толпы студентов. В большинстве своём одетые в дорожные плащи, они, сопровождаемые учителями и старостами, спускались к Большому залу.

— Это был Поттер!

— Гарри Поттер!

— Это был он, клянусь, я только что его видел!

Но Гарри даже не оглядывался. Наконец, они добрались до входа в комнату по требованию. Гарри опёрся о заколдованную стену, которая открылась, впуская их, и они с Луной побежали вниз по крутой лестнице.

— Чт?..

Как только комната предстала перед взором, Гарри от неожиданности проскочил несколько ступенек. Комната была битком набита людьми; народу было гораздо больше, чем когда он был тут в последний раз. Кингсли и Люпин, Оливер Вуд, Кэти Белл, Алисия Спинет, Билл и Флёр, мистер и миссис Уизли — все смотрели на него.

— Гарри, что творится? — спросил Люпин, встречая его у основания лестницы.

— Вольдеморт движется сюда, все баррикадируют школу... Снейп сбежал... Что вы тут делаете? Откуда вы узнали?

— Мы разослали сообщения остальным членам Дамблдоровой армии, — объяснил Фред. — Гарри, неужели ты думал, что кто-то захочет пропустить такое веселье. Д.А. известила Орден Феникса, ну и понеслось, как снежный ком.

— Что нам делать, Гарри? — спросил Джордж. — Что сейчас происходит?

— Младших школьников эвакуируют, а затем все собираемся в Большом зале, чтобы организовать действия, — ответил Гарри. — Мы будем драться.

Последовал громкий рёв, и толпа хлынула в лестнице, прижав Гарри к стене. Мимо него вперемишку проходили члены Ордена Феникса, Дамблдоровой армии и его бывшей квиддичной команды; все они держали палочки и направлялись к центру замка.

— Луна, идём, — позвал проходивший мимо Дин, протягивая руку; она взяла его за руку, и пошла за ним вверх по лестнице.

Толпа редела. В комнате по требованию осталась лишь небольшая горстка людей, и Гарри подошёл к ним. Миссис Уизли боролась с Джинни. Рядом стояли Люпин, Фред, Джордж, Билл и Флёр.

— Ты несовершеннолетняя! — прокричала миссис Уизли на свою дочь, когда Гарри подошёл поближе. — Я запрещаю! Мальчикам можно, а ты, ты отправляйся домой!

— Не пойду!

Джинни вырвала руку из захвата матери, и её волосы разлетелись в разные стороны.

— Я в Дамблдоровой армии...

— Шайка подростков!

— Шайка подростков, которая бросает ему вызов, чего не осмелился сделать никто другой! — возразил ей Фред.

— Ей шестнадцать! — прокричала миссис Уизли. — Она ещё не такая взрослая! О чём вы двое думали, когда брали её с собой?..

Фред и Джордж выглядели несколько пристыженными.

— Джинни, мама права, — тихо сказал Билл. — Тебе нельзя. Все несовершеннолетние должны покинуть здание, и никак иначе.

— Я не пойду домой! — прокричала Джинни; от злости в её глазах искрились слёзы. — Здесь вся моя семья, я не собираюсь сидеть там в одиночестве и ждать, ничего не зная, и...

Впервые за всё это время она встретилась взглядом с Гарри. Она умоляюще посмотрела на него, но он покачал головой, и она с горечью отвернулась.

— Ну и ладно, — сказала она, глядя на вход в тоннель, что вёл назад в «Кабанью голову». — Тогда я прощаюсь и...

Послышался какой-то шорох и громкий удар. Кто-то ещё выкарабкался из тоннеля, слегка потерял равновесие и упал. Опёршись о ближайший стул, он поднялся, огляделся сквозь покосившиеся очки в роговой оправе и сказал:

— Я не опоздал? Уже началось? Я только что узнал, поэтому я... я... — бессвязно лепетал Перси в тишине.

По всей видимости, он не ожидал наткнуться на свою семью в почти полном составе. Повисла долгая пауза, которую нарушила Флёр. Повернувшись к Люпину, она произнесла, чересчур явно пытаясь снять неловкое напряжение:

— Так... как там малыш Тедди?

Люпин с удивлением заморгал, глядя на неё. Тишина, повисшая между семейством Уизли, казалось, застывала, превращаясь в лёд.

— Я... ах да... с ним всё хорошо! — громко ответил Люпин. — Да, с ним сейчас Тонкс... и её мама...

Перси и остальные члены семьи продолжали неподвижно стоять, глядя друг на друга.

— Вот, у меня фотография есть! — прокричал Люпин, вытаскивая снимок из внутреннего кармана пиджака и показывая его Флёр и Гарри. Со снимка на Гарри смотрел крошечный малыш с пучком ярких бирюзовых волос и размахивал пухленькими кулачками в камеру.

— Я был дураком! — прокричал Перси так громко, что Люпин чуть не выронил фотографию. — Я был идиотом, напыщенной задницей, я был...

— Министерство-обожаящим, от-семьи-отрёкшимся, властолюбивым дебилом, — продолжил Фред.

Перси сглотнул.

— Да, это правда!

— Что ж, точнее и сказать нельзя, — сказал Фред, протягивая руку Перси.

Миссис Уизли разразилась рыданиями. Она бросилась вперёд, оттолкнув Фреда, и крепко обняла Перси, а он, похлопывая её по спине, взглянул на отца.

— Прости меня, пап, — сказал Перси.

Мистер Уизли быстро заморгал, после чего тоже поспешил обнять своего сына.

— И что же тебя образумило, Перс? — поинтересовался Джордж.

— Я уже давно это осознал, — ответил Перси, вытирая глаза под очками уголком своего дорожного плаща. — Однако надо было каким-то образом вырваться оттуда, а в Министерстве это сделать непросто, поскольку предателей отправляют в тюрьму регулярно. Мне удалось связаться с Аберфортом, и десять минут назад он сообщил, что Хогвартс готовится принять бой, и вот я здесь.

— Друзья, призовём же старост взять на себя лидерство в столь непростые времена, — произнёс Джордж, точь-в-точь подражая напыщенной манере Перси. — А теперь идемте биться, а то всех нормальных пожирателей смерти расхватают.

— Так ты, значит, теперь моя невестка? — сказал Перси, пожимая руку Флёр, когда они торопились в сторону лестницы вместе с Биллом, Фредом и Джорджем.

— Джинни! — рявкнула миссис Уизли.

Джинни, воспользовавшись неожиданным воссоединением семьи, попыталась выскользнуть на лестницу.

— Молли, можно сделать по-другому, — предложил Люпин. — Давай Джинни останется здесь, тогда она будет в курсе всего, что происходит, и в то же время не будет в центре битвы.

— Я...

— Отличная идея, — уверенно сказал мистер Уизли. — Джинни, ты остаёшься в этой комнате, слышишь?

Джинни, похоже, эта идея не особо понравилась, но под непривычно строгим взглядом отца она согласно кивнула. После чего, мистер и миссис Уизли вместе с Люпином также направились к лестнице.

— Где Рон? — спросил Гарри. — Где Гермиона?

— Они, наверное, уже в Большом зале, — отозвался мистер Уизли через плечо.

— Не помню, чтобы они проходили мимо меня, — произнёс Гарри.

— Они что-то говорили про туалет, — сказала Джинни, — сразу, как ты ушёл.

— Туалет?

Гарри подошёл к открытой двери, что вела из комнаты по требованию, и проверил находившийся за ней туалет. Там было пусто.

— Ты уверена, что они говорили про туа...

Но в этот момент щрам обожгло, и комната по требованию исчезла. Он стоял перед высокими коваными воротами, по обеим сторонам украшенными крылатыми вепрями на столбах, и всматривался в темноту в сторону замка, сверкавшего огнями. Нагини обвилась вокруг плеч. Он был полон холодного, беспощадного стремления убивать.



# Глава тридцать первая. Битва при Хогвартсе

Заколдованный потолок Большого зала был тёмным, усеян звёздами, а под ним за четырьмя длинными факультетскими столами сидели ученики, одетые как попало — кто в дорожных плащах, кто в халатах. Тут и там светились перламутрово-белые фигуры школьных призраков. Все взгляды, и живых и мёртвых, были устремлены на профессора Макгонагалл, которая поднялась на возвышение в конце зала и обращалась оттуда к присутствующим. Позади неё стояли остальные преподаватели, в том числе и пегий кентавр Флоренс, и члены Ордена Феникса, прибывшие сражаться.

— ...за эвакуацию отвечают мистер Филч и мадам Помфри. Старосты, по моей команде вы построите свои факультеты и в надлежащем порядке отведёте ваших подопечных к месту эвакуации.

Многие сидели словно ошелощенные. Но пока Гарри пробирался вдоль стены, пробегая взглядом гриффиндорский стол в поисках Рона и Гермионы, из-за стола Хаффльпаффа поднялся Эрнест Макмиллан и выкрикнул:

— А если мы хотим остаться и пойти в бой?

Раздались редкие аплодисменты.

— Если вы совершеннолетние, можете остаться, — сказала профессор Макгонагалл.

— А как же наши вещи? — подала голос какая-то девочка из-за стола Когтеврана. — Наши сундуки, наши совы?

— У нас нет времени собирать вещи, — ответила профессор Макгонагалл. — Сейчас самое главное — благополучно вывести вас отсюда.

— Где профессор Снейп? — крикнула другая девочка из-за стола Слизерина.

— Профессор, как обычно говорят в таких случаях, смысл, — произнесла профессор Макгонагалл, и её слова были встречены громкими одобрительными восклицаниями гриффиндорцев, хаффльпаффов и когтевранцев.

Гарри двинулся дальше по залу вдоль Гриффиндорского стола, продолжая искать Рона с Гермионой. Он шёл, и лица поворачивались в его сторону, и там, где он проходил, сразу начинались перешёптывания.

— Мы уже установили защиту вокруг замка, — продолжала профессор Макгонагалл, — но едва ли она продержится долго, если её не закрепить. Следовательно, я должна вас попросить: выходите быстро и без паники, и делайте то, что вам скажут ваши...

Но её последние слова никто не расслышал: в зале, отдаваясь эхом, зазвучал другой голос, высокий, холодный и отчётливый. Невозможно было понять, откуда он доносился — казалось, его издают сами стены. Как чудовище, которым он некогда управлял, он, может быть, дремал где-то, затаившись, много веков.

— Я знаю, что вы готовитесь к сражению. — Кто-то из учеников вскрикнул, некоторые вцепились друг в друга, в ужас озираясь в поиске источника звука. — Ваши усилия бесполезны. Вы не можете со мной воевать. Я не хочу убивать вас. Я питаю глубочайшее уважение к преподавателям Хогвартса. Я не хочу проливать магическую кровь.

Теперь в зале стояла тишина — такая тишина, которая давит на барабанные перепонки, которая кажется слишком огромной, чтобы стены могли вместить её.

— Отдайте мне Гарри Поттера, — произнёс голос Вольдеморта, — и никто не пострадает. Отдайте мне Гарри Поттера, и я не причиню вреда школе. Отдайте мне Гарри Поттера, и вы будете вознаграждены. У вас есть время до полуночи.

Зал снова окутала тишина. Все повернули головы, все взгляды устремились на Гарри —

казалось, теперь он вечно будет стоять в свете тысяч невидимых лучей. Потом из-за слизеринского стола поднялась какая-то фигура — он узнал Пэнси Паркинсон. Она подняла дрожащую руку и взвизгнула:

— Да он же здесь! Поттер здесь! Хватайте его кто-нибудь!

Прежде чем он успел что-то сказать, всё пришло в движение. Гриффиндорцы, которые были впереди него, поднялись на ноги и теперь стояли, повернувшись лицом не к Гарри, а к слизеринцам. Потом встали хаффльпаффцы и, почти одновременно с ними, когтевранцы — все как один были обращены спинами к Гарри, все как один смотрели на Пэнси, и он, потрясённый и охваченный благоговейным страхом, видел, как всюду появляются палочки, которые люди вытаскивали из-под плащей и из рукавов.

— Благодарю вас, мисс Паркинсон, — сдавленным голосом проговорила профессор Макгонагалл. — Вы первая покинете зал с мистером Филчем. И следом весь факультет, будьте любезны.

С другого конца зала донёсся шум отодвигаемых скамеек, а потом было слышно, как слизеринцы выстраиваются и уходят.

— Когтевран, вы следующие! — скомандовала профессор Макгонагалл.

Четыре стола понемногу пустели. Стол Слизерина был совсем пуст, но кое-кто из когтевранцев постарше остался сидеть, в то время как их товарищи тянулись к выходу; ещё больше осталось хаффльпаффцев, и половина Гриффиндора сидела на своих местах, так что профессору Макгонагалл пришлось спуститься с преподавательского помоста и силой выгонять из зала несовершеннолетних.

— Нет, Криви, ни в коем случае! Уходите! И вы тоже, Пикс!

Гарри поспешил к Уизли, которые сидели все вместе за гриффиндорским столом.

— Где Рон и Гермиона?

— Разве ты их не...? — начал мистер Уизли, явно встревоженный.

Но он сразу замолк, потому что Кингсли, стоявший среди прочих на возвышении, вышел вперёд и обратился ко всем оставшимся:

— У нас осталось всего полчаса до полуночи, а значит, нужно действовать быстро. Преподаватели Хогвартса и члены Ордена Феникса согласовали план сражения. Профессора Флитвик, Стебль и Макгонагалл поведут группы бойцов на три самые высокие башни: башню Когтеврана, астрономическую и башню Гриффиндора — там у них будет хороший обзор, это отличные позиции, чтобы действовать заклинаниями. Одновременно Рем, — он указал на Люпина, — Артур, — он показал на мистера Уизли, сидящего за гриффиндорским столом, — и я выведем свои группы наружу. И кто-то должен организовать защиту входов и туннелей, ведущих в школу...

— Эта работёнка для нас, — откликнулся Фред, указав на себя и Джорджа, и Кингсли кивнул в знак одобрения.

— Прекрасно. Командиры, подойдите ко мне, и мы разделимся на отряды!

— Поттер, — проговорила профессор Макгонагалл, торопливо подходя к нему, в то время как ученики заполнили помост, проталкиваясь вперёд, получая указания, — вы, кажется, собирались что-то искать?

— Что? — переспросил Гарри. — А, ну да!

Он почти совсем забыл о хоркруксе, забыл, что сейчас начнётся битва ради того, чтобы он мог его разыскать: непонятное отсутствие Рона и Гермионы на время вытеснило у него из головы всё остальное.

— Так идите, Поттер, идите!

— Да-да — сейчас...

Ощущая на себе провожающие его взгляды, он выбежал из Большого зала назад, в холл, где всё ещё толпились ученики, покидающие школу. Он дал толпе подхватить себя и увлечь вверх по мраморной лестнице, но на площадке отделился от всех и устремился прочь по пустому коридору. Страх и паника затуманивали его мыслительный процесс. Он старался успокоиться, сосредоточиться на поисках хоркрукса, но мысли гудели в голове так же неистово и бесполезно, как осы под перевёрнутым стаканом. Казалось, без помощи Рона и Гермионы он не мог привести их в порядок. Он замедлил шаг и, пройдя коридор до половины, остановился, сел на постамент, покинутый какой-то статуей, и достал из мешочка, висевшего на шее, карту мародёра. На ней нигде не было видно имён Рона или Гермионы — хотя возможно, подумал он, что они затерялись в плотном скоплении точек, движущихся к комнате по требованию. Он убрал карту, прижал ладони к лицу и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

Вольдеморт думал, что я приду в башню Когтеврана.

Да, вот оно — реальный факт, с которого нужно начинать. Вольдеморт приставил к гостинной Когтеврана Алекто Кэрроу, и объяснение этому могло быть только одно: он боится, что Гарри уже знает, что его хоркрукс связан с этим факультетом.

Но единственный предмет, который, похоже, у всех ассоциировался с Когтевран — это пропавшая диадема... а как могла диадема стать хоркруксом? Как могло получиться, что Вольдеморт, слизеринец, нашёл вещь, ускользавшую от многих поколений когтевранцев? Кто мог подсказать ему, где её искать, если эту диадему не видел никто на памяти живущих?

На памяти живущих...

Гарри быстро открыл глаза, всё ещё заслоненные руками. Он вскочил с постамента и помчался назад, туда, откуда пришёл, в погоне за своей последней надеждой. Приближаясь к мраморной лестнице, он всё яснее слышал голоса сотен людей, направляющихся к комнате по требованию. Старосты выкрикивали распоряжения, стараясь не выпускать из виду учеников своих факультетов, все шумели и толкались; Гарри видел, как Захария Смит сбивает с ног первокурсников, чтобы пробраться к началу очереди. Тут и там можно было видеть младших учеников в слезах, а старшие в отчаянии звали кто друзей, кто братьев или сестёр.

Гарри заметил внизу проплывающую через холл жемчужно-белую фигуру и крикнул во весь голос, перекрывая общий шум:

— Ник! НИК! Мне надо с тобой поговорить!

Он стал проталкиваться назад сквозь поток учеников и, наконец, добрался до подножия лестницы, где стоял, дожидаясь его, Почти Безголовый Ник, призрак башни Гриффиндора.

Гарри! Дорогой мой мальчик!

Ник сделал движение, как бы желая сжать обе руки Гарри в своих; ему показалось, будто их сунули в ледяную воду.

— Ник, ты должен мне помочь. Кто призрак башни Когтеврана??

Почти Безголовый Ник, казалось, был удивлён и слегка обижен.

— Серая Дама, разумеется; но если тебе нужны услуги призрака...

— Мне нужна именно она — ты не знаешь, где она сейчас?

— Посмотрим...

Голова Ника слегка закачалась на крахмальном воротнике, когда он начал поворачиваться то в одну, то в другую сторону, всматриваясь поверх голов теснящихся учеников.

— Вот она, Гарри, вон там — молодая женщина с длинными волосами.

Гарри посмотрел туда, куда указывал прозрачный палец Ника, и увидел призрак высокой женщины, которая, заметив, что Гарри на неё смотрит, подняла брови и удалилась, войдя прямо в глухую стену.

Гарри помчался за ней. Вбежав в коридор, в который она ускользнула, он сразу заметил её в

самом его конце — она, всё так же плавно скользя, уносилась от него прочь.

— Эй — постойте — вернитесь!

Она снизошла до его просьбы и остановилась, паря в нескольких дюймах над полом. Гарри подумал, что она красива: длинные, до пояса, волосы, плащ до самого пола, но при этом она казалась гордой и надменной. Приблизившись, он узнал в ней привидение, с которым несколько раз встречался в коридорах, но никогда прежде не разговаривал.

— Вы Серая Дама?

Она кивнула, но ничего не ответила.

— Привидение башни Когтеврана?

— Совершенно верно.

Её тон не располагал к дальнейшей беседе.

— Пожалуйста, мне нужна помощь! Мне надо знать всё, что вы можете рассказать о пропавшей диадеме.

Её губы искривились в холодной усмешке.

— Очень жаль, — произнесла она, поворачиваясь, чтобы уйти, — но я ничем не могу вам помочь.

— СТОЙТЕ!

Он не хотел кричать, но страх и растерянность уже готовы были взять над ним верх. Она всё так же висела перед ним в воздухе. Он посмотрел на часы: без четверти двенадцать.

— Это срочно, — яростно проговорил он. — Если эта диадема в Хогвартсе, мне нужно её найти, и поскорее!

— Вы далеко не первый из учеников, кто жаждет получить эту диадему, — сказала она презрительно. — Меня преследовали многие поколения учеников...

— Да это не для того, чтобы получать хорошие отметки! — набросился на неё Гарри. — Это касается Вольдеморта — чтобы победить Вольдеморта — или вам это безразлично?

Она не могла краснеть, но её прозрачные щёки слегка потемнели, а в голосе зазвучал гнев:

— Ну разумеется, я... как вы смели подумать...?

— Тогда помогите мне!

Её решимость понемногу таяла.

— Но... дело не в том, что... — начала она, запинаясь. — Диадема моей матери...

— Вашей матери?

Кажется, она уже пожалела, что сказала это.

— При жизни, — холодно произнесла она, — я была Хеленой Когтевран.

— Вы её дочь? Но тогда вы должны знать, что с ней стало.

— Хотя диадема и дарует мудрость, — сказала она, явно делая усилие, чтобы сохранять самообладание, — я сомневаюсь, что она сильно увеличит ваши шансы победить волшебника, называющего себя Лордом...

— Я ведь уже сказал — я не собираюсь её надевать! — свирепо произнёс Гарри. — Сейчас некогда объяснять, но если вам дорог Хогвартс, если вы хотите, чтобы с Вольдемортом было покончено, вы должны рассказать мне всё, что знаете об этой диадеме!

Она ничего не отвечала, зависнув в воздухе и пристально глядя на него сверху вниз, и Гарри охватило отчаяние. Разумеется, если бы она что-то знала, то рассказала бы Флитвику или Дамблдору, которые, конечно, задавали ей этот вопрос. Он покачал головой и собрался было повернуться и уйти, но тут она тихо произнесла:

— Я украла диадему у своей матери.

— Вы... что вы сделали?

— Я украла диадему, — шёпотом повторила Хелена Когтевран. — Я стремилась стать

умнее, значительнее, чем моя мать. Я сбежала с ней

Гарри сам не знал, как ему удалось завоевать её доверие. Он не задавал вопросов, только внимательно слушал. Дама продолжила рассказ.

— Говорили, что моя мать так и не призналась, что диадема пропала, делая вид, что по-прежнему владеет ею. Она скрывала свою потерю и моё гнусное предательство даже от остальных основателей Хогвартса. А потом мать заболела — неизлечимо. Несмотря на моё вероломство, ей безумно хотелось увидеть меня ещё раз. Она отправила на поиски одного человека, который уже давно любил меня, хоть я и отвергла его ухаживания. Она знала, что он не успокоится, пока не найдёт меня.

Гарри молча ждал. Она глубоко вздохнула и откинула голову.

— Он выследил меня в том лесу, где я скрывалась. Когда я отказалась с ним вернуться, он пришёл в ярость. Барон всегда отличался вспыльчивым нравом. В бешенстве из-за моего отказа, ревнуя к моей свободе, он меня зарезал.

— Барон... Вы имеете в виду..?

— Да, это был Кровавый барон, — ответила Серая Дама и отвела в сторону свой плащ, открыв единственную рану, темневшую на её белой груди. — Когда он понял, что натворил, его охватило раскаяние. Он взял клинок, отнявший мою жизнь, и этим же оружием убил себя. С тех пор, уже много столетий, он носит цепи в знак покаяния... и поделом ему, — с горечью добавила она.

— А что... что с диадемой?

— Она осталась там, где я её спрятала, когда услышала, как барон пробирается ко мне через чащу. Спрятала её в дупле дерева.

— В дупле дерева? — переспросил Гарри. — Какого дерева? Где это было?

— В одном из лесов Албании. Это безлюдное место — я думала, что там мать ни за что не доберётся до меня.

— Албания- повторил Гарри. Как по волшебству, из путаницы возникал смысл, и теперь он понимал, почему она поведала ему то, что отказалась открыть Дамблдору и Флитвику. — Вы ведь уже рассказывали кому-то свою историю, правда? Другому ученику?

Она закрыла глаза и кивнула.

— Я... я не думала... Он был так любезен. Мне казалось, он... понимает... сочувствует...

Да, подумал Гарри, Том Реддль, безусловно, мог понять желание Хелены Когтевран завладеть необыкновенным предметом, на который она не имела права.

— Что ж, вы не первая, у кого Реддль выведал секреты, — пробормотал Гарри. — Он умел очаровывать, когда хотел...

Итак, Вольдеморту удалось лестью выманить у Серой Дамы местоположение пропавшей диадемы. Он отправился в этот бескрайний лес и достал диадему из тайника — вероятно, сразу, как только окончил Хогвартс, даже раньше, чем начал работать у «Боргина и Бёрка».

И конечно, эти уединённые албанские леса показались Вольдеморту прекрасным убежищем, когда, намного позднее, ему понадобилось место, где он мог скрываться, никем не потревоженный, десять долгих лет.

Но диадему, после того как она стала его бесценным хоркруксом, он не оставил лежать в ничем не примечательном дупле... Нет, она тайно вернулась в свой истинный дом — Вольдемо́рт, скорее всего, принёс её туда...

— ...в тот вечер, когда он пришёл просить работу! — воскликнул Гарри, завершая свою мысль.

— Прошу прощения?

— Он спрятал диадему в замке в тот вечер, когда просил Дамблдора позволить ему

преподавать! — пояснил Гарри. Когда он произнёс это вслух, вся история окончательно обрела для него смысл. — Он, наверное, спрятал её по пути, когда поднимался к кабинету Дамблдора или когда шёл обратно. Но попытаться получить работу всё равно стоило — тогда у него появилась бы возможность стянуть ещё и меч Гриффиндора... спасибо вам, спасибо большое!

Гарри ушёл, а она осталась парить в воздухе с крайне озадаченным видом. Свернув за угол и оказавшись снова в холле, он глянул на часы. До полуночи оставалось пять минут, и хотя он знал теперь, что представляет собой последний хоркрукс, это ничуть не приблизило его к разгадке, где тот находится...

Многим поколениям учащихся не удалось найти диадему, отсюда следует вывод, что она не в башне Когтеврана — но если не там, то где же? Что за тайное место обнаружил Том Реддль в замке Хогвартс, полагая, что оно останется тайным вечно?

Погружённый в бесплодные размышления, Гарри свернул за угол, но едва он успел сделать несколько шагов вдоль очередного коридора, как слева от него с оглушительным треском разбилось окно. Он отскочил в сторону, в окно влетела какая-то громадная туша и ударилась о противоположную стену.

От вновь прибывшего отделилось, скуля, что-то большое, покрытое шерстью, и налетело на Гарри.

— Хагрид! — крикнул Гарри, отбиваясь от знаков внимания датского дога Клыка, в то время как огромная бородатая фигура с трудом поднималась на ноги. — Что за...?

— Гарри, ты здесь! Ты здесь!

Хагрид нагнулся, наградил Гарри беглым, но сокрушительным объятием, а потом снова подбежал к разбитому окну.

— Хороший мальчик, Гропик! — прокричал он через пролом в окне. — Я скоро вернусь, оглянуться не успеешь! Ты молодчина!

Из-за спины Хагрида Гарри увидел вдаль, в ночной тьме вспышки света и услышал странный, пронзительный крик. Он снова взглянул на часы: полночь. Битва началась.

— Да, вот оно, Гарри, — отдуваясь, произнёс Хагрид, — время пришло, а? Будем драться?

— Хагрид, откудатывзлся?

— Сам-Знаешь-Кого услышал — там, в пещере нашей, — мрачно проговорил Хагрид. — Ну, голос-то донёсся, ясно? «Время вам до полуночи, принесите мне Поттера». Знал я, знал, что ты здесь, знал, что чего-нибудь такое здесь творится! Отстань, Клык. Ну вот мы и двинули, помогать, значит — я да Гропик, да Клык. Лесом к замку продирались, Гропик нас на себе тащил, ну, то есть нас с Клыком. Я ему сказал — спустишь, мол, нас в замке, так он, вон, в окошко меня запихнул, и на том спасибо. Не совсем того я от него хо... а где Рон с Гермионой?

— Да, — сказал Гарри, — это хороший вопрос. Пошли!

Они вместе устремились вперёд по коридору, Клык вприпрыжку скакал рядом. Со всех сторон в коридорах слышалось движение: бегущие шаги, крики; в окна ему было видно, как на тёмной территории замка мелькают ещё вспышки света.

— Куда идём-то? — пропыхтел Хагрид, который бежал за Гарри по пятам, топая так, что сотрясались половицы.

— Точно не знаю, — отозвался Гарри и сделал наугад ещё один поворот, — но Рон с Гермионой должны быть где-то поблизости...

Впереди, по ту сторону прохода, уже валялись первые жертвы: две каменные горгульи, что обычно охраняли вход в учительскую, были расколоты на куски заклятием, влетевшим в другое разбитое окно. Обломки слабо шевелились на полу, и когда Гарри перепрыгнул через откатившуюся голову одной из них, она еле слышно простионала: «Не обращайтесь на меня внимания... Я буду просто лежать тут и разрушаться...»

При виде её уродливого каменного лица Гарри внезапно вспомнил мраморный бюст Корбины Когтевран в доме Ксенофилия, с этим безумным сооружением на голове, а потом статую в башне Когтеврана, с каменной диадемой на белых кудрях...

И когда он дошёл до конца коридора, в памяти всплыло ещё одно каменное изображение: старый безобразный колдун, на голову которому Гарри собственноручно напялил парик и старую помятую тиару. Потрясение пронзило его, обожгло, как огневиски, и он чуть не споткнулся.

Теперь он, по крайней мере, знает, где лежит хоркрукс — лежит и дожидается его...

Том Реддль, который никому не доверял и действовал в одиночку, вполне мог быть настолько самонадеян, что вообразил, будто он, и только он один, проник в глубочайшие тайны замка Хогвартс. Разумеется, Дамблдор и Флитвик, примерные ученики, никогда не бывали в этом особенном месте, но он, Гарри, в свои школьные годы не раз сворачивал с наезженной дорожки — по крайней мере, существовало тайное место, известное и ему, и Вольдеморту, о котором Дамблдор так и не узнал...

Его вывела из задумчивости профессор Стебль — она с громким топотом неслась мимо, а за ней Невилл и ещё полдюжины человек. Все они были в наушниках и тащили что-то вроде крупных растений в горшках.

— Мандрагоры! — на бегу прокричал ему Невилл, оглянувшись через плечо. — Будем перебрасывать через стены — им это не понравится!

Теперь Гарри знал, куда идти. Он помчался вперёд, Хагрид и Клык со всех ног бежали за ним. Мимо один за другим мелькали портреты, и нарисованные люди устремлялись за ними вслед — волшебники и волшебницы в круглых воротниках и бриджах, в плащах и доспехах, они теснились, перебегая с холста на холст, и выкрикивали новости из других частей замка. Едва они добрались до конца коридора, весь замок содрогнулся, и, видя, как силой взрыва снесло с постамента огромную вазу, Гарри понял, что школа находится во власти заклинаний страшнее, чем те, что наложили учителя и Орден.

— Спокойно, Клык, всё хорошо! — кричал Хагрид, но здоровенный датский дог помчался наутёк, когда куски фарфора брызнули в воздух, как осколки снаряда, и Хагрид затоптал след за перепуганным псом. Гарри остался один.

Он продвигался вперёд по вздрагивающим переходам, держа палочку наготове. В каком-то из коридоров его от начала до конца сопровождал нарисованный коротышка-рыцарь, сэр Кэдоган: он метался с полотна на полотно, бряцая доспехами и выкрикивая воинственные призывы, а за ним ленивым галопом скакал его толстячок пони.

— Хвастливыемерзавцы, псы, негодяи! Гони их прочь, Гарри Поттер, выстави их вон!

Гарри стремительно свернул за угол и увидел Фреда с небольшой кучкой учеников, в числе которых были Ли Джордан и Ханна Аббот — они стояли возле пустого постамента, где раньше была статуя, скрывавшая потайной ход. Все они вынули палочки и прислушивались к чему-то в глубине туннеля.

— Ночка что надо! — крикнул Фред, когда замок снова дрогнул, и Гарри помчался дальше, испуганный и воодушевлённый в одно и то же время. Он стремглав пролетел ещё один коридор, там всюду были совы, и Миссис Норрис шипела и пыталась сбивать их лапами, без сомнения, пытаясь водворить на положенное место...

— Поттер!

Перед ним, загородив проход, стоял Аберфорт Дамблдор с палочкой наизготовку.

— Поттер, там через мой бар сотнями ломится ребятня!

— Знаю, мы эвакуируемся, — ответил Гарри. — Вольдемонт...

— ...напал, потому что ему не отдали тебя, вот-вот, — подхватил Аберфорт. — Я не глухой,

его весь Хогсмид слышал. А вам никому не пришло в голову взять парочку слизеринцев в заложники? Там есть дети пожирателей смерти, а вы их просто так отправили в безопасное место. Неужели нельзя было сделать поумнее и оставить их здесь?

— Это не остановило бы Вольдеморта, — сказал Гарри, — и ваш брат никогда бы так не поступил.

Аберфорт что-то пробурчал и устремился в противоположную сторону.

Ваш брат никогда бы так не поступил... Что ж, ведь это правда, подумал Гарри, снова пускаясь бежать: Дамблдор, который так долго защищал Снейпа, никогда не стал бы требовать выкупа за учеников...

И тут он в последний раз свернул за угол, и у него вырвался вопль ярости и облегчения одновременно. Они были здесь: Рон и Гермиона, оба с полными охапками каких-то больших, изогнутых, грязно-жёлтых предметов, а у Рона ещё и метла под мышкой.

— Где вы были, чёрт вас возьми? — заорал Гарри.

— В Тайной комнате, — ответил Рон.

— В Тайной... — что? — переспросил Гарри и, пошатываясь, остановился перед ними.

— Это Рон, это он всё придумал! — на одном дыхании выпалила Гермиона. — Просто потрясающе, правда? Вот ты ушёл, мы остались там, и я говорю Рону: если даже мы найдём ещё один, как мы будем от него избавляться? Мы ведь ещё даже чашу не уничтожили! И тогда он придумал! Василиск!

— Зачем...?

— Чтобы уничтожать хоркруксы, — просто ответил Рон.

Взгляд Гарри упал на предметы, которые сжимали в руках Рон и Гермиона: огромные кривые зубы, вырванные, как он теперь сообразил, из черепа мёртвого василиска.

— Но как же вы туда попали? — спросил он, оторвав взгляд от зубов и уставившись на Рона. — Там ведь нужно говорить на раздвоенном языке!

— А он говорил! — прошептала Гермиона. — Рон, покажи!

Рон издал жуткое сдавленное шипение.

— Это ты так делал, чтобы открыть медальон, — извиняющимся тоном пояснил он Гарри. — Мне пришлось сделать несколько попыток, чтобы вышло как надо, но, — он скромно пожал плечами, — в конце концов мы туда попали.

— Он был великолепен! — произнесла Гермиона. — Просто великолепен!

— Так значит... — Гарри делал усилие, чтобы успевать вникать в суть дела. — Значит...

— Значит, ещё одним хоркруксом меньше, — заключил Рон и вытащил из-под куртки искореженные останки чаши Хаффльпафф. — Это Гермиона её проткнула. Я подумал, теперь её очередь, ей же ещё не выпадало такое удовольствие.

— Ты гений! — воскликнул Гарри.

— Да что уж там, — ответил Рон, хотя с виду был ужасно доволен собой. — У тебя-то что нового?

Не успел он закончить вопрос, как где-то наверху раздался взрыв. Все трое подняли головы. С потолка посыпалась пыль, и откуда-то издалека донёсся крик.

— Я знаю, как выглядит диадема, и знаю, где она, — быстро заговорил Гарри. — Он её спрятал там же, где я спрятал свой старый учебник зельеварения, где народ веками прятал своё добро. Он думал, что он единственный, кто нашёл это место. Пошли!

Стены снова задрожали. Он повёл остальных назад, через потайной вход и потом вниз по лестнице в комнату по требованию. В ней не было никого, кроме трёх женщин: Джинни, Тонкс и пожилой волшебницы в шляпе, побитой молью, в которой Гарри сразу узнал бабушку Невилла.

— А, Поттер! — уверенно проговорила она, как будто давно его поджидала. — Ты нам



расскажешь, что там делается.

— Все живы? — в один голос спросили Джинни и Тонкс.

— Да вроде бы, — ответил Гарри. — В переходе в «Кабанью голову» ещё кто-нибудь остался?

Он знал, что комната не может трансформироваться, пока внутри ещё оставались люди.

— Я прошла последней, — отозвалась миссис Долгопупс. — Я его перекрыла — решила, что неразумно оставлять его открытым, раз Аберфорт ушёл из своего бара. Ты видел моего внука?

— Он сражается, — ответил Гарри.

— Ну конечно, — с гордостью произнесла старуха. — Извините меня, я должна пойти и присоединиться к нему.

Она с поразительным проворством засемила к каменной лестнице.

Гарри посмотрел на Тонкс.

— Я думал, ты должна быть с Тедди у своей мамы?

— Я не выдержала — быть там и не знать... — Вид у Тонкс был совершенно несчастный. — Она за ним присмотрит... ты не видел Рема?

— Он должен был вести группу бойцов вниз, на территорию...

Не говоря больше ни слова, Тонкс устремила прочь.

— Джинни, — обратился к ней Гарри, — извини, но нам надо, чтобы ты тоже вышла. Совсем ненадолго. А потом ты можешь туда вернуться.

Джинни, похоже, была просто в восторге от возможности покинуть своё убежище.

— А потом ты можешь туда вернуться! — крикнул он ей вдогонку, когда она помчалась вверх по лестнице вслед за Тонкс. — Ты должна туда вернуться!

— Постой-ка! — резко произнёс Рон. — Мы кое-кого забыли!

— Кого? — спросила Гермиона.

— Домашних эльфов! Они ведь там внизу, на кухне, да?

— Ты имеешь в виду, что надо отправить их сражаться? — удивился Гарри.

— Нет, — серьёзно ответил Рон, — я имею в виду, что надо им сказать, чтоб они уходили. Мы же не хотим, чтобы снова вышло, как с Добби, правда? Мы не можем приказать им умирать за нас...

Раздался дробный стук: зубы василиска посыпались из рук Гермионы. Она подбежала к Рону, кинулась ему на шею и поцеловала прямо в губы. Рон тоже отбросил и зубы, и метлу, которые были у него в руках, и ответил с таким жаром, что приподнял Гермиону над полом.

— Другого времени не нашли? — устало произнёс Гарри. Не дождавшись никакого ответа — Рон и Гермиона только крепче стиснули друг друга в объятиях и стали покачиваться на месте — он повысил голос:

— Эй! У нас тут война идёт!

Рон и Гермиона отлепились друг от друга, впрочем, не отпуская рук.

— Знаю, дружище, — сказал Рон, у которого был такой вид, будто он недавно получил бладжером по затылку, — значит, вроде как теперь или никогда, точно?

— Да оставь ты это, займёмся хоркруксом! — закричал на него Гарри. — Тебе не кажется, что можно просто — ну, просто потерпеть, пока мы не добудем диадему?

— Да — конечно — извини... — проговорил Рон, и они с Гермионой принялись собирать змеиные зубы, оба с красными лицами.

Когда все трое вернулись в коридор этажом выше, стало ясно, что за те несколько минут, что они пробыли в комнате по требованию, обстановка в замке существенно ухудшилась. Стены и потолок сотрясались пуще прежнего, в воздухе стояла пыль, а в ближайшее окно Гарри видел

вспышки зелёного и красного света так близко к стенам замка, что понял: пожиратели смерти, должно быть, вот-вот ворвутся в школу. Посмотрев вниз, он увидел, как мимо бредёт великан Гроп, размахивая, похоже, отломанной с крыши каменной горгульей и недовольно рыча.

— Будем надеяться, что он на кого-нибудь наступит! — сказал Рон, когда где-то неподалёку снова раздался крики.

— Только если не на кого-то из наших! — ответил чей-то голос. Гарри обернулся: у следующего окна, в котором не хватало нескольких стёкол, стояли Джинни и Тонкс, обе вынули волшебные палочки. Прямо на его глазах Джинни метнула тщательно нацеленное заклятие вниз, в гущу сражающихся.

— Молодец, девочка! — прорычал кто-то, выбегая к ним из клубов пыли, и Гарри снова увидел Аберфорта: его седые волосы развевались, он вёл куда-то небольшую группу учеников. — Сдаётся мне, они уже пробивают северную стену, у них там есть свои великаны!

— Ты не видел Рема? — крикнула ему вслед Тонкс.

— Он дрался с Долоховым, — отозвался Аберфорт, — а с тех пор не видел!

— Тонкс, — произнесла Джинни, — Тонкс, я уверена, он жив...

Но та уже унеслась в пыль вслед за Аберфортом.

Джинни беспомощно повернулась к Гарри, Рону и Гермионе.

— С ними всё будет хорошо, — сказал Гарри, хотя и знал, что это только пустые слова. — Джинни, мы сейчас вернёмся, ты, главное, не высовывайся, держись в стороне — идёте! — обратился он к Рону и Гермионе, и они устремились назад к тому отрезку стены, за которым их ожидала комната по требованию, готовая исполнить просьбу следующего гостя.

Мне нужно место, где всё спрятано, мысленно умолял Гарри, и после того, как они в третий раз пробежали мимо, дверь появилась.

Стоило им переступить порог и закрыть дверь за собой, яростный шум битвы замер: здесь стояла полная тишина. Они оказались в помещении размером с собор, но с виду напоминавшем город, его стены, высоко уходящие вверх, были сложены из вещей, которые прятали здесь тысячи давно умерших школьников.

— Он что, не понимал, что сюда может войти кто угодно? — спросил Рон, его голос гулко отдавался в тишине.

— Он думал, он один такой, — пояснил Гарри. — Тем хуже для него, что и мне в своё время пришлось тут кое-что спрятать... сюда, — добавил он. — По-моему, это вон там...

Он прошёл мимо чучела тролля и испаряющего шкафа, который в прошлом году починил Драко Малфой с такими катастрофическими последствиями, и засомневался, глядя туда-сюда вдоль проходов между рядами хлама; он не мог вспомнить, куда идти дальше...

— Ацио диадема! — в отчаянии воскликнула Гермиона, но к ним ничего не прилетело. Похоже, комната, как и хранилище в «Гринготтсе», не желала так просто отдавать спрятанные в ней вещи.

— Давайте поделимся, — сказал Гарри своим спутникам. — Ищите каменный бюст старика, а на нём парик и тиара! Он стоит на комод, он точно должен быть где-то здесь...

Они устремились вперёд по соседним рядам; Гарри было слышно, как шаги друзей звучат за громогласными кучами хлама — бутылей, шляп, корзин, стульев, книг, оружия, мётел, дубинок...

— Где-то здесь, — бормотал Гарри себе под нос. — Он был где-то здесь...

Он углублялся всё дальше и дальше в лабиринт, отыскивая предметы, знакомые ему по единственному прошлому визиту в эту комнату. Собственное дыхание громко раздавалось у него в ушах, а потом... словно вся душа его содрогнулась. Вот он, прямо перед ним: покрытый пузырями старый комод, в котором он когда-то спрятал свой старый учебник зельеварения, на

нём щербатый каменный колдун, а на голове у него пыльный парик и нечто похожее на древнюю, выцветшую тиару.

Он уже протянул руку, хотя до неё оставалось ещё несколько футов, когда чей-то голос позади него произнёс:

— Поттише, Поттер!

Он резко остановился и обернулся. Сзади плечом к плечу стояли Крэбб и Гойл, направив волшебные палочки прямо на него. В небольшой просвет между их глумливыми рожами виднелось лицо Драко Малфоя.

— У тебя в руке моя палочка, Поттер, — сказал Малфой, выставя свою в щель между Крэббом и Гойлом.

— Больше не твоя, — выдохнул Гарри, крепче сжав в руке палочку из боярышника. — Победитель получает всё, Малфой. А эту тебе кто одолжил?

— Моя мать, — ответил Драко.

Гарри рассмеялся, хотя смешного в этой ситуации было мало. Ни Рона, ни Гермионы больше не было слышно — видимо, в поисках диадемы они забежали слишком далеко.

— И как же это вышло, что вы трое не с Волдемортом? — поинтересовался Гарри.

— Нам будет награда, — заявил Крэбб. Голос у него был на удивление слабый для такого верзилы. Раньше Гарри едва ли хоть раз слышал, чтобы тот говорил. Крэбб напоминал маленького ребёнка, которому пообещали большой кулёк конфет. — Мы задержались, Поттер. Решили не уходить. Решили притащить ему тебя.

— Великолепный план, — произнёс Гарри с притворным восхищением. Он поверить не мог, что подошёл так близко, а теперь Малфой, Крэбб и Гойл сорвут все его планы. Он начал понемногу отодвигаться назад, туда, где хоркрукс, надетый набекрень, красовался на голове бюста. Если бы только ему удалось схватить его раньше, чем завяжется драка...

— Как же вы сюда попали? — спросил он, пытаясь их отвлечь.

— Да я весь прошлый год буквально жил в Комнате спрятанных вещей, — раздражённо проговорил Малфой. — Я знаю, как сюда войти.

— Мы там, в коридоре, прятались, — пробурчал Гойл. — Мы уже умеем делать прозрачары! И тут, — его лицо расплылось в туповатой ухмылке, — появился ты, прямо у нас перед носом, и сказал, что ищешь дидему! А что это — дидема?

— Гарри? — голос Рона внезапно раздался по ту сторону стены, справа от Гарри. — С кем ты там разговариваешь?

Сделав движение, будто хлыстом, Крэбб нацелил свою палочку на пятидесятифутовую гору старой мебели, поломанных сундуков, ветхих книг и мантий и прочего неопознанного хлама, и заорал:

— Десцендо!

Стена зашаталась, а потом её верхняя треть обрушилась в соседний проход, туда, где стоял Рон.

— Рон! — завопил Гарри, и где-то вскрикнула Гермиона. Гарри слышал, как бесчисленные вещи с грохотом падали на пол по ту сторону шатающейся стены. Он направил на неё палочку, крикнул: «Фините!», и она пришла в равновесие.

— Нет! — воскликнул Малфой, останавливая руку Крэбба, когда тот собрался было повторить заклинание. — Если ты будешь всё рушить, то можешь завалить эту самую диадему!

— Подумаешь! — возразил Крэбб, выдёргивая руку. — Тёмному Лорду Поттер нужен, а кому интересна эта дидема?

— Поттер пришёл сюда за ней, — произнёс Малфой с плохо скрываемым раздражением перед тупостью своих спутников, — и это значит...

— Что «это значит»? — с откровенной злобой набросился Крэбб на Малфоя. — Кому какое дело, что ты там думаешь? Я твоих приказов больше не слушаю, Драко. С тобой и твоим папашей покончено.

— Гарри! — снова подал голос Рон с другой стороны мусорного завала. — Что там такое?

— «Гарри! Что там такое?» — передразнил Крэбб — Не-е, Поттер! Круцио!

Но Гарри как раз рванулся за тиарой, и проклятие Крэбба не попало в него, а ударило в каменный бюст, отчего тот подбросило вверх; диадема тоже взлетела в воздух, а потом упала куда-то в кучу вещей, на которых прежде стоял бюст.

— ПЕРЕСТАНЬ! — заорал Малфой на Крэбба, его голос разнёсся эхом по громадному помещению. — Он нужен Тёмному Лорду живым...

— И что? Я его и не убиваю, не видишь, что ли? — рявкнул в ответ Крэбб, отбрасывая от себя удерживающую руку Малфоя. — Но если смогу, убью, всё равно Тёмный Лорд хочет его убить, какая ра...?

В каких-то дюймах от Гарри мелькнул луч красного света: сзади выбежала из-за угла Гермиона и нацелила оглушающее заклятие прямо в голову Крэбба. Она промахнулась лишь оттого, что Малфой его оттащил.

— Это она, грязнокровка! Авада Кедавра!

Гарри увидел, как Гермиона метнулась в сторону, и в ярости оттого, что Крэбб собирался убить, забыл обо всём остальном. Он метнул в Крэбба оглушающее заклятие, но тот отклонился от него, выбив при этом палочку из руки Малфоя; она скрылась из виду, закатившись под гору сломанной мебели и костей.

— Не убивайте его! НЕ УБИВАЙТЕ ЕГО! — кричал Малфой Крэббу и Гойлу, которые вдвоём прицелились в Гарри. Их мгновенное замешательство было как раз то, что требовалось Гарри.

— Экспеллиармус!

Палочка Гойла вылетела из его руки и исчезла в бастиионе из вещей возле него; Гойл глупо подпрыгнул на месте, пытаясь её вернуть. Малфой отскочил от второго оглушающего заклятия Гермионы, а Рон, неожиданно появившись в конце прохода, метнул в Крэбба заклятие полного сковывания, но тоже чуть-чуть промахнулся.

Крэбб развернулся кругом и снова заорал: «Авада Кедавра!» Рон прыгнул, уворачиваясь от луча зелёного света, и скрылся из виду. Обезоруженный Малфой присел, скорчившись, за каким-то платяным шкафом на трёх ножках, и тут Гермиона устремилась в атаку и, приблизившись, поразила Гойла оглушающим заклятием.

— Она где-то здесь! — крикнул ей Гарри, показав на кучу хлама, в которую свалилась старая тиара. — Ты пока поищи, а я пойду помогу Ро...-

— ГАРРИ! — пронзительно вскрикнула она.

Нарастающий гул за спиной предупредил его как раз вовремя. Он обернулся и увидел, что Рон и Крэбб что есть мочи бегут по проходу в их сторону.

— Что, любишь погорячее, мразь? — орал на бегу Крэбб.

Но он, похоже, и сам не мог управлять тем, что он вызвал. Их преследовали языки пламени колоссального размера, они вздымались по стенкам мусорных бастиионов, которые от их прикосновения распадались в пепел.

— Агуаменти! — завопил Гарри, но струя воды, вылетевшая из кончика его палочки, испарилась в воздухе.

— БЕЖИМ!

Малфой подхватил оглушённого Гойла и потащил его за собой; Крэбб опередил всех, теперь на его лице читался ужас; Гарри, Рон и Гермиона мчались за ним по пятам, а следом нёсся

огонь. Это был не простой огонь: Крэбб применил какое-то проклятие, о котором Гарри ничего не знал. Они свернули за угол, и огонь устремился за ними, словно был живым, чувствующим, полным решимости их уничтожить. Пламя начало видоизменяться, превращаясь в несметное множество огненных существ: пылающие змеи, химеры и драконы вздымались, опадали и снова поднимались, и многовековой хлам, служивший им пищей, взлетал в воздух и падал в их зубастые пасти, взметался вверх на когтистых лапах, перед тем как бездна поглощала его.

Малфой, Крэбб и Гойл скрылись из виду. Гарри, Рон и Гермиона застыли на месте; огненные чудища окружали их, подступая всё ближе и ближе, их когти, рога и хвосты яростно хлестали, вокруг стоял жар, плотный, как стена.

— Что нам делать? — прокричала Гермиона сквозь оглушительный рёв пламени. — Что нам делать?

— Держи!

Гарри выхватил из ближайшей груды хлама пару тяжёлых на вид мётел и кинул одну Рону, и тот втащил на неё Гермиону, усадив позади себя. Гарри перекинул ногу через вторую метлу, и, с силой оттолкнувшись от земли, они поднялись в воздух, в каких-то футах от крючкового клюва пылающего крылатого хищника, который щёлкнул на них челюстями. Дым и жар становились непереносимыми. Внизу, под ними проклятый огонь поглощал контрабанду многих поколений преследуемых учеников, незаконные результаты тысяч запретных экспериментов, тайны бесчисленных душ, искавших убежища в этой комнате. Гарри нигде не видел ни следа Малфоя, Крэбба или Гойла. Он проносился над бесчинствующими пламенными чудищами так низко, как только осмеливался, пытаясь их отыскать, но всюду был только огонь. Какая страшная смерть... Он вовсе этого не хотел...

— Гарри, уходим, уходим! — вопил Рон, хотя сквозь чёрный дым различить дверь было невозможно.

И тут Гарри услышал среди ужасного столпотворения и рёва прожорливого пламени тонкий, жалобный человеческий крик.

— Там — слишком — опасно! — кричал Рон, но Гарри развернулся в воздухе. Очки давали ему глазам некоторую защиту от дыма, и он прочёсывал море огня, бушевавшее под ним, отыскивая признак жизни — руку, ногу, лицо, которые пока ещё не почернели, превратившись в уголь...

И он их увидел: Малфой, обхвативший обеими руками бесчувственного Гойла, они вдвоём взгромоздились на непрочную пирамиду обугленных парт. Гарри устремился вниз. Малфой заметил его приближение и протянул вверх руку, но, схватившись за неё, Гарри уже знал, что это бесполезно. Гойл был слишком тяжёл, и рука Малфоя, вся в поту, сразу же выскользнула из руки Гарри...

— ГАРРИ, ЕСЛИ МЫ ИЗ-ЗА НИХ ПОГИБНЕМ, Я ТЕБЯ УБЬЮ! — прокричал голос Рона, и, в то время как к ним подступала огромная огненная химера, они с Гермионой втащили на свою метлу Гойла, а затем, кренясь и вихляя, снова поднялись в воздух. Малфой вскарабкался на метлу сзади Гарри.

— Дверь, дверь, давай к двери! — голосил Малфой прямо в ухо Гарри, и он набрал скорость, устремляясь за Роном, Гермионой и Гойлом сквозь чёрный клубящийся дым. Он едва мог дышать, а вокруг них взметались в воздух последние из немногих вещей, нетронутых жадным пламенем — создания проклятого огня, торжествуя, подбрасывали их вверх: кубки и щиты, сверкающее ожерелье и старую, поблёкшую тиару...

— Что ты делаешь, что ты делаешь, дверь там! — кричал Малфой, но Гарри круто развернулся и пошёл вниз. Диадема падала, словно в замедленной съёмке, крутясь и поблёскивая, прямо в утробу разинувшей пасть змеи, но в следующее мгновение она уже была у

него, пойманная и надетая на руку...

Змея бросилась на него, но Гарри снова развернулся, взмыл и понёсся вперёд, туда, где была дверь — он молился, чтобы она оказалась открыта; Рона, Гермионы и Гойла уже не было видно. Малфой истошно кричал, схватившись за него крепко, до боли. Потом Гарри увидел сквозь дым прямоугольный просвет в стене и направил метлу туда, и через какие-то мгновения в его лёгкие хлынул чистый воздух, и они врезались в стену коридора снаружи.

Малфой рухнул с метлы и повалился вниз лицом, он ловил ртом воздух, кашлял, его рвало. Гарри перевернулся и сел: дверь в комнату по требованию исчезла, Рон и Гермиона, тяжело дыша, сидели на полу рядом с Гойлом, который всё ещё не пришёл в сознание.

— К-крэбб, — с трудом выдохнул Малфой, едва снова смог говорить. — К-крэбб...

— Он мёртв, — хрипло произнёс Рон.

Настала тишина, которую нарушали только кашель и тяжёлое дыхание. Потом замок сотрясли несколько мощных ударов, и мимо галопом пронеслась огромная вереница прозрачных всадников, их головы, которые они держали под мышкой, вопили, одержимые жаждой крови. Когда Безголовые охотники скрылись, Гарри, шатаясь, встал на ноги и огляделся. Вокруг по-прежнему шло сражение. Кроме воплей удаляющихся призраков, ему стали слышны и другие крики. Его охватила паника.

— Где Джинни? — резко спросил он. — Она была здесь. Она должна была вернуться в комнату по требованию.

— Да ты что, думаешь, она ещё будет работать после этого пожара? — возразил Рон, но тоже поднялся, потирая грудь и озираясь направо и налево. — Нам, что ли, разделить и поискать...?

— Нет, — сказала Гермиона, тоже поднимаясь. Малфой с Гойлом так и остались лежать бесполезными кучами на полу коридора; ни у того, ни у другого не было волшебной палочки. — Давайте держаться вместе. Думаю, нам надо пойти — Гарри, что это у тебя на руке?

— Где? А, ну да...

Он снял диадему со своего запястья и поднял повыше. Она была ещё горячая, вся в копоти, но, присмотревшись внимательнее, он всё же мог различить выгравированные на ней крохотные буквы: «УМА ПАЛАТА ДОРОЖЕ ЗЛАТА».

Из диадемы как будто сочилось какое-то вещество, тёмное и тягучее, как кровь. Гарри вдруг почувствовал, что она сильно задрожала, а потом развалилась на части у него в руках, и в этот миг ему почудился еле слышный, очень далёкий крик боли, доносившийся не из замка и не с улицы, а из самой вещи, только что распавшейся на куски под его пальцами.

— Это, наверное, был Адский огонь! — всхлипнула Гермиона, не сводя глаз со сломанной диадемы.

— Как?

— Адский огонь — проклятый огонь, это один из элементов, уничтожающих хоркруксы, но я бы никогда, ни за что не решилась его использовать, он слишком опасен — и откуда только Крэбб узнал, как...?

— Наверное, у Кэрроу научился, — мрачно произнёс Гарри.

— Да уж, зря он не слушал внимательно, когда они говорили, как его остановить, — проговорил Рон. Его волосы, как и у Гермионы, были опалены, и лицо почернело. — Если б он не пытался всех нас убить, мне было бы даже жаль, что он умер.

— Но разве вы не понимаете? — шёпотом спросила Гермиона. — Это значит, если мы только сумеем добраться до змеи...

Но тут она смолкла: коридор наполнился криками, воплями и безошибочно узнаваемыми звуками дуэли. Гарри огляделся, и сердце его словно оборвалось: пожиратели смерти вошли в

Хогвартс. Откуда-то, пятясь, появились Фред и Перси, каждый сражался с человеком в маске и капюшоне.

Гарри, Рон и Гермиона ринулись на подмогу. Лучи света мелькали со всех сторон. Противник Перси резко отпрянул, капюшон соскользнул с его головы, и все увидели высокий лоб и волосы с седыми прядями...

— Здравсьте, министр! — прокричал Перси, аккуратно посылая заклятие прямо в Тикнесса, отчего тот выронил палочку и схватился за свою мантию спереди, явно испытывая крайне неприятные ощущения. — Я вам не сказал, что ухожу в отставку?

— Перси, да ты шутишь! — крикнул Фред, в то время как пожиратель смерти, с которым он дрался, рухнул, сражённый сразу тремя оглушающими заклятиями с разных сторон. Тикнесс лежал на полу, по всему его телу прорастали крохотные иголки; похоже, он превращался в какую-то разновидность морского ежа. Фредс восторгом посмотрелнаПерси.

— Ты и правда шутишь, Перс... Пожалуй, я не слышал твоих шуток с тех пор, как ты...

И тут воздух разорвался. Они все стояли рядом: Гарри, Рон, Гермиона, Фред и Перси, и тут же, у их ног, двое пожирателей смерти, один оглушённый, другой трансфигурированный; и в этот краткий миг, когда казалось, что опасность на время отступила, весь мир разлетелся вдребезги. Гарри чувствовал, что летит куда-то, и всё, что он мог сделать — это изо всех сил вцепиться в тонкую деревянную палочку, что была его единственным оружием, и закрыть голову руками. Ему были слышны крики товарищей, но он не надеялся узнать, что с ними стало...

А потом весь мир превратился в боль и сумрак: его наполовину засыпало обломками коридора, в который пришёлся страшный удар. Холодный воздух подсказывал Гарри, что взрывом снесло боковую стену замка, а судя по липкой горячей влаге на щеке, у него было сильное кровотечение. А потом он услышал ужасный крик, перевернувший всё у него внутри, крик, в котором звучала боль, какую не могли вызвать ни огонь, ни проклятие. Он встал, шатаясь, и ему было страшно, так страшно, как не было ещё ни разу за этот день, а может быть, и за всю его жизнь...

Гермиона тоже с трудом поднималась на ноги среди завала, а все трое рыжих собрались на полу, в том месте, где взрыв разнёс стену. Гарри ухватился за руку Гермионы, и они, пошатываясь и спотыкаясь, побрели через обломки камня и дерева.

— Нет — нет — нет! — кричал кто-то. — Нет! Фред! Нет!

Перси тряс своего брата, Рон стоял возле них на коленях, а Фреда смотрел широко раскрытыми глазами в пустоту, и на его лице запечатлелась тень его последнего смеха.

## Глава тридцать вторая. Старшая палочка

Миру пришёл конец. Так почему же не смолкла битва, почему замок не погрузился в ужасающую тишину и почему ни один из сражающихся не сложил оружие? Мысли Гарри будто бы понеслись в бездну, ускользая от его воли, и он никак не мог постичь невыносимую правду — ведь Фред Уизли не мог погибнуть, должно быть, это просто обман всех его чувств... И тут через пробоину в стене со стороны улицы внесло мёртвое тело, и из темноты мимо их голов полетели вспышки проклятий, ударявшие в стену позади них.

— Пригнитесь! — закричал Гарри. В ночной темноте проносилось всё больше проклятий. Они с Роном схватили Гермиону и притянули её к земле, а Перси так и остался лежать, прикрывая тело Фреда от ещё больших повреждений. Гарри крикнул: «Перси, ну же, пора шевелиться!» — однако тот лишь покачал головой.

— Перси! — Гарри видел, как слёзы струятся по запылённому лицу Рона. Он вцепился в плечи его старшего брата и попробовал оттащить его, но Перси не двигался с места. — Перси, ты уже не сможешь ему помочь! Мы собираемся...

Гермиона взвизгнула. Гарри обернулся и тут же понял, в чём дело. Гигантский паук, по размерам сравнимый с небольшим автомобилем, пытался забраться в широкую пробоину в стене. Один из отпрысков Арагога вступил в битву.

Рон и Гарри закричали хором: их заклинания столкнулись в воздухе и отбросили чудовище назад. Лапы паука некоторое время подёргивались в воздухе, а затем исчезли в темноте.

— Он привёл с собой компанию! — Гарри окликнул остальных, бросив взгляд за пределы замка сквозь брешь, пробитую в стене взрывами проклятий. К рубежам здания подбиралось всё больше гигантских пауков, высвобожденных из Запретного леса, куда, по-видимому, вторглись пожиратели смерти. Гарри вёл по паукам огонь оглушающими заклятиями, отбрасывая идущую впереди тварь в её сородичей. Те скатывались обратно вниз и пропадали из виду. Затем всё новые проклятия стали взмывать в воздух рядом с головой Гарри — так близко, что он ощущал, как от их натиска колышутся его волосы.

— Уходим, СКОРЕЙ!

Гарри подтолкнул Гермиону, шедшую впереди него вместе с Роном, а сам задержался, чтобы ухватить тело Фреда под одну из рук. Перси понял его замысел, отцепился от трупа и помог Гарри: вместе они оттащили Фреда подальше от пробоины, низко приседая по пути, чтобы уклоняться от заклятий, летящих в них со стороны школьных владений.

— Сюда, — сказал Гарри, и они положили тело в нишу, где в прежние времена находилась стойка с рыцарскими доспехами. Он был не в силах смотреть на Фреда хоть на мгновение дольше, и, убедившись, что тот надёжно спрятан, последовал за Роном и Гермионой. Малфой и Гойл исчезли, однако в конце коридора, который теперь был наполнен пылью, завален обломками кладки и осколками стекла, выбитого из окон по всей его длине, сновало множество людей — он не знал, друзьями они были или врагами. Повернув за угол, Перси, словно бык, промычал что есть мочи: «РУКВУД!» — и рванул в сторону высокого мужчины, который преследовал нескольких учеников.

— Гарри, сюда! — пронзительно закричала Гермиона.

Она толкнула Рона за гобелен. По-видимому, они начали бороться друг с другом, и на одно дурацкое мгновение Гарри показалось, будто они снова обнимаются. Потом он заметил, что на самом деле Гермиона пыталась удержать Рона, не пустить его вслед за Перси.

— Послушай меня... ПОСЛУШАЙ, РОН!

— Я хочу помочь... я хочу убивать пожирателей...



Лицо его было перекошено, измазано в пыли и саже, а сам он сотряслся от переполнявшего гнева и горя.

— Рон, мы единственные, кто может положить этому конец! Прошу тебя, Рон, нам нужна только змея, мы должны убить змею! — убеждала Гермиона.

Но Гарри понимал, что сейчас испытывает Рон. Погоня за очередным хоркруксом не могла заменить сладость мести: слишком уж он желал принять бой, наказать тех, кто убил Фреда. Ему хотелось разыскать остальных членов своей семьи и, прежде всего, убедиться, всецело убедиться в том, что Джинни была... он не мог допустить, чтобы эта мысль родилась в его голове...

— Мы будем сражаться! — воскликнула Гермиона. — Нам придётся сражаться, чтобы добраться до змеи! Но давайте не будем терять из виду то, чем мы должны заниматься! Мы единственные, кто может положить этому конец!

Она тоже рыдала и, продолжая свою речь, вытирала лицо разорванным и подпалённым рукавом. Тем не менее она попыталась успокоиться и поэтому дышала медленно и глубоко. Ничуть не ослабляя хватку за руки Рона, она повернулась к Гарри:

— Узнай, где находится Вольдеморт, змея ведь обычно с ним. Давай, Гарри... загляни в него!

Почему это удалось так легко? Потому что его шрам пылал от боли уже несколько часов в жажде показать мысли Вольдеморта? Только он закрыл глаза по её команде, как крики, взрывы и какофония битвы тотчас стали утихать и отдаляться, будто бы он оказался совсем не рядом с ними...

Он стоял посреди заброшенной, но невероятно знакомой комнаты с отставшими от стен обоями, в которой все окна, кроме одного, были заколочены досками. Доносившиеся звуки приступа замка раздавались издали и приглушённо. Через единственное незабитое окно в том месте, где располагался замок, виднелись далёкие резкие вспышки, темноту внутри самой комнаты нарушал лишь свет одинокой масляной лампы.

Он перекачивал свою палочку между пальцев, внимательно осматривал её, но все его мысли сосредоточились на комнате, которая находилась в замке, — тайной комнате, которую довелось найти лишь ему одному, комнате, похожей на зал для приёмов, обнаружить которую может только умный, хитрый и любознательный... Он был уверен, что мальчишка не сможет разыскать диадему... хотя, конечно, этот щенок Дамблдора зашёл намного дальше, чем он рассчитывал... слишком далеко...

— Повелитель, — произнёс отчаянный, надтреснутый голос. Он обернулся: в самом тёмном углу сидел Люциус Малфой, одетый в лохмотья и до сих пор сохранивший следы наказания, которое он заслужил, после того как мальчишка смог спастись в последний раз. Один его глаз был закрыт и сильно опух. — Повелитель... пожалуйста... мой сын...

— Твой сын мёртв, Люциус, и я в этом не виноват. Он не пришёл и не встал на мою сторону, как остальные слизеринцы. Возможно, он решил подружиться с Гарри Поттером?

— Нет... никогда, — прошептал Малфой.

— Тебе остаётся на это надеяться.

— Разве... разве вы не боитесь, повелитель, что Поттер может умереть от руки кого-нибудь другого, но не от вашей? — содрогнувшимся голосом спросил Малфой. — Не будет ли... простите... более благоразумно остановить эту битву, войти в замок и найти его с-самому?

— Не надо искать отговорок, Люциус. Ты хочешь, чтобы битва прекратилась и ты смог узнать, что произошло с твоим сыном. А мне не нужно искать Поттера. Поттер сам придёт ко мне ещё до рассвета.

Вольдеморт в очередной раз пристально посмотрел на волшебную палочку в его руке. Что-то в ней его тревожило... а всё, что тревожит лорда Вольдеморта, нужно устранить...

— Ступай и приведи Снейпа.

— Снейпа, м-милорд?

— Снейпа. Сейчас же. Мне нужно его увидеть. Есть одна... услуга... которую он должен мне оказать. Ступай!

Напуганный, Люциус неуклюже проковылял во мраке и вышел из комнаты. Вольдеморт стоял всё там же, продолжал вертеть палочку между пальцев и не сводил с неё глаз.

— Это всё, что нам остаётся, Нагини, — прошептал он и оглянулся. Огромная толстая змея, зависшая в воздухе, изящно извивалась внутри зачарованного непроницаемого пространства, которое он сотворил для неё, — сверкающей, прозрачной сферы, напоминавшей нечто вроде блистающей клетки или большого чана.

Гарри отбросило назад, он стал судорожно глотать воздух и открыл глаза. В тот же момент его уши стали разрывать визг и крики, треск и грохот битвы.

— Он в Визжащей хижине. Змея вместе с ним, вокруг неё какой-то магический щит. Он только что послал Люциуса Малфоя на поиски Снейпа.

— Вольдеморт отсиживается в Визжащей хижине? — вспыхнула гневом Гермиона. — Он не... он даже не СРАЖАЕТСЯ?

— Он даже и не думал об этом, — ответил Гарри. — Он думает, что я сам к нему приду.

— Но почему?

— Он знает, что я веду охоту за хоркруксами... он держит Нагини рядом с собой... мне явно придётся пойти к нему, чтобы подобраться к желаемому...

— Точно, — сказал Рон, распрямляя плечи. — Так что тебе нельзя идти, раз он этого хочет, рассчитывает на это. Ты останешься здесь и присмотришь за Гермионой, а я пойду и достану её...

Гарри прервал Рона.

— Вы вдвоём останетесь здесь, я надену плащ-невидимку и вернусь, как только...

— Нет, — перебила Гермиона, — более мудрым решением будет, если я возьму плащ и...

— Даже не думай, — огрызнулся Рон, и Гермиона успела вымолвить лишь: «Рон, я так же способна...» — как вдруг гобелен, венчавший лестницу, на которой они стояли, порвался так, будто бы его вспороли изнутри.

— ПОТТЕР!

Их взглядам предстали двое пожирателей смерти в масках, но не успели те и палочки поднять, как Гермиона крикнула: «Глиссео!»

Ступени под их ногами разгладились и стали крутой горкой. Она, Гарри и Рон повалились на неё и поехали вниз. Они не могли ускориться, но двигались достаточно быстро, так что оглушающие заклятия, которыми выстреливали пожиратели, пролетали высоко над их головами. Они проскочили за висевший внизу гобелен и, закружившись на полу, ударились о противоположную стену.

— Дуро! — крикнула Гермиона, направив палочку на гобелен. Тот обратился в камень, и когда пожиратели налетели на него, дважды послышался громкий противный хруст.

— Получайте! — завопил Рон, и все трое бросились к двери. Но тут мимо них с грохотом пронеслось стадо учебных парт, пастухом которых оказалась бегущая за ними профессор Макгонагалл. Она, похоже, не заметила их. Её волосы были распущены, а на щеке виднелась глубокая рана. Она завернула за угол, и они слышали, как она скомандовала: «ВПЕРЁД!»

— Гарри, надевай плащ, — сказала Гермиона. — О нас не беспокойся...

Но он накинул его на всех троих. Хотя они уже выросли из него, Гарри сомневался, что кто-нибудь увидит их оторванные от тела ступни сквозь пыль, застилавшую всё вокруг, сквозь обрушивающиеся груды камней и мерцающие вспышки заклинаний. Они сбежали вниз по

следующей лестнице и оказались в коридоре, полном сражающихся один на один волшебников. На портретах, висевших по обеим стенам, толкались многочисленные советчики, подбадривавшие дуэлянтов, а тем временем пожиратели смерти, некоторые в масках, некоторые без них, бились с учениками и преподавателями. Дин отвоевал себе палочку во время схватки с Долоховым, Парвати встретила лицом к лицу с Треверсом. Гарри, Рон и Гермиона тотчас подняли палочки, готовые к битве, однако сражавшиеся перемещались и перемежались так быстро, что, метая проклятия, можно было с большой вероятностью задеть одного из своих. Пока они собирались с духом, выжидая удачного момента, до них донеслось громкое «У-у-у-у-у-ух!», и, подняв взгляд, Гарри увидел, как Пивз несётся над ними, разбрасывая бобы грызоглава прямо на пожирателей, головы которых внезапно стали покрываться извивающимися зелёными бугорками, похожими на жирных червей.

— А-А-А-А!

Пригоршня клубеньков попала на голову Рона, закрытую плащом-невидимкой. Влажные зелёные корни невероятным образом зависли в воздухе, а Рон тем временем попытался стряхнуть их.

— Там кто-то невидимый! — прокричал пожиратель смерти в маске, указывая рукой.

Дин тотчас отвлёк внимание пожирателя на себя, вырубив его оглушающими чарами. Долохов попытался отомстить, но Парвати поразила его сковывающим заклятием.

— ПОЙДЁМТЕ! — завопил Гарри. Он, Рон и Гермиона плотнее прижали полы плаща к себе, пригнули головы и, слегка скользя в лужицах, оставленных соком грызоглава, поспешили по мраморной лестнице сквозь гущу сражавшихся в холл.

— Я Драко Малфой, я Драко, я за ваших!

Драко стоял на верхней площадке и умолял ещё одного пожирателя в маске. Проходя мимо, Гарри оглушил пожирателя. Малфой озирался по сторонам и широко улыбался, в надежде увидеть своего спасителя, а Рон хорошенько заехал ему кулаком из-под плаща. До крайности ошеломлённый Малфой повалился навзничь прямо на застывшего пожирателя, из его рта хлынула кровь.

— И это уже второй раз за вечер, когда мы спасаем твою жизнь, двуликий ублюдок! — заорал Рон.

На лестнице и в холле они встречали всё больше сражавшихся. Пожиратели смерти были всюду, куда бы ни взглянул Гарри: Яесли неподалёку от входной двери дрался с Флитвиком, под боком у них пожиратель в маске был занят в поединке с Кингсли. Ученики бегали во все стороны, кое-кто из них нёс или тащил раненных товарищей. Гарри направил оглушающее заклинание в пожирателя в маске; оно пролетело мимо, но чуть не угодило в Невилла. Тот появился непонятно откуда, размахивая охапками ядовитого щупа, который охотно затянулся петлёй вокруг ближайшего пожирателя и стал обвивать его с головы до ног.

Гарри, Рон и Гермиона быстро спустились вниз по мраморной лестнице: слева от них разбилось стекло, и изумруды из песочных часов Слизерина, подсчитывавших очки факультета, разлетелись по всему полу. Бегущие люди, шатаясь, пытались удержать равновесие и поскальзывались на них. Как только они оказались у подножия лестницы, с балкона над их головами упали два тела. Нечто серое и бесформенное, что Гарри принял за животное, пронеслось на четвереньках через весь холл и вонзило зубы в одно из упавших тел.

— НЕТ! — в ужасе завизжала Гермиона, заклинание из её палочки вызвало оглушающий взрыв, и Фенрира Грейбека отбросило прочь от слабо сотрясавшегося тела Лаванды Браун. Он ударился о мраморные перила и изо всех сил попытался снова встать на ноги. Но после того как ему на голову с яркой белой вспышкой и треском упал хрустальный шар, он рухнул наземь и более не шевелился.

— У меня их ещё много! — пронзительно кричала профессор Трелони из-за перил. — Много для тех, кто этого заслужил! Вот тебе...

И будто бы собираясь сделать теннисную подачу, она с огромным трудом вынула из сумки ещё одну хрустальную сферу, замахнулась палочкой в воздухе и, отправив шар через весь холл, угодила им в окно. В тот же миг, массивные входные двери из дерева распахнулись, и полчища гигантских пауков стали прорываться в главную прихожую замка.

Слух раздирали ужасные крики: сражавшиеся — что пожиратели, что оборонявшие Хогвартс, — бросились врассыпную, и в наступающих тварей полетели красные и зелёные лучи заклятий. Те содрогались и поднимались на дыбы, тем самым внушая ещё больший ужас.

— Как будем выбираться? — во весь голос проорал Рон, пытаясь перекричать всех остальных, но, прежде чем Гарри или Гермиона успели ответить, их плавно смело в сторону. Хагрид, громыхая, спустился вниз по ступеням, в руках он вертел свой розовый, цветочного оттенка зонт.

— Не трожьте их, не трожьте! — завопил он.

— ХАГРИД, НЕТ!

Гарри забыл обо всём на свете: он стремительно выбрался из-под плаща и помчался, согнувшись в три погибели, чтобы уворачиваться от освещавших весь холл проклятий.

— ХАГРИД, ВЕРНИСЬ!

Но он не добежал даже половины пути, когда увидел, как это произошло: Хагрид скрылся из виду в паучьей толчее, твари, странным образом сбившись в кучу, заметались в разные стороны и стали отступать под шквальным огнём заклинаний. Хагрид так и остался погребённым в их гуще.

— ХАГРИД! — Гарри слышал, как кто-то зовёт его по имени, но ему было всё едино — враг это был или друг. Он сбежал вниз по парадному крыльцу замка, перепрыгивая через несколько ступеней, в царившую на улице мглу. Пауки удалялись прочь, роем окружая свою добычу, и Гарри уже не видел ничего, что напоминало бы о Хагриде. — ХАГРИД!

Ему показалось, что он разглядел огромную руку, махавшую ему откуда-то из глубин паучьей стаи, но только он хотел погнаться за ними, как путь ему преградила громадная ступня, одним махом опустившаяся на землю и заставившая её сотрясаться. Он взглянул вверх: перед ним стоял великан, шесть метров в высоту, голова укрыта в тени; свет, идущий из дверей замка, освещал лишь его мохнатые, толстые, как ствол дерева, голени. Одним зверским непринуждённым движением великан пробил кулаком одно из верхних окон, и на Гарри обрушился дождь из осколков, заставивший его вновь укрыться в дверном проёме.

— Бог ты!.. — вскрикнула Гермиона, когда они с Роном подбежали к Гарри, и уставилась на великана, теперь пытавшегося достать людей через окно наверху.

— НЕ НАДО! — прикрикнул Рон, схватив поднимающуюся для атаки руку Гермионы. — Оглуши его и он разнесёт ползамка...

— ХАГГЕР? — Грауп, пошатываясь, показался из-за угла замка, и Гарри только сейчас осознал, что тот в действительности был великаном-недоростком. Исполинское чудовище, пытавшееся раздавить людей на верхних этажах, обернулось и издало нечеловеческий рёв. Каменные ступени задрожали под его шагами, когда он направился к своему невысокому соплеменнику, а Грауп от удивления открыл свой перекошенный рот, обнажив жёлтые зубы размером в половину кирпича. И вдруг они накнулись друг на друга, словно рассвирепелые львы.

— БЕЖИМ! — рывкнул Гарри. Ночь наполнилась наводящими ужас воплями боровшихся великанов и звуками ударов. Гарри схватил Гермиону за руку и стремительно потащил её вниз по лестнице, ведущей в школьные владения, Рону пришлось следовать позади. Гарри до сих пор

не потерял надежду отыскать и спасти Хагрида. Он бежал так быстро, что они были уже на полпути к лесу, когда им вновь пришлось остановиться.

В воздухе вдруг повеяло холодом: у Гарри перехватило дыхание, и следующий вдох застыл у него в груди. Во мраке показались неясные очертания, насыщенно тёмные кружащиеся фигуры, цепью двигавшиеся по направлению к замку. Их лица были скрыты под капюшонами, а изо рта доносилось шумное дыхание... Рон и Гермиона встали по обеим сторонам от него, а гром сражений неожиданно стал глухим и притуплённым. Сквозь ночь на них опустилась густая тишина, которую могли принести с собой только дементоры, а Фред погиб, и Хагрид наверняка умирал или был уже мёртв...

— Давай, Гарри! — произнёс голос Гермионы откуда-то издалека. — Патронусы, Гарри. Давай же!

Он поднял палочку, но его снова охватила унылая безысходность. Сколько же ещё из них лежали без движения, о чьей смерти он ещё не знал? Ему показалось, будто душа уже наполовину покинула его тело...

— ГАРРИ, ДАВАЙ ЖЕ! — закричала Гермиона.

Сотня дементоров надвигалась, скользя к ним. Они всасывали всё на своём пути, чтобы подобраться ближе к отчаянию Гарри, сулившему неплохую наживу...

Он увидел серебристого терьера Рона, который показался в воздухе, мелькнул слабым светом и погас. Он видел, как выдра Гермионы закружилась в ночи и поблекла, и его палочка задрожала в руке, и он почти смирился с надвигающимся забвением, с надеждой на пустоту, отсутствием чувств...

А потом ввысь над головами Гарри, Рона и Гермионы внезапно взмыли серебристый заяц, хряк и лисица. Дементоры стали удаляться, прежде чем создания успели достать их. Из темноты к ним подошли и встали рядом ещё трое людей с палочками наизготовку: Луна, Эрни и Шеймус продолжали производить патронусов.

— Вот так, — ободряюще сказала Луна, как будто бы они снова находились в комнате по требованию и всего-навсего упражнялись для ДА. — Вот так, Гарри... ну же, подумай о чём-нибудь весёлом...

— О чём-нибудь весёлом? — переспросил он надломленным голосом.

— Мы все по-прежнему живы, — прошептала она, — мы по-прежнему готовы сражаться. Ну же, я...

Серебристая искра, затем неуверенный свет, а затем, после самого напряжённого усилия в его жизни, из кончика палочки Гарри вырвался олень. Он легко проскакал вперёд, и дементоры начали окончательно рассеиваться. Ночь тут же снова стала ясной, но её нарушил грохот, донёсшийся до его ушей.

— Не знаю, как вас отблагодарить, — запинаясь, проговорил Рон, обернувшийся к Луне, Эрни и Шеймусу. — Вы только что спасли...

Из темноты со стороны леса, прихрамывая, вышел ещё один великан, издавший громогласный вопль и заставивший землю вокруг него дрожать. В руках он вертел дубинку, которая была длиннее любого из них.

— БЕЖИМ! — вновь закричал Гарри, но остальные и не думали дожидаться команды. Все они разбежались кто куда, а мгновение спустя широкая лапа великана опустилась как раз на то место, где они стояли. Гарри оглянулся: Рон и Гермиона бежали вслед за ним, а трое остальных снова растворились где-то среди битвы.

— Нужно оторваться от него! — заорал Рон, после того как великан в очередной раз замахнулся своей дубинкой. Его рёв эхом разносился в ночи по полям сражений, которые то и дело освещались вспышками красного и зелёного света.

— Дракучая ива, — вымолвил Гарри, — бежим!

Ему каким-то образом удалось оградить эти мысли в своём сознании, загнать их в тесный уголок, в который он не мог заглянуть прямо сейчас: воспоминания о Фреде и Хагриде, страх за всех близких ему людей, которых сейчас разбросало по замку и в его окрестностях, — всё это должно подождать, ведь им нужно бежать, настигнуть Вольдеморта с его змеей, ведь, как сказала Гермиона, только так можно было положить этому конец...

Он побежал что есть мочи, почти поверив, что может обогнать саму смерть. Он бежал, не обращая внимания на лучи света, рассекавшие темноту вокруг, на плеск озера, разбушевавшегося, будто море, и на деревья, скрипевшие в Запретном лесу, хотя ночь была безветренной. Он бежал так быстро в первый раз в своей жизни, и, казалось, сама земля вокруг Хогвартса восстала в эту ночь. Он первым заметил вдали огромное дерево, иву с хлёсткими, похожими на розги ветвями, хранившую у своих корней тайну.

Гарри стал задыхаться и ловить воздух ртом. Он замедлил темп, оббегая дерущуюся крону ивы кругом. Он пытался разглядеть на мощном стволе древнего дерева один единственный корковый нарост, способный обездвижить его. Рон и Гермиона поравнялись с Гарри. Гермиона запыхалась так, что не могла произнести ни слова.

— Как... как мы попадём внутрь? — выдохнул Рон. — Я мог бы... постеречь... вот бы... Криволап снова...

— Криволап? — с трудом выдохнула Гермиона, согнувшись пополам и схватившаяся за грудь.

— Кто здесь у нас волшебник?

— Ой, точно... ага...

Рон огляделся по сторонам, направил палочку на лежавший на земле прутик и произнёс: «Вингардиум Левиоса!» Прутик оторвался от земли, закружился в воздухе, как будто подхваченный порывом ветра, и пронёсся мимо угрожающе раскачивающихся ветвей прямо к стволу. Он вонзился в него где-то в области корневища, и изгибавшееся в разные стороны дерево тотчас замерло.

— Здорово! — пропыхтела Гермиона.

— Погодите.

Одно шаткое мгновение, на которое воздух вновь наполнился рокотом и гулом битвы, Гарри медлил. Вольдеmort хотел, чтобы он это сделал, чтобы он пришёл... Не заведёт ли он Рона и Гермиону в ловушку? Но действительность, казалось, взяла над ним верх, какой бы жестокой и незамысловатой она ни была: единственным выходом было убить змею, а змея была вместе с Вольдеmortом, а Вольдеmort был в конце этого подземного хода...

— Гарри, пойдём, забирайся сюда! — воскликнул Рон, толкая его вперёд.

Гарри изогнулся и пролез в земляной лаз, укрытый корнями дерева. По сравнению с последним разом, когда они пользовались им, он стал намного теснее. У прохода был низкий потолок: чтобы перемещаться по нему почти четыре года назад, им приходилось скрючиваться вдвое; теперь же им не оставалось ничего иного как ползти. Гарри двигался первым, подсвечивая путь палочкой. Он был готов в любую минуту наткнуться на преграду, но им не встретилось ни одной. Они ползли молча, Гарри не сводил сосредоточенного взгляда с покачивающегося луча света, который испускала палочка в его руке. Наконец проход стал подниматься вверх, и Гарри заметил впереди серебристое мерцание. Гермиона дёрнула его за лодыжку.

— Плащ! — прошептала она. — Накинь плащ!

Он попытался нащупать его позади себя, и она всунула узел скользкой ткани ему в руку. Он с трудом натянул плащ на себя, пробормотал: «Нокс!» — чтобы затушить свет от палочки, и

продолжил путь, перебирая локтями и коленями. Гарри старался ползти как можно тише, все его чувства обострились в ожидании, что их в любой момент могут застигнуть, что они вот-вот услышат холодный резкий голос и увидят вспышку зелёного света. И тут он услышал голоса, доносившиеся из комнаты, которая была прямо над ними, слегка приглушённые, из-за того что отверстие на конце подземного хода было загорожено чем-то вроде старого деревянного ящика. Едва отваживаясь дышать, Гарри правым боком протиснулся в отверстие и стал вглядываться через зазор, остававшийся между ящиком и стеной.

Представшая его глазам комната была тускло освещена, но ему удалось разглядеть Нагини, скручивавшуюся и извивавшуюся, словно угорь под водой, внутри своей зачарованной сверкающей сферы, которая сама собой парила в воздухе. Ему был виден край стола и бледная рука с длинными пальцами, вертевшая волшебную палочку.

Потом он услышал голос Снейпа, и у Гарри сердце ушло в пятки: Снейп стоял всего в нескольких дюймах от того места, где он скорчился в своём укрытии.

— ...повелитель, их обороноспособность терпит крах...

— ...и всё идёт без твоего участия, — сказал Вольдемо́рт высоким резким голосом. — Хотя ты и опытный волшебник, Северус, теперь уже ничем особым не выделяешься. Мы уже почти всё... почти.

— Позвольте мне отыскать мальчишку. Позвольте привести Поттера к вам. Я знаю, что смогу найти его, повелитель. Пожалуйста.

Снейп прошагал мимо зазора, и Гарри немного подался назад, не сводя глаз с Нагини. Он размышлял, есть ли на свете такое заклинание, которое может пройти через окружавший её щит, но ему ничего не приходило на ум. Стоило сделать одну неудачную попытку, и он выдаст своё укрытие...

Вольдемо́рт поднялся на ноги. Теперь Гарри мог видеть его, видеть красные глаза, уплощённое змеиное лицо, бледную кожу, слабо сияющую в полумраке.

— У меня есть одна проблема, Северус, — спокойно сказал Вольдемо́рт.

— Да, повелитель? — откликнулся Снейп.

Вольдемо́рт поднял в воздух Старшую палочку. Он держал её с такой строгостью и изяществом, словно дирижёр на концерте.

— Почему она не действует так, как я этого хочу, Северус?

В повисшей тишине Гарри показалось, что змея тихонько шипит, сворачиваясь кольцами и снова разворачиваясь... или же это шипящее дыхание Вольдемо́рта, медленно разносившееся в воздухе?

— П-повелитель? — беспомощно проговорил Снейп. — Как же так? Этой... этой палочкой вы производили особенно сложные заклинания.

— Нет, — ответил Вольдемо́рт. — Я производил свои обычные заклинания. Я особенный, а вот палочка... нет. Она так и не проявила чудесных свойств, которые ей приписывались. Я не чувствую никакой разницы между этой палочкой и той, которой я обзавёлся у Олливандера много лет тому назад.

Голос Вольдемо́рта звучал задумчиво и невозмутимо, однако шрам Гарри бешено запульсировал: боль, поразившая его лоб, нарастала, и он ощущал, как чувство сдерживаемой ярости нарастает в Вольдемо́рте.

— Никакой разницы, — повторил Вольдемо́рт.

Снейп ничего не отвечал. Гарри не видел его лица. Он спрашивал себя, пытается ли тот, осознавая опасность, подобрать нужные слова, чтобы вновь обрести доверие своего господина.

Вольдемо́рт начал ходить, и Гарри на несколько мгновений потерял его из виду. Он рыскал по комнате и говорил всё тем же выверенным тоном, а боль и ярость тем временем всё больше

крепил внутри Гарри.

— Я долго и сосредоточенно размышлял, Северус... знаешь, почему я отозвал тебя с поля битвы?

И тут Гарри на какой-то миг увидел профиль Снейпа. Тот пристально разглядывал змею, извивавшуюся в своей зачарованной клетке.

— Нет, повелитель, но я молю вас, позвольте мне вернуться. Позвольте мне отыскать Поттера.

— Ты говоришь, прямо как Люциус. Ни один из вас не знает Поттера настолько хорошо, как я. Его не нужно искать. Поттер сам придёт ко мне. Я знаю, в чём его слабость, понимаешь, его огромный недостаток. Ему будет неловко наблюдать, как вокруг него гибнут остальные, и осознавать, что это происходит из-за него. Он захочет остановить это любой ценой. Он придёт.

— Но повелитель, его ненароком может убить кто-нибудь другой, а не вы...

— Мои приказания пожирателям смерти были совершенно чёткими. Схватить Поттера. Убить его дружков... чем больше, тем лучше... но его самого не убивать. Но я хотел поговорить не о Поттере, а о тебе, Северус. Я так высоко тебя ценил. Так высоко...

— Повелитель знает, что я не ищу ничего иного, кроме службы у него. Но... позвольте же мне пойти и разыскать мальчишку, повелитель. Позвольте привести его к вам. Я знаю, что могу...

— Я же сказал, нет! — воскликнул Вольдеморт, и Гарри мельком разглядел красный огонёк в его глазах, когда тот вновь обернулся. Его плащ шелестел по полу, как скользящая в траве змея, а нетерпение отдавалось болью в пылавшем шраме Гарри. — В настоящий момент меня тревожит то, что произойдёт, когда я в конце концов повстречаюсь с мальчишкой!

— Повелитель, о чём может идти речь, разумеется...

— ...вот о том-то и может, Северус. О том.

Вольдеморт перестал ходить, и Гарри вновь мог ясно видеть, как тот уставился на Снейпа, плавно перебирая Старшей палочкой между бледными пальцами.

— Почему обе палочки, которые я использовал, оказались беспомощными против Гарри Поттера?

— Я... я не могу дать вам ответ, повелитель.

— Не можешь?

Внезапный прилив гнева словно остриём полоснул голову Гарри. Он быстро заткнул рот кулаком, чтобы удержать внутри вырывавшийся от боли крик. Он закрыл глаза и внезапно оказался внутри Вольдеморта, который смотрел в побледневшее лицо Снейпа.

— Моя палочка из тиса сделала всё, что от неё требовалось, Северус, кроме убийства Гарри Поттера. Она не смогла одолеть его дважды. Оливандер под пытками рассказал мне об одинаковой сердцевине и посоветовал взять палочку у кого-нибудь другого. Я послушал его, но палочка Люциуса разлетелась на куски в поединке с палочкой Поттера.

— Я... я не знаю, что и сказать, повелитель. — При этих словах Снейп не смотрел на Вольдеморта. Его глаза всё так же были устремлены на извивающуюся змею в непроницаемой сфере.

— Я искал себе третью палочку, Северус. Старшую палочку, палочку Фортуны, жезл Смерти. И я взял её у предыдущего владельца. Я взял её из гробницы Альбуса Дамблдора.

На этот раз Снейп взглянул на Вольдеморта, и лицо его скорее походило на посмертную маску: белое, как мрамор, и совершенно неподвижное — так что любой испытал бы потрясение, увидев, как тот говорит, увидев, что за этими бесцветными глазами скрывается живой человек.

— Повелитель... позвольте мне пойти к мальчишке...

— Всю эту длинную ночь, когда моя победа уже не за горами, я просидел здесь, —



продолжал Вольдеморт, говоря почти шёпотом, — в раздумьях, почему Старшая палочка отказывается работать, отказывается исполнять своё предназначение, как, согласно легенде, обязана исполнять его в руках законного обладателя... и, по-моему, я нашёл ответ.

Снейп молчал.

— Ты, наверное, уже знаешь его? В конце концов ты ведь умный человек, Северус. Ты был мне добрым и верным слугой, я сожалею, что этому суждено произойти.

— Повелитель...

— Старшая палочка не может служить мне верой и правдой, потому что не я её настоящий хозяин, Северус. Старшая палочка принадлежит волшебнику, убившему её последнего владельца. Ты убил Альбуса Дамблдора. До тех пор пока ты жив, Северус, Старшая палочка не может быть моей в полной мере.

— Повелитель! — Снейп поднял палочку, выражая своё несогласие.

— Другого выхода и быть не может, — сказал Вольдеморт. — Я должен обладать палочкой, Северус. Будь она моей, то и Поттер в конце концов будет моим.

И с этими словами Вольдеморт резко, рассекая воздух, взмахнул Старшей палочкой. Со Снейпом ничего не произошло, и тот, похоже, на долю секунды решил, что приговор не будет приведён в исполнение. Но потом намерение Вольдеморта прояснилось само собой. Клетка со змеей, вращаясь, катилась по воздуху, и Снейп лишь успел издать дикий вопль, когда она замкнулась вокруг него, вокруг головы и плеч, и Вольдеморт произнёс на раздвоенном языке:

— Взять.

Раздался ужасающий крик. Гарри видел, как лицо Снейпа утратило последние краски; оно становилось всё бледнее, а глаза вот-вот могли вылететь из орбит, когда змея вонзила свои ядовитые зубы ему в шею. Он пытался стянуть с себя зачарованную клетку, но колени его подкосились, и он рухнул на пол.

— Сожалею, — холодно произнёс Вольдеморт.

Он отвернулся, и на его лице не было и намёка на грусть или на угрызения совести. Пришло время выбираться из этой хибары и взять всё в свои руки, благодаря палочке, которая теперь будет повиноваться любому из его приказов. Он направил её на сверкающую клетку, таившую внутри змею, и она поднялась вверх, освободив Снейпа, который боком повалился на пол. Кровь потоками хлынула из укусов на его шее. Вольдеморт величаво удалился из комнаты, не окинув её прощальным взглядом, а огромная змея в просторной непроницаемой сфере медленно полетела за ним.

Вновь оказавшись в подземном проходе и в своём собственном сознании, Гарри открыл глаза. Он глотнул кровь, выступившую, когда в попытке не закричать он вцепился зубами в костяшки пальцев. Теперь сквозь узкую щель между ящиком и стеной он мог видеть ногу в чёрном ботинке, сотрясавшуюся на полу.

— Гарри! — прошептала Гермиона позади него, но он и без того уже направил палочку на ящик, преграждавший ему обзор. Тот поднялся в воздух на дюйм и бесшумно отодвинулся в сторону. Гарри тихонько, как только мог, ворвался в комнату.

Он не понимал, зачем он это делает, зачем приближается к умирающему человеку; он не понимал, что чувствует, глядя в мертвенно-бледное лицо Снейпа, пальцы которого пытались закрыть кровавую рану на его шее. Гарри снял с себя плащ-невидимку и взглянул на ненавистного ему человека. Его глаза остановились на Гарри, и он попытался заговорить. Гарри склонился над Снейпом, тот схватил его за мантию и притянул ближе к себе.

Внушающий ужас скрежет и бульканье донеслись из глотки Снейпа:

— Возьми... это... возьми... это...

Было что-то ещё, кроме крови, истекавшее из Снейпа. Не то газ, не то жидкость серебристо-

голубого оттенка — оно лилось у него изо рта, из ушей и глаз. Гарри понял, что это такое, но не знал, что делать... В его трясущуюся руку всунули флакон, сотворённый Гермионой из ниоткуда. При помощи палочки Гарри стал сцеживать в него серебристое вещество. Когда флакон наполнился до краёв, Снейп выглядел так, будто в нём больше не осталось ни капли крови, и его хватка за мантию стала ослабевать.

— Смотри... на... меня... — прошептал он.

Зелёные глаза встретились с чёрными очами Снейпа, но через мгновение в них как будто что-то погасло, и они, чистые и опустевшие, застыли навсегда. Рука, державшая Гарри, сорвалась на пол, и после Снейп более не шевелился.

## Глава тридцать третья. Повесть Принца

Гарри так и стоял на коленях возле Снейпа, просто неотрывно глядя на него, пока вдруг не услышал пронзительный холодный голос. Он заговорил так близко, что Гарри решил было, что Вольдеморт вернулся, и вскочил на ноги, крепко сжимая в руках флакон.

Голос Вольдеморта эхом отдавался от стен и пола, и Гарри понял, что он обращается к Хогвартсу и окрестностям, чтобы жители Хогсмида и все, кто сражается в замке, услышали его чётко — как будто он стоит рядом, в одном смертельном ударе от них, дыша им в затылок.

«Вы мужественно сражались, — произнёс пронзительный холодный голос. — Лорд Вольдеморт умеет ценить храбрость. И всё же вы несёте тяжёлые потери. Если вы будете продолжать сопротивление, все вы умрёте, один за другим. Я этого не хочу. Каждая капля пролитой волшебной крови — потеря и пустая растрата.

Лорд Вольдеморт милостив. Я приказываю своим войскам немедленно отступить. У вас есть один час. Воздайте последние почести своим погибшим. Позаботьтесь о раненых.

А теперь, Гарри Поттер, я обращаюсь лично к тебе. Ты не встретился со мной один на один, а позволил умереть за себя своим друзьям. Я подожду тебя один час в Запретном лесу. Если по истечении часа ты не появишься и не сдашься мне, бой начнётся снова. И тогда, Гарри Поттер, я вступлю в сражение сам, найду тебя и покараю каждого мужчину, женщину и ребёнка, который пытается укрыть тебя от меня. Один час».

И Рон, и Гермиона отчаянно замотали головами, глядя на Гарри.

— Не слушай, — сказал Рон.

— Всё будет хорошо, — невпопад заверила Гермиона. — Давайте — давайте вернёмся в замок. Если он ушёл в лес, надо будет придумать новый план...

Она бросила взгляд на тело Снейпа и поспешила ко входу в тоннель. Рон последовал за ней. Гарри подобрал плащ-невидимку и посмотрел на Снейпа. Он не знал, что чувствовать, он был просто потрясён тем, как и за что умер Снейп...

Все трое не говоря ни слова поползли обратно по тоннелю. Гарри всё думал, только ли у него звенят в ушах слова Вольдеморта, или Рон с Гермионой их тоже слышат.

«Ты не встретился со мной один на один, а позволил умереть за себя своим друзьям. Я подожду тебя один час в Запретном лесу... Один час...»

На лужайке перед замком как будто были разбросаны какие-то маленькие бесформенные свёртки. До рассвета оставалось не больше часа, но вокруг была крошечная тьма. Все трое поспешили к каменным ступеням. Впереди одиноко валялось брошенное бревно размером с небольшую лодку. Других следов Гроупа и его противника видно не было.

В замке стояла неестественная тишина. Не было не вспышек света, ни грохота, ни криков и воплей. Плиты на полу пустынного холла были в крови. По всему полу так и валялись изумруды, куски мрамора и щепки. Взрывами разнесло целые куски перил.

— Где же все? — прошептала Гермиона.

Рон первым направился в Большой зал. Гарри остановился в дверях.

Из зала убрали факультетские столы; он был забит до отказа. Уцелевшие волшебники и волшебницы стояли группками, обнимая друг друга за шею. На помосте мадам Помфри с помощниками оказывала помощь раненым. Среди них был Флоренц: из его бока лилась кровь; не в силах держаться на ногах, он лежал, и его била дрожь.

Посреди зала в ряд лежали погибшие. Гарри не видел тела Фреда, потому что его кружала семья. В изголовье на коленях стоял Джордж; миссис Уизли лежала на груди Фреда, сотрясаясь от рыданий. Мистер Уизли гладил её по волосам, а у самого по щекам катились слёзы.

Не сказав Гарри ни слова, Рон с Гермионой отошли. Гарри видел, как Гермиона подошла и обняла Джинни, лицо которой было припухшим и в красных пятнах. Рон присоединился к Биллу, Флёр и Перси. Перси положил руку Рону на плечи. Когда Джинни с Гермионой подошли к остальным членам семьи, Гарри стало хорошо видно, чьи тела лежали рядом с Фредом. Рем и Тонкс, бледные, спокойные и умиротворённые, будто спящие под тёмным заколдованным потолком Зала.

Гарри отступил назад, за двери, и Большой зал словно отлетел, стал меньше, сжался. Гарри не мог дышать. Не было сил посмотреть на другие тела, чтобы узнать, кто ещё умер за него. Не было сил подойти к Уизли — он не мог смотреть им в глаза, ведь сдайся он с самого начала, Фред, возможно, не умер бы...

Отвернувшись, Гарри побежал вверх по мраморной лестнице. Люпин, Тонкс... Если бы только не чувствовать... Вырвать бы сердце, вывернуть всё нутро — всё, что там кричит...

Замок был совершенно пуст; похоже, даже призраки присоединились к скорбящим в Большом зале. Гарри бежал не останавливаясь, сжимая в руке хрустальный флакон с последними мыслями Снейпа, и замедлил бег только у каменной горгульи, охранявшей вход в кабинет директора.

— Пароль?

— Дамблдор! — не задумываясь, ответил Гарри — именно этого человека он больше всего на свете хотел бы сейчас увидеть. К его удивлению, горгулья отъехала в сторону, открывая вход на винтовую лестницу.

Однако, ворвавшись в круглый кабинет, Гарри обнаружил перемену. Портреты на стенах были пусты. Его не встречал ни один директор, ни одна директриса. Похоже, все они отправились получше рассмотреть, что происходит в замке, перепархивая с одной картины на другую.

Гарри в отчаянье взглянул на пустую рамку портрета Дамблдора за директорским стулом и отвернулся. Каменный дымоотвод, как всегда, лежал в шкафу. Гарри поднял его на стол и вылил воспоминания Снейпа в широкую чашу с руническими надписями по краю. Благословенное облегчение — сбежать в чей-то разум... Даже Снейп не мог оставить Гарри ничего хуже его собственных мыслей. Воспоминания кружили — серебристо-белые, незнакомые... и Гарри окунулся в них — без оглядки, отчаянно, не мешкая. Как будто это могло утолить мучившую его печаль.

Он упал вниз головой в солнечный свет и ощутил под ногами тёплую землю. Выпрямившись, он увидел, что стоит на почти безлюдной детской площадке. На далёком горизонте одиноко высилась огромная труба. Две девочки летали на качелях взад-вперёд, а из кустов за ними следил худенький мальчик. Его чёрные волосы слишком обросли, а одеться так несуразно, как он, казалось, можно было только нарочно: слишком короткие джинсы, потрёпанное пальто, которое было бы впору взрослому, странная рубашка, похожая на дамскую блузу.

Гарри приблизился к мальчику. На вид Снейпу было не больше девяти-десяти лет, он был бледный, маленький, жилистый. С неприкрытой жадностью на худеньком лице он смотрел на младшую из девочек, которая качалась всё выше и выше сестры.

«Лили, не надо!» — взвизгнула старшая.

Но та уже отпустила качели на самой высоте и взлетела в воздух — буквально взлетела. В голос расхохотавшись, бросилась в небо и вместо того, чтобы рухнуть на асфальт площадки, взмыла в воздух, как гимнастка на трапеции. Слишком долго она задержалась наверху и слишком легко приземлилась.

— Мамочка тебе запретила!

Петуния остановила свои качели, громко шаркнув асфальт пятками сандалий, и прыгнула, уперев руки в боки.

— Мамочка сказала, что так нельзя, Лили!

— Но я же в порядке, — продолжая хихикать, ответила Лили. — Туни, гляди-ка. Смотри, что я могу.

Петуния огляделась по сторонам. Кроме них (и невидимого им Снейпа), на площадке никого не было. Лили подняла цветок, опавший с куста, за которым притаился Снейп. Петуния подошла поближе, явно разрываясь между любопытством и неодобрением. Лили подождала, пока Петуния подойдёт, чтобы ей было хорошо видно, и протянула вперёд ладонь. На ней лежал цветок, открывая и закрывая лепестки, словно причудливая многостворчатая устрица.

— Прекрати! — взвизгнула Петуния.

— Он же тебе ничего не делает, — сказала Лили, но закрыла бутон в кулаке и выбросила его обратно на землю.

— Так нельзя, — сказала Петуния. Но взгляд её проследил полёт цветка до самой земли и задержался на нём. — Как ты это делаешь? — добавила она, теперь уже с явной тоской.

— Разве не ясно, как? — Снейп, не сдержавшись, выскочил из-за кустов.

Петуния взвизгнула и убежала назад, к качелям. Но Лили, хотя и была явно ошарашена, осталась на месте. Снейп, судя по всему, уже пожалел о своём появлении. Он посмотрел на Лили, и на землистого цвета щеках его проступил тусклый румянец.

— Что ясно? — спросила Лили.

Снейп выглядел взбудораженным. Глянув на маячившую вдалеке у качелей Петунию, он сказал, уже тише:

— Я знаю, кто ты.

— Ты о чём?

— Ты... ты ведьма, — прошептал Снейп.

Вид у Лили был просто оскорблённый.

— Не очень-то любезно с твоей стороны!

Вздёрнув нос, она отвернулась от Снейпа и, чеканя шаг, ушла к сестре.

— Нет! — сказал Снейп.

Теперь он совсем покраснел, и Гарри подумалось: и чего он не снимет это смехотворно огромное пальто. Разве что не хочет показывать блузу под ним. Снейп, хлопая лапами пальто, побежал за девочками. Он уже в детстве был до смешного похож на летучую мышь.

Сёстры окинули его одинаково неодобрительными взглядами, держась за столбы качелей, как будто здесь они были «в домике».

— Но ты же и есть, — сказал Снейп Лили, — ты и есть ведьма. Я за тобой следил. Только тут нет ничего плохого. Моя мама тоже ведьма, а я волшебник.

Смех Петунии плеснул, как холодная вода.

— Волшебник! — взвизгнула она, уже осмелев после шока от такого неожиданного появления. — Знаю я, кто ты. Ты из этих Снейпов! Они живут у реки, в Прядильном тупике, — сказала она Лили, и по её тону было ясно, что такой адрес не лучшая рекомендация. — Чего ты за нами шпионишь?

— Ничего я не шпионю, — сказал Снейп. В ярком солнечном свете было видно, какой он распалился, как ему неловко и какие грязные у него волосы. — Уж за тобой-то точно не стал бы, — ядовито добавил он, — ты же маггл.

Самого слова Петуния, очевидно, не поняла, зато тон Снейпа сомнений не оставлял.

— Идём, Лили, мы уходим! — резко позвала она.

Лили немедленно повиновалась, одарив Снейпа на прощание сердитым взглядом. Снейп

смотрел, как девочки вышли в ворота площадки. И Гарри — единственный, кто теперь его видел — узнал на его лице выражение горького разочарования. Он понял, что Снейп уже долго продумывал, как всё скажет, а всё пошло прахом...

Картинка растаяла, и не успел Гарри опомниться, как возникла новая. Теперь он стоял в небольшой рощице. Между стволами деревьев играла на солнце речка. В прохладной зелёной тени друг напротив друга по-турецки сидели двое детей. Теперь Снейп был без пальто; в полутьме его странная блуза выглядела не так чудно.

— ... и Министерство может наказать тех, кто колдует за пределами школы. Они получают письма.

— Но я колдовала за пределами школы!

— Мы не считаемся. У нас ещё нет волшебных палочек. Если ты ребёнок и так просто само вышло, это прощается. Но как только тебе исполнится одиннадцать, — важно кивнул он, — и тебя начнут учить, придётся быть осторожней.

Они недолго помолчали. Лили подобрала с земли веточку и повертела её в воздухе — Гарри понял: она воображает, как веточка оставляет за собой шлейф волшебных искр. Потом она бросила веточку, наклонилась к мальчику и сказала:

— Это же взаправду, да? Это не шутка? Петуния говорит, что ты мне врёшь. Петуния говорит, что нет никакого Хогwartса. Но всё же взаправду, да?

— Для нас да, — сказал Снейп. — Для неё — нет. Но мы-то с тобой получим письма.

— Правда? — шепнула Лили.

— Точно, — ответил Снейп. Теперь, вальяжно рассевшись перед Лили и излучая уверенность в собственной судьбе, он выглядел странно внушительно, даже с этой плохой стрижкой и в этой чудной одежде.

— И письмо правда принесёт сова? — прошептала Лили.

— Обычно приносит, — ответил Снейп. — Но ты магглорождённая, поэтому кому-то из школы придётся к вам прийти и всё объяснить родителям.

— А если я магглорождённая, то я не такая, как все?

Снейп помедлил. Его пристальный чёрный взгляд пробежал в зеленоватом мраке по её бледному лицу, по её тёмно-рыжим волосам.

— Нет, — сказал он. — Точно такая же.

— Хорошо, — расслабившись, сказала Лили. Этот вопрос явно её беспокоил.

— В тебе полно волшебства, — сказал Снейп. — Я же видел. Всё время, пока я за тобой наблюдал...

Голос его смолк: она не слушала, а растянулась на покрытой листвой земле и смотрела вверх, на кроны деревьев. Он смотрел на неё так же жадно, как тогда на площадке.

— Как у тебя дома? — спросила Лили.

Между его глаз залегла морщинка.

— Отлично, — сказал он.

— Они там больше не спорят?

— Да спорят, — ответил Снейп. Он набрал горсть листьев и, по-видимому, сам того не замечая, стал их рвать. — Но я уже скоро уеду.

— Разве твоему папе не нравится волшебство?

— Ему вообще мало что нравится, — ответил Снейп.

— Северус?

Когда она произнесла его имя, рот Снейпа скривила слабая улыбка.

— Да?

— Расскажи мне ещё раз о дементорах.

— Зачем тебе про них знать?

— Если я поколдую за пределами школы...

— Да за это тебя дементорам не бросят! Дементоры для тех, кто сделал что-то совсем плохое. Они охраняют волшебную тюрьму, Азкабан. А ты в Азкабан не попадёшь, ты слишком...

Он снова покраснел и стал рвать листья. И вдруг Гарри обернулся на тихий шорох: Петуния за всё это время пряталась деревом, а теперь оступилась.

— Туни! — удивлённо и приветливо сказала Лили, но Снейп вскочил на ноги.

— Ну и кто из нас шпионит? — заорал он. — Чего надо?

Пойманная с поличным Петуния так и замерла не дыша. Гарри видел, что она силится подобрать слова пообидней.

— А во что это ты, кстати, вырядилась? — сказала она, ткнув пальцем Снейпу в грудь. — В мамину блузку?

Что-то треснуло. Над головой Петунии обломилась ветка. Лили вскрикнула. Ветка попала Петунии по плечу, она отшатнулась назад и разрыдалась.

— Туни!

Но Петуния уже убегала прочь. Лили набросилась на Снейпа:

— Это ты?

— Нет, — с вызовом, но испуганно ответил тот.

— Это ты сделал! — она попятилась от него. — Это ты! Ты ей сделал больно!

— Нет — нет, не я!

Но его ложь Лили не убедила. Бросив на него последний испепеляющий взгляд, она выбежала из рощицы догонять сестру, а Снейп остался там, несчастный и растерянный...

Картинка сменилась. Гарри огляделся кругом. Он стоял на платформе девять и три четверти, а рядом стоял Снейп, чуть сутулясь, возле худощавой женщины с унылым землистым лицом, очень похожей на него. Снейп не сводил глаз с семьи из четырёх человек неподалёку. Две девочки стояли чуть поодаль от родителей. Лили как будто о чём-то умоляла сестру. Гарри подошёл поближе, прислушиваясь.

— ... прости, Туни, прости! Слушай... — она схватила сестру за руку и крепко сжала, хотя Петуния старалась её выдернуть. — Может быть, когда я туда приеду, — нет, Туни, ты послушай! Может, когда я туда приеду, я смогу сходить к профессору Дамблдору и переубедить его!

— Я — не хочу — никуда — ехать! — сказала Петуния, вытягивая руку у сестры. — Думаешь, я хочу поехать в какой-то дурацкий замок, чтобы учиться на... на...

Её бесцветные глаза окинули взглядом платформу: кошек, мяукавших на руках у хозяев, трепыхавшихся и ухавших в клетках сов... некоторые из учеников уже были одеты в длинные чёрные мантии и загружали в алый паровоз сундуки или радостно громко приветствовали друзей после летней разлуки.

— ... думаешь, я хочу быть... ненормальной?

С этими словами ей наконец удалось вырвать у сестры руку, и глаза Лили наполнились слезами.

— Я не ненормальная, — сказала Лили. — Ужасно так говорить.

— Так ты же туда и едешь, — наслаждалась победой Петуния. — В особую школу для ненормальных. Ты и этот Снейп... извращенцы, вот вы кто. Хорошо, что вас от нормальных людей изолируют. Нам же спокойнее.

Лили взглянула на родителей: те рассматривали платформу с неподдельным наслаждением, вбирая всё до мельчайших подробностей. Потом она обернулась к сестре и ответила, на этот раз низким, яростным голосом:

— Что-то ты не считала эту школу такой уж ненормальной, когда ты писала директору и умоляла его принять тебя.

Петунья заалела.

— Умоляла? Никого я не умоляла!

— Я видела его ответ. Очень добрый.

— Ты не должна была читать, — прошептала Петунья. — Это же личное — как ты могла?..

Лили выдавала себя, искоса глянув в сторону Снейпа. Петунья охнула.

— Этот мальчишка его нашёл! Вы с этим мальчишкой лазите в мою комнату!

— Нет — не лазим, — настал черёд Лили оправдываться. — Северус увидел конверт и не поверил, что маггл смог связаться с Хогвартсом, вот и всё! Он говорит, что на почте наверняка работают под прикрытием волшебники, которые занимаются...

— Волшебники, видимо, суют нос везде! — сказала Петунья, теперь настолько же бледная, насколько была красной. — Ненормальная! — выпалила она сестре и метнулась к родителям...

Картинка снова сменилась. Снейп спешил по коридору «Хогвартс экспресса», с грохотом катившего по полям и лесам. Он успел переодеться в школьную мантию — наверное, снял свою жуткую маггловскую одежду при первой же возможности. Наконец он остановился у купе, в котором болтали несколько мальчишек-забияк. В углу у окна ссутулилась Лили, прижавшись лицом к стеклу.

Снейп отодвинул дверь купе и сел напротив Лили. Она взглянула на него и снова уставилась в окно. Лицо у неё было заплаканное.

— Не хочу с тобой разговаривать, — сдавленно сказала она.

— Почему?

— Туни меня н-ненавидит. За то, что мы посмотрели то письмо от Дамблдора.

— Ну и что?

Она бросила на него взгляд, полный глубокой неприязни.

— А то, что она моя сестра!

— Она же просто... — и он быстро осёкся; Лили в это время старалась незаметно вытереть глаза и его не слышала.

— Зато мы едем! — сказал он, не в силах скрыть восторг, звучавший в его голосе. — Получилось! Мы едем в Хогвартс!

Она кивнула, промокнув глаза, и невольно почти улыбнулась.

— Лучше бы тебе попасть в Слизерин, — сказал Снейп, ободрённый её оживлением.

— В Слизерин?

Один из их попутчиков, до сих пор не проявлявший ни малейшего интереса ни к Лили ни к Снейпу, при этом слове обернулся, и Гарри, до этого внимательно следивший только за двоими детьми у окна, теперь увидел собственного отца. Он был худощавый и темноволосый, как и Снейп, но вид у него был неуловимо ухоженный, даже балованный, чего Снейпу так явно не хватало.

— Да кто захочет быть в Слизерине? Я бы, по-моему, оттуда ушёл, а ты? — спросил Джеймс у мальчишки, развалившегося на сидениях напротив, и внутри у Гарри дёрнулось: Сириус! Тот не улыбнулся.

— Вся моя семья из Слизерина, — сказал он.

— Вот те на, — сказал Джеймс, — а я-то думал ты ничего парень!

Сириус ухмыльнулся.

— Может, я нарушу традицию. А ты бы куда пошёл, если бы мог выбирать?

Джеймс поднял невидимый меч.

— «Гриффиндор, что храбрых сердцем полон!» Как папа.



Снейп пренебрежительно хмыкнул. Джеймс обернулся к нему.

— Тебе что-то не нравится?

— Нет, — ответил Снейп, хотя лёгкая усмешка выдавала иное. — Если тебе мышцы дороже мозгов...

— А сам-то ты куда надеешься попасть, учитывая, что у тебя ни того, ни другого? — вставил Сириус.

Джеймс закатился хохотом. Лили выпрямилась, порядком покраснев и переводя неприязненный взгляд с Джеймса на Сириуса.

— Пойдём, Северус, найдём другое купе.

— О-оооо.

Джеймс и Сириус передразнили её напыщенный тон; Джеймс попытался подставить Снейпу подножку, когда тот проходил мимо.

Со словами: «Пока, Сопливиус!» дверь купе захлопнулась...

И картинка снова растаяла...

Гарри стоял прямо за Снейпом перед освещёнными свечами факультетскими столами, за которыми виднелись ряды восторженных лиц. И профессор Макгонагалл сказала: «Эванс, Лили!»

Гарри видел, как его мать на дрожащих ногах вышла вперёд и села на шаткий табурет. Профессор Макгонагалл нахлобучила ей на голову Распределяющую Шляпу, и та, едва на секунду коснувшись тёмно-рыжих волос, прокричала: «Гриффиндор!».

Гарри услышал, как Снейп издал еле слышный стон. Лили сняла шляпу, вернула её профессору Макгонагалл и поспешила к ободрительно покрикивавшим гриффиндорцам. Но по дороге она обернулась на Снейпа, и на лице её мелькнула печальная полуулыбка. Гарри увидел, как Сириус подвинулся, освобождая для неё место на скамье. Она бросила на него один взгляд, видимо, узнала попутчика из поезда, скрестила на груди руки и решительно повернулась к нему спиной.

Распределение продолжалось. Гарри видел, как к Лили и Сириусу за гриффиндорским столом присоединились Люпин, Петтигрю и его отец. Наконец, когда оставалось всего с дюжину учеников, профессор Макгонагалл назвала фамилию Снейпа.

Гарри подошёл вместе с ним к табурету, смотрел, как он надевает на голову шляпу. «Слизерин!» — выкрикнула Распределяющая Шляпа.

И Северус Снейп удалился на другую сторону зала, прочь от Лили, туда, где его криками приветствовали слизеринцы и где Снейпа похлопал по спине сидевший рядом Люциус Малfoy, на груди которого поблёскивал значок старосты ...

И картинка сменилась...

Лили и Снейп шли по двору замка, явно о чём-то споря. Гарри поспешил догнать их и послушать, о чём. Поравнявшись с ними, он заметил, насколько они оба стали выше ростом. Похоже, с распределения прошло несколько лет.

— .... думал, что мы друзья? — говорил Снейп. — Лучшие друзья?

— Мы и есть друзья, Сев, только мне не нравится кое-кто из твоей компании! Извини, но я терпеть не могу Эйвери и Мулькибера! И чего ты в нём нашёл, Сев, он же просто жуткий тип! Знаешь, что он тут пытался сделать с Мери Макдональд?

Лили подошла к колонне и прислонилась к ней, заглядывая в узкое землистое лицо своего спутника.

— Ничего особенного, — сказал Снейп. — Просто шутка, вот и всё...

— Это чёрная магия, и если она тебе кажется смешной...

— А как насчёт штучек, которые Поттер с друзьями выкидывает? — перешёл в

наступление Снейп. К щекам его при этом снова прилила кровь, как будто он не в силах был сдерживать своё негодование внутри.

— А Поттер-то тут при чём? — спросила Лили.

— Они ночью из замка бегают. Люпин этот какой-то странный. Куда он всё время ходит?

— Он болен, — ответила Лили. — Говорят, что он болен...

— Каждый месяц в полнолуние? — сказал Снейп.

— Знаю я твою теорию, — сказала Лили, и голос её был холоден. — Да что ты к ним вообще прицепился? Тебе-то какое дело, чем они там заняты по ночам?

— Я просто пытаюсь тебе показать, что не такие уж они распрекрасные, как все считают.

Под его пристальным взглядом она вспыхнула.

— Зато они чёрной магией не занимаются, — понизив голос, сказала она. — А ты совсем неблагодарный. Я же слышала, что случилось недавно ночью. Ты пробрался в этот тоннель возле Дракучей ивы, и Джеймс Поттер спас тебя от того, что там было...

Всё лицо Снейпа перекосилось, и он, захлёбываясь от возмущения, взорвался:

— Спас? Спас? Думаешь, он там геройствовал? Да шкуру он спасал: свою и своего дружка! Ты не будешь — я тебе не позволю...

— Ты мне не позволишь? Мне не позволишь?

Ярко-зелёные глаза Лили сошлись в две щёлочки. Снейп мигом ретировался:

— Я не то хотел — просто не хочу смотреть, как он тебя дурачит — ты же ему нравишься, ты Джеймсу Поттеру нравишься! — эти слова как будто вырвались у него против его воли. — А он же не... все считают... такой квиддитчный герой...

Обида и неприязнь делали речь Снейпа бессвязной, и брови Лили ползли всё выше и выше на лоб.

— Я знаю, что Джеймс Поттер — просто нахальная шваль, — перебила она Снейпа. — Можешь не объяснять. Но юмор Мулькибера и Эйвери — просто зло. Зло, Сев. Не понимаю, как ты можешь с ними дружить.

Гарри сомневался, что Снейп вообще слышал, как строго Лили критикует Мулькибера и Эйвери. Как только она обругала Джеймса Поттера, всё его тело расслабилось. Когда они пошли дальше, походка Снейпа стала какой-то по-новому пружинистой...

И картинка растаяла...

Гарри снова увидел, как Снейп выходит из Большого зала после СОВ по защите от тёмных сил. Он смотрел, как тот пошёл куда глаза глядят от замка и случайно наткнулся на местечко, где сидели под буком Джеймс, Сириус, Люпин и Петтигрю. Только в этот раз Гарри держался поодаль, зная, что случилось после того, как Джеймс вздёрнул Северуса в воздух и подразнил его. Гарри знал, что было сделано и сказано, и слушать это снова было мало приятного... Он видел, как к ним подошла Лили и встала на защиту Снейпа. Издалека он услышал, как Снейп в ярости и унижении выкрикнул ей в лицо непростительное слово: «Грязнокровка».

Картинка сменилась...

— Извини.

— Мне не интересно это слушать.

— Извини!

— Не трать слова попусту.

Была ночь. Лили в халате стояла перед портретом Полной Дамы у входа в гриффиндорскую башню.

— Я вышла только потому, что Мэри сказала, будто ты грозился тут заночевать.

— А я и грозился. И заночевал бы. Я не хотел называть тебя грязнокровкой, это просто...

— Вырвалось? — в голосе Лили не было жалости. — Поздно. Я тебе годами находила

оправдания. Никто из моих друзей не понимает, зачем вообще я с тобой разговариваю. С тобой и твоими драгоценными дружками-пожирателями смерти — видишь, ты даже не отрицаешь! Даже не отрицаешь, чем вы все стремитесь стать! Вы ведь ждёте не дождётесь как бы примкнуть к Сам-Знаешь-Кому?

Он открыл было рот, но так и закрыл, ничего не ответив.

— Я больше притворяться не могу. Ты выбрал свою дорогу, а я — свою.

— Нет — послушай, я же не хотел...

— ... называть меня грязнокровкой? Так ты же всех, у кого такое происхождение, грязнокровками зовёшь, Северус. С чего мне быть исключением?

Он явно силился что-то сказать, но она уже презрительно отвернулась и ушла обратно в отверстие за портретом...

Коридор растаял, и на этот раз картинка менялась чуть дольше обычного: Гарри будто летел сквозь калейдоскоп форм и цветов, пока вокруг всё снова не застыло и он не очутился на вершине холма. В этом унылом месте было темно и холодно, в голых ветвях редких деревьев свистел ветер. Взрослый Снейп, запыхавшись, вертелся вокруг себя, крепко зажав в руке волшебную палочку — он чего-то или кого-то ждал... Хотя Гарри знал, что ему здесь никто не может навредить, ему переданся страх Снейпа, и он посмотрел через плечо, гадая, чего же Снейп ждёт —

А потом воздух прорезал зигзаг ослепительно-белого света. Гарри подумал было, что это молния, но Снейп уже упал на колени, и волшебная палочка вылетела из его руки.

— Не убивай меня!

— Я и не собирался.

Вой ветра в ветвях заглушил звук, с которым на холм аппарировал Дамблдор. И теперь он стоял перед Снейпом; полы его мантии хлопали на ветру; лицо его снизу освещала волшебная палочка.

— Ну, Северус? Что же мне хочет передать лорд Вольдеморту?

— Ничего — ничего, я здесь по собственной воле!

Снейп ломал руки. Вид у него был немного безумный, растрёпанные чёрные волосы развевались вокруг его головы.

— Я — я пришёл предупредить — нет, попросить — пожалуйста...

Дамблдор чуть шевельнул палочкой. Теперь, хотя в ночном воздухе всё так же летали листья и ветки, в том месте, где лицом к лицу стояли он и Снейп, воцарилась тишина.

— Какая же может быть ко мне просьба у пожирателя смерти?

— Это — это пророчество... предсказание... Трелони...

— Ах, да, — отозвался Дамблдор. — И что ты передал лорду Вольдеморту?

— Всё — всё, что услышал! — сказал Снейп. — И поэтому — по этой причине — он считает, что в пророчестве говорится о Лили Эванс!

— В пророчестве не упоминалось о женщине, — сказал Дамблдор. — В нём говорится о мальчике, рождённом в конце июля...

— Вы же знаете, о чём я! Он считает, что это означает её сына, и он её выследит — убьёт их всех...

— Если она так много для тебя значит, — сказал Дамблдор, — то лорд Вольдеморту, конечно же, её пощадит? Разве ты не можешь попросить его пощадить мать в обмен на сына?

— Я просил — я просил его...

— Ты мне отвратителен, — сказал Дамблдор — столько презрения в его голосе Гарри не слышал никогда. Снейп даже как будто чуть поёжился. — А смерти её мужа и ребёнка, выходит, тебе безразличны? Пусть умирают, лишь бы ты получил то, что хочешь?

Снейп не ответил, только поднял глаза на Дамблдора.

— Ну так спрячьте их всех, — хрипло каркнул он. — Пусть она — они — будут в безопасности. Пожалуйста.

— А что ты дашь мне взамен, Северус?

— В-взамен? — раскрыв рот, уставился на Дамблдора Снейп. Гарри ожидал, что Снейп будет возражать, но через несколько долгих секунд тот ответил: — Что угодно.

Холм растаял, и Гарри оказался в кабинете Дамблдора, где слышался какой-то жуткий звук, как будто кричал раненый зверь. Снейп согнулся в кресле, а над ним с мрачным лицом стоял Дамблдор. Спустя какое-то время Снейп поднял лицо: он выглядел так, словно после той встречи в глуши на холме пережил сто лет горя.

— Я думал... вы... обеспечите ей... безопасность...

— Они с Джеймсом доверились не тому человеку, — ответил Дамблдор. — Как и ты сам, Северус. Разве ты не надеялся, что лорд Вольдеморт её пощадит?

Снейп ловил воздух мелкими глотками.

— Её мальчик выжил, — сказал Дамблдор.

Голова Снейпа чуть дёрнулась, как будто он согнал с себя назойливую муху.

— Её сын жив. У него её глаза — в точности как у неё. Ты, конечно, помнишь, форму и цвет глаз Лили Эванс?

— НЕ НАДО! — взревел Снейп. — Больше нет... умерла...

— Это, что, угрызения совести, Северус?

— Лучше бы... лучше бы я умер...

— А кому это поможет? — холодно ответил Дамблдор. — Если ты любил Лили Эванс, если ты и вправду её любил, тогда план твоих действий ясен.

Снейп как будто пытался рассмотреть что-то сквозь пелену боли, и слова Дамблдора, похоже, не сразу дошли до его сознания.

— Что — что вы имеете в виду?

— Ты же знаешь, как и почему она умерла. Сделай так, чтобы её смерть не стала напрасной. Помоги мне защитить сына Лили.

— Ему не нужна защита. Тёмный лорд ушёл...

— Тёмный лорд вернётся, и тогда Гарри Поттер будет в страшной опасности.

Наступило долгое молчание; Снейп мало-помалу взял себя в руки, выровнял своё дыхание. Наконец он ответил:

— Хорошо. Хорошо. Только никогда — никогда никому не говорите, Дамблдор! Это должно остаться между нами! Поклянитесь! Я не вынесу... особенно сыну Поттера... Дайте мне слово!

— Дать слово, что я никогда не открою миру лучшее в тебе, Северус? — вздохнул Дамблдор, сверху вниз глядя в свирепое и искажённое болью лицо Снейпа. — Ну, если ты настаиваешь...

Кабинет растаял, но тут же возник снова. Снейп шагнул взад-вперёд перед Дамблдором.

— ... посредственность, наглый, как его отец, не признаёт правил, наслаждается известностью, любит привлекать к себе внимание и лезть не в своё дело...

— Ты видишь то, что ожидаешь увидеть, Северус, — сказал Дамблдор, не поднимая глаз с номера «Трансфигурации сегодня». — А другие учителя сообщают, что мальчик скромн, приятен и довольно талантлив. Я лично считаю, что он замечательный ребёнок.

Дамблдор перевернул страницу и, не поднимая взгляда, сказал:

— Присматривай за Квирреллом, ладно?

Вихрь цветов — и наступила темнота. И вот уже Снейп с Дамблдором стоят чуть поодаль в

холле, а мимо идут со Святочного бала спать последние припозднившиеся ученики.

— Ну? — буркнул Дамблдор.

— У Каркарова метка тоже темнеет. Он паникует, боится возмездия — вы же знаете, как он помог Министерству после падения Тёмного лорда, — Снейп искоса взглянул на горбоносый профиль Дамблдора. — Каркаров намерен спастись бегством, если его метка начнёт жечь.

— Правда? — тихонько спросил Дамблдор; в замок, хихикая, вошли Флёр Делакур и Роджер Дэвис. — Есть искушение к нему присоединиться?

— Нет, — сказал Снейп, провожая взглядом чёрных глаз удаляющихся Флёр и Роджера. — Я не такой трус.

— Да, — согласился Дамблдор. — Ты намного храбрее Игоря Каркарова. Знаешь, иногда мне кажется, что мы распределяем слишком рано....

И ушёл, а Снейп остался стоять в холле с поражённым видом...

И снова Гарри оказался в кабинете директора. Была ночь; Дамблдор за столом в своём кресле-троне осел набок, очевидно, в полусознательном состоянии. Правая его рука свисала вдоль туловища, почерневшая и обожжённая. Снейп бормотал заклинания, направив палочку на чёрное запястье, а левой рукой вливал в рот Дамблдору из кубка густое золотистое зелье. Через несколько секунд веки Дамблдора дрогнули и открылись.

— Зачем? — без предисловий спросил Снейп. — Зачем вы надели это кольцо? Оно же проклято, и вы, конечно, это понимали. Так зачем вообще было его трогать?

Дамблдор поморщился.

— Я... сглупил. Жестокое искушение...

— Какое искушение?

Дамблдор не ответил.

— Чудо что вы вообще смогли сюда вернуться! — Снейп, похоже, был в ярости. — На этом кольце лежит невероятно сильное проклятие, нам остаётся надеяться только на то, что удастся его сдержать. Я пока что запер проклятие в одной руке...

Дамблдор поднял почерневшую, бесполезную руку и рассмотрел её с лицом человека, которому показали занятную антикварную вещицу.

— Ты отлично поработал, Северус. Как думаешь, сколько мне осталось?

Дамблдор говорил обычным тоном, как будто спрашивал, какая будет погода. Снейп, помедлив, ответил:

— Не знаю. Может, год. Такое заклятие навсегда не остановишь. В конце концов оно пойдёт дальше, такие проклятия со временем крепчают.

Дамблдор улыбнулся. Ему сообщили, что жить осталось меньше года, а его это как будто мало волновало или не волновало вообще.

— Мне повезло, очень повезло, что у меня есть ты, Северус.

— Если бы вы только позвали меня чуть раньше, возможно, я смог бы сделать больше, выиграть для вас больше времени! — яростно упрекнул его Снейп. Он посмотрел на разбитое кольцо и на меч. — Вы, что, думали, что, разбив кольцо, можно снять проклятие?

— Что-то вроде того... Бред, конечно... — ответил Дамблдор. Он с видимым усилием выпрямился в кресле. — Но, право же, это всё сильно упрощает.

Снейп выглядел совершенно озадаченным. Дамблдор улыбнулся.

— Я говорю о плане, который в отношении меня строит лорд Вольдеморт. Заставить бедного мальчика Малфоя меня убить.

Снейп уселся в кресло, которое так часто занимал Гарри, — по другую сторону стола от Дамблдора. Гарри видел, что Снейп хотел бы сказать ещё что-то по поводу проклятой руки Дамблдора, но тот закрыл тему вежливым отказом обсуждать её дальше. Нахмурившись, Снейп

сказал:

— Тёмный лорд не ждёт, что Драко это удастся. Это просто наказание за последние неудачи Люциуса. Медленная пытка для родителей Драко: им придётся смотреть, как он провалит задание и будет за это расплачиваться.

— В общем, смертный приговор мальчику так же обеспечен, как и мне, — сказал Дамблдор. — Ну а когда он потерпит неудачу, задание, надо полагать, естественным образом достанется тебе?

Наступило краткое молчание.

— Думаю, так Тёмный лорд и планирует.

— Лорд Вольдеморт предвидит, что в ближайшем будущем ему уже не понадобится шпион в Хогвартсе?

— Да, он считает, что скоро приберёт школу к рукам.

— И если он её действительно приберёт к рукам, — спокойно, как ни в чём ни бывало сказал Дамблдор, — обещаешь ли ты, что сделаешь всё возможное, чтобы защитить учеников в Хогвартсе?

Снейп напряжённо кивнул.

— Хорошо. Итак, главная твоя задача — узнать, что задумал Драко. Напуганный подросток опасен и для других, и для себя. Предложи ему помощь и наставничество — он должен согласиться, ты же ему нравишься...

— ... уже гораздо меньше с тех пор как отец его впал в немилость. Драко винит в этом меня, думает, что я занял место Люциуса.

— И всё же попытайся. Я не так волнуюсь за себя, как за случайных жертв тех планов, которые могут у него родиться. В конечном итоге, разумеется, если мы хотим спасти его от гнева лорда Вольдеморта, мы можем сделать лишь одно.

Снейп приподнял брови и язвительно поинтересовался:

— Вы намерены позволить ему вас убить?

— Нет, конечно. Меня должен убить ты.

Наступила долгая тишина, то и дело нарушаемая лишь каким-то щёлканьем. Это феникс Фоукс клевал кусок ракушки.

— Мне сейчас это сделать? — полным иронии голосом спросил Снейп. — Или дать вам пару минут сочинить эпитафию?

— О нет, пока не надо, — улыбаясь, ответил Дамблдор. — Полагаю, когда наступит время, случай представится сам. Учитывая сегодняшние события, — он показал на свою усохшую руку, — можно быть уверенными, что это случится в течение года.

— Если вы не против умереть, — бросил Снейп, — почему бы не предоставить это Драко?

— Душа этого мальчика ещё не настолько искалечена, — ответил Дамблдор. — Не хочется рвать её из-за меня.

— А моя душа, Дамблдор? Как насчёт моей?

— Только тебе известно, повредит ли твоей душе помочь старику избежать боли и унижения, — сказал Дамблдор. Я прошу тебя, Северус, об этом огромном одолжении, потому что смерть ждёт меня так же наверняка, как последнее место в лиге ждёт «Плимутские Пушки». Признаюсь, я предпочёл бы быстрый и безболезненный уход затяжному и неприглядному, какой, например, ждёт меня, если в игру вступит Грейбек. Я слышал, Вольдеморт взял его в свои ряды? Или наша милая Беллактрикс — она любит погонять свою еду по тарелке.

Он говорил весело, но взгляд его голубых глаз пронзал Снейпа, как часто пронзал Гарри, будто он видел ту самую душу, о которой они говорили. Наконец Снейп снова коротко кивнул.

Дамблдор как будто остался доволен.

— Спасибо, Северус...

Кабинет исчез, и теперь Снейп с Дамблдором в сумерках прогуливались по пустынным окрестностям замка.

— Что вы там делаете с Поттером, когда по вечерам запираетесь вдвоём? — внезапно спросил Снейп.

У Дамблдора был усталый вид.

— А что? Ты же не собираешься ещё чаще оставлять его после уроков, Северус? Мальчик скоро будет больше времени проводить наказанным, чем на свободе.

— Он снова ведёт себя, как его отец...

— Возможно, так кажется, но в глубине души он намного больше похож на мать. Я провожу с Гарри время, потому что мне с ним надо кое-что обсудить, я должен передать ему кое-какую информацию, пока не поздно.

— Информацию, — повторил Снейп. — Вы ему доверяете... а мне нет.

— Дело не в доверии. Как нам обоим известно, времени у меня мало. Мне необходимо дать мальчику достаточно информации, чтобы он смог сделать то, что нужно.

— А почему мне нельзя знать эту информацию?

— Предпочитаю не ставить все свои секреты на одну карту, особенно если эта карта так много времени проводит в рукаве лорда Вольдеморта.

— Я делаю это по вашему же приказу!

— Да, и делаешь очень хорошо. Не думай, что я недооцениваю постоянную опасность, которой ты себя подвергаешь, Северус. Давать Вольдеморту будто бы ценную информацию, умалчивая о главном, я не доверил бы никому, кроме тебя.

— Но при этом вы поверяете гораздо больше мальчишке, не способному к окклюменции, посредственному волшебнику, у которого к тому же прямая связь с разумом лорда Вольдеморта!

— Вольдеморт боится этой связи, — ответил Дамблдор. — Не так давно он испробовал, что для него на самом деле значит иметь общий разум с Гарри. Это боль, какой он не знал никогда. Он не будет снова пытаться управлять Гарри, я в этом уверен. Во всяком случае, не так.

— Не понимаю.

— Душа лорда Вольдеморта, как бы она ни была изувечена, не вынесет близкого контакта с такой душой, как у Гарри. Как язык с холодным железом, как плоть с пламенем...

— Души? Мы ведь говорили о разумах?

— В случае с Гарри и лордом Вольдемортом одно подразумевает другое.

Дамблдор огляделся, чтобы убедиться, что они вдвоём. Теперь они были неподалёку от Запретного леса, но рядом никого не было видно.

— После того, как ты меня убьёшь, Северус...

— Вы отказываетесь мне всё рассказать, но ждёте от меня этой небольшой услуги! — огрызнулся Снейп, и в этот раз в его худом лице вспыхнул настоящий гнев. — На многое же вы рассчитываете, Дамблдор! Может быть, я уже передумал!

— Ты дал мне слово, Северус. И, раз уж мы заговорили об услугах, которые ты мне должен, по-моему, ты согласился приглядывать за нашим юным другом из Слизерина?

Вид у Снейпа был рассерженный, он явно готов был взбунтоваться. Дамблдор вздохнул.

— Приходи сегодня в мой кабинет, Северус, в одиннадцать, и ты перестанешь сетовать на то, что я тебе не доверяю...

Они снова очутились в кабинете Дамблдора. За окнами было темно; Фоукс молча сидел на своей жёрдочке, а Снейп неподвижно на стуле. Дамблдор ходил вокруг него и говорил:

— Гарри об этом знать не должен, до последнего момента, когда будет нужно, иначе откуда ему взять силы сделать то, что должно быть сделано?

— А что он должен сделать?

— Это останется между Гарри и мной. А теперь слушай внимательно, Северус. Придёт время — после моей смерти — не спорь, не перебивай! Придёт время, когда покажется, что лорд Вольдеморт опасается за жизнь своей змеи.

— Нагини? — спросил ошеломлённый Снейп.

— Именно. Если придёт время, когда лорд Вольдеморт перестанет посылать эту змею исполнять его волю и станет держать её рядом под защитой чар, тогда, думаю, можно будет без опаски рассказать всё Гарри.

— Рассказать ему что?

Дамблдор глубоко вдохнул и закрыл глаза.

— Рассказать ему, что в ночь, когда лорд Вольдеморт пытался его убить и когда Лили выставила между ними собственную жизнь, как щит, смертоносное проклятье отскочило в лорда Вольдеморта, и от его души откололась частичка и уцепилась за единственную живую душу, оставшуюся в разрушенном здании. Часть лорда Вольдеморта живёт в Гарри, и именно она даёт ему способность разговаривать со змеями и эту связь с разумом лорда Вольдеморта, которой он так и не понял. И пока эта частичка души, заброшенная Вольдемортом, связана с Гарри и под его защитой, лорд Вольдеморт не может умереть.

Гарри будто смотрел на собеседников с конца длинного тоннеля — они были так далеко, и эхо их голосов так странно звенело у него в ушах.

— Значит, мальчишка... мальчишка должен умереть? — совершенно спокойно спросил Снейп.

— И это, Северус, должен сделать сам Вольдеморт. Это крайне важно.

Последовала ещё одна долгая пауза. Потом Снейп сказал:

— Я думал... все эти годы... что мы защищаем его ради неё. Ради Лили.

— Мы защищаем его, потому что необходимо было его выучить, вырастить, дать ему попробовать собственные силы, — сказал Дамблдор со всё ещё крепко закрытыми глазами. — Но связь между ними становится всё сильнее, паразитирует. Иногда мне кажется, что он и сам об этом догадывается. Если я его знаю, он устроит всё так, что, когда наконец-то отправится на смерть, Вольдеморту придёт настоящий конец.

Дамблдор открыл глаза. Снейп явно был в ужасе.

— Вы сохраняли ему жизнь, чтобы он мог умереть в нужный момент?

— Спокойно, Северус. Сколько смертей ты видел?

— В последнее время только смерти тех, кого не мог спасти, — сказал Снейп. Он встал. — Вы меня использовали.

— То есть?

— Я шпионю для вас, лгу для вас, для вас подвергаю себя смертельной опасности. И предполагалось, что всё ради безопасности сына Лили Поттер. И вот теперь вы мне говорите, что растили его, как свинью, на убой...

— Надо же, как трогательно, Северус, — серьёзно произнёс Дамблдор. — Тебе, что, в итоге стал безразличен этот мальчик?

— Он? — крикнул Снейп. — Экспекто патронум!

Из конца его палочки вырвалась серебряная лань. Она опустилась на пол, проскакала по кабинету и вылетела в окно. Дамблдор проводил её взглядом, а когда серебристое сияние растаяло, обернулся к Снейпу. В глазах его стояли слёзы.

— До сих пор?

— Всегда, — сказал Снейп.

И картинка сменилась. Теперь Гарри увидел, как Снейп за директорским столом



разговаривает с портретом Дамблдора.

— Тебе придётся выдать Вольдеморту точную дату отъезда Гарри из дома тёти и дяди, — сказал Дамблдор. — Иначе возникнут подозрения, учитывая каким осведомлённым тебя считает Вольдемонт. Но ты должен внушить ему, что ему подsunут обманки; это, я думаю, должно обеспечить Гарри безопасность. Попробуй запутать Мундунгуса Флетчера. И Северус, если тебя вынудят участвовать в погоне, постарайся сыграть свою роль убедительно... Я рассчитываю на то, что ты как можно дольше будешь на хорошем счету у лорда Вольдеморта, иначе Хогвартс останется на произвол Кэрроу...

И вот уже Снейп сидел лицом к лицу с Мундунгусом в незнакомой Гарри таверне. Взгляд Мундунгуса был на удивление бессмысленным, а Снейп сосредоточенно хмурился.

— Ты внушишь Ордену Феникса, — нащёптывал Снейп, — использовать обманки. Обратное зелье. Одинаковых Поттеров. Только это может сработать. Ты забудешь, что я тебе это внушил. Ты представишь это как собственную идею. Ты понял?

— Я понял, — пробормотал Мундунгус, глядя перед собой невидящими глазами...

И Гарри уже летел рядом со Снейпом на метле в ясной тёмной ночи. С ним были другие пожиратели смерти, а впереди — Люпин и Гарри, а на самом деле Джордж... Один из пожирателей смерти обогнал Снейпа и поднял волшебную палочку, метя прямо в спину Люпину.

— Сектумсемпра! — крикнул Снейп.

Но заклинание, направленное в руку пожирателя смерти, державшую палочку, не попало в цель и задело Джорджа...

А потом Снейп стоял на коленях на полу старой спальни Сириуса. Он читал старой письмо Лили, и с конца его крючковатого носа капали слёзы. На втором листе было всего несколько слов:

*«... мог быть другом Геллерту Гриндельвальду. По-моему так она просто слабеет рассудком!*

*Очень любящая тебя*

*Лили».*

Снейп взял листок с подписью и любовью Лили и сунул в складки мантии. Потом порвал пополам фотографию, которая тоже была у него в руках, и оставил себе кусок, на котором смеялась Лили, а часть с Джеймсом и Гарри швырнул обратно на пол, под комод...

И вот он уже снова стоял в директорском кабинете, а в портрет на стене поспешно заскочил Финеас Найджеллус.

— Директор! Они встали лагерем в Лесу Дина! Грязнокровка...

— Не говори этого слова!

— ... ну, эта девчонка Грейнджер, упомянула об этом месте, открывая сумку, и я услышал!

— Хорошо. Очень хорошо! — воскликнул портрет Дамблдора за директорским креслом. — А теперь, Северус, меч! Не забудь, что взять его можно только по необходимости и с доблестью — и он не должен знать, что его отдаёшь ты! Если вдруг Вольдемонт прочтёт мысли Гарри и увидит, что ты на его стороне...

— И вы всё ещё не собираетесь рассказать мне, почему так важно отдать Поттеру меч? — сказал Снейп, накидывая поверх мантии дорожный плащ.

— Нет. Пожалуй, нет, — ответил портрет Дамблдора. — Он поймёт, что с ним делать. И будь очень осторожен, Северус, после той незадачи с Джорджем Уизли их может не обрадовать твоё появление.

У двери Снейп обернулся.

— Не беспокойтесь, Дамблдор, — холодно сказал он. — У меня есть план...

И вышел из кабинета. А Гарри поднялся из дымоотвода, и через несколько мгновений уже лежал на ковре в той самой комнате, дверь которой, казалось, только что закрыл за собой Снейп.

## Глава тридцать четвёртая. Снова лес

Наконец-то он узнал правду. Он лежал, прижавшись щекой к пыльному ковру в том самом кабинете, где, как когда-то думал, постигал секрет победы. Теперь Гарри понимал, что ему не суждено выжить. Всё, что от него требовалось — это без лишних эмоций отправиться прямоком в радушные объятия Смерти. Попутно он должен был оборвать оставшиеся связи Волдеморта с жизнью, так что, когда он, в итоге, окажется перед Волдемортом и даже палочки не поднимет в свою защиту, конец будет чистым, и завершится то, что должно было быть выполнено в Годриковой Лощине. Ни один из них не будет жить, ни один не сможет пережить другого.

Он чувствовал, как сильно бьётся в его груди сердце. Удивительно, что в своём страхе перед смертью, оно так мощно пульсировало, отважно поддерживая в нём жизнь. Но ему придётся остановиться, и очень скоро. Его удары были сочтены. На сколько этих ударов хватит времени, когда он поднимется и в последний раз пройдёт по замку, выйдет наружу и уйдёт в лес?

Пока он лежал на полу, под похоронный стук, звучавший внутри, его захлестнула волна ужаса. Умирать — это больно? Все те разы, когда он думал, что это вот-вот произойдёт, и избегал смерти, он никогда не задумывался об этом. Его жажда жизни всегда была гораздо сильнее страха смерти. И всё же сейчас ему не пришло в голову попытаться увернуться, обмануть Волдеморта. Он знал, что это конец, и единственное, что оставалось — это сама смерть.

Если бы он только мог умереть той летней ночью, когда покинул дом номер четыре по Бирючинному проезду, когда палочка с пером благородного феникса спасла его в последний раз! Если бы умер, как Хедвиг, так же быстро, что не понял бы, что случилось! Или бросился бы наперерез палочке, чтобы спасти кого-то любимого... Теперь он завидовал даже смерти своих родителей. Чтобы хладнокровно идти навстречу собственной гибели, требуется смелость иного рода. Он почувствовал, как у него дрожат пальцы, и заставил себя унять их, хотя никто не мог видеть его — все портреты на стенах были пусты.

Медленно, очень медленно он сел, и от этого почувствовал себя более живым и полнее, чем прежде, ощутил своё живое тело. Почему он никогда не понимал раньше, какое это чудо — мозг, нервы и трепещущее сердце? Это всё пойдёт прахом... или, по крайней мере, он покинет своё тело. Его дыхание замедлилось и стало глубже, рот и горло совершенно пересохли, но и глаза также были сухими.

Предательство Дамблдора почти ничего не значило. Разумеется, за этим стоял великий план, но теперь Гарри понимал, что был слишком глуп, чтобы его разглядеть. Он никогда не задавался вопросом, почему Дамблдору было нужно, чтобы он был жив. Сейчас он видел, что длительность его жизни изначально была определена тем, сколько времени требовалось на то, чтобы уничтожить все хоркруксы. Дамблдор поручил ему избавиться от них, и он послушно продолжил обрезать нити, связывавшие с жизнью не только Волдеморта, но и его самого! Как аккуратно, как изящно — и никто больше не пострадает, а если дать опасное задание мальчику, который и так предназначен на убой, то его смерть обернётся не катастрофой, а очередным ударом по Волдеморту.

И Дамблдор знал, что Гарри не уклонится, дойдёт до конца, пусть даже это будет его собственный конец — потому что постарался узнать его получше, так ведь? Дамблдор знал, так же, как Волдеморт, что Гарри не позволит никому умереть за себя, когда обнаружит, что в его власти прекратить это. Он снова увидел перед собой Фреда, Люпина и Тонкс, лежавших в Большом Зале, и у него перехватило дыхание. Смерть была нетерпелива...

Но Дамблдор переоценил его. Он не выполнил задание: змея всё ещё была жива. Даже

после того, как Гарри будет убит, останется ещё один хоркрукс, который будет связывать Волдеморта с землёй. Разумеется, это упростит кому-то работу. Он задумался, кто с этим управится... Конечно же, Рон и Гермиона знают, что нужно сделать... Видимо, поэтому Дамблдор хотел, чтобы он поделился с этими двумя... на случай, если он исполнит своё настоящее предназначение немного раньше, чтобы они могли продолжить начатое...

Подобно каплям дождя на холодном окне, эти мысли падали на жёсткую поверхность неопровержимой правды, которая заключалась в том, что он должен умереть. Я должен умереть. Это должно закончиться.

Рон и Гермиона казались очень далеко, будто в другой стране; у него было ощущение, что он давным-давно расстался с ними. Он твёрдо решил, что никаких прощаний и объяснений не будет. Они не могли отправиться туда вместе, а пытаясь остановить его, только зря потратили бы ценное время. Он взглянул на потёртые золотые часы, которые получил на своё семнадцатилетие. От часа, выделенного Волдемортом, истекла почти половина.

Он встал. Его сердце обезумевшей птицей билось в груди. Наверное, оно знало, что ему осталось совсем недолго, наверное, оно хотело успеть сделать все удары, которые должно было сделать за всю жизнь, до того, как всё закончится. Закрывая за собой дверь кабинета, он не стал оглядываться.

Замок был пуст. Он шёл по нему в одиночестве и чувствовал себя призраком, будто уже умер. Люди из портретов всё ещё не вернулись в свои рамки, повсюду было неестественно тихо, будто оставшаяся жизнь сосредоточилась в Большом Зале, заполненном телами погибших и скорбящими.

Гарри накинул плащ-невидимку и спустился вниз по этажам, в конце выйдя на мраморную лестницу, ведущую в холл. Возможно, какая-то часть его надеялась, что его почувствуют, увидят, остановят, но плащ, как всегда, был непроницаем, безупречен, и он легко добрался до входной двери.

Затем на него едва не налетел Невилл. Он был одним из двоих, вносивших в замок тело. Гарри опустил взгляд, и у него снова сжалось всё внутри: Колин Криви, будучи несовершеннолетним, должно быть, тайком пробрался назад, как Малфой, Крэбб и Гойл. Умершим он был совсем маленький.

— Знаешь что, Невилл, я тут сам справлюсь, — сказал Оливер Вуд и, вскинув Колина на плечо, как пожарный, понёс его в Большой Зал.

Невилл ненадолго прислонился к косяку двери и вытер лоб тыльной стороной руки. Он выглядел совсем как старик. Затем снова спустился вниз по лестнице в темноту на поиск других тел.

У выхода Гарри бросил взгляд на Большой Зал. Там были люди, старавшиеся утешить друг друга, они что-то пили, присаживались возле умерших, но он не видел никого из тех, кого любил — ни намёка на Гермиону, Рона, Джинни или ещё кого-то из Уизли, Луну. Он почувствовал, что отдал бы всё время, что ему оставалось, чтобы в последний раз увидеть их, но хватило бы ему сил отвернуться? Так лучше.

Он прошёл по ступенькам и вышел в темноту. Было уже около четырёх часов утра, и окрестности замерли в смертельной тишине, будто затаили дыхание, ожидая увидеть, сможет ли он сделать то, что должен.

Гарри подошёл к Невиллу, склонившемуся над другим телом.

— Невилл.

— Чёрт возьми, Гарри, у меня чуть сердце не выскочило!

Гарри скинул плащ. Ему вдруг в голову пришла идея — от потребности сделать так, чтобы наверняка.

— Ты куда один собрался? — с подозрением спросил Невилл.

— Это часть плана, — ответил Гарри. — Я кое-что ещё должен сделать. Невилл... послушай...

— Гарри! — Невилл вдруг испуганно посмотрел на него. — Гарри, ты же не собираешься сдаться?

— Нет, — с лёгкостью соврал Гарри. — Конечно, нет... это другое. Но меня некоторое время не будет видно. Невилл, ты знаешь про змею Волдеморта? У него громадная змея... Её зовут Нагини...

— Ага, слышал... А что?

— Её нужно убить. Рон и Гермиона знаю, но на всякий случай, если они...

Он на секунду задохнулся от ужаса, что это возможно, и не смог договорить. Но снова взял себя в руки. Это было очень важно, он должен был вести себя, как Дамблдор — сохранять холодную голову, подготовить запасной вариант, тех, кто продолжит дело. Дамблдор умер в уверенности, что три человека знают о хоркруксах, и теперь Невилл займёт место Гарри. Так и останется трое посвящённых в тайну.

— На всякий случай, если они... заняты... и у тебя будет такая возможность...

— Убить змею?

— Убить змею, — повторил Гарри.

— Хорошо, Гарри. У тебя всё в порядке?

— Да, нормально. Спасибо, Невилл.

Гарри двинулся дальше, но Невилл схватил его за руку.

— Мы будем продолжать драться, Гарри. Ты знаешь об этом?

— Да, я...

То же удушающее чувство погасило конец предложения, он не смог его закончить. Невиллу, похоже, это не показалось странным. Он похлопал Гарри по плечу, отпустил руку и ушёл на поиски других тел.

Гарри накинул плащ обратно и продолжил свой путь. Неподалёку кто-то ещё двигался, наклонился над лежавшим на земле человеком. Он был в нескольких шагах от них, когда до него дошло, что это Джинни.

Он замер на месте. Она сидела возле девочки, шёпотом звавшей свою мать.

— Всё хорошо, — говорила ей Джинни. — Всё в порядке. Сейчас мы тебя внутрь отнесём.

— Но я домой хочу, — прошептала девочка. — Я больше не хочу воевать!

— Я знаю, — ответила Джинни, и её голос оборвался. — Всё будет хорошо.

По коже Гарри пробежали мурашки от холода. Ему захотелось закричать, он хотел, чтобы Джинни знала, что он тут, он хотел, чтобы она знала, куда он идёт. Он хотел, чтобы его остановили, оттащили назад, отправили домой...

Но он и так был дома. Хогвартс был первым и лучшим домом, который он знал. Он, и Волдеморт, и Снейп, брошенные мальчишки, они все нашли здесь свой дом...

Джинни сидела возле раненой девочки, держа её за руку. С огромным усилием Гарри заставил себя идти дальше. Ему показалось, что, когда он проходил мимо, Джинни оглянулась, и ему хотелось знать, почувствовала ли она, что рядом кто-то прошёл, но он не произнёс ни слова и не оглянулся.

Хижина Хагрида неясно вырисовывалась в темноте. В ней не горели огни, Клык не скрёбся в дверь с громким приветственным лаем. Как они раньше ходили в гости к Хагриду, и как медный чайник мерцал на огне, и жёсткие, будто каменные, пироги, и огромные порции еды, и его широкое бородатое лицо, и как Рона тошнило слизнями, и как Гермиона помогала спасать Норберта...

Он пошёл дальше и, дойдя до края леса, остановился.

Среди деревьев клубился рой дементоров. Он чувствовал холод, идущий от них, и не был уверен, что сможет без потерь пройти мимо них. У него не хватало сил, чтобы вызвать патронус. Он уже больше не справлялся с дрожью. В конце концов, умирать не так уж просто. Каждая секунда, когда он ещё дышал, запах травы, холодный воздух на лице — это было бесценно. Подумать только — у всех остальных впереди были годы, столько времени, которое можно было тратить, столько, что оно еле ползло, а он цеплялся за каждую секунду. Он думал, что не может идти дальше, и в то же время знал, что должен. Длинная игра закончилась, снитч пойман, пора уходить из неба...

Снитч. Он порывался бесчувственными пальцами в мешочке, висевшем на шее, и достал его. Я открываюсь в конце.

Он уставился на него, дыша быстро и тяжело. Сейчас, когда ему хотелось, чтобы время тянулось как можно медленнее, оно, казалось, наоборот ускорилось, и понимание пришло настолько быстро, как будто он его обогнал. Вот он, конец. Это и есть тот самый момент.

Он прижал золотистый металл к губам и прошептал:

— Я вот-вот умру.

Металлическая ракушка распахнулась. Он опустил трясущуюся руку, вытащил палочку Драко из-под плаща и прошептал:

— Люмос.

В половинках снитча лежал чёрный камень с неровной трещиной посередине. Камень Воскрешения треснул по вертикальной линии, изображавшей Старшую Палочку, но треугольник и круг, обозначающие плащ и камень, всё ещё можно было различить.

И снова Гарри понял, не успев подумать. Ему не нужно было звать их обратно, ведь он собирался к ним присоединиться. Это не он их вызывал, а они призывали его.

Он закрыл глаза и трижды повернул камень в руках.

Он знал, что это случилось, потому что слышал вокруг себя лёгкие движения, означавшие, что хрупкие тела встают на усыпанную сухими ветками землю на опушке возле леса. Он открыл глаза и оглянулся.

Они не были призраками, но и не были живыми людьми, он мог их отличить. Больше всего они походили на Риддла, который много лет назад выбрался из дневника, когда его воспоминание о себе почти обрело плоть. Не настолько материальные, как живые тела, скорее, как привидения, они двинулись к нему, и на каждом лице была одна и та же любящая улыбка.

Джеймс был совершенно одного роста с Гарри. Он был в той же одежде, в какой умер, и его волосы были растрёпанные и взъерошенные, и очки были немного перекошены, как у мистера Уизли.

Сириус был высоким и красивым, и гораздо моложе, чем когда Гарри видел его в жизни. Он шёл лёгким размашистым шагом, пряча руки в карманах и с усмешкой на лице.

Люпин тоже выглядел моложе и менее потрёпанным, и волосы были гуще и темнее. Казалось, он был рад вернуться в это знакомое место, где они столько раз бродили в юности.

Улыбка Лили была шире остальных. Приблизившись, она откинула назад свои длинные волосы, и её зелёные глаза, такие похожие на его, жадно рассматривали его лицо, будто она никогда не сможет наглядеться на него вдоволь.

— Ты такой смелый.

Он не мог говорить. Он наслаждался тем, что видел её, и думал, что хотел бы вечно стоять и смотреть на неё, и ему бы этого было достаточно.

— Ты почти на месте, — сказал Джеймс. — Очень близко. Мы... так гордимся тобой.

— Это больно?

Ребяческий вопрос вырвался у Гарри из губ, прежде чем он успел остановиться.

— Умирать? Совсем нет, — ответил Сириус. — Это быстрее и легче, чем заснуть.

— А он захочет, чтобы это было быстро. Он хочет, чтобы всё закончилось, — добавил Люпин.

— Я не хотел, чтобы вы умирали, — проговорил Гарри. Эти слова вырвались помимо его воли. — Никто из вас. Простите...

Он обращался в большей степени к Люпину, чем к остальным, упрасывая его.

— ...сразу после того, как у тебя сын родился... Рем, мне так жаль...

— Мне тоже, — сказал Люпин. — Жаль, что я никогда его не узнаю... но он будет знать, почему я умер, и надеюсь, он поймёт. Я пытался создать мир, в котором он мог бы жить счастливее.

Ледяной ветерок, исходивший, казалось, из самого сердца леса, пошевелил волоски на бровях у Гарри. Он знал, что они не скажут ему — пора идти, что это должно было быть его решением.

— Вы останетесь со мной?

— До самого конца, — ответил Джеймс.

— Они вас не увидят? — спросил Гарри.

— Мы — часть тебя, — сказал Сириус. — Для остальных мы невидимы.

Гарри посмотрел на свою мать.

— Будь рядом со мной, — тихо попросил он.

И направился в лес. Его не охватил холод дементоров, он прошёл сквозь них со своими спутниками, и те были для него вместо патронусов, и все вместе они шли мимо старых деревьев, росших близко друг к другу, переплетаясь ветками, а под ногами — торчащими узловатыми корнями. Гарри в темноте поплотнее закутался в плащ, всё дальше и дальше уходя вглубь леса, не имея представления о том, где находился Волдеморт, но в уверенности, что найдёт его. Рядом почти бесшумно шли Джеймс, Сириус, Люпин и Лили, и их присутствие поддерживало его смелость, и благодаря им он был в состоянии продолжать ставить одну ногу перед другой.

Его тело и разум казались теперь странным образом разъединёнными, его члены двигались без сознательных указаний, как будто он был пассажиром, а не управлял телом, которое был готов вот-вот покинуть. Умершие, которые шли рядом с ним по лесу, были для него гораздо реальнее, чем живые, оставшиеся в замке: Рон, Гермиона, Джинни и все остальные — это они стали для него как призраки, пока он, спотыкаясь и оскальзываясь, продвигался к концу своей жизни, к Волдеморту...

Глухой стук и шорох. Поблизости шевелилось нечто живое. Гарри замер, завернувшись в плащ, присматриваясь и прислушиваясь, и его родители, Люпин и Сириус тоже остановились.

— Там кто-то есть, — совсем рядом, только руку протянуть, раздался грубый шёпот. — У него плащ-невидимка. Может, он?..

Из-за ближайшего дерева появились две фигуры. Их палочки вспыхнули, и Гарри увидел, как Ясли и Долохов вглядываются в темноту, в то самое место, где стояли Гарри, его мать и отец, и Сириус, и Люпин. Судя по всему, они ничего не увидели.

— Точно ведь что-то слышал, — сказал Ясли. — Как думаешь, может, животное?

— Да этот чокнутый Хагрид держал тут полно всякой шушеры, — ответил Долохов, оглядываясь через плечо. Ясли посмотрел на часы.

— Время почти вышло. У Поттера был час. Он не пришёл.

— Давай лучше возвращаться, — сказал Ясли. — Узнаем, что будет дальше.

Они с Долоховым развернулись и пошли в глубину леса. Гарри пошёл следом, зная, что они выведут его точно туда, куда он хотел попасть. Он посмотрел по сторонам, и мать улыбнулась

ему, а отец ободряюще кивнул.

Они шли всего несколько минут, затем Гарри увидел впереди свет, и Яксли и Долохов вышли на поляну, в которой Гарри узнал место, в котором раньше жил кошмарный Арагог. Там ещё оставались лохмотья огромной паутины, но полчища его потомков были изгнаны Пожирателями Смерти, отправившими их сражаться на своей стороне.

Посреди поляны горел костёр, и его мигающий свет падал на толпу затихших настороженных Пожирателей Смерти. Некоторые ещё были в масках и капюшонах, остальные открыли свои лица. Немного в стороне, отбрасывая огромные тени на поляну, сидели два великана с жестокими, будто грубо вытесанными из камня лицами. Гарри увидел Фенрира, старавшегося держаться не на виду, грызущего свои длинные когти; высокий светловолосый Роул прикладывал тряпку к кровоточащей губе. Он увидел Люциуса Малфоя — тот выглядел убитым и напуганным, и Нарциссу с запавшими глазами, полными нехороших предчувствий.

Все взгляды были направлены на Волдеморта, который стоял, опустив голову и сложив руки перед собой поверх Старшей Палочки. Он то ли молился, то ли беззвучно считал про себя, и Гарри, тихо стоявший на краю поляны, не к месту подумал о считалке в детской игре в прятки. За головой Волдеморта наподобие чудовищного ореола, извиваясь и сворачиваясь кольцами, плавала в своей сверкающей зачарованной клетке огромная змея Нагини.

Когда Долохов и Яксли присоединились к кругу, Волдеморту поднял голову.

— Мой Лорд, от него ни единого знака, — сказал Долохов.

Выражение лица Волдеморта не изменилось. Красные глаза будто горели в свете костра. Он медленно провёл длинными пальцами по Старшей Палочке.

— Мой Лорд... — заговорила Беллатрикс. Она сидела ближе всех к Волдеморту, она была растрёпана, на лице немного крови, но в остальном невредима.

Волдеморту поднял руку, чтобы прервать её, и она больше ни слова не вымолвила, только смотрела на него с благоговением.

— Я думал, что он придёт, — проговорил Волдеморту своим высоким чистым голосом, не отрывая взгляда от мерцающего огня. — Я ожидал, что он придёт.

Все промолчали. Казалось, они боялись не меньше, чем Гарри, а у того сердце теперь билось в груди так, будто собиралось убежать из тела, которое он собирался покинуть. Когда он снимал плащ-невидимку, у него вспотели руки; он запихал его под мантию вместе с палочкой. Он не хотел, чтобы у него возникло желание сражаться.

— Похоже... я ошибался, — сказал Волдеморту.

— Ты не ошибался.

Гарри произнёс это так громко, как мог, со всей силой, которую смог собрать. Он не хотел, чтобы его голос звучал испуганно. Камень Воскрешения выскользнул из его онемевших пальцев, и, шагнув вперёд к свету, краем глаза он увидел, что родители, Сириус и Люпин исчезли. В тот же момент он почувствовал, что никто больше не имел значения, кроме Волдеморта. Только они двое.

Иллюзия улетучилась так же быстро, как и появилась. Великаны заревели, Пожиратели Смерти вскочили на ноги, и со всех сторон доносились вскрики, ахи и даже смех. Волдеморту застыл на месте, но его красные глаза нашли Гарри, и он смотрел на него, не отрываясь, пока Гарри шёл к нему, и их разделял только огонь.

Затем раздался крик:

— ГАРРИ! НЕТ!

Он обернулся: там был Хагрид, скрученный и привязанный к дереву поблизости. Он в отчаянии пытался вырваться, и от этого ветки на дереве тряслись.

— НЕТ! НЕТ! ГАРРИ, ЧТО ТЫ?..



— МОЛЧАТЬ! — заорал Роул и взмахом палочки заставил Хагрида затихнуть.

Вскочившая на ноги Беллатрикс, тяжело дыша, напряжённо переводила взгляд с Волдеморта на Гарри. Единственным, что двигалось, были огонь и змея, скручивавшаяся и раскручивавшаяся в блестящей клетке за головой Волдеморта.

Гарри ощущал свою палочку, лежавшую у него на груди, но не попытался вытащить её. Он знал, что змея слишком хорошо защищена, знал, что даже если ему и удастся нацелить палочку на Нагини, пятьдесят заклятий попадут в него раньше. Волдеморт и Гарри продолжали смотреть друг на друга, затем Волдеморт чуть наклонил голову вбок, рассматривая мальчика, стоявшего перед ним, и его безгубый рот исказила необычно печальная улыбка.

— Гарри Поттер, — проговорил он очень тихо. Его голос почти сливался с потрескиванием огня. — Мальчик, Который Выжил.

Ни один из Пожирателей Смерти не пошевелился. Они ждали. Всё вокруг ждало. Хагрид вырывался, Беллатрикс задыхалась, а Гарри необъяснимо вдруг подумал о Джинни, о её ослепительных волосах, и о её губах на его...

Волдеморт поднял палочку. Его голова всё ещё была наклонена набок, как у любопытного ребёнка, желающего знать, что будет, если он продолжит. Гарри смотрел в красные глаза и хотел, чтобы всё произошло прямо сейчас, быстро, пока он ещё может стоять, пока он контролирует себя, пока он не выдал свой страх...

Он увидел, как губы зашевелились, и вспышку зелёного света, и всё вокруг пропало.

## Глава тридцать пятая. Кингс-Кросс

Гарри лежал навзничь, вслушиваясь в тишину. Он был совершенно один. Никто не стерег. Никого здесь больше не было. Он не был абсолютно уверен, что и сам здесь.

Прошло много времени, а, возможно, не прошло совсем, когда он осознал, что должен существовать, должен быть чем-то большим, нежели бестелесная мысль, потому что он лежал, действительно лежал, на некой поверхности. Следовательно, он мог осязать, и то, на чем он лежал, также существовало.

Сделав этот вывод, Гарри почти одновременно понял, что голый. Будучи уверенным в том, что один, он не волновался, но был немного удивлен. Он гадал, может ли, раз чувствует, видеть. Гарри обнаружил, что у него есть глаза, открыв их.

Он лежал в светящемся тумане, хотя никогда раньше не видел такой туман. Облачные испарения не скрывали его окружение; скорее облачные испарения еще не сформировались в окружение. Пол, на котором он лежал, казался белым, скорее теплым, чем холодным, и просто существовал — плоское пустое нечто для того, чтобы лежать.

Он сел. Тело казалось невредимым. Гарри прикоснулся к лицу. Он больше не носил очки.

Затем из несформировавшегося ничто, окружавшего его, донесся шум: короткие мягкие удары чего-то хлопавшего, молотившего и бившегося. Это был печальный и в то же время слегка бестактный звук. Гарри охватило чувство неловкости, будто он подслушивал что-то тайное, постыдное.

Впервые он пожалел, что не одет.

Едва это желание возникло в его голове, неподалеку появилась мантия. Он взял ее и надел: она была мягкой, чистой и теплой. Ее появление было удивительным: так просто, в ту же секунду, когда он пожелал...

Он стоял, озираясь. Возможно, он находился в какой-то огромной комнате по требованию? Чем дальше он осматривался, тем больше мог разглядеть. Высоко над ним в солнечных лучах сверкал огромный купол стеклянной крыши. Возможно, это был дворец. Вокруг царила тишина и спокойствие, за исключением тех странных хлопающих хныкающих звуков, доносившихся из тумана откуда-то неподалеку...

Гарри медленно обернулся: окружающее, казалось, приобретало форму у него на глазах. Широкое открытое место, яркое и чистое; зал, намного просторней, нежели Большой зал, с этим прозрачным стеклянным потолком-куполом. Здесь было совершенно пусто. Он был совсем один, за исключением...

Гарри отпрянул. Он увидел то, что издавало шум. Оно выглядело как маленький обнаженный ребенок, свернувшийся на полу, его кожа была грубой и кровоточила, будто ободранная. Дрожа, оно лежало под сиденьем: покинутое, нежеланное, убранное с глаз долой, борющееся за жизнь.

Гарри боялся его. Несмотря на то, что оно было маленьким, хрупким и израненным, приближаться не хотелось. Тем не менее, Гарри медленно подходил все ближе и ближе, готовый отскочить в любую секунду. Вскоре он стоял достаточно близко, чтобы коснуться, но все еще не мог себя заставить это сделать. Гарри чувствовал себя трусом. Он должен был помочь, но оно вызывало отвращение.

— Ты не можешь помочь.

Он обернулся. Облаченный в широкую темно-синюю мантию, энергичный и держащийся прямо, к нему направлялся Альбус Дамблдор.

— Гарри. — Он широко распростер руки, целые и невредимые. — Ты чудесный мальчик.

Ты отважный, отважный мужчина. Пойдем-ка.

Ошеломленный Гарри последовал за Дамблдором, шагавшим прочь от хныкавшего израненного ребенка к двум незамеченным ранее сиденьям, установленным на некотором расстоянии под тем высоким сверкающим потолком. Дамблдор сел на одно из них, Гарри повалился на другое, глядя в лицо старому директору школы. Длинные серебристые волосы и борода Дамблдора, пронзительные голубые глаза за очками-полумесяцами, кривой нос: все было таким, каким он помнил. Но между тем...

— Ведь вы умерли, — произнес Гарри.

— О да, — сказал Дамблдор, будто так и должно быть.

— Значит... я тоже умер?

— Ах, — произнес Дамблдор, улыбнувшись еще шире, — вот в чем вопрос, не так ли? В целом, мой милый, думаю, что нет.

Он глядели друг на друга, старик по-прежнему широко улыбался.

— Нет? — повторил Гарри.

— Нет. — подтвердил Дамблдор.

— Но... — Гарри машинально поднес руку к шраму. Казалось, тот исчез. — Но я должен был умереть... я не защищался! Я хотел дать ему убить меня!

— И в этом, — заметил Дамблдор, — по-моему, вся разница.

Казалось, Дамблдор излучает радость словно свет, словно огонь; Гарри никогда не видел никого столь абсолютно, столь осязаемо довольного.

— Объясните, — потребовал Гарри.

— Но ведь ты уже знаешь, — сказал Дамблдор. Он сложил руки.

— Я дал им убить себя, — произнес Гарри, — верно?

— Да, — кивнув, согласился Дамблдор, — продолжай!

— Значит, часть его души, которая была во мне...

Дамблдор кивнул еще более воодушевленно, побуждая Гарри продолжать, широкая ободряющая улыбка сияла на его лице.

— ... она исчезла?

— О да! — согласился Дамблдор. — Да, он уничтожил ее. Твоя душа цела и полностью твоя, Гарри.

— Но тогда...

Гарри через плечо взглянул туда, где под стулом дрожало маленькое искалеченное существо.

— Что это, профессор?

— Что-то, чему мы не можем помочь, — ответил Дамблдор.

— Но если Вольдеморт использовал Убийственное проклятье, — вновь начал Гарри, — и никто, кроме меня на этот раз не погиб... как я мог остаться в живых?

— Думаю, ты знаешь, — сказал Дамблдор. — вспоминай. Припомни, что он сделал по своему неведению, своей жадности и жестокости.

Гарри задумался. Его взгляд скользил вокруг. Если они и вправду сидели во дворце, то он был очень странным: стулья стояли небольшими рядами, там и сям были небольшие отрезки рельс, и по-прежнему они с Дамблдором и чахлым существом под стулом были единственными, кто здесь находился. Ответ сорвался с его губ легко, без усилий.

— Он взял мою кровь, — произнес Гарри.

— Совершенно верно! — согласился Дамблдор. — Он взял твою кровь и восстановил с ее помощью свое тело! В его жилах твоя кровь, Гарри, защита Лили внутри вас обоих! Он привязал тебя к жизни, пока живет сам!

— Я живу... пока живет он? Но я думал... я думал, все наоборот! Я считал, мы оба должны умереть? Или это одно и то же?

Его отвлекло хныканье и глухие удары мучавшегося позади существа, и он вновь обернулся.

— Вы уверены, что мы не можем ничем помочь?

— Помочь нельзя.

— Тогда объясните... еще, — попросил Гарри, Дамблдор улыбнулся.

— Ты был седьмым хоркруксом, Гарри, хоркруксом, который он никогда не собирался создавать. Он сделал свою душу столь неустойчивой, что она распалась, когда он совершил невообразимое зло: убийство твоих родителей, попытка убить ребенка. Но то, что спаслось из той комнаты, было даже меньшим, чем он думал. Он утратил больше, чем свое тело. Он оставил часть себя запертой в тебе, предполагаемой жертве, которой удалось спастись.

— Его познания были прискорбно ограничены, Гарри! Вольдеморт не затрудняет себя постижением того, чем не дорожит. О домашних эльфах и детских сказках, о любви, преданности и невинности, Вольдеморт не знает и не понимает ничего. Ничего. То, что они обладают силой, превосходящей его собственную, силой, превосходящей любую магию — истина, которую он так и не постиг.

— Он взял твою кровь, будучи уверенным, что она придаст ему силы. Он привнес в свое тело крошечную частицу того волшебства, которое наложила твоя мать, умерев за тебя. Его тело хранит ее жертву, и пока живо это волшебство, жив ты и жива последняя надежда Вольдеморта на самого себя.

Дамблдор улыбнулся Гарри, Гарри уставился на него.

— И вы это знали? Вы знали... все это время?

— Я догадывался. Но мои догадки обычно были удачными, — радостно произнес Дамблдор; они довольно долго сидели молча, в то время как существо за ними по-прежнему хныкало и содрогалось.

— Это еще не все, — сказал Гарри. — Это еще не все. Почему моя палочка сломала палочку, которую он одолжил?

— Насчет этого я не совсем уверен.

— Тогда догадайтесь, — предложил Гарри и Дамблдор рассмеялся.

— Гарри, ты должен понять, что ты и лорд Вольдеморт вместе отправились в области волшебства до настоящего времени неведомые и неизведанные. По-моему, произошло то, чего не случалось раньше, и, как я полагаю, ни один изготовитель палочек не мог предугадать или объяснить это Вольдеморту.

— Как тебе теперь известно, вернув себе человеческий облик лорд Вольдеморт, против своей воли укрепил связывающие вас узы. Часть его души по-прежнему была прикреплена к твоей и, намереваясь укрепить свои силы, он частично привнес в себя жертву твоей матери. Если бы только он мог осознать абсолютную и ужасающую силу этой жертвы, он бы, возможно, не стремился коснуться твоей крови... но если он мог понять это, он бы не был лордом Вольдемортом и, возможно, никого никогда не убил.

— Укрепив эту двустороннюю связь, объединив ваши судьбы вместе настолько прочно, как никогда за всю историю не были связаны два волшебника, Вольдеморт по-прежнему нападал на тебя с палочкой, делившей сердцевину с твоей. Затем, как нам известно, произошло нечто странное. Такого взаимодействия сердцевин Вольдеморт, не подозревавший о том, что твоя палочка — близнец его, не ожидал.

— Той ночью, Гарри, он был напуган больше, чем ты. Ты принял, даже воспользовался, мыслью о смерти, на что никогда не был способен лорд Вольдеморт. Твоя смелость победила, твоя палочка одолела его. В этот момент между двумя палочками произошло нечто такое, что

отразило отношения между их обладателями.

— Полагаю, той ночью твоя палочка впитала часть силы и способностей палочки Вольдеморта, а вместе с тем и частицу самого Вольдеморта. Поэтому твоя палочка узнала его, когда он преследовал тебя, узнала человека, который одновременно был и родственником ей и смертельным врагом, и извергла его же магию против него, магию, гораздо более могущественную, чем та, которую когда-либо создавала палочка Люциуса. Теперь твоя палочка хранила в себе силу твоей чрезвычайной отваги и беспощадное мастерство самого Вольдеморта: каковы шансы были у жалкой палочки Люциуса Малфоя?

— Но если моя палочка была настолько могущественной, как Гермиона смогла сломать ее? — спросил Гарри.

— Мой дорогой, эти выдающиеся способности были направлены лишь на Вольдеморта, столь губительно вмешавшегося в таинственные законы магии. Палочка была настолько могущественной лишь в отношении него. Во всем остальном это была обычная палочка... хотя, уверен, очень хорошая, — вежливо закончил Дамблдор.

Гарри размышлял долго, а, возможно, секунды. Здесь было сложно не сомневаться в таких вещах, как время.

— Он убил меня вашей палочкой.

— Он не смог убить тебя моей палочкой, — поправил Гарри Дамблдор, — Думаю, мы можем согласиться, что ты не умер... хотя, разумеется, — добавил он, будто опасаясь показаться невежливым, — я не приуменьшаю твои страдания, которые, уверен, были жестокими.

— Хотя сейчас я чувствую себя замечательно, — заметил Гарри, рассматривая свои чистые безупречные руки. — Где мы точно находимся?

— Что ж, я сам собирался тебя спросить, — произнес Дамблдор, озираясь. — Как думаешь, где мы?

До того, как Дамблдор задал вопрос, Гарри не знал. Теперь, однако, он осознал, что готов ответить.

— Это похоже, — медленно произнес он, — на Кингс-Кросс. Разве что здесь чище, и пусто, и, насколько я вижу, нет поездов.

— Кингс-Кросс! — громко хмыкнул Дамблдор. — Неужели?

— Ладно, как по-вашему, где мы? — спросил Гарри, слегка защищаясь.

— Понятия не имею, мой милый. Это, как говорится, твой праздник.

Гарри понятия не имел, что это значило; Дамблдор выводил его из себя. Он уставился на него, затем вспомнил, что есть более спешные вопросы, чем о их местонахождении.

— Дары Смерти, — произнес он, с радостью увидев, что при этих словах с лица Дамблдора исчезла улыбка.

— Ах да, — сказал Дамблдор. Он даже выглядел слегка обеспокоенным.

— Ну что?

Впервые с тех пор, как Гарри встретил Дамблдора, тот казался моложе, чем старик, гораздо моложе. Какое-то мгновение он выглядел словно пойманный за проступком маленький мальчик.

— Сможешь ли ты простить меня? — спросил он. — Сможешь ли простить, что я не доверял тебе? За то, что не говорил тебе? Гарри, я боялся, что тебя постигнет неудача, как и меня. Я опасался, что ты повторишь мои ошибки. Я молю тебя о прощении, Гарри. Теперь я знаю, что ты гораздо лучше.

— О чем вы говорите? — спросил Гарри, пораженный тоном Дамблдора, слезами, внезапно выступившими у того на глазах.

— Дары, Дары, — пробормотал Дамблдор. — Мечта отчаявшегося человека!

— Но они существуют!

— Существуют и таят в себе опасность, маня глупцов, — сказал Дамблдор. — Я был таким глупцом. Но ведь ты об этом знаешь, верно? У меня нет больше от тебя тайн. Ты знаешь.

— Что я знаю?

Дамблдор всем телом повернулся к Гарри, в его ярко-голубых глазах все еще поблескивали слезы.

— Повелитель Смерти, Гарри, повелитель Смерти! Был ли я, в конечном счете, лучше Вольдеморта?

— Разумеется, были, — ответил Гарри. — Разумеется... как вы можете об этом спрашивать? Вы никогда не убивали, если могли этого избежать!

— Верно, верно, — согласился Дамблдор, словно ребенок ищущий поддержки. — Хотя я тоже искал способ преодолеть смерть, Гарри.

— Не тот способ, что и он, — возразил Гарри. После всей его злости странно было сидеть здесь, под высоким сводчатым потолком, и защищать Дамблдора от самого себя. — Дары, а не хоркруксы.

— Дары, — пробормотал Дамблдор, — не хоркруксы. Вот именно.

Некоторое время они молчали. Существо позади хныкало, но Гарри больше не оглядывался.

— Гриндельвальд тоже их искал? — спросил он.

Дамблдор на мгновение закрыл глаза и кивнул.

— Из всего, что нас сблизило, это было главным, — тихо произнес он. — Двое умных самоуверенных юношей, объединенных навязчивой идеей. Он хотел приехать в Годрикову лощину, как, впрочем, полагаю, ты и сам догадался, ради могилы Игнотия Певерелла. Он хотел увидеть место, где умер третий брат.

— Значит, это правда? — спросил Гарри. — Все это? Братья Певерелл...

— ... были тремя братьями из сказки, — подтвердил Дамблдор, кивая. — Да, я так считаю. Встретили ли они Смерть на пустынной дороге... Думаю, скорее всего братья Певерелл были просто одаренными опасными волшебниками, преуспевшими в создании этих могущественных предметов. История о том, что предметы были Дарами Смерти, кажется мне чем-то вроде легенды, возможно возникшей вокруг таких творений.

— Плащ, как тебе теперь известно, передавался из поколения в поколение: от отца к сыну, от матери к дочери, и так к последнему живущему потомку Игнотия, который родился, как и Игнотий, в деревне Годриковой лощины.

Дамблдор улыбнулся Гарри.

— Я?

— Ты. Знаю, ты догадался, почему плащ находился у меня в ту ночь, когда погибли твои родители. За несколько дней до этого, Джеймс показал его мне. Это объясняло большинство его нераскрытых проступков в школе! Я с трудом верил своим глазам. Я попросил одолжить его мне, чтобы изучить. Задолго до этого я оставил свою мечту объединить Дары, но я не мог противиться, не мог не взглянуть поближе... я не видел ничего похожего на этот плащ: очень древний, идеальный во всех отношениях... затем твой отец погиб, и у меня наконец оказались два хоркрукса, оба в моих руках!

Его тон был невыносимо горек.

— Все равно плащ не помог бы им выжить, — быстро сказал Гарри. — Вольдеморт знал, где находились мои родители. Плащ не защитил бы их от проклятья.

— Верно, — вздохнул Дамблдор. — Верно.

Подождав, но так и не дождавшись продолжения, Гарри подсказал Дамблдору.

— Значит, вы перестали искать Дары, увидев плащ?

— О да, — слабо произнес Дамблдор. Казалось, что он с трудом выдерживает взгляд

Гарри. — Тебе известно, что произошло. Ты не можешь презирать меня больше, чем я презираю себя сам.

— Но я не презираю вас...

— А следовало бы, — заметил Дамблдор. Он глубоко вздохнул. — Тебе известно о слабом здоровье моей сестры, что сотворили те магглы, кем она стала. Ты знаешь, что мой бедный отец отомстил, заплатив за это смертью в Азкабане. Тебе известно, что моя мать посвятила свою жизнь уходу за Арианой.

— Я был возмущен этим, Гарри.

Дамблдор заявил об этом прямо, холодным тоном. Его взгляд был устремлен в пространство поверх головы Гарри.

— Я был одаренным, я был выдающимся. Я стремился сбежать. Я хотел блистать. Я жаждал славы.

— Пойми меня правильно, — сказал он, на лице отразилась боль и он снова казался древним. — Я любил их. Я любил своих родителей. Я любил брата и сестру, но я был эгоистом, Гарри, гораздо более эгоистичным, чем такой невероятно бескорыстный человек как ты, может себе представить.

— Поэтому, когда моя мать умерла, и ответственность за больную сестру и своенравного брата легла на мои плечи, я вернулся в родную деревню, охваченный гневом и обидой. Я казался себе загнанным в угол и опустошенным! А затем, разумеется, появился он...

Дамблдор вновь посмотрел Гарри в глаза.

— Гриндельвальд. Ты не можешь себе представить, Гарри, насколько я был увлечен его идеями, воодушевлен ими. Вынужденные подчиняться магглы. Мы, волшебники, празднуем победу. Гриндельвальд и я, прославленные молодые вожди революции.

— О, у меня были некоторые сомнения. Я успокаивал совесть пустыми словами. Это все для величайшего блага, и любой причиненный вред стократной пользой возместится волшебникам. Ведь в глубине души я осознавал, кем был Геллерт Гриндельвальд? Полагаю, да, но я закрыл глаза. Если планы, которые мы вынашивали, принесли плоды, все мои мечты осуществились бы.

— Отправной точкой наших планов были Дары Смерти! Насколько они пленяли его, настолько они пленили нас обоих! Непобедимая палочка — оружие, которое приведет нас к могуществу! Камень воскрешения: для него, хотя я делал вид, что не знаю об этом, означавший войско инферн! Для меня, признаюсь, он означал возвращение родителей, это сняло бы с моих плеч всю ответственность.

— А плащ... каким-то образом мы никогда особенно не обсуждали плащ, Гарри. Мы оба могли скрыть себя и без плаща, истинное волшебство которого в том, что он может защитить и скрыть других так же, как и своего владельца. Я думал, что если мы когда-нибудь найдем его, то сможем спрятать Ариану, но наш главный интерес в плаще заключался в том, что он был третьим Даром. Легенда гласила, что человек, объединивший все три предмета, станет истинным повелителем Смерти, то есть, как мы полагали, станет непобедимым.

— Непобедимые повелители Смерти Гриндельвальд и Дамблдор! Два месяца безумств, жестоких мечтаний и пренебрежения двумя единственными оставшимися членами моей семьи.

— Затем... тебе известно, что произошло. Действительность вернулась в облике моего грубого, необразованного и намного более достойного восхищения брата. Я не хотел слышать правду, которую он кричал мне. Я не хотел слышать о том, что не могу отправляться искать Дары с хрупкой и неустойчивой сестрой на попечении.

— Спор превратился в драку. Гриндельвальд утратил самообладание. То, что я всегда чувствовал в нем, хотя притворялся, что нет, теперь превратилось в ужаснейшее создание. И Ариана... после всей материнской заботы и ухода... упала замертво.

Дамблдор глотнул воздух и искренне расплакался. Протянув руку, Гарри с радостью понял, что может его коснуться, он крепко сжал руку Дамблдора и тот постепенно обрел самообладание.

— Гриндельвальд сбежал, что мог бы предсказать любой, кроме меня. Он исчез вместе с намерениями обрести власть, и своими планами истязаний магглов, и мечтами о Дарах Смерти, мечтами, которые я поддерживал в нем и содействовал. Он сбежал, в то время, как я остался похоронить сестру и учился жить со своей виной и страшным несчастьем, ценой позора.

— Шли годы. О нем ходили слухи. Говорили, что он раздобыл необычайно могущественную палочку. Тем временем, мне предлагали пост министра магии, не однажды, но много раз. Разумеется, я отказывался. Я осознал, что мне нельзя доверять власть.

— Но вы справились бы лучше, гораздо лучше, чем Фадж или Скримджер! — воскликнул Гарри.

— Неужели? — вымученно переспросил Дамблдор. — Не уверен. В юности я убедился, что власть — моя слабость и соблазн. Удивительно, Гарри, но возможно для власти больше годятся те, кто никогда не стремился к ней. Те, кому, как тебе, лидерство было навязано, кто надевает мантию власти, потому что должен, к собственному изумлению обнаруживают, что справляются с этим.

— В Хогвартсе я не представлял опасности. Думаю, я был хорошим учителем...

— Вы были лучшим...

— Ты очень добр, Гарри. Но пока я был занят, обучая юных волшебников, Гриндельвальд создавал войско. Говорят, он боялся меня, возможно, так и было, но, полагаю, меньше, чем я боялся его.

— Нет, не смерти, — сказал Дамблдор, отвечая на вопросительный взгляд Гарри. — Не того, что он мог сделать со мной с помощью магии. Знаю, мы были достойными соперниками, возможно, я был слегка более опытным. Я боялся правды. Видишь ли, я никогда не знал, кто из нас в той последней ужасной битве на самом деле произнес проклятье, убившее мою сестру. Можешь считать меня трусом, Гарри, и будешь прав, но больше всего я боялся узнать о том, что именно я навлек на нее смерть, не путем своей заносчивости и глупости, но тем, что действительно нанес удар, убивший ее.

— Полагаю, ему было известно об этом, думаю, он знал, чего я страшился. Я оттягивал встречу с ним, пока, наконец, сопротивляться и дальше стало бы позором. Люди гибли, казалось, его невозможно остановить, и я сделал, что было в моих силах.

— Что ж, тебе известно, что было дальше. Я победил на дуэли. Я получил палочку.

Снова восцарилась тишина. Гарри не спрашивал, узнал ли Дамблдор когда-нибудь, кто нанес Ариане смертельный удар. Ему не хотелось знать и еще меньше он хотел, чтобы Дамблдору пришлось об этом говорить. Наконец-то он узнал, что именно увидел Дамблдор в Зеркале Еиналеж, и почему он с таким пониманием отнесся к впечатлению, которое оно произвело на Гарри.

Они долго сидели молча, и хныканье существа за ними больше не беспокоило Гарри.

Наконец он произнес: "Гриндельвальд пытался помешать Вольдеморту завладеть палочкой. Знаете, он солгал, сделал вид, что у него ее никогда не было".

Дамблдор кивнул, глядя на колени, на его носу все еще поблескивали слезы.

— Говорят, в последние годы, в одиночестве своей камеры в Нуменгарде, он испытывал раскаяние. Надеюсь, это правда. Мне хочется думать, что он прочувствовал ужас и стыд содеянного. Возможно, его ложь Вольдеморту была попыткой загладить вину... помешать Вольдеморту завладеть Дарами...

— ... или не дать ему проникнуть в вашу гробницу? — предположил Гарри, и Дамблдор



вытер глаза.

После недолгого молчания Гарри произнес: "Вы пытались воспользоваться камнем воскрешения".

Дамблдор кивнул.

— Когда после всех этих лет я обнаружил, что Дар, к которому я стремился больше всего, спрятан в заброшенном доме Гаунтов ... хотя в юности я нуждался в нем по иным причинам... я потерял голову, Гарри. Я почти забыл, что теперь он был хоркруксом, что на кольце точно лежит проклятье. Я поднял его и надел, на мгновение представив, что вот-вот увижу Ариану, мать, отца и расскажу им о том, насколько сильно, сильно сожалею...

— Я был таким глупцом, Гарри. После всех этих лет я ничему не научился. Я был не достоин того, чтобы объединить Дары Смерти, я доказывал это вновь и вновь, и это было последним доказательством.

— Почему? — спросил Гарри. — Это естественно! Вы хотели вновь их увидеть. Что не так?

— Возможно, лишь один из миллиона мог бы объединить Дары, Гарри. Я мог обладать лишь самыми жалкими из них, наименее выдающимися. Я мог обладать лишь старшей палочкой, не хвастаясь ею и не убивая. Мне было позволено укротить и использовать ее, потому что я взял ее не ради выгоды, а для того, чтобы уберечь других.

— Но плащ я взял из напрасного любопытства, и потому он никогда не действовал для меня так, как для тебя — истинного владельца.

Дамблдор похлопал Гарри по руке, Гарри взглянул на старика и улыбнулся, будучи не в силах сдержаться. Разве он мог по-прежнему гневаться на Дамблдора?

— Зачем нужно было все так усложнять?

Дамблдор робко улыбался.

— Боюсь, Гарри, я рассчитывал, что мисс Грейнджер замедлит твою скорость. Я опасался, что твоя горячая голова возобладаст над добрым сердцем. Я боялся, что, узнав сразу все об этих заманчивых предметах, ты, возможно, воспользуешься Дарами как я, в неверное время, по неверным причинам. Я хотел, чтобы ты, если обретишь их, владел ими благополучно. Ты истинный повелитель смерти, ибо истинный повелитель не стремится избежать Смерти. Он принимает то, что должен умереть, и осознает, что существуют гораздо, гораздо более худшие вещи, чем смерть.

— И Вольдеморт не знал о Дарах?

— Думаю нет, потому что он не узнал камень воскрешения и превратил его в хоркрукс. Но даже если он знал, Гарри, сомневаюсь, что он был бы заинтересован в них, за исключением первого. Он бы посчитал, что не нуждается в плаще, а что касается камня: кого бы он захотел воскресить из мертвых? Он страшится мертвых. Он не любит.

— Но вы рассчитывали, что он будет искать палочку?

— С тех пор, как твоя палочка победила палочку Вольдеморта на кладбище в Малом Хенглтоне, я был уверен, что он попытается. Сперва он опасался, что ты победил, поскольку превосходишь его в мастерстве. Как бы там ни было, похитив Олливандера, он узнал о существовании идентичных сердцевин. Он подумал, что это все объясняет. Но и позаимствованная палочка не справилась с твоей! Поэтому Вольдеморт, вместо того, чтобы спросить себя, какое из твоих качеств сделало твою палочку настолько сильной, каким даром ты обладаешь, а он нет, разумеется, решил найти ту палочку, о которой говорят, что она победит любую другую. Для него старшая палочка стала навязчивой идеей, сравнимой с его одержимостью тобой. Он уверен, что старшая палочка устранил его последнее слабое место и сделает его по-настоящему непобедимым. Бедный Северус...

— Если вы со Снейпом продумали вашу смерть, значит, хотели, чтобы он получил старшую

палочку, верно?

— Признаю, что хотел этого, — согласился Дамблдор, — но мое намерение не осуществилось, не так ли?

— Нет, — сказал Гарри. — Немного не вышло.

Существо за ними резко забилося и застонало, Гарри и Дамблдор сидели молча, возможно, впервые так долго. Осознание того, что произойдет дальше, постепенно, на протяжении долгих минут, словно мягко падающий снег, оседало в Гарри.

— Я должен вернуться, верно?

— Тебе решать.

— У меня есть выбор?

— О да, — улыбнулся ему Дамблдор. — Говоришь, мы на Кингс-Кросс? Полагаю, если ты решишь не возвращаться, ты сможешь... скажем так... сесть в поезд.

— И куда я отправлюсь?

— Дальше, — просто сказал Дамблдор.

Снова восцарилась тишина.

— У Вольдеморта старшая палочка.

— Верно. У Вольдеморта старшая палочка.

— Но вы хотите, чтобы я вернулся?

— Полагаю, — ответил Дамблдор, — что если ты решишь вернуться, есть вероятность покончить с ним навсегда. Я не могу обещать. Но я знаю, Гарри, что тебе следует бояться возвращения туда меньше, чем ему.

Гарри вновь взглянул на ободранное существо, содрогавшееся и задыхавшееся вдалеке в тени под стулом.

— Не скорби об умерших, Гарри. Скорби о живущих, и, прежде всего, живущих без любви. Вернувшись, ты сможешь удостовериться, что меньшее количество душ страдает, меньше семей находится в разлуке. Если это кажется тебе достойной целью, тогда мы простимся с настоящим.

Кивнув, Гарри вздохнул. Покинуть это место будет гораздо легче, чем войти в Запретный лес, но здесь было так тепло, и светло, и мирно, и он осознавал, что направляется обратно к боли и страху еще больших потерь. Он встал, то же сделал Дамблдор, и долгое время они всматривались друг в друга.

— Скажите мне напоследок, — сказал Гарри. — Это все на самом деле? Или это происходит лишь в моей голове?

Дамблдор широко улыбнулся, его голос громко и сильно звучал у Гарри в ушах, даже несмотря на вновь оседавший яркий туман, скрывающий его силуэт.

— Разумеется, это происходит в твоей голове, Гарри, но с чего ты взял, что от этого оно становится менее настоящим?

## Глава тридцать шестая. Ошибка Темного Лорда

Он опять лежал на земле лицом вниз. В ноздри врывался запах леса. Он чувствовал под щекой холодную, твёрдую землю, в висок врезалась дужка очков, которые от падения сбились набок. У него всё болело, а в том месте, куда его поразило смертоносное проклятие, было ощущение как от удара железным кулаком. Он не пошевелился, оставаясь лежать точно в том же месте, где упал, левая рука была неловко выгнута в сторону, рот открыт.

Он ожидал, что услышит торжествующие крики и ликование по поводу его смерти, но вместо этого в воздухе звучали торопливые шаги, шёпот и тихие участливые голоса.

— Господин... Господин...

Это был голос Беллатрикс, она говорила так, словно обращалась к возлюбленному. Гарри не осмеливался открыть глаза, но предоставил остальным органам чувств исследовать своё опасное положение. Да, волшебная палочка всё ещё при нём, засунутая под мантию — он ощущал её давление под грудью, прижатой к земле. В области живота чувствовалось что-то небольшое и мягкое — значит, плащ-невидимка тоже на месте, там, куда он запихнул его, чтобы скрыть от посторонних глаз.

— Господин...

— Довольно, — раздался голос Вольдеморта.

Снова шаги: несколько человек отходили назад, все из одного и того же места. Гарри ужасно хотелось увидеть, что там происходит и почему, и он чуть-чуть, на миллиметр приоткрыл глаза.

Вольдеморт, кажется, поднимался с земли. Несколько пожирателей смерти торопливо отходили от него, возвращаясь к толпе, растянувшейся по краю поляны. Осталась одна Беллатрикс, она стояла на коленях возле своего господина.

Гарри снова закрыл глаза и стал размышлять над тем, что увидел. Пожиратели смерти только что толпились вокруг Вольдеморта, который, видимо, упал на землю. Что-то произошло, когда он поразил Гарри смертоносным проклятием. Значит, Вольдеморта тоже сбilo с ног? Похоже на то. И оба они ненадолго потеряли сознание, а теперь оба снова пришли в чувство...

— Господин, позвольте мне...

— Мне не нужна помощь, — холодно проговорил Вольдеморт, и хотя Гарри не мог этого видеть, он ясно представил, как Беллатрикс отдёргивает протянутую руку. — Мальчишка... Он умер?

На поляне стояла мёртвая тишина. К Гарри никто не приближался, но он чувствовал их пристальные взгляды, сосредоточенные на нём, они как будто ещё сильнее придавливали его к земле, и он с ужасом думал, что будет, если у него ненароком дёрнется веко или один палец.

— Ты, — приказал Вольдеморт, и следом раздался хлопок и слабый крик боли. — Осмотри его. Скажи мне, умер он или нет.

Гарри не знал, кого послали удостовериться в его смерти. Ему оставалось только лежать с предательски колотящимся сердцем и ждать, когда его осмотрят, но в то же время он отметил про себя, каким бы ничтожным ни было это утешение, что Вольдеморт боится к нему подойти, что он подозревает: всё пошло не так, как он рассчитывал...

Чьи-то руки, бережнее, чем он ожидал, прикоснулись к его лицу, проверили сердце. Он слышал частое дыхание женщины, чувствовал живое биение вплотную к своему телу.

— Драко жив? Он в замке?

Шёпот был еле различим. Её губы двигались в каком-то дюйме от его уха, она так низко склонила голову, что её длинные волосы заграживали его лицо от чужих глаз.

— Да, — выдохнул он в ответ.

Он почувствовал, как рука, лежавшая на его груди, сжалась; её ногти вонзились в него. Потом она убрала руку и выпрямилась.

— Он мёртв! — громко объявила Нарцисса Малфой ожидающей толпе.

И вот тогда они разразились криками, они торжествующе вопили и топали ногами, и сквозь сомкнутые веки Гарри видел, как в воздух взметнулись красные и серебристые огни в честь радостного события.

Продолжая лежать на земле и прикидываться мёртвым, он понял. Нарцисса знала, что у неё есть только один путь, чтобы войти в Хогвартс и найти своего сына: вместе с армией победителей. Ей было уже всё равно, одержит ли Вольдеморту победу.

— Видите? — пронзительно прокричал Вольдеморту, перекрывая общий шум. — Гарри Поттер пал от моей руки, и теперь ни один человек на земле не может мне угрожать! Смотрите! Круцио!

Гарри ждал этого, знал, что его телу не дадут лежать на лесной подстилке просто так, неосквернённым; его непременно нужно было подвергнуть унижению в знак победы Вольдеморта. Его подняло в воздух, и ему потребовалась вся его решимость, чтобы оставаться расслабленным, но боли, которую он ожидал, не было. Его подбросило вверх — один, два, три раза. С него слетели очки, и палочка, он чувствовал, немного сдвинулась под мантией, но он продолжал притворяться вялым и безжизненным, и когда он в последний раз упал на землю, поляна огласилась издевательскими возгласами и визгливым смехом.

— А теперь, — объявил Вольдеморту, — мы пойдём в замок и покажем им, что стало с их героем. Кто понесёт тело? Нет — подождите...

Снова взрыв смеха, и через несколько мгновений Гарри почувствовал, что земля возле него задрожала.

— Ты его понесёшь, — сказал Вольдеморту. — В твоих руках его будет отлично видно, не правда ли? Подними своего маленького приятеля, Хагрид. Да, и очки — наденьте ему очки — нужно, чтобы его легко было узнать...

Кто-то с умышленной грубостью снова надвинул очки на лицо Гарри, но громадные руки, поднявшие его вверх, были необычайно нежны. Гарри чувствовал, как дрожат руки Хагрида от силы сотрясавших его рыданий; огромные слёзы падали прямо на него. Хагрид баюкал его на своих руках, а Гарри не смел, словом или жестом, подать ему знак, что не всё ещё потеряно.

— Пошёл! — приказал Вольдеморту, и Хагрид, спотыкаясь, двинулся вперёд, в обратный путь через лес, продираясь между тесно растущими деревьями.

Ветки цеплялись за мантию и волосы Гарри, но он лежал неподвижно, с разинутым ртом и закрытыми глазами, и в этой темноте, когда пожиратели смерти толпились вокруг них со всех сторон, а Хагрид безутешно рыдал, никто не позаботился посмотреть, не бьётся ли пульс на открытой шее Гарри Поттера...

Следом за пожирателями смерти ломились два великана; Гарри было слышно, как трещат и валятся деревья там, где они проходили; они поднимали такой шум, что заглушали даже глумливые выкрики пожирателей смерти, а птицы с криками взлетали в небо. Победоносная процессия продвигалась вперёд, к открытой местности, и через какое-то время Гарри заметил сквозь сомкнутые веки, что тьма уже не так непроглядна — деревья стали редеть.

— БЕЙН!

От неожиданного вопля Хагрида он едва не открыл глаза.

— Что, рады небось, что драться не пошли, клячи трусливые? Рады, что Гарри Поттера... больше нет...?

Хагрид не мог говорить дальше, только снова разразился рыданиями. Гарри хотелось знать,

много ли кентавров наблюдают за их процессией, но он не осмеливался открыть глаза и посмотреть. Кентавры остались позади; кое-кто из пожирателей смерти выкрикивал в их адрес оскорбительные слова. Немного погодя Гарри понял по тому, как посвежел воздух, что они достигли края леса.

— Стоять.

Гарри подумал, что Хагрида, видимо, силой заставили подчиняться приказам Волдеморта, потому что тот слегка пошатнулся. А потом на всех стоявших повеяло холодом, и Гарри услышал хриплое дыхание дементоров, которые охраняли край леса. Но сейчас они были ему не страшны. Сознание того, что он остался жив, горело в нём, как спасительный талисман, словно отцовский олень стоял на страже в его душе.

Кто-то прошёл мимо Гарри, совсем близко, и он догадался, что это сам Волдеморт, потому что через какое-то мгновение тот заговорил. Его голос, магически усиленный, разносился в пространстве, терзая барабанные перепонки Гарри.

— Гарри Поттер мёртв. Он был убит, когда бежал, пытаясь спасти себя, в то время как вы отдавали за него свои жизни. Мы принесли вам его тело, чтобы вы убедились в смерти своего героя. Битва проиграна. Вы потеряли половину своих воинов. Моих пожирателей смерти намного больше, чем вас, и с Мальчиком, Который Выжил, покончено. Война не должна больше продолжаться. Всякий, кто не прекратит сопротивляться, будь то мужчина, женщина или ребёнок, будет уничтожен, как и все члены его семьи. А теперь выйдите из замка, преклоните передо мной колени, и я пощажу вас. Ваши родители и дети, братья и сёстры останутся в живых и будут прощены, и мы объединимся с вами в новом мире, который построим вместе.

Из замка и его окрестностей не доносилось ни единого звука. Волдеморт стоял так близко к Гарри, что он не отваживался снова открыть глаза.

— Вперёд, — скомандовал Волдеморт, и Гарри услышал, как тот двинулся вперёд, и Хагрид, против своей воли, за ним. Тогда Гарри совсем чуть-чуть приоткрыл глаза и увидел, что Волдеморт широкими шагами идёт впереди всех, а огромная змея Нагини лежит, обвивая его плечи — теперь она была освобождена от своей заколдованной клетки. Но у Гарри не было возможности достать свою палочку, спрятанную под мантией, незаметно для пожирателей смерти, которые шагали с обеих сторон от него в постепенно светлеющем сумраке...

— Гарри, — рыдал Хагрид. — Ох, Гарри... Гарри...

Гарри опять плотно сомкнул веки. Он знал, что они приближаются к замку, и напряг слух, чтобы различить сквозь ликующие голоса и топот пожирателей смерти признаки жизни тех, кто был там, внутри.

— Стой.

Пожиратели остановились: Гарри было слышно, как они выстраиваются в ряд, лицом к открытому парадному входу школы. Даже сквозь сжатые веки он различал красноватое сияние — свет, падавший на него из холла. Он ждал. Вот-вот настанет тот миг, когда те, за кого он собирался отдать жизнь, увидят, что он лежит на руках Хагрида, без всякого сомнения мёртвый.

— НЕТ!

Крик был особенно ужасен потому, что Гарри никогда бы не мог подумать или представить, что профессор Макгонагалл может так кричать. Он услышал, как рядом смеётся другая женщина, и понял — это Беллатрикс упивается отчаянием Макгонагалл. Он опять, всего на секунду, украдкой приоткрыл глаза и увидел, как дверной проём наполняется людьми — те, кто уцелел в сражении, вышли на крыльцо, чтобы встретиться лицом к лицу со своими завоевателям и собственными глазами убедиться в страшной правде: Гарри мёртв. Он видел Волдеморта — тот стоял немного впереди, поглаживая голову Нагини одним белым пальцем. Гарри снова закрыл глаза.

— Нет!

— Нет!

— Гарри! ГАРРИ!

Слышать голоса Рона, Гермионы и Джинни было ещё хуже, чем Макгонагалл; Гарри ничего так не хотелось, как откликнуться, но он заставил себя лежать тихо. Их крики словно прорвали плотину: толпа уцелевших подхватила их, все вопили и выкрикивали ругательства в адрес пожирателей смерти, до тех пор пока...

— МОЛЧАТЬ! — взвизгнул Вольдемор, потом раздался хлопок, сверкнула яркая вспышка, и никто больше не мог издать ни звука. — Всё кончено! Хагрид, положи его — здесь, у моих ног, где ему и место!

Гарри почувствовал, как его опускают на траву.

— Вы видите? — заговорил Вольдемор, и Гарри понял, что тот расхаживает туда-сюда совсем рядом с тем местом, где он лежал. — Гарри Поттер мёртв! Теперь-то вы поняли, как вы заблуждались? Он ничего из себя не представлял, никогда — всего лишь мальчишка, который надеялся, что другие принесут себя в жертву ради него!

— Он был сильнее тебя! — выкрикнул Рон, и заклинание разрушилось: защитники Хогвартса опять принялись кричать и вопить, пока второй хлопок, ещё громче первого, снова не заставил их голоса смолкнуть.

— Он был убит, когда пытался тайком выбраться с территории замка, — сказал Вольдемор, и в его голосе звучало наслаждение от собственной лжи. — Убит, когда пытался спасти свою шкуру...

Но тут он внезапно умолк. Гарри услышал звуки борьбы, крик, потом опять что-то грохнуло, сверкнула вспышка и кто-то застонал от боли. Он чуть-чуть раздвинул веки, приоткрыв самую маленькую щёлочку. Кто-то вырвался из толпы и бросился на Вольдеморта: Гарри увидел, как человек падает на землю, сражённый обезоруживающим заклятием, а Вольдемор отшвыривает в сторону палочку наглеца и смеётся.

— А это ещё кто? — произнёс он тихим шипящим голосом. — Кто сам вызвался показать нам, что бывает с теми, кто продолжает драться, когда битва проиграна?

У Беллатрикс вырвался восторженный смешок.

— Это Невилл Лонгботтом, господин! Тот самый мальчишка, что доставлял столько забот Кэрроу! Сын авроров, помните?

— Ах да, припоминаю, — проговорил Вольдемор, сверху вниз глядя на Невилла, который силился подняться на ноги, а потом встал, безоружный, ничем не защищённый, на пустом пространстве между уцелевшими друзьями и пожирателями смерти. — Но ведь ты чистокровный, не правда ли, мой смелый мальчик? — спросил он Невилла, который стоял перед ним, сжимая пустые руки в кулаки.

— И что с того? — громко отозвался Невилл.

— Ты выдаешь силу духа и отвагу, и происходишь из славного рода. Из тебя получится неоценимый пожиратель смерти. Нам нужны такие, как ты, Невилл Лонгботтом.

— Чтобы я присоединился к тебе? Не дождёшься! — ответил Невилл. — Армия Дамблдора! — крикнул он, и из толпы ему ответили одобрительными возгласами — похоже, глушащие чары Вольдеморта не могли их сдержать.

— Прекрасно, — проговорил Вольдемор, и в его вкрадчивом голосе Гарри слышалось больше угрозы, чем в самом страшном проклятии. — Если таков твой выбор, Лонгботтом, мы вернёмся к первоначальному плану. И в этом, — тихо прибавил он, — только твоя вина.

Продолжая подглядывать сквозь ресницы, Гарри увидел, что Вольдемор взмахнул волшебной палочкой. Спустя несколько мгновений из одного разбитого окна замка вылетело

нечто напоминавшее бесформенную птицу, пронеслось сквозь сумрак и опустилось на руку Вольдеморта. Он встряхнул покрытый плесенью предмет за острый кончик, и тот закачался в его руке, пустой и ветхий: распределяющая шляпа.

— В школе Хогвартс не будет больше распределения, — произнёс Вольдеморт. — И факультетов больше не будет. Для всех будет достаточно герба, символа и цветов моего благородного предка, Салазара Слизерина. Ты согласен, Невилл Лонгботтом?

Он направил палочку на Невилла, который сразу окаменел, а потом натянул шляпу ему на голову, так что она съехала ниже глаз. Глядевшая на них толпа перед замком пришла в движение, и пожиратели смерти все как один подняли свои палочки, удерживая воинов Хогвартса в повиновении.

— Сейчас Невилл покажет нам, что станет со всяким, кто будет настолько глуп, что продолжит мне сопротивляться, — сказал Вольдеморт, и от одного быстрого движения его палочки распределяющая шляпа загорелась.

Пронзительные крики разорвали предрассветные сумерки. Невилл был охвачен пламенем, прикованный к месту, не в силах шевельнуться, и Гарри не мог этого стерпеть: он должен действовать...

И тут в одно и то же время произошло несколько событий.

От дальней границы школы донёсся гул: похоже, сотни людей перебрались через стены, которых не было отсюда видно, и с громким боевым кличем устремились к замку. Одновременно из-за угла замка неуклюже вышел Гроп и позвал во весь голос: "ХАГЕР!" На его крик ответили рёвом великаны Вольдеморта: они налетели на Гропа, как слоны, и под ними затряслась земля. Потом раздался топот копыт и звон тетивы луков, и в пожирателей смерти внезапно посыпались стрелы, и те нарушили строй, в изумлении что-то выкрикивая. Гарри вынул из-под мантии плащ-невидимку, набросил его на себя и вскочил на ноги. Невилл тоже не остался в стороне.

Одним быстрым, плавным движением Невилл освободился от наложенного на него заклятия полного сковывания; пылающая шляпа упала с него, и он вытащил из глубины её что-то серебряное, со сверкающей рукояткой, украшенной рубинами...

Свист серебристого лезвия невозможно было расслышать сквозь рёв надвигающейся толпы, грохот от столкновения великанов и топот обратившихся в бегство кентавров, и всё же меч, кажется, приковал к себе все взгляды. Одним взмахом Невилл отсёк голову огромной змеи, и она, вертясь, взлетела высоко вверх, поблескивая в свете, падающем из холла, и рот Вольдеморта был раскрыт в беззвучном крике ярости, и тело змеи с глухим стуком повалилось на землю к его ногам...

Гарри, скрытый под плащом-невидимкой, установил магический щит — отражающие чары между Невиллом и Вольдемортом, пока последний не успел двинуть на них отряд своих боевых великанов. И тут всё остальное перекрыл зычный голос Хагрида.

— ГАРРИ! — кричал он. — ГАРРИ! ГДЕ ГАРРИ?

Воцарился хаос. Кентавры наступали, и пожиратели смерти разбежались кто куда, каждый старался увернуться от тяжёлых великаньих ног, и всё ближе и ближе гремело подкрепление, явившееся неизвестно откуда. Гарри видел, как над головами Вольдемортовых великанов кружат огромные крылатые звери: тестралы и гиппогриф Коньклнов целились им в глаза, а Гроп молотил их кулаками. Теперь и волшебники-защитники Хогвартса, и пожиратели смерти вынуждены были отступить в замок. Гарри метал всевозможные заклятия в каждого пожирателя смерти, попадавшего ему на глаза, и они падали, как подкошенные, не понимая, кто или что их сразило, и их тела накрывало отступающей толпой.

Гарри, по-прежнему скрытого под плащом-невидимкой, оттеснило в холл. Он искал

Вольдеморту и увидел его на другой стороне комнаты: тот метал заклинания из своей палочки, отступая в Большой зал и продолжая выкрикивать указания своим сторонникам. Его проклятия разлетались направо и налево. Гарри установил ещё один магический щит, и те, кто мог бы стать очередными жертвами Вольдеморты — Шеймус Финниган и Ханна Аббот, промчались мимо него в Большой зал, где присоединились к сражению, которое уже вовсю разворачивалось там.

А люди тем временем всё прибывали и прибывали, устремляясь вверх по парадной лестнице: Гарри увидел Чарли Уизли, который обгонял Горация Снобгорна, всё ещё одетого в изумрудно-зелёную пижаму. Видимо, они вернулись во главе отряда, состоящего, похоже, из друзей и родных всех учеников Хогвартса, которые остались сражаться, а также из жителей и владельцев магазинов Хогсмита. С оглушительным грохотом копыт в зал ворвались кентавры Бейн, Ронан и Магориан, а за спиной Гарри сорвало с петель дверь, ведущую в кухню.

Домашние эльфы Хогвартса рекой хлынули в холл, пронзительно голося и размахивая разделочными ножами и топориками, и впереди всех, с подпрыгивающим на груди медальоном Регула Блэка, шёл Скрипун, его голос, напоминающий кваканье огромной лягушки, был слышен даже в таком шуме:

— В бой! В бой! Сразимся за моего хозяина, защитника домашних эльфов! Сразимся с Тёмным Лордом, во имя отважного Регула! В бой!

Они рубили и кололи, попадая в голени и лодыжки пожирателей смерти, их крохотные лица горели злобой. И всюду, куда бы Гарри ни кинул взгляд, пожиратели смерти терпели поражение, не в силах устоять против численного превосходства: одного сразило заклятие, другой вытаскивал из раны стрелу, кому-то проткнули ногу эльфы, а кто попросту решил бежать, но был поглощён наступающим людским потоком.

Но это был ещё не конец. Гарри устремился между сражающимися, мимо сопротивляющихся пленных в Большой зал.

Вольдеморту был в самой гуще сражения, он бил и разил всех, кто оказывался поблизости. Гарри не мог как следует прицелиться и поэтому стал пробираться к нему поближе, по-прежнему невидимый, а Большой зал тем временем продолжал заполняться людьми: все, кто ещё мог идти, стремились прорваться туда.

Гарри видел, как Джордж и Ли Джордан повалили на пол Якли, как с воплем рухнул Долохов, побеждённый Флитвиком, как Хагрид швырнул через весь зал Уолдена Макнейра, так что тот врезался в каменную стену напротив и без чувств сполз на пол. Он видел, как Рон с Невиллом одолели Фенрира Серого, Аберфорт оглушил заклятием Руквуда, Артур и Перси Уизли сбили с ног Тикнесса, и как сквозь толпу пробежали Люциус и Нарцисса Малфой — они даже не пытались вступить в бой, а лишь громко звали своего сына.

Вольдеморту дрался сейчас с Макгонагалл, Снобгорном и Кингсли одновременно, и в лице его была холодная ненависть, а они металась вокруг него, пригибаясь и уворачиваясь, и всё никак не могли с ним справиться...

Беллатрикс тоже ещё сражалась, она была в пятидесяти ярдах от Вольдеморты, и так же, как и её господин, билась с тремя сразу: Гермией, Джинни и Луной. Девушки дрались отчаянно, но Беллатрикс не уступала им, и Гарри отвлёкся от своей цели, увидев, как смертоносное проклятие промелькнуло так близко от Джинни, что она была всего на дюйм от смерти...

Он изменил направление и помчался не к Волдеморту, а к Беллатрикс, но не успел сделать и нескольких шагов, как что-то оттолкнуло его в сторону.

— НЕ ТРОНЬ МОЮ ДОЧЬ, ДРЯНЬ!

К ним бежала миссис Уизли, на ходу сбрасывая плащ, освобождая руки, и Беллатрикс развернулась на месте и громко расхохоталась при виде нового противника.

— ПРОЧЬ С ДОРОГИ! — прорычала миссис Уизли девочкам, а потом простым, резким



движением волшебной палочки начала поединок. Гарри с ужасом и восхищением смотрел, как мелькает и хлещет палочка Молли Уизли. Улыбка Беллатрикс Лестранж угасла и сменилась злобным оскалом. Из обеих палочек выстреливали лучи света, пол под ногами двух волшебниц накалился и потрескался; обе женщины бились насмерть.

— Нет! — крикнула миссис Уизли, когда несколько учеников выбежали вперёд, пытаясь прийти ей на помощь. — Отойдите! Отойдите! Она моя!

Вдоль стен зала стояли сейчас сотни людей, наблюдая за двумя схватками: Вольдеморта с его тремя противниками и Беллатрикс с Молли, и Гарри тоже стоял, невидимый, и разрывался между ними, ему хотелось нанести удар, но при этом не навредить — он не мог быть уверенным, что не попадёт в невиновных.

— Что же будет с твоими детишками, когда я тебя убью? — насмехалась Беллатрикс, неистовая, как её повелитель, играючи отскакивая от мечущихся вокруг неё проклятий Молли. — Когда мамочка отправится вслед за Фредди?

— Ты — больше — никогда — не тронешь — наших — детей! — прокричала миссис Уизли.

Беллатрикс рассмеялась таким же восторженным смехом, как её кузен Сириус перед тем, как опрокинуться назад, сквозь занавес, и внезапно Гарри понял, что сейчас произойдёт.

Проклятие, выпущенное Молли, скользнуло вверх под вытянутой рукой Беллатрикс и ударило её прямо в грудь, в самое сердце.

Торжествующая улыбка Беллатрикс застыла, глаза как будто выпучились: всего один, самый краткий миг она знала, что с ней произошло, а потом она повалилась на пол, и толпа зрителей взревела, а у Вольдеморта вырвался пронзительный крик.

Гарри казалось, что всё вокруг движется в замедленной съёмке; он видел, как Макгонагалл, Кингсли и Снобгорна отбросило назад, и они пролетели по воздуху, извиваясь и корчась — это взорвалась, словно бомба, ярость Вольдеморта при виде гибели его последней, самой лучшей помощницы. Тёмный Лорд поднял палочку и направил её на Молли Уизли.

— Протего! — заорал Гарри, и посреди зала вырос магический щит. Вольдемо́рт стал озираться на голос, и тогда Гарри наконец-то снял плащ-невидимку.

Раздался потрясённый крик, радостные возгласы, всюду слышалось: "Гарри!", "ОН ЖИВ!", но почти тотчас же всё стихло. Толпу охватил страх, и мгновенно воцарилась полная тишина, когда Вольдемо́рт и Гарри посмотрели друг на друга и оба разом двинулись по кругу, один напротив другого.

— Мне не нужно помогать, — громко произнёс Гарри, и в мёртвой тишине его голос прозвучал, как трубный глас. — Так должно быть. Это должен сделать я.

Вольдемо́рт злобно зашипел.

— Поттер вовсе не это хотел сказать, — проговорил он, и его красные глаза расширились. — Разве так он обычно поступает? Кем на этот раз ты будешь прикрываться, Поттер?

— Никем, — просто ответил Гарри. — Хоркруксов больше не осталось. Теперь — только ты и я. Ни один не может жить, пока жив другой, и скоро останется только один из нас...

— Один из нас? — насмешливо спросил Вольдемо́рт. Всё его тело было напряжено, взгляд красных глаз сосредоточен: змея, приготовившаяся к броску. — Думаешь, это будешь ты, не так ли, мальчишка, уцелевший по чистой случайности, да ещё потому, что Дамблдор дёргал за ниточки?

— Разве это была случайность, когда моя мать умерла, чтобы спасти меня? — отозвался Гарри. Оба продолжали двигаться боком, описывая правильный круг, всё время оставаясь на неизменном расстоянии друг от друга, и для Гарри не существовало других лиц, кроме лица

Вольдеморта. — Случайность, когда я предпочёл драться, там, на кладбище? Случайность, что сегодня ночью я не стал защищать себя и всё-таки остался жив, и вернулся, чтобы снова сражаться?

— Да, случайность! — выкрикнул Вольдеморт, но по-прежнему не наносил удара, и наблюдавшая за ними толпа окаменела, словно жертвы василиска — казалось, никто из сотен людей, что были в зале, не смел даже вздохнуть, кроме них двоих. — Случайность и везение! И ты вечно хныкал и прятался за спинами других, более сильных мужчин и женщин, и позволял мне убивать их вместо тебя!

— Больше ты сегодня никого не убьёшь, — сказал Гарри. Они всё кружили, и две пары глаз, не отрываясь, смотрели друг на друга — зелёные и красные. — Ты больше никогда не сможешь никого погубить. Разве ты не понял? Я был готов умереть ради того, чтобы не дать тебе снова причинять зло этим людям...

— Но ты не умер!

— Я собирался, и это меняет всё. Я сделал то же, что и моя мать. Теперь они защищены от тебя. Разве ты не заметил, что ни одно заклинание из тех, что ты произносил, не действует? Ты не можешь их мучить. Ты не можешь причинить им вред. Совсем не учишься на своих ошибках, да, Реддль?

— Ты смеешь...

— Да, смею, — произнёс Гарри. — Я знаю то, чего не знаешь ты, Том Реддль. Я знаю много важных вещей, которые тебе незнакомы. Хочешь, поделюсь, пока ты не совершил ещё одну большую ошибку?

Вольдеморт ничего не ответил, лишь крадучись двигался по кругу, и Гарри понял, что на время завладел вниманием противника, что того удерживает от нападения ничтожно малая вероятность: вдруг Гарри и правда знает какой-нибудь главный секрет...

— Опять любовь? — проговорил Вольдеморт с насмешливым выражением на змеином лице. — Любимое объяснение Дамблдора, любовь, которая побеждает смерть, как он утверждал, хотя никакая любовь не помешала ему свалиться с башни и разбиться, как старая восковая кукла! Любовь, которая не помешала мне раздавить твою грязнокровку мать как таракана, Поттер — а тебя, кажется, никто больше не любит так сильно, чтобы выбежать вперёд и принять моё проклятие на себя. Так что же не даст тебе умереть сейчас, когда я нанесу удар?

— Только одно, — ответил Гарри, и они продолжали кружить, не отрываясь друг от друга, и только последний секрет не давал им сойтись в схватке.

— Поскольку любовь не спасёт тебя на этот раз, — проговорил Вольдеморт, — то ты, должно быть, веришь, что владеешь магией, неизвестной мне, или что у тебя есть оружие могущественнее моего?

— И то, и другое, — сказал Гарри и увидел, как на змеином лице мелькнуло потрясение, но сейчас же прошло, Вольдеморт расхохотался, и этот звук был страшнее, чем любые его крики — безумный и совсем не весёлый, он разносился эхом в тишине зала.

— Думаешь, ты знаешь больше магии, чем я? — проговорил он. — Я, лорд Вольдеморт, достигший таких вершин волшебства, о каких не мечтал и сам Дамблдор?

— Да нет, он мечтал, — возразил Гарри, — но он знал больше, чем ты, и этих знаний было достаточно, чтобы не делать того, что сделал ты.

— Ты хочешь сказать, что он был слаб! — воскликнул Вольдеморт. — Слишком слаб, чтобы осмелиться, слишком слаб, чтобы взять то, что могло бы принадлежать ему, а теперь будет принадлежать мне!

— Нет, просто он был умнее тебя, — возразил Гарри, — и лучше: как волшебник и как человек.

— Альбус Дамблдор обязан мне своей смертью!

— Это ты так думаешь, — произнёс Гарри, — но ты ошибался.

При этих словах толпа зрителей заволновалась — сотни людей, стоявшие вдоль стен, разом перевели дыхание.

— Дамблдор мёртв! — Вольдеморт бросил эти слова в Гарри, словно они должны были причинить ему невыносимую боль. — Он лежит и разлагается в мраморной гробнице, здесь, возле этого замка, я видел его, Поттер! Он не вернётся!

— Дамблдор мёртв, это правда, — спокойно сказал Гарри, — но он не был убит по твоему приказу. Он сам выбрал, как ему умереть, выбрал за много месяцев до того, как это случилось, и договорился обо всём с человеком, которого ты считал своим слугой.

— Что за дурацкие фантазии? — спросил Вольдеморт, но по-прежнему не нападал, и взгляд его красных глаз не отрывался от глаз Гарри.

— Северус Снейп служил не тебе, — ответил Гарри. — Снейп работал на Дамблдора. Он встал на его сторону с того самого времени, когда ты начал преследовать мою мать. А ты и не догадывался, потому что не понимал одной вещи. Ты никогда не видел, как Снейп создаёт патронуса, да, Реддль?

Вольдеморт не ответил. Они продолжали кружить друг против друга как волки, готовые разорвать противника в клочья.

— Патронусом Снейпа была лань, — пояснил Гарри, — как у моей матери, потому что он любил её чуть ли не всю жизнь, с тех пор как они были детьми. Тебе следовало бы догадаться, — добавил он, видя, как раздулись ноздри Вольдеморта, — он ведь попросил оставить её в живых, верно?

— Он желал её, только и всего, — презрительно сказал Вольдеморт, — но когда её не стало, он согласился, что есть и другие женщины, с чистой кровью, более достойные его...

— Ну конечно, это он так тебе сказал, — возразил Гарри, — но он был шпионом Дамблдора с того момента, как ей начала грозить опасность, и с тех пор всё время действовал против тебя! Дамблдор уже и так умирал, когда Снейп оборвал его жизнь!

— Это неважно! — взвизгнул Вольдеморт, который ловил каждое слово с жадным вниманием, но теперь у него вырвался безумный, кудахчущий смех. — Неважно, кому служил Снейп — мне или Дамблдору, и какие там мелкие преграды они пытались поставить на моём пути! Я раздавил их обоих, как раздавил твою мать, якобы большую любовь Снейпа! Так-так, но ведь всё сходится, Поттер, и ты даже не подозреваешь, каким образом! Дамблдор пытался утаить от меня Сильнейшую палочку! Он задумал сделать так, чтобы Снейп стал её истинным хозяином! Но я опередил тебя, мальчишка — я добрался до этой палочки прежде, чем ты успел её присвоить, я докопался до истины раньше тебя. Три часа назад я убил Северуса Снейпа, и теперь Сильнейшая палочка, Жезл Смерти, Палочка Судьбы действительно моя! Последний план Дамблдора провалился, Гарри Поттер!

— Ну да, провалился, — согласился Гарри. — Это правда. Но прежде чем ты попытаешься меня убить, я бы тебе посоветовал подумать, что ты натворил... Подумай, Реддль, и попробуй хоть немного раскаяться...

— Это ещё что такое?

Из всех слов, что сказал ему Гарри, ничто, будь то самые неожиданные открытия или насмешки, не потрясло Вольдеморта сильнее. Гарри увидел, как его зрачки превратились в узкие щели, а кожа вокруг глаз побелела.

— Это твой последний шанс, — ответил Гарри, — всё, что тебе осталось... А иначе... Я видел, что с тобой тогда будет... Будь мужчиной... постарайся... Попробуй раскаяться...

— Ты смеешь...? — снова произнёс Вольдеморт.

— Да, смею, — подтвердил Гарри, — потому что последний план Дамблдора никак не отразился на мне. Он отразился на тебе, Реддль.

Рука Вольдеморта, державшая Сильнейшую палочку, дрожала. Гарри изо всех сил стиснул палочку Драко. Он знал: до решающего момента остались считанные секунды.

— Эта палочка всё равно не служит тебе по-настоящему, потому что ты убил не того человека. Северус Снейп никогда не был истинным хозяином Сильнейшей палочки. Он не побеждал Дамблдора.

— Но он убил...

— Ты что, не слушал? Снейп никогда не побеждал Дамблдора в бою! Они договорились обо всём заранее! Дамблдор сам решил умереть, непобеждённый, последний истинный хозяин этой палочки! Если бы всё прошло так, как было задумано, то сила палочки умерла бы вместе с ним, потому что она не была у него отвоёвана!

— Но это значит, Поттер, что Дамблдор всё равно что сам отдал мне эту палочку! — голос Вольдеморта дрожал от злобной радости. — Я украл её из гроба её последнего хозяина! Я взял её против воли последнего хозяина! Её сила принадлежит мне!

— Так ты опять ничего не понял, Реддль? Владеть палочкой — это ещё не всё! Ты можешь держать её в руках, пользоваться ею, но от этого она не станет по-настоящему твоей. Не помнишь, что говорил Олливандер? Палочка выбирает волшебника... Сильнейшая палочка ещё до смерти Дамблдора признала нового хозяина — человека, который даже ни разу не держал её в руках. Новый хозяин выбил палочку из рук Дамблдора против его воли, даже не поняв толком, что он сделал, не поняв, что самая опасная волшебная палочка на свете признала его власть над собой...

Грудь Вольдеморта быстро вздымалась и опадала, и Гарри чувствовал, что проклятие уже близко, чувствовал, как оно назревает в сердцевине палочки, направленной ему в лицо.

— Истинным хозяином Сильнейшей палочки был Драко Малфой.

Вольдемо́рт, казалось, был совершенно ошеломлён, но через какое-то мгновение снова пришёл в себя.

— Но какое это имеет значение? — тихо проговорил он. — Даже если ты прав, Поттер, для нас с тобой это ничего не меняет. У тебя больше нет твоей палочки с пером феникса: мы будем биться, полагаясь только на мастерство... а когда я убью тебя, могу заняться и Драко Малфоем...

— Ты опоздал, — заявил Гарри. — Ты упустил свой шанс. Я опередил тебя. Я победил Драко уже много недель назад. Я отобрал у него палочку.

Боярышниковая палочка дёрнулась в руке Гарри, и он почувствовал, что взгляды всех присутствующих в зале устремлены на неё.

— Так что теперь всё сводится к одному, не так ли? — шёпотом произнёс Гарри. — Знает ли палочка, которую ты держишь в руке, что её последний хозяин был обезоружен? Потому что если она это знает... Истинный хозяин Сильнейшей палочки — я.

Над ними, на заколдованном небе-потолке, вдруг разлилось алое сияние, и над подоконником ближайшего окна показался ослепительный край солнца. Свет одновременно ударил в лица им обоим, так что лицо противника показалось Гарри расплывчатым сгустком пламени. Гарри услышал, как пронзительный голос выкрикивает что-то, и сам тоже завопил, обращая к небесам свою последнюю надежду и выставив вперёд палочку Драко:

— Авада Кедавра!

— Экспеллиармус!

Раздался грохот, подобный пушечному выстрелу, и между ними, в самом центре круга, по которому они двигались, полыхнули золотые языки пламени, обозначив точку, где столкнулись

два заклęcia. Гарри видел, как зелёный луч, выпущенный Вольдемортом, встретился с его собственным заклинанием, видел, как Сильнейшая палочка взлетела высоко вверх, темнея в лучах восходящего солнца, вращаясь на фоне волшебного потолка, как прежде голова Нагини, и устремилась по воздуху к хозяину, которого она не захотела убивать и который наконец смог завладеть ею в полной мере. И Гарри с безошибочной точностью ловца поймал её свободной рукой. Вольдемонт тем временем упал на спину, раскинув руки, узкие зрачки ярко-красных глаз закатились. Том Реддль рухнул на пол с будничной неизбежностью, его тело казалось слабым и ничтожным, белые руки были пусты, на змеином лице выражение равнодушия и неведения. Вольдемонт был мёртв, убит собственным отражённым заклинанием, и Гарри стоял с двумя палочками в руках, глядя сверху вниз на пустую оболочку своего врага.

Один трепещущий миг в зале стояла ошеломлённая тишина, а потом на Гарри обрушился шквал: воздух взорвался криками, поздравлениями, рёвом толпы. Новое, яростное солнце ослепительно горело на оконных стёклах. Все ринулись к Гарри, и первыми возле него оказались Рон и Гермиона — это их руки обхватили его, это их нечленораздельные вопли едва его не оглушили. Потом подошли Джинни, Невилл и Луна, за ними — всё семейство Уизли и Хагрид, потом Кингсли, Макгонагалл, Флитвик и Стебль, и Гарри не мог разобрать ни слова из того, что ему кричали, не знал, чьи руки сжимали его, тянули к себе, пытались если не обнять, то хоть схватиться за него, их были сотни, и все проталкивались к нему, каждому надо было прикоснуться к Мальчику, Который Выжил, благодаря которому всё наконец-то закончилось...

Солнце неумолимо поднималось над Хогвартсом, и Большой зал был озарён светом и жизнью. Гарри был необходимой частью смешанного настроения торжества и скорби, горя и ликования. Всем хотелось видеть его рядом, он был их главой и символом, спасителем и путеводной звездой, и, кажется, никому не приходило в голову, что он давно не спал и что он жаждет общества лишь немногих из них. Он должен был говорить с теми, кто потерял близких, пожимать их руки, видеть их слёзы, принимать благодарности и вместе с ними узнавать новости, которые проникали со всех сторон по мере того, как разгоралось утро: что по всей стране люди, находившиеся под заклинанием Империи, пришли в себя, что пожиратели смерти бегут или захвачены в плен, что прямо сейчас из Азкабана освобождают невиновных и что Кингсли Кандалболт назначен временным министром магии.

Труп Вольдеморта унесли и положили в какой-то комнате в стороне от Большого зала, подальше от тел Фреда, Тонкс, Люпина, Колина Криви и ещё пятидесяти других, что погибли, сражаясь с ним. Макгонагалл вернула на место факультетские столы, но никто не стал рассаживаться по факультетам: все смешались, учителя и ученики, родители и призраки, кентавры и домашние эльфы. В углу лежал, восстанавливая силы, Флоренц, а Гроп заглядывал к ним через разбитое окно, и ему бросали еду прямо в смеющийся рот. Через некоторое время Гарри, вымотанный и опустошённый, оказался на скамье рядом с Луной.

— Если бы я была на твоём месте, мне бы хотелось тишины и покоя, — сказала она.

— Да уж, не отказался бы, — ответил он.

— Я их отвлеку, — предложила она. — Надень свой плащ.

И прежде чем он успел произнести хоть слово, она воскликнула: "Ой, смотрите, лопотящий чвак!" и показала пальцем в окно. Все, кто её услышал, обернулись, а Гарри незаметно натянул на себя плащ и встал из-за стола.

Теперь он мог без помех двигаться по залу. Через два стола от себя он разглядел Джинни, она сидела, положив голову на плечо матери. У них ещё будет время, чтобы поговорить — попозже, будут часы, дни, а может быть, и годы. Он видел Невилла, который ел, окружённый кучкой восторженных почитателей, а меч Гриффиндора лежал возле его тарелки. Двигаясь по проходу между столами, Гарри заметил всех трёх Малфоев, они жались друг к другу, кажется, не

вполне уверенные, можно ли им здесь находиться, но никто не обращал на них внимания. Куда бы он ни посмотрел, всюду видел воссоединившиеся семьи, и наконец нашёл тех двоих, к кому он стремился больше всего на свете.

— Это я, — тихонько проговорил он, нагнувшись между ними. — Не выйдете со мной?

Они сейчас же встали и все вместе — Гарри, Рон и Гермиона — вышли из Большого зала. От мраморной лестницы были отколоты большие куски, не хватало части балюстрады, и поднимаясь, они то и дело замечали каменные обломки и пятна крови.

Было слышно, как где-то вдалеке по коридорам носится Пивз, распевая победную песню собственного сочинения:

Мы им наподдали, и Волди прокис,  
Наш Потти всех круче, гуляй, веселись!

— Да уж, это как нельзя лучше передаёт масштаб и драматизм всей истории, вам не кажется? — сказал Рон и толкнул дверь, пропуская Гарри и Гермиону.

Счастье придёт, думал Гарри, но сейчас его заглушала усталость, а боль от потери Фреда, Люпина и Тонкс через каждые несколько шагов пронзала его как боль от раны. Его главным чувством было невероятное облегчение, и ещё ему ужасно хотелось спать. Но сначала он должен был объяснить Рону и Гермионе, которые прошли с ним такой долгий путь и заслужили правду. В мельчайших подробностях он пересказал им то, что увидел в дымоотводе, и что произошло в лесу, и они не успели ещё начать выражать своё изумление, как уже оказались там, куда хотели попасть, хотя никто из них не упоминал цели их прогулки.

С тех пор как он видел её в последний раз, горгулья, охранявшая вход в кабинет директора, была отброшена в сторону; она покосилась и казалась слегка подвыпившей, и Гарри засомневался, сможет ли она теперь различать пароли.

— Нам можно войти? — спросил он горгулью.

— Будь как дома, — проскрипела статуя.

Они перелезли через неё и ступили на каменную винтовую лестницу, которая медленно ползла вверх, как эскалатор. На верхней площадке Гарри толкнул дверь.

Он только успел бросить быстрый взгляд на каменную чашу дымоотвода, стоявшую на столе там, где он её оставил, как оглушительный шум заставил его вскрикнуть — ему сразу пришли на ум проклятия, возвращение пожирателей смерти и возрождение Вольдеморта...

Но это были овации. Директора и директрисы Хогвартса на всех стенах аплодировали ему стоя, они размахивали шляпами, а кое-кто — париками, они тянулись через рамы, чтобы пожать друг другу руки, и подпрыгивали в своих нарисованных креслах; Дилис Дервент без стеснения рыдала; Декстер Фортескью потрясал слуховым рожком, а Финеас Найджеллус выкрикивал своим тонким, пронзительным голосом:

— И позвольте заметить, что факультет Слизерин тоже сыграл свою роль! Про наш вклад не следует забывать!

Но Гарри замечал только одного человека, который стоял на самом большом полотне, что висело прямо за директорским креслом. Слёзы катились из-под очков-полумесяцев в длинную серебряную бороду, и исходившие от него гордость и благодарность наполняли Гарри таким же утешительным покоем, как песнь феникса.

Наконец Гарри поднял обе руки, и портреты почтительно замолчали, сияя улыбками, вытирая глаза и с нетерпением ожидая, когда он заговорит. Но он обращался только к Дамблдору, выбирая слова с особой тщательностью. Как бы он ни был измучен, как ни слипались у него глаза, нужно сделать ещё одно, последнее усилие, в последний раз попросить совета.

— То, что было спрятано в снитче, — начал он, — я уронил там, в лесу. Я уже точно не

помню где, но я не собираюсь идти туда его отыскивать. Вы согласны?

— Конечно, согласен, дорогой мой мальчик, — проговорил Дамблдор. На лицах его нарисованных коллег читалось недоумение и любопытство. — Мудрое и смелое решение, но меньшего я от тебя и не ждал. Кто-нибудь ещё знает, где он упал?

— Нет, никто, — ответил Гарри, и Дамблдор удовлетворённо кивнул. — Но подарок Игнотуса я всё-таки оставлю себе, — добавил он, и директор широко улыбнулся:

— Ну разумеется, Гарри, он всегда будет твоим, пока ты не передашь его по наследству!

— И теперь остаётся ещё вот это.

Гарри показал Сильнейшую палочку, и Рон с Гермионой уставились на неё с таким благоговением, что ему, даже в таком отупевшем и невыспавшемся состоянии, это было неприятно.

— Мне она не нужна, — сказал он.

— Что? — громко возмутился Рон. — Ты что, с ума сошёл?

— Да знаю я, что она могущественная, — устало произнёс Гарри. — Но со своей мне было лучше. Так что...

Он пошарил в мешочке, висевшем у него на шее, и вытащил две половинки палочки из остролиста, которые по-прежнему соединяло лишь тончайшее волоконец пера феникса. Гермиона сказала тогда, что её нельзя исправить, что повреждение слишком серьёзное. Он знал одно: если это не поможет, то не поможет уже ничто.

Он положил сломанную палочку на директорский стол, прикоснулся к ней самым кончиком Сильнейшей палочки и произнёс:

— Репаро.

Половинки соединились, и из палочки вылетели красные искры. Гарри понял: у него получилось. Он взял свою палочку из остролиста с пером феникса, и его пальцы ощутили внезапное тепло — казалось, рука и палочка радуются своему воссоединению.

— Я положу Сильнейшую палочку, — обратился он к Дамблдору, который смотрел на него с бесконечной любовью и восхищением, — назад, туда, откуда она была взята. Пусть остаётся там. Если я умру своей смертью, как Игнотус, то её сила разрушится, верно? Предыдущего хозяина никто не победит, и так с ней будет покончено.

Дамблдор кивнул, и они обменялись улыбками.

— Ты уверен? — спросил Рон. Он смотрел на Сильнейшую палочку, и в его голосе звучала еле уловимая нотка вожделения.

— Я думаю, что Гарри прав, — тихо произнесла Гермиона.

— От этой палочки больше неприятностей, чем она того стоит, — сказал Гарри. — И честно говоря, — он отвернулся от портретов, думая уже только о кровати с пологом, которая ждёт его в гриффиндорской башне, и спрашивая себя, не принесёт ли ему туда Скрипун бутерброд, — неприятностей мне уже хватило на всю жизнь.

# Глава заключительная. Эпилог. Девятнадцать лет спустя

Осень в этом году наступила как-то неожиданно. Утро первого сентября было хрустящим, как яблоко, и, когда небольшая семья, лавируя в толпе, пересекала шумную улицу, направляясь к громадному закопчённому вокзалу, выхлопной дым машин и дыхание пассажиров паутиной поблёскивали в холодном воздухе. На самом верху каждой из нагруженных тележек, которые толкали родители, дребезжали большие клетки, в них возмущённо ухали совы. Готовая расплакаться маленькая рыжеволосая девочка плелась позади своих братьев, цепляясь за руку отца.

— Осталось совсем немного, и ты тоже поедешь, — сказал ей Гарри.

— Два года, — всхлипнула Лили. — Я сейчас хочу!

Люди из пригородов с любопытством смотрели на сов, пока семья прокладывала свой путь к стене между платформами девять и десять, и до Гарри сквозь шум вокруг снова донёлся голос Альбуса — сыновья продолжили спор, начатый в машине.

— Я не буду! Я не буду слизеринцем!

— Джеймс, немедленно прекрати! — велела Джинни.

— Я только сказал, что он мог бы им быть, — ответил Джеймс, с ухмылкой глядя на младшего брата. — Ничего в этом такого нет. Он может быть слизеринцем.

Но тут Джеймс увидел выражение лица матери и замолчал. Пятеро Поттеров подошли к стене. Несколько самоуверенно взглянув через плечо на младшего брата, Джеймс забрал тележку у матери и побежал. Через мгновение он исчез.

— Вы ведь будете мне писать? — воспользовавшись отсутствием брата, немедленно спросил Альбус родителей.

— Каждый день, если захочешь, — сказала Джинни.

— Каждый день не надо, — быстро ответил Альбус, — Джеймс говорил, что большинство обычно получает письма из дома где-то раз в месяц.

— В прошлом году мы писали Джеймсу по три раза в неделю, — сказала Джинни.

— И не нужно верить всему, что Джеймс рассказывает тебе о Хогвартсе, — включился в разговор Гарри. — Твой братец у нас шутник.

Все вместе они начали толкать вторую тележку вперёд, разгоняясь. Когда они подкатились к стене, Альбус зажмурился, но столкновения не произошло. Вместо этого семья выехала на платформу девять и три четверти, окутанную густым белым паром, валившим из Хогвартс Экспресса. Во мгле, в которой уже растворился Джеймс, мельтешили нечёткие силуэты.

— Где же они? — с тревогой спросил Альбус, разглядывая смутные очертания предметов, мимо которых они пробирались вдоль платформы.

— Мы найдём их, — заверила его Джинни.

Но пар был густым, и было очень трудно различить чьи бы то ни было лица. Голоса, оторванные от своих владельцев, казались неестественно громкими, Гарри показалось, что он слышал, как Перси громко рассуждает о технике безопасности мётел, и он порадовался тому, что есть оправдание, почему можно не останавливаться, чтобы поздороваться...

— По-моему, это они, Ал, — неожиданно сказала Джинни.

Из тумана возникли четверо, они стояли у самого последнего вагона. Их лица стали чёткими только когда Гарри, Джинни, Лили и Альбус подошли к ним вплотную.

— Привет, — сказал Альбус, у него как будто гора с плеч упала.



Роуз, уже одетая в новенькую с иголочки школьную мантию, радостно улыбнулась ему.

— Нормально припарковался? — спросил Гарри Рон. — Я — да. А Гермиона не верила, что я смогу сдать маггловский экзамен по вождению. Она решила, что я Запутал экзаменатора.

— Вовсе нет, — возразила Гермиона. — Я полностью в тебя верила.

— На самом деле, я действительно Запутал его, — шепнул Рон Гарри, когда они вместе загружали сундук и сову Альбуса в поезд. — Я всё время забываю смотреть в боковое зеркало, но если честно, я могу использовать для этого заклинание Сверхчувствительности.

Вернувшись на платформу, они обнаружили, что Лили и Хьюго, младший брат Роуз, затеяли бурную дискуссию о том, на какой факультет их распределят, когда они, наконец, отправятся в Хогвартс.

— Если ты не попадёшь в Гриффиндор, мы лишим тебя наследства, — сказал Рон, — но мы не дадим.

— Рон!

Лили и Хьюго засмеялись, но Альбус и Роуз выглядели серьёзными.

— Он совсем не это хотел сказать, — хором заговорили Гермиона и Джинни, но Рон уже не обращал внимания. Перехватив взгляд Гарри, он украдкой кивнул, указывая на что-то ярдах в пятидесяти от них. Мгла ненадолго рассеялась, и на фоне клубов пара отчётливо были видны трое.

— Ты глянь, кто это.

Там с женой и сыном стоял Драко Малфой, его тёмное пальто было наглухо застёгнуто. Волосы были откинuty назад, и это подчёркивало острый подбородок. Новенький мальчик был так же похож на Драко, как Альбус на Гарри. Драко заметил, что Гарри, Рон, Гермиона и Джинни смотрят на него, коротко кивнул и снова отвернулся.

— Это, значит, и есть маленький Скорпиус, — вполголоса проговорил Рон. — Ты уж постарайся обойти его на каждом зачёте, Розы. Тебе, слава богу, мамины мозги достались.

— Рон, ради всего святого, — наполовину строго, наполовину весело сказала Гермиона, — не надо настраивать их друг против друга, пока они даже в школу не пошли!

— Ты права, извини, — ответил Рон, но не смог удержаться и добавил, — ты только не будь с ним слишком милой, Розы. Дедушка Уизли никогда не простит, если ты выйдешь замуж за чистокровного.

— Эй!

Джеймс объявился, он уже избавился от сундука, совы и тележки, и его распирало от новостей.

— А там Тедди, — пропыхтел он, через плечо указывая на вздымающиеся облака дыма. — Только что видел его! Ни за что не догадаетесь, чем он занят! Он целуется с Виктуар!<sup>[8]</sup>

Он посмотрел на взрослых, очевидно расстроенный отсутствием реакции.

— Наш Тедди! Тедди Люпин! Целуется с нашей Виктуар! С нашей двоюродной сестрой! Я спросил Тедди, что это он делает...

— Прервал их? — спросила Джинни. — Ты так похож на Рона...

— ...а он сказал, что пришёл проводить её! А потом велел мне уходить. Он с ней целуется! — добавил Джеймс, будто опасался, что недостаточно ясно всё объяснил.

— Ой, это было бы здорово, если бы они поженились! — с восторгом зашептала Лили. — Тогда Тедди бы стал по-настоящему частью нашей семьи!

— Да он и так приходит к обеду раза четыре в неделю, — сказал Гарри. — Отчего бы не предложить ему переселиться к нам и покончить с этим вопросом?

— Да! — воодушевился Джеймс. — Я запросто могу делить комнату с Алом... Мою комнату можно уступить Тедди!

— Нет, — твёрдо сказал Гарри, — вы будете жить в одной комнате с Алом, когда я захочу, чтобы наш дом разрушился.

Он посмотрел на старые потёртые часы, некогда принадлежавшие Фабиану Прюэтту.

— Почти одиннадцать, идите в вагон.

— Не забудь передать Невиллу нашу любовь! — обнимая Джеймса, попросила Джинни.

— Мама, я не могу передать любовь профессору!

— Но ты же знаком с Невиллом...

Джеймс закатил глаза.

— Не в школе — да, но там он профессор Лонгботтом, разве нет? Я не могу вот так запросто прийти на травологию и передать ему любовь...

Покачив головой над безрассудностью матери, он дал выход своим чувствам, стукнув Альбуса.

— Увидимся позже, Ал. Берегись тестралов.

— Я думал, они невидимые. Ты же сказал, что они невидимые!

Но Джеймс только засмеялся, позволил матери поцеловать себя, проворно обнял отца и нырнул в быстро заполняющийся поезд. Они увидели, как он помахал рукой, а потом убежал по коридору навстречу друзьям.

— Тебе нечего бояться тестралов, — сказал Гарри Альбусу. — Они довольно милые существа, в них нет ничего страшного. В любом случае, ты поедешь в школу не в карете, вас привезут на лодках.

Джинни поцеловала Альбуса на прощание.

— Увидимся на Рождество.

— До свидания, Ал, — сказал Гарри, когда сын обнял его. — Не забудь, что Хагрид ждёт тебя к чаю в следующую пятницу. Не связывайся с Пивзом. Не сражайся ни с кем, пока не научишься, как это делается. И не позволяй Джеймсу подначивать тебя.

— А что если я попаду в Слизерин?

Он шепнул это только отцу, и Гарри понял, что только отъезд вынудил Альбуса честно признаться в том, что больше всего пугало его.

Гарри присел на корточки, так что лицо Альбуса оказалось немного выше его собственного. Единственный из троих детей Гарри, Альбус унаследовал глаза Лили.

— Альбус Северус, — тихо проговорил Гарри, так, что никто, кроме Джинни, не слышал, и у неё было достаточно такта, чтобы сделать вид, что машет рукой Роуз, которая уже села в поезд, — тебя называли именами двух директоров Хогвартса. Один из них был слизеринцем и, возможно, одним из самых смелых людей из всех, кого я знаю.

— Но если вдруг...

— Тогда факультет Слизерин приобретёт превосходного ученика, разве нет? Для нас это не имеет значения, Ал. Но если это важно для тебя, ты сможешь выбрать между Гриффиндором и Слизерином. Распределяющая шляпа считается с твоим выбором.

— Правда?

— В моём случае так и вышло, — ответил Гарри.

Он никогда раньше не рассказывал этого детям и увидел на лице Альбуса удивление, когда сказал об этом. Но двери алого поезда уже захлопывались, размытые силуэты родителей суетливо целовали детей на прощание и давали последние наставления, и Альбус вскочил в вагон, а Джинни закрыла за ним дверь. Ученики высовывались из ближайших к ним окон. Множество лиц, и в поезде, и на платформе, казалось, были повёрнуты к Гарри.

— На что они все так уставились? — спросил Альбус, пока они с Роуз тянули шеи, чтобы посмотреть на других учеников.

— Пусть это тебя не тревожит, — ответил Рон. — На меня, я ужасно знаменит.

Альбус, Роуз, Хьюго и Лили засмеялись. Поезд тронулся с места, и Гарри пошёл рядом с ним, глядя на тонкое личико сына, уже сияющее от волнения. Несмотря на то, что это была тяжёлая утрата для него, Гарри продолжал улыбаться и махать, глядя, как сын уезжает прочь от него...

Последние клочки пара растворились в осеннем воздухе. Поезд свернул за угол. Рука Гарри всё ещё была поднята в прощальном жесте.

— С ним всё будет в порядке, — проговорила Джинни.

Гарри взглянул на неё, рассеянно опустил руку и дотронулся до шрама на лбу.

— Я знаю.

Шрам уже девятнадцать лет не беспокоил Гарри. Всё было хорошо.

## Название Переводчик

1. [Тёмный лорд идёт к власти](#) Дарья (aka Quibbler)
2. [In Memoriam](#) Елена Колесникова
3. [До свидания, Дурсли](#) Елена Медведева
4. [Семь Поттеров](#) Юлия Бессараб
5. [Павший воин](#) Денис Пшенко
6. [Упырь в пижаме](#) Дина Манапова
7. [Завещание Альбуса Дамблдора](#) Марина Мартынова
8. [Свадьба](#) Денис Пшенко
9. [Убежище](#) Полина Дроздова
10. [Рассказ Скрипуна](#) Денис Пшенко
11. [Взятка](#) Дарья (aka Quibbler)
12. [Магия есть Могущество](#) Елена Медведева
13. [Комиссия по регистрации магглорождённых](#) Полина Дроздова
14. [Вор](#) Юлия Бессараб
15. [Мсть гоблина](#) Денис Пшенко
16. [Годрикова лощина](#) Дина Манапова
17. [Секрет Батильды](#) Елена Колесникова
18. [Жизнь и ложь Альбуса Дамблдора](#) Марина Мартынова
19. [Серебряная лань](#) Юлия Бессараб
20. [Ксенофилий Лавгуд](#) Дарья (aka Quibbler)
21. [Сказка о трёх братьях](#) Елена Колесникова
22. [Дары Смерти](#) Елена Зубьюк
23. [Поместье Малфоев](#) Юлия Бессараб
24. [Мастер волшебных палочек](#) Елена Колесникова
25. [Коттедж Ракушек](#) Елена Медведева
26. [Гринготтс](#) Дарья (aka Quibbler)
27. [Последний тайник](#) Елена Зубьюк
28. [Недостающее зеркало](#) Юлия Бессараб
29. [Пропавшая диадема](#) Юлия Бессараб
30. [Увольнение Северуса Снейпа](#) Денис Пшенко
31. [Битва при Хогвартсе](#) Елена Колесникова
32. [Старшая палочка](#) Словик
33. [Повесть Принца](#) Дарья (aka Quibbler)
34. [Снова лес](#) Юлия Бессараб
35. [Кингс Кросс](#) Елена Зубьюк
36. [Ошибка Темного Лорда](#) Елена Колесникова
37. [Эпилог. Девятнадцать лет спустя](#) Юлия Бессараб

Примечания

Азиатский ландыш — комнатное растение с прикорневыми вечнозелёными кожистыми листьями и мелкими цветкам близ поверхности земли. Также известно как «дружная семейка» и считается символом мещанского благополучия (прим. пер.).

Улица в Лондоне, на которой расположена резиденция премьер-министра Великобритании (прим. пер.).

Он здесь больше не живёт! (нем.).



Я не знаю! (нем.).

Примерно 180 см, что соответствует среднему человеческому росту (прим. пер.).

Маггловское лекарство, используемое при лечении заболеваний кишечника (прим. пер.).

(прим. пер.: Форест-оф-Дин (Forest of Dean, Gloucester) — королевские охотничьи угодья, охраняемые с эпохи Средневековья, один из наиболее древних сохранившихся лесов Англии. Находится на территории графства Глостер. Он получил название в честь округа Форест-оф-Дин, на территории которого расположен. Лес изобилует буком, дубом и фруктовыми деревьями. [7]Также — округ, где выросла г-жа Дж. Роулинг [http://fanf-style.narod.ru/biography\\_rouling\\_short.html](http://fanf-style.narod.ru/biography_rouling_short.html))

(прим. пер.: Victoire (фр.) — победа)

<http://www.fweb.org.uk/dean/>